

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского федерального университета
2018

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

C561

Редакционная коллегия:

О. В. Горбачев, докт. ист. наук, проф. (ответственный редактор)

Л. Н. Мазур, докт. ист. наук, проф. (главный редактор)

О. С. Поршнева, докт. ист. наук, проф.

К. Д. Бугров, канд. ист. наук, доцент

А. П. Килин, канд. ист. наук, доцент

О. М. Семерикова, канд. ист. наук

Т. В. Соловьева, ст. преп.

Рецензенты:

С. Ю. Мальшева, доктор исторических наук, профессор,

Казанский федеральный университет

Сектор политической и социокультурной истории Института истории

и археологии УрО РАН (зав. сектором доктор исторических наук,

профессор *А. В. Сперанский*)

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы
C561 реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур;
М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал.
федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 558 с.
ISBN 978-5-7996-2489-7

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам советского проекта и его реализации. Большое внимание уделено идеям и мифам социалистической реконструкции, программам социальных преобразований в политической, экономической, культурной сферах, технологиям и механизмам реализации задач социалистического строительства.

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

На обложке:

Луиджи Руссоло. Восстание. 1911–1913.

Гаага Гемеентмузеум. Гаага.

*Издание поддержано грантом РНФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).*

ISBN 978-5-7996-2489-7

© Уральский федеральный университет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник продолжает серию научных изданий, начатую в 2016 г. и посвященную изучению раннесоветского общества как социального проекта¹. Как и прежде, мы сосредоточились на выявлении истоков преобразований, проводимых советской властью в первые десятилетия после прихода большевиков к власти.

Поводом к изданию сборника научных трудов, как и в предыдущих случаях, стала конференция, проведенная в Уральском федеральном университете (26–28 октября 2018 г.) в рамках реализации проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

С учетом того, что одной из целей конференции было подведение итогов проекта, в ее названии заложены хронологические рамки, охватывающие весь период раннесоветского проектирования – с момента прихода большевиков к власти до утверждения сталинской общественной модели. В результате появляется возможность проследить основные направления эволюции большевистской доктрины и выявить главные причины ее деформации по отношению к первоначальному замыслу.

Структура сборника призвана максимально широко отразить диапазон исследовательских интересов его авторов, начиная от необходимости теоретического осмысления сути большевистского реформирования, характеристики важнейших исторических источников по теме, до характеристики основных направлений преобразований. Мы по-прежнему заинтересованы в выяснении того, каким образом первоначальные идеи превращались в мифы, и какие соображения, помимо сиюминутной практической целесообразности, лежали в основе управленческих решений.

Мы с удовлетворением отмечаем, что существенным отличием этого сборника от предшествующих является наличие целого раздела, посвященного аудиовизуальным репрезентациям советского проекта, что свидетельствует о расширении исследовательского поля в условиях утверждения новых подходов, сформированных, в том числе, «визуальным поворотом», затронувшим и историческое знание.

---

¹ См. также: 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. трудов / под ред. О. С. Поршневой. Екатеринбург, 2016; Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. трудов / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017.

Новым является и раздел, содержащий статьи о национальном строительстве в первые десятилетия советской власти – тема, неизменно требующая особого внимания и сохраняющая актуальность на сегодняшнем постсоветском пространстве.

Редакционная коллегия сборника очень надеется на заинтересованный отклик читателей, а также на то, что эта книга будет способствовать углублению понимания процессов, сформировавших советский строй и обеспечивших его последующую трансформацию.

*Олег Горбачев
Людмила Мазур*

Раздел 1

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ:

ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ

УДК 94(47).084:141.8

Д. А. Тепляков

ИДЕЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

Статья посвящена осмыслению идеи пролетарской культуры Александра Богданова. Рассматривается, как Богданов терминирует понятие «культура». Уделяется внимание решению Богдановым проблемы преемственности «старой» и «новой» культуры. Оговаривается различие Богдановым пролетарской культуры и культуры социалистического общества. Новизна исследования видится в сопоставлении автором понятия «фетишизма» у Богданова и «фантазма» у Бердяева. Автор приходит к выводу: идея пролетарской культуры Богданова, с одной стороны, игнорирует факт этно-национальной культуры (наличие национального «культурного кода», национальной ментальности), в особенности ее крестьянскую составляющую («ядро культурного кода»), с другой — претендует на универсальный, общечеловеческий и даже надклассовый характер.

Ключевые слова: А. А. Богданов, марксизм, пролетарская культура, социализм, творчество, наука, образование, интеллигенция, историческая память, интеллектуальная история.

Богданов придерживается классического положения в марксизме: «путь к социализму идет через классовую борьбу пролетариата», расширяя его понимание: требуется не только грубая сила, но и знание, которое есть «могучее орудие в общественной борьбе» [Богданов, Путь к социализму, с. 21]. Словом, классовая борьба в понимании Богданова происходит не только на экономическом поле, но и в поле культуры. Тем временем, Александр Александрович уходит здесь в социологизаторскую крайность, провозглашая классовость куль-

туры, низведение духовной культуры до идеологии определенного класса: «тенденции культурного развития для различных... классов несходны и противоречивы» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 23]. Т. е. отрицается реальность этнической, национальной культуры, а тем более культурный код. Общечеловеческая культура, по мысли Александра Александровича, воплотится лишь в бесклассовом обществе [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 194].

Культура класса – это «вся совокупность его организационных форм и методов». Отсюда социализм, по Богданову, является *делом метода*: «Социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и «хозяйственный план», а новый мир культуры, с новыми, высшими методами» [Богданов, Вопросы социализма, с. 331, 334]. Революции прошлого, опирающиеся на «возвращение» к традиции, приходили к стихийным и неорганизованным результатам [Богданов, Вопросы социализма, с. 312]. Богданов видит «панацею» в выработке пролетариатом своих организационных методов (но ведь и они могут быть искажены. – *Т. Д.*), которые и приведут его к победе. Напротив – следование старым методам, логике других классов обрекают пролетариат на положение «объекта» социальной манипуляции («живого материала промышленности, пушечного материала милитаризма») [Богданов, Вопросы социализма, с. 313–314]: «Одно из 2-х, – отмечает в записных книжках Богданов: либо он принимает старую культуру, методы др. классов – и вместе с тем подчиненное положение; или он создает свою культуру, свои методы, подчиняет им свои организаторские силы, откуда бы они не пришли – и тогда, как господин хода вещей, выполняет свою историческую миссию» [Богданов, Записные книжки, л. 42].

Главная забота – в создании культурных условий для социализма. Богданов, в отличие от Ленина, смещает главный акцент революции с завоевания политической власти на культурную подготовку, для которой требуется время, – чудо в виде мгновенного «просветления» всех и сразу произойти не может [Богданов, Вопросы социализма, с. 335]. В «Вопросах социализма» программа пролетарской культуры обозначается Богдановым как смычка между политической программой минимум и максимум: «Является ли программа-минимум непосредственной подготовкой к выполнению программы-максимум? Очевидно, нет: если пролетариат создает себе сносные условия жизни *в рамках* старого строя, если он *приспособляется* к нему и *приспособляет* его к себе, каким образом это может непосредственно готовить пролетариат к делу *разрушения* старого строя и *творческой замены* его иным, принципиально новым?» [Богданов, Вопросы социализма, с. 321].

Богданов убежден, что без *способности к творчеству* пролетариат не сможет стать самостоятельным и полноценным социальным субъектом – строителем нового мира. В связи с этим он обрушивается с критикой на точку зрения социал-демократов, пренебрегающих вопросом культуры: «нельзя быть надежными идеологами рабочего класса, – полагает Богданов, – людям, которые проникнуты таким глубоким недоверием к его творческим силам» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 30]. Исходя из позиции «неверующих», пролетариату остается лишь следовать «приглаженному» ортодоксами марксизму, превращенному в уличные лозунги-кричалки. В записных книжках Богданов отмечает опасность тенденции к бюрократизации «авангарда» (профессиональных революционеров – руководителей партии): «Борьба против актуальности задачи пролетарской культуры до захвата власти пролетариатом есть борьба за диктатуру революционной институции над пролетариатом» [Богданов, Записные книжки, л. 30].

Пролетариат, будучи полноценным социальным субъектом и наследником общечеловеческой культуры прошлого, по Богданову, не воспринимает ее пассивно, а перерабатывает на основе своих принципов: «Пролетариат, конечно, законный наследник художественного богатства старой культуры. Но культурное наследство не достигается без усилий... И для этого один способ: надо иметь свою культуру, чтобы с ее новой точки зрения осветить и понять продукты старого творчества» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 75; Богданов, Десятилетие отлучения от марксизма, с. 85]. По мысли Богданова, новая культура ассимилирует старую, преобразуя ее на свой лад: «Создавая новое искусство, коллективизм преобразует старое, и делает его своим воспитательным средством, своим организационным орудием» [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 195]. Такое преобразование старого в новом произойдет не только в искусстве, но и в идеологии, науке, нормативно-правовой сфере и т. д. [Богданов, Вопросы социализма, с. 332].

Богданов выделяет четыре «элемента», составляющих пролетарской культуры. Первый из них – *любовь* к труду и *гордость* труда (чего не было у эксплуатируемых классов, живущих в эпохах до промышленного капитализма). Любовь – потому что пролетарий является организатором «машины», а гордость – «он видит постоянно на своей работе, как труд побеждает природу, побеждает стихии» [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 39]. Элемент классовой борьбы – навязанный пролетариату силой существующих общественных отношений, отрицательный элемент. Пролетариат вынужден бороться, чтобы жить и защищать себя, чтобы развиваться. Это элемент временный, который при социализме заменится творчеством: «пролетарская культура определя-

ется в основе не борьбой, а трудом, не разрушением, а творчеством» [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 90, 91].

Поговорим о втором элементе пролетарской культуры. Учитывая тот момент, что «капитализм практически организуется при посредстве *права* частной собственности и *морали* индивидуализма» [Богданов, Вопросы социализма, с. 325], социализм должен быть построен на иных – товарищеских принципах. Разумеется, при капитализме в мышлении рабочего класса сохраняется много элементов старых «культур»: авторитарной и индивидуалистической. Полного их исчезновения при отсутствии материальной свободы и культурного прогресса ожидать нельзя. В Англии ввиду самого долгосрочного мануфактурного периода в среде пролетариата укоренились буржуазные ценности. Такой же скепсис у Богданова в отношении американского рабочего класса [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 184, 185]. Что самое удивительное, российское *общинное* крестьянство, настроенное сугубо антикапиталистически, Богданов при этом считал мелкой буржуазией. В рамках взаимоотношений пролетария (при устранении внутриклассовой конкуренции) и капиталиста индивидуализм вытесняется коллективизмом: «индивидуальный договор найма уступает место коллективному, капиталист вынужден иметь дело с профессиональным рабочим союзом. Продажа-покупка рабочей силы, с устранением конкуренции между рабочими, превращается в борьбу классового пролетарского коллектива против буржуазного контр-коллектива». Все же надо сказать, что при капитализме конкуренцию между рабочими за рабочее место устранить невозможно. «В товарищеской дисциплине, – уверен Богданов, – неизбежно должно с течением времени растворяться индивидуальное честолюбие». Однако, тут же Богданов замечает, что «сохраняется в рабочих организациях институт “лидерства”, т. е. не формального а фактического подчинения многих отдельным авторитетам – институт, совершенно необходимый для буржуазных организаций при анархичном индивидуализме их членов, но безусловно вредный для рабочего класса на нынешней ступени его развития» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 47, 48, 52]. В записных книжках Богданова встречается такая мысль: «Пролетарские массы жаждут великих вождей, не понимая, что суть решения исторической задачи не в вождях, а в методах» [Богданов, Записные книжки, л. 33]. Позднее Богданов к вождизму относится более терпимо: «развивается контроль класса над вождями, и они становятся таковыми постольку, поскольку выражают стремления и сознание этой массы» [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 55]. Тектолог, учитывая классовый авторитаризм капиталиста в отношении пролетария, надеется, что «борьба ведется не

за перемену властителя, не за то, чтобы самим лично стать властителями, а за *ограничение власти*, за изменение самого способа организации» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 49, 51], и «вместо индивидуализма буржуазии, против авторитарности поднимается коллективизм, жажда освобождения классового и с ним общечеловеческого» [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 186]. По мысли Богданова, «именно товарищеское сотрудничество является для рабочего класса его специфической формой организации» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 54]. Опять же здесь из виду Богдановым исключается русское общинное крестьянство. Товарищеское сотрудничество определяется Богдановым как «коллективное обсуждение, коллективное решение и затем коллективное исполнение того, что принято» [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 43–44]. В записных книжках Богданов определяет товарищество следующим образом: «Товарищество – это центр мироотношения, это высшая точка зрения, с которой оцениваются формы сознания, а природа перестает быть безразличной и враждебной средой, становится полем общественного действия – опоры гордого сознания силы (без оптимизма) опять определяемого товариществом» [Богданов, Записные книжки, л. 86]. Причем коллективизм, по Богданову, является высшей формой универсализма, призванной очеловечить Вселенную: «Коллективизм познания есть активный универсализм, т. е. выражает реальную тенденцию к осуществлению универсализма: человечество организует мир, – но он еще не организован по-человечески, универсализм же пантеистов и панпсихистов есть созерцательный, т. е. фиктивный...» [Богданов, Записные книжки, л. 94]. Вдобавок текстолог формулирует различие демократического сознания от коллективизма: «В демократическом сознании есть коллегиальность, т. е. сознание того, что силы объединены и должны действовать согласно; но нет коллективизма, при котором сознается и полное внутреннее единство целей». Богданов полагает: процедура демократического голосования превращает человека в *отвлеченную* (=обезличенную) единицу, которая должна подчиниться авторитету большинства. «Если коллектив есть единое целое, – замечает текстолог, – то вопрос решается не большинством и меньшинством, а единодушием, единогласием» [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 76–77].

Раскромом третий элемент пролетарской культуры. При социализме человечество, по Богданову, должно достигнуть некоего «просветленного» состояния, завершающего историческую стрелу времени, заключающуюся в смене «фетишистских» (=ложных) способов мышления. Богданов понимает фетишизм как «вообще всякое извращенное представление действительности» [Там же, с. 52]. Это поразительно

схоже с понятием фантазма у виднейшего представителя «идеалистического» лагеря (точнее, идеал-реалистического) – Н. А. Бердяева, фантазма как того, что извращает реальность, того, что «делает человека антиреалистом, идеалистом в дурном смысле слова». «В мире фантазмагорическом, – утверждает Бердяев, – все реальности смещены со своих мест и извращены, структура бытия нарушена и все отнесено к эгоцентрическому существу, одержимому теми или иными страстями» [Бердяев, О назначении человека, с. 193, 194]. По Богданову, фетишизм присутствует в религиозных верованиях/представлениях (по его мнению, цементирующих авторитарную концепцию «божественной природы власти»), нормах морали и права. В частности, тектолог полагает: этика, красота, истина и справедливость являются относительными, каждый социальный класс их волен трактовать по-своему, что является несомненным креном в сторону релятивизма. Фетишизм Богданову представляется в качестве воплощения отвлеченного, спекулятивного идеализма, метафизики, оторванных от реальности и от человека, в то же время насилующих реальность и человека посредством авторитарной власти через принудительные моральные и правовые нормы. Последним противопоставляется «целительное», «спасительное», строгое и сухое монистическое научное мышление [Богданов, Краткий курс экономической науки, с. 282]. Наиболее концентрированно эта мысль отразилась в записных книжках: «Технизм – в центре наука – законы, подлежащие познанию. Норматизм – в центре идея власти, законы, которые предписываются» [Богданов, Записные книжки, л. 33]. Заметим, что, в сущности, между ними различий нет: естественнонаучные законы предписываются «властью природы» над человеком. Если брать конкретно капитализм, то в качестве его основополагающих фетишей Богданов выделяет частную собственность, товарную ценность, власть рынка и конкуренции [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 52, 53, 57–60, 64, 65, 66; Богданов, Вопросы социализма, с. 95]. Добавим: и Бердяев трактует капитализм – «мир банков, биржи, бумажных денег, чеков и векселей, реклам, конкуренции и погони за легкой наживой» – в качестве мира фантазмагорического [Бердяев, О назначении человека, с. 196]. Богданов утверждает: по существу своему фетиши *бесчеловечны* по причине отвлеченности, оторванности от человека и трудового коллектива с их потребностями. Наиболее ярко этот тезис иллюстрируется ролью естественных и технических наук в первой мировой войне: безразличием применения ее результатов – «к творчеству ли человеческому, к истреблению ли всего человечества». Что удивительно, избавление от бесчеловечного фетишизма тектолог видит у «коммунистического христианства античного мира» в выражении из Евангелия: «Суббота

для человека, а не человек для субботы». Возвращаясь к пролетарской культуре, он оговаривает не только ее классовость, но и общечеловечность, проявляющуюся в коллективно-трудоёмом характере жизни человечества. «*Общечеловеческое*: то, – утверждает Богданов, – что в человечестве *всегда* (курсив мой. – Т. Д.) было, но чего оно не признавало». Если под фетишами *всегда* скрывалась коллективно-трудоёмая связь человечества, то Богданову приходится отойти от первоначальной релятивистской точки зрения об истине, справедливости, красоте и т. д. к их более конкретно-объективному пониманию [Богданов, Элементы пролетарской культуры, с. 68, 69, 71, 72, 89]. Характеризуя пролетарскую товарищескую солидарность, Богданов дистанцируется от термина «моральные принципы», заменяя его «организационной потребностью/целесообразностью коллектива» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 83–84, 85; Богданов, Наука об общественном сознании, с. 197]. Причем Богданов заходит гораздо дальше и социальные нормы будущего приравнивает к *техническим* нормам [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 86] и правилам, к «научным положениям», нарушителями которых могут быть лишь люди с «психическими» отклонениями, к которым может быть применено «врачебное» насилие [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 197]. В какой-то степени Богданов предвосхищает грядущую практику заключения оппозиционно настроенных лиц в психиатрические больницы, однако опасности в этом не усматривает. Пролетарские нормы, по Богданову, условны и пластичны, что застраховывает их от «закостенения» и от бюрократического овладения человеком, они исходят из интересов и потребностей коллектива: «устав для коллектива, а отнюдь не наоборот» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 86, 87].

Богданов убежден: искусство сможет облагородить агитацию и пропаганду, сделав ее живой и красочной, пробуждающей сознание, а не обыденно-истеричной [Богданов, Вопросы социализма, с. 330]. Объектом пролетарского искусства, как считает Богданов, должен быть мир классового опыта в целом (т. е. все общественное бытие), а не только быт рабочего класса [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 77]. Центральной фигурой художественного произведения, по Богданову, становится не личность, а коллектив сначала классовый, а затем и общечеловеческий в борьбе с природой: «Новое искусство делает своим героем не индивидуума, а коллектив и человека в коллективе» [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 194; Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 91]. Вот как очерчивается Богдановым роль автора: «Если даже видимым автором книги, картины, теории, нормы является определенная личность, то действитель-

ный генезис их гораздо шире и глубже, он коренится в коллективе». Как бы авторское право Богдановым отрицается. Автор является *организатором* «данного материала, а через то, в известной мере, и самой коллективности», что, по Богданову, схоже с «ролью сборщика машинных частей в механическом производстве» [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 39]. В этом механицистском представлении есть некоторое преддверие постмодернистского подхода, где текст представляет собой лишь сборник цитат. Данной риторике, отчасти отстраняющей личность, противоречат мысли Богданова из других работ: «Только в социалистическом строе возможен полный расцвет духа и выявление личности» [Богданов, Что такое социализм?, с. 5].

Интеллигенцию Богданов считает промежуточным, несамостоятельным социальным слоем, который в культурном плане работает лишь на социальное усиление других классов, значит, он не может «явиться определяющей силой для культурных задач эпохи». Между тем, в кризисные времена, в «точке бифуркации» роль интеллигенции, по утверждению Богданова, повышается [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 27]. Социалистическая интеллигенция, неся свет науки в пролетарские массы, поможет создаться собственной «органической» пролетарской интеллигенции [Богданов, Путь к социализму, с. 23]. По мысли Богданова, нужна новая интеллигенция, выходящая из среды пролетариата, но не уходящая от него, проникнутая его общими переживаниями [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 69]. «Для художественного творчества, – полагает Богданов, – обязательна конкретность и целостность отражения жизни, а потому необходимо более полное и непосредственное проникновение во все переживания коллектива, чем для творчества научного и философского». Исходя из этого, «пришельцы»-художники из других классов для пролетариата – исключение более редкое, чем ученые и философы. Поэтому «из простого соединения писателя-интеллигента с желанием служить делу пролетариата, – утверждает Богданов, – мы еще не получим пролетарского писателя». Пролетарский деятель искусства должен жить жизнью нового коллектива, ощущать глубоко в своем сердце его радости и печали, учиться воспринимать мир его глазами, а идеолог же, по Богданову, как индивид, может и не принадлежать к «своему» классу [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 78–80, 43]. Чуть позже Богданов высказывает мысль совершенно иную – пролетарий-художник может вести свою профессиональную жизнь (как и в буржуазном обществе. – *Т. Д.*), оторвавшись от производства, т. е. превращаясь из пролетария в интеллигента [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 195]. Не повлечет ли это за собой карьеризм и социальное расслоение в контексте нового общества?

Коснемся четвертого элемента пролетарской культуры – «единства методов». По словам Богданова, в настоящее время наука буржуазна по своему миропониманию и мироотношению – это далеко не только открытая защита и апология буржуазных интересов, а – гораздо глубже – система мышления. По Богданову, необходимо преобразовать науку в смысле трудового коллективизма, – как Маркс политэкономии и историю, частью также и науку о мышлении [Богданов, Вопросы социализма, с. 308–309], – сделать само изложение наук проще и доступнее для рабочих, не ослабляя научной строгости и точности [Богданов, Вопросы социализма, с. 309; Богданов, Путь к социализму, с. 24; Богданов, Наука об общественном сознании, с. 190], т. е. провести демократизацию научного знания. Пролетариат должен выработать свою *новую энциклопедию* [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 55–57]. На интеллигентские энциклопедии надежды нет, потому что, по убеждению Богданова, интеллигентам присущ индивидуализм, претензия на оригинальность мысли, что не позволяет прийти к общей позиции. Новая энциклопедия должна быть подготовлена посредством преобладающего прямого участия пролетариата по результатам работы Пролетарского университета: «Тут она будет питаться опытом и мыслью того класса, которому она прежде всего необходима, как идейная опора в собирании сил для его великой, надклассовой миссии». Вот как Богданов обозначает круг студентов такого университета: «В нем должны завершать свою идейную выработку люди уже взрослые по существу, с серьезным опытом в сфере труда и социальной борьбы». Целью Пролетарского университета, по Богданову, является «всестороннее ознакомление людей, вполне способных к самостоятельной работе, с общими ее методами в различных областях практики и теории», воплощение которой можно уместить в один-два года обучения. Исходя из опыта современной образовательной практики, мы приходим к такому суждению: для сколько-нибудь серьезного и основательного обучения недостаточно даже пяти-шести лет, а происходящее сокращение учебных программ в рамках «оптимизации» приводит к значительному и потрясающему понижению качества образования. Учебный процесс в Пролетарском университете, по мысли Богданова, складывается на демократических основах: курс лекций составляется из вопросов учащихся [Богданов, Культурные задачи нашего времени, с. 59, 68, 69, 74, 70, 71–72]. Заметим, что для этого стартовый интеллектуальный уровень учащихся должен быть на высоте, к тому же в них должен быть воспитан навык самоуправления.

Окончательный переход к коллективистской культуре, по Богданову, совершится только при социализме: «переход от одной культуры к другой, иной по самому типу, есть гигантская перестройка; он

вполне наметился и определился среди господствующего смешения их элементов, – но завершится он лишь тогда, когда все необходимые для него силы будут экономически освобождены» [Богданов, Наука об общественном сознании, с. 185]. Богданов разграничивает пролетарскую культуру, формирующуюся в рамках капитализма, и культуру социалистического общества: «Без сомнения, социалистическая культура пролетариата не вполне то, что культура социалистического общества. Еще бы: юноша не то, что зрелый человек; одна стадия процесса отличается от другой. Но различие не в принципах, не в качестве – различие в степени» [Богданов, Вопросы социализма, с. 351]. Но беда в том, что сам пролетариат еще не выработал в себе пролетарской культуры, формирующей социалистический идеал: «Проникнут ли рабочий класс уже в настоящее время социалистическим идеалом? Только частью, но далеко еще не весь и не вполне» [Богданов, Путь к социализму, с. 15]. Богданов, отражая опыт первой мировой войны, делает весьма трагическое для себя умозаключение: «Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего». Пока пролетариат не выработал свои культурные принципы, организационные орудия «до тех пор он, – по убеждению Богданова, – очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм». Но, тем не менее, Вызов Времени требует социалистического переустройства: «А между тем мировая организационная задача *поставлена* ходом вещей, который, под угрозой полного крушения цивилизации, требует, чтобы эта задача была разрешена насколько возможно быстрее. И мы знаем, что классы буржуазные разрешить ее не в силах, ибо они, по всему воспитанию, по всей культуре, непригодны для этого». Несмотря на неудачи, Богданов продолжает верить в осуществление идеала социализма: «Великие задачи стоят перед нашей эпохой. Путь к идеалу труден, но ясен. На этом пути могут быть поражения, но не может быть разочарования, ибо он есть сам идеал в его последовательном жизненном осуществлении» [Богданов, Вопросы социализма, с. 331, 332, 351].

Бердяев Н. А. О назначении человека: опыт парадоксальной этики. Париж, 1931.

Богданов А. А. Вопросы социализма // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. К. Парменова, Н. К. Фигуровской. М., 1990. С. 295–356.

Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914 // Неизвестный Богданов. В 3-х кн. / под ред Г. А. Бордюгова. Кн. 3.

А. А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914. М., 1995. С. 24–195.

Богданов А. А. Записные книжки // РГАСПИ. Ф. 259. Оп.1. Д. 26.

Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. Изд. 9-е, вновь испр. М., 1906.

Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911.

Богданов А. А. Наука об общественном сознании: (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914.

Богданов А. А. Путь к социализму. 2-е изд. М., 1917.

Богданов А. А. Социалистическое общество // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. К. Парменова, Н. К. Фигуровской. М., 1990. С. 90–99.

Богданов А. А. Что такое социализм?: Из истории и теории социализма. 2-е изд. Петроград, 1917.

Богданов А. А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса: Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весной 1919 г. М., 1920.

УДК 94(47).084.6(093)

А. А. Фокин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ В ДОКУМЕНТАХ «БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ»¹

В начале 2018 г. в Верхнеуральской тюрьме были найдены документы, датируемые 1932–1933 годами. Данный комплекс источников получил название «Тетради Верхнеуральского политического изолятора» (ТВПИ). Центральной частью ТВПИ являются несколько тетрадей, объединенных под общим заголовком «Кризис революции и задачи пролетариата». Данный подкорпус текстов представляет собой программу «большевиков-ленинцев», в которой они излагают собственный взгляд на основные аспекты политики в стране и в мире. Анализ ТВПИ и подкорпуса «Кризис революции и задачи пролетариата» позволяет выявить взгляды большевиков-ленинцев на настоящее и будущее советского государства. Критикуя деятельность сталинского режима, они разработывали собственную, параллельную, модель развития советского проекта.

Ключевые слова: большевики-ленинцы, левая оппозиция, Верхнеуральский политический изолятор.

¹ Автор благодарит за предоставленные документы ГУФСИН России по Челябинской области.

В начале 2018 г. ГУФСИН России по Челябинской области сообщило, что во время ремонта в Верхнеуральской тюрьме в камере № 312 под досками пола был обнаружен тайник, в котором находились документы, датируемые 1932–1933 годами. Из Верхнеуральска документы передали в Челябинск, где они оказались доступны для изучения. Данный комплекс источников получил наименование «Тетради Верхнеуральского политического изолятора».

Распространение проектов по собиранию архивов устной истории и дневников, публикации писем и других эгодокументов, интерес к исторической памяти как к своего рода альтернативе академической историографии, основанной на официальных документах – все это свидетельствует о переоценке отношения к архивному свидетельству как важнейшему условию объективной реконструкции прошлого. В этом новом контексте случайные находки типа ТВПИ вызывают интерес уже просто потому, что сегодня такие архивные сенсации – большая редкость. Но ждем ли мы от них каких-то откровений по сравнению с тем, что нам уже известно благодаря архивной революции 1990-х годов?

ТВПИ напоминают о том, что представления «тоталитарной школы» о всепроникающем полицейском контроле государства не отражали того факта, что даже в сталинском СССР многие люди продолжали мыслить и порой действовать вопреки установкам режима. ТВПИ также свидетельствуют о том, что деятельность левой оппозиции на рубеже 1920–1930-х гг. все еще не до конца изучена. Это связано в том числе с устоявшимся стереотипом о разгроме после 1927 г. сторонников Троцкого в СССР и, соответственно, переносом внимания исследователей на его деятельность за рубежом.

Ряд современных исследователей, как на всероссийском, так и на региональном материале, оспаривают эту точку зрения и аргументированно показывают, что деятельность левой оппозиции продолжалась на нелегальных условиях, в том числе и в местах заключения [Brouil; Гусев, Троцкистская оппозиция; Шабалин; Вакуленко]. Но до недавнего времени данные о деятельности левой оппозиции внутри СССР в 1930-е гг. были прежде всего косвенными: материалы в «Бюллетене оппозиции», мемуары, например, книга известного югославского коммуниста Анте Цилица [Ciliga], который с 1930 по 1935 гг. находился в различных политизоляторах. Можно сделать предположение, что ряд источников о деятельности левой оппозиции в подполье сохранился в ведомственных архивах, но большинство исследователей не имеют к ним доступа.

Как отмечает Алексей Гусев, Верхнеуральский политический изолятор, наряду с Ярославским и Суздальским, являлись центрами идейной жизни оппозиции после ее разгрома репрессивными органа-

ми. Опираясь на воспоминания Анте Цилига, который прибыл в Верхнеуральский политический изолятор в 1930 г., Гусев сообщает об издании в изоляторе журнала «Большевик-Ленинец». Вот как Цилига описывает журнал: «Какое разнообразие мнений было представлено здесь, какая свобода в каждой статье! Какая страстность и открытость в рассмотрении не только теоретических и абстрактных проблем, но и самых актуальнейших вопросов! Возможно ли еще реформировать систему мирными средствами или же требуется вооруженное восстание, новая революция? Сознательным или бессознательным предателем является Сталин? Его политика – это реакция или контрреволюция? Возможно ли устранить его при помощи простого смещения руководящей элиты или же необходима самая настоящая революция? Все статьи писались с абсолютной свободой, без каких бы то ни было умалчиваний, их авторы расставляли все точки над *i*, подписываясь – о, ужас! – своими полными именами» [Гусев, Сталинизм глазами троцкистов, с. 14]. Но если раньше исследователи только строили предположения о содержании этих публикаций, то находки ТВПИ позволяют получить доступ к первоисточникам.

Хронологически документы были созданы в 1932–1933 гг.; возможно, ТВПИ являются частью более обширного фонда документов, но ранние тексты или не сохранились, или еще не обнаружены. Поскольку находка в Верхнеуральске была сделана случайно во время ремонта камеры, есть вероятность, что будут найдены и другие тетради.

Описывая данный комплекс текстов, необходимо отметить, что по причине специфических условий хранения часть тетрадей оказалась сильно поврежденной, поэтому на данный момент невозможно точно определить количество отдельных текстов. Предварительно можно говорить о 30–35 отдельных документах, состоящие 27 из них позволяет уверенно определить их и работать с ними. Из них можно выделить подкорпус текстов, которые сами авторы обозначали как «Кризис революции и задачи пролетариата» (КРЗП). Это одиннадцать отдельных тетрадей, две из которых утеряны, но их название и примерное содержание можно установить из перечня всех документов. Таким образом, в подкорпус «Кризис революции и задачи пролетариата» входят следующие тексты: I. Стратегическая линия пролетарской революции; II. Эволюция классовых отношений в СССР; III. Мировое положение и Коминтерн; IV. Гос. хозяйство и перспективы его развития; V. Положение рабочего класса; VI. Сельское хозяйство; VII. Эволюция советского государства и опасность бонапартизма; VIII. Партия; IX. Тактика и задачи ленинской оппозиции; X. Программа практических предложений; XI. Заключение. Против оппортунизма! За революционную теорию и практику Маркса–Ленина!

Данный подкорпус текстов является центральным в рамках «Тетрадей Верхнеуральского политического изолятора», поскольку представляет собой программу «большевиков-ленинцев», в которой они излагают собственный взгляд на основные аспекты политики в стране и в мире. Сам этот факт показывает, что, даже находясь в заключении в 1932 г., представители левой оппозиции не считали свое положение безнадежным и видели некоторые перспективы в продолжении политической борьбы со сталинизмом.

До обнаружения ТВПИ представления об альтернативных путях развития СССР, которые разрабатывали представители левой оппозиции, можно было обнаружить в материалах Льва Троцкого и связанных с ним изданиях, прежде всего в «Бюллетене оппозиции». Необходимо упомянуть, что в некоторых выпусках этого издания есть информация и из Верхнеуральского политического изолятора, что свидетельствует о возможности коммуникации между заключенными и эмигрантами.

Базовой идеей, исходя из которой большевики-ленинцы строили свою программу, была концепция перманентной революции. Эта теория была актуализирована Львом Троцким, который в 1929 г. написал книгу «Перманентная революция», сама работа увидела свет в 1930 г. Автор, полемизируя с критиками, концептуализирует данную теорию и выступает против сталинского режима, обозначая его как национал-социализм. Опираясь на работу Льва Троцкого, а также активно цитируя Владимира Ленина, представители левой оппозиции Верхнеуральского политического изолятора отмечают, что даже после социалистической революции в России страна продолжает существовать в рамках мирового разделения труда. Исходя из этого они считают, что концепция построения социализма в одной отдельной взятой стране, которая утвердилась в СССР после внутривластной борьбы 1920-х гг., ошибочна, поскольку невозможно обеспечить национальные потребности в рамках закрытой и замкнутой системы. Также для большевиков-ленинцев была важна идея о невозможности разграничения внутренней и внешней политики. Они считали, что развитие классовой борьбы внутри страны тесно связано с общим ходом международной классовой борьбы. Поэтому в изолированной стране будут накапливаться противоречия, которые в итоге приведут ее к гибели. То есть целью социалистического государства должно быть не экономическое соревнование с капиталистическими государствами, а борьба с мировой буржуазией. Необходимо не замыкаться в рамках одной страны, а выводить диктатуру пролетариата на международный уровень.

В этом контексте интерес представляет восприятие левой оппозицией колхозного строя. По мнению «большевиков-ленинцев», ста-

линское руководство, вместо того, чтобы решать проблемы деревни, загнало их в колхозную систему, априорно определив ее как социалистическую. Если официальные взгляды на колхозы отличало стремление ликвидировать социальное расслоение деревни и кулачество как класс, то в документах ТВПИ прослеживается мысль, что колхозы являются прикрытием для капиталистических тенденций, в рамках которых бедняки эксплуатируются зажиточными колхозниками. Такое положение «большевики-ленинцы» связывают с тем, что «сталинский централизм» нуждается в социальной опоре, но в рабочем классе она найдена не была, а с кулаками велась борьба. Таким образом, с точки зрения левой оппозиции, «сталинский централизм», создавая колхозы, стремился заручиться поддержкой крестьянского середняка.

По мнению «большевиков-ленинцев», опора на колхозного середняка связана с тем, что интересы бюрократии и рабочего класса расходятся между собой. Теория построения социализма в одной стране идет навстречу социальным потребностям советской бюрократии, становящейся все более консервативной в своих стремлениях к национальному режиму и требующей окончательного освящения совершившейся революции. Это интересная мысль, поскольку она предполагает наличие нескольких моделей восприятия Октябрьской революции. Линия, которая была реализована в СССР, предполагала формирование «мифа основания», где Революции отводилось центральное место, поскольку она начинала новую, подлинную историю. Но при таком подходе предполагалось, что Революция является завершенным процессом, фундаментом, на котором возводится новое советское общество. Альтернативный взгляд «большевиков-ленинцев» заключался в том, что Революция не может быть закончена до окончательной победы. В таком случае превращение революции в миф есть поражение революции и отказ от дальнейшей борьбы. В таком восприятии образ Революции из символа освобождения превращается в орудие контроля со стороны политической бюрократии.

Что же в таком случае предлагали «большевики-ленинцы» для выхода из кризиса? В 1932 г. они видели два пути развития советского государства. В одном варианте они предполагали, что в СССР произойдет буржуазная реставрация, инструментом которой будет насильственный переворот. Правда, неясно, кто, по мнению левой оппозиции, будет инициатором этого переворота – переродившаяся советская бюрократия, которая таким образом стремится закрепить свое доминирующее положение, или остатки буржуазии, которые, воспользовавшись ситуацией, смогут взять реванш. Но причиной этого переворота будет потеря советской властью поддержки населения.

Второй сценарий развития предполагал восстановление в полном объеме диктатуры пролетариата. Таким образом, позиция «большевик-ленинцев» фиксировала кризис идеи диктатуры пролетариата, который мог завершиться или полной потерей власти со стороны рабочего класса, или восстановлением принципов первых лет советской власти. Важно отметить, что борьба за восстановление диктатуры пролетариата описывается как политическая. То есть главным средством должны были стать реформы и очищение, а не насильственный захват власти и смещение руководства страны.

Политические изменения должны были привести и к преобразованиям экономической сферы. «Большевики-ленинцы» считали, что для сохранения советской власти необходимо восстановить доверие крестьян к государству, которое было подорвано авантюризмом в промышленности и сельском хозяйстве. Государственная экономика должна не только базироваться на развитой промышленности, но и играть роль смычки между городом и деревней. При этом развитие и сельское хозяйство, и промышленности должно находиться в равновесии. Признавая ведущую роль государства как регулятора, они тем не менее считали, что при наличии планового регулирования необходимо использовать и рыночные механизмы. Так в 1932 г. «большевики-ленинцы» противопоставляли сталинской политике форсированной индустриализации и коллективизации вариант возврата к НЭП. Возможно, не в полном объеме, но НЭП представлялась им тем путем, который позволит сохранить единство рабочих и крестьян. Такая точка зрения показывает, что взгляд на представителей левой оппозиции как на сторонников масштабной и радикальной индустриализации во многом является стереотипным. Важно отметить, что возврат НЭП предполагал только экономическую составляющую, рыночные методы должны были находиться под строгим контролем пролетариата. Именно партия и пролетариат должны решать, где проходят границы рыночных отношений. В такой ситуации крестьяне, являясь субъектами экономических отношений, в поле политики воспринимались только как объекты.

В этой ситуации сталинский централизм, по мнению «большевик-ленинцев», борясь с левой оппозицией, помогал буржуазии приблизить реванш. Ситуацию в стране «большевики-ленинцы» по-прежнему видели как арену борьбы между пролетариатом и буржуазией. В этом ракурсе главную угрозу представляла не сталинская система: судя по имеющимся документам, они не видели долгосрочной перспективы для режима личной власти Сталина, хотя и воспринимали его как некий общемировой тренд. Основную угрозу они видели в буржуазном термидоре, для которого национал-социализм прокладывал путь.

Анализ позиции «большевиков-ленинцев» по ключевым вопросам развития страны ставит важный вопрос: каким образом находившиеся в заключении авторы ТВПИ планировали начать реформирование советской системы и тем самым предотвратить реванш буржуазии? Что, в свою очередь, заставляет задуматься о том, для кого предназначались эти тексты. Воспринимали ли «большевики-ленинцы» себя подобием революционеров начала XX в., которые, сидя в тюрьмах, строили планы свержения царизма? Насколько они верили в возможность реализации собственных планов? Представляется, что можно выявить две мотивации создания ТВПИ. С одной стороны, они играли роль «точки сборки» идентичности части заключенных Верхнеуральского политического изолятора. Находясь в заключении, в условиях политического поражения, эти люди таким образом поддерживали себя в рамках определенной группы, которая не просто стремится к физическому выживанию в заключении, но видит более значимую причину своего существования. Можно рассматривать работу над созданием ТВПИ как инструмент преодоления экзистенциального кризиса оппозиции. С другой стороны, многие из заключенных имели опыт нахождения в царских тюрьмах. Кроме того, относительная мягкость по отношению к политическим противникам в начале 1930-х гг. позволяла «большевикам-ленинцам» рассчитывать, что их политическая программа в условиях кризиса как внутри страны, так и за ее пределами станет актуальной и послужит основой для возвращения к диктатуре пролетариата и строительству подлинного социализма.

Вакуленко А. А. Политическая публицистика коммунистической оппозиции: 1929–1941 гг.: дисс... канд. ист. наук. Тюмень, 2009.

Гусев А. В. Сталинизм глазами троцкистов: дискуссии о характере сталинского режима в среде левой коммунистической оппозиции в конце 1920-х – 1930-е гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. Москва, 2015. С. 7–17.

Гусев А. В. Троцкистская оппозиция в конце 20-х – начале 30-х годов: дисс... канд. ист. наук. Москва, 1996.

Шабалин В. В. Пейзаж после битвы. Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь, 2003.

Brouil Pierre. Party Opposition to Stalin (1930–1932) and the First Moscow Trial // John W. Strong (Ed.). Essays on Revolutionary Culture and Stalinism. Slavica Publishers, 1990. P. 98–111.

Ciliga Anté. Dix ans au pays du mensongedéconcertant / Anté Ciliga. Paris, 1977.

УДК 94(47).084.5

О. Т. Ермишин

«СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОЦЕНКАХ Н. Н. АЛЕКСЕЕВА

Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) — правовед, философ, выпускник Московского университета. С 1920 г. жил в эмиграции, с 1922 г. преподавал на Русском юридическом факультете в Праге. В 1926–1929 гг. участвовал в евразийском движении. В декабре 1926 г. Алексеев прочитал доклад «О советском строе и его политических возможностях» в парижском Евразийском семинаре. Этот доклад стал основой брошюры «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» (1927). Если многие русские эмигранты видели в Советской России только зло, то Алексеев попытался объективно проанализировать первые девять лет Советской власти, находя в «советском проекте» как недостатки и противоречия, так и отдельные положительные аспекты. Например, Алексеев положительно оценивал федеральное государственное устройство в статье «Советский федерализм» (1927). Отрицательно он оценивал коммунистическую идеологию, мешающую, по его мнению, успешному развитию страны. О советской идеологии Алексеев написал книгу «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину» (1936). Завершает размышления Алексеева 1930-х гг. его статья «О будущем государственном строе России» (1938). В этой статье Алексеев признает идеалом сочетание идеи личности и идеи права. По его мнению, форма государственного устройства в будущей России относится к сфере практической политики.

Ключевые слова: советское государство, право, федерализм, марксизм, коммунизм, социализм, идеология, политика, революция.

Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), выпускник юридического факультета Московского университета, покинул Россию в 1920 г., затем жил и работал в Стамбуле, Праге, Берлине, Белграде, конец жизни провел в Женеве. Его относят к самым выдающимся отечественным исследователям в области философии права и теории государства. Однако больше всего Алексеев известен в связи с его кратковременным участием в евразийском движении (1926–1929). Началом сотрудничества с евразийцами для Алексеева стал его доклад «О советском строе и его политических возможностях», который был прочитан в декабре 1926 г. в парижском Евразийском семинаре. Затем в Евразийском книгоиздательстве вышла работа Алексеева «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» (1927).

В самом начале работы Алексеев сформулировал свой основной подход к теме исследования: «Надлежит за точку отправления взять не западную демократию, и не самодержавие, и не прошлые тени дуалистической монархии; за точку отправления нужно взять современный русский государственный организм, тщательно его изучить, посмотреть, что в нем, действительно, никуда не годно и в чем чувствуется дыхание жизни» [Алексеев, На путях к будущей России, с. 10]. Такое стремление к объективности сильно выделяет Алексеева среди русских эмигрантов, многие из которых видели в Советской России только зло. По мнению Алексеева, для русской интеллигенции существовал, прежде всего, общественный идеал, который предполагал установление социальной справедливости, а вопрос о новом государственном устройстве стоял на втором месте и конкретно не разрабатывался. В марксизме, который стал идеологической основой для революционеров, новое общество понималось как «прыжок» из царства необходимости в царство свободы. Однако, как полагал Алексеев, после того как советское государство существует уже почти десять лет, можно на конкретном опыте исследовать результаты государственного строительства в новой России.

Алексеев исходил из концепции, согласно которой государственным идеалом является «союз правды», т. е. государство жизнеспособно только в том случае, если воплощает в себе представления народа о правде. Дореволюционное самодержавное государство, когда перестало быть «союзом правды», погибло. Теперь тот же критерий «правды» Алексеев пытался применить к советскому государству. Он признавал, что движущей силой советской власти является борьба с капитализмом за окончательную победу над эксплуатацией. Такую борьбу в целом Алексеев приветствовал, но задавал вопрос: возможна ли победа в этой борьбе коммунистическими средствами? Отмирания государства, как предсказывали теоретики марксизма, не произошло, и новая власть создала в России новую государственную структуру, заслуживающую всестороннего исследования.

По мнению Алексеева, советское государство лучше изучать «снизу», начиная с советов, которые образуют территориальную основу и «политическое тело республики». За советами следуют административные единицы (районы и губернии), затем – республики (автономные и союзные). Многие республики имеют своей основой для образования принцип национального самоопределения, который Алексеев оценивал однозначно положительно как проявление политической свободы. Однако советское государство признает принцип национального самоопределения только при условии одновременного признания коммунизма. Множество советов образуют единую систе-

му, так как везде осуществлен один и тот же принцип – высшими центральными органами являются съезды советов. Каждая республика имеет в качестве исполнительных органов Президиум Центрального исполнительного комитета и Совет народных комиссаров. Однако Центральный исполнительный комитет СССР имеет особый статус: он представляет съезды всех союзных и автономных республик, автономных областей. В целом Алексеев считал, что с точки избирательного принципа советская демократия является продолжением буржуазной демократии. Кроме того, с внешней стороны можно думать, что утверждается децентрализация, или местное самоуправление. Однако, эта внешняя децентрализация на самом деле полностью определяется связью с политическим центром. Все самые важные функции делегированы согласно конституции союзному центру – международные отношения, объявление войны и заключение мира, изменение границ, установление общего плана всего народного хозяйства и т. д. Практически все государственные вопросы входят в ведение союзного центра. Принцип централизма полностью выдержан при внешнем признании местного самоуправления, что достигается в силу того, что вышестоящие органы управления в советской системе обладают властью надзора за нижестоящими органами и правом отмены их решений.

Алексеев считал, что в СССР нет никакого реального «самоуправления», которое только декларируется. Кроме этого, он обращал внимание на то, что состав всех органов управления формирует коммунистическая партия, которая осуществляет реальную власть как в центре, так и на местах. Таким образом, все официальные государственные органы подчиняются партийному управлению, т. е. внешний порядок советской демократии в реальности оказывается партийной диктатурой. На эту сторону советской системы обычно и обращали внимание ее критики, но Алексеев предлагает оценить как преимущества, так и недостатки этой системы – «вскрыть, что в политической форме советов выяснилось как положительное, и что должно быть признано отрицательным» [Алексеев, На путях к будущей России, с. 49].

Алексеев предпочитал рассматривать советскую систему как что-то несовершенное, требующее не разрушения, а усовершенствования, для чего необходимо выявить и оставить все преимущества, а затем устранить недостатки. Основным преимуществом «советского проекта» Алексеев считал сильную власть, которая необходима для управления огромной территорией. В противоречии с этим преимуществом стоит принцип «замещения», который предполагает, что Центральные комитеты могут замещать Съезды советов, когда они не собираются, а Президиумы и Советы народных комиссаров – исполнительные комитеты. Как полагал Алексеев, необходимо в будущей

России ограничить этот принцип «замещения», выделив все вопросы, которые входят только в компетенцию вышестоящего органа.

Сильная власть в СССР осуществляется исключительно на основе однопартийной системы. Алексеев указывал, что в каждом государстве есть правящая группа, которая берет на себе функции власти: «Реально государство невозможно, если в нем правящей группы нет» [Алексеев, На путях к будущей России, с. 53]. Другой вопрос – как формируется эта правящая группа? И тут Алексеев выдвинул идею «правлящего отбора», которая направлена на то, чтобы выделить и привести к власти группу, достойную своего призвания. Партия по своей этимологии есть только «часть», ограничена партийной идеологией. Она, по мнению Алексеева, не обеспечивает воплощения на практике правового порядка и справедливости, так как упразднила все другие партии и отождествила себя с целым государством. Путем партийного отбора к власти пришла в основном «деклассированная интеллигенция», которая объявила себя хранительницей пролетарских интересов, т. е. по сути диктатура одного класса (пролетариата) подменяется диктатурой бюрократии. Правящий отбор, как считал Алексеев, имеет другую цель: создать «союз лиц, согласных служить государству, защищать его интересы и помогать его целям» [Там же, с. 55]. Эта правящая группа не должна замещать собой государство, а служить государственным целям и задачам, способствовать проявлениям политической инициативы, поддерживать и совершенствовать официальные органы, которым, согласно конституции, дана исполнительная власть. Для такой правящей группы политическим идеалом должен быть не класс, а народ в целом, солидарность всего общества. Алексеев так сформулировал общую идею правящей группы: «Принцип такой группы – не внешняя принадлежность к классу, но чисто корпоративная идея чести, честности, ответственности, самопожертвования и солидарности» [Там же, с. 56]. Народ не может сам править государством, но только через депутатов, т. е. посредством «опосредствованной демократии», которая сохраняется как в западных странах, так и в СССР. Однако, как подчеркивал Алексеев, дело не в самом принципе демократических выборов, а в том, чтобы отобрать самых лучших и способных. По мнению Алексеева, если с советов снять коммунистическую опеку, то они могут стать лабораторией для подбора истинно деловых людей, фундаментом для будущей, по-настоящему народной России.

Заканчивается работа Алексеева «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» размышлениями о национальном самоопределении и федеративном устройстве Советской России. Затем этой теме Алексеев посвятил отдельную статью

«Советский федерализм» [См: Алексеев, Советский федерализм]. Он полагал, что силы, направленные к децентрализации, всегда существовали в России, хотя долгое время сдерживались мощью Российской империи. Большевики с первых лет своей власти столкнулись с проблемой стремления к национальной независимости. Они решили ее через соединение двух разных принципов – коммунистической идеологии и политической целесообразности. В итоге были созданы союзная конституция и федеративное устройство государства. Согласно конституции, отдельные части страны участвуют в осуществлении верховной власти. Теоретически Алексеев положительно оценивал советский федерализм, но с практической точки зрения обращал внимание на то, что СССР есть не союз государств, а союз рабочих и крестьян, так как субъектом федерации признаются, согласно советской терминологии, классы. Таким образом, принцип федерализма полностью искажен на основе идеологии. Федерация выступает не как цель, а как средство для проведения в жизнь коммунистической идеологии. Именно этим объясняет Алексеев то, что над федеральными органами есть совершенно унитарный орган в виде союзного Съезда советов, который делегирует власть Центральному исполнительному комитету и его президиуму. В будущей России, утверждал Алексеев, должен быть сохранен федеральный принцип государственного устройства, но отброшена идеология, искажающая этот принцип (марксизм и теория классово-борьбы).

Наибольшим вкладом Алексеева в концепцию евразийства можно считать его книгу «Теория государства» (1931). В этой работе разработаны теоретические вопросы государственного устройства, а в ее конце сформулирована идея «гарантийного государства». Хотя советская политическая система напрямую не рассматривается в указанной книге, тем не менее, Алексеев на ее страницах упоминает схожие темы. Например, вслед за своим учителем П. И. Новгородцевым он считал, что эпоха утопий приходит к концу: «На место политической алхимии, верящей в быстрое превращение царства необходимости в царство свободы, выступают трезвые требования практической политики, стремящейся к постепенному улучшению отдельных сторон государственной жизни путем напряженной и трудной обыденной работы. Политика из своего мифического периода переходит, по-видимому, в реалистический и научный» [Алексеев, Теория государства, с. 163]. По мнению Алексеева, нужно стремиться к построению такого государства, которое должно обладать «внутренней правдой», т. е. объединять людей на основе духовных и моральных принципов, давать им «нравственные гарантии».

К теме советской идеологии Алексеев вернулся в книге «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину»

(1936). Он проследил эволюцию марксизма от истоков до превращения в идеологию советского государства. Прежде всего Алексеев обратил внимание на то, что большевизм в лице Ленина, отвергнув свободу критики, превратил марксизм в догму. Более того, Ленин поправил Маркса, заявив, что движущим фактором является не само по себе классовое сознание, обусловленное экономическими отношениями, а идея революции, которая извне привносится в пролетарское сознание. По теории Ленина, движущим фактором истории становится не сам пролетариат, а руководящая им сильная революционная организация, в России такой организацией стала партия большевиков. Постепенно Ленин эволюционировал от классического марксизма к созданию нового учения, которое Алексеев назвал «ленинизмом». Алексеев полагал: «Ленинизм есть марксизм, который потерял веру в то, что капитализм развитием собственных потенций придет к социализму. Ленинизм есть разочарование в марксистском детерминизме и в то же время призыв к социалистическому действию» [Алексеев, Пути и судьбы марксизма, с. 71]. Как только Ленин в 1917 г. перешел от теории к практической политике, он сразу сформулировал четкое отношение к государству: государство отомрет в будущем бесклассовом обществе, но теперь строить социализм нужно только при помощи сильного государства и диктатуры. Так идея «диктатуры пролетариата», провозглашенная Лениным, стала основой новой идеологии, предназначенной для создания советского государства. Ленинизм, понимаемый Алексеевым как «образец принудительной идеократии» [Там же, с. 73], стал не просто толкованием марксизма, а совершенно новой системой идей, получив затем развитие в «сталинизме», когда «Сталин присвоил себе право окончательных философских решений, и линия истинного марксизма была отождествлена в суждениями и философскими мнениями самого вождя» [Там же, с. 74]. Как правовед Алексеев считал, что идеология привела к практике советского государственного строительства, в которой произошел отказ от правовых норм в пользу жестокой революционной силы. Негативную сторону советской системы Алексеев видел в декларации «нового права», которое предназначено для борьбы с классовыми врагами, что равнозначно уничтожению самой правовой идеи.

В 1938 г. вышла статья Алексеева «О будущем государственном строе России» [См: Алексеев, О будущем государственном строе России], в которой еще раз сформулирован государственный идеал автора. По убеждению Алексеева, в обосновании будущего государственного строя необходимо сначала исходить из признания государственно-политического единства России. Алексеев утверждал, что борьба в области политики и права давно идет не между разными

видами государственного устройства, а между персонализмом и коллективизмом. Именно сочетание идеи личности и идеи права Алексеев считал идеалом для будущей России. Форма же государственного устройства в отношении этого идеала является уже прикладной и лежащей в сфере практической политики. Однако, как полагал Алексеев, для воплощения государственного идеала в России обязательно необходима сильная государственная власть, свободная от недостатков как безвольного либерализма, так и тоталитарной диктатуры. И далее наряду с конституцией и реальным значением государственных органов Алексеев назвал желательным учреждение твердой единоличной власти в лице президента, считая, что в монархиях единоличное начало часто превращается в фикцию, а президент может быть реальным, а не фиктивным выражением единой власти. Идеи правового государства и президентского правления – это тот идеал, который Алексеев защищал в конце 1930-х гг. и противопоставлял в качестве альтернативы существующему «советскому проекту».

Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.

Алексеев Н. Н. Советский федерализм // Евразийский временник. 1927. Кн. 5. С. 240–261.

Алексеев Н. Н. Теория государства. [Париж], 1931.

Алексеев Н. Н. Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин, 1936.

Алексеев Н. Н. О будущем государственном строе России // Новый град. 1938. № 13. С. 91–114.

УДК 94(47).084.3/084.6

М. Г. Меерович

СССР КАК МЕГАПРОЕКТ

В статье рассматриваются концептуально-теоретические основания, а также этапы и механизмы практической реализации: а) жилищной, б) градостроительной, в) промышленной, г) расселенческой, д) миграционной политики, осуществлявшейся в СССР в период 1917–1930-х годов.

Раскрываются причины кардинального изменения прежнего «пространственного каркаса» страны. Описываются методологические основания формирования нового административно-территориального члене-

ния, воплотившего трудо-военно-мобилизационную модель управления трудовыми ресурсами, сформированную в период разработки первого пятилетнего плана, а затем практически реализованную в ходе осуществления программы индустриализации.

Раскрываются причины трансформации типов поселений: город-сад — рабочий поселок-сад — ведомственный рабочий поселок — соцгород (моногород).

Ключевые слова: размещение промышленности, расселение, административное районирование, соцгород, город-сад, телеологи.

Советский Союз является, пожалуй, самым крупным социально-организационным экспериментом в человеческой цивилизации в XX веке. Большевики подвергли кардинальной целенаправленной перестройке все без исключения сферы существования общества, экономики, промышленного производства, законодательства, государственного управления.

Организационно-управленческая модель, которую сформировали большевики и которая составляла социально-организационный базис советской системы на протяжении, фактически, всего периода существования СССР, заключалась в том, что человек в трудовом и в бытовом отношении должен был находиться в тотальной зависимости от государства. А конкретно — от того места приложения труда, к которому его считала целесообразным прикрепить власть.

В основу этой модели помещалась не семья, как ранее, в буржуазном обществе, а совершенно иная единица — «трудо-бытовой коллектив». Привязанный к месту труда в отношении всех жизненных реалий, состоящий из людей, которые могут существовать, только имея место работы на государственном предприятии или в советском учреждении. Людей, которые не имеют собственного жилища, а получают «государственно-ведомственную» крышу над головой во временное пользование («уволится — освободи жилое помещение»).

Трудо-бытовой коллектив за счет тесного переплетения трудовых и бытовых процессов должен был обеспечивать взаимовлияние и взаимную корректировку норм повседневного поведения людей и характера их отношения к труду. Задавать основы социального структурирования общества в привычных для большевиков формах, потому что управлять рассредоточенными человеческими массами, да к тому же обитающими в собственном, закрытом от внешнего вмешательства жилище, большевики не умели.

Главным препятствием на пути внедрения большевиками этой инновационной модели общественного устройства явилось автономное домохозяйство дореволюционной России. Основанное на праве

частной собственности на землю и недвижимость («свой дом, на своей земле») или на праве долевой собственности в городском жилище, или на законодательно фиксированных правах аренды, оно создавало мощные основы личностной независимости.

Доктрина совместного коллективистского проживания, на которой основывалась концепция «трудо-бытовых коллективов», была родственна традиционной общинной форме обитания, привычной для основной массы маргинального низкоквалифицированного городского населения: с наличием «старейшин», общим решением ряда вопросов быта, трудовой и материальной взаимопомощью, совместным потреблением пищи, празднованиями и проч. Но при этом и для значительной массы горожан, и для вчерашних выходцев из деревни нормальной формой существования был собственный дом.

Автономное домохозяйство препятствовало организации людей в трудо-бытовые коллективы, поскольку резко ослабляло зависимость людей от той ведомственно-государственной системы управления населением через распределение продуктов, вещей, услуг, крыши над головой, которая была создана большевиками с первых дней их прихода к власти. Причем власть сформировала единую общегосударственную распределительную систему удовлетворения бытовых потребностей городского населения вовсе не для того, чтобы снять с человека необходимость ежедневного зарабатывания денег, а наоборот, чтобы крепче привязать горожанина к месту труда – фабрике, заводу, советскому учреждению.

Стягивая в свои руки все рычаги жизнеобеспечения, советская власть формировала огромной силы аппарат тотального управления населением. Люди, живущие в своем жилище, на своей земле оказывались слишком независимыми от этого аппарата как в своем повседневном трудовом существовании, так и в прокормлении себя и членов своей семьи, потому что собственный городской или пригородный частный дом и прилегающий к дому земельный участок позволяли его владельцам разводить сад и огород, выращивать домашнюю скотину – т. е. самостоятельно обеспечивать себя пропитанием. Или заниматься на своем подворье мелкими ремеслами, дающими заработок, достаточный для жизнеобеспечения. Именно поэтому производственная самостоятельность была запрещена в начальный период существования советской власти, которая направила свои усилия на поиск инновационных форм поголовного вовлечения населения в трудовую деятельность: «всеобщая трудовая повинность», «трудовые армии» [Декларация, с. 30; СУ РСФСР, 1918, с. 1137–1138; Меерович, На работу по приказу, с. 118–119] и т. п.

Но и эти меры не смогли выправить положение в экономике, поскольку неизбежный этап демонтажа прежних структур хозяйства, форм собственности, производственных укладов, государственного управления и проч., осуществленный в период военного коммунизма, привел страну к полной разрухе. Продавленное В. И. Лениным, несмотря на почти полное непонимание и несогласие партийного руководства страной, решение о введении новой экономической политики (нэпа) [Валентинов, с. 12], было направлено на то, чтобы реанимировать городскую экономику, умерщвленную периодом военного коммунизма. И нэп, действительно, вернул в повседневную жизнь тот тип экономических процессов, который был привычен населению: отобранные государством фабрики и заводы начали сдаваться в аренду тем, кто умел и еще не забыл, как ими управлять; открылись возможности для частного финансирования и частного снабжения производства. Восстановили свою деятельность розничные торговцы, реанимировав множественные мелкие, но в массе своей широкоохватные саморегулируемые процессы продуктового и товарного оборота. Вновь возникло пространство для частных строительных инициатив. Имевшиеся на руках деньги стали активно вовлекаться в хозяйственное использование.

Жилищная политика большевиков с первых дней прихода их к власти была направлена на борьбу с автономным домостроением – впервые в истории человечества все городское жилище целиком и полностью выводилось из гражданского оборота, и отныне все связанные с ним процессы (возведения, владения, эксплуатации, распоряжения и проч.) должны были начинаться и заканчиваться исключительно в рамках государственных структур [Меерович, Социально-культурные основы..., с. 125–144]. Первыми же послереволюционными декретами советской власти было реализовано кардинальное изменение частновладельческой формы собственности на жилище и землю, на которой оно располагалось [Крестьянский наказ о земле..., с. 15; Декларация, с. 30; О социализации..., с. 33; СУ РСФСР, 1917, с. 152; СУ РСФСР, 1918, с. 113].

Особенно нетерпимой для советской власти оказалась идея «города-сада», которая внешне почти полностью совпадала с идеологическими лозунгами большевиков об общенародной собственности на землю и недвижимость, о коллективном характере управления и демократическом принятии общим собранием жителей решений о перспективах развития своих поселений, а по сути полностью противоречила формируемой вертикали власти.

Идея города-сада Э. Говарда принципиально отказывалась от промышленной градообразующей функции, утверждая, что для

полноценного существования средних по величине поселений (до 30 000 чел. населения) «градообразующая» производственная функция оказывалась не нужной. Любой город был в состоянии обеспечивать свое функционирование и свое развитие «продажей» достижений науки и инженерии, образования, услуг торговли и сервисов, логистики, информации и проч. Город-сад доказывал, что несмотря на наличие некоторого числа объектов местной обслуживающей промышленности, он вполне может существовать без промышленного ядра, и как следствие, без мест приложения труда для подавляющей массы населения, которое работало в близлежащем индустриальном центре, с которым город-сад связывался системой транспорта. Он демонстрировал, что городская экономика может вполне эффективно существовать, основываясь на экспорте знаний, компетенций, инноваций и т. п., а вовсе не как исключительно «производитель» промышленной продукции. Подобная перспектива принципиально не совпадала с большевистской доктриной превращения любого поселения в место сосредоточения пролетарских кадров, а это значит – в место расположения производств.

А самым разрушительным для вводимой большевиками модели управления, идеологически утверждавшей «власть на местах», а реально формировавшей все более жесткую и всеобъемлющую централизованную вертикаль власти было то, что город-сад, как за рубежом, так и в дореволюционной России, был детищем независимой, самостоятельной, самоорганизующейся, самоуправляемой, самофинансируемой жилищной кооперации, с всенародно выбираемым правлением, общими собраниями, принимающими решения по всем важнейшим вопросам существования поселения и т. п., а вовсе не результатом «обильного озеленения» среды обитания или формирования живописной планировки, как представляла его советская историография, скрывая то подлинно инновационное организационно-управленческое, финансово-экономическое, социальное содержание города-сада, которое категорически не желала допускать в собственную систему государственного управления.

Суть говардовской идеи заключалась в отношении к процессам жизни как сущностным – определявшим смысл возникновения поселений – «жизнь» диктовала, какая «деятельность» ей необходима для финансового обеспечения своего развития. В противоположность ей в рабочих поселках, которые возводились советскими ведомствами около восстанавливаемых, реконструируемых или возводимых промышленных предприятий, торфоразработок, мануфактур, паровозоремонтных заводов, транспортных узлов, электростанций, строившихся по плану ГОЭЛРО и т. п.; а также местными органами власти

рядом с крупными городами, все обстояло прямо противоположным образом – производственная «деятельность» тотально диктовала все формы «жизни», необходимые для повседневного существования трудовых ресурсов, обслуживавших градообразующее предприятие; все остальное рассматривалось как ненужное, незначимое, второстепенное, избыточное.

Именно в трактовке смысла возникновения и экономических механизмов существования городов советская государственная жилищно-расселенческая политика резко разошлась с говардовской концепцией и, как следствие, к концу первого десятилетия существования советской власти концепция города-сада была безоговорочно отвергнута советской политической системой и обслуживавшей ее сферой градостроительной деятельности.

Второй этап становления мегапроекта под названием «Советский Союз» оказался неразрывно связан с анализом состояния промышленности, который был проведен в начале 1920-х гг. учеными-экономистами, согласившимися сотрудничать с советской властью. Этот анализ завершился неутешительным для советского правительства выводом: вложение государственных средств в восстановление и технологическое переоборудование существовавших производств предприятий было признано бессмысленным, так как отечественная промышленность уже безнадежно отстала от западной. Безусловно, наилучшим вариантом было бы вообще не тратить государственных средств на поддержание доживающих свой век производств, а накапливать валютные средства, чтобы иметь возможность приобрести на Западе передовые технологии, возвести современные производственные предприятия и, тем самым, создать передовую индустрию. Но отказать национализированным предприятиям в постоянном финансировании было нельзя, ибо без сырьевого и денежного обеспечения они не способны были самостоятельно функционировать. Нельзя было дать обрушиться всей системе.

Встала практически неразрешимая задача обеспечения 10-15-летней паузы, пока старая промышленность окончательно не выработает свой технический ресурс, а параллельно не будет создана новая, в которую можно будет переместить высвобождающиеся трудовые ресурсы.

Высшее руководство страны нашло абсолютно нетривиальный способ решения этой задачи – придумало, как в течение нескольких лет поддерживать существующую государственную промышленность, не тратя ни копейки государственных средств – была введена «новая экономическая политика».

Государственная и частная промышленность сосуществовали параллельно, но как только накопились ресурсы для следующего об-

щегосударственного рывка – в индустриализацию, то от частно-собственнической экономической составляющей немедленно избавились, усилив и укрепив систему всеобщего принудительного труда и насильственной привязки трудовых ресурсов к местам реализации государственных промышленно-строительных программ.

НЭП была программой, запущенной для формирования внегосударственных источников поступления денег в государственный бюджет с целью перераспределения их на нужды государственной промышленности. При этом большевики ни на шаг не отступали от своей главной цели – формирования структуры диктаторского управления страной. Нэпу позволили существовать ровно столько, сколько было нужно для поддержания тихо умиравшей старой промышленности и активизации хозяйственно-экономической сферы повседневного существования городского населения. А затем задавили частную «кооперативную» торговлю, мелкие ремесла, сферу частных услуг, свободный вещевой и продуктовый рынок и, искусственно обанкротив крупные процветающие предприятия, вернули все в руки государства [О порядке ...].

Третий этап реализации мегапроекта «Советский Союз» – это создание самого мощного в мире военно-промышленного комплекса.

Уничтожив в середине 1920-х гг. всех своих политических соперников и обретя безграничную власть, И. В. Сталин и сформированное им партийное руководство СССР выдвинули общегосударственную цель – формирование современного ВПК. Эта программа получила наименование «индустриализация».

Приоритетной задачей советской индустриализации являлось развитие современной военной индустрии для кардинального перевооружения и механизации Красной армии и подготовки ее к войне нового типа – «войне моторов».

В связи с этим предполагалось: 1) расширение добычи природных ресурсов для тяжелой промышленности и их экспорта в Европу, чтобы сделать ее зависимой от нашего сырья и для того, чтобы было чем рассчитываться с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий; 2) формирование единой общегосударственной системы энергетической инфраструктуры (для обеспечения расширяющегося промышленного военного производства электроэнергией); 3) создание единой транспортной структуры (для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов, а также живой силы к намечаемым театрам военных действий).

Партия приняла решение размещать эшелоны новых промышленных предприятий на Урале, в Сибири, на севере, Дальнем

Востоке, поскольку там были разведаны месторождения полезных ископаемых. Сюда же – на Урал и в Сибирь – перемещалась и энергетическая база, поскольку сибирские реки несли колоссальную мощь природной стихии. Приближение промышленного производства к местам добычи сырья давало возможность сильно экономить на его перевозках, поскольку перемещать по территории страны готовую продукцию или полуфабрикаты было значительно дешевле, чем гонять эшелоны с миллионами тонн угля, руды и иных ресурсов. Кроме того, еще одним из серьезных мотивов переноса промышленной базы на восток было то, что в случае войны в европейской части страны возникали слишком большие риски уничтожения промышленности авиацией противника, а до Урала (и тем более до Сибири) ни один самолет ни одного вероятного противника не способен был долететь без дозаправки.

В связи с задачей промышленно-селитебного и сырьевого освоения отдаленных и окраинных ареалов встал вопрос о формировании такого административно-территориального районирования, которое способно было обеспечить протекание производственных процессов, цепочки которых, согласно, программе индустриализации, растягивались по всей территории страны. В ходе разработки ответа на этот запрос в конце 1920-х гг. резко столкнулись две позиции. Одна, основанная на естественно-эволюционном подходе, получила наименование «генетической», вторая, реализующая проектные установки власти – «телеологической». Первая исходила из того, что районирование России, теоретически и практически осуществлявшееся в дореволюционный период, исторически формировалось по границам местностей, очерчиваемых на основе однородности естественно-географических (природно-климатических) факторов-признаков. Считалось, что именно эти факторы-признаки и выросшие из них особенности сельскохозяйственного производства и должны являться основой районирования Советской России, потому что именно они в дореволюционный период давали импульсы возникновению той или иной отрасли промышленности, «предъявляя ей производственные запросы» и поставляя ей трудовые ресурсы (исторически сконцентрированные в определенных районах), а также обеспечивали производство конкретными видами произрастающего здесь же сырья. Генетики исходили из того, что именно эти традиционные факторы хозяйственного освоения территории страны следует развивать, усиливать и совершенствовать за счет приведения в соответствие с ними системы административного управления территориями.

Телеологи настаивали на кардинальном изменении этой доктрины. Телеологическая «методология индустриализации» Госплана со-

знательно шла по пути перевертывания с точностью до наоборот зависимости между организацией сельского хозяйства и организацией промышленного производства – не уже существующие сельскохозяйственные ареалы и не традиционные, исторически сложившиеся виды деятельности впредь должны выступать импульсом для возникновения новой промышленности, а наоборот, сами новые промышленные комплексы, возникающие в местах залегания природных ресурсов, призваны были выступать фокусами формирования обслуживающих их зон сельскохозяйственного производства.

«Телеологический» (целевой) подход был поддержан советской властью, а «генетический» (естественно-исторический) отвергнут (а ученые, отстаивавшие его, расстреляны), потому что, осуществив с началом индустриализации переход с рыночных отношений в организации народного хозяйства на трудо-мобилизационные, власть не нуждалась в учете исторически стихийно складывавшихся тенденций, а считала целесообразным опираться на волевое принятие решений и их централизованно организуемое принудительное исполнение.

В период первых пятилеток был кардинально перестроен прежний и создан новый «пространственный каркас» размещения новой промышленности с ядрами в виде «промышленно-селитебно-энергетических» комплексов численностью 150–200–300 и более тыс. человек, связанных друг с другом системой транспортных путей, которые вместе с прилегающими к ним сельскохозяйственными территориями образовывали новые «очаги расселения», куда, в основном за счет принудительных миграций, перемещались трудовые ресурсы. В результате в города-новостройки и рабочие поселки первой пятилетки было перемещено около 13,5 млн рабочих рук, преимущественно, бывших крестьян [Меерович, На работу по приказу].

Административно-территориальное районирование конца 1920-х гг. и следовавшая за ним концепция социалистического расселения призваны были заменить прежнюю «рыхлую» территориальную структуру, состоявшую из автономных самодостаточных, самоуправляемых административно-территориальных образований, на новую – иерархическую, общегосударственную управленческую структуру, обеспечивавшую превращение страны в единый производственный механизм. Для этого вся территория государства расчленялась на хозяйственно-территориальные единицы с самодостаточным производственным циклом, по возможности, соразмерные друг с другом по количеству населения. Эти единицы, именовавшиеся «хозяйственно-экономическими

районами», обладали: а) промышленно-пролетарским «ядром»; б) зоной расселения, привязанной к производству (промышленному и сельскохозяйственному); в) сырьевыми ареалами; г) транспортными структурами, обслуживавшими производство; д) распределительной системой. Новое районирование решало задачу «сжатия пространства» за счет связи посредством общей системы транспорта между опорными промышленными предприятиями, включаемыми в единые общегосударственные «производственно-технологические цепочки».

Выводы

Придя к власти, большевики подвергли кардинальной целенаправленной перестройке все без исключения сферы существования общества: экономику, промышленное производство, законодательство, систему государственного управления, социальные отношения и прочее.

Этапы разворачивания советского мегапроекта: 1) 1917–1921 гг. – демонтаж старых структур управления, выстраивание вертикали власти, формирование распределительной системы жизнеобеспечения городского населения, поиски форм трудовой повинности, лишение самостоятельности местных советов и подчинение их централизованной системе управления и проч.; 2) 1921–середина 1920-х гг. – новая экономическая политика: поддержание государственной промышленности за счет перераспределения финансов и материальных ресурсов, формирование материально-экономического потенциала для осуществления программы формирования военно-промышленного комплекса (индустриализации); 3) 1926–1928 гг. – подготовка плана первой пятилетки (программы индустриализации): реформирование административно-территориального деления, создание «государственных субъектов» промышленного освоения территорий формирование концепции соцрасселения и соцгорода; 4) 1928–1932 гг. – первый этап реализации программы индустриализации (первая пятилетка): реализация концепции соцрасселения и соцгорода, принудительное перемещение трудовых ресурсов к местам промышленного освоения территорий.

Следует констатировать, что за время советского проектного эксперимента сформировались очень специфические: а) административно-территориальное устройство страны, б) характер «вертикали власти», в) формы организации трудовых и бытовых процессов, г) межличностные отношения (за несколько поколений превратившиеся в привычно-традиционные), д) порядок формирования финансовых потоков и принципы их перераспределения, е) ценности жизненного

уклада, жизненные идеалы и социальные ориентации, ж) степень интеллектуальной свободы и способы публичного обсуждения проблем и действий власти, а также многое другое.

В статье детально раскрыто тотальное влияние сталинской индустриализации на практически все аспекты внутренней политики, осуществлявшейся в СССР в период подготовки и реализации плана первой пятилетки. Основным механизмом осуществления этого влияния была тотальная принудительность во всех ее проявлениях: а) образ жизни и быта (тотальная замена индивидуального быта на коллективный), б) обязательная трудовая повинность, в) перемещение трудовых ресурсов к местам размещения новых промышленных, добывающих, энергетических, транспортных и проч. предприятий, г) слом исторически сложившихся форм хозяйствования, д) формирование нового административно-территориального устройства, основанного на ресурсно-добывающем профиле включения страны в мировое разделение труда, и проч.

Новое административно-территориальное структурирование страны основывалось на концептуально-идеологических постулатах «телеологического» подхода к реформированию исторически сложившегося состояния. В результате была создана принципиально новая система промышленного районирования и расселения трудовых ресурсов, обслуживающих производство, транспорт, энергетику и проч., в целом представлявшая собой равномерно рассредоточенную по территории страны сеть индустриальных городов-новостроек – соцгородов (возводимых, как правило, на пустом месте, вблизи мест добычи и переработки полезных ископаемых) с формированием в центрах создаваемых ареалов промышленно-сырьевого освоения производственно-селитебных ядер – урбанизированных административно-политических центров новых районов.

Жилищная, градостроительная, промышленная, расселенческая, миграционная, социально-распределительная политика проанализированы в статье с той стороны, с которой они не являлись до сих пор предметом углубленного изучения – как мегапроекты, обеспечивавшие реализацию программы формирования в Советском Союзе военно-промышленного производства. Резкое изменение концептуальных основ пространственно-планировочного и административно-управленческого устройства страны, осуществленное в ходе сталинской индустриализации, оказало ключевое влияние на формирование в Советском Союзе структуры моногородов, до сих пор составляющих основу системы расселения современной России.

Сегодня история и опыт Советского Союза оцениваются в основном крайне негативно, либо напротив – восторженно и абсо-

лютно не критично. При этом никто не изучает историю страны как первого в истории человеческой цивилизации полностью искусственного общества, как первого социального мегапроекта, в котором все стороны жизни и деятельности сознательно формировались принципиально по-новому.

Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / сост. и авт. вступ. ст. С. С. Волк. М.: Современник, 1991.

Меерович М. Г. На работу по приказу: трудовые армии в СССР // Проект-Байкал № 24. 2010. С. 118–119.

Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР: 1917–1941 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. 24.00.01. Иркутск, 2004.

О запрещении сделок с недвижимостью / декрет СНК РСФСР от 14 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 154.

Крестьянский наказ о земле : декрет II Всероссийского съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов от 26 октября 1917 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов за 50 лет: В 5 т. Т. 1. 1917–1926 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 15–17.

О порядке сдачи губернскими (областными) исполнительными комитетами концессий на коммунальные предприятия: декрет ВЦИК СНК РСФСР от 12 апреля 1923 г. // Libussr.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1608.htm (дата обращения: 01.08.2018).

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа / утв. 12(25) января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов за 50 лет: В 5 т. Т. 1. 1917–1926 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 29–31.

О проведении трудовой повинности (Инструкция): постановление Народного Комиссариата Труда от 11 декабря 1918 г. // СУ РСФСР 1918. № 90. ст. 919.

О социализации земли: декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 г. // СУ РСФСР, 1918, № 25. ст. 346. С. 327–335.

Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах: декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 674.

СУ РСФСР. 1917, 1918.

УДК 94(47).084

В. Б. Шепелева

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ (РЕВОЛЮЦИЯ, НЭП, СТАЛИНИЗМ) И КОЛЛИЗИИ ПРОБЛЕМНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются поиски отечественного «россиеведения» относительно сути и истории «советского проекта», советской системы в контексте постнеклассики с вычлениением проблем революции, нэпа и современности.

Ключевые слова: советский проект, «россиеведение», большевики, В. И. Ленин, революционно-демократическая альтернатива, Октябрьская революция, Гражданская война, нэп, инверсионные концепции, историософия, марксизм, эпоха осознанной необходимости, постнеклассика.

«И адекватна ли Россия “совершеннолетнему”
миру, его вызовам...?»

И. И. Глебова

«...самоопределение России, выбор ею вектора движения
связаны с тем, как мы понимаем... революцию»

И. И. Глебова

«Я полагаю, что Ленин страшнее Гитлера...»

«Как мы сейчас прочтем свою историю,
таким и будет наше будущее...»

Ю. С. Пивоваров

«Сейчас ведь никто не может сказать, куда идти...
Ленин актуален сейчас именно потому, что поставил
вопрос: возможна ли альтернатива капитализму?
...Если принять тезис о хорошем капитализме,
это означает конец человеческого развития»

Тамаш Краус

Обобщая дискуссии и наработки под эгидой Центра россиеведения ИНИОН РАН за 2008–2013 гг., его руководитель И. И. Глебова пояснила, что поскольку «в современных социально-гуманитарных науках ощущен дефицит познавательных подходов... теорий, позволяющих понять и объяснить настоящее и прошлое России», постольку и возникло в 90-е годы особое «исследовательское направление... россиеведение» – в преодоление «европоцентристских концептуальных средств и моделей» и с многообещающей установкой на «норматив-

ность фактического». Правда, она же и констатировала в 2014 г., что нет «по-прежнему... убедительного ответа на главные для нас... вопросы: о причинах рождения и краха советского порядка, его природе и связях с нынешним социальным строем». Но в любом случае, «самоопределение России», ее исторический выбор сегодня, по словам автора, связан «с тем, как мы понимаем... Октябрьскую революцию». И здесь вместо катастрофического раскола в толкованиях необходим «общесоциальный консенсус» [Глебова, Предисловие, с. 4–5, 11]. Отчасти вторит своей коллеге Ю. С. Пивоваров, подчеркивая: «Как мы сейчас прочтем свою историю, таким и будет наше будущее...» [Закат России, с. 248].

Первоначально в 2008 г. Ирина Игоревна отмечала, казалось бы, вполне в русле установки о «нормативности фактического», что Октябрьская революция (хотя она и «остается непонятой и непонятной») расширила «социальные перспективы подавляющего большинства за счет немногих», тогда как в конце XX столетия «революция подавляющего меньшинства, обогатившегося за счет всех... обесмыслила революцию “низов”, похоронив ее основные завоевания». Но тут же уточняется, что это «большинство» вскоре «расплатилось многомиллионными жертвами» и даже «фактической утратой себя» (второе о чем?) [Революция как проблема, с. 97]. И более того, оказывается, что «специфика вполне современной (по времени...)» Октябрьской революции – «ее антиевропейскость... что она против современности, ее достижений и ее людей... Она антикультурна... низвергла социум в дикость...», это «цивилизационный откат» и т. д. – и это, заметим, при том, что с 60-х годов XX в. социальными историками, большинством советологов признано очевидное: большевики, конечно, серьезные модернизаторы, благодаря им Россия достигла статуса сверхдержавы или – как никогда приблизилась к центру мир-системы. Относительно же «социалистического тренда» И. И. Глебова, игнорируя всякую формационность, признает: «большевики – действительно авангард мирового социалистического движения, нашедший точки соприкосновения с примитивным “почвенным” общинно-социалистическим мировоззрением» [Революция как проблема, с. 96–97]. В целом же – здесь выраженный европоцентристский подход, для преодоления которого вроде бы и затевалось «россиеведение»...

Правда, в 2014 г. Ирина Игоревна настаивала: «...Октябрь 1917 г. есть главное событие русской истории XX столетия. Его последствия так грандиозны, что даже через 100 лет мы живем в созданном им социальном пространстве, в его магнитном поле... Более того... преодолеть до конца влияние Октября нам не удастся никогда... некоторые изменения в “социальном коде” России, произведенные большевистско-народной революцией... оказались необратимыми» [Глебова,

Предисловие, с. 11]. Вроде бы, похоже на объективную «нормативность фактического». Однако на деле все это имеет у автора остро негативные коннотации, подкрепленные призывами ориентироваться на германскую денацификацию и категорически противостоять «силам национал-коммунистического реванша, деструкции» и т. д. (это и есть «общесоциальный консенсус»?) [Глебова, Предисловие, с. 12–13]. И наконец, в очень внутренне несогласованной работе 2016 г. автор как бы находит ответы на главные вопросы.

Оказывается, вовсе «не 1917-й, ... а именно 1905-й и есть настоящая русская революция, открывшая России дорогу в будущее», ибо, убеждена Ирина Игоревна, «тогда победило... дело русской свободы и... развития» [Глебова, Первая революция, с. 274]. А Февраль 1917-го – «это расковывание хаоса русской Смуты» (прав В. П. Булдаков), при том, что Октябрь – «политический и социальный переворот» оказался «не прорывом в новое, а его погромом», большевистские «несвобода и государственный террор являлись ответом... на все вызовы времени». И потому «Октябрь 1917-го» уже не «главное событие русской истории XX столетия», не «большевистско-народная революция», а «предостережение», «урок... как не надо делать», зато «1905-й... пособие», как делать надо. И в феврале 1917 г., как выясняется, не либерализм потерпел поражение, а «потерпела поражение страна», отказавшаяся от либерализма. И теперь «наш главный шанс на развитие – в прививках либерализма, в либеральном “прочтении” революции начала XX в., а в общем: «Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о Феврале навзрыд» [Глебова, Первая революция, с. 275].

Но в итоге, вся затея с «россиеведением» по-ИНИОНовски обрывается ничем, как и попытки разобраться в истоках, природе и катастрофе советской системы, советского проекта. Жесткий европоцентризм здесь – безнадежное средство, ведущее лишь к давно явленной формуле – «народ и страна не те» (см. помимо И. И. Глебовой Ю. Н. Афанасьева, Ю. С. Пивоварова, группу А. С. Ахизера, а гораздо ранее и основательнее – Г. А. Мейера и П. Б. Струве) [Закат России, с. 238, 241–242, 248–249; Мейер, с. 48, 56, 63, 102, 136, 196, 212, 254; Струве, Исторический смысл, с. 235–238, 242, 245; Струве, Революция и контрреволюция, с. 31–33].

Между тем сегодня, пожалуй, не вызывает особых отторжений понятие «советский проект», хотя еще современники революционной эпохи и более поздние противники советской системы (а в ответ и советская историография) рассматривали подобные определения как негативные, порочащие большевиков, обнаруживающие их в качестве субъективистов/волюнтаристов, вершащих произвол над реальностью. И еще в конце перестройки Ю. Н. Афанасьев, один из лидеров

«демократической оппозиции», утверждал, что «насилие и террор проистекают не из каких-то убеждений и личных качеств Ленина», а заключаются «в самих этих представлениях, что общество можно как избу построить, как завод, как какой-то механизм сконструировать по заранее изготовленному чертежу» [Жотеленец, с. 63; Логунов, с. 455–456].

Однако как-то едва ли не само собой утвердилось в последние десятилетия представление о нынешней эпохе как «эпохе проектов делания истории»; утвердилось, видимо, в силу реальности и научных революций, и мощных технологий социальной инженерии, широкого спектра конструктивистских концепций, теорий управляемого хаоса, нейролингвистических, психоделических и прочих манипулятивных техник; полосы «бархатных», «цветочных» и разных «цветных революций», помимо объективно стимулируемого ныне осмысления марксистской и христианской историософии и советской, а кроме того – внушительной китайской «формационной» практики с их очевидной и не бывалой ранее ставкой на субъективный фактор (где первоначально субъект – это политическая система во главе с правящей партией, но в пределе: субъект – каждый член общества).

Относительно историософии – стремления найти, увидеть смысл, логику всемирно-исторического процесса – напомним: марксистская «материалистическая» схема периодизации вычленяет: доэкономическую общественную формацию, экономическую, постэкономическую/коммунистическую и эпоху положительного гуманизма. Марксистская, условно идеалистическая, схема соответственно: эпоху естественной необходимости, эпоху осознанной необходимости и – царство свободы. При этом постэкономическая общественная формация тесно увязана с эпохой осознанной необходимости (обе подготавливается бытийственно стадией монополистического, особенно государственно-монополистического капитализма). Эпоха осознанной необходимости, в свою очередь, явно перекликается с эпохой «совершеннолетия» человечества, в изъяснениях русской религиозно-философской мысли. Однако распространенный по сей день позитивизм и тем более его нынешний потомок – постмодерн испытывают интенсивную идиосинкразию в отношении теоретико-методологических систем, историософских построений – фактически обрубают перспективы, смыслы, горнее в историческом бытии. И вполне логичен по этим основаниям и фукуямовский «конец истории», определяющий тренд «инионовского россияведения», и признание Дж. Сороса, что «Запад не имеет политической философии, которая оправдывала бы его приоритеты», а «демократии... не хватает... четко обозначенной цели...» [Сорос, с. 76–77]. Первопричина

здесь (помимо самозащиты капитализма/либерализма) – антропологические воззрения (философские, религиозные), предопределяющие характер историософии или само отношение к ней. И если позднесоветские и постсоветские либеральные критики «советского проекта» (как, впрочем, и их предтечи революционного времени) апеллируют к либеральным «человеческим ценностям», то упомянутый Дж. Сорос (лучший ученик К. Поппера – глашатая либерализма) приходит к удивительному выводу: «человек – самая слабая единица из всех составляющих [западного] общества», и «на [таком] фундаменте... очень трудно возводить систему ценностей», «которая позволила бы... справиться с политическими вопросами сегодняшнего дня». А потому, – делает вывод Дж. Сорос, – «необходимо подумать о *пересмотре нашей системы ценностей*, принять что-то, ориентирующее на выживание *системы*, а не просто на личное процветание», вообще, «...когда требуется выработать надежную систему ценностей», западный «подход бесполезен» и печальный факт, но «в Восточной Европе поэзией и философией люди интересуются гораздо больше, чем на “открытом” Западе» [Сорос, с. 77, 83–84, 95].

Видимо, и это обстоятельство следует учитывать, вдумываясь в признание Фр. Фюре о том, что «советская идея <...> коммунизм нерасторжимо связан/ы с некоей фундаментальной иллюзией, ... [которая] имеет более всего сходства с религиозной верой... *дает человеку смысл жизни и непоколебимую уверенность*», поскольку «питательный субстрат» этой иллюзии – *«вера в спасение через Историю»* [Фюре, с. 14]. Но в таком случае, во-первых, речь о колоссальной вере в человека, причем именно в идеальное в человеке, в Творческую природу его как основу человеческого. Здесь, несомненно, налицо переключка коммунизма с христианством, с толкованиями русских религиозных философов относительно места и роли человека в этом мире. Во-вторых, и главное: почему, откуда эта «огромная притягательная сила коммунизма как идеологии и в народных массах, и в образованных слоях», что так и оставила в изумлении Франсуа Фюре? Повторюсь: а не является ли эта притягательность откликом «внутреннего на свое внешнее»? Не является ли в таком случае «коммунистическая страсть» обнаружением глубинной человеческой потребности в *человеческом*, проявлением существенных начал природы человека, прорывающихся сквозь завалы отчуждения и самоотчуждения? Доказательством, что человек по отношению к человеку *человек* есть. Особенно в качестве обратной реакции на «одномерного человека», на *«homo oeconomicus»*, «свирепого эгоиста» – фанатичного потребителя (а сегодня и «постчеловека»), т. е. на лики человека, что с беспощадной четкостью

явлены «открытым обществом» (ныне – постсоциальностью)? [Шепелева, Россия 1917–1920 гг., с. 236–237].

А относительно общего критического пафоса и у К. Поппера, и у Ф. Фюре, вообще позитивистов и постмодернистов по поводу «историцизма»–«смысла истории» или «веры в спасение через Историю», здесь, пожалуй, обнаруживается определенная непоследовательность. Во всяком случае, «рацио», наука – действительно важнейшие ценности Западной цивилизации и потому идеи «осознанного бытия»; человека, общества как «субъектов исторического процесса», казалось бы, в данной парадигме абсолютно логичны. И, как пишет Л. П. Карсавин, «... в основе всякого искания законов и всякого социологизма лежит определенная Теория исторического бытия...» – важная составляющая Философии истории [Карсавин, с. 15, 17]. К тому же, если социумы, планетарное сообщество в целом – это сложноорганизованные нелинейные системы, то здесь наличествуют «коды», «внутренние тенденции развития» – «онтологический код истории» (по К. М. Кантору), что и стремится выявить историософия. Кроме того, по синергетике / в итоге постнеклассике, таким системам нельзя навязывать пути развития, но следует, постигая внутренний код системы, способствовать внутренним тенденциям ее движения (уточним: «онтологический код истории» проявляется в качестве очередного Вызова времени для социумов в критических моментах исторического процесса, на что они должны уметь отвечать, опираясь при этом на собственные культурные коды) [Князева, Курдюмов, с. 4; Шепелева, Проблема революционно-демократической альтернативы, с. 80–109]. То есть *смысл* истории и постижение его вовсе не исключаются; напротив, они предполагаются современной наукой, новейшей познавательной парадигмой. И знаменательно, что из уст представителя нынешних отечественных «западников» вдруг звучит (правда, без расшифровки своего толкования неожиданно используемых историософских понятий): «адекватна ли Россия “совершеннолетнему” миру, его вызовам...?» [Глебова, Предисловие, с. 9].

В любом случае, обозначенные историософские измерения – неперемнное – адекватное требование в случае обращения к советской эпохе, к советскому проекту, открывшим *практически* и впервые в мире движение к *постэкономической общественной формации* в рамках разветвляющейся эпохи *осознанной необходимости*. И самый феномен «советского проекта» есть проявление большевистской адекватности требованиям этой эпохи в отличие от катастрофической неадекватности постсоветских элит (противоречивой адекватности элит сталинского времени и – неуклонно слабеющей – постсталинского).

При этом смысловое, наверное, предпосылочное начало «советского проекта», исходя из видения сторонниками Ленина содержания революционного процесса 1917 года, можно усматривать в полноценной «революционно-демократической альтернативе», призванной первоначально остановить распад, общенациональную катастрофу в рамках «революционно-демократической» – многопартийной советской политической системы незамедлительным решением вопроса о войне и мире и аграрно-крестьянского вопроса, развертыванием политики госкапитализма, что означало бы одновременно расчистку почвы для системной модернизации и своего рода «шаги к социализму» – и все это при практическом исключении угрозы гражданской войны. Моменты иллюзорности при этом задавали некоторые ленинские соображения, прежде всего, из работы «Государство и революция» (чрезмерный крен в сторону самоуправления – самоорганизации общества) и отдельные ремарки по поводу товарно-денежных отношений [Ленин, Государство и революция].

Срыв данного «революционно-демократического» наиболее ценного варианта в ходе революционных потрясений 1917 года и разрешение революционного кризиса большевистско-левоэсеровским Октябрем, фактически – «народно-большевистской революцией» стало основой ленинской «инверсионной концепции» Октября – уже прямого начала «советского проекта». Концепция, вбирая по возможности всю упомянутую «предпосылочную» часть (получилась «урезанная» революционно-демократическая власть) и частичную законодательно-институциональную реализацию задуманного, исходила из главного – «успеть цивилизоваться», чтобы «броситься догонять» ушедшие вперед цивилизованные народы¹. Но для этого требовался *субъект модернизации* России, именно такова большевистская, большевистско-левоэсеровская Советская власть, Рабочее и Крестьянское правительство, должны обеспечить модернизацию страны по-иному, нежели это было в развитом капиталистическом мире: не снизу – усилиями буржуа, не стихийно и постепенно, а посредством осознанной государственной политики: сверху, организовано, системно и по возможности ускоренно, чтобы в итоге, в неопределенной временной перспективе создать, обеспечить необходимый уровень культуры – цивилизованности уже для формирования социалистического общества [Ленин, О нашей революции, с. 378–382]. Надежда на помощь цивилизованной пролетарской Европы, конечно, присутствовала.

На первом этапе Советской власти (до введения проддиктатуры и до Гражданской войны) «советский проект» был детализирован,

¹ Ср. с «россиеведческим» – якобы ненависть, презрение, погромность в отношении них.

дополнен и узаконен, «заземлен» в ходе дискуссии с левыми коммунистами и по Бресту (здесь коррективы по мировой революции), и относительно госкапитализма, многоукладной смешанной регулируемой экономики, места и роли кооперации мелкотоварных производителей при этом, финансов, торговли. Дискуссия способствовала самоопределению Ленина и его сторонников относительно стратегии и тактических действий Советской власти – иначе, относительно «пронэповской»/«революционно-демократической» и «провоеннокоммунистической» линии в экономической политике. Элементы иллюзорности прослеживались в черновых набросках проекта второй Программы РКП (б) [Ленин, Черновой набросок, с. 71–72, 74–75].

Отчаянные действия и поиски периода Гражданской войны и интервенции – «все, лишь бы выстоять» – позволяют вычленил: пласт «военного коммунизма» (тактика: на войне как на войне); в качестве абсолютизации его – «казарменный социализм»; иллюзорный «метод непосредственного социалистического строительства» и прагматичные – пронэповские практические меры и установки, обернувшиеся (все в совокупности) к началу и в начале 1921 г. признанием губительности «метода непосредственного социалистического строительства» с его завышенными ставками на субъективный фактор, на «военный коммунизм», на европейские пролетариат и социалистические партии. Итог – избавление от иллюзорности², изживание чрезвычайщины, признание, что не только «по лето и даже осень 1918 года» Октябрьская революция была в значительной степени «буржуазной» или «мелкобуржуазной», но и в период гражданской войны, что в России речь идет «по большому счету» о крестьянстве как о «мелкобуржуазном» (правильнее бы – мелкотоварном) целом, дифференцированном внутри по имущественному принципу [Шепелева, Проблема революционно-демократической альтернативы, гл. 5].

В результате формируется нэповская (поначалу – ленинская) концепция, имеющая истоки в «революционно-демократической альтернативе» 1917 г., в пронэповской политике первых месяцев Советской власти, но с качественной подвижкой для большевиков относительно крестьянства, которое, оказывается (народники правы!), требует не «внесения гражданской войны в деревню», а способно к некапиталистической модернизационной эволюции посредством кооперации, наработок той же «организационно-производственной школы», позднее – НИИсельхозэкономии. Напоминаю: ленинская

---

² Проблемой остаются элементы иллюзорности во 2-й Программе РКП (б), принятой в 1919 г., и относительно европейской пролетарской революции, и сферы распределения, и социалистического земледелия, и кустарей [см.: Ленин, VIII съезд РКП (б), с. 163, 164, 177, 179, 193, 213–215, 407, 414, 434, 437–438, 440].

концепция нэпа предполагала ставку на гражданский мир, на многоукладную смешанную (план и рынок – впервые в мировой «нормальной» практике) экономику при опоре на госкапитализм, на некапиталистическую эволюционную модернизацию крестьянского (вообще мелкотоварного) хозяйства посредством процессов кооперирования, на общую экономическую и социальную модернизацию (по мере возрождения страны), на одновременно целую историческую эпоху «культурничества» и реализацию на этих основаниях сущностного принципа советской политической системы: Советы – власть для трудящихся и посредством трудящихся. При этом еще в 1921–1922 гг. (как и в 1917 г.) политическое самостоятельное представительство крестьянства – «мелкой буржуазии» – считалось неизбежным (продумать только оптимальные формы его). Но все это при серьезном опасении «казарменно-социалистических» проявлений в партийных и государственных структурах в форме бюрократизма, аппаратности, антидемократизма и с поисками блокаторов этой тенденции в «орабочивании» и «окрестьянивании» ЦК и ЦКК, в объединении наркомата РКИ и ЦКК, развертывании системы РКИ, чтобы «беспартийные контролировали партийцев», в кооперации как новом организационном принципе общества, в профсоюзах³ [Ленин, Доклад о партийной..., с. 165–171; Он же, Как нам реорганизовать..., с. 383–388; Он же, О кооперации, с. 369–377].

Осуществление этих целевых установок предполагало эволюционное обращение России нэповской в Россию социалистическую – но в случае профессиональных (огромная ставка на субъективный фактор!), осторожных подвижек между социально-экономическими укладами, проводимых государством на базе реально назревших условий. Более того, в «нэповских» разработках Ленина можно усматривать допуск обобщественно-частной (смешанной и в этом смысле) экономики как таковой, поскольку, по его мнению, при проведении в жизнь программы индустриализации советской системе был бы «нисколько не страшен» индивидуализм крестьянства, а кроме того и «простой рост кооперации /в условиях Советской власти/ ... тождествен... с ростом социализма» [Ленин, О кооперации, с. 389–377].

Октябрь, нэп – это важные, в основе своей органические пласты исторического бытия России, в то время как внутренние патологические тенденции, приведшие в конце концов к *возможности* советской катастрофы, – они не в сущности Октября и не в сущности нэпа. Они – в антинэповских представлениях и способах действия.

³ «...Профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством... привлекая к этому широкие массы» [см.: Ленин, VIII съезд РКП (б), с. 435].

И в заключение: ленинская инверсионная концепция Октября и нэпа (с учетом наработок нэповцев-партийцев и нэповцев-спецов) – реальные основы советского проекта – как минимум не исчерпываются сталинской и послесталинской моделью социализма, но предстают предельно актуальными/спасительными для нынешнего мира. Признания и поиски Им. Валлерстайна, Сл. Жижека выглядят в этой связи очень знаково, как и множество объективно постэкономических соображений западных «постиндустриалистов» и глобалистов [Белл, Грядущее; Шепелева, Инверсионная..., с. 30, 39; Она же. Проблема революционно-демократической..., гл. 2.2.1–2.2.3]. И не случайны появляющиеся время от времени ремарки от «тоже россияневедов», вроде следующей: «Участь насмешек сопровождает ленинскую “кухарку”, которой надо было научиться “управлять государством”. Сегодня же все более очевидно, что без развитой способности к самоуправлению и контролю над “верхами” современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности» [Булдаков, с. 197]. И более всего, наверное, именно этой ленинской – марксистской управленческой составляющей не хватало – не хватило постсталинской советской системе. Но тем не менее мощные мыслители, совсем не апологеты большевиков прозревали и признавали, что советский проект – это «*новое мировое явление*», «*новое большое дело*» – движение к ноосфере, которое «*в основе своей, не исчезнет*», несмотря на «*безумства власти*», и при том «*несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного*» [Вернадский, Из дневников, с. 13–14; Он же, Дневник, с. 447, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 469, 476, 477, 481; Мочалов, с. 150–163].

Белл Д. Грядущее – постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С. 179–205.

Валлерстайн Им. После либерализма. М., 2003.

Валлерстайн Им. Ленин и ленинизм завтра и послезавтра // Эксперт online: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/> 11.02.2013 (дата обращения: 20.08.2018).

Вернадский В. И. Из дневников октября–ноября 1917 г. // Огонек. 1990. № 49. С. 13–14.

Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 446–492.

Мочалов И. И. В. И. Вернадский и Главлит // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 150–163.

Глебова И. И. Предисловие // Современная Россия: дискуссия (материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013). М., 2014. С. 4–13.

Глебова И. И. Первая революция как локомотив русской истории // Труды по россиеведению: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр россиеведения. Вып. 6. М., 2016. С. 262–276.

Закат России? // Современная Россия: дискуссия (материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013). М., 2014. С. 226–250.

Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.

Князева Е., Курдюмов С. Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 13–17.

Котеленец Е. А. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы: Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 36. С. 70–76.

Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта /1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 38. С. 151–173.

Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18–23 марта 1919. Приложения. Программа РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 38. С. 417–446.

Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 369–377.

Ленин В. И. О нашей революции (*По поводу записок Н. Суханова*) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 378–382.

Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (*Предложение XII съезду партии*) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 383–388.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 389–406.

Ленин и ленинское наследие: Основные параметры дискуссии // Современная Россия: дискуссия (материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013). М., 2014. С. 190–225.

Логунов А. А. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография. М., 1996. С. 447–487.

Мейер Г. У истоков революции. Frankfurt/Main, 1971.

Современная Россия: дискуссия (материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013). М., 2014.

Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу: пер. с англ. М., 1991.

Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 235–245.

Струве П. Б. Революция и контрреволюция // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции : в 3 ч. Гомель, 1993. Ч. 3. С. 31–33.

Труды по россиеведению: сб. науч.тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. Вып. 6. М., 2016.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография. Омск, 2009.

Шепелева В. Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии): дисс... докт. ист. наук. Омск, 2012.

Шепелева В. Б. Инверсионная концепция Октября и нэпа и проблема революционно-демократической альтернативы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 30–39.

УДК 94(47).084.3/.084.6

О. Ю. Яценко

ФИЛОСОФИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ: СЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ, ЛИБО ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ?

В статье рассматриваются идеологические принципы построения глобального общества в сравнении с историческим периодом 20–30-х гг., когда реализовывался «советский проект». Обращается внимание на проблемы глобализации, основные критерии которой были сформированы на модели «общества потребления» — идеологии экономического сообщества, противопоставленной социалистическим идеалам СССР. В процессе анализа обнаруживается общность исторической ситуации современности с периодом «советского проекта».

Ключевые слова: глобальное развитие, нэп, экономические методы, идеология, идеал, экономическая наука.

Современное состояние человечества описывается наукой преимущественно с позиции процессов глобализации. Под этими процессами чаще всего подразумеваются те экономические действия, которые

способствуют формированию единого экономического пространства, действующего по законам «свободного рынка», якобы дающего возможность равного доступа к ресурсам и технологиям большинства экономически действующих рациональных индивидов. Научное обоснование подобного подхода тяготеет к пониманию социальных процессов, рассматриваемых исключительно через призму экономических категорий, которые редуцируют социальные действия, имеющие объективный, многомерный и масштабный характер, к чисто экономическому, категориально и содержательно, описанию глобальной динамики. Это приводит к выведению из научного дискурса целого ряда вопросов, касающихся гуманитарных аспектов глобализации, ее связи с культурным контентом и специфики факторов глобализации, отличающих одни региональные объединения от других, делающие сам процесс нелинейным, диссипативным, подверженным флуктуациям и регрессу. Если принимать как объяснение лишь экономический категориальный аппарат, гуманитарные аспекты глобализации будут выглядеть схематизировано, как иррациональное и поддающееся анализу внеэкономическое проблемное поле, которое объяснить сами экономисты не в силах, либо они будут делать это, редуцируя объект к собственной понятийной базе, либо констатация наличия такого аспекта в изучаемом явлении будет полностью искажена и наполнена инородными смыслами. Еще одной опасностью «экономизации» подходов к описанию глобальных процессов является отсутствие у экономической науки единого, систематически и функционально взаимосвязанного понимания собственного предмета. Современная экономическая наука – это практически вольное собрание теорий, концепций и научных школ, которые чаще всего заняты рассмотрением отдельных аспектов экономической жизни общества – производственной, финансовой, потребительской, и т. п. И даже научные дисциплины, преподаваемые в высших учебных заведениях не ставят себе задачей (если только речь не идет об истории экономических учений) каким то образом объединить и составить у студента общее системное впечатление от экономики как целостного знания.

Тем более странно смотрится претензия на исследование глобальных явлений как чисто экономических, и представление конечной целью подобных процессов достижение такого уровня жизни глобального человечества, где все многообразие и специфика цивилизаций будет приведена к некому единому экономическому знаменателю.

Как считает И. М. Подзигун, «для того, чтобы дискуссии о глобализации и глобальных проблемах носили более действенный характер, необходим философско-методологический анализ того нового фактора мировой истории. Важно выяснить на системном уровне, что

является частным, преходящим в набирающем темп глобализационном процессе, а что отражает глубинные процессы и носит фундаментальный характер» [Подзигун, с. 4]. Философия, без сомнения, и должна стать тем объективно востребованным знанием, чье методологическое оснащение дает возможность наиболее полно и объективно исследовать глобализационные процессы, которые, для удобства уже сегодня классифицируются как экологические, демографические, энергетические, финансовые, информационные и др.

Современные подходы к пониманию общественного развития, к сожалению, все больше отходят от философско-методологического аппарата как инструмента эффективного, рационального осознания изучаемых феноменов. Переход к частнонаучной методологии отчасти оправдан целями и задачами дисциплин, в проблемном поле которых ставятся и решаются научные теоретические и экспериментальные задачи. Но отсутствие общего для всех, общенаучного и, тем более, метатеоретического подхода создает такую историческую коллизию, в которой замкнутость на собственный предмет и проблематику «разваливает» общенаучную картину мира, конструированием которой традиционно занималась философия. От этого страдает, *в первую очередь*, содержательность научной аналитики, которая, в лучшем случае, поднимается до высот индуктивного обобщения в рамках частнонаучного знания, но крайне редко способна на общенаучный системно-функциональный анализ, с выведением последствий полезности фиксируемого знания не только в рамках определенного раздела науки, но и выявлением ее эвристического потенциала для других научных дисциплин.

Во вторую очередь, научное сообщество не гарантировано от произвольной экстраполяции научных результатов в любую другую область знания, в том числе и в такую, чей предмет весьма далек от переносимой модели. Модель методологической организации знания, предложенная П. Фейерабендом, и получившая название «методологический анархизм» прочно обосновалась в экономической науке как предпочтительный способ получения знания [Фейерабэнд, с. 413]. Систематизирующая и методологическая функции философии, чьим багажом уже привычно широко и произвольно, без упоминания источника пользуются ученые-исследователи, замалчивается столь же систематически, сколь регулярно философские идеи выдаются за знания частнонаучных дисциплин.

Приведем небольшой отрывок из учебника «Экономическая социология» для наглядной иллюстрации отсутствия границ между частнонаучным и философским методами. «Что касается использования нами метода анализа структуры и динамики соотношения эконо-

мики и общества, то здесь мы придерживались взгляда, заложенного еще Г. Спенсером и продолженного Т. Парсонсом, согласно которому развитие системы описывается двумя категориями – дифференциацией и интеграцией. Сначала существует неразвитое единство подсистем социальной системы, затем они дифференцируются в отдельные подсистемы и каждая выполняет свою функцию, затем вновь интегрируются в отдельные подсистемы и каждая выполняет свою функцию, затем вновь интегрируются, но уже на ином качественном уровне. Экономика и общество в первоначальный момент едины, затем экономика выделяется из общества в отдельную подсистему, при этом в конечном итоге подчиняя себе все другие подсистемы и общество в целом (это капитализм), затем постепенно экономика вновь попадает под контроль общества. Для нас эта схема, разработанная в свое время еще К. Поланьи, является инструментом для анализа соотношения экономики и общества, а следовательно, и методом описания социальных типов хозяйства в экономической социологии» [Экономическая социология, с. 12].

Приведенный нами отрывок иллюстрирует эту тенденцию, когда закон *отрицания отрицания*, предложенный Г. Гегелем в XIX веке как универсальный закон диалектики, удивительным образом трансформируется экономической наукой в лице ее известных представителей в «схему Поланьи».

Методологический анархизм, предложенный П. Фейерабеном в середине XX в., стал наиболее востребованным способом получения знаний в науке, особенно это касается экономических знаний. Напомним, анархистский метод в науке имеет два аспекта: а) анархистский подход внутри самой науки; и б) проявление сциентистского анархизма в социальной жизни, где наука есть лишь одна из форм проявления идеологии, наряду с другими формами мировоззрения.

Сложившаяся в современной науке традиция применения любых методов для собственной отрасли знания, если они приводят к намеченному исследователем результату, берет начало из позитивистских и постпозитивистских методологических подходов, когда ключевым методологическим принципом научного познания является принцип «допустимо все». Это не только принцип развития научного знания, но и отражение такого состояния в теоретическом пространстве, когда имеется необходимость в реализации общественно значимой цели, но отсутствуют знания, теории и стратегические наработки по ее реализации. Отличие такой ситуации социального развития от «нормального» функционирования общества состоит в том, что независимо от наличия либо отсутствия плана реформ или революционных преобразований, методика проведения этих мероприятий при столкнове-

нии с реальностью может значительно измениться. Поэтому, говоря об изменениях в обществе (социальных, экономических, культурных), мы должны понимать, что, с одной стороны, они продиктованы внутренней логикой развития общества, и важно знать основные законы и принципы организации и развития общества вообще и этого конкретного общества. С другой стороны, рационально обоснованной, логически оправданной должна быть и деятельность субъектов – участников процесса реформ. Их знания, активность и целеустремленность во многом определяют не только наличие реформ, но и их положительный результат, соответствующий срокам, ресурсам и качеству намеченных преобразований.

Понимание того факта, что любое изменение должно быть обосновано, изложил еще П. Сорокин, уделявший должное внимание выбору методологических инструментов для социального преобразования. «Что касается метода исследования, то, как объясняется на нижеследующих страницах, он объединяет то, что я называю методом логико-смысловым, и метод причинно-функциональный. Это дает простор для логической мысли – обобщающей и аналитической – и вместе с тем проверяет соответствующими эмпирическими фактами правильность ее индуктивных выводов. Без логической мысли не может быть релевантного “факта”. Без релевантных фактов мы никогда не узнаем, какая из нескольких – самих по себе одинаково логичных – теорий соответствует фактам в большей степени и более удачно упорядочивает их чувственно воспринимаемый хаос в рационально постижимую систему. Чистое “открытие факта” бессмысленно, оно не приводит к значительным результатам. Чистая логическая спекуляция в социальных науках бесплодна» [Сорокин, с. 14].

Принципиальным изъяном экономических взглядов на развитие современного общества является отвлечение от культурологических и институциональных аспектов развития общества, если они напрямую не связаны с экономической жизнью общества.

Необходимость подкрепления экономических подходов анализа глобальных процессов гуманистическими элементами, адресующими научный поиск к социуму, чей уровень развития и культурного уклада во многом обеспечивают понимание научного дискурса. Процесс социализации экономического анализа чаще всего происходит при помощи политических и социологических понятий. Так, например, систематизация экономического знания может быть произведена при помощи понятия *идеология*. В экономике этот термин интерпретируется несколько иначе, чем в философии и других гуманитарных дисциплинах.

Идеологией в философии принято называть ту ее часть, которая модифицирует целостное философское учение, приспособляя его для

решения социальных задач в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Как правило, идеология опирается на философскую систему, имеет ярко выраженную политическую направленность и непосредственно служит инструментом для оценки, существующего положения дел, выбора соответствующих средств и планирования процессов, запускающих социальные перемены. В ситуации контроля за объективным состоянием общества идеология является целеполагающим фактором проведения социальных (в широком смысле этого слова) реформ. Если же объективность оценивается неверно, либо не существует инструментов, способных ее изменить в соответствии с имеющимся планом, либо не ясна сама цель изменений социума, – в этих ситуациях идеология становится инструментом кардинального, стремительного и качественно нового изменения (скачка), которое происходит в ситуации социальной революции (в широком смысле этого понятия). Идеологический компонент социальной жизни не материален, его трудно описать в конкретных экономических категориях, однако, он оказывает весьма существенное влияние на сами экономические процессы, структуру экономической деятельности и конкретного экономического субъекта. Включенность в социальный контекст самого «человека экономического» позволяет обнаружить влияние нематериального идеологического фактора. Как об этом пишет К. Полани: «...материальные средства удовлетворения наших потребностей делает экономическими благами не их “материальность”, а их оценка людьми. Их отношение к имеющейся системе потребностей важнее, чем субстанция, из которой они состоят» [Polanyi].

Можно рассмотреть идеологический принцип построения «глобального сообщества» как определенный катализатор процесса глобализации, работающий особым образом. Он позволяет не только обобществлять экономические технологии процессы глобального развития, имеющие региональные и национальные (а также конфессиональные и культурные) особенности, но и специфическую цель универсализации понимания общественных стандартов. То есть способствует формированию такого общественного идеала, преобладающим типом которого становится идеология единственного общества – общества потребления.

Экономическая наука использует понятие идеал как цель, поставив которую общество, группа, отдельный экономический субъект должны найти способы ее реализации. Поскольку экономические цели относятся к области хозяйственной деятельности, на их основе формируется экономическая идеология. Если в качестве экономического объекта, который должен быть изменен в соответствии с идеалом, рассматривать общество, то степень эффективности решения поставлен-

ной задачи будет также зависеть от культуры. Поэтому хозяйственная идеология всегда связана со спецификой культурного пространства, формирующего субъекта экономической деятельности, его менталитета и ценностных предпочтений. Если идеологическая программа предлагается или навязывается обществу извне, то ее реализация будет зависеть от того, насколько органично идея вписывается в культурный контекст общества, созвучна его потребностям и целям.

Итак, приведем определение, используемое экономической наукой: *Идеология – это обоснованная через определенную парадигму система идей.* Хозяйственная идеология включает познавательные, нормативные и символические элементы, образующие системное воздействие на экономику. Она предполагает:

- 1) целостное описание хозяйственной системы;
- 2) определение ценностей и общественно-экономического идеала;
- 3) способы преобразования существующей экономической культуры.

Выделяют четыре крайних типа хозяйственной идеологии: консерватизм, либерализм, демократизм и социализм. Каждая идеологическая система декларирует свои ценности [Асадов, Забродин, Прозоровская, с. 37–38].

Социалистическая идеология, как исторический опыт нашей страны на протяжении нескольких поколений, послужит нам иллюстративным материалом в попытке дать ответ на вопрос: *Каким образом возможно взаимодействие логической, планируемой реализации принципиально новой, не имеющей аналогов и образцов модели социалистического общественного уклада и достижения поставленной на уровне государственного управления цели индустриализации страны, преодоления многоукладности, закладки фундамента социалистического общественного устройства?*

Интерпретируя термин «идеология» применительно не только к экономической, но и ко всей социальной жизни, мы должны напомнить, что идеологические ценностные ориентиры проводятся в общество, формируя общественное сознание, а следом за ним и социо-экономическое поведение; так вот они проводятся в жизнь общества при помощи ряда социальных институтов: государства, образования, общественно-политических институтов. Также инструментом реализации идеологических целей необходимо является управление обществом в лице государственных и общественных систем. Рассмотрим применение идеологического фактора в истории нашей страны, а именно, период перехода к индустриальному экономическому укладу в 20-е – 30-е годы XX века.

Ранний этап становления советского общества и строительства советского государства представляется интересным еще и потому, что

коммунистическое общество, которое должно было возникнуть на руинах огромной Российской империи было задачей, реализация которой никогда до этого не осуществлялась в истории человечества: ни по масштабам задуманного, ни по скорости и стремительности, с которой советское государство планировало достигнуть поставленной цели. А между тем, помимо собственно экономических, политических и социальных задач, которые были продиктованы общей исторической ситуацией – выход из мировой войны и вхождение в гражданскую, формирование нового принципа территориальной организации и нового типа политической власти, декларация принципа равноправия и братского единства, – нужно было реализовать и строительство промышленного экономического фундамента, который в теории должен был остаться после предшествующего, капиталистического этапа социального развития. Все это делало необходимостью создание функциональных инструментов передачи материальных ресурсов пришедшему во власть пролетариату в лице его идейных представителей; формирование органов защиты и охраны новых собственников в виде армии и милиции; выход на дипломатическую арену для продвижения интересов первого социалистического государства; развитие системы образования – от уровня начальной, средней и высшей школы до курсов переподготовки управленческих кадров всех уровней. Все эти задачи на первый взгляд имели ситуативную логику развития: они выполнялись буквально и системно там и тогда, где имелись соответствующие постановления пленумов и съездов партии (ВКП (б)). В тех случаях, когда речь шла о планах развития социальных проектов, реализация которых была менее актуальной и имела более отдаленную перспективу, в качестве философского обоснования реформ и реорганизаций могла выступать не только марксистская философия. Поэтому в первых проектах Советской власти (План ГОЭЛРО, создание Наркомпроса) приняли участие П. А. Флоренский, А. В. Луначарский, активно помогали строительству новых общественных институтов писатели М. Горький, В. Маяковский и другие представители русской интеллигенции, философы и ученые.

Экономическая составляющая экспертного сообщества была представлена такими известными именами как российские экономисты А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, А. А. Богданов, В. А. Базаров, Г. А. Фельдман, Г. Я. Сокольников, А. М. Гинзбург, Л. Б и Е. Е. Слуцкие, Е. А. Преображенский, В. Г. Громан и др.

Вопрос решения поставленной задачи – в сжатые сроки кардинально сменить общественный уклад, оставшийся со времен Российской империи, решался экономистами отнюдь не по социалистическим лекалам (которых, как практического плана, также не было в наличии),

а исходя из логики развития экономики европейских стран, которые несколько раньше построили индустриальные общества. Поэтому первой задачей было изыскание материальных и финансовых ресурсов для строительства заводов и электрических станций, железнодорожных и транспортных путей, учреждений образования и здравоохранения. Одновременно необходимо было решить задачу подготовки кадров для промышленности, начиная от квалифицированных рабочих и заканчивая руководителями производств и государственными служащими. Высокий темп индустриализации, помимо энтузиазма ее участников, подкреплялся политической линией руководства, которая прописывалась в решениях пленумов (съездов) и становилась директивной, обязательной к исполнению. На местах ответственность за реализацию поставленных задач несли региональные и местные власти.

Когда мы говорим о значении идеологии в жизни общества и ее влиянии на экономическую сферу, то должны понимать, что одним из аспектов идеологии является национальный вопрос, и здесь мы можем проследить исторические примеры того, как идея объединяла и помогала осуществить значительные технологические прорывы, хотя, казалось бы, к тому не было предпосылок ни в экономическом укладе, ни в общественной традиции [Яценко, с. 80–87]. В РСФСР на протяжении короткого исторического периода была осуществлен переход от устаревшего, с элементами феодализма экономического уклада к передовому на то время индустриальному экономическому обществу. Как такому скачку способствовала идеология?

Во-первых, сама идея строительства социалистического общества была не только целью, поставленной и разделяемой политической властью – она была понятна большинству жителей страны.

Во-вторых, прошедшие трагические события Первой мировой и Гражданской войн не оставили иллюзий по поводу негативного отношения европейского буржуазного сообщества как к самой Российской империи, так и к советской власти, которая стала следующим политическим правителем в стране. И хотя партия большевиков не была преемницей идеологии, органичной для периода имперского правления, социальные реалии страны (имевшей многонациональное, многоконфессиональное население, многоукладность экономики, сложность и т. д.) поставили логику ее управления в строгие рамки.

В-третьих, парадоксально в сложившейся исторической ситуации то обстоятельство, что идеи социализма, принесенные марксистской идеологией в Россию, имели иностранное, европейское происхождение. Поэтому идея справедливо устроенного социального общества, разрабатывавшаяся для европейских стран, неожиданно получила шанс на реализацию в обществе, где критерии объективного

поступательного развития капиталистического общественного уклада были изменены. Но задачи экономического, социального, культурного строительства общества нового типа были успешно осуществлены – в основном, благодаря политической воле и государственному подходу к реализации принципа социальной справедливости в обществе новой формации. Как говорил П. Сорокин, разные коммунистические партии по всему миру показали максимум изменчивости своих тактик, никогда при этом не меняя своей стратегии, нацеленной на достижение желаемой цели. В 1920-е и 1930-е гг. он чувствовал, что лучший путь противодействия распространению философии коммунизма – встретить ее в лоб и контратаковать так, чтобы свести на нет эффективность коммунистических целей [Дойков, с. 419].

«Советский проект» практически с самого момента своего появления был постоянно атакован имеющимися у внешних игроков экономическими, политическими, идеологическими инструментами. Особого снимания заслуживает критика научного западноевропейского и американского сообщества, которая велась не только с позиций экспертной оценки и признания «несостоятельности» строительства общества нового типа. В процессе этой научной критики были предложены модель альтернативного развития общества как экономически состоявшегося образования, способного предоставить своему гражданину весь спектр экономически востребованных товаров и услуг.

Именно как альтернатива индустриализации вкупе с другими социальными проектами СССР на Западе формируется идея «общества потребления» – в нем индивид имеет возможность реализовать любые потребности за счет приобретения товаров и услуг, производством которых занимается экономика. Проблемой такого общества, возникающего как конкурентное социалистическому проекту, становится тот факт, что часть жизненно важных потребностей монетизируется и постепенно становится труднодоступной для большинства населения. Образование и медицина, жилищная проблема – все это в экономиках западной модели становится менее доступным для большинства граждан. Те, кто обладает возможностью получать эти блага, также находятся в зоне риска – любой выставленный сверх страховки медицинский счет, либо судебное разбирательство могут существенно сократить накопления, потеря рабочего места практически сразу делает человека банкротом. Такое положение дел варьируется на протяжении длительного времени – ситуация улучшается в периоды экономического подъема, но в периоды спада деловой активности становится хуже предыдущих спадов, охватывая все большие по численности и масштабу социальные группы.

В процессе перехода от плановой к рыночной экономике Россия в качестве образца для подражания использовала как раз эту запад-

ную модель «общества потребления» и на то были объективные причины – рынок потребительских товаров и услуг был катастрофически недофинансирован и неразвит – дефицит товаров народного потребления и продуктов должен был быть восполнен в краткосрочной перспективе за счет формирования внутреннего рынка производства данного вида товаров. Но раньше, чем был создан этот рынок, его место лавинообразно стали заполнять товары иностранных производителей. Количественно они задушили возможности роста внутреннего рынка, создав дополнительно проблему нехватки рабочих мест.

Некоторые социальные процессы и явления, возникшие в результате осуществления экономических реформ или мешающие их проведению, имели и имеют негативный оттенок. Преодоление негативных тенденций будет способствовать модернизации России, становлению ее как страны с развитой рыночной экономикой и с комфортной социальной сферой [Асадов, Забродин, Прозоровская, с. 113].

Однако, пожалуй, самым распространенным является миф о глобализации как о беспрецедентной интеграции национальных государств и экономик на основе развития новых информационных технологий и становления «глобального информационного общества» [Экономическая социология, с. 346–347].

Можно рассматривать идеологический принцип построения «глобального сообщества» как определенный катализатор процесса глобализации, работающий особым образом. Он позволяет не только обобществлять технологии, процессы глобального развития, имеющие региональные и национальные (а также конфессиональные и культурные) особенности, но и формировать специфическую цель универсализации понимания общественных стандартов. То происходит формирование такого общественного идеала, преобладающим типом которого становится идеология единственного общества – общества потребления.

Современная Россия активно включена в процесс глобализации [Социальное управление в России, с. 173–177]. Это означает, что всякое знание о социальной истории, социальной реальности, осмысление исторического опыта должно быть направлено на то, чтобы избежать ошибок, извлечь необходимые уроки из прошлого.

Асадов А. Н., Забродин В. Ю., Прозоровская К. А. Основы экономической социологии: учебн. пособие. СПб., 2005.

Дойков Ю. В. «Мы должны переварить тоталитаризм и достичь мира...» (Из досье ФБР на П. А. Сорокина. 1954 г.) // Питирим Александрович Сорокин / под. ред. В. В. Сапова. М., 2013. С. 416–426.

Подзигун И. М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. М., 2003.

Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., комментарии и статья В. В. Сапова. СПб., 2000.

Социальное управление в России в условиях глобализации: монография / под общ. ред. М. Ю. Захарова. М., 2013.

Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007.

Экономическая социология: учебник / под ред. Ю. В. Веселова. М., 2013.

Яценко О. Ю. Национальный вопрос в философии русского марксизма // Проблема национальности в русской философии: монография. М., 2016. С. 80–87.

Polanyi K. The Economy as Instituted Process (1957) // The Sociology of Economic Life / ed. by M. Granovetter and R. Svedberg. Westview Press, Inc, 1992. P. 29–53.

УДК 94(47).084

Н. М. Байбатырова

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПУБЛИЦИСТИКЕ АВТОРОВ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена анализу публицистических работ представителей эмиграции «третьей волны», главным предметом изучения которых становится советская система и советский человек как продукт этой системы. Автор рассматривает разнообразие политических оценок, содержащихся в публицистических трудах лидеров третьей русской эмиграции, осмысливает их вклад в развитие отечественной социально-политической мысли.

Ключевые слова: Советский Союз, советский человек, эмиграция, «третья волна», русское зарубежье, публицистика.

Представители творческой интеллигенции, эмигрировавшие из Советской России после 1970-х гг., продолжали живо интересоваться советской идеологией, наблюдая со стороны за трансформациями советского общества. Их литературные и публицистические произведения, а также статьи и интервью в эмигрантской и западной прессе часто затрагивали вопросы внешней и внутренней политики покинутого СССР,

© Байбатырова Н. М., 2018

темы советской идеологии. По мировоззренческой направленности и содержанию их творчество во всех отношениях было антисоветским.

В позднесоветский и постсоветский периоды в русской эмиграции, центром которой в 1980–1990-х гг. стали Нью-Йорк и Израиль, авторы, не стесняясь, высказывались в адрес покинутой страны и бывших соотечественников. Они осваивали новые методы и приемы публицистического и литературно-критического творчества, зачастую оттачивая сатирический слог в публикациях, посвященных политике, экономике, социальной сфере покинутого Союза. В статье анализу подвергнута публицистика А. И. Солженицына, А. А. Зиновьева, С. Д. Довлатова, а также менее известных представителей русского зарубежья, чьи историсофские и социологические концепции стремились отразить своеобразие советской социальной реальности.

В «Письме вождям Советского Союза» А. И. Солженицына [Солженицын] анализу и оценке подвергнуты не только политические реалии страны, но и содержатся предложения относительно развития военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства, социальной сферы, культуры и духовной жизни населения СССР. Еще до эмиграции, в 1973 г., писатель обратился к членам Политбюро, но ответной реакции не последовало. Автор сразу же пустил «Письмо» в самиздат и передал его западным корреспондентам. А. И. Солженицына волновали демографические проблемы Союза, опустевшие земли Нечерноземья, Восточной Сибири. Автор видит СССР как деградирующую цивилизацию, которой грозит глобальная идеологическая и вполне реальная физическая катастрофа.

Публицистический роман одного из самых известных эмигрантов «третьей волны» А. А. Зиновьева под названием «Гомо советикус» стал социологическим исследованием феномена советского человека. В течение эмигрантского периода жизни писателя, длившегося 21 год, он неоднократно прибегал к анализу идеологии современных ему обществ. Будучи подкованным в сфере геополитики, обладавший поразительным политическим чутьем и мудростью, А. А. Зиновьев фактически предугадал будущее России и цивилизации в целом. Сразу после выезда за рубеж, в 1978 г., он получил премию за лучшее европейское эссе по социологии, а в 1982 г. ему присудили престижнейшую премию Токвиля. Его книга «Коммунизм как реальность» [Зиновьев, Коммунизм как реальность] стала мировым бестселлером, «признанным учебником при изучении советской социальной системы» [Александр Александрович Зиновьев, с. 26].

Научные и литературно-публицистические интересы социолога, ученого-логика и писателя А. А. Зиновьева были ориентированы на изучение советского общества, в котором он вырос и получил образова-

ние. Именно поэтому публицистика этого автора эмиграции приобрела социологическое направление. Источниками публицистического анализа А. А. Зиновьева стали интеллигентский советский фольклор послевоенных лет, советские газеты и литературные произведения.

Главный персонаж публицистического романа «Гомо советикус» фигурирует под именами «Я», «эмигрант». Вместе с другими приезжими он жительствоует в пансионе в «некотором западноевропейском городе». Герой уехал из родного Ибанска, забрав с собой все самое ценное, в том числе советский менталитет. Исследователь творчества А. А. Зиновьева М. Геллер описывает предшественников социального типа гомососа. Именно таким неблагозвучным наименованием окрестил автор человека советской эпохи.

Гомосос А. А. Зиновьева – обычный биологический тип, но отдельные его черты столь гиперболизированы, что он становится объектом сатиры автора. В числе важных черт гомососа – необоснованная самоуверенность, презрение к другим, прежде всего – к Западу. «Социалистическая система, – это один из законов, открытых автором «Гомо советикуса», – царство посредственностей, уничтожающих всякое проявление таланта. Поэтому особенно страдают во всех книгах А. А. Зиновьева его любимые герои – блестящие, талантливые люди», – констатирует М. Геллер [Александр Александрович Зиновьев, с. 217]. Они страдают от непонимания, одновременно возвращая манию величия. Критики справедливо сравнили роман «Гомо советикус» с зеркалом, поставленным А. А. Зиновьевым перед самим собой и перед всеми читателями: «Зеркало – предельно жестокое и беспощадное по отношению к отображающемуся в нем гомососу» [Александр Александрович Зиновьев, с. 233].

У еще одного небезызвестного автора «третьей волны» русской эмиграции С. Д. Довлатова в качестве модели советского государства и человеческих отношений выступает зона. Одноименное произведение с подзаголовком «Записки надзирателя» вышло в свет за границей в 1982 г. в Энн-Арборе, в издательстве «Эрмитаж» [Довлатов]. Написанная еще в СССР, «Зона: Записки надзирателя» не могла быть вывезена из страны легальными путями и переправлялась за границу на микропленке. Надзиратель предстает такой же жертвой обстоятельств, как и лагерники. Документально-публицистическая основа книги складывается из событий осени 1962 г., когда журналист и писатель, будущий редактор известной эмигрантской газеты «Новый американец» С. Д. Довлатов служил в поселке Чиньяворык, где охранял лагерные бараки. Тюремные эпизоды чередуются с письмами автора к издателю. Произведение состоит из четырнадцати самостоятельных частей, в которых рассказывается о жизни заключенных и их

охранников. Тюремная зона в этой повести С. Д. Довлатова выступает как метафора тотальной несвободы в Советском Союзе.

С 1980-х гг. бывшие советские граждане, эмигрировавшие из СССР, стали обращаться к социальной публицистике. В ней авторы подчеркивали и анализировали факты загнивания советской системы. В публицистическом произведении советского диссидента, литературоведа и публициста М. С. Агурского «Советский Голем» метафорически раскрывается вся суть советской системы. Герой еврейской мифологии – глиняный великан Голем восстал против своего создателя. М. С. Агурский занимался историей и политологией, изучал советское общество. В 1975 г. он после нескольких отказов в эмиграции смог выехать в Израиль, где работал в Иерусалимском университете. В предисловии к книге «Советский Голем» другой общественный деятель русского зарубежья, публицист и редактор Б. Филиппов писал: «Советский Голем, созданный партократией (воздух) при участии армии (огонь) и при истощении всех жизненных соков населения (вода) и всех производственных сил (земля), этот военно-технократический Голем может двигаться и чего-то достигать лишь при помощи заклинаний: «Все для укрепления обороны, для повышения крепости и силы армии!», «Не дать США возможности перегнуть нас в термоядерном вооружении!» [Агурский, с. 6].

М. С. Агурский исследовал разрушительный характер советской экономики, которая основывается на фетишизме производительных сил, отсутствии здоровой конкуренции. Он же подчеркивал факты отсталости и косности советской науки и техники при создаваемой видимости научного прогресса, рассматривал признаки бюрократического милитаризма государства, политики изоляционизма и советского радикализма, упоминал бессмысленную и неудачную войну в Афганистане. «Итак, вместо гигантской монолитной системы, какой оно было раньше, советское общество превращается в совокупность массивных, пересекающихся структур, соревнующихся друг с другом в борьбе за власть и бюджеты», – заключает автор книги [Агурский, с. 65].

Философско-мифологическую основу имеет и очерк о советском социуме М. Н. Эпштейна «Великая Сось». Книга впервые увидела свет в Нью-Йорке в 1994 г. М. Н. Эпштейн высказал схожие с М. С. Агурским мысли о милитаризме страны. «В этой сумрачной стране “Великая Сось” воинская служба покрыта особым мраком. Чужестранцам рекомендуется время от времени проявлять к ней интерес, потому что иначе решат, что они скрытые шпионы, и выдворят из страны», – отмечал М. Н. Эпштейн [Эпштейн, Великая Сось, с. 64].

Этот представитель «третьей волны» русской эмиграции – наш современник, покинувший родину на закате советской эпохи, в 1990 г.

Энциклопедические знания в различных областях науки позволили выпускнику филфака МГУ М. Н. Эпштейну получить известность в сфере философии и культурологии, лингвистики и литературоведения, журналистики и публицистики. Автор изучал советскую идеологию и философию постсталинской эпохи. Особенно ценным является логико-лингвистическое исследование языка советской идеологии, а также описание культуры советской повседневности. М. Н. Эпштейн проанализировал структуру и суть философских направлений в СССР: марксизма, неорационализма, бюрократического персонализма, национализма. Ему принадлежит труд «Релятивистские модели в тоталитарном мышлении», вышедший в 1991 году.

Следует отметить, что происхождение негативно-оценочного понятия «совок» приписывают М. Н. Эпштейну. «Характерно, что слово “совок” в массовом употреблении приобрело то презрительное и даже издевательское значение, которое в моей книге даже не подразумевалось», – объяснил автор. «Совками» он назвал в «Великой Сови» людей-трудяг, занятых добыванием пищи для себя и вышесидящих. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время М. Н. Эпштейн продолжает активно изучать философию и культуру постсоветской России. Так, в 2016 г. увидела свет книга под названием «От совка к бобку. Политика на грани гротеска» [Эпштейн, От совка к бобку. Политика на грани гротеска], представляющая собой сборник политических эссе. В работе, вышедшей в Киеве, автор резко раскритиковал политику России. «Бобок – это агрессивно-депрессивный совок, который ничего хорошего не ждет от мира. А поэтому готов первым нанести сокрушительный удар – и, разлагаясь в могиле, грозит “бобокалписом”...», – резюмировал М. Н. Эпштейн [Цит. по: Эпштейн, От совка к бобку. Этот год..., с. 13].

Отличными по жанрово-стилистическим характеристикам являются публицистические работы творческого эмигрантского дуэта П. Л. Вайля и А. А. Гениса. Их публицистика проникнута неисчерпаемым юмором и сатирой. Книга «60-е. Мир советского человека» [Вайль, Генис] описывает мировоззрение и образ жизни советских граждан периода «оттепели». Здесь цитируются советские газеты, постановления ЦК, выступления генсека. Все это служит средством создания комического. Сатирический эффект усиливается, когда П. Л. Вайль и А. А. Генис вполне серьезно пишут об абсурдном. Так читатель самостоятельно обнаруживает очевидные признаки многочисленных нелепостей советской цивилизации. Главы книги «60-е. Мир советского человека» модифицируются в самостоятельные истории-памфлеты.

Таким образом, советское государство, человек в советской системе стали предметом страстных споров, разнообразных и откровенно резких позиций, высказывавшихся на страницах изданий «третьей

волны» русской эмиграции. Свои острые, порой изменчивые и противоречивые точки зрения высказывали А. И. Солженицын, А. Д. Синявский, В. Н. Войнович, А. А. Генис и П. Л. Вайль, М. Н. Эпштейн. Некоторые из писателей и публицистов русского зарубежья предлагали свои проекты развития «погибающей России».

Александр Александрович Зиновьев / под ред. А. А. Гусейнова. М., 2009.

Агурский М. Советский Голем. London, 1983.

Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека / худож. оформление V. Paperny. Ann Arbor: Ardis, 1988.

Довлатов С. Зона: Записки надзирателя. Ann Arbor: «Эрмитаж», 1982.

Зиновьев А. Гомо советикус. М., 2000.

Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 1994.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. Paris, 1974.

Эпштейн М. Великая Сось. Философско-мифологический очерк. Нью-Йорк, 1994.

Эпштейн М. От совка к бобку. Политика на грани гротеска. Киев, 2016.

Эпштейн М. От совка к бобку. Этот год может стать переломным в истории России // Новая газета. 2014. № 137 (5 декабря). С. 12–13.

Раздел 2

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ:

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

УДК 94(47).084.2:778.5

А. А. Кочкина

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФИЛЬМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О 1917 ГОДЕ

В статье приводятся результаты комплексного исследования художественного образа революции 1917 г., созданного в советских фильмах 1920–1980-х гг. Авторский акцент сделан на идеологическом содержании киносюжетов, рассмотрении кино-мифа как инструмента формирования массовых представлений о 1917 году. Исследователь выдвигает тезис — советский историко-революционный фильм может выступать «пособием» для современного зрителя по развитию критического мышления и формирования исторического сознания. Кинотекст рассматривается как средство политического программирования советского режима.

Ключевые слова: кино, визуальный источник, революция, кинотекст, идеология, пропаганда, историко-революционный фильм, образ.

Репрезентация исторических событий 1917 года в кинематографе СССР – тема, которая не так часто становилась объектом исследования историков. Хотя современные ученые рассматривали различные ее аспекты [см., например: Волков; Огнев; Огоновская; Поршнева], динамика образа революции за весь период существования советского кино еще не становилась предметом специального исследования. Этот факт предопределил объект, предмет, цель и задачи нашей работы. Как формировались целостные представления о революции в советский период? Насколько эти художественные образы «диктовались» действующей идеологией государства? Зачем был необходим именно такой образ революционных событий в конкретный период полити-

ческого и культурного развития СССР? Вот некоторые из вопросов, заинтересовавшие автора статьи.

Теоретико-методологической основой работы является культурологический подход. Он предполагает изучение исторической реальности определенного периода через сферу культуры, осмысление явлений прошлого через анализ культурологических категорий (искусства, картины мира, ценностей, символов, смыслов, образов, продуктов творческой деятельности и их значений) [Воскресенская, с. 59].

Источником для исследования стала выборка из 35 советских художественных историко-революционных фильмов 1920–1980-х гг.: Стачка (1925), Мать (1926), Октябрь (1927), Конец Санкт-Петербурга (1927), Арсенал (1928), Юность Максима (1934), Подруги (1935), Депутат Балтики (1936), Возвращение Максима (1937), Ленин в Октябре (1937), Великое зарево (1938), Выборгская сторона (1938), Человек с ружьем (1938), Ленин в 1918 году (1939), Яков Свердлов (1940), Школа мужества (1954), Первые радости (1956), Павел Корчагин (1956), Они были первыми (1956), Рассказы о Ленине (1957), Трилогия «Хождение по мукам» (1957–1959), В дни Октября (1958), Шли солдаты (1958), Олеко Дундич (1958), Заре навстречу (1959), Большая дорога (1962), Опасные гастроли (1969), Сердце России (1970), И был вечер, и было утро (1970), Даурия (1971), Старая крепость (1973), Особых примет нет (1979), Красные колокола (1982).

Интерпретация художественного образа Российской революции в историческом контексте позволила проследить процесс развития и изменения образа революции (целостного чувственно-символьного представления о событии) [Кочкина, Динамика образов..., с. 90–91]. Выделим три периода складывания кинообраза, а, следовательно, изменения его идеологического содержания и формирующих историческое сознание ориентиров. Остановимся более подробно на каждом этапе.

1. Историко-революционное кино 1920–1950-х гг.

Анализ и интерпретация историко-революционного кино СССР в 1920–1950-е гг. приводят к выводу, что в художественном осмыслении история 1917 г. в этот временной промежуток определялась следующими положениями:

– революция – это, прежде всего борьба, классовое противопоставление;

– бунтующие массы, а затем (с фильмов 1930-х гг.) революционеры (отдельные герои, но как типичные представители класса) осуществили трудный переход к новому типу общества, претерпевая сопротивление контрреволюционных сил;

- лидеры, народные вожди, партийные деятели – люди, которые организовали движение народа за права и новый строй;
- мировая война и голод – две основные причины, приведшие к революции;
- только одна определенная партия учитывала интересы рабочих и крестьян, осуществляла их поддержку, направляла недовольство бунтующих и определяла методы политической борьбы;
- широкие слои населения поддерживали пролетарскую революцию;
- октябрьское вооруженное восстание – «победа» революции [Кочкина, К вопрос о методике исследования, с. 341–343].

2. Развитие кинообраза в 50–60-е гг. XX века

Революция в киноизображении рассматриваемого периода по-прежнему предстает как классовая борьба, но этот процесс получает новые художественные характеристики. Происходит «романтизация» революционного времени, что подтверждает анализ кинотекста. Так, например, главные герои фильмов характеризуют революцию: «самое прекрасное – борьба за человечество», «веселое грядет время», «революция, ведь это чудесно». Отмечается стремление кинематографистов показать этот год через переживания молодежи, через семейные ценности. Революционная борьба воспринимается главными героями с восторгом и трепетом, нередки сцены, когда молодые люди горячо доказывают свою позицию в спорах. Выявляется стремление режиссеров обратиться к проблеме «маленького человека» в революции.

Если в историко-революционных сюжетах 20–50-х гг. акцентируется внимание зрителя на проблеме голода как одного из главных «катализаторов» революции, то в период оттепели причиной бедственного положения и доведенного до бунта народа становится Первая мировая война.

Ленин предстает уже не таким веселым и энергичным, а несколько деликатным, заботливым, вдумчивым, при этом решительным. Партия – основная организующая сила в революционной борьбе.

Результаты революционной борьбы: свершение революции рабочих, солдат и крестьян – путь к решению основных социально-политических проблем.

3. Фильмы о революции в 70–80-е гг. XX века

Отражение революции в кинематографе в это время становится редким явлением, что, возможно, связано с усилением цензурных ограничений в начале 70-х гг. Кинофильмы о революции содержали характеристики ее кинообраза, выделенные нами в предыдущих двух

периодах; кроме того, появляются некоторые изменения в подходе к отражению истории. Появляется несколько историко-революционных художественных фильмов, имеющих сходство с документальным повествованием. Здесь отмечается стремление режиссеров поэтапно восстановить ход исторических событий, включить в сюжет различные оценки исторических личностей (через дискурс героев). Данные фильмы характеризуются эмоциональной сдержанностью политических деятелей, сцены сопровождаются закадровыми комментариями.

Анализ образа революции в кинематографе (в выделенные периоды) приводит к различным выводам, но в рамках данной статьи охарактеризуем два аспекта работы: идеологическое содержание исторического киносюжета и его консолидирующее значение.

Сюжеты прошлого в киноинтерпретации должны были способствовать пониманию настоящего и поддерживать его. Поэтому фильмы становятся инструментом пропаганды и агитации действующей власти, а их изучение пополняет сведения о политической истории СССР. Как видим, в первый период было важно проиллюстрировать классовое противостояние. «Оправдать» именно пролетарскую революцию угнетенного класса. Далее, в 50–60-е гг. революция в кино транслируется как светлое, яркое воспоминание, дело молодых, активных, идейных.

Формируемые в художественной системе фильма знания о революции должны были способствовать достижению политических задач новой власти, а именно: воспитания нового человека на идеях марксизма-ленинизма, легитимации захвата власти в октябре 1917 г., консолидации общества посредством акцентирования внимания на проблемах старого (царского) режима. Л. Н. Мазур, исследователь темы визуальной репрезентации советской деревни в художественном кинематографе, использует понятие *мимезис* – достижение зрителями состояния потребности следования экранным образам [Мазур, с. 55]. Данный эффект достигается через повторяемость образов в разных сюжетах. Исходя из этого, можем говорить, что кинокартины о революции 20–50-х гг. (и двух других периодов) имеют схожие характеристики ее образа и выполняют определенные «программирующие» задачи. В сознании большинства граждан СССР, просмотревших хотя бы несколько историко-революционных фильмов, должен был «оформиться» образ спасительной революции как борьбы, ставшей основой лучшего общества и новой формы государственного устройства. Интересно то, что в каждом из выделенных периодов, помимо «спасительной революции» выделяются другие образы (героев, врагов, войны, партии, вождей). Их появление автор связывает с той социальной-политической ситуацией, в которой создавалась картина.

Реконструкция образа революции в историко-революционном кино в конечном итоге способствует пополнению сведений о формах, методах, способах художественного осмысления истории. Именно последнее определяет ценностное отношение зрителя к тому или иному процессу, а, следовательно, может выступать инструментом как социальной консолидации, так и конфронтации.

Советский кинематограф для современного зрителя – не только образец высоких художественных достижений, но и источник для размышлений и развития критического мышления. Иначе говоря, историко-революционное кино – наглядный «урок» проявления идеологии в различных сферах общественной жизни и механизмов социальной консолидации.

Волков Е. В. Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920–1930-е годы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 416–426.

Воскресенская М. А. Культурологические подходы в историческом познании: вопросы историографии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 58–64.

Кочкина А. А. Динамика образов русской революции 1917 г. и ее вождей в советском кинематографе (1920–1950-е гг.) // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI Всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2017. С. 89–96.

Кочкина А. А. К вопросу о методике исследования художественного кино как исторического источника // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим : тезисы X Всеросс. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 341–343.

Мазур Л. Н. Особенности информационной структуры аудиовизуальных источников: методы источниковедческого исследования // Актуальные проблемы источниковедения : мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. С. 54–57.

Огнев К. К. Реалии истории в художественной системе фильма (основные типологические модели на материале мирового кинопроцесса): дисс... докт. искусствоведения. М., 2003.

Огоновская И. С. Российские революционеры и революции в отечественном историко-художественном кинематографе: к вопросу о формировании исторической памяти поколений // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI Всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2017. С. 190–200.

Поршнева О. С. Антропологическое измерение Российской революции 1917 г.: дискуссионные аспекты изучения и достижения современной историографии // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI Всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2017. С. 14–20.

УДК 94(47).084.3:778.5

Л. Н. Мазур

РАНЕСОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СИНДРОМА ВОЙНЫ¹

В статье раскрывается понятие военного синдрома и его особенностей применительно к общественному сознанию в раннесоветский период. Художественный кинематограф играл заметную роль в военизации советского общества и формировании синдрома войны. Особое внимание в статье уделено такому понятию как оборонное кино — направлению, которое складывается в советском кинематографе в 1920-е гг. и достигает своего расцвета в предвоенный период. Изучение жанрово-тематического разнообразия военно-оборонного кинематографа позволяет выделить основные направления пропаганды и охарактеризовать агитационные приемы, используемые властью для формирования основных образов пропагандистского дискурса (справедливой войны, врага, союзника, военного и пр.), их эволюцию и трансформацию на протяжении 1920–1930-х гг. Дополненные другими формами агитации, они способствовали формированию советского мифа о войне.

Ключевые слова: военный синдром, оборонное кино, советский кинематограф, образ войны.

Советский проект был во многом порождением войны, которая потрясла мир, создала условия для падения монархии и революционного взрыва в России. Раскол в среде социал-демократии по вопросу о войне привел к окончательной кристаллизации большевистской партии. Антивоенные лозунги, вначале обернувшиеся фатальной потерей популярности, в 1917 г. способствовали приходу большевиков к власти, а заключение Брестского мира позволило им сконцентри-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ровать усилия на решении проблем укрепления власти. Гражданская война повлияла на формирование психологии власти, для которой террор стал основным средством решения проблем, причем не только политических, но и экономических, социальных, культурных. Военная доктрина была важнейшей составной частью советского проекта, определяя задачи социалистического строительства, в том числе индустриализации, коллективизации, культурной революции. Война превратилась в модус общественного сознания российского общества, определив доминанту в психологии и поведении советского человека, который постоянно жил в ожидании войны, страхе перед ней и должен был быть готовым не просто выполнить долг защитника отечества, а отдать жизнь, погибнуть во имя светлого будущего.

В медицине существует понятие «синдром войны», который квалифицируется как посттравматическое стрессовое расстройство и является следствием реакции организма на события, связанной с уязвимой жизни и смертью близких людей. Стресс закрепляется в памяти и преобразуется в воспоминание, которое способно влиять на поведение человека, порождая вновь и вновь страх и агрессию.

Специфика синдрома войны состоит в том, что он способен вторгаться в пространство коллективной психологии и общественного сознания. Такой эффект достигается в результате глобальных катастроф, затрагивающих все общество в целом, либо может конструироваться с использованием механизмов социального инжиниринга для достижения определенных, как правило политических, целей.

Синдром войны сложился в общественном сознании россиян не сегодня и даже не вчера. Он начинает формироваться в XIX в., когда война становится фактом, затрагивающим жизнь всего общества. Такой резонанс имела Отечественная война 1812 г., всколыхнувшая все российское общество, а через сто лет – Первая мировая война, затем Гражданская война. Другие военные конфликты находились на периферии общественного сознания, непосредственно затрагивая только часть общества.

Болезненные черты синдром войны приобрел в раннесоветском обществе под влиянием посттравматического шока от Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. Причем если Первая мировая война – это борьба с внешним врагом, то Гражданская война – с внутренним. В результате происходит распространение военного сознания не только во вне, но и внутри общества, оно становится тотальным и приобретает статус образа жизни (модуса).

Уже в июне 1919 г. З. Гиппиус в «Черной книжке» писала: «Большевицкая власть в России – детище войны. *И пока она будет – будет война... внешняя и внутренняя.* И последняя в самой омерзи-

тельной форме террора, т. е. убийство вооруженными – безоружных и беззащитных» [Гиппиус, с. 192].

Особенностью военного синдрома в советском обществе было то, что он охватил сразу несколько поколений: старшее поколение ветеранов, переживших Первую мировую и Гражданскую войны; их детей, которые родились и выросли в условиях войны, воспринимая ее как обыденность; поколение внуков ветеранов, сознание которых было детерминировано военной пропагандой и ожиданием войны.

Таким образом, основной чертой общественного сознания в раннесоветский период было состояние войны с внешним и внутренним «врагом». Состояние войны есть особая форма общественной жизни и сознания, которая характеризуется тотальностью и необратимостью (отсутствием альтернатив). Состояние войны распространяется на все аспекты жизни – отношения с «чужими» (чуждые классы, другие страны), восприятие себя, природы, экономических процессов и проблем, социокультурной инакости внутри общества. Состояние войны исключает тактику диалога и соглашения, признает только капитуляцию и уничтожение и способствует росту нетерпимости и агрессии.

Это состояние сознательно поддерживалось властью, т. е. конструировалось с целью легитимации внешней и внутренней политики, частью которой были репрессии. Изобретением советской власти стала политика памяти, которая в 1920–1930-е гг. была связана с увековечением подвигов героев революции и гражданской войны и формированием советского мифа, а во второй половине XX века – с сохранением памяти о Великой Отечественной войне, которая стала подтверждением жизнеспособности советского строя. Политика памяти носила комплексный характер и включала разработку:

- 1) символов военной силы и победы;
- 2) праздничного ритуала победы (парады, демонстрации, театрализованные представления, минута молчания);
- 3) памятных знаков (вечный огонь, памятники, музеи, мемориалы, топонимы);
- 4) увековечения памяти о войне в произведениях искусства и литературы;
- 5) документирования памяти о войне (воспоминания, мемуары, учебная и научно-популярная литература);
- 6) научного обоснования причин и значения побед.

* * *

Остановимся подробнее на вкладе советского кино в формирование синдрома войны. В раннесоветском кинематографе

(1918–1930-е гг.) тема войны нашла воплощение в нескольких жанрах, номенклатура которых имела тенденцию к расширению – это агитационно-пропагандистское; историко-революционное, военное оборонное кино. С конца 1920-х гг. тема войны и подготовки к ней в явном или неявном виде присутствовала практически в каждом фильме, в том числе комедиях, мелодрамах, формируя у зрителя сложный комплекс чувств ожидания и желания войны как способа решения существующих проблем и достижения конечной цели построения коммунизма.

Каждое из выделенных кинематографических направлений решало свои задачи, но вместе с тем преследовало и общие цели, связанные с патриотическим воспитанием населения, военизацией его сознания и поведения, достигая совокупного эффекта присутствия войны в повседневной жизни человека.

В целом в истории раннесоветского кинематографа можно выделить два основных этапа эволюции образа войны кино: 1918–1920-е гг. – военно-революционный; 1930-е гг. – военно-оборонный.

1918–1920-е гг. – время становления и расцвета советского агитационного и историко-революционного кинематографа, в котором образ войны был ориентирован в прошлое, иллюстрируя предысторию и историю становления Страны Советов. Специфической чертой этого этапа была ярко выраженная агитационно-пропагандистская направленность фильмов (не только по содержанию, но и по форме). Уже в первые годы советской власти, отвечая на ее запросы, кинематограф стал активно использовать такой оперативный жанр как агитационно-пропагандистский фильм (агитпропфильм; агитфильм). Он просуществовал вплоть до конца 1940-х гг., объединяя картины, преимущественно игровые, но с претензией на реалистичность, почти документальность.

Примером может служить агитфильм «Девяносто шесть» («Их было пятеро»), снятый реж. В. Гардиным в 1919 г. Пропагандируя необходимость всеобщего военного обучения, введенного декретом СНК в 1918 г. [Декрет], фильм рассказывает немудреную историю о том, как герой картины – художник, услышав речь Ленина о значении Всеобуча, становится слушателем программы 96-часового военного обучения. Более увлекательный сюжет содержит агитка «Смелычак» (реж. М. Нароков, 1919): герой фильма – акробат Ваня Баев – организует побег революционеров из белогвардейских застенков. Фильм был снят за 18 дней к первой годовщине Красной армии. Любопытно, что и в дальнейшем героями историко-революционных фильмов 1920–1930-х гг. часто выступали цирковые арти-

сты, перешедшие на сторону Красной армии и своими подвигами покорявшие зрительскую публику².

Характерной чертой агитфильмов является их привязка к политическим кампаниям. Так, в 1919 г. Московский кинокомитет обратился к частным кампаниям с предложением принять участие в постановке фильмов на темы: «За что борется Красная Армия?», «Против кого она борется и как ей помочь?». В результате в жанре агитки было снято несколько фильмов (Жизнь – Родине, честь – никому, 1919, реж. А. Волков; За Красное Знамя, 1919, реж. В. Касьянов; Смелчак, 1919, реж. Е. Славинский, по сценарию А. Луначарского; Сон Тараса, 1919 г. реж. Юрий Желябужский; Товарищ Абрам, 1919, реж. А. Разумный и др.). Поводом для развертывания агитационной кампании послужила первая годовщина Красной Армии.

В годы Гражданской войны все фильмы были нацелены на создание положительного образа Красной армии как народной, пролетарской, обладающей особыми морально-волевыми качествами и отстаивающей интересы трудового народа. В 1920-е гг. внимание кинематографистов, снимающих агитфильмы, переключается преимущественно на мирные проблемы – сельхозналог, выборы в советы, государственные займы и проч.³ Но тема Красной армии продолжала оставаться в социальном заказе. В 1924 г. режиссер А. Анощенко снимает агитфильм «К надземным победам («Вперед и выше», «Летчик Журавлев»)), в котором рассказывается о роли Общества друзей воздушного флота (ОДФФ), созданного в 1923 г., участии летчиков в гражданской войне. Так, апеллируя к прошлым победам, героизируется настоящее, привлекая «друзей», прежде всего молодежь, в авиацию.

Другой прием агитации – моделирование военной угрозы и ее отражения – нашел воплощение в агитпропфильме 1925 г. «Наполеон-газ», снятом режиссером С. Тимошенко. Сюжет фильма – сон комсомолки, приехавшей в колхоз агитировать за Авиакхим. В нем нашли отражение сценарии будущей войны: внезапное нападение (эскадрилья американских самолетов, вооруженных газом химика Ганнимера,

² См., например: Последний аттракцион («Агитфургон»), реж. О. Преображенская, И. Правов. (По фронтовым дорогам гражданской войны кочует цирковой балаган. Артисты дают представление и для белых и для красных. Однажды цирк реквизируют и артистов передадут в подчинение политотдела красноармейской части. Там балаган станет агитфургоном, а молодые канатоходцы Серж и Маша, разобравшись в политической обстановке, добровольно вступят в ряды Красной Армии и в дальнейшем примут участие в боях против армии Деникина).

³ См., например: Закройщик из Торжка, реж. Я. Протазанов, 1925. Картина снималась по заказу Наркомфина для популяризации среди населения государственного выигрышного займа. Эту же пропагандистскую цель преследовала и вышедшая в 1927 г. лента Бориса Барнета «Девушка с коробкой».

летит на Ленинград); международная солидарность (американские рабочие извещают ленинградцев о надвигающейся катастрофе); оборонная стратегия Красной армии (отражение нападения врага).

Помимо агитационно-пропагандистских фильмов, в кинематографе 1920-х гг. появляется новый жанр – «культурфильм». Так назывались картины, сочетавшие элементы документального, игрового, а иногда анимационного кино, снятые с просветительской целью, раскрывая перед зрителем вред пьянства, абортов, показывая достижения науки или успехи советской власти. Агитационный контекст культурфильма был не менее очевидным, чем в агитпропфильме, но, в отличие от него, преследовал цель формирования нового человека и пропаганды нового быта [Семенчук]. В дальнейшем культурфильм послужил основой для развития документального, научно-популярного и учебного кино.

В рамках культурфильма во второй половине 1920-х гг. складывается жанр *оборонного кино*, в дальнейшем получивший самостоятельное развитие. Его основной задачей было патриотическое воспитание и пропаганда военной подготовки. Однако в этой сфере возникли определенные проблемы. В докладе о работе Совкино, который прозвучал на заседании Президиума ЦК Всерабиса по киноделу в 1927 г., указывалось: «Среди новых тем нет ни одной по военизации страны, по борьбе с социально-бытовыми явлениями, связанными с угрозой войны» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 475, л. 35]; «Особо крупным дефектом является отсутствие культфильмы, связанной с обороной и военизацией» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 475, л. 44]. Видимо, жанр культурфильма с его просветительскими задачами и назидательным тоном не вполне подходил для решения задач военной пропаганды, что способствовало перемещению оборонного кино в сферу художественного кинематографа с его многожанровой спецификой и более занимательной фабулой.

Помимо агитационного кинематографа тема войны в 1920-е гг. была широко представлена в историко-революционном кино, кинофантастике и фильмах-памфлетах, посвященных разоблачению Запада как оплота капитализма, милитаризма и классового угнетения, а также борьбе рабочего класса с фашизмом.

Историко-революционный жанр переживал небывалый подъем в годы нэпа, достигнув в общем кинопроизводстве 23,5 %. В первую очередь историко-революционные фильмы были посвящены событиям Гражданской войны, истории революционного движения (см., напр.: Красный ГАЗ («Товарищ из центра»), 1924, реж. И. Калабухов; Конница скачет («Военные кони»), 1929, реж. Н. Берсенев; В последний час («Это было», «Через 45 минут»), 1929, реж. М. Чиаурели;

Мать, 1926, реж. В. Пудовкин; Потомок Чингисхана, 1928, реж. В. Пудовкин и др.), в меньшей степени – Первой мировой войне и народным восстаниям прошлого, направленным против национального или классового угнетения (см., например: Бог войны («Белый всадник»), 1929, реж. Е. Дзиган; Конец Санкт-Петербурга, 1927, реж. В. Пудовкин; Обломок империи, 1929, реж. Ф. Эрмлер, Ф. Никитин; Булат-батыр («Пугачевщина»), 1927, реж. Ю. Тарич; Капитанская дочка («Гвардии сержант»), 1928, реж. Ю. Тарич, и др.). В первом случае, для формирования героического и привлекательного образа Красной армии широко использовался героико-приключенческий жанр, наиболее успешным примером которого был фильм 1924 г. «Красные дьяволята» режиссера И. Перестиани, имевший большой кассовый успех и продолжение в нескольких фильмах, снятых режиссером И. Перестиани (см.: Савур-могила («На трудовом фронте», «Из сказок наших дней»), 1926; Преступление княжны Ширванской, 1926; Наказание княжны Ширванской, 1926; и Иллан Дилли, 1926).

Исторические фильмы, обращенные к событиям Первой мировой войны и народным восстаниям и снятые, как правило, в жанре драмы, были призваны сформировать образы справедливой (народной/революционной) и несправедливой (империалистической/захватнической) войны, т. е. служили иллюстрацией ленинской теории революции и классификации войн. Данная цель достигалась путем создания соответствующих визуальных образов героев фильмов: прекрасные лица народных мстителей и красноармейцев контрастировали на экране с отталкивающими образами царских генералов, помещиков, баев, белогвардейцев.

Апеллирование к сюжетам прошлого в презентации идеи войны дополнялось образами настоящего и будущего. Образ настоящего был тесно связан с конструированием образа врага (империализм/фашизм/социал-демократы) и союзника в борьбе с ним (рабочий класс и Коммунистический интернационал). Репрезентация постоянной военной угрозы, нависшей над СССР, часто использовала жанр политического памфлета и эксцентричной комедии. Первый предполагал обличение/разоблачение врага и героизацию тех, кто находит в себе силы противостоять мировому злу (см., например: Привидение, которое не возвращается («Пытка свободой», «Призрак»), 1929, реж. А. Роом; До завтра («Белый омут», «Отец»), 1929, реж. Ю. Тарич; Четыреста миллионов («Джоу Де-шен», «Путеводные огни», «Огни Китая»), 1928, реж. В. Гардин и др.). Комедии высмеивали врага, делая его в глазах зрителя уязвимыми и беспомощными (см.: Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков («Чем это кончится?»), 1924, реж. Л. Кулешов; Мисс Менд («Приключения трех репортеров»), 1926, реж. Б. Барнет, Ф. Оцеп).

К жанру политического памфлета, например, относится фильм «Слесарь и Канцлер», снятый в 1923 г. режиссером В. Гардиным по пьесе А. Луначарского. С одной стороны, фильм моделирует историю Русской революции, перенеся ее события в вымышленную страну Норландию, где поражение в войне привело к свержению императора, захвату власти социал-демократами, которые оказались неспособными возглавить революцию. Ее вождем становится рабочий-слесарь Франц Штарк, обеспечивая победу восставших. С другой стороны, фильм, премьера которого состоялась в марте 1924 г., содержал аллюзию на события 1923 г. в Германии, которые, вопреки планам Коминтерна, не завершились вооруженным восстанием. И виной тому было предательство социал-демократов.

Большой популярностью в 1920-е гг. пользовался боевик «Мисс Менд», где есть все элементы развлекательного кино – заговоры, покушения, внезапные, таинственные смерти, за которыми ожидаемо стоят политические интересы фашиствующих преступников, направленные против СССР и большевиков.

Развлекательный характер приключенческих лент, связанных с идеей мировой революции и справедливой войны, нередко становился объектом критики, поскольку форма подачи материала не всегда соответствовала идеологическим целям. Партийные руководители ставили под сомнение воспитательный эффект таких фильмов. Поиск баланса между развлечением и идеологией был главным вопросом кинематографа 1920-х гг. и нашел свое решение в 1930-е гг. путем создания набора кинематографических штампов героев, сюжетов, конфликтов, созданных в духе соцреализма и определивших специфику сталинского кино.

В целом, анализируя советскую фильмографию 1920-х гг. о западной жизни, следует отметить, что она соприкасается с темой мировой революции, отвечая ожиданиям мирового пожара. Собственно, об этом же и фильмы, снятые в жанре фантастики. К наиболее известным произведениям относится картина «Аэлита» (1924, реж. Я. Протазанов), поставленная по роману А. Толстого. Сам фильм был принят публикой прохладно, но его сюжет представляет интерес, поскольку является иллюстрацией теории мировой революции, распространившейся на межпланетное пространство, что придавало ей статус универсального закона. На фоне мелодраматической истории любви-ревности героев готовится первый межпланетный перелет на Марс. Прилет землян приводит к восстанию угнетенных рабочих Марса. И ничего, что вся эта история оказалась сном. Главное, что исторические законы, сформулированные Марксом и Лениным, работают везде, даже на Марсе.

Популярный сюжет, используемый кинематографом в 1920-е гг. и позднее – это изобретение, позволяющее завоевать мир. Весь вопрос состоит в том, в чьих руках оно окажется: если вражеских, то это зло, если в руках пролетариата – добро. В 1925 г. режиссер Л. Кулешов снял фильм «Луч смерти», предвосхитив идею известного романа А. Толстого о тепловом луче как сверхоружии. В фильме советский инженер Подобед создает аппарат, способный взрывать горючие смеси на расстоянии. Изобретение крадут агенты разведки одной из капиталистических стран, и оно используется для подавления рабочей забастовки. Однако рабочие сумели захватить аппарат и обернуть его на свою пользу, разгромив авиацию противника.

Итак, образ войны, создаваемый в фильмах 1920-х гг., соответствовал, во-первых, ленинским представлениям о справедливых и несправедливых войнах, взятым на вооружение властью и, во-вторых, кино активно пропагандировало идеи мировой революции как события, которое является неизбежным результатом исторического развития. Одновременно формируется героический миф о Красной армии – защитнице справедливости и добра, и красноармейцах – неустранимых и отважных героях, которые не лишены пока недостатков, главным из которых является политическая незрелость.

1930-е гг. – время становления и расцвета военно-оборонного кинематографа. Для него были характерны особенности и приемы агитационного кино, придававшие ему черты плакатности и нацеленность на репрезентацию утопических идей грядущей войны. Такое сочетание способствовало созданию особого хронотопа кинореальности (будущее в настоящем), особенностью которого стало совмещение настоящего и будущего, а вернее, приближение будущего к настоящему и его репрезентация как состоявшегося. Это создавало у зрителей особый эмоциональный заряд, формирующий уверенность в непобедимости Красной армии и ее готовности к защите Родины, убежденность в том, что «оборонительная» война будет вестись на чужой территории, не затрагивая родной дом.

Для военно-оборонного кино 1930-х гг. характерно тематически-жанровое многообразие: от чисто оборонного жанра с моделированием сценариев будущей войны и демонстрацией победных стратегий Красной армии (см.: например: Если завтра война, 1938, реж. Е. Дзиган, Л. Анци-Половский, Г. Березко; Граница на замке, 1937, реж. В. Журавлев; Эскадрилья № 5, 1939, реж. А. Роом; Глубокий рейд, 1937, реж. П. Малахов; Танкисты, 1939, реж. З. Драпкин, Р. Майман и др.) до комедий и мелодрам, главными героями которых выступают военные, готовые в любой момент выступить на защиту Родины и олицетворяющие собой ее мощь (см., например: Трактористы, 1939, реж.

И. Пырьев; Сердца четырех, 1941, реж. К. Юдин; Тимур и его команда, 1940, реж. А. Разумный и др.). Даже если в сценарии фильма не было прямого упоминания о военной угрозе, мобилизационную функцию выполняла звучащая в фильме песня, связывавшая все достижения и успехи, будь то цирковое представление или футбол, с укреплением обороноспособности страны. Их знали наизусть, эти песни звучали по радио: «Эй, вратарь, готовься к бою: // Часовым ты поставлен у ворот. // Ты представь, что за тобою // Полоса пограничная идёт!»⁴

Оборонное кино чаще снималось в игровом варианте, особое внимание уделялось демонстрации военной техники, а также мастерства и героизма летчиков, танкистов, артиллеристов. Подвиг, как правило, – это кульминация оборонного фильма, он задавал стандарт поведения, усваиваемый зрителем.

Примером подобного моделирования поведения может служить фильм «Глубокий рейд», снятый П. Малаховым в 1937 г. По сюжету, на провинциальный городок у западной границы нападают бомбардировщики соседнего государства. Советская авиация получает задание уничтожить врага: три советские эскадрильи направляются к разным целям: одна – на вражескую столицу, две других – на военно-промышленные центры. Центральная сцена фильма – подвиг командира одного из бомбардировщиков, который, истратив весь запас бомб, приказывает экипажу выбраться на парашютах, а сам направляет самолет на последний уцелевший ангар. Успех авиации помогает наземным силам прорвать фронт противника и обратить его в бегство. Фильм не только иллюстрирует возможные сценарии войны на «чужой территории», но и формирует образец поведения в критической ситуации. Пожертвовать собой и самолетом, чтобы уничтожить противника стало героической нормой для летчиков в годы Великой Отечественной войны. Всего за период Великой Отечественной войны было совершено 14 морских таранов, 52 танковых, 600 воздушных и 506 наземных [Подвиг].

Стилистика оборонного кино могла иметь неигровой документально-постановочный характер, как например фильм 1938 г. «Если завтра война» режиссеров Е. Дзигана, Л. Анци-Половского и Г. Березко, в котором использовались документальные кадры, снятые во время маневров.

Обязательной сюжетной линией (главной или второстепенной) оборонного фильма была демонстрация преемственности поколений. В фильме «Родина зовет» 1936 г., снятом режиссерами А. Мачеретом и К. Круминим, рассказывается о геройских подвигах бывшего

⁴ Песня из фильма Вратарь, 1936, реж. С. Тимошенко, слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского.

участника гражданской войны, летчика-испытателя Сергея Новикова, одержавшего победу в бою с фашистами. Другой отличительной чертой оборонного кино сталинского периода стало использование лирических сюжетов, что придавало эмоциональный драматизм военным историям. Так, например, в фильме «Эскадрилья № 5» (реж. А. Роом, 1939) весть о пересечении границы фашистами мешает помолвке капитана Нестерова и старшего лейтенанта Гришиной, нарушая их счастливую жизнь.

Историко-революционный кинематограф 1930-х гг. дополняет оборонное кино, оттеняя военные «успехи» настоящего и сосредотачивая свое внимание на героизации страниц прошлого. Характерно и то, что кинематограф становится активным творцом этой героической истории. История создания фильма «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн, 1938) весьма показательна в этом отношении.

Сталинский кинематограф 1930-х гг., продолжая традиции советского кино 1920-х гг., прославляет победы Красной армии в Гражданской войне, но с акцентом на роли партии и Сталина (см. например: По ту сторону, 1930, реж. Б. Кудачков; Разгром, 1931, реж. Николай Береснев; Последняя ночь, 1931–1935, реж. Михаил Капчинский; Двадцать шесть бакинских комиссаров, 1932, реж. Аждар Ибрагимов; Подруги, 1935, реж. Лео Арнштам и др.), т. е. народный образ Гражданской войны постепенно заменяется партийно-революционным и становится более строгим и канонизированным. Появляются и новые герои, призванные заместить репрессированных полководцев (Чапаев, 1934, реж. бр. Васильевы).

Среди фильмов, где затрагивается тема Первой мировой войны, особо следует остановиться на картине Б. Барнета «Окраина» (1933), выделявшейся из потока историко-революционных фильмов этого периода своей метафоричностью и эпичностью, особой философской идеей, приближающей его к историко-революционным фильмам 1970-х гг., таким как, например, «Вавилон. XX век» (1979, реж. И. Миколайчук). В провинциальный город на окраине империи приходит война и выталкивает всех мужчин из родительского уюта в хаос сражений. Постепенно герои приходят к пониманию преступности войны и выступают против нее. Война перерастает в революцию, которая становится символом возрождения в прямом и переносном смысле, шагом в новую жизнь. Картина выделяется из общего потока кинопродукции сталинского времени попыткой взглянуть на Историю с позиции простого человека, который выглядит незащищенным и уязвимым.

Свое место в тематической номенклатуре фильмов 1930-х гг. занимает тема мировой революции, хотя ее конфигурация меняет-

ся и на первый план выходит идея международной солидарности рабочих, которых советская пропагандистская машина рассматривает в качестве союзников в будущей войне (см., например: Братья издалека, 1930, реж. И. Протопопов; Друзья совести, 1932, реж. К. Эггерт; Борцы, 1936, реж. Г. Вангенгейм; Болотные солдаты, 1938, реж. А. Мачерет и др.). Пропагандистские фильмы о борьбе антифашистов дополняют кино-памфлеты, высмеивающие фашизм, к числу которых относится, например, картина «Марионетки», снятая в 1934 г. режиссерами Я. Протазановым и П. Подобедом. Действие фильма разворачивается в вымышленном государстве, расположенном рядом с СССР, которое фашисты пытаются превратить в плацдарм для нападения. А для этого нужен послушный король. И не важно, будет ли это принц-алкоголик или парикамахер, похожий на Гитлера, главное, чтобы он выполнял приказания своих хозяев, за которыми стоят империалисты.

Важным направлением военизации сознания и образа жизни советского человека было создание идеального образа военного, ставшего образцом для молодого поколения. Если в 1920-е гг. – это солдат и матрос – символы революции, то в 1930-е гг. символами мощи и непобедимости Красной армии стала техника (самолеты, танки), а персонифицированным выражением этой мощи – красный командир – профессиональный военный, посвятивший свою жизни и способности делу защиты Родины и советской власти.

Военные (красные командиры) стоят несколько особняком в большевистском пантеоне – это не политические лидеры, это защитники страны, советской идеи, власти, лично Сталина. Им отведена особая роль в мифологии. Герои – это посредники между богами и людьми, соединившие в себе черты обычного человека и полубога. В советской мифологии военные подобны античным героям – прекрасны, бесстрашны и добры, но безжалостны к врагам.

Герои-военные проникают во все киножанры, не исключая беззаботных комедий. Они красивы, умны, успешны, т. е. победители во всем – в военных сражениях, учебе, любви. Однако, несмотря на все старания авторов фильмов, военные персонажи чаще всего лишены индивидуальных черт, и в этом смысле явно проигрывают обаятельным героям более поздних картин, снимавшихся в военное время (см.: В шесть часов вечера после войны, 1944, реж. И. Пырьев; Небесный тихоход, 1945, реж. С. Тимошенко; Беспокойное хозяйство, 1946, реж. М. Жаров; Воздушный извозчик, 1943, реж. Г. Раппопорт и др.).

Создание кинематографического штампа образа военного, по замечанию Е. Марголита, вполне оправдано. Сложные сюжетные ходы и образы затрудняли бы восприятие, в то время как оборонному филь-

му нужна была агитационно-наглядная и убедительная демонстрация нормы [Марголит, с. 252].

Благодаря кинематографу, воздействие которого на умы и сердца людей трудно переоценить, в 1930-е гг. происходит закрепление синдрома войны на уровне подсознания и война становится частью повседневности даже тех поколений, которые родились и выросли в мирных условиях. Милитаризация сознания происходила на уровне языка (риторики), поведения и исторической памяти. Кинематограф в этом смысле обладал универсальными возможностями, формируя зрительные образы: прошлой и будущей войны, в которой СССР побеждает, защищаясь; военного – героя и победителя; союзников (антифашистов, рабочих-коммунистов и пр.); врага. Образ врага во многом зависел от политической конъюнктуры – это мог быть фашист, социал-демократ – предатель; классовый враг (капиталист, помещик, белогвардеец и проч.), но во всех его вариантах обязательный акцент делался на его классовой природе.

Одной из центральных идей кинопропаганды была мысль о могуществе советской власти, ее военной мощи, призыв к защите социалистического Отечества от внутренних и внешних врагов. Так или иначе задачи пропаганды соприкасались с темой войны и использовали ее в различных аспектах – символических, мобилизационных, тактических.

Гинтцус З. Петербургские дневники. Черная книжка // Литература русского зарубежья. Антология. М., 1990. Т. 1. Кн. 2.

Декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 151–153.

Семенчук С. Культурфильм. Видеть по-советски // Искусство кино: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kinoart.ru/blogs/kulturfilm-videt-po-sovetski> (дата обращения: 10.09.2018).

Подвиг Гастелло. 26 июня 1941 г. // ИСТОРИЯ.РФ: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/podvigh-gastiello> (дата обращения: 10.09.2018).

Марголит Е. Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х гг. СПб., 2012.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЕКТА «СОВЕТСКИЙ УРАЛ»

Статья посвящена влиянию советского мифа на становление и трансформацию образа Урала в массовом сознании. Миф о советском Урале рассматривается как один из созданных официальной идеологией региональных мифов, определивших развитие края в XX веке, особенности его духовной культуры и самосознание уральцев.

Искусство Урала 1920–1930-х гг. предстает в качестве репрезентации советского мифа. На примере художественных выставок того времени раскрываются этапы формирования образа Советского Урала.

Делается вывод о том, что созданный образ определил развитие живописи на последующие годы.

Ключевые слова: советский миф, региональный миф, искусство Урала 1920–1930-х гг., художественные выставки, художественная репрезентация.

Образ «советского Урала», «рабочего края», «кузницы страны», «опорного края державы» продолжает быть неотъемлемой частью советской географии. В ее пространстве советский Урал выполнял роль одного из основных структурообразующих элементов наряду с превращенной в «колыбель Октябрьской революции» бывшей имперской столицей Санкт-Петербургом, Москвой – «сердцем нашей Родины» или «городом воинской славы» – Волгоградом. Тем не менее, образ Урала так же, как и других территорий страны прошел, начиная с 1917 г., процесс длительного становления прежде, чем советское пространство приняло законченные очертания.

Условием включения каждого отдельного «места» на карте в формирующееся советское пространство стало создание для него новой, идеологически выверенной биографии. Переписывание отечественной истории переросло в массовое мифотворчество. Новая реальность творилась почти по художественным законам, с помощью магии творцов «социалистического реализма».

Пытаясь проследить, какие сюжеты и картины уральской истории первыми всплывают в памяти, невольно замечаешь, что все они представлены произведениями изобразительного искусства, литературы, кинематографа. Среди них – многочисленные памятники «пламенным революционерам» и «героям гражданской войны»; библиотека книг о «пионере-герое» Павлике Морозове; обобщающий образ «уральского прошлого» – картина Б. Иогансона «На старом уральском заводе» (1937), на фоне которой творчество П. П. Бажова воспринимается как

сказки для детей; трагические события, произошедшие в Екатеринбург в 1918 г. – как сцена из известной картины В. Пчелина «Передача Романовых Уралсовету»; галерея созданных в 1930-е гг. портретов строителей Магнитки и Уралмаша и роман «Люди из захолустья» А. Малышкина о «перековке человеческого материала» – создание нового человека, героя труда. А еще – поэтический образ Урала как опорного края из поэмы А. Твардовского, любимый народом кинообраз «Саши с Уралмаша» и «визитная карточка» Свердловской киностудии – художественные фильмы «Приваловские миллионы» и «Демидовь»...

Предлагаемый набор образов воспроизводится представителями старшего поколения, так или иначе связанными с советской жизнью; для молодых людей – это практически документально зафиксированная данность, с которой они сталкиваются скорее, как с «чужой историей», нежели чем с актуальными для них смыслами. Осознание, как советский миф сегодня определяет восприятие региона, формирует культурную идентичность, задает ценностные ориентиры, позволяет рефлексивно отнестись к перспективам регионального социокультурного развития, выявить направленность региональной культурной политики.

Неоднократно отмечалось, какую роль сыграло искусство социалистического реализма в духовной истории советского общества. Одна из причин, почему в XX веке вообще стал возможен феномен ре-мифологизации массового сознания, заключалась в том, что идеология и социальная мифология нашли для себя опору в художественных произведениях, превратив их в свое орудие, подчинив своим целям.

Художественная жизнь России в 1920–1930-е гг., факторы, ее определявшие, неоднократно становились предметом глубоких научных исследований (см., например: Б. Е. Гройс «Утопия и обман» (1992), И. Н. Голомшток «Тоталитарное искусство» (1994), А. И. Морозов «Конец утопии» (1995), О. В. Немиро «История художественно-выставочных объединений конца 1910 и начала 1930-х годов» (1995), В. З. Паперный «Культура два» (1996), В. С. Манин «Искусство в резервации. Художественная жизнь в России. 1917–1941 гг.» (1999), Ж. Ф. Коновалова «Миф в советской истории и культуре» (2001), А. И. Мазаев «Искусство и большевизм (1920–1930-е годы): Проблемно-тематические очерки и портреты» (2007), Я. Плампер «Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве» (2010), альманах «Советский миф: произведения из собрания Русского музея» (2014) и многие другие). Однако эти работы, по преимуществу, посвящены реалиям столичной художественной жизни. В то же время создание локальных (региональных) мифов советского времени именно в нестоличном пространстве позволяет глубже раскрыть механизмы и характер мифологизации массового сознания.

Советский миф и искусство соцреализма неотделимы друг от друга. Призванное неустанно бороться за контроль над умами широких масс официальное советское искусство во многом лишь формально сохранило вид художественного творчества, фактически являясь носителем и творцом идеологических мифов, средством утверждения мифологического типа мышления. Подобное обстоятельство требует вдумчивого и критического переосмысления исторических произведений советских авторов в современном контексте понимания российской и уральской истории.

Обращение к культуре конца 1920–1930-х гг. позволяет реконструировать процесс формирования советского мифа, а анализ художественных практик дает возможность представить ее зримо, в конкретных формах, образах, персонажах.

Миф в научной литературе рассматривается как особый тип знаний о мире, базирующийся на вере, а не на рациональных доказательствах, со специфическим пониманием телеологичности бытия, характера причинно-следственных связей и логических структур. Миф может толковаться как константа сознания, актуализирующая в пространстве «здесь и сейчас» представления, зафиксированные в коллективной памяти и определяющие повседневное существование и поведенческие реакции отдельных социальных групп и индивидов, к ним принадлежащих. Содержащий в своем этимологическом значении «повествование о событии» миф «рассказывает» реальность (или то, что за нее выдается) через конкретные образы предметного мира.

Как справедливо отмечает С. Ю. Неклюдов, «формулирование важнейших обобщений и идей различной степени отвлеченности (о времени и пространстве, космосе и хаосе, жизни и смерти, душе и судьбе и т. д.) через наглядные образы действительности приводит к их повышенному насыщению мифологической символикой, и они начинают функционировать как язык, выражающий мифологические или мифо-поэтические смыслы. <...> Это обуславливает использование подобных образов для передачи мифологической информации (или даже вычитывание ее в текстах, в которых она первоначально не была заложена)» [Неклюдов].

Анализу советской мифологии посвящены как серьезные научные исследования (Е. М. Мелетинский «Миф и двадцатый век» (1998); докторские диссертации Е. Ю. Зубковой «Общественные настроения в послевоенной России. 1945–1953 гг.», Ж. Ф. Коноваловой «Миф в советской истории и культуре» (2001); сборник статей «Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве» (2013) и др.), так и многочисленные публицистические высказывания (включая авторов блогосферы, популяризирующих суждения

о прошлом с самыми разными, зачастую противоречащими друг другу оценками, см., например: публикации в блогах А. В. Ставицкого «Исследование мифа: основные подходы и установки» (2016) или О. Чеславского «Миф о российских (советских) технологиях» (2017) и пр.).

Сложилась определенная традиция (П. Бурдые, С. Бойм, А. Г. Иванов, Ш. Фицпатрик и др.) в понимании, как функционируют социальные мифы в советском пространстве, каким образом происходит индоктринация сознания, из каких социальных противоречий вырастает воспроизведение «советских матриц». Опираясь на техники внушения, эмоционального заражения и подражания, идеологи советского времени создавали целостное «повествование» о «дивном новом мире», у которого своя история (вариант «священной истории»), свои культурные герои идемиурги, свои пророки и подвижники, собственные ритуально-обрядовые практики, которые включены в годичный круг воспроизводящихся событий. Формы художественной жизни и арт-практики в нестоличных регионах могут быть рассмотрены не только как индикаторы тех социально-культурных преобразований, которые происходили в советской культуре в конце 1920–1930-х гг., но и как шаги на пути создания мифа.

Период индустриализации воспринимается сегодня как переломный исторический этап, не только обнаживший противоречия, которые существовали в политике или экономике, но и как время социальных трансформаций, глобальных изменений в сознании людей. В этот период происходит утверждение советского образа жизни как индустриального: где «массовый человек» является главной действующей силой, где отчуждение от жизни маскируется под особый коллективный разум, способный понять, постичь и преобразовать действительность, где крупные промышленные гиганты становятся не только символами эпохи, но начинают довлеть и определять самую жизнь.

Как известно, советская власть большое внимание уделяла искусству, которое рассматривалось как средство решения партийно-государственных проблем и инструмент пропаганды. Поставив искусство в зависимость от государства как его исключительного заказчика, а существование каждого художника – в зависимость от властей, партия жестко и определенно установила, что действительность может изображаться только в ее «прогрессивном развитии», с партийной позиции, в жизнеподобных формах.

В начале 1930-х гг. начинают детально разрабатываться каноны, включая изображение главных тем, сюжетов, персонажей, и собственно «лексикон» нового советского искусства, происходит массовое тиражирование наиболее удачных образцов. Практически, под видом борьбы за «реализм» после многоцветия и разностилья

искусства 1910–1920-х гг. шла речь о нормативной эстетике, ориентированной на заданный идеал. Осуществляемая при этом подмена заключалась в том, что официальное искусство во многом лишь формально продолжало сохранять вид художественного творчества, фактически становясь носителем и творцом идеологических мифов. Закрепленные в художественных образах социальные изменения приобретали характер документа эпохи, придавая происходящему дополнительную легитимность. Может быть, ярче всего эти процессы видны на примере культуры Урала, для которой индустриализация стала поворотным моментом в судьбе.

В соответствии с партийно-государственными планами Урал был призван стать второй индустриальной и оборонной базой страны. В крае разворачиваются масштабные промышленные стройки, формируются крупные индустриальные узлы. В 1929 г. начинается строительство самого крупного металлургического предприятия страны – Магнитогорского комбината, вступают в строй машиностроительные гиганты – Уралмаш (названный М. Горьким «отцом заводов»), Челябинский тракторный завод (1933), нижнетагильский Уралвагонзавод (1937). Возводятся огромные химические комбинаты и предприятия лесной промышленности. Всего в 1930-е гг. на Урале было построено свыше 250 крупных промышленных объектов.

Происходящее с Уралом в 1930-е гг. можно назвать его «вторичной индустриализацией». Она сопровождалась новой колонизацией края (за две пятилетки население Среднего Урала увеличилось более чем наполовину), созданием широкой сети новых городов. Традиционные «демидовские гнезда» оказались затоплены нахлынувшей разношерстной людской массой. Это повлекло за собой разрушение прежнего уклада жизни и культуры уральского труда, трансформации традиционных культурных типов.

Процесс формирования нового облика уральской жизни предполагал столь же радикальные изменения в массовом сознании. Но стихийность здесь была недопустима. Новую реальность надо было «открыть», сделать видимой и придать ей самоочевидный характер.

1930-е гг. – это время организации объявленного в стране массового «культпохода на уральские стройки», разворачивание компании шефства столичных деятелей искусств над краем, охваченного индустриальным строительством. В этом «культпоходе» встретились, как писали тогда, желание художников включиться в дело социалистического строительства, и установка партии большевиков «приблизить» искусство к трудовым массам. Создание образа новой жизни становилось реализацией поставленной задачи активно «двинуть вперед начатое <...> дело выявления художественных сил Урала, подъема

у них творческой энергии, пробуждения художественных интересов в широких рабоче-крестьянских массах и удовлетворения художественных запросов современности» [Вторая выставка творчества современных художников Урала, с. 5].

«Художественная летопись индустриализации» требовала усилий не только от столичных художников, но и должна было «мобилизовать» местные художественные силы. Другое дело, что в силу неготовности местных художников видеть то, что требовалось «в свете партийных решений», столичным мастерам удалось решить поставленную задачу лучше. Эти годы на Урале отмечены, по выражению Н. Серебrenникова, «наплывом» приезжих художников из Москвы и Ленинграда. Достаточно привести такой факт: на одной только выставке 1932 г. «Социалистическое строительство Урала» было показано почти 700 произведений столичных живописцев, побывавших в крае, а в состоявшейся через несколько лет выставке «Урало-Кузбасс в живописи» приняли участие 80 московских и ленинградских художников.

Выставочная деятельность как творческий отчет становится одной из важнейших форм представления публике нового образа индустриального Урала. Традиционно выставка была для художников не просто возможностью показать свои произведения, удовлетворить творческие амбиции, но и имела вполне материальный результат в виде проданных картин. Но в ситуации, которая складывалась в советской России, где по «Положению о выставках» (1918) произошла государственная монополизация и национализация выставочного дела, а государство стало единственным заказчиком, выставочная деятельность рассматривалась, прежде всего, как «творческий отчет» перед властью.

Чтобы показать размах индустриального строительства на Урале, в Москве и Свердловске проводится целый ряд художественных выставок, таких как «Новостройки Урала» (1931), «Гиганты Урала» (1931), «Социалистическое строительство Урала» (1932), «Урало-Кузбасс» в живописи» (1933–1935) (выставка имела еще передвижной вариант, который назывался «Южный Урал в живописи»). Еще одна отдельная персональная выставка состоялась сначала в Березниках, а затем в Москве – выставка работ Ф. Лехта под названием «Березникихимстрой».

Так, организаторами выставки работ Первой бригады художников, входивших в Ассоциацию художников революционной России, подчеркивалось, что живописцы – тоже «участники грандиозной новостройки», в их задачи входила в том числе мобилизация «широчайших масс вокруг задач грандиозного урало-сибирского строи-

тельства» на выполнение боевого задания партии «создания второй металлургической базы» [Гиганты Урала, с. 3]. Интересно, что в каталогах выставок того времени старательно перечисляется количество работ, но скромно умалчивается об их художественной ценности.

Косвенным доказательством, что деятельность бригад художников решала довольно далекие от творчества задачи, является один из разделов каталога выставки с громким названием: «Что прежде всего должен знать посетитель выставки». Авторы каталога совершают пространный экскурс в недавнюю советскую историю, обосновывая необходимость открытия Урало-Кузбасской угольно-металлургической базы. Казалось бы, зачем в каталоге художественной выставки писать о мировых рекордах, поставленных на уральских стройках, снова и снова говорить о «беспокойстве капиталистов», что на Магнитке «строительная работа идет по намеченному плану»? Не потому ли, что намеченные планы индустриализации зачастую были непродуманными и часто срывались не только в силу чьей-то злой воли, но и по вполне объективным причинам?

Но в задачи художники не входила фиксация недостатков. Творчеству художников придавался характер «художественно-исследовательской» работы «по сбору изоматериалов», подтверждающих успешное строительство. Так на выставке появляются бесчисленные изображения «сборки скрубберов», «бетонировки эстакады», «кирпичной кладки дымоходных труб коксохимкомбината», «клепки кауперов», «работы экскаватора и бетономешалки», «земляные работы» (с транспортерами и без).

В 1932–1933 гг. на Урале побывала очередная «бригада» во главе с Ф. Модоровым, в работе которой участвовали Е. Львов, В. Карев, К. Корягин, В. Костяницын, В. Крайнев, И. Модоров. Их маршрут, прежде всего, был связан со стройками индустриализации: Магнитогорском, Челябинским тракторным заводом им. Сталина, Трубным заводом в Первоуральске, заводом в Синарстрое и другими уральскими предприятиями.

На выставке работ художников организаторы не только акцентируют внимание на производственном процессе, который и раньше был главным объектом изодейтельности (на выставке были в большом количестве представлены виды цехов – инструментальных, кузнечных, волоочильных и пр.), но и обращаются к портретам «лучших ударников». На наш взгляд, этот новый поворот связан с вниманием к формированию «нового советского человека» с тем необходимым набором личностных качеств, который более всего «подходил» для индустриализации: создание образов преданных делу социалистического строительства людей, чьи индивидуально-личностные черты лишь

подчеркивают их социальную роль «винтика большого индустриального механизма. Не случайными поэтому являются и названия работ: «Ударник, бригадир монтажников т. Кулага», «Ударник, бригадир бетонщиков, член ВКП (б) т. Трифонов» (работы Ф. А. Модорова), или просто «Ударники Колесов и Петухов» (работа В. В. Карева), «Ударница огнеупорного цеха» (работа Е. А. Львова) – важен не человек, а его производственная функция и партийная принадлежность. Зритель, который должен был прийти на выставку, также как и ее герои – это усредненный массовый человек, винтик единой государственной машины, деперсонализированный по своей сути.

Если бы коллективное изобразительное творчество по воссозданию новой жизни было плодом только столичных живописцев, мы должны были бы констатировать, что это только частный случай истории искусства. Уже с первых лет советской власти «в поход за боевое пролетарское самодетальное искусство» отправились и местные авторы.

За несколько лет прошли: Областная выставка творчества художников Урала (1928, 1929), Первая выставка Свердловского филиала АХР (1929), Выставка свердловских художников (1931), Третья передвижная выставка, организованная сектором искусств Наркомпроса РСФСР (1931), Выставка-отчет первой бригады художников, работавших на новостройках Урала и Кузбасса (1932) – в Свердловске, Первая (1925–1926) и Вторая выставка творчества современных художников Урала (1927) в Перми.

Многим провинциальным художникам хотелось (кому – по «призыву сердца», кому – по иным причинам) соответствовать «моменту», но далеко не у всех это получалось. И здесь большую помощь оказывало совместное с художниками из Москвы и Ленинграда участие в выставках. Как отмечает искусствовед С. П. Ярков, «совместная работа с художниками Москвы и Ленинграда дала уральским живописцам образцы тем, мотивов и технических приемов «нового социалистического искусства» [Ярков, с. 166].

Результатом целенаправленной работы по созданию образа Урала стало его превращение в край «передовой социалистической культуры», который, по сути, стал местом, где произошло становление искусства, впоследствии названного «искусством социалистического реализма» [см. подробнее: Мурзин, с. 155–189]. Тематически это выразилось в создании произведений, посвященных «индустриальному труду» и его главному герою – рабочему человеку. Стилистически – в едином жизнеподобно-реалистическом изображении «лихорадки буден» (В. Маяковский), когда художники изображали «домны, мощные механизмы и ажурные конструкции стен», передавая «монументальное звучание и эпический размах», в энергичной манере живописи

воссоздавая «напряженный трудовой ритм»¹, а возведение известных всей стране гигантов индустрии воспринималось как начало социального переустройства мира.

Художники воссоздавали исторические реалии, излагая события в заданной идеологической схеме: когда вся история Урала сводилась к упрощенно понимаемой борьбе классов; дореволюционный Урал описывался как «медвежий угол»; революция – как пробуждение от вековой дремы; создание в 1904 г. Уральской областной организации РСДРП, которую возглавил пламенный революционер – как становление настоящего «коплота большевизма», надежной опоры ленинской партии; победа над колчаковщиной и иностранными интервентами – как результат развитого политического сознания.

В 1930-е гг., по сути, было создано «новое уральское искусство», с заданным набором тем и определенным набором изобразительно-выразительных средств, определившим на полвека вперед его художественную индивидуальность.

Сконструированный, в том числе и с помощью художников, миф стал сущностным основанием для понимания ценности края как «опорного края державы»; сформировал идентичность уральцев как жителей «сурового рабочего края», где настоящие смыслы бытия добываются тяжелым физическим трудом; определил место в пространстве огромной страны («хребет»). Мифологема, ставшая определяющей в конституировании уральского самосознания, не оказалась бы столь жизнеспособной, если бы не опиралась на действительно существующие в менталитете уральцев черты. И парадоксальным образом воплотилась в художественных образах уже в другое время – в 1960-е гг., когда на волне оттепели стало утверждаться искусство «сурового стиля».

«Суровый стиль» как эстетическая оппозиция возвышенно-эпическому изображению действительности сталинской эпохи оказался органичным уральскому искусству. Его лаконичная (чтобы не сказать аскетичная) образная манера, новые герои и новые темы, героизация повседневных трудовых буден, поэтизация обыденного, строгая и мужественная романтичность совпали с главными темами уральской живописи.

«Суровый стиль» в изобразительном искусстве Урала оказался больше, чем отдельным кратким эпизодом в его эволюции. В творчестве уральских художников он охватил все жанры, способствовал обновлению пластического языка, всей живописной системы уральско-

---

¹ Приведенные цитаты описывают работу Г. Соловьева «Строительство доменного цеха» (1934) [Байнов, с. 45], но могут быть отнесены практически к любому из произведений того времени.

го искусства, позволил ему обрести собственную поэтику, образный строй, расширил круг тем. Этот широкий поиск отвечал потребностям 1960-х гг. в обретении нового чувства жизни. И, наверное, поэтому живопись «сурового стиля» стала определяющей для художников Урала вплоть до начала 1980-х гг.

«Уникальное литье» и «горячий цех», «утро Уралмаша» и «старый визовский завод», «литейщики» и «вальцовщики», «уральские магистрали» и «таежные километры», «люди Нижнетагильского комбината» и «бригада кузнецов Уралхиммаша», «новый котлован» и «плавка», «трудовая смена» и «торжественный рапорт» – в живописи едва ли не каждого уральского художника из тех, кто хоть раз обращался к тематической картине, обязательно возникал один из подобных сюжетных мотивов. Каждый из этих мотивов обрел в уральском изобразительном искусстве свою устойчивую иконографию. Картины уральских художников этого времени скорее являлись признанием окружающей их жизни как квинтэссенции советской действительности в целом. Последняя теперь окончательно обрела характер тотальной реальности, особенно для Урала. Каждый отдельно взятый индивид с рождения имел дело с почти единственно возможной институциональной программой и жизненной стратегией, сформированной в недрах «рабочего края».

Позже, в 1970–1980-е гг., продолжением и одновременно своего рода преодолением «сурового стиля» в уральском искусстве стала усилившаяся тенденция к поэтизации труда, желание превратить его «в живописную поэму огня и металла», попытаться разглядеть в нем «творческое начало». Отсюда – появление в уральской живописи большого количества красивых, одухотворенных лиц, пробуждение лирического начала, изображение труда не просто как «производственного процесса», а как некоего действия, допускающей проявление удалства, азарта, не лишенной элементов праздничности. Если в 1930-е гг. эти ориентиры и контуры реальности существовали в воображении и навязывались массовому сознанию в качестве единственно возможного для страны пути советским мифом, то теперь они обрели плоть, стали действительностью, приобрели самодовлеющий и как будто самоочевидный характер. Миф стал реальностью и всецело начал определять сознание советского человека, характер его ментальности, тип мироощущения.

Представление, что Урал был *всегда* рабочим краем, не преодолено до сих пор. Основанием для экономической модернизации сегодня называется «новая индустриализация» Урала, делаются попытки представить край почти исключительно как индустриально-заводской, не особо сообразуясь с социокультурными реалиями постин-

дустриального мира. Складывается ощущение, что уроки советского мифотворчества не до конца усвоены.

С 27 апреля по 9 сентября 2018 г. ВДНХ и Екатеринбургский музей изобразительных искусств представили выставку «Проверка на прочность. Избранные произведения из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств». В интервью директор Екатеринбургского музея изобразительных искусств подчеркнул: «Мы очень гордимся нашей коллекцией индустриальной живописи. Современная идентичность Урала была сформирована эпохой индустриального строительства 1920–1930-х годов и Великой Отечественной войной, когда в Свердловск были эвакуированы производства из Центральной России, а вместе с ними и техническая интеллигенция, которая внесла невероятный вклад в послевоенное развитие как нашего города, так и всего региона в целом. Процесс переживания пространства, его вхождение в XX век нашли свое яркое отражение в живописи индустриальных художников, которые не только запечатлели этот новый мир труб, мускулов, оптимизма, стали и дыма, но и создали одну из важнейших глав советской мифологии. К тому же наша индустриальная коллекция созвучна мифу ВДНХ и самому павильону Иофана, который венчают титанические фигуры рабочего и колхозницы» [«Проверка на прочность»].

Байнов Л. П. Художники Челябинска. Челябинск, 1979.

Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб., 2005.

Вторая выставка творчества современных художников Урала : 20 апреля – 20 мая 1927 года : каталог / [Перм. гос. обл. музей, Худож. галерея]. Пермь, 1927.

Выставка работ Первой Уральской бригады художников: Карев В. В., Корягин К. Н., Костяницын В. Н., Крайнев В. В., Львов Е. А., Модоров Ф. А., Модоров И. А. во Дворце культуры: [Каталог] / Всерос. кооп. союз работников изобразительных искусств. М., 1934.

Гиганты Урала: отчетная выставка выездной бригады художников В. Желажовцева, Ф. Лехта, Е. Львова, Ф. Модорова, В. Титова, Д. Топоркова, В. Хвостенко : [каталог] / Всероссийское кооперативное товарищество «Художник», Седьмая выставка ; [отв. ред. И. М. Гейцман]. М., 1931.

Иванов А. Г. Социальная мифология как развивающаяся система // Вестн. Перм. ун-та. 2016. Вып. 4 (28). С. 28–37. (Сер. Философия. Психология. Социология).

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.

Коновалова Ж. Ф. Миф в советской истории и культуре: дисс... докт. филос. наук. СПб., 2001.

Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 419–429.

Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве : сб. статей / сост. А. Архипова. М., 2013.

Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. Монография. Екатеринбург, 2016.

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М., 2000. С. 17–38 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (дата обращения: 02.09.2018).

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

«Проверка на прочность. Избранные произведения из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств» в рамках проекта «Резидент» // ВДНХ: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://vdnh.ru/events/vystavki/proverka-na-prochnost-izbrannyye-proizvedeniya-iz-kollektsii-ekaterinburgskogo-muzeya-izobrazitelnykh/> (дата обращения: 02.09.2018).

Ставицкий А. В. Исследование мифа: основные подходы и установки // LiveJournal: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/1261213.html> (дата обращения: 02.09.2018).

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

Чеславский О. Миф о российских (советских) технологиях // Obozrevatel.com: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/mif-о-rossijskih-sovetskih-tehnologiyah.htm> (дата обращения: 02.09.2018).

Ярков С. П. Рождение Свердловского Союза художников и художественная жизнь Урала 1920–1930-х годах // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 161–173.

УДК 94(47).084.3/084.6

О. В. Рыжкова

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ «СОВЕТСКОСТИ» В ДЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «МУРЗИЛКА» 1920–1930-х ГОДОВ.

Важную роль в советизации сознания младших школьников в СССР играли детские журналы. В статье проанализированы структура, содержание и динамика визуальных образов «советскости», представленных на страницах популярного советского детского журнала «Мурзилка».

Ключевые слова: детский журнал «Мурзилка», визуальные образы, «советскость», индоктринация, 1920–1930-е гг.

Важная роль в грандиозном советском проекте по переустройству общества и формированию «нового человека» отводилась не только единой трудовой школе, для которой создавались новые учебники, но и периодическим изданиям [см. например: Трофимов, Клинова, с. 130–138]. Одним из таких изданий был ежемесячный литературно-художественный журнал «Мурзилка». Он начал печататься с 16 мая 1924 г. тиражом 20 000 экз. как официальное издание «Рабочей газеты» и был адресован детям старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Позже он стал печатным органом ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. К 1933 г. тираж журнала увеличился до 300 000 экз. [Головашина].

Задача данной статьи – описать динамику советизации журнала «Мурзилка» в 1920–1930-е гг., а также проанализировать содержание и структуру визуальных образов «советскости», представленных на его страницах. Подобную задачу применительно к школьным букварям, изданным для специфического северокавказского региона в 1927–1932 гг., успешно решил А. Ю. Рожков [Рожков, Визуальные образы «советскости», с. 57–72 и др.], поэтому статьи данного автора стали для нас своеобразным методическим подспорьем.

Вслед за А. Ю. Рожковым под термином «советскость» мы будем понимать «социально-культурный комплекс мировоззренческих установок и поведенческих норм, прививаемых советской пропагандой и воспитательными практиками детям в СССР с целью форми-

рования у них советской (коммунистической) идеологии, советской идентичности, кристаллизации советских символических универсумов» [Рожков, Визуальные образы «советскости», с. 58]. Важнейшим идентификационным признаком «советскости» является противопоставление советского канона всему «чуждому» / «чуждому» – досоветскому (монархическому, дореволюционному) и западному (буржуазному, капиталистическому) [Там же].

Контент-анализу были подвергнуты все номера журналов за 1927–1928 и 1930–1932 гг. Количество исследованных страниц выборочной совокупности – 2 079, на 960 из них выявлены интегральные маркеры «советскости», на 165 – визуальные маркеры «советскости» (табл. 1). При этом учитывались и обложки, и приложения к журналу, то есть все страницы, содержащие текст и/или изображения. Под «интегральным маркером советскости» понимается страница как единица анализа, на которой были репрезентированы визуальные и/или текстовые маркеры «советскости». Эти страницы по насыщенности «советскостью» могли быть неравнозначны, от едва заметного единичного советского символа на одной из них до полностраничного текста или крупного рисунка на другой. Отдельно был выделен «визуальный маркер советскости» – страница, где были представлены только визуальные образы «советскости» (без текста, либо с текстом). Отношение страниц с интегральными маркерами «советскости» к общему объему издания дает нам интегральный индекс «советскости», а отношение страниц с визуальными маркерами к объему журнала – визуальный индекс «советскости» [Там же, с. 59].

Как следует из Табл. 1, интегральный индекс «советскости» в журнале «Мурзилка» в 1927 г. составлял 18 %, а визуальный – 6 %, то есть из каждых 100 страниц всего лишь на 18 располагались визуальные и текстовые упоминания советских терминов и символов. При этом страницы, где размещался только текст, без рисунков, были единичными. С другой стороны, страниц, где доминировали рисунки, было не более 6 на каждые 100 страниц. Как правило, это были обложка, шмуцтитул, приложение и страничка с рубрикой «Мурзилкина выставка картин», представляющая коллаж из мелких детских рисунков. В начале 1930-х гг. насыщенность журнала маркерам «советскости» значительно возросла. Так, по сравнению с 1927 г. интегральный индекс «советскости» в 1932 г. увеличился в 3,7 раза, а визуальный – в 2 раза. Подобные изменения в постраничной дозировке «советскости» А. Ю. Рожков выявил в букварях 1927–1932 гг. [Там же, с. 61].

Таблица 1

Индекс советскости в журналах «Мурзилка» в 1927–1932 гг.*

Год издания	Тираж экз.	Объем стр.	Интегральный маркер советскости стр.	Визуальный маркер советскости стр.	Интегральный индекс советскости %	Визуальный индекс советскости %
1927	120 000	451	83	27	18	6
1928	150 000	440	126	26	29	6
1930	200 000	445	239	32	54	7
1931	265 000	338	243	32	72	9
1932	300 000	405	269	48	66	12
Всего		2079	960	165	46	8

* Сост. по: [Мурзилка, 1927–1932].

В течение года показатели советизации содержания журнала тоже менялись. Менее «советизированными» были летние выпуски (№ 6–8). Максимальные значения приходились на февральский, майский, октябрьский и ноябрьский выпуски, которые были, как правило, тематическими и посвящались новым советским праздникам: соответственно Дню Красной Армии, 1 Мая и годовщине Великого Октября. Самые высокие показатели приходились на «круглые» даты с начала Октябрьской революции. Например, в № 11 за 1927 г. интегральный индекс «советскости» составил 62, визуальный – 11. В год 15-летия революции интегральные маркеры и индексы были стабильно высокими практически все месяцы (табл. 2). Особо выделяется январский номер. Все 36 страниц этого выпуска имеют тот или иной маркер «советскости». Содержательно и этот, и другие январские выпуски, можно отнести к категории коммеморативных, посвященных памяти В. И. Ленина.

Таблица 2

Динамика индекса советскости в журнале «Мурзилка» в 1932 году*

№ журнала	1	2	3	4	5	6	7	8	9-10	11	12	Итого
Кол-во страниц	36	37	37	37	37	37	37	37	37	37	36	405
Интегральный маркер советскости	21	29	25	27	27	24	29	24	25	22	16	269
Визуальный маркер советскости	15	3	5	5	5	2	2	4	3	4	нет	48
Интегральный индекс советскости	58	78	67	73	73	65	78	65	66	59	44	66
Визуальный индекс советскости	42	8	14	14	14	5	5	11	8	11	нет	12

* Сост. по: [Мурзилка, 1932].

В феврале 1927 г. в журнале появилась рубрика «Мурзилкина выставка картин». В ней, как отмечалось выше, размещались рисунки, присланные в редакцию журнала его юными читателями. Вернисаж-коллаж, состоявший из 11–35 рисунков, занимал чаще всего последнюю страницу выпуска. Результаты подсчета визуальных маркеров и индексов «советскости» детских рисунков в номерах журнала за 1927 г. приведены в Табл. 3. Не исключен целенаправленный подбор рисунков редколлегией журнала. Возможно, этим объясняется та же тенденция в помесечной динамике показателей «советскости», выявленная для журнала в целом. Тем не менее, высокий уровень этих показателей впечатляет, его можно рассматривать как специфический маркер успешного «впечатывания» в сознание и подсознание дошкольников и младших школьников паттернов советской идеологии уже к исходу первого десятилетия советской власти.

Таблица 3

Индекс советскости детских рисунков в журналах «Мурзилка» в 1927 году*

№ журнала	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Итого
Кол-во рисунков	21	22	30	29	35	35	27	35	20	11	33	271
Визуальный маркер советскости	11	6	8	9	13	13	9	7	6	6	5	93
Визуальный индекс советскости	52	27	27	31	37	37	33	20	30	55	15	34

* Сост. по: [Мурзилка, 1927].

Детская рефлексия происходящего в стране присутствовала и в рубрике «Мурзилкина почта». Некоторые письма детей сопровождалось рисунками, в которых также встречались советские маркеры. Стоит отметить, что «плотность» словесных советских маркеров на страницах этой рубрики была значительной. Именно в этой рубрике впервые в № 12 за 1928 г. появилось слово «Сталин». Юный художник, 9-летний Леша Тубасов так назвал изображенный на рисунке пароход.

Остановимся на характеристике содержания визуальных образов. При их семиотической и структурной интерпретации использовалась методика П. Штомпки [Штомпка, с. 83–94].

Визуальные образы начинались с обложки журнала. В исследованных выпусках все обложки крупные, цветные, занимали всю

страницу, за исключением верхней узкой зоны, где размещалось название журнала. Иногда рисунок занимал весь разворот обложки, тогда образы становились еще крупнее. Рисунки в основном тексте журнала тоже достаточно крупные. Категориями визуализации являлись: социум, вещный мир, окружавший детей (предметы), места, события и явления. В категории «социум» (люди) чаще изображались октябрюта, пионеры, красноармейцы, рабочие. Мимические выражения лиц изображенных и на обложке, и в тексте людей прорисованы довольно четко, что позволяет определить эмоциональный настрой персонажей. Преобладает позитивное выражение на детских лицах и уверенное – на лицах взрослых. Лица красноармейцев уверенно-суровые, «всегда к обороне готовые». Из вождей революции доминирует визуальный образ В. И. Ленина. Визуальный образ И. В. Сталина появляется в «Мурзилке» лишь в 1930-е гг.

Наиболее часто изображаемыми предметами являлись красные звездочки, флаги, пионерские галстуки, буденовки, горны. Детские игрушки тоже советизировались. Появляются игрушечные крейсера «Аврора». «Событийная» категория представлена, прежде всего, новыми советскими праздниками. 7 ноября, 1 Мая визуализировались марширующими колоннами детей с красными флагами, транспарантами, на которых иногда были начертаны актуальные лозунги. Например, на обложке № 10 за 1930 г. один из мальчиков в праздничной детской колонне несет развевающееся красное знамя с начертанным на нем лозунгом «Да здравствует пятилетка в четыре года!». Праздник 8 Марта визуализировался образом работницы в красной косынке, держащей под мышкой журнал «Работница» [Мурзилка, 1927, № 3] или девочкой, выполняющей домашнюю работу. Девочка, стирающая белье, изображена на обложке журнала № 3 за 1928 г.

Обложки августовских и сентябрьских выпусков визуализировали сбор урожая, непременными участниками которого являлись октябрюта и пионеры.

Крупным планом на обложке и небольшими рисунками в тексте визуализировались новые явления советской реальности: коллективизация (красные обозы), индустриализация, электрификация, ликвидация неграмотности. Чаще изображаемыми локусами становились городские улицы с фабриками-кухнями, многоэтажными домами, пионерские лагеря («Артек»), строящиеся заводы. В январских выпусках встречаются изображения мавзолея Ленина. Журнал предлагал юным читателям самим сконструировать новые советские локусы и события по предложенному образцу. Так, ис-

пользуя приложение «Парад» к № 6 за 1927 г., можно было воспроизвести «бумажное» шествие представителей разных народов мимо мавзолея Ленина. Приложение № 11 за этот же год было основой для моделирования кооператива.

Таким образом, детскому литературно-художественному журналу «Мурзилка» принадлежала важная роль в советизации сознания юных граждан молодой советской республики. Картинки готовили ребят к тому, что они скоро станут октябрятами и пионерами, ударниками труда, защитниками родины. Большинство визуальных образов людей на страницах журнала выглядит реалистично.

Головашина О. В. Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов // INETERNUM. 2015. № 1. С. 13–31.

Мурзилка. 1927–1928, 1930–1932.

Рожков А. Ю. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1927–1932 гг.: контент, структура, динамика // Вестн. ПСТГУ. 2017. Вып. 45. С. 57-72 (Сер. Педагогика. Психология)..

Рожков А. Ю. Иммунизация «советскости»: северокавказский букварь как транслятор идеологии (1927–1932 гг.) // «Начало учения дѣтемъ»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: сб. ст. под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой. М., 2014. С. 277–307.

Рожков А. Ю. Школьный букварь как канал учебно-пропагандистского курса: техники индоктринации «советскости» в 1927–1932 гг. // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: Мат-лы IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 355–367.

Трофимов А. В., Клинова М. А. Эволюция образа Октябрьской революции на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 130–138.

Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М., 2010. С. 83–94.

УДК 94(47).084.3/084.6:784.6

И. В. Сибиряков

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПЕСНИ 20-х гг. КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются различные аспекты такого исторического явления как массовые советские песни 1920-х гг. XX в. Автор статьи связывает возникновение этого феномена с целым комплексом различных факторов, решающую роль в котором играла культурная политика советского государства, заинтересованного в скорейшей легитимизации новой социальной и политической реальности. Проанализировав наиболее известные в СССР песни, созданные в исследуемый период, автор приходит к выводу о закономерности кризиса советской массовой песни в конце 20-х годов XX века.

Ключевые слова: массовая песня, музыкальные образы, советская музыка.

В XX в. музыкальные произведения играли важную роль в создании и реализации различных социальных проектов, особенно в странах, где значительная часть населения оставалась неграмотной или малограмотной. Музыкальные традиции страны – это не только один из ключевых компонентов повседневной жизни миллионов людей, но также очень значимый механизм социальной, национальной, религиозной и даже политической идентификации различных групп населения. В условиях масштабных системных потрясений музыкальные произведения часто становятся как инструментом политического противоборства, так и элементом стратегии выживания, позволяющей ослабить разрушительное воздействие некоторых социальных или политических факторов.

С этой точки зрения музыкальные произведения новой советской России в 20-е гг. XX в. должны были помочь в решении нескольких важнейших задач. В первую очередь, они были призваны стать одним из инструментов адаптации обыденного сознания многомиллионного населения страны к тем тяжелым трансформационным процессам, которые происходили в обществе. Во-вторых, они должны были помочь в легитимизации той новой политической и социальной реальности, которая складывалась в государстве после трагических событий 1917 года. В-третьих, они были призваны ускорить процесс консолидации различных групп населения после социальной катастрофы, вызванной гражданской войной.

Советские массовые песни 20-х гг., став одним из ключевых элементов новой советской культуры, появились не на пустом месте. Во многом они строились на традициях народного фольклора и так называемых «рабочих гимнов» дооктябрьской России. Основу народного фольклора составляли частушки, которые чаще всего не имели конкретного автора, сохраняли специфику народной речи, были лаконичны и образны. Частушки позволяли значительной части населения сохранять привычный архаичный мир прошлого, в котором политическая составляющая занимала далеко не первые позиции.

«Рабочие гимны» дооктябрьской России, напротив, были основой для конструирования новой музыкальной культуры, разрушающей старые формы. Показательно интернациональное содержание «рабочих гимнов» конца XIX – начала XX вв., воспроизводивших многие сюжеты «Марсельезы» или «Интернационала», что интегрировало новую российскую музыку в более широкий европейский контекст. Важно подчеркнуть, что «рабочие гимны» в основном описывали тяготы реального бытия рабочего класса, слабо детализируя перспективы его борьбы *«за лучший мир, за святую свободу...»*.

Очевидно, что национальная традиция революционной массовой песни в России в начале XX в. еще только формировалась, сталкиваясь с множеством препятствий и преград. Среди наиболее сложных проблем, с которыми столкнулись авторы первых советских музыкальных произведений, были: своеобразные музыкальные предпочтения основной массы рабоче-крестьянского населения страны, негативное отношение к советскому музыкальному эксперименту со стороны любителей классической музыки и городских музыкальных салонов, отсутствие качественно нового поэтического и музыкального материала, необходимого для написания именно советских массовых песен.

Не случайно в эпоху гражданской войны в музыкальных произведениях, созданных участниками «белого» и «красного» движений, началось активное переосмысление тех мотивов и сюжетов, которые ранее активно использовались в дореволюционной российской и зарубежной культуре. Часть из них была модернизирована под новые политические и социальные реалии. Так, например, знаменитая песня «Смело мы в бой пойдем!» оказалась тесно связана с дореволюционным салонным романсом «Белой акации гроздь душистые» и солдатской песней времен первой мировой войны «Слушайте, деды, война началась».

В это же время произошло перераспределение основных акцентов первых советских музыкальных произведений. В большинстве из них речь шла уже не о сокрушении основ самодержавия, а о защите так называемого «молодого» советского государства. (*«Смело, мы в бой пойдем, за власть Советов, и как один умрем в борьбе за это...»*).

Главной угрозой для нового государства авторы многих песен гражданской войны видели белое движение («белые цепи»), борьба с которой оказалась очень тяжелой и кровопролитной.

Одним из первых советских послевоенных музыкальных произведений, ставших основой для формирования традиций уже советской массовой песни, была песня «Наш паровоз вперед лети» [Зубаков]. Примечательно, что разные источники называют разных авторов текста песни и разное время ее создания. Часть исследователей полагают, что музыкальной основой песни могли стать: маршевый вариант немецкой песни «Аргонский лес в полночный час» или вальс В. Беккера «Царица бала». Обнаружено и несколько вариантов текста песни.

Что же касается сюжетной линии песни и системы ее образов, то здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание на три момента. Во-первых, автор песни подчеркивал важную историческую взаимосвязь, своего рода преемственность между поколениями участников революции, гражданской войны и строительства нового коммунистического общества («*Мы дети тех, кто наступал на белые отряды, кто паровозы оставлял и шел на баррикады*»). Во-вторых, воинственный характер тех, кто готов был защищать свой новый жизненный путь («*...иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка*»). И наконец, в-третьих, абсолютную неопределенность образа будущего («*...в Коммуне остановка*»).

Не менее показательна история создания еще одной из первых советских массовых песен, получившей название «Молодая гвардия». В 1922 г. А. И. Безыменский перевел на русский язык слова стихотворения А. Айдерманна «Заре навстречу», исполнявшегося на музыку австрийского композитора Л. Кнебельсбергера. Созданная в совершенно иной исторической обстановке, в иной культурной среде, эта песня, тем не менее, оказалась созвучна политическим и культурным ориентирам нового советского государства. Примечательно, что некоторые образы, использованные в этой песне, были очень близки к образам песни «Наш паровоз вперед лети». Это касается в первую очередь образа винтовки со штыком («*Вперед заре навстречу, товарищи в борьбе! Штыками и картечью проложим путь себе!*»). Присутствовала в песне и тема преемственности различных поколений участников революционного движения. Есть в ней в самом общем виде и образ будущего, той самой «республики труда», в которой, должно было произойти всеобщее единение.

Главным проектом многих новых советских песен стала молодежь, которой отводилась важная роль в строительстве нового общества.

Именно в начале 20-х гг. появились первые пионерские и комсомольские песни, которые существенно расширили круг музыкальных

и поэтических сюжетов, вводя в него пока еще лаконичные образы будущего («...эра светлых годов»). Но и в этих произведениях без труда можно обнаружить влияние зарубежной музыкальной традиции. Так, первая пионерская песня «Взвейтесь кострами, синие ночи!» была создана на основе «Марша солдат» из оперы Гуно «Фауст», лишь незначительно переработанного советским композитором С. Ф. Кайдан-Дешкиным [Иванова].

Примечательно, что в середине 20-х гг. в советские музыкальные произведения вернулись сюжеты, связанные с гражданской войной. Однако теперь песни, посвященные войне, приобрели более лирический и менее политически значимый характер. Одной из самых популярных в этот период в Советском Союзе стала песня «Там, вдали за рекой» [Александров, Кооль]. Для песни был использован слегка измененный мотив старой сибирской песни политических ссыльных «Лишь только в Сибири займется заря». В песне практически нет революционной темы и образа будущего. Акцент был сделан на образе врага (вновь это «белогвардейские цепи») и личном героизме комсомольца («...что я честно погиб за рабочих»). Очень показательно, что образ штыка, ранее активно использовавшийся в первых советских песнях как своеобразного символа революционного или «красного» движения, в этой песне стал маркером «белого движения». Вместе с тем здесь остались уже традиционные для первых советских песен образ зари и образ крови. Последний, наиболее эмоционально сильный, выводил тему жертвенной гибели молодежи на первый план («...Капли крови густой из груди молодой на зеленые травы сбегали...»), формируя новую эстетику гражданской войны и соответственно послевоенного общества, которое создавалось, благодаря героической гибели сотен тысяч молодых людей. На наш взгляд, именно песня «Там, вдали за рекой» стала очень важным шагом на пути конструирования нового образа гражданской войны, который вместе с образом революции составлял некий репрезентационный фундамент новой советской песни.

В середине 20-х гг. круг профессиональных авторов песенного жанра пополнился такими композиторами, как А. Касьянов, М. Красев, А. Колосов, П. Триодин, Г. Лобачев и другие. С еще большей активностью продолжили свою деятельность А. Кастальский и Д. Васильев-Буглай. Были созданы сотни самых разных музыкальных произведений (хоры, ансамбли, сольные песни). «Но особенно популярны эти сочинения не получили из-за сложности языка, формы, недостатка лирического чувства, которое придавало большую человечность песням гражданской войны» [История современной отечественной музыки].

В 20-е гг. начались процессы стремительной профессионализации и бюрократизации музыкального творчества. Так в 1923 г. по инициативе музыкантов членов РКП (б) в Москве была основана Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ). Первоначально ее ядро составили музыкальные критики, разделявшие идеологию Пролеткульта (Л. Н. Лебединский, Ю. В. Келдыш и др.). Организация отличалась радикальным и нетерпимым отношением ко всему, что ее теоретики считали непролетарским.

В 1925 г. в Московской консерватории группа молодых композиторов, близких по духу к РАПМ, создала организацию, получившую название «Производственный коллектив» или «Проколл». В состав коллектива вошли В. А. Белый, М. В. Коваль, Л. Н. Лебединский и др. Лидером коллектива стал А. А. Давиденко. Участники коллектива своей главной творческой целью поставили создание новой музыки для массового распространения. В основе ее содержания должны были лежать такие сюжеты, как революция, гражданская война, труд. Среди прочих музыкальных жанров главная роль отводилась песням и хорам. Именно в недрах Проколла и родился термин «массовая песня».

Для музыкального стиля участников «Производственного коллектива» было характерно преобладание маршевости, настойчивое подчеркивание волевых интонаций. Широкое распространение в произведениях участников коллектива получил «интонационный фонд революционной песенности, пролетарских гимнов» [Иванова].

Молодые советские композиторы пытались создать музыкальные произведения без зарубежных заимствований, которые воспринимали как ошибочные. Они считали, что советские песни должны быть свободны от любых проявлений мещанства и пошлости. В условиях новой экономической политики такие устремления были абсолютно закономерны. Попытка создать качественно новую советскую песню и придать ей массовый характер, безусловно, была связана с подготовкой к реализации полномасштабного проекта переустройства советского общества на социалистических основах. Сложность поставленной задачи требовала мобилизации абсолютно всех ресурсов и вовлечения в процесс всех групп населения.

Очень показательна трансформация тем и сюжетов в творчестве молодых советских музыкантов 20-х – начала 30-х гг. Некоторые ее аспекты хорошо видны в произведениях А. А. Давиденко. Первой песней А. А. Давиденко, получившей широкую известность, стала песня «Конная Буденного», написанная на стихи Н. Н. Асеева в 1923 г. Песня часто исполнялась на мотив старой солдатской песни «Трубочка» и относилась к жанру походной песни. Ее отличала простота сюжета и образов. Главным из них был образ конной дивизии Буденного,

которая после отдыха в степи должна была перейти в наступление. Итоговый призыв «Дивизия, вперед!», создавал у исполнителей песни и ее слушателей ощущение близости мощного рывка, движения, способного изменить многое в этом мире. Вместе с тем в песне присутствовал и образ врага. Выступавшее в этом качестве «белое движение» трактовалось как движение «маменькиных сынков», выросших в помещичьем доме. Этому движению противопоставлялась конница рабочих и крестьян, состоявшая из тех, кто вырос «в пламени» и в «пороховом дыму» [Давиденко, Асеев, Конная Буденного].

К концу 20-х гг. в силу целого комплекса причин тема гражданской войны в творчестве советских музыкантов стала постепенно отходить на второй план, уступая первые позиции более актуальным политическим темам. Важно подчеркнуть, что многие из них носили внешнеполитический характер. Так в 1929 г. А. А. Давиденко после конфликта на КВЖД написал песню на стихи Д. Бедного «Нас побить, побить хотели» [Давиденко, Бедный]. Известно, что Д. Бедный при создании текста использовал народную частушку, в которую включил актуальные политические сюжеты («*Наш ответ Чжан Сюэ-лянам – схватка молодецкая, а рабочим и крестьянам – дружба всесоветская*»). Показательно, что эта песня сохранила свою популярность и в 30-е годы, о чем упоминал в своих воспоминаниях Л. И. Брежнев.

Песня «Винтовочка», написанная А. А. Давиденко в 1931 г., также на стихи Н. Н. Асеева, предлагала слушателю уже совершенно иной образ врага. В этом качестве в песне выступали «лорды и фашисты». Именно для них была приготовлена «нарезная винтовочка», которая должна была «бить внахлест», чтобы не дать им «нашей стройке помешать» [Давиденко, Асеев, Винтовочка].

Так постепенно в массовые советские песни 20-х гг. входили актуальные политические сюжеты, а сами песни превращались в один из инструментов легитимизации новой власти и формирования новой социальной реальности. Многие из этих песен исполнялись при проведении официальных политических мероприятий (митингов, демонстраций, субботников и т. д.). Среди коммунистов и комсомольцев, безусловно, были те, кто разделял и поддерживал выраженные в новой музыкальной форме идеи и образы. Однако абсолютное большинство музыкальных произведений, созданных членами РАПМ и «Проколла», широкого распространения за пределами официально-музыкального дискурса не получили.

Более того, в 20-е гг., несмотря на все усилия сторонников идеологически и политически правильной музыки, в стране, особенно в рамках городского фольклора, сохранились «блатные» песни, сатирические куплеты, баллады, а также появились первые лирические

песни, посвященные новой жизни и новому быту. По своей музыкальной направленности они могут быть отнесены к направлению, которое многие исследователи определяют, как городской романс начала XX в. Именно такие песни получили поддержку слушателей в самых разных социальных стратах нового советского общества, став по-настоящему массовыми.

Самой известной песней этого жанра в 20-е гг. оказалась песня «Кирпичики» или «Кирпичный завод». Первоосновой мелодии этой песни, по одной из версий, стал дореволюционный романс С. Бейлинзона «Две собачки», который был использован в постановке театра В. Мейерхольда «Лес» в 1924 г. Поэт П. Д. Герман написал на эту музыку стихи. После этого аранжировку музыки сделали В. Я. Кручинин и Б. А. Прозоровский.

Основной сюжет песни оказался связан с историей семьи исполнительницы песни и с историей кирпичного завода, на котором она работала с 15 лет. Тяготы тяжелого физического труда упомянуты были в песне только один раз. («...*Было трудно мне время первое. Но зато, проработавши год, за веселый гул, за кирпичики, полюбила я этот завод*») [Кручинин, Герман]. А вот любовная тема оказалась доминирующей и тесно переплеталась со всеми важнейшими событиями в новейшей истории страны (война, революция, нэп). Удивительно звучали последние слова песни, в которые авторы вложили идею единения личного и общественного счастья. Эта идея была очень важна с точки зрения сторонников построения в СССР нового общества. («*Так любовь моя и семья моя, укрепилась от всяких невзгод... за веселый гул, за кирпичики, полюбила я этот завод*»). Ни о коммунистической партии, ни о комсомоле, ни о вождях революции и гражданской войны в песне не было сказано ни слова. Тем не менее, она обрела огромную популярность в стране.

С 1926 г. песня «Кирпичики» вошла во многие советские песенники, нотные издания (тираж только в «Музгизе» составил около 1 млн экземпляров), была издана на пластинках. Об этой песне есть упоминание в книге И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», в рассказе «Жена» В. Катаева и в других литературных произведениях. Песня исполнялась с эстрады, в клубах, ресторанах. Тогда же пошла волна фольклорной переработки текста песни. Исследователи записали более полусотни вариантов текста «Кирпичиков» и песен на их основе [Неклюдов]. Как справедливо заметил В. С. Бахтин, пытавшийся исследовать причины невиданной популярности этой песни, в ней «соединились официальная пропаганда с искренней еще верой в правильность советского пути» [Бахтин, с. 225]. Ни одна другая советская массовая песня, созданная в 20-е гг., не стала такой популярной в СССР.

Таким образом, первые результаты советского музыкального эксперимента по созданию массовой советской песни оказались неоднозначными.

С одной стороны, в СССР появилась целая плеяда талантливых молодых поэтов и композиторов (М. Блантер, И. Дунаевский, М. Исаковский и др.), чьи музыкальные и поэтические приемы и навыки формировались в условиях относительной творческой свободы и конкуренции. А с другой, в конце 20-х гг. наступил первый кризис официальной советской массовой песни, которая так и не стала по-настоящему популярной, а значит, не смогла стать эффективным инструментом решения многих политических и социальных проблем. «Эксперименты в литературе, живописи и музыке, проводившиеся в первые годы существования Советской России, были проявлениями европейского авангарда, услаждавшими интеллектуальную элиту, а не широкую публику» [Пайпс, с. 379].

То, что несмотря на «правильное» идеологическое содержание, новая советская песня не получила по настоящему массовой широкой поддержки в различных группах населения, возможно, было связано с очень болезненными и сложными социальными и политическими процессами, которые шли в СССР в 20-е гг., и это в глазах правящей элиты придавало многим музыкальным произведениям чрезмерно политизированный характер. Возможно, что социальная реальность в СССР менялась так быстро, что авторы музыкальных произведений никак не могли уловить или выразить сюжеты, по-настоящему значимые для основной массы населения страны. Возможно, это было связано и с тем, что, предпринимая революционные музыкальные эксперименты, их авторы так и не смогли найти удачную поэтическую и музыкальную форму, близкую и понятную широким слоям населения. Разорвав прежнюю культурно-историческую традицию, столь важную для нескольких поколений жителей страны, они не смогли быстро сформировать новую. Кроме того, при отсутствии доступа к радиопрограммам основной массы населения, возможностей посещения концертов, театров и кинотеатров, с широким распространением новой советской массовой песни возникли и технологические проблемы. Часть из них была решена в 30-е гг. XX в. с появлением таких музыкально-кинематографических шедевров, как «Веселые ребята» или «Цирк», а часть осталась нерешенной и в середине XX века.

Важно подчеркнуть, что большинство музыкальных произведений, созданных в СССР в 20-е гг. (в отличие от произведений эпохи «гражданской войны» и произведений 30-х гг.), не сумели закрепиться в культурной памяти советского социума, и были вытеснены песнями,

созданными в последующие годы в условиях стремительного развития новых медиатехнологий (радио, кинематографа, а в дальнейшем и телевидения) и ужесточения культурной политики государства.

Александров А. В., Кооль Н. М. «Там, вдали за рекой...» // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=tamvdal1> (дата обращения: 12.07.2018).

Бахтин В. С. «Кирпичики» // Нева. 1997. № 10. С. 225–229.

Давиденко А. А., Асеев Н. Н. Винтовочка // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=vintovoc> (дата обращения: 12.07.2018).

Давиденко А. А., Асеев Н. Н. Конная Буденного // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=konnaya> (дата обращения: 12.07.2018).

Давиденко А. А., Бедный Д. Нас побить, побить хотели // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=naspop1> (дата обращения: 12.07.2018).

Зубаков П. «Наш паровоз» вперед лети... // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=parovoz> (дата обращения: 12.07.2018).

Иванова Л. И. Советская песня // Отечественная музыкальная литература 1917–1985. М., 1996 // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.norma40.ru/articles/sovetskaya-pesnya-v-20-gody.htm> (дата обращения: 13.07.2018).

История современной отечественной музыки. Вып. 1. 1917–1941 гг. / под ред. М. Е. Тараканова // Ale07.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://ale07.ru/music/notes/song/songbook/isom/isom1_2_1_1.htm (дата обращения: 13.07.2018).

Кручинин В. Я., Герман П. Д. Кирпичики // Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=kirpichi> (дата обращения: 13.07.2018).

Неклюдов С. Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика // Ruthenia.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov22.htm> (дата обращения: 12.07.2018).

Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

УДК 94(470.5).084.3/084.6:76

Н. С. Тархова

КРАСНОАРМЕЕЦ 1920-х гг. – ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ГРАФИЧЕСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье на примере отдельных видов графики 1920-х гг. (журнальная обложка, плакат, рисунок) показаны особенности изобразительных источников, имеющих «красноармейскую» тематику. Полагается, что вовлечение изобразительных источников в область исследований по истории Красной армии позволит расширить представление о взаимном влиянии искусства и военной сферы жизни общества.

Ключевые слова: исторический источник, изобразительно-графические источники, Красная армия, журнал «Красноармеец», 1920-е годы.

В 1920 г. художник Самуил Адливанкин, будучи руководителем художественной секции Самарского губернского комитета по массовой культуре, нарисовал в стиле лубка портрет двух молодых людей, сидящих на диванчике и радующихся общению друг с другом, озглавив его – «Девушка и красноармеец». Типажный характер героев показан в совокупности с их чувствами друг к другу – старыми как мир, – но с признаками нового времени – с учебником по политграмоте в руке красноармейца и портретом Карла Маркса на стене. С доброй иронией в рисунке отражена переключка старого и нового, свойственная для третьего года революции – в образах и традициях, в быте и одежде. Цветовая гамма рисунка – сочетание серого и красного – подчеркивает эту переключку. Преобладающие в рисунке плавные округлые линии в изображении девушки, юноши и интерьера, да и сами предметы его – диванчик, патефон, свернувшаяся у ног хозяйки кошечка – далеки от революционного пафоса. Однако «новизна» времени присутствует в образе красноармейца с красной звездой на буденовке и ордене на гимнастерке.

Сегодня юбилейные даты советской истории заставляют вновь обращаться к прошлому, реконструировать события, воссоздавать социальные портреты поколений. Среди последних интерес представляет поколение тех, кто родился на рубеже двух эпох – Российской империи и Советской России – и сформировался в условиях социалистической действительности. Волнующие историков вопросы про-

Рис. 1. С. Адливанкин.
«Девушка и красноармеец»,
рисунок (1920 г.).

шлого имеют актуальную переключку с современностью, так как нынешнее поколение 30-летних также пережило перелом традиций и ценностей.

В отличие от социологов, активно использующих метод анкетирования и другие интерактивные практики для характеристик современников, историки при воссоздании ретроспективных портретов ушедших поколений имеют в своем арсенале только корпус исторических источников (далее – ИИ), хотя и немалый по объему, но зависящий от сохранности и доступности, от внутреннего наполнения и прочих условий появления документов.

На современном этапе типологическая классификация ИИ распределяет их на вещественные, фонические (устные и звуковые), избразительные и письменные, при этом каждая из выделенных групп (типов) имеет свою познавательную ценность и свой ряд «видов» и «разновидностей» ИИ¹ [Георгиева]. Из всех перечисленных типов наиболее разработана видовая классификация письменных источников. Как правило, на них опирается подавляющее большинство монографических исследований в силу наибольшей разработанности методов анализа и методики использования их.

Красноармейцы, как социальная группа советского общества, не избалованы вниманием ни историков, ни социологов. Тем более отранно отметить проведенное краснодарским историком А. Ю. Рожковым исследование, нацеленное на воссоздание социального портрета молодого поколения 1920-х годов. Его монография «В кругу сверстников» (2002, 1-е изд.; 2014, 2-е изд.) является превосходным примером анализа корпуса письменных ИИ как федерального, так и региональ-

¹ В статье Н. Г. Георгиевой дается обзор выработки принципов классификации исторических источников в советском и российском источниковедении; перечисление типов ИИ дано с учетом времени их возникновения – по-старшинству.

ного уровня, где на большом фактическом материале, выявленном в архивах и периодике, среди опубликованных изданий, исследуются «повседневные практики» школьников, студентов и красноармейцев 1920-х гг., «проблемы и опыт их инкорпорирования в мир взрослых». Отвечая на вопрос, – кто был молодой человек, прошедший через Красную армию, – он указывает:

«Как и любая армия, РККА 1920-х годов внесла свой заметный вклад в формирование маскулинности у юношей, которые покидали ее уже мужчинами. Придя туда со своими крестьянскими представлениями и ограниченным мироведением, красный воин уходил домой во многом *другим* человеком. <...> В армии ему показали врагов и научили убивать их, ему привили интерес к общественной деятельности, его напичкали лозунгами, научили читать и писать. Стал ли красноармеец по окончании службы полностью *советским* человеком? Этот вопрос риторический. Можно только утверждать, что после армии он во многом перестал быть *крестьянином*. Теперь его ждали и тянули к себе город, вуз, рабфак, завод, стройка. Если же и возвращаться в деревню, то только в сельсовет, председателем колхоза, секретарем комячейки. Армия приподняла его над массой и оторвала от нее. Она научила его коллективному взаимодействию, показала ему множество других сверстников, расширила круг его интересов и притязаний, спасла его во время голода. Она сделала из него личность, при этом лишив его какой-то доли человечности»² [Рожков, с. 526–527].

При переиздании книги в 2014 г. А. Ю. Рожков включил в нее иллюстративный ряд изобразительных источников – фотографий, рисунков, обложек и пр., – интересных своим региональным аспектом и содержанием. Большинство из относящихся к красноармейской тематике – взяты из журналов «Красноармеец» и «Красноармеец и краснофлотец», которые активно использовались автором в исследовании³.

Наше обращение к иллюстрациям не случайно, как правило, они сопровождают исторические исследования, но только как визуальный ряд. Однако потенциал изобразительных источников значительно богаче, чем традиционное их использование. Современное источниковедение выделяет изобразительные источники в отдельный тип, где информация передается своеобразными средствами с использовани-

² Выделение отдельных слов курсивом дано автором. Последнее замечание автора о «человечности» на наш взгляд также риторично, так как использованные им ИИ, по его собственному признанию, «перенасыщены негативной информацией» [см. подробнее: Рожков, с. 25].

³ Среди иллюстраций представляет особый интерес редко встречающийся для 1920-х гг. источник – рисунок ученика 4-й группы Стожикова. На нем изображен человек, похожий на В. И. Ленина, приветствующий строй красноармейцев и протягивающий руку их командиру (конец 1920-х гг.).

ем цвета, линий, точек и др. приемов. Различаются следующие виды изобразительных источников: *изобразительно-графические, изобразительно-художественные, изобразительно-натуральные*. К последним относятся фото-кино- и видеоматериалы. Для изобразительных ИИ свойственна наглядность, детализация и мгновенность фиксации факта. Однако, как отмечает Н. Г. Георгиева, любой из них отражает «угол зрения» автора, в связи с чем достоверность информации должна оцениваться с учетом типизации, обобщения и преломления ее в сознании художника, фотографа, кинооператора⁴ [Георгиева, с. 11–12]. Важно отметить, что используемая историками классификация изобразительных ИИ тесно взаимосвязана с принятой классификацией видов искусств в узком смысле, т. е. как определенный вид творчества.

В рамках статьи рассмотрим некоторые из разновидностей изобразительно-графических ИИ применительно к заявленной теме, в частности, *журнальные обложки, плакаты, рисунки, шаржи*. Существуют различные точки зрения по поводу графики (в переводе с греческого – «пишу, рисую»), одни специалисты относят ее к виду живописи, другие считают ее отдельным подвидом изобразительного искусства. Применительно к понятию «исторический источник» графика имеет сходные качества, свойственные для «видов» ИИ. В частности, *общность внутренней формы* (структуры) – по технике графика разделяется на рисунок и печатную графику (гравюра, литография); *происхождения* – она основана на возможностях создания выразительной художественной формы путем использования разных по окраске линий, штрихов и пятен, наносимых на поверхность листа, ее специфика – в линейных соотношениях (в процессе исторического развития в рисунок и в печатную графику стал проникать цвет); *содержания* – в ней присутствует информация, сознательно вводимая автором; *прагматическое назначение* – различаются станковая, книжная и газетно-журнальная, прикладная графика и плакат. Перечисленные качества позволяют рассматривать графику как самостоятельный «вид» изобразительных ИИ.

Журнальная обложка

Как предмет исследования обложка имеет родственные корни с двумя типами ИИ. Будучи элементом периодического издания [о проблемах классификации периодической печати как вида ИИ см.: Рынков], обложка по-праву относится к письменным ИИ, однако она – продукт работы художника или фотографа, в связи с чем имеет все основания относиться также к изобразительным ИИ – к группе (или виду) изобразительно-графических. «В искусстве обложки – писал

⁴ Как указано в статье Н. Г. Георгиевой, такая классификация изобразительных ИИ была предложена И. Д. Ковальченко.

в 1927 г. известный российский библиограф и библиофил Э. Ф. Голлербах – отражается каждая историческая эпоха»⁵ [Голлербах, с. 7]. Эту особенность обложки отмечает и наш современник, ответственный редактор приложения к «Независимой» газете «НГ-Наука» Андрей Ваганов: «Журнальная обложка – один из любимых объектов исследования антропологов, психологов, социологов, маркетологов, специалистов по рекламе. Она, обложка, очень здорово маркирует, если можно так сказать, аромат той или иной эпохи» [Ваганов]. Однако историки до сих пор не обратили должного внимания на возможности как самой обложки, так и общего художественного оформления журналов, чтобы донести «аромат эпохи» до потомков. К слову сказать, журналистикой выработаны функциональные методы и особенности работы с журнальными обложками, что во многом облегчает изучение их как ИИ.

В 1920-х гг. основным журналом для армейского рядового состава был «Красноармеец» (1919–1929), переименованный в «Красноармеец и краснофлотец» (1929–1937). Начав с отдельных номеров в военные годы, журнал «Красноармеец» после окончания войны перешел на ежемесячный формат, а затем и на издание два раза в месяц (1919 № 1–10/15; 1920 № 16/17–28/30; 1921 № 31/32–42/43; 1922 № 44–49; 1923 № 50–57; 1924 № 58–66; 1925 № 67–80; 1926 № 81–97; 1927–1928 по 24 номера в год). Учредителем журнала было Политическое управление РВСР (ПУР), затем издание перешло в ведение Высшего военно-редакционного совета (1921–1926), а после ликвидации его журнал стал органом ПУ РККА и Осоавиахима⁶ [см. список соответствующих периодических изданий 1920-х гг.: Рожков, с. 615–616].

«Красноармеец» был литературно-художественным журналом, рассчитанным на массовую аудиторию и призванным, прежде всего, к интенсивной работе с красноармейцами. Журнал был нацелен на поддержку их боевого духа и доступное объяснение основ военного дела, на просвещение и приобщение красноармейских масс к творчеству. Наряду с этим в нем уделялось должное внимание и освещению текущего момента, и пропаганде соответствующих идей. Журнал оказывал действие в организации досуга красноармейцев, помогал в решении бытовых вопросов, активно использовал переписку с рядовым составом, анализировал их жалобы. В журнале наряду с военно-политической публицистикой печатались рассказы, стихи, сценарии, частушки, ребусы, странички смеха. Художественное оформление журнала – обложка,

⁵ В его книге воспроизведены 75 авторских обложек ведущих художников того времени.

⁶ Указанные Рожковым журналы «Красноармеец-безбожник» (1928–1929) и «Красноармейская эстрада» (1929), по данным Российской национальной библиотеки (РНБ), выходили в Ленинграде в качестве приложения к отдельным номерам окружной газеты «Красная звезда».

рисунки, шаржи, заставки, фото и фотоколлажи – выполняло самостоятельную функцию, в том числе имело цель заинтересовать читателя, ярко и наглядно донести до него нужную информацию.

Рис. 2. Примеры обложек журнала «Красноармеец»: А. Арнштам (1921), Н. Когоут (1923), К. Ротов (1928).

При издании активно практиковались тематические номера, позволявшие концентрировать внимание читательской аудитории на актуальных вопросах жизни страны. В этих случаях журнальная обложка фокусировала в себе главную идею не только номера, но и политического момента. Так, например, в 1923 г. такими номерами были посвященные пятилетию Красной Армии (№ 50), воздухофлоту (№ 52), Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (№ 54), Октябрьской революции (№ 56), борьбе с религией (№ 57). Среди авторов журнала были ведущие военно-политические кадры, известные писатели, поэты. С журналом активно сотрудничали художники и карикатуристы. Так, в первой половине 1920-х гг. в их рядах были Ю. Ганф, В. Гора, К. Елисеев, Б. Ефимов, А. Зеликман, Н. Когоут (автор многих обложек), Д. Моор, А. Радаков и др.

Плакаты

Близким родственником журнальной обложки по агитационному и эмоциональному воздействию, а также по средствам и формам передачи информации являются плакаты. В. П. Полонский, будучи председателем Высшего военно-редакционного совета (ВВРС), отвечавшего в 1920-е гг. за военно-издательское дело, назвал плакат «живописным памятником». В предисловии к своей книге «Русский революционный плакат», изданной в 1925 г. он писал:

«Рожденный революционной улицей, плакат является вместе с тем, созданием русского искусства, и это двойное происхождение придает ему особый интерес. Будущий историк революции, как и историк искусства, не сможет миновать главы о плакате, именно в революционные годы пережившем дни еще непревзойденного расцвета. <...> Не картины, развешанные по музеям, не книжные иллюстрации, ходящие по рукам любителей, не фрески, доступные обозрению немногих, но плакат и “лубок” – миллионный, массовый, уличный – приблизит искусство к народу, покажет ему, что и как можно сделать с помощью кисти и краски, заинтересует своим мастерством и развяжет нерастроченные запасы художественных возможностей, дремлющих в народном сознании. В последнем смысле мы приписываем этому виду искусства огромную художественно-просветительную миссию»⁷ [Полонский, с. 3].

Книга Полонского была первым монографическим исследованием, в котором автор проследил истоки искусства плаката, особенности отражения в нем литературного и идеологического содержания, показал общие стилистические особенности и специфику авторской манеры отдельных художников, провел тематическую классификацию.

Традиции, заложенные в этом направлении агитационного искусства в период революции и гражданской войны, активно использовались и развивались в последующее десятилетие. В 1920-е гг. плакат продолжал оставаться актуальным жанром графического искусства в стране. Более того, целенаправленно изучались язык нового плаката и его различное воздействие на зрителя, а также композиция, цветосочетания, соотношение текста и изображения, включение фотографий. Заложенные в плакате возможности – массовость, художественная наглядность, четкость и броскость языка, техническое тиражирование – позволяли конкурировать ему с традиционной станковой живописью и привлекать в свои ряды многих художников. Среди них были и общепризнанные мастера станковисты, и представители нового поколения художников и графиков. Плакаты 1920-х гг. изображали быт красноармейцев, их подготовку и обучение, овладение боевой техникой, празднование годовщин Красной Армии. Образ красноармейца активно использовался художниками и как часть революционного трио (наряду с рабочим и крестьянином), и как образ «нового героя» – защитника советской власти и носителя новых традиций, призывающего к передовым задачам в политической и социальной жизни общества.

---

⁷ Предисловие к книге было написано В. П. Полонским в мае 1924 г., в ней на цветных вкладках был опубликован 191 плакат.

Рис. 3. Примеры плакатов (слева направо): Б. Кустодиев (1925), А. Родченко (1925), Ю. Меркулов (1927), А. Лавинский (1927).

Рисунки

В недрах Интернета часто встречаются слова французского художника XVII века Шарля Лебрена, сравнившего рисунок с «полусом и компасом», помогающим ориентироваться в «океане краски». Художественный рисунок составляет одну из важнейших и широко развитых областей изобразительного искусства и лежит в основе всех видов художественного изображения на плоскости (живопись, графика, рельеф, гравюра, офорт). Он выполняется от руки с помощью графических средств (контурной линии, штриха, пятна) и их различных сочетаний. Как правило, он выполняется одним цветом, либо с более или менее органическим использованием разных цветов. Сфера применения рисунка чрезвычайно обширна – от самостоятельного назначения (рисунок научно-вспомогательного, прикладного, технического

характера), до оформления печатной продукции (книг, журналов, газет). Эти особенности определяют значение рисунка как ИИ. Например, приведенные рисунки С. Адливанкина и А. Глаголева наглядно показывают разницу в их назначении. Известно, что А. Н. Глаголев в 1920-х гг. работал художником-иллюстратором для газет «Тверская правда» и «Красный Крым».

Рис. 4. Примеры художественных рисунков А. Глаголева 1923 г. и 1930-х гг. [Русская антикварная галерея].

Карикатуры и шаржи

В 1920-е гг. активно использовались *карикатура* и *шарж* как средство агитации и пропаганды, позволявшие как высмеивать старые традиции и все враждебное новому строю, так и показывать достижения советского общества. В основе карикатуры и шаржа лежит рисунок, в частности, сатирическое или юмористическое изображение. В первом случае соответствующий эффект создается преувеличением и заострением сатирических (неприятных, ужасных) черт, сопоставлений и уподоблений; во втором (обычно портрет) – с использованием добродушно-юмористических средств. В журнале «Красноармеец» во многих номерах присутствовала «страничка смеха», где солдат был центром изображения, под ним зачастую печаталось четверостишие в стиле частушки. Общепризнанный мастер политической сатиры Б. Ефимов также использовал образ красноармейца в своих работах. Его рисунок «Юбилейный год» отражает актуальность современной ситуации, когда красноармеец (и на службе, и после демобилизации) нес в деревню установки власти.

7. Я поддам ²голоблю в рот
 Всем эксплуататорам.
 Поступлю в воздушный флот,
 Стану авиатором!

8. Что для нас теперь Юденич,
 (Было время да прошло!)
 Пусть шагает наш младенец
 Да из города в село!

Рис. 5. Примеры шаржей в журнале «Красноармеец» (1923) и рисунок Б. Ефимова «Юбилейный год» (1926).

Приведенные в статье изобразительные примеры позволяют хотя бы в малой степени дать представление о разнообразии и возможностях «красноармейской» графики в передаче «аромата времени». Учитывая, что 1920-е гг. были периодом «бурной социокультурной трансформации» [Рожков, с. 20–21], они оставили глубокий след не только в повседневной жизни современников, но и в их творчестве. На это десятилетие одновременно пришлись и расцвет конструктивизма с всемирным признанием советского графического дизайна, и переход к тоталитарному искусству с развитием «соцреализма» в живописи и графике. Популярность соответствующих изобразительных произведений на современных выставочных площадках и аукционах говорит сама за себя. Полагаем, что более активное вовлечение изобразительных источников в исследования по истории Красной Армии позволит расширить

общее представление о взаимном влиянии искусства и военной сферы жизни общества.

Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестн. РУДН. 2016. №1. С. 7-19 (Сер. История России).

Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

Голлербах Э. Ф. Современная обложка. Л., 1927.

Ваганов А. Бумажный носитель. Журнальная обложка – один из любимых объектов исследования ученых // Независимая газета. Приложение «НГ Наука». 2013. 25 декабря.

Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925.

Русская антикварная галерея: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-gal.ru> (дата обращения: 20.08.2018).

УДК 94(470.5).084.3/084.6

А. В. Трофимов

СОВЕТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» (1920–1930-е ГОДЫ)

Конструирование советских мифологем на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. рассматривается в трех плоскостях: понятийной, императивной и персональной.

В первой из них формируется набор понятий, характеризующих «область света», величие и прогрессивную сущность советского проекта: «социализм», «партия», «смычка», «индустриализация», «пятилетка». «Область тьмы» представлена понятиями: «капитал», «классовый враг», «белогвардеец», «кулак», «нэпман».

Императивный ракурс позволяет выделить мифологические конструкции, призывающие читателей «разрушать старый мир», «не молиться богу», «не верить в благополучие», «отвергать искусство», «преобразить мир капитала», «возглавить народный контроль», «осудить врага народа», «остановить хулигана».

Персоналии, имеющие мифологические черты, представленные на страницах издания, можно разделить на категории: «большие люди»;

«чужие люди»; «культурные люди»; «деятельные люди»; «простые люди».

Ключевые слова: советские мифологемы, журнал «Крокодил», 1920–1930-е годы.

Под коллективными и индивидуальными мифологемами принято понимать слова или словосочетания, выступающие в тексте как имя собственное. «Каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/ слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» [Лютман, с. 222]. В советском информационном пространстве практически любая область жизни была «закрыта» той или иной мифологемой, которые работали как стабилизирующий фактор, создавали цепочки эквивалентностей, задавая необходимую иерархизацию общества [Почепцов, с. 373–374]. При формировании в агитационно-пропагандистском пространстве раннесоветской эпохи мифологической картины мира наблюдается стремление опираться на глубинные, неотрефлектированные представления о грехе и благодати, о рае и аде, присутствующие в персональном и общественном сознании. В атеистической картине мира «раем» назначалось «светлое будущее», «построенный в боях социализм», «ад» был явлен «проклятым прошлым», либо проклятым настоящим – за пределами СССР.

Одним из инструментов «лепки» остывающей «революционной лавы» в четкие смысловые категории, запоминающиеся, устойчивые мифологические образы являлась советская сатира. Конструирование советских мифологем на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. можно проследить в трех плоскостях: понятийной, императивной и персональной.

В первой из них происходил отбор мифологических единиц, их сепарация на «область света» и «область тьмы». В набор понятий, характеризующих «область света», величие и прогрессивную сущность советского проекта входили: «социализм», «партия», «советы», «Красная армия», «смычка», «индустриализация», «пятилетка», «генеральная линия» и др. «Область тьмы» на страницах издания представлена понятиями: «капитал», «классовый враг», «белогвардеец», «вредитель», «кулак», «нэпман» и др.

«Пазл» мифологической «области света» строился вокруг основополагающей мифологемы «советский социализм», включающей сово-

купность элементов. Социализм – первая стадия коммунизма, переходная стадия от капитализма к коммунизму. Коммунизм – пролетарский рай, который доступен еще при жизни. Главный принцип социализма (закреплен в Конституции 1936 г.): *«От каждого – по способностям, каждому – по труду»*. Строительство социализма являлось основным занятием граждан РСФСР (СССР). Его цель – осуществить в короткие исторические сроки принципы социального равенства на основе марксистского учения. Успех этого процесса обеспечивается под руководством партии, которая на каждом этапе строительства социализма вырабатывает генеральную линию, регламентирует и регулирует все сферы жизни общества. Попытки скорректировать представления о социализме и способе его строительства в СССР и остальном мире, не относящиеся к генеральной линии, причисляются к оппортунизму [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 16, 17].

На страже *«советского социализма»* стоит Рабоче-крестьянская Красная армия – «ангел-хранитель» завоеваний Октябрьской революции. *«Красная армия – самый мощный и самый убедительный наш довод в пользу политики мира»* [Крокодил, 1936, № 30, с. 3]. Красноармеец – квинтэссенция положительных качеств трудового народа, это сознательный рабочий или крестьянин. Он одет в шинель или гимнастерку, туго перепоясан, имеет при себе винтовку (пулемет, гаубицу) для защиты Отечества. Красноармеец лишен обычных человеческих качеств. В этом проявляется его «ангельская сущность», он всегда является неожиданно, один его вид приводит в трепет внешнего и внутреннего врага. Воинственный облик дополняет сияющая на буденовке пятиконечная красная звезда. *«Красная армия – первая в мире армия, которая родилась под счастливой звездой: пятиконечной»* [Крокодил, 1934, № 29–30, с. 15]. Функции красноармейца не ограничиваются защитой рубежей Родины. В свободное от боев и маневров время он упорно ликвидирует свою и чужую безграмотность. Рисунок: *Красноармеец изучает за столом труды К. Маркса и И. В. Сталина. Глядя на него, капиталист вопрошает: «А что мы выставим против этого оружия Красной армии?»* [Крокодил, 1931, № 5, с. 8]. Красная армия считается авангардом мировой революции и готова в любой момент прийти на помощь революционному пролетариату в других странах. Реакция на пакт Келлога: *«– Гляди Петров, скоро домой пойдём! С буржуями мирный пакт подписали. – А ты, буржуйской подписи не верь. У них – как в ЗАГСе, сегодня расписались, а завтра – драчка»* [Крокодил, 1929, № 7, с. 1].

Мифологема *«союз рабочих и крестьян, смычка»* характеризовала деревенскую политику партии до начала массовой коллективизации. Миссия рабочего – помочь крестьянину не ошибиться в выборе

и поддержать сельский пролетариат в борьбе с теми, кто переходит в стан классовых врагов. Сначала на селе (в рамках смычки с деревней) силами рабочих ведется агитационная и пропагандистская работа; а вплотную к исполнению своей миссии городской пролетариат приступает с началом массовой коллективизации. «Зимние картинки», опубликованные в 1924 г., показывали цель и скорые результаты смычки.

«1920: Зима. Крестьянин, торжествуя, Катит уездным городком: Его лошадка, ног не чуя, Везет излишки в Упродком. Мороз. Под сенью Наркомпрода Стоит мужицкая подвода. Мужик ругается, бродя, По рынку в поисках гвоздя. Его сынок, смышленный мальчик, Учтя родительскую злость, В чужом заборе ищет гвоздь, Шалун уж заморозил пальчик: – Никак не вырвешь... мудрено! А мат грозит ему в окно! 1924: Зима. Крестьянин, торжествуя (Что ни зима – другой мотив), Спешит, сниженье цен почуя, В уездный кооператив. Ворчит посредник, частный фактор. Хандрит кобыла, чуя трактор, Но, презирая плуг и кляч, Ей не сочувствует избач. Вот – пионер, крестьянский мальчик, Коньками режет скользкий скат. Не на “Безбожника” ль плакат Его указывает пальчик? Ему не страшно, а смешно... А ВИК зовет его в ОНО! 1934. Зима. Крестьянин, торжествуя, На “Бенце” обновляет путь. Его машина, ров почуя, С шоссее торопится свернуть. Он, осудив небрежность эту, Спешит в уездную газету, – Чтоб “пропечатать” УКХ: Мол, инженерия плоха! С ним, у руля, крестьянский мальчик, Он говорит, вращая руль: –По реомюру – ровно нуль... (Но не замерз в перчатке пальчик!). Ночь. Электричество давно Им улыбается в окне!» [Крокодил, 1924, № 23, с. 5].

В «Крокодиле» существовали определенные каноны образа «рабочего». В СССР это настоящий титан, который свободен и неутомимо созидает, статью и ростом в несколько раз превосходящий врагов. Одет он, как правило, в производственную одежду с фартуком или комбинезоном на лямках. Фрак, галстук, котелок и цилиндр – атрибуты буржуазии. Головной убор пролетария – кепка. Рабочий обычно гладко выбрит, допускаются усы, но не борода, она отличительная особенность попа и крестьянина. Главный рабочий инструмент и, одновременно, оружие – молот. Им пролетарий разбивает свои цепи. В массе своей пролетарий – сбросивший оковы титан, радостно несущий свет коммунизма отсталым западным собратьям. Но отдельные представители рабочего класса подвержены мелкобуржуазному разложению и не избавились от пороков дореволюционного прошлого. Поэтому на страницах издания присутствует и иной рабочий: алкоголик, пьющий все выходные напролет и на рабочем месте; лентяй и прогульщик, летун и рвач, готовый бросить работу и отправиться на поиски длинного рубля. Пик бичевания отдельных недостатков в рабочей среде приходится на излет нэпа – 1926–1927 годы.

Но уже в 1929-м, в год «великого перелома» и первой пятилетки, рабочий стряхивает с себя разъедающую слякоть нэпа и вновь становится титаном, строящим социализм [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 38–39].

В 1930-е гг. содержание мифологемы «советского социализма» дополняется понятиями «индустриализация» и «пятилетка», которые стремительно превращают СССР в индустриальную державу. На страницах «Крокодила» по новым дорогам разъезжают автомобили советского производства, поля вспахивают советские трактора, небо бороздят советские самолеты, границы охраняются с применением новейшего советского оружия [Там же, с. 20, 28].

Одним из результатов политики индустриализации является создание «**социалистического (нового быта)**». В «Крокодиле» ярко представлены характерные черты «старого быта»:

Каморка. Серые окна. Занавесочки. Паутина. Стулья и стол. Водка – крепка. Закуска – нехитра. Потом – драка. Свернутые скулы. Похмелье. Тоска. Никакой мечты – сплошная серость. Это у мужиков. У баб – кухня. Сквородка. Корыто. Пеленки да подштанники. Дети орут. Муж лупит. Керосину нету. Глаз подбит. Нос озяб. Бывают и гармошки с балалайками. И танцы. И кино.

Таков старый быт. Он должен остаться в ненавистном прошлом, поскольку, чтобы перенестись из барака в сияющие небоскребы, надо победить старый быт и создать советский образ жизни.

Идиллическая картина нового быта в «Крокодиле»:

Чистота. Простота. Красота. Государственная забота – социальное обеспечение. Красивая и аккуратно одетая женщина в красной косынке следует: в кооператив за молоком; на митинг в честь 8 Марта; на лекцию в рабочий клуб; в секцию кройки и шитья; в хор и драмкружок. Туда же направляется ее трезвый и причесанный супруг. Он не курит махры, не пьет самогона, в свободное время читает газету или посещает парк культуры и отдыха. Там в самодеятельном народном оркестре играет на мандолине или физкультурничает. Вместо пьяной драки – культурный бокс. Стирает дешевая автоматизированная прачечная. Еду готовит фабрика-кухня на 10 тысяч едоков, а умные и добрые девушки в косынках читают малышам в детсаде хорошие книжки. Кругом покой и радость. Только слышны удары ног по футбольному мячу, да стук домино во дворе. В комнате – новые матрас и комод, на ногах – надежные боты «Скоруход».

Считается: если постоянно ругать старый быт – к нему возникнет отвращение, а покажи новый – люди в него и вратуют [История глазами Крокодила. XX век. События, с. 127].

Мифологическая «область тьмы» представлена понятием «капитализм», с которым ведет постоянную борьбу «советский социализм». Капитализм – враг человека труда, существует для эксплуатации пролетариата, порождает смертельный экономический кризис, классовые битвы, вопиющую нищету, злобную полицейщину, жесточайшее ограбление народа, суд Линча, издевательство над вдовами и сиротами, униженное положение женщины-работницы, зверскую эксплуатацию человека человеком, зоологический капитализм, фашизм и т. п. Рисунок: *Две бродячие собаки роются в мусорном баке. И одна другой говорит: «В этом мусорном ящике нам нечего делать, тут уже были люди».* Обличительные стихи:

«Кризис сжал Европу в лапе, – Вновь старуха на мели: Гаснет вера в римском папе, Скудны верой короли. Жрут безверия микробы Биржи, банки, кабинет... Вера в бога ничего бы! Веры в будущее нет» [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 82].

Мифологема **«классовый враг»** и его основные разновидности (белогвардейцы, нэпманы, кулаки, попы) широко представлены в «Крокодиле». Признаки классового врага: он чисто и аккуратно одет (нередко в еще дореволюционные вещи), складно говорит, часто употребляет непонятные слова, нередко страдает излишним весом, любит много и вкусно есть, не терпит физического труда. По мере обострения классовой борьбы враг умело маскируется и умудряется проникать даже в ряды партии, занимается саботажем и вредительством. Его основное и ежедневное занятие – разложение несознательного элемента. Классовый враг сеет «бациллы» уныния и неверия, распускает слухи и рассказывает похабные анекдоты, заражает все вокруг себя мелкобуржуазным обывательским подходом к жизни. Для борьбы с классовым врагом практикуются регулярные партийные чистки и чистки аппарата, а также «ежовые рукавицы». В Конституции 1936 г. социализм провозглашается построенным, поэтому классовый враг переименовывается во врага народа [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 70].

«Белогвардеец» – самый опасный внутренний враг, непримиримый противник советской власти, не признающий компромиссов и не идущий на переговоры. *«Белая гвардия – самая темная и грязная гвардия в мире»* [Крокодил, 1936, № 30, с. 3]. Белогвардейцы ставят целью установление в России своих порядков. Образ белогвардейца на страницах издания – жалок. Это навсегда побежденный враг, который обитает в эмиграции, проедает там вывезенные из России ценности, живет прошлым, ненавидит, клеветает, вынашивает планы реванша. Ради победы контрреволюции белогвардеец готов служить самым темным и зловещим силам капиталистического ада. Изобразительный ряд:

белогвардейцы продают свои антисоветские души британскому лорду; выстраиваются в очередь к Муссолини и записываются в фашисты; белогвардеец на Дальнем Востоке по указке китайских милитаристов пакостит на КВЖД; в Испании – драпаёт от интербригад вместе с армией генерала Франко; в Париже строит грандиозные планы своего триумфального возвращения в Россию в качестве министра финансов и помогает предателям из Промпартии готовить интервенцию; прислуживает японским самураям в банде манчжурских хунхузов. Для очередного воинственного похода белогвардеец достает из пыльного сундука траченную молью полевую форму царской армии с погонами или эполетами, облачается в шинель или бурку, надевает на голову папаху либо офицерскую фуражку с кокардой. Но надежд на падение большевистского режима и триумфальное возвращение в родное поместье с каждым годом все меньше. Мечты белогвардейца все скромнее, он понимает, что старой России не вернуть, и тогда он пыгается возродить царскую Россию в эмиграции, но все «потуги» заканчиваются бесславным походом в «заведение» с русскими «девочками» [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 62].

«Кулак» в «крокодильской энциклопедии» 1934 г.:

«Особая человеческая разновидность, доставшаяся нам в наследство от дореволюционной России и ликвидируемая как класс. Пробовала встать с помощью правых оппортунистов в социализм, но ничего не вышло. Питается мясом, рыбой и слухами о трудностях. Внешность имеет обычную и отнюдь не походит на свои изображения в карикатурах и на плакатах. Голос имеет обыкновенный: тенор, бас или баритон, но регулярно лишается его во время очередной избирательной кампании. Землю обрабатывает с трудом (и непременно наемным). Религиозен, так как верит в страшный суд, на котором думает затеять гражданский процесс против советской власти о ликвидированной лавочке и реквизированном двухэтажном доме. В литературных произведениях выводится очень медленно. Из колхозов, когда успевают туда пролезть, – значительно быстрее. К семейству К. принадлежат также и подкулачники. Последние утверждают, что, поскольку у кулаков отняты двухэтажный домик, лавочка, приколпленный капиталец и почетное место у левого клироса, он уже – стопроцентный бедняк. По этой теории, если у ястреба срезать когти – он уже голубь. А если у Пирпонта Моргана отнять банки, так он уже не Пирпонт, а заря новой жизни. О подкулачниках можно бы рассказать еще многое, но не такие это люди, чтобы на них было приятно останавливаться» [Крокодил, 1934, № 29–30, с. 15].

«Нэпман» – советский буржуй эпохи диктатуры пролетариата, на карикатурах изображается с классическими атрибутами капиталиста – цилиндром и сигарой. «Крокодил» поднимает знамя борьбы с нэповской «нечистью» и на знамени этом пишет: «Смело всадим

в рыло нэпа смеха красный острый нож». Нэп многолик и разнообразен. Он может выглядеть лощеным комиссионером с Ильинки, а может обернуться оборванным мальчишкой-папиросником. Он и мечтающая о пианино кокотка с Тверской, и типичный сторонник «Союза Михаила Архангела» – лавочник в непрменной рубашке навыпуск и туго обтягивающем объемистый живот жилете. «Крокодил» изучает и классифицирует все эти типажи, готовится к смертельной атаке. Для читателей есть несколько объяснений: *1. Нэп не имеет никакого отношения к новой экономической политике. Новая экономическая политика ведет в коммунизм. А нэп – в Ревтрибунал. 2. Нэп – необходимое условие восстановления индустрии. В условиях диктатуры пролетариата рабочий не даст нэпачу вырасти в кровососа-капиталиста. 3. Нэпман – ручной буржуй и в диком капиталистическом состоянии на территории СССР не встречается. 4. Настоящий нэп – это государственные банки и тресты. А частные кондитерские и пивные – лишь гримасы нэпа.* Уже к осени 1923 г. слово «нэп» пропадает из журнала, остаются лишь два производных слова: «нэпман» и «нэпач». Ими обозначаются исключительно враги. К исходу 1927 г. слово «нэпман» пропадает окончательно, а сам нэпман превращается в более нейтрального частника. К январю 1930 г. частник – раздавленный государственным трестом и кооперативной торговлей лоточник, а в 1931 г. исчезает и он: государство окончательно запрещает частную торговлю [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 72].

Понятийный ракурс деления на область света и тьмы дополняется императивным ракурсом, в котором фиксировались правильные, одобряемые модели поведения. Императивный ракурс позволяет выделить две группы мифологических конструкторов. В первую входят мифологемы, призывающие читателей «разрушать старый мир», «не молиться богу», «не верить в благополучие», «отвергать искусство» и т. д. Вторую группу составляют мифы-императивы: «добей белых», «преобрази мир капитала», «возглавь народный контроль», «осуди врага народа», «останови хулигана» и т. д.

Третий ракурс, представленный на страницах «Крокодила» – персональный. Мифологический флер создавался вокруг отобранных персонажей, олицетворяющих области света и тьмы, одобряемые и осуждаемые модели социального поведения. Персоналии, представленные на страницах издания, можно разделить на категории: «большие люди» (Калинин, Куйбышев, Каганович, Сталин и др.); «чужие люди» (Бриан, Франко, Чернов, Керзон, Гитлер и др.); «культурные люди» (Чаплин, Горький, Шаляпин, Мейерхольд и др.); «деятельные люди» (Красин, Ежов, Шмидт, Изотов, Стаханов и др.); «простые люди» (Ермолаев, Буров, Мустаев, Шабанов и др.). Они наделялись

набором гипертрофированных мифологических черт: предвидением, силой, упорством, талантом, классовым чутьем и т. п.

В 1920–1930-е гг. в журнале «Крокодил» формируется «красно-белая» картина мира, создание советских мифологем идет в трех основных плоскостях. В *понятийной* – происходил отбор и сепарация понятий, в *императивной* – выстраивались «правильные» и «неправильные» модели поведения, в *персональной* они конкретизировались на примере «положительных» и «отрицательных» героев. Такой подход являлся достаточно результативным, что позволяет считать «Крокодил» одним из важных инструментов в формировании советской идентичности в 1920–1930-е годы.

История глазами Крокодила. XX век. Слова. 1922–1937. М., 2014.

История глазами Крокодила. XX век. События. 1922–1937. М., 2014.

Крокодил. 1924, 1929, 1931, 1934, 1936.

Лотман Ю. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 220–226.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Раздел 3

СОВЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ИСТОКИ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 94(470.5).084.3/084.6

Я. Садовский

КОНДЕНСАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ. МИФОЛОГЕМА В ТЕКСТАХ ТОТАЛИТАРНОГО ЯЗЫКА

В статье анализируется процесс превращения нетоталитарных знаков и текстов в их тоталитарные эквиваленты, а также роль, отводящаяся в этом процессе мифологеме — фигуре, конденсирующей мифологическое содержание в языковых и текстуальных единицах. Иллюстративным материалом служат классические тексты сталинской эпохи (в частности, «сталинская» конституция 1936 года, «Краткий курс» истории ВКП (б) и музыкальная комедия Григория Александрова «Светлый путь») в сопоставлении с дототалитарными текстами (Конституция РСФСР 1918 г., исторические труды Михаила Покровского, «Веселые ребята» того же Александрова).

Ключевые слова: текст, знак, трансформация, мифологема, тоталитарный язык, тоталитарная культура.

«Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли» — пишет Джордж Оруэлл в приложении «О новоязе», завершающем его знаменитый «1984» [Оруэлл, с. 200]. При этом он отмечает, что «новояз был основан на сегодняшнем литературном языке» [Там же, с. 201]. Нет смысла в очередной раз доказывать правоту художественной интуиции автора самой, пожалуй, известной в мире антиутопии и приме-

нимость основных тезисов теории «новояза» к официальному языку сталинской эпохи. Уместен, однако, вопрос о том, за счет каких «знаковых средств» обеспечивается «мировоззрение и мыслительная деятельность» приверженцев не только «ангсоца», но и всех масштабных общественных проектов, порождающих свои тоталитарные языки. Нынешняя статья задумана как штрих, позволяющий указать на лишь один из многих механизмов. Ниже мы приведем несколько примеров знаков и текстов, относящихся к различным культурным пластам, возникших или задействованных в рамках советской дототалитарной культуры – и покажем, каким образом, апеллируя к ним, культура тоталитарного типа модифицирует их семантический заряд.

1. «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» – гласит начало «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», вошедшей в конституцию РСФСР 1918 года и ставшей ее первым разделом. Первое положение «Декларации» и стало статьей 1 Конституции, которая представляет собой замечательный пример текста, порожденного культурной моделью, обозначаемой Владимиром Паперным как «культура 1» [Паперный, с. 41–306]. «Культура 1», по Паперному – модель, ориентированная, в частности, на будущее, на движение; всей своей структурой вписывается она в логику революционного разрыва с прошлым, со сложившейся социальной структурой, с конструкцией государства и общества. Весь текст «Декларации» ориентирован именно на будущее, став же частью конституции РСФСР, он своеобразно обращает к будущему всю логику ее текста. Национализация (а на языке той эпохи – «социализация») земли, промышленности, инфраструктуры и банков проводится – согласно «Декларации» – в ответ на «основную задачу» «уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, полного устранения деления общества на классы, беспощадного подавления эксплуататоров, установления социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» [ст. 3]. В то же время всем инструментам (также и юридическим), призванным выполнить эту «основную задачу», свойственна подвижность, нестойкость, ситуативность. Так, сама конституция в своем собственном толковании «рассчитана на настоящий переходный момент» [ст. 9].

По всем параметрам «сталинская» конституция СССР 1936 г. является иллюстрацией модели «культуры 2» – с ее стойкостью, неподвижностью и «взглядом», обращенным к прошлому. Задачей любого юридического текста является определение правовых рамок того, что происходит здесь и теперь. Тексту такого характера сложно напрямую апеллировать к прошлому. Сложное не означает, однако,

невозможного. В юридических текстах прямые или опосредованные исторические нарративы могут существовать в преамбулах, или – как в случае основного закона 1936 г. – в каноническом комментарии (такова, в частности, культурная функция сталинского доклада «О проекте Конституции Союза ССР», в сталинскую эпоху издаваемого зачастую в качестве своеобразного вступления [Сталин]). Более того, даже в юридической части конституционного текста (прежде всего – в его программных компонентах) может «дремать» прошлое.

Для иллюстрации этого тезиса мы приведем аналогичные статьи конституций 1918 и 1936 гг., определяющие государство и источник власти. Так, в статье 10 Конституции РСФСР (перекликающейся с первым положением «Декларации») говорится: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах». В «сталинской» Конституции аналогичные определения содержатся в статьях 1 и 2: «1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян. 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».

Казалось бы, в последней из процитированных статей достаточно было бы поставить точку после слова «трудящихся». И все-таки что-то толкнуло законодателя к введению в предложение юридически несущественного определения. В нем и «дремлет» история самих советов. Естественно, это история мифологизированная – ее присутствие и сказывается на мифологической функции номинально законодательного текста. А значит, почти равноценные с юридической точки зрения тексты отличаются существенным семантическим компонентом. Он и сказывается на принадлежности его носителя (статьи 2) как к универсуму «культуры 2», так и (что, впрочем, взаимосвязано) к семиосфере русского языка в его тоталитарной ипостаси.

2. Сталинская эпоха привнесла в историю советского кинематографа несколько повествований о Золушке. Среди них лишь одно претендовало на статус экранизации знаменитой архетипической волшебной сказки, самая известная литературная редакция которой принадлежит перу Шарля Перро. Такой статус закреплен за фильмом Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро (1947), поставленным по сценарию Евгения Шварца, прекрасно владеющего сказочным жанром и мастерски использующего его для конструкции своих художественных сообщений. Речь пойдет, однако, не об

этой «Золушке», а о двух других, «спрятанных» в фабуле известных музыкальных комедий.

Обеих «Золушек» советские зрители увидели в фильмах, снятых Григорием Александровым, в обеих воплотилась Любовь Орлова – сначала в «Веселых ребятах» (1934), затем – в «Светлом пути» (1940). Обе предстали перед глазами публики простыми домработницами, и с обеими зрители прощались, убедившись в их жизненном успехе, в изменении социального статуса и в наличии «принцев» рядом с ними.

Упомянутые фильмы принадлежат совершенно другим периодам развития советской визуальной (и не только визуальной) культуры. Первый из них относится ко времени, когда советский кинематограф делал первые шаги в выработке нового языка, связанного, с одной стороны, с освоением звукового инструментария, с другой – лишь нащупывавшего пути решения тех идеологических задач, какие ставились перед зарождающимся тоталитарным искусством. Второй представляет собой эталон решения этих задач и эталон эстетики социалистического реализма¹. Вполне обоснованно можно также говорить о принадлежности первой из лент к «культуре 1», второй – к «культуре 2».

«Золушка» «Веселых ребят» – домработница Анюта, прислуживающая Елене (в этой роли – Мария Стрелкова) и ее матери (Елена Тяпкина). Конечно же, статус Анюты и отношение хозяек к своей работнице представлены в категориях эксплуатации; Анюта – простая, бедная, трудолюбивая девушка, Елена же, выступающая ее главной антагонисткой – не имеющая никакого отношения к труду претенциозная «буржуйка», полностью предающаяся светской, праздной жизни. При этом Анюта обладает прекрасным голосом, певчим талантом и музыкальным чутьем, у Елены же – ничем не оправданная претензия на талант. В ходе развития фабулы, типичной для комедии ошибок, не только раскрывается потенциал Анюты, награждаемой в итоге аплодисментами зрителей Большого театра, но и оправдываются ее чувства к пастуху Косте, оказавшимся музыкантом столь же талантливым, сколько и воплотившийся в него Леонид Утесов, но долгое время увлеченным бездарной и лицемерной Еленой. Он-то в итоге и становится золушкиным «принцем», оптимистический же финал фильма, изображающий художественный триумф обоих, позволяет считать, что «жили они долго и счастливо».

Хотя в персонаже Анюты из «Веселых ребят» и прочитывается фигура Золушки, прямые ссылки на нее содержит лишь история

¹ Отметим, что выработка тоталитарного языка у Александрова произошла мгновенно – и уже «Цирк», вышедший на экран всего два года после премьеры «Веселых ребят», может по праву считаться примером подлинно тоталитарного искусства.

Тани Морозовой из «Светлого пути». Таня – домработница мещанской хозяйки, в сравнении с которой даже буржуйка Елена предстает как симпатичный персонаж. Хозяйка – воплощение лени и праздности, в то время как Таня – опять-таки трудолюбия. «Золушкой» Таня становится уже в начале повествования. «Ух ты! Золушка какая!» – говорит при первой с ней встрече Алексей Лебедев (Евгений Самойлов), будущий инженер и Танин «принц». Пока он станет ее избранником, Тане предстоит встретить партийную наставницу (Елена Тяпкина – мать Елены из «Веселых ребят»), уйти от хозяйки, начать учиться, устроиться на работу на швейной фабрике, встать на путь ударного движения, устанавливать очередные рекорды выработки процентов нормы за смену, наконец – получить за заслуги орден Ленина и стать депутатом Верховного совета СССР. Впрочем, ближе к концу киноповествования она сможет свой жизненный путь изложить в исполняемой ею песне:

[...] Деревенская девчонка
В услужении жила,
Вечно в саже – сажа даже
На носу у ней была.

– Не волшебница седая
Подавала мне совет,
И не фея молодая,
А товарищ средних лет.

Поддержала, подсказала,
Как судьбу свою найти.
Замарашка зашагала
По широкому пути.

И работала отлично,
Как Стаханов научил,
И Калинин самолично
Орден Золушке вручил [...]². [«Светлый путь», 1940]

В биографии Тани Морозовой есть и бал, новогодний, с которого ей приходится бежать в полночь – правда, не из страха от превращения платья в лохмотья и кареты в тыкву, а из-за испуга от лебедевского поцелуя. «Он, небось, есть инженер, образованный человек – а я кто?»

² Слова Михаила Вольпина.

[«Светлый путь», 1940] – рыдает Таня, ощущая угрозу своеобразного классового мезальянса. Ибо на тот момент Лебедев – человек не только образованный, но и партийный, а значит – «сознательный», Таня же – начинающая, «несознательная» еще работница. В финале фильма ей – уже фигуре всесоюзного масштаба – не придется даже стараться о внимании «принца», а намечающееся супружество с партийцем будет для нее не «повышением в статусе», а логичным завершением любовной истории двоих сверхсознательных личностей. Ибо – оказывается – в сталинском Советском Союзе счастье обеспечивается не вмешательством «молодых фей», а самой конструкцией общественной и государственной действительности – о чем и заверяет Таня в одном из куплетов своей песенки:

Сказка былью растворится
И становится бледней
Старых сказок небылица
Перед былью наших дней. [«Светлый путь», 1940]

Значит, судьбы двоих александровских «Золушек» разделены пропастью. «Веселые ребята», хотя и беспощадно насмеваются над бытом остатков советской буржуазии, являются комедией ошибок, где и комический эффект, и изменения в жизни героев достигаются за счет случая. Для того, чтобы Костя стал «принцем», Анята же – «принцессой», героям нужно наконец-то оказаться в нужном месте и в нужное время. Конечно, нужен и музыкальный талант, он-то в конечном итоге и сводит их как пару. Но раскрывается он, по сути, в результате случая, стечения многих обстоятельств, череды недоразумений, ошибок, драк и гротескных ситуаций, наконец – в результате импровизации: именно стихийное творчество позволяет героям выдержать сценическое испытание. Тут место и для голосового подражания инструментальной музыке, когда все трубы и тромбоны полны дождевой воды, и даже для моментального введения в ход театрально-музыкального действия подвыпившей Аняты, только что спасаемой от простуды единственным способом, известным кучеру-катафальщику. В «Светлом пути» все иначе. Комедийный жанр фильма тут оправдан лишь конвенционально-забавными сценами, такими, как хотя бы истерика Тани после поцелуя Лебедева. Но в целом «Светлый путь» – фильм не насмехающийся над буржуями, а разоблачающий врагов советского порядка, повествующий о возможностях, раскрываемых социалистическим государством перед всеми «Золушками». Нет тут места случаю, все происходит целенаправленно. «Товарищ средних лет» сознательно и убежденно ставит Таню на путь, ведущий прямо в советскую элиту,

предполагающий образование, участие в социалистическом соревновании, а затем – в политической деятельности. И прежде всего предполагающий дисциплину, потому что социалистический путь становится победным только и исключительно в случае признания и устранения своих слабостей и ошибок. Единственным сюрпризом на этом пути может быть степень усердия в следовании по нему – например, процент нормы, выработанный Таней за смену, число ткацких станков, которые она сможет обслуживать одновременно вместо положенных восьми (в сцене рекордной смены Таня работает на ста пятидесяти).

Получается, два приведенных повествования о Золушке – это истории «Золушек» совершенно разных, по-разному характеризующих, истории, несущие совершенно различный семантический заряд. Объединяет их имя режиссера, лицо актрисы, объединяет и сюжет, апеллирующий к общеизвестному сказочному сюжету. В то же время содержательный план второго киноповествования дает понять, что «Светлый путь» – своеобразное перекодирование «Веселых ребят». Этот тезис находит подтверждение уже в первой сцене фильма, эксплицитно отсылающей к первой из александровских комедий: «Золушка»-Таня начинает свой рабочий день в такт «Марша веселых ребят» – музыкального лейтмотива ленты 1934 года. Марш задает контекст восприятия «Светлого пути», устанавливает своеобразную нарративную перспективу, становится элементом семиозиса, в рамках которого выстраиваются смыслы фильма.

В «Светлом пути» есть и другой марш. Это, впрочем, вполне закономерно, учитывая, что массовая песня в ритме марша – типичнейший элемент соцреалистических лент того времени, позволяющий не только воспроизвести мировоззренческое кредо героев, но и – с помощью мобилизующего «мы», катализирующего отождествление зрителя с героем – вовлечь публику в его идеологические и мифологические смыслы. Так происходит и в этот раз – Таня устанавливает новый производственный рекорд с «Маршем энтузиастов» на устах, слова которого бодро заявляют о неограниченных возможностях советских людей, да еще свидетельствуют о том, что ни Тане, ни никому ей подобному не угрожает возвращение к первоначальному для «Золушек» состоянию:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века! [«Светлый путь», 1940]³

³ Слова Анатолия Д'Актиля.

В интересующем нас контексте чрезвычайно важно то, что один из куплетов «Марша» – не поющий, правда, а читаемый депутатом Татьяной Ивановной Морозовой (т. е. полностью сбросившей кокон замарашки Таней) на торжественном открытии текстильного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – на коллективном уровне функционально повторяет Золушкину биографию, изложенную в песне о «деревенской девчонке»:

Создан наш мир на славу.
За годы сделаны дела столетий,
Счастье берем по праву,
И жарко любим, и поем, как дети.
И звезды наши алые
Сверкают, небывалые,
Над всеми странами, над океанами
Осуществленную мечтой [«Светлый путь», 1940].

Здесь четко вырисовывается мировоззренческое кредо, содержащееся в утверждении, что мир уже «создан» (отсылающем к революционной космогонии), и что ему присуща положительная аксиологическая характеристика и прочная конструкция («создан на славу» – утверждение сродни христианскому «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» [Бт. 1:31]). «Сверкание осуществленной мечтой», присущее звездам, являющимся частью официальной государственной символики, а значит – и метонимией государства, указывает на завершенность сотворения и телеологичность его плана (государство уподобляется миру, построенному в ответ на чаяния народа). И наконец – достигающийся за счет конструкции повествования параллелизм судьбы Тани и советского общества сказывается на том, что в нарративе о «Золушке» 1940 г. «дремлет» прошлое не только ее самой, но и мифологизированное прошлое всего советского мира.

3. Динамика культуры и специфика ее моделей доступна к прочтению и в области исторического повествования – то есть в той сфере, где «прошлое» дремлет по определению. Поскольку мы – вслед за Паперным – принимаем тезис о том, что культура революционной модели («культура 1») сосредотачивает свое внимание на представлениях о будущем, следовало бы ожидать, что и в революционной историографии можно увидеть взаимодействие выстраивающихся в ее рамках нарративов с этими представлениями.

За представительный тип исторического нарратива революционной эпохи нельзя не принять, в частности, тот, который былработан Михаилом Покровским и теми кругами историков, которые

принято называть его научной школой. Политическая история в оптике Покровского была подчинена логике общественно-экономических процессов, интерпретируемых с марксистских позиций, процессы же воспринимались как детерминанты индивидуальных действий на политическом поприще. Покровский, безгранично увлеченный исторической публицистикой Ленина и воспринимавший ее как в высшей степени авторитетную, в 1926 г. подчеркивал, что ленинский подход делает возможным то, что является функцией историографии как таковой: «по прошедшему угадывать будущее» [Покровский, Ленин и Маркс как историки, 45]. Чтобы эффективно «угадывать будущее», и нужны знания о том, как внутренняя динамика меняющихся общественных и экономических формаций предопределяла действия как монархов, так и революционеров, как владельцев заводов, так и пролетариев. В таком освещении история становилась по-марксистски «объективной», нарративы же о ней абстрагировали от волевого и ценностного начал.

Именно такой подход обнаруживается в анализе исторического значения народничества, проведенном Покровским в ходе дискуссии по случаю юбилея Народной Воли в 1929 г. Вступая в полемику с Иваном Теодоровичем, автором нашумевшего доклада «Историческая заслуга народовольчества», прозвучавшего в присутствии высших партийных властей со Сталиным во главе, и апеллируя при этом к идее преемственности большевиков по отношению к народникам, Покровский многократно ссылался на ленинские диагнозы о «двойственном характере» «класса мелкой буржуазии», из которого должны были выйти члены Народной Воли. При этом, отставив свои умозаключения о близости народников к либеральной буржуазии, историк отмечал:

«Половинчатое, не до конца революционное отношение народничества к буржуазии вытекает из мелкобуржуазной природы народничества [...]. Поскольку речь идет о классовой природе данного движения, тут вообще моральные категории неприменимы – и для народников их близость к либеральной буржуазии не является ни похвалой, ни укоризной. Просто иначе они относиться к “обществу” по классовой своей природе не могли. И надо было совершенно и беззастенчиво уверовать в то, что народовольцы – предтечи большевиков для того, чтобы к их поведению прилагать большевистские нормы» [Покровский, По поводу юбилея Народной Воли, с. 312].

Не вникая в суть дискуссии, имевшей в раннем СССР идентичностный характер, обратим внимание лишь на два факта. Во-первых, за народничеством, следуя ленинской трактовке, Покровский закрепляет статус «мелкобуржуазного» течения. Во-вторых, он подчеркивает невозможность придания ему аксиологической характеристики, ибо, сле-

дую чисто марксистской оптике, ценности определяются самими классами (в продолжение философской догмы о предопределении сознания бытом), а значит – нельзя оценивать «мелкобуржуазную» программу, используя большевистскую аксиологию. Марксистский инструментарий – это определения «реакционный» и «прогрессивный», относящиеся, по идее, к диалектике объективного процесса борьбы классов⁴.

Культура следующей за революционной тоталитарной модели («культура 2»), которой присуща сосредоточенность на представлениях о прошлом, в своих повествованиях о народниках сохраняет их номинальную характеристику как «мелкобуржуазного течения». Эта характеристика отражена хотя бы в том сегменте советского официального дискурса, который был призван обеспечивать его участников нормативными дефинициями, и к которому относятся «сталинские» издания «Большой советской энциклопедии» и «Толкового словаря русского языка» Дмитрия Ушакова [Народничество; Народничество, 1939; Народничество, 1954]. При этом, однако, во всех этих изданиях имеются нарративы, напрямую содержащие аксиологические оценки, более того – оценки резкие и однозначные. Так, словарь Ушакова в качестве прецедентного текста, иллюстрирующего контекст языкового бытования термина «Народничество», приводит отрывок из постановления ЦК ВКП(б) 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время»:

«Марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством [...], как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаящий организацию массовой партии)» [«Народничество»].

В первом же издании БСЭ статья «Народничество» заканчивается словами:

«Из теоретических источников и тактических положений Н. питались враги партии и Советской власти: право-троцкистские реставраторы капитализма [...] и фашистско-националистические организации, вступившие на путь измены и предательства родины. [...] Жалкие

---

⁴ Впрочем, Покровский то и дело цитирует ленинскую статью «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой характеристика течения, выдержанная в диалектическом духе, оперирует исключительно этими категориями. «Как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? – цитирует Ленина Покровский. – И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении» [Покровский, По поводу юбилея Народной Воли, с. 309].

эпигоны Н., именовавшиеся социалистами-революционерами, разгромленные партией Ленина-Сталина в ходе борьбы за утверждение диктатуры пролетариата и построение социалистического общества, закончили свой бесславный путь в поганой яме контрреволюции» [Народничество, 1939, с. 186].

«Поганая яма контрреволюции» – фигура описания мира, относящаяся к тому времени, когда революционному многоголосью в сфере исторических нарративов (свидетельством которого была, в частности, полемика Покровского с Теодоровичем), пришел на смену единый, монополярный, мифологизированный историографический дискурс, содержание которого подлежало авторизации ЦК партии. Результатом возникновения такого дискурса была, среди всего прочего, официальная партийная кампания борьбы с наследием школы Покровского, определяемым отныне как «фальсификаторское», «антиисторическое» и «антимарксистское» [Постановление ЦК ВКП (б), с. 318]. Основной же, привилегированной и нормативной текстуальной единицей этого дискурса был знаменитый «Краткий курс» истории ВКП (б) 1938 года.

Именно «История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс» задавала тон характеристике исторических явлений, проводимой обязательно в аксиологическом ключе. Согласно «Краткому курсу», «до появления марксистских групп революционную работу в России вели народники, являвшиеся противниками марксизма» [История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики), с. 10]. Сразу отметим, что в профессиональной историографии категория «противник марксизма» скорее не могла бы найти применения по отношению к народникам на протяжении всей истории движения, учитывая, что в первые декады своего существования его представители могли и не знать о существовании учения Маркса. «Краткий курс», однако – не профессиональная историография, а историографическое оформление политической мифологии. Она и предопределяет телеологическую перспективу повествования, усматривающую однозначно положительную ценность во всем, что вписывается в официальный миф о создании советского мира как фактор способствовавший ему, и однозначно отрицательную во всем том, что ему не способствовало. Поэтому читатель «Краткого курса» не может сомневаться в том, что в революционной предыстории, а значит – в ходе сотворения советского мира, народники были теми, кто стоял на стороне хаоса и всецело препятствовал предначертанному:

«Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной

инициативы и активности рабочего класса и крестьянства. Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса. Хотя тайная организация народников была разбита царским правительством, народнические взгляды долго еще держались среди революционно настроенной интеллигенции. Остатки народников упорно сопротивлялись распространению марксизма в России, мешали организации рабочего класса» [История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), с. 12].

Процитированный пассаж показывает, что «противник марксизма» в формально историографическом, функционально мифологическом освещении – состояние онтологическое. В формулировке «противник марксизма» и «дремлет» прошлое, правда – не историческое, а прошлое в сталинской редакции советского космогонического мифа.

* * *

Весь изложенный выше материал – пример механизма перекодировки знаков и текстов. Их исходным состоянием является тот статус, каким они обладают в дототалитарной семиосфере, то есть – в семиосфере русской советской культуры революционной модели. Эту модель отличает не только высокая идеологичность, но и диалогичность – это культура конкурирующих дискурсов, культура революционного многоголосья автономных языков. В ее рамках за одной и той же лексической или текстуальной единицей в разных дискурсах могут быть закреплены разные семантические заряды. Целевое же состояние анализируемых нами знаков и текстов – это статус единиц единого, монопольного, тоталитарного дискурса, транслирующего элементы опять-таки единого мифологического универсума. Как это происходит?

«Советы, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата», как мы уже отмечали, вполне достаточно было бы назвать «просто Советами». Относящееся к существительному «Советы» определение вносит, однако, в его семантический заряд некоторую «прибавочную стоимость», суть которой – активация представления об истории сотворения советского государства, символически завершенного актом принятия сталинской конституции. И в «Веселых ребятах», и в «Светлом пути» Любовь Орлова воплощается в советскую Золушку, к концу повествования переменившую свою участь. Однако, во втором случае она не просто добивается социального успеха – она претендует на статус представительницы успеха, ставшего участью всех

бывших «Золушек», синхронизированного с историей успеха государства и общества. Наконец, народники, мелкие буржуа, «закончившие своей бесславный путь в поганой яме контрреволюции» – это вовсе не «просто народники», являющиеся представителями мелкой буржуазии. Это «злейшие враги марксизма» с неотъемлемо присущей им историей вредительства и контрреволюционных действий.

«Советы», «Золушку» и «народников» назовем сейчас значениями переменной величины Z , означающей знак исходной (не-тоталитарной, автономной) семиосферы русской советской культуры. Отвечающие им знаки русской советской тоталитарной культуры («Советы», «Золушку» и «народников» с их «прибавочными стоимостями») мы назовем значениями переменной Z' . Значение переменной Z' возникает как результат трансформации знака автономного языка J в знак тоталитарного языка J' . При этом тоталитарным языком J' я называю язык, (а) возникший на основе исходной семиосферы естественного или художественного языка J , порождающий сообщения и тексты, конструкция которых опирается на специфическую грамматику, подчиненную функции трансляции мифологической системы, обслуживаемой тем же J' ; (б) обладающий привилегированным статусом на языковом рынке пользователей J (то есть в пространстве сосуществования и конкуренции многих вариантов J); и (в) стремящийся на этом рынке к обретению монопольного статуса.

«Советы» как название органов представительной власти и «Советы», «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» – пример языковой единицы, которая, будучи заимствованной из русской советской дототалитарной семиосферы, попадает в конституционный текст тоталитарного государства как единица омонимичная исходной, но пополняющаяся компонентом сжатого мифологизированного исторического нарратива. Этот компонент по-новому определяет значение «Советов», отсекая при этом часть предыдущего значения. Ибо, несмотря на то, что к 1936 г. политическое значение советов как органов власти было сведено к чисто декоративной и ритуальной функции (совершенно отличной хотя бы от той, которая была им присуща в период двоевластия или в начале советской эпохи), именно конституционный текст подчеркивает их совершенный и «завершенный» характер, обретенный якобы в ходе революционного процесса. «Советы» в языке J' – фактически уже не знак, относящийся к политическому институту, а текст, передающий содержание политического мифа. «Советская Золушка», уже в рамках нетоталитарного художественного языка Александра отсылавшая к объемному текстовому пласту известной сказки, в «Светлом пути»

становится текстом-носителем целого мифологизированного повествования о советской политической системе и о присущем ей потенциале изменения участи всех ущемленных. Слова «народники» и «народничество» перестают относиться к истории реального движения. Это знаки-тексты, повествующие о темных силах, мешавших возникновению социалистического государства, а после его возникновения – пытавшихся взорвать конструкцию советского мира.

Во всех проанализированных случаях трансформация исходного знака или текста в его тоталитарный эквивалент достигается за счет «прикрепления» к знаку или введения в текст повествования мифологема (при этом, знак с «прикрепленной» мифологемой обретает текстовый характер). Мифологема в предлагаемом значении – класс идеологем, подвергшихся нарративизации. Идеологема же понимается в значении, сопоставимом с дефинициями, предложенными, в частности, Наталией Купиной и Гасаном Гусейновым. Согласно концепции Купиной, это понятие означает единицу идеологической картины мира, в сообщениях и текстах обретающую вид «мировоззренчески насыщенного слова» и обладающую высоким персуазивным потенциалом [Купина, с. 29]. Гусейнов же усматривает в идеологеме основную единицу идеологического языка, отсылающую, в частности, к комплексу мировоззренческих норм [Гусейнов, с. 26–27]. Исходя из этих точек зрения, следует определить интересующий нас вид идеологем как концепты, отсылающие к таким аксиологически ориентированным ресурсам семиосферы, которые обретают характер мифологической системы. Однако, принадлежность слова, фразы или предложения к классу мифологем предопределяется не их базовым содержанием, а функцией в рамках сообщения [Sadowski, с. 211]. Результатом семиозиса, осуществляющегося во взаимодействии единицы исходного языка и мифологемы, является воздействие на адресата, достигающееся за счет навязывания ему способа понимания сообщения путем отсылки к ценностям и поведенческим канонам, предполагаемым мифологической системой [Sadowski, с. 212].

«Советы, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» – это такие «Советы», которые в тексте Конституции эксплицитно соединены с идеологемами борьбы классов, диктатуры пролетариата и революции, «обросшими» имплицитным нарративом, который можно воспроизвести как «это свершилось». Перипетии «Золушки» в «Светлом пути» активируют, в частности, идеологема «эксплуатация», «социалистическое соревнование», «коммунистическая сознательность», биография же персонажа и идеологическое кредо фильма («Создан наш мир на славу», «Звезды наши алые сверкают [...] осуществленную

мечтой») превращают их в мифологемы. В случае с народниками налицо идеологемы борьбы классов и контрреволюции, задействованные в мифологическом рассказе о создании мира и присутствии в нем темных сил, против которых и нужна постоянная мобилизация.

Теперь, возвращаясь к тезису Орзулла, с которого мы и начали нынешний эскиз, мы можем сказать, что привязка мифологемы к знаку исходной семиосферы – один из механизмов, позволяющих «обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность» пользователей тоталитарного языка. Более того, теории языковой относительности дают нам право усматривать в такой привязке один из тех механизмов, которые позволяют «сделать невозможными любые иные течения мысли» – ибо язык, транслирующий мифологическую систему и связанную с ней ею аксиологию, и предопределяет способы видения мира пользователем языка. Итак, мифологема – одновременно носитель мировоззренческих повествований и средство блокировки знаков-носителей альтернативного мировоззрения.

Гусейнов Г. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2003.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс: под редакцией Комиссии ЦК ВКП (б): одобрен ЦК ВКП (б): 1938 год. М., 1938.

Купина Н. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 182–189.

Народничество // Большая советская энциклопедия. Т. 41. М., 1939. С. 170–186.

Народничество // Большая советская энциклопедия. Т. 29. 2-е изд. М., 1954. С. 137–138.

Народничество // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова // Толковый словарь Ушакова онлайн: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=33482> (дата обращения: 20.08.2018).

Орзулл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет: роман и художественная публицистика: пер. с англ. М., 1989. С. 22–208.

Паперный В. Культура Два. М., 2006.

Покровский М. Н. Ленин и Маркс как историки // Покровский М. Н. Октябрьская революция: сборник статей: 1917–1927. М., 1929. С. 42–47.

Покровский М. Н. По поводу юбилея Народной Воли // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). М.: Л., 1933. С. 304–321.

Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. о постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП (б)» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: Ч. III: 1930–1954. М., 1954. С. 316–332.

Светлый путь [художественный фильм] / реж. Григорий Александров, Мосфильм 1940.

Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза ССР. М., 1936.

Sadowski J. Wołga, Wołga, czyli o semiotycznym potencjale mitologemu // Psychologia kultury – kultura psychologii: księga Jubileuszowa Profesor Haliny Grzymała-Moszczyńskiej. Katowice, 2018. S. 203–214.

УДК 94(470.5).084

Т. Л. Пантюхина

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Для прошедшего XX столетия характерен большой интерес к мифу как явлению культуры в связи с ростом его влияния на общественное сознание. Мифотворчество становится распространенным явлением. Постигать действительность мышление пыталось в образах. Идеологические мифы создавали образы альтернативной социальной реальности.

Ключевые слова: мифотворчество, мифологическое сознание, политическое сознание, политическое мифотворчество.

Мифотворчество является одновременно и процессом, и результатом мифологического освоения мира. Особенностью мифотворчества является конструирование различных форм конкретно-чувственной образности, которая дает человеку некий ориентир для подражания. Мифотворчество как конструирование образов оказалось реалистическим искусством, поскольку искусственное и сконструировало сам мир людей XX века. В этом смысле можно сказать, что эпоха мифотворчества как нераздельная часть культуры не ограничивается ни периодом становления человечества, ни самим XX веком.

Политическая культура – часть общей культуры, включающая исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение и политическое сознание как отдельных личностей, так и политических деятелей.

Политическое сознание человека начало формироваться еще в эпоху античности как ответ на реальную социальную потребность

в осмыслении таких новых явлений как государство, государственная власть, роль индивида в политической и социальной жизни страны, полис. Невозможно было говорить о гражданине как представителе античного общества без рассмотрения его политического сознания, формируемого им и обществом, в целом его мировоззрения.

Политическое сознание – это многообразные проявления человеческой духовности, отражающие деятельность механизмов политической власти и направляющие поведение людей в сфере политических отношений. Те или иные компоненты сознания приобретают политическое значение, когда от хода дел в регулируемой ими сфере социальных отношений в решающей степени зависит реализация социальных национальных интересов, целей, стоящих над государством [Пантюхина, Мифотворчество как тренд современной культуры, с. 103].

Политическое сознание тесно связано с политической мифологией, в которой можно заметить две тенденции. С одной стороны, связь современных политических мифологий с сюжетами классических мифов. С другой стороны, это вполне осознанное мифотворчество, впервые откровенно провозглашенное как необходимость во второй половине XIX века (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), а в наше время скрывающееся за такими политическими процессами как формирование общественного мнения, избирательные технологии, являющиеся, по сути, технологиями манипулирования общественным сознанием.

Таким образом, человек становится свидетелем совершенно нового явления, когда коллективное человеческое сознание оказывается в плену у мифов, созданных конкретными людьми. «Политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе, с. 56]. За любым политическим мифом скрыты конкретные интересы определенных лиц и групп, а сам миф стремится стать реальностью. В этом заинтересованы те лица и группы, которые миф используют как результат. Так, историк Фейнсод писал: «Большевики всегда стремились разрушить, бойкотировать или оклеветать любой орган, который не удавалось использовать или контролировать» [Fainsod, p. 51]. Петроградский корреспондент правой английской газеты «Дейли мейл» Томпсон в своей телеграмме от 19 августа 1917 г. отмечал: «Совет депутатов, чем ближе к выборам, тем более склоняется к большевикам, так как их теории, естественно, всего приятнее сердцу рабочих» [Повальников, с. 35].

Большевики Урала считали работу в Советах важным и ответственным участком идейно-политической и организационной борьбы по вовлечению рабочих, солдат и крестьян в революцию. Работы канадского историка Д. Кипа «Октябрь и революция», «Русская революция»

исследуют революционные события в русской провинции, выходя за пределы Петрограда. Не соглашаясь с тем, что события в провинции являются лишь «бледной копией событий в столицах», историк приходит к выводу: «В целом Советы были неоформленными и в высшей степени текучими организациями со слабо определенной структурой и властью [Кеер, р. 181, 184]. Рассуждая далее о революционных событиях, автор отмечает, что «на Урале повесть о Петроградском восстании упала на хорошо подготовленную почву, так как большевики контролировали около половины городских Советов». Однако, Д. Кип делает вывод о «сомнительности» большевистской «ориентации регионального (окружного) комитета» [Кеер, р. 195]. Западный историк не видит различий между руководящими органами Советов и партией большевиков. В то же время Исполком Екатеринбургского окружного Совета стал на большевистские позиции еще в июле 1917 г. Что касается Уральского областного комитета РСДРП (б), то он с момента создания в апреле 1917 г., естественно, стоял на большевистской платформе.

В. И. Ленин в статье «Из дневника публициста», оценивая мероприятия Екатеринбургского Совета, сделал вывод о необходимости изгнания соглашателей из советских органов, ибо «пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди изменники, что их надо прогнать... до тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии» [Ленин, Из дневника публициста, с. 132].

Ленин называл социализм «первой ступенью коммунизма». Идею коммунизма можно рассматривать как своеобразный политический миф. Молодой марксист Владимир Ульянов даже сформулировал четыре принципа социализма, которые включали запрет на частную собственность, ставку на крупное производство, уничтожение рынка, плановое управление экономикой.

Н. А. Бердяев, рассматривая марксизм как миф и как утопию, писал: «...Марксисты напрасно думают, что они могут обойтись без мифа, они проникнуты мифами... Марксизм не есть социальная утопия, возможен опыт реализации марксизма в социальной жизни. Но марксизм – духовная утопия... претендующая ответить на все запросы человеческой души именно потому, что он претендует победить трагизм человеческой жизни» [Кириллова, с. 149].

Политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить, она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. Политическая мифология должна оперировать не отвлеченными представлениями, а доходчивыми, визуально представленными образами («учение Маркса всесильно, потому что оно верно»). Она апеллирует не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к его личному психологическому

опыту. Политическая мифология становится важным средством консолидации общества и противопоставления «своих» и «чужих». Она дает человеку силы преодолеть житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. Так, партия большевиков выражала стремления масс – необходимость выхода из войны, передачи земли крестьянам, лишение буржуазии прибылей, введение рабочего контроля над производством и распределением благ. «...Мы твердо знали, – писал Ленин, – на основании опыта массовых выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону» [Ленин, О революционной фразе, с. 349].

Политическое сознание, будучи проявлением непосредственных интересов практической деятельности людей, в наиболее выпуклой и яркой форме отражает социально-экономическую основу жизни общества, которая в других формах общественного сознания имеет более опосредованное выражение. В этой близости к непосредственным экономическим интересам состоит специфика политического сознания.

Можно констатировать, что и сознание современного человека мифологизировано в том смысле, что ему присущи коллективное осмысление действительности через мифологические образы. Образам, в свою очередь, свойственна высокая эмоциональность, обладая которой последние способны повлиять на поведение людей. Современные мифы, и политические в том числе, могут создаваться обдуманно и планомерно для манипулирования массами, чему способствует развитие средств массовой информации [Пантюхина, Мифотворчество как состояние культуры, с. 118]. Политическое мифотворчество, которое формирует поведение и уклад жизни современного человека вне зависимости от его непосредственного участия в политической деятельности, является неотъемлемой частью нашей современной жизни и культуры.

Ленин В. И. Из дневника публициста // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1969. Т. 34. С. 122–132.

Ленин В. И. О революционной фразе // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 343–353.

Кириллова Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. М., 2005.

Пантюхина Т. Л. Мифотворчество как тренд современной культуры // Диалектика социальной реальности: российские и зарубежные тренды: коллективная монография. Брянск, 2015. С. 99–109.

Пантюхина Т. Л. Мифотворчество как состояние культуры // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2011. Вып. 7. С. 117–118 (Сер. Гуманитарные науки).

Повальников С. Иностранная печать о революции в России: По материалам Архива внешней политики России // Международная жизнь. 1967. № 7. С. 33–38.

Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.

Keep G. October in provinces // Revolutionary Russia. Ed. by R. Pipes. Cambridge, P. 1968. P. 180–216.

Fainsod M. How Russia is Ruled. Cambridge, 1965.

УДК 94(470).084

О. В. Горбачев

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ МАТЕРИАЛЬНОСТИ К МИФУ¹

Целью статьи является выяснение того, как формировалась идея нового советского пространства в 1920-е гг. и почему к середине 1930-х гг. восторжествовал сталинский пространственный миф. Основным методологическим подходом автора является концепция «социального пространства», позволяющая увязать представления о пространстве с реальными процессами, происходившими в советском обществе.

Констатируется, что в 1920-е гг. на идею пространства последовательно влияли концепция «мировой революции», мероприятия национальной политики и проекты экономического районирования территории. Показано, как под влиянием политики индустриализации формировалась административная утопия овладения пространством. Подчеркивается принципиальное отличие этой утопии от будущего сталинского пространственного мифа.

Охарактеризованы основные черты советской мифологии пространства, сложившейся к середине 1930-х гг.; показана символическая роль географической карты, несущей не столько визуальную, сколько вербальную нагрузку, и в большей степени апеллирующую к категории времени, а не пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, территория СССР, политическое развитие СССР в 1920–1930-е гг., мифология пространства, граница, картографирование.

Значимость любой власти определяется характеристиками территории, в границах которой она реализована – размерами, степенью освоенности, возможностями контроля и защиты, а также приспособления для своих нужд. Большевики в этом смысле не были исключением. Особенность большевистского подхода к освоению пространства со-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

стояла в том, что, будучи носителями программы строительства нового общества на обломках старого, они изначально стремились к разрушению прежних территориальных связей, но в конечном счете оказались вынуждены следовать логике имперского управления.

Нашей целью является выяснение того, в какой степени «новое» пространство наследовало «старому», насколько возможной была замена реального пространства желаемым и, наконец, каковы были механизмы мифологизации советского пространства в годы сталинского правления.

Теории пространства. Ответы на эти вопросы следует искать в контексте существующих направлений изучения пространства – традиционного «эссенциалистского» (пространство как географическая и геополитическая данность) и более поздних, так называемого «пространственного поворота» (*spatial turn*) и примыкающей к нему концепции «социального пространства». «Пространственный поворот» предполагает изучение того, «что люди *думали* о своем и чужом пространстве, как они концептуализировали те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли» [Савельева, Полетаев, с. 444]. Лозунг этого направления – «пространств не существует, пространства создаются» [Шенк, с. 15].

В основу концепций социального пространства как конструкта человеческого мышления легли работы Георга Зиммеля, Пьера Бурдьё, Энтони Гидденса [см. подробнее: Шенк, с. 15; Филиппов].

Несколько в стороне от этого ряда стоит Анри Лефевр, предполагающий наличие в основе конструируемого пространства некоего материального субстрата. Марксистские убеждения, хотя и изрядно модифицированные, сближают Лефевра с творцами «советского проекта». В работе, первое издание которой вышло в 1985 г., исследователь предположил, что каждый способ производства, наряду с некоторыми социальными отношениями, организует (производит) собственное пространство. В этом смысле Лефевр противопоставляет себя теоретикам «умственного» пространства как ментального конструкта [Лефевр, с. 20]. В то же время, признавая право представителей каждой специальной науки задавать свой угол восприятия предмета, исследователь говорит о неизбежной многозначности понятия «социальное пространство»: «социальные пространства проникают друг в друга и/или накладываются друг на друга» [Лефевр, с. 97]. Репрезентации пространства, считает Лефевр, многочисленны и неизбежны. Поэтому их необходимо изучать. Особенности репрезентаций в том, что они символичны и «некогерентны», т. е. не связаны ни друг с другом, ни с пространственной практикой [Лефевр, с. 55].

Лефевр ввел термин «производство пространства», рассматривая последнее как результат социального воздействия. «Будучи продуктом, пространство интерактивно или ретроактивно влияет на сам процесс производства: организацию производственного труда, транспорт, потоки сырья и энергии, сети распространения продуктов... Оно (т. е. пространство. – О. Г.) приобретает диалектический характер: это продукт-производитель, опора экономических и социальных отношений» [Лефевр, с. 10]. Пытаясь соединить идею пространства с марксистской парадигмой, Лефевр обращает внимание, что эта идея не вписывается в классическую триаду «базис–структура–надстройка». Пространство, по мысли Лефевра, «возникает, формируется, воздействует то на одном уровне, то на другом. То на уровне труда и отношений господства (собственности), то на уровне функционирования надстроек (институтов)... Производство пространства не является “господствующим” в способе производства, но связывает между собой и координирует все аспекты практики – объединяя их именно в единую практику» [Лефевр, с. 11]. В применении к советскому опыту такой подход способен объяснить (и оправдать) достаточно резкую смену приоритетов большевиков по отношению к пространству в течение ограниченного времени, их балансирование между политикой, экономикой, идеологией и культурой².

Для многих исследователей являются неприемлемыми как опасность марксистского экономического редукционизма, так и категоричность ряда идеологов «пространственного поворота», отрицающих материальные сущности. Отсюда видение социального пространства как совокупности нескольких измерений, или «компонентов». Так, по мнению Дитера Лэппле, в него входят:

- 1) *материальный субстрат общественных отношений*, т. е. физическое пространство, преобразованное человеком и включающее социальные объекты;
- 2) *действующие правила и нормы* как связующее звено между материальным субстратом и общественной практикой (формы собственности, отношения власти и контроля, правовые и социальные нормы);
- 3) *общественная практика* (т. е. практика людей, занятых производством, использованием и присвоением материального субстрата);
- 4) *символическое кодирование и восприятие пространства*, т. е. система его репрезентации [Läpple, s. 196–197; Шенк, с. 16].

При таком подходе становится очевидной значимость концепта «социального пространства»: оно демонстрирует взаимосвязь между

² Следует заметить, что Лефевр скорее отрицает существование специфического «социалистического» пространства. Он считает, что заранее заданного соответствия между отношениями социальными и пространственными не существует (см.: [Лефевр, с. 14]).

«банальной» (традиционной) концепцией физического пространства и порождаемыми им «иллюзорными идеями» [Läpple, s. 198].

Подходы к изучению советского пространства. Важность пространственного аспекта для понимания *советской истории* – отличительная черта многих современных исследований. «Мы можем определить историю Советского Союза как историю формирования нового пространства, “советского пространства”», – пишет Карл Шлэгель [Schloegel, p. 417]. На взаимосвязь процесса создания, атрибутирования и изменения пространства (реального и метафорического), и облика советской власти обращает внимание Синтия Рудер [Ruder, p. 2]. Причину этой зависимости исследовательница усматривает в огромных размерах государства.

Исследования, выполненные в русле «пространственного поворота», концептуализируют советское пространство как мифологему, как некую доминирующую ментальную конструкцию [см. напр. Clark; Dobrenko; van Geldern и др.]. Вполне законченную картину в этом смысле являет Советский Союз второй половины 1930-х гг., мифологический образ которого как страны, «где так вольно дышит человек», был многократно воспет в сталинской массовой культуре. При всей основательности исследовательского подхода адептов «пространственного поворота» актуальным остается задача определения истоков формирования мифа и его отношения к реальности в процессе формирования (ср.: «Историк... может говорить о пространстве, сконструированном участниками социального взаимодействия, а может изучать сам процесс конструирования пространственных образований в тот или иной период прошлого» [Савельева, Полетаев, с. 443]). В применении к СССР это означает изучение изменений основных характеристик советского пространства (реальных и воображаемых) от 1920-х к 1930-м гг., и в том числе – как последние вытесняли первые.

Советская политика 1920-х годов и изменения в отношении к пространству. Место пространства в советской системе ценностей 1920-х гг. следует определять, исходя как из сложившихся отношений российской власти с огромной территорией, так и из приоритетов большевистской власти. Что касается первого, то, начиная с петровских времен, территориальные приобретения, помимо политических и экономических выгод, очевидно способствовали формированию имперского самосознания [Widdis, *To Explore or Conquer*, p. 230–231]. Большевистское отношение к пространству оказалось более сложным, и в нем в течение 1920-х гг. сменилось несколько трендов.

Первый из них связывался с перспективой «мировой революции» и действовал примерно до 1921 г. В свете ожиданий будущего «мирового пожара» фактор территории был неважен. «Точкой поворота» часто называют Рижский мир 1921 г. Так, по мнению Стивена Сигела, этот договор «заставил большевиков пересмотреть свои интернационалистские цели и смириться с восточной границей Польши как ограничителем советских претензий на Западе» [Seegel, p. 264]. Разочарование после неудачной войны с Польшей способствовало изменению территориальных приоритетов Ленина и его соратников: «в 1922 г., через год после подписания Рижского договора, был составлен план разделения советской территории на 21 регион» [Seegel, p. 265]. Здесь немаловажно, что отказ от перспективы «мировой революции» актуализировал идею *границ* Советской России; большевистская идея получила конкретные очертания, заданные физическим пространством.

Следующий большевистский концепт, имеющий отношение к территории и подлежащий переосмыслению – «самоопределение наций» (см. подробнее: [Горбачев]). До появления первой Конституции СССР именно фактор национального строительства следует считать главным в советском освоении территории. При этом Ленин, вслед за Марксом, был убежденным сторонником идеи исчезновения наций в коммунистическом будущем, но по тактическим соображениям считал необходимым мириться с их существованием. Современные исследователи считают, что национальную политику послереволюционных лет определяли не национальные приоритеты, а стремление сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи [Мартин, с. 10; Hirsch, p. 209].

Однако вскоре возникли две проблемы. *Во-первых*, идеологически детерминированная нарезка территории бывшей Российской империи по национальному принципу объективно способствовала обострению межнациональных противоречий³; *во-вторых*, она плохо соотносилась с принципами экономического районирования. Начавшаяся вскоре борьба между Наркоматом по делам национальностей и Госпланом завершилась победой последнего. В резолюциях XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.) заявлялось, что Советское государство будет максимально поддерживать только те формы национального устройства, которые не противостоят его целям [Двенадцатый съезд РКП (б), с. 695–696]. Начиная с июня 1923 г. публичное обсуждение «национального вопроса» прекратилось.

³ Появление большого количества национальных территорий имело следствием многократное воспроизведение проблемы национальных меньшинств [Мартин, с. 48].

Итак, инициатива в определении перспектив территориального развития перешла к «экономистам». В решении экономических вопросов причудливо сплелись марксистская идеология, экономическая целесообразность и военно-политическая прагматика.

В это время на первый план предсказуемо вышел вопрос экономического районирования, которому придавалось немалое политическое значение. В глазах большевиков это было средство уйти от прежнего губернского-уездного принципа организации территории. Как отмечал К. Д. Егоров (1925 г.), «термин “административное деление” дышит архаизмом, он устарел и может быть применяем лишь к положению в дореволюционное время, когда государство разделялось на административные единицы для удобства управления территорией в фискальных и полицейских целях» [Егоров, с. 10]. Отныне управление в основе своей должно было стать экономическим, поскольку «нет административных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы» [Там же]. Идеологический подход при этом проявлялся в том, что «основным ядром новых районов должны быть пролетарские центры» [Егоров, с. 20].

С управленческой точки зрения это перераспределение должно было усилить Советы народного хозяйства по отношению к местным Советам, что немедленно породило неразбериху в системе управления. В итоге власть перешла от экономических к органам административного управления в лице местных Советов, что означало утверждение административного принципа в практике управления территорией. С другой стороны, для обеспечения управляемости Советы были вынуждены «временно» воспроизводиться в границах прежних губерний и уездов [Егоров, с. 20–21]. В конце концов именно административный, а не экономический принцип стал решающим в определении внутренних территориальных границ.

Означал ли этот процесс возрождение прежней имперской территориальной управленческой структуры? В применении ко второй половине 1920-х гг. – скорее нет, чем да. Администрирование этого периода больше, чем когда бы то ни было имело целью решение экономических задач в свете перспектив будущего развития страны. И здесь следует принять во внимание споры сторонников «генетического» и «телеологического» подходов к развитию территории [Меерович]. Если первые опирались на сложившиеся экономические связи и приоритеты, «исторические предпосылки», то вторые – на перспективные «цели», определяемые преимущественно идеологическими ориентирами.

Приоритетным объявлялось промышленное производство. Этот идеологический и, по сути, модернизационный заказ был щедро при-

правлен военной целесообразностью [Меерович]. Прежний аграрный строй сознательно приносился ему в жертву. В дискуссиях второй половины 1920-х гг. можно увидеть следы ранних проектов районирования с той разницей, что если в начале десятилетия говорили, что пролетарские центры возникнут *вместо* «бывших дворянских, помещичьих, чиновничьих, мещанских гнезд» [Егоров, с. 14–15], т. е. в староосвоенных районах, то теперь вектор планирования перемещался на восток, и новую схему административно-территориального деления предполагалось строить вокруг создаваемых «пролетарских ядер», которые были призваны стать якорными факторами перемещения трудовых ресурсов [Меерович].

Здесь принципиально важен перенос акцента с принципа экономической самоорганизации на администрирование, призванное обеспечить достижение цели. Административные усилия выступали средством социального инжиниринга. При этом административный нажим был тем сильнее, чем меньше предпосылок для достижения конечного результата было в реальной действительности. Протест сторонников «генетического» подхода (в том числе А. В. Чаянова и А. Н. Челинцева) против совмещения районирования и администрирования [Меерович] был последней попыткой возврата к экономическому здравому смыслу. Ему на смену пришла эмоционально убедительная картина будущего индустриального процветания, во имя которого с легкостью можно было пожертвовать прежней отсталой деревней. Малонаселенные восточные территории вдруг стали гораздо более привлекательны, чем староосвоенное пространство Европейской части страны.

С этой точки зрения имеет смысл говорить о появлении новой административной утопии. Переход к ней состоялся в результате принятия сначала «оптимального» плана первой пятилетки взамен более реалистичного «отправного», а затем – поправок Сталина, еще более далеких от реальных возможностей государства. В отличие от статичного *мифа*, устремленного в прошлое, *утопия* подвижна и деятельна, поскольку ориентируется на будущее: «*Через четыре года здесь будет город-сад*» [Маяковский].

Пространственная утопия периода первой пятилетки существенно отличалась от будущего сталинского административного мифа, по крайней мере, двумя чертами: *во-первых*, она предполагала движение, мобильность [ср.: Паперный, с. 60–72]; *во-вторых*, делала периферию более значимой по отношению к центру [Widdis, To Explore or Conquer, p. 221]. По мнению Эммы Уиддис, советская пространственная практика этого периода может быть обозначена как *surveying* (изучение, изыскания), по сравнению с пришедшим ему на смену

в середине 1930-х гг. освоением (*osvoenie*, или *conquest*)⁴. Выделяя эти периоды территориальной политики, Уиддис претендует на то, чтобы углубить несколько упрощенное «вертикальное» видение Паперного [Там же], попутно уточняя некоторые прежние радикальные оценки. Например, Джеймс ван Гелдерн под термином «территориальная экспансия» объединил и события Гражданской войны, и электрификацию периода нэпа, и строительство крупных промышленных объектов в ходе индустриализации [van Geldern, p. 64]. Если под *изучением* Уиддис подразумевает децентрализованное, неассимилирующее исследование, где различия важнее, чем генерализующее сходство, то *освоение* – это ассимиляция территории под контролем единого центра [Widdis, To Explore or Conquer, p. 221].

Вне зависимости от терминологии, ментальное «открытие» советского пространства властью и гражданами новой страны было важной частью реальности 1920-х годов. Это восприятие подпитывалось мероприятиями текущей политики, среди которых были образование СССР и строительство новых электростанций по плану электрификации. В силу затрудненных коммуникаций местное своеобразие для жителей страны часто оказывалось более важным, чем позиционирование территории по отношению к Москве. Этим, в частности, объясняется расцвет краеведения в 1920-е гг. (см. подробнее: [Козлов]). В соответствии с построениями Лэшле, здесь легко прочитывается взаимосвязь между возникающими по поводу физического пространства новыми правилами, нормами и общественной практикой, и его символическим восприятием [Läpple, s. 196–197].

В парадигме *изучения* территории, по Уиддис, стройки первой пятилетки сформировали восприятие пространства как децентрализованного и динамичного. В тогдашней идеологии это была не столько сфера героического покорения (т. е. приведения к имеющемуся стандарту), сколько пространство возможностей, поле для преобразований. Символом приобщения к неизведанному в идеологическом дискурсе тех лет стал поезд [Widdis, To Explore or Conquer, p. 224].

Формирование сталинского мифа о пространстве. К середине 1930-х гг. по отношению к территории утвердилась идея покорения («*Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли*» [Лебедев-Кумач, Легко на сердце...]). Семантически это означало приведение новых территорий к единому общему стандарту, транс-

⁴ И то, и другое названия нельзя считать удачными. Термин «изучение» плохо соотносится с практикой интенсивного индустриального строительства в годы первой пятилетки. Что касается второго термина, то более привычный перевод слова *conquest* – не освоение, а покорение, завоевание.

лируемому из центра. В терминологии В. Паперного эта идея соответствует стадии «затвердевания» взамен прежнего «растекания» [Паперный, с. 41–142]. Индустриальный рывок, потребовавший колоссального напряжения, неизбежно сменился откатом, стабилизацией. Одновременно была достигнута стабилизация политическая: после XVII съезда ВКП (б) окончательно утвердилось единовластие Сталина. Информация о достижениях с периферии стала менее значимой, чем голос Москвы.

Однако цель, достигнутая в результате реализации индустриальной утопии, неизбежно отличалась от определенной изначально⁵. Тем сильнее было желание власти убедить население в том, что запланированный результат достигнут, и лишь в отдельных местностях (где, по чистой случайности, и живут скептики) еще есть отдельные недостатки. Так рождался миф, генератором которого была власть. Он являлся средством самоидентификации в рамках системы, облегчал контроль над населением и обслуживал *status quo*. Нормативные рамки мифа задавались Конституцией 1936 года.

В контексте территориальной политики такая ситуация означала возникновение подчиненных отношений периферии по отношению к центру. Вместо неупорядоченного разнообразия появилась четкая иерархическая структура радиальной зависимости всех территорий от Москвы. *Освоение* предполагало вписывание в эту структуру с возможностью централизованного контроля над территорией. В политическом плане такая смена приоритетов имела следствием упадок местных элит и их вытеснение назначенцами из центра [Истер, с. 131–159], шельмование краеведения [Козлов; Widdis, To Explore or Conquer, p. 235] и утверждение советской этнографии вместо сомнительной «буржуазной» этнологии [Слезкин, с. 116].

В контексте идеологического освоения территории характерно различие между «покорением» природы и уже обжитых регионов: для осознания власти над природой было достаточно «точечного» промышленного и городского строительства в отдаленных регионах страны; для ощущения доминирования над населенной периферией требовались постоянные подтверждения лояльности центру со стороны местного населения. Лирическая констатация «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей» [Лебедев-Кумач, Песня о Родине] совмещала маркеры освоения физического пространства и связанные с ним новые идеологические и социальные отношения. Для текущей политики тех лет доминирующим было представление об изначальном превосходстве центра по отношению к периферии. При

⁵ О просчетах «социального инженера» см.: [Поппер, с. 86].

этом идея противостояния центра и периферии была изжита к середине 1930-х гг. Ван Гелдерн полагает, что в сознании современников ее место заняло противостояние СССР и остального мира по линии внешних границ [van Geldern, p. 66].

Изменение роли границы. Восприятие границы в первые после-революционные годы было весьма специфичным: это был временный символический барьер между старым и новым мирами. В этом смысле внутрirosсийская периферия мало отличалась от империалистического Запада: в конечном счете они должны были пасть под натиском победоносной коммунистической идеи.

Идею преодолемости границы в тот период хорошо иллюстрирует фраза Ленина из первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918). Уже не слишком полагаясь на скорую мировую революцию, он писал, что поскольку «наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало... нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции» [Ленин, с. 138–139]. Т. е. граница мыслилась не как защитная стена, а как точка перехода или контакта с внешним миром, с международным пролетариатом. Идея коммунистического интернационала предполагала, что коммунизм скорее разрушает границы, нежели их создает [см.: Widdis, Borders, p. 403].

Институционализация СССР, *во-первых*, как государственного образования, обладающего всеми необходимыми признаками государства, а *во-вторых*, как форпоста социализма во враждебном окружении, привела к постепенному переосмыслению идеи границы, завершившемуся к началу 1930-х гг. Вместо прежних представлений об открытости Советской России как светоча истины и примера для революционеров всех стран в массовом сознании утвердилась идея враждебности внешнего мира и непреодолимости границ. Очень важной, едва ли не сакральной фигурой этого времени является пограничник [van Geldern, p. 66]. Поэтому обращение к футбольному вратарю в известной песне: «*Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет*» [Лебедев-Кумач, Спортивный марш] имело силу довода высшей убедительности.

Географическая карта и мифологема пространства. Уиддис точно замечает, что вместо поезда, предполагающего некоторую включенность человека в окружающий мир, в пространственном дискурсе второй половины 1930-х гг. утвердился самолет. Самолет быстрее преодолевает расстояние, и огромная территория становит-

ся контролируемой. Самолет – это пространство карты и приказов. Пейзаж, открывающийся с самолета, отделен от человека. Он абстрагируется и легко поддается мифологизации [Widdis, To Explore or Conquer, p. 235–236].

Действительно, карта наилучшим образом передавала идею огромного освоенного пространства как необходимого компонента сталинского мифа, что часто отмечается в литературе. Именно поэтому картографированию придавалось такое большое значение. Уже в 1935 г. НКВД установил контроль над советской картографией. Середину 1930-х гг. считают временем апофеоза картографирования [Widdis, Borders, p. 401]. «Карты, реальные и воображаемые, определяли контуры нового государства и масштабы его влияния. При Сталине географические карты заменили иконы...» [Widdis, Viewed from Below, p. 66].

При том, что карта СССР постоянно присутствовала в публичном дискурсе, к *настоящим* картам имело доступ только высшее руководство СССР. Карта выступала в качестве эквивалента власти. Считается, что Сталин правил исключительно по картам [Dobrenko, p. 190]. Поэтому карты, доступные населению, были крайне условными и неточными. Их пропагандистский характер как нельзя лучше демонстрирует огромная карта СССР из драгоценных и полудрагоценных камней под названием «Индустрия социализма», представленная в советском павильоне Всемирной выставки в Париже в 1937 г. [Бабанова, Починко].

Поскольку жителям СССР негде было увидеть реальную карту, оставалось читать и слушать. В результате запрос на изучение своей страны, сложившийся в обществе в результате интенсивных миграционных процессов периода первых пятилеток, обслуживали пропагандистские книги «по занимательной географии» [Dobrenko, p. 189–190].

Главным элементом сталинской карты СССР был центр (Москва) как место обитания лидеров, массы при этом находились на периферии [Clark, p. 14]. Не менее важна была граница («красная линия на карте отграничивает мир социализма»). Здесь была важна не столько форма, сколько содержание – социалистическое государство вместо империи [Dobrenko, p. 192].

Евгений Добренко делает принципиальное наблюдение: время на сталинских картах было важнее пространства. С одной стороны, с их помощью постоянно проводилось сравнение дореволюционной и советской территории по принципу «тогда и сейчас». С другой – карты представляли желаемый образ будущего, все описывалось в будущем времени («какими *будут* Москва и Сталинград»). Пространство таким образом преобразовывалось во время, география – в историю, а визуальное – в вербальное. Все вместе порождало некое четвертое измерение, мифологическое по сути [Dobrenko, p. 190, 198, 199].

Итак, анализ подходов к освоению пространства с точки зрения эволюции большевистской идеологии укладывается в контекст ментальных интерпретаций в духе «пространственного поворота». С другой стороны, для понимания процесса советской реконцептуализации пространства на протяжении 1920–1930-х гг. от материального физического к мифологическому полезна актуализированная Лефевром и Лэппле идея социального пространства в том смысле, что в основе изменений восприятия пространства как элитами, так и массами лежали мероприятия текущей политики. Эта же идея помогает понять, как соотносились изначальные цели большевиков в деле освоения территории и достигнутые ими результаты.

После завершения активной фазы индустриализации в середине 1930-х гг. авторитарная власть нуждалась в «мифе достижения» для укрепления собственного авторитета и обеспечения лояльности со стороны населения. Питательной средой для возникновения сталинской мифологии пространства явилась невозможность доступа населения к достоверной информации в условиях слабости коммуникаций, ограниченной свободы передвижения и жесткого идеологического и полицейского контроля.

Бабанова Е. Е., Починко О. С. Карта индустриализации СССР из поделочных и драгоценных камней [Электронный ресурс]. URL: http://min.usaca.ru/uploads/article/attachment/389/%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%95%D0%95..pdf (дата обращения: 21.10.2018).

Горбачев О. В. «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»: идея территориального освоения в большевистской мифологии // *Quaestio Rossica*, 2017. Vol. 5, № 3, p. 675–692.

Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968.

Егоров К. Д. Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 годы. М.-Л., 1926.

Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Козлов В. Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // *Вестн. РГГУ*. 2013. № 9 (110) (Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogosudarstvennoe-kraevedenie-istoriya-i-uroki-po-stranitsam-zhurnala-sovetskoe-kraevedenie-1930-1936-1> (дата обращения: 20.10.2018).

Лебедев-Кумач В. Легко на сердце от песни веселой. Марш из к/ф «Веселые ребята» (1934).

Лебедев-Кумач В. Песня о Родине. Из к/ф «Цирк» (1936).

Лебедев-Кумач В. Спортивный марш. Из к/ф «Вратарь» (1937).

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 36. С. 127–164.

Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Мартин Т. «Империя положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

Маяковский В. В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка (1929).

Меерович М. Г. Конфликт двух методологических подходов к административно-территориальному районированию: «генетического» и «телеологического» // МШК. Московская школа конфликтологии (сайт). [Электронный ресурс]. URL: <http://conflictmanagement.ru/konflikt-dvuh-metodologicheskikh-podhodov-k-administrativno-territorialnomu-rayonirovaniyu-geneticheskogo-i-teleologicheskogo> (дата обращения: 08.10.2018).

Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр. и доп. М.: 2006.

Поптер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.

Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне. 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008.

Шенк Ф. Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.

Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.) The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle – London, 2003.

Clark Katerina. Socialist Realism and the Sacralizing of Space // Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle – London, 2003. P. 3–18.

Dobrenko Evgeny. The Art of Social Navigation: The Cultural Topography of the Stalin Era // Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle – London, 2003. P. 163–200.

Hirsch F. Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 59 (April 2000). P. 201–226.

Läpple Dieter. Essay über den Raum. Für ein gesellschaftswissenschaftliches Raumkonzept // Hartmut Häußermann u.a. (Hg.): Stadt und Raum. Soziologische Analysen. Pfaffenweiler, 1991. S. 157–207.

Ruder Cynthia A. Building Stalinism. The Moscow Canal and The Creation of Soviet Space. London – New-York, 2018.

Schloegel Karl. In Space We Read Time: On the History of Civilization and Geopolitics. New-York, 2016.

Seegel Steven. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire, Chicago – London, 2012.

van Geldern James. The Centre and the Periphery: Cultural and Social Geography in the Mass Culture of the 1930's // White Stephen (Ed.). New Directions in Soviet History. Cambridge – New-York, 1992. P. 62–80.

Widdis Emma. Borders: The Aesthetic of Conquest in Soviet Cinema of the 1930s // Journal of European Studies. 2000. 30 (120). P. 401–411.

Widdis Emma. To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on The Soviet Cultural Revolution // Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle – London, 2003. P. 219–241.

Widdis Emma. Viewed from Below: Subverting the Myths of the Soviet Landscape // Beumers, Birgit (Ed.) Russia on Reels. The Russian Idea in Post-Soviet Cinema. New-York, 1999. P. 66–75.

УДК 94(470.5).084.3

Т. В. Соловьева

ПЛАН ГОЭЛРО КАК МИФ¹

В статье рассматриваются направления наиболее значимого искажения информации о создании, содержании и выполнении плана ГОЭЛРО с целью выявления целей и характера пропагандистского воздействия. Сделан вывод о том, что в 1920–1930-е гг. был создан миф о плане ГОЭЛРО, действующий до сих пор. Содержание этого мифа сводится к тому, что план ГОЭЛРО – это успешный экономический проект, реализованный благодаря единству власти и народа.

Ключевые слова: план ГОЭЛРО, электрификация России, социальная мифология.

Изучение современных мифов привлекает внимание социологов, политологов, философов и историков с конца XIX в. К настоящему времени сложились такие направления исследования современного мифа, как феноменологическое (А. Ф. Лосев), психоаналитическое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

(Д. Кэмпбелл, М. Элиаде, Д. Холлис и др.), структуралистско-семиотическое (Р. Барт) [Иванов и др., с. 7]. Очевидно многообразие подходов. Но можно выделить некоторое смысловое ядро, которое вышеперечисленные концепции мифа раскрывают с разных сторон.

Мы будем исходить из того, что миф – это информационная конструкция, основанная на архетипических образах и исторических сюжетах, обладающая внешней устойчивостью при содержательной гибкости, стимулирующая определенный вариант индивидуального и коллективного поведения.

Если мы обратимся к терминологии, предложенной А. В. Ульяновским, то социальные мифы бывают «непроявленными» и «проявленными». Возникает вопрос, как выявить миф, сделать его «проявленным»? Можно предположить, что процесс выявления социального мифа начинается с изучения искажения информации об историческом событии. Затем следует этап изучения образного «фиксирования» мифа в изобразительном искусстве, художественной литературе, выявления мифологем и архетипов, лежащих в их основе. Следующий этап – выявление заинтересованных социальных групп и вариантов их поведения, инициированных мифом. Заключительный этап – определение этапа жизненного цикла мифа и оценка силы его влияния на современном этапе или на определенном участке истории общества.

С этой точки зрения мы и рассматриваем план ГОЭЛРО. Мифологизация некоторых аспектов реализации плана электрификации России не подвергается сомнению, но как самостоятельный социальный миф План еще не рассматривался. Суть этого мифа можно выразить так – план ГОЭЛРО как успешный проект, реализованный благодаря единству власти и народа.

Составляющие этого мифа конструировались, начиная с 1920-х гг. Например, происходило искажение информации о процессе электрификации по следующим направлениям: авторство плана ГОЭЛРО, содержание или суть этого проекта, оценка сроков и показателей выполнения плана ГОЭЛРО.

Авторство плана ГОЭЛРО

Если рассмотреть проблему авторства плана ГОЭЛРО как документа и идеи, то отчетливо выделяются четыре точки зрения:

1. Авторство плана ГОЭЛРО принадлежало 180 ученым – членам Комиссии ГОЭЛРО и представителям регионов, чем подчеркивается научная, общенародная природа плана. Члены Комиссии ГОЭЛРО в силу исключительной важности их работы были окружены особым вниманием и поддержкой со стороны руководства страны. Для власти привлечение этой группы исследователей было способом придания

руководству Советской России облика культурной и просвещенной власти [Гвоздецкий, 2009]. После утверждения Плана VIII Всероссийским съездом Советов он был направлен на места для обсуждения. То, насколько рекомендации с мест были учтены, является открытым вопросом, так как при оценке выполнения плана опираются именно на издание 1920 г.; текста с корректировками издано не было. То есть обсуждение было элементом продвижения плана, который должен был стать программой действия «для каждого».

Этой версией авторства ГОЭЛРО закладывалась основа мифа об общенародном участии в реализации Плана ГОЭЛРО, о «просвещенном» характере новой власти.

2. План ГОЭЛРО – ленинский проект. Согласно версии, сложившейся в сталинский период, до Октябрьской революции об электрификации страны власти даже не помышляли. Работа в этой сфере началась исключительно благодаря инициативе В. И. Ленина.

Ленин действительно активно участвовал в создании и популяризации плана ГОЭЛРО, в решении организационных проблем, был его идейным вдохновителем. Об этом в своих работах говорят В. Л. Гвоздецкий, Н. В. Никифорова, В. В. Коссов. Внимание к роли Ленина в электрификации страны также можно объяснить тем, что революционная эпоха всегда мифологизируется. В кризисной ситуации, когда невозможно рациональное осмысление происходящего, активизируется архетипическая составляющая человеческого сознания, появляется потребность в герое, указывающем путь и преобразующем мир [Кроливецкая]. В этот образ логично встраивалась фигура Ленина. То есть вторая версия авторства Плана была не только продуктом идеологической работы, но и использованием того способа рефлексии, которое предлагало массовое сознание 1920-х гг. Таким образом, второй вариант авторства был мифом о Ленине как герое электрификации, опирающемся на активность масс.

3. Идея разработки плана ГОЭЛРО, его концепция, программа и конкретные характеристики были проработаны в царской России на рубеже XIX–XX вв. Основное утверждение сторонников данного подхода: команда проекта ГОЭЛРО по существу была готова до его начала благодаря работе Электротехнического общества, созданного в Петербурге в 1892 г., и Всероссийских электротехнических съездов в период с 1900 по 1915 гг. Кроме того, в разработку идею электрификации огромный вклад внесли В. И. Вернадский, Э. Бухгейм, В. И. Гриневицкий, П. А. Гуревич. [Коссов, с. 105–106; Симонов, с. 6; Гвоздецкий. 2001, с. 108–109].

4. План явился калькой с зарубежных аналогов. Сторонники этого подхода обращают внимание на использование авторами плана

ГОЭЛРО работы немецкого профессора К. Баллода «Государство будущего, производство и потребление в социалистическом государстве», которая была опубликована в Германии в 1898 г. Данный подход не только актуален до сих пор, но и доведен до своей кульминации. А. Левинтов утверждает:

«Есть сильные подозрения, что миф о германском происхождении Плана ГОЭЛРО небеспочвенен... Этот колонизаторский план был разработан германскими энергетиками еще в 1915 г. и находился в багаже Ленина в прямом и переносном смысле. Комиссии ГОЭЛРО надо было только понять, что написали немцы и адаптировать текст этого документа к политическим лозунгам и идеологии большевиков» [Левинтов].

Интересно, что данный вариант «авторства» мифологизирован не меньше (не в том смысле, что близок сказке или слухам, а в том, что опирается на глубокие убеждения, существующие в русском национальном сознании), чем предыдущие. В нем герой становится антигероем, но не исчезает. На первый план выходят мифы о заговоре, о наличии внешнего врага, о России как мировой периферии и догоняющем варианте развития. Этим интерпретациям свойственно мышление «архетипами-диадами» (правое–левое, свой–чужой, сейчас–потом) и их внутреннее противопоставление: Ленин, как позитивный герой, противопоставляется Ленину – негативному герою; советский период противопоставляется досоветскому; Россия стоит в оппозиции всему миру. Выделение таких оппозиций свойственно мифу. Также для мифа характерно наличие противоречий, так как логика в мифе не действует. В итоге, все версии вносят свой вклад в конструирование мифа о ГОЭЛРО.

Мифологизировано не только авторство плана ГОЭЛРО, но и его содержание и сроки выполнения.

Сроки выполнения плана ГОЭЛРО

По официальным оценкам, план ГОЭЛРО по валовой продукции промышленности был выполнен уже в 1929/30 г., по мощности районных электростанций – в 1931 г., по производству электроэнергии также в 1931 г., по добыче угля – в 1932 г., а по выплавке чугуна и стали – в 1934 г. [60 лет Ленинскому плану, с. 5]. К концу 1935 г., т. е. к 15-летию принятия Плана, вместо 30 запроектированных, было построено 40 районных электростанций общей мощностью 4,5 млн кВт.

Но утверждение о своевременности выполнения Плана справедливо, если рассматривать количественные, а не качественные показатели. Ряд авторов, как в 1920–1930-е гг., так и сегодня не столь оптимистичны в своих оценках. А. И. Лушин и В. В. Авданин считают, что

план ГОЭЛРО был выполнен по основным показателям, но не выполнен по второстепенным [Лушин, Авданин, с. 126].

С. А. Баканов отмечает, что к началу второй пятилетки (1932 г.) мощность районных станций (кроме Челябинской) по-прежнему сильно уступала цифрам, заложенным в программу ГОЭЛРО, а некоторые из запланированных в 1920 г. станций, как например Чусовская, еще не были построены [Баканов, с. 70].

Важная идея ГОЭЛРО об объединении электростанций системой ЛЭП была реализована в 1940–1950-е гг.: в 1956 г. объединение энергосистем Центра и Средней Волги линией электропередачи 400 кВт «Куйбышев – Москва» обозначило начало формирования Единой энергосистемы СССР [Единая энергетическая система]. Также с «опозданием» реализовывался процесс электрификации железных дорог.

Таким образом, в качестве плана восстановления промышленности план ГОЭЛРО был выполнен к 1931 г. Как проект электрификации – к 1950-м гг. Как план интенсификации производства, план строительства экономики социализма, как важный компонент второй программы партии, скорее всего, не выполнен вообще.

Зачем был необходим миф о выполнении Плана в 1931 г.? Очевидны такие причины, как необходимость демонстрации успешности экономического строительства, необходимость пересмотра плановых показателей (ориентиры, прописанные в плане ГОЭЛРО, были недостаточными для амбициозного руководства страны. Кроме того, реализация Плана требовала огромных капиталовложений и пересмотра важной в нем идеи гармоничного развития отраслей). Но также важно то, что труд заключенных в строительстве объектов электроэнергетики начал активно использоваться, начиная с 1930-х гг. Поэтому признание успешного выполнения плана ГОЭЛРО к 1931 г. помогало создать образ максимально эффективного, добровольного взаимодействия власти, научного сообщества, трудового народа в совершении этого экономического подвига.

Пространственный миф плана ГОЭЛРО

Еще один миф выявляется при анализе плана ГОЭЛРО как проекта территориального развития. План был построен по отраслевому и территориальному принципам. Развитие хозяйства и энергетики планировалось осуществлять в рамках восьми районов, отвечающих принципам экономического районирования.

В плане ГОЭЛРО содержится утверждение, что «РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округа – предвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда» [План электрификации, с. 15]. Эти области-районы должны были

стать самодостаточными (целостными, охватывающими энергопроизводственный цикл), в каком-то смысле независимыми, равными между собой по политическому и экономическому положению.

При этом плановая экономика и национализированная промышленность предполагали централизованное управление. Поэтому посредством плана ГОЭЛРО электроэнергетика как основа промышленного развития концентрировалась в одних руках, монополизировалась государством. Здесь можно говорить о зависимости регионов страны друг от друга и от центра, об отсутствии самодостаточности территорий.

Идея равенства территорий опровергалась и самим Планом: в соответствии с ним, должны были быть электрифицированы лишь восемь районов; на Сибирь План не распространялся.

Таким образом, в плане ГОЭЛРО причудливым образом переплетались идеи самодостаточности регионов и их зависимости друг от друга и от центра, их равенства и неравенства, необходимости создания территориальных систем управления промышленностью и тенденции к отраслевому централизованному управлению. Будущая территория мыслилась и как объект управления, и как субъект самоуправления.

Наличие этих противоречий можно объяснить тем, что план ГОЭЛРО создавался в переходный период, и поэтому отразил всю противоречивость ситуации в стране, интересы самых разных социальных групп.

Но если мы взглянем на текст Плана через призму социальной мифологии, то увидим, что обнаруженные противоречия естественным образом соотносятся с мифологическим мышлением человека, которому не свойственны правила непротиворечивости, исключительно третьего и т. д.

Более того, мифологический хронотоп является фундаментом политического мифа [Цельковский, с. 28]. Пространство в мифе представляется неоднородным, разделенным на две области: сакральный центр и периферия (враждебная территория). Ю. М. Лотман в истории русской культуры выделяет периоды доминирования «равновесной структуры» и эпохи бурной исторической динамики, характеризующиеся непредсказуемостью. В периоды равновесия культура склонна отводить себе центральное место в универсуме, а в динамические она помещает себя в пространстве семиотической и культурной периферии, культурный центр при этом воспринимается и как притягательный, и как потенциально враждебный [См.: Красильникова, с. 93–95].

То есть в период стабильности «я» народа находится в центре сакрального мира. А в ситуации кризиса «я» оказывается на периферии этого мира, а его центр – за границами освоенного пространства, путь к которому пролегает через испытания, развитие и трансформацию.

Это приводит к чередованию двух подходов к пространственному развитию, проявляющихся в идеологических схемах «Москва – третий Рим» (Россия – центр сакрального пространства) и «Петербургский миф» (Россия выбирает догоняющую модель развития, образцом развития становятся другие государства. Европейское «культурное», упорядоченное пространство вступает в противоречие с русским пространственным архетипом) [Там же, с. 93–95].

Советский Союз изображался как духовный центр нового революционного коммунистического движения. У Советской России появилась великая историческая миссия распространения коммунизма [Цельковский, с. 28], что помещало ее в центр сакрального мира.

Но План ГОЭЛРО предполагал скачок в развитии. В этой системе координат страна воспринималась как догоняющая, а потому периферийная. Обе эти тенденции и оба мифа в равной степени получили отражение в плане ГОЭЛРО.

Таким образом, допущение, что план ГОЭЛРО при всей его проработанности не до конца рационален и построен на архетипических образах пространства, позволяет по-новому взглянуть на его содержание.

Пропаганда и мифологизация плана ГОЭЛРО

Мифологизация плана ГОЭЛРО происходила за счет пропаганды, творческого отклика, создания разветвленной системы образов и символов, влияющих на восприятие Плана. Разработка ГОЭЛРО насыщена знаковыми событиями, символами, осознанными пропагандистскими акциями, историями-сказаниями.

Так, План ГОЭЛРО был принят 22 декабря 1920 г. в самую долгую ночь года. Этот день с 1966 г. по настоящее время празднуется как день энергетика, «праздник света».

Широко известен сюжет, описанный в романе «Хождение по мукам» А. Толстого, повествующий о презентации Плана ГОЭЛРО:

«В пятиярусном зале Большого театра... перед картой стоял маленький человек... В руке он держал длинный кий и, двигая густыми бровями, указывал время от времени концом кия на тот или иной цветной кружок, загоравшийся тотчас ярким светом... Чтобы так освещать на коротенькие мгновения карту, понадобилось сосредоточить всю энергию московской электростанции» [Толстой, с. 475–480].

Позже этот же момент был отражен в картине А. Шматько «Ленин у карты ГОЭЛРО. VIII Всероссийский съезд Советов. Декабрь 1920 г.» (1957 г.).

Для пропаганды Плана был подготовлен ряд научных и научно-популярных публикаций: вышли работы Э. Ратнера, Г. М. Кржижа-

новского, С. А. Кукель-Краевского, В. И. Межлаука, С. Г. Струмилина, И. Г. Александрова, И. И. Скворцова-Степанова и др. по проблемам текущего и перспективного планирования, методам осуществления электрификации и ее значению [Лушин и др., с. 126].

История сохранила множество рассказов о том, как шло строительство электростанций (сюжет о строительстве Кашинской электростанции, об испытании электроплуга, открытии школ вблизи электростанций и т. д.). Совершенно удивительное ощущение создается от этих историй, очень похожих на сказки с добрым концом, в которых Ленин выступает в качестве героя, без участия которого не может состояться ни одно событие, но который приходит в удивление от подвига обычных людей, идущих впереди всех планов!

Эти и другие сюжеты были отражены в художественной литературе: «Солнце на столе» М. Ильина, «Свете без огня» Б. Житкова, производственной сказке «Егор-монтер» Н. Смирнова, «Электромонтер» Б. Уральского, «Путешествие по электролампе» Н. Булатова и П. Лопатина. Поэма «80 000 лошадей» В. Войнова посвящена строительству Волховской ГЭС [Никифорова, 2017, с. 105].

Образная составляющая электрификации подробно проанализирована в статьях Н. В. Никифоровой. Автор обращает внимание на то, что электричество во всех культурах изначально наделялось чудодейственными чертами и связывалось с утопическими представлениями. «Электричество возвышенное» позволяло человеку ощутить подчинение природы и давало возможность превратить ночь в день поворотом выключателя [Никифорова, 2016, с. 49–54].

В советском мифе электричество выступало той преобразующей силой, которая навсегда должна была изменить мир. Нередко электрический свет представлялся как нечто сверхъестественное, сакрализованное, а Ленин изображался несущим новый свет. Связь электричества с образом Ленина была закреплена метафорой «лампочка Ильича» [Никифорова, 2017, с. 106].

Все это говорит о том, что высокая оценка роли Ленина в электрификации страны не была навязана «сверху», а стала естественным выражением существующих представлений об электроэнергии, электрификации и самом Ленине в массовом сознании. То есть план ГОЭЛРО создавался на основе мифа и сам становился мифом, имевшим целью объединение общества.

Объединяющая сила плана ГОЭЛРО

Объединению всех социальных групп в ходе реализации плана ГОЭЛРО уделяли внимание многие историки.

О. Ю. Отрокова:

«Сила ГОЭЛРО жила на совпадении интересов государства и значительной части населения. План электрификации соответствовал ментальным установкам, культурным основам большинства трудящихся, которые были готовы к ускоренным преобразованиям во имя достижения общества социальной справедливости. План электрификации остался в исторической памяти народа как удачный замысел, связанный с достижениями СССР, и успехами единственной в своем роде страны, отвергнувшей капиталистический путь развития» [Отрокова и др., с. 133].

Н. Н. Моисеев считает, что для развития России недостаточны лишь «умные экономические решения». Он был уверен, что их должен сопровождать «психологический фактор», так как «нации необходимо почувствовать свое единство. Она должна почувствовать и свои мускулы, свою способность к большим свершениям [См.: Отрокова, Щербакова, с. 133].

В. Л. Гвоздецкий полагает, что составление и выполнение Плана ГОЭЛРО стало возможным благодаря сочетанию многих объективных и субъективных факторов:

«... в том числе традиционного соборно-общинного менталитета народа и его послушно-доверительного отношения к верховным правителям; атмосфере созидательной эйфории (через формирование в сознании населения мысли о трудовых подвигах как норме повседневной жизни, внушение народу чувства ответственности перед “угнетенным мировым пролетариатом”, нагнетание ощущения “осажденной крепости”). Страна превратилась в единую строительную площадку. Трудовой подвиг масс и их революционный энтузиазм стимулировались профессионализмом, целеустремленностью и полной самоотдачей в труде, которые демонстрировало руководство партии и страны» [Гвоздецкий, 2009].

«ГОЭЛРО – великий проект Русской цивилизации. Политическая воля, талант ученых, самоотверженный труд жителей страны смогли сделать так, что мечта стала явью» [ГОЭЛРО – великий проект].

Образ и пример объединения общества для достижения одной цели являются важной составляющей мифа о плане ГОЭЛРО. Память об успешности реализации этого проекта очень важна для россиян. Так, В. В. Коссов замечает, что после 1991 г. наблюдается острый дефицит того, чем граждане могли бы гордиться [См.: Коссов, с. 104]. Именно поэтому сегодня образ ГОЭЛРО очень востребован, и ряд авторов говорит о необходимости разработки ГОЭЛРО-2.

ГОЭЛРО-2 как новое содержание мифа о плане ГОЭЛРО

Содержание нового ГОЭЛРО авторы видят по-разному. В первом случае проводится ассоциативная связь с реформой в сфере энергетики

в 2000-е гг. под руководством А. Чубайса. Но если в 1920-е гг. ставилась задача создания единой энергосистемы страны, то в 2000-е ее содержание было сведено к передаче частей Единой энергетической системы России в частные руки. В 2008 г. была принята Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 г. Интересно, что в этих преобразованиях журналисты вновь видят «казак Запада», что очень напоминает ситуацию с планом ГОЭЛРО [«ГОЭЛРО-2»]. Более того, история ГОЭЛРО влияет на современные события: газета «Аргументы и факты» 20 декабря 2000 г. сообщала, что «22 декабря президент даст отмашку на пуск первой очереди новой Северо-Западной ТЭЦ под Санкт-Петербургом... День выбран не случайно: 80 лет назад, 22 декабря 1920 г., был принят ленинский план ГОЭЛРО» [ГОЭЛРО – от Ленина].

Во втором случае исследователи связывают ГОЭЛРО-2 с совершенно разными сферами развития общества, где нужна поддержка государства, частного капитала или общестественности. Перечислим некоторые из этих проектов. Считается, что ГОЭЛРО-2 – это:

– новая технико-экономическая стратегия, в рамках которой действия множества национальных экономических объектов координировались бы в рациональном русле [Козенко, с. 23];

– возобновление стратегического планирования на государственном уровне: к концу 2015 г. Росстат разработал и 30 марта 2017 г. впервые опубликовал детализированные базовые таблицы «затраты–выпуск». «Отныне Росстат будет ежегодно выпускать скорректированный баланс, а раз в пять лет будет делать базовый» [Шнепс-Шнеппе, с. 89–91];

– создание плана развития цифровой экономики. М. А. Шнепс-Шнеппе проводит параллель между ГОЭЛРО и планом строительства цифровой экономики: «главные уроки для “строителей” цифровой экономики, как и сто лет назад при составлении плана ГОЭЛРО, стоило бы поискать в книге Карла Баллода» [Шнепс-Шнеппе, с. 89–91];

– развитие нанотехнологий как составляющая новой Энергостратегии России. Электрохимия и нанотехнологии позволяют создавать новые материалы и конструкции с заданными структурными механическими и физическими свойствами. Электроэнергетика должна поменять свою роль, превратившись из «локомотива» индустриального развития в гарант инновационного инфраструктурного эффективного использования энергетического потенциала страны [От плана ГОЭЛРО];

– создание суперкомпьютеров в России:

«При условии, что Россия действительно ориентируется на развитие наукоемких технологий, нужно строить то, что называется киберинфраструктурой нации. Точно так же, как... для эпохи электрификации нужен был план ГОЭЛРО... Для настоящей модернизации нужны... национальные суперкомпьютерные успехи» [План ГОЭЛРО для суперкомпьютера];

– Северный морской путь как ГОЭЛРО-2.0, развитие Евразийского суперконтинента [Моисеев].

Вышеперечисленные варианты говорят о том, что термин ГОЭЛРО давно уже ассоциируется не только с электрификацией и стал самостоятельным понятием. «ГОЭЛРО» в современной периодической печати используется не в буквальном смысле, а в переносном – для обозначения любого передового проекта государственного масштаба, требующего консолидации сил всего общества. В таком случае «миф о ГОЭЛРО» до сих пор не потерял своей иррациональной силы и интересен государству (для получения поддержки со стороны масс или частных инвесторов), бизнесу (для привлечения государственных ресурсов) и народу (для облегчения самоидентификации, формирования образа героического прошлого, ощущения единства).

Политическая мифология советского человека включала в себя символы гордости и коллективной идентификации, которыми служили образы Великой Октябрьской революции, создание СССР, индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, полет человека в космос, дружба народов и осознание СССР мощной военной сверхдержавой. В список этих мифов можно включить план ГОЭЛРО (как составляющую мифа/образа индустриализации). Но в отличие от перечисленных выше, этот миф продолжает формироваться и в настоящее время.

«ГОЭЛРО-2» А. Чубайса – крах единой энергосистемы страны (часть 2) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический Центр (ИАЦ): сайт. URL: <http://inance.ru/2017/02/goelro-02/> (дата обращения: 25.08.2018).

60 лет Ленинскому плану ГОЭЛРО / сост. Г. П. Смидович. М., 1980.

Баканов С. А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х. гг. // Вестник ЧелГУ. История. 2009. № 32 (170). С. 65–70.

Гвоздецкий В. Л. План ГОЭЛРО – стратегическая программа социально-экономического и научно-технического развития Советского государства [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». [2009]. URL: https://www.portal-slovo.ru/impressionism/36313.php?ELEMENT_ID=36313&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 25.08.2018).

Гвоздецкий В. Л. План ГОЭЛРО: Мифы и реальность [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/5906/> (дата обращения: 18.07.2018).

ГОЭЛРО – великий проект Русской цивилизации: мечта – план – явь (часть 1) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический Центр (ИАЦ): сайт. URL: <http://inance.ru/2017/02/goelro-01/> (дата обращения: 25.08.2018).

ГОЭЛРО – от Ленина до Чубайса [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты». 2000. № 51 (20 декабря). URL: <http://www.spb.aif.ru/archive/1796279> (дата обращения: 25.08.2018).

Единая энергетическая система // Новости энергетики. [Электронный ресурс]. URL: <https://novostienergetiki.ru/edinaya-energeticheskaya-sistema-rossii/> (дата обращения: 18.08.2018).

Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 5–15.

Козенко А. С. План ГОЭЛРО как пример национальной технико-экономической стратегии // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2015. № 2 (35). С. 17–23.

Коссов В. В. О планировании социального и экономического развития России – платформа для консолидации общества. Выводы из опыта Госплана СССР // Экономическая наука современной России. 2013. № 3 (62). С. 101–121.

Красильникова М. Б. Пространственно-временные основания русского национального мифа // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 397. С. 91–98.

Кролицевская И. Е. Политическая мифология в современном обществе [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 40. С. 19–23. URL: <http://e-concept.ru/2016/56892.htm> (дата обращения: 10.09.2018).

Левинтов А. Демография, демократия и расселение [Электронный ресурс] // Семь искусств. 2017. № 4 (85). URL: <http://7iskusstv.com/2017/Nomer4/Levintov1.php> (дата обращения: 18.07.2018).

Лушин А. И., Авданин В. В. К вопросу об историографии электрификации СССР 1920–1930-х годов // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 124–132.

Моисеев Н. Северный морской путь как ГОЭЛРО-2.0 [Электронный ресурс] // Ecolife: научно-популярный и образовательный дайджест. 2015. № 4. URL: <http://www.ecolife.ru/science/wp-content/uploads/2015/11/7.pdf> (дата обращения: 25.09.2018).

Никифорова Н. В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2017. № 4 (45). С. 102–110.

Никифорова Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 48–55.

От плана ГОЭЛРО – к Энергетической стратегии России [Электронный ресурс] // Институт энергетической стратегии (ЗАО «ГУ ИЭС»): сайт. URL: http://energystrategy.ru/projects/Energy_21/0-1.pdf (дата обращения: 25.08.2018).

Отрокова О. Ю., ЩербакOVA О. М. План ГОЭЛРО – программа революционной России // Манускрипт. 2017. № 10-1 (84). С. 129–135.

Плюгина Е. В. Неомифология постмодерна // *Философия и общество*. 2016. № 1 (78). С. 104–117.

План ГОЭЛРО для суперкомпьютера [Электронный ресурс] // Радио Свобода: сайт. URL: <https://www.svoboda.org/a/1889613.html> (дата обращения: 25.08.2018).

План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. М., 1920.

Симонов Н. С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М, 2016.

Толстой А. Н. Хождение по мукам. М., 2015.

Цельковский А. А. Категории пространства и времени в структуре политической мифологии // *Вестник ЧелГУ*. 2017. № 4 (400). С. 27–32.

Шнепс-Шнеппе М. А. О задачах цифровой экономики, оглядываясь на труды профессора Карла Баллода // *International Journal of Open Information Technologies*. 2018. № 4. С. 80–91.

УДК 94(470.5).084.6

О. Ю. Никонова

ВОЛШЕБНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ТАЙГЕ, ИЛИ ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРОИЧЕСКОГО МИФА О МЕЖВОЕННОМ СССР

Осмысление истории женщин в контексте раннесталинского общества является необходимым шагом на пути формирования его комплексной интерпретационной модели. На уровне идеологии большевизм, как современный проект, предлагал создание общества «новых людей», в котором должно было найтись место каждому вне зависимости от пола. Эмансипационная политика сталинского режима в отношении женщин сопровождалась активным мифоконструированием. Мифология, ориентированная на женщин, была вторичной по отношению к сложившемуся соцреалистическому канону маскулинного образца, проанализированному Х. Гюнтером, и тесно переплеталась с патриотическим дискурсом. Образы героев, олицетворявших собой сыновей Большой советской семьи, были «переведены» для женской аудитории с помощью летчиц М. Расковой, П. Осипенко и В. Гризодубовой. Технология этого «перевода» и конструирования идеальных типов женщин в рамках мифологического соцреалистического канона будут рассмотрены на примере информационного сопровождения истории перелета на самолете «Родина» в 1938 г. и текстов, посвященных героиням этого события.

Ключевые слова: сталинизм, гендерная история, мифоконструирование, героизация, женщины-пилоты, «соколы Сталина».

К моменту Русской революции женщины уже прочно были вписаны в историю мирового и российского революционного движения, однако в большевистском дискурсе основная масса женского населения империи считалась носителем мелкобуржуазного крестьянского сознания. После 1917 г. женщины стали частью большевистского проекта по радикальному преобразованию общества. Результат «женской эмансипации» по-большевистски до сих пор является предметом историографических дискуссий [Krylova, p. 626–653]. Целью данной статьи будет анализ идеологии сталинского проекта женской эмансипации на примере конструирования образа женщины-летчицы. Отправным пунктом для анализа является тезис, развитый коллективом авторов «Соцреалистического канона» о стирании граней между художественной литературой, публицистикой и пропагандистскими текстами в соцреализме, исчезновении границы «между художественным вымыслом и фактом» [Clark, p. 146]. Дискурс о женской эмансипации, об освобожденной и равноправной советской женщине, выстроенный вокруг летчиц, был структурирован в соответствии с принципами социалистического романа (соцреализма). Далее в статье будут рассмотрены причины выбора летчиц в качестве главных «положительных героинь» эпохи довоенного сталинизма, проанализированы особенности дискурса о летчицах – его структура, элементы, принципы функционирования и гендерные аспекты мифа.

Мифология и мифоконструирование в раннебольшевистских и сталинских социальных преобразованиях нашли отражение в работах Х. Гюнтера, О. Рябова, К. Кларк и др. При этом роль женщины в сталинской идеологии проанализирована фрагментарно, в основном на примере образа Родины-матери. Между тем, женские образы «дочерей» Большой семьи также занимали в ней важное место. Именно они были вписаны в метарассказ о «новом человеке» как примеры освобождения и превращения женщины в сознательного советского гражданина, патриота и активного строителя и защитника социализма.

Особенности исторической обстановки, связанные с напряженным ожиданием новой империалистической войны, придали мифу милитантную специфику. По сути, образ советской женщины был концептуально сформулирован с учетом угрозы новой мировой войны и вписан в концепт советского патриотизма, который усиленно транслировался через систему Осоавиахима [Эйдеман, Урицкий, с. 29]. Пропагандой было сформировано несколько типов патриотической женственности, адресованных различным поколениям женщин и имевших различную функциональную нагрузку [Никонова, с. 87–89]. Наиболее важным из них был образ девушки-комсомолки, занимавшейся одним из военизированных видов спорта, так как

именно молодежь попадала в категорию потенциальных комбатантов. Структурно женские героические репрезентации повторяли строевые идеальные мужских образцов. Самым распропагандированным и популярным патриотическим женским типом был образ летчицы. Причины популярности летчиц было несколько. С одной стороны, в довоенном СССР, как и в других странах Европы и мира, наблюдалось массовое увлечение спортом, авиацией и техникой, поощряемое государством. Другим важным аспектом была особая роль авиации в футуристических проектах сталинского руководства. Предполагалось, что воздушный флот будет иметь особенно важное значение в будущей империалистической войне. Поэтому развитие сети аэроклубов в СССР было одной из целей деятельности военно-патриотической организации Осоавиахим, а массовое овладение нормами ПВХО широко пропагандировалось.

С точки зрения социальной мобильности, путь в авиацию был уделом избранных. Несмотря на широкую пропаганду летного дела, пилоты и штурманы были немногочисленной группой и входили в социальную элиту сталинского общества. Поэтому истории уникальных «восхождений» к новому социальному статусу наилучшим образом укладывались в сталинский миф о герое.

Комплекс медиумов, задействованных для целей конструирования мифа о летчицах, включал в себя весь спектр инструментов сталинского государства пропаганды. Основную нагрузку несли на себе, конечно, печатные средства массовой информации – газеты и журналы. Однако, наряду с прессой, были задействованы также художественная и научно-популярная литература, визуальные средства пропаганды – например, плакаты и документальное кино. Дзига Вертов отразил тему женщин в авиации в знаменитой «Колыбельной» и «Трех героинях». После трагической гибели в 1939 г. военной летчицы Полины Осипенко пропагандистская машина задействовала также инструменты мемориальных практик: именем Осипенко (также как и погибшего вместе с ней Анатолия Серова) были названы города и села, улицы, теплоходы, бригады ударников, был создан музей летчицы [Правда, 1939, 8 июня, с. 1; 1940, 16 мая, с. 4; 1940, 20 марта, с. 6; 1941, 31 января, с. 6 и др.].

В данной статье структура мифа о женщинах-летчицах будет проанализирована на основе текстов, опубликованных в прессе. Основным источником стал центральный партийный орган – газета «Правда». Необходимо отметить, что, несмотря на ограничение источниковой базы одним видом источников, тексты, опубликованные в «Правде», показывают широкое жанровое разнообразие: газетные передовицы (статьи журналистов), тексты воспоминаний,

телеграммы, официальные речи и выступления, стихи, информационные сообщения. Для изучения источников были применены элементы дискурса-анализа.

Анализируя советский культ героев, Г. Гюнтер выделяет четыре основных «героических» типа, характерных для культуры периода сталинизма: герой труда, герой войны и политический вождь, герой-жертва [Günther, p. 4–5]. Во главе «иерархии героев» находился герой труда, символическим прототипом которого был Прометей. Семантика преодоления стихии, противостояния созидającego человека и природного хаоса, на которой основан миф о Прометее, позволила Гюнтеру подвести под категорию «героев труда» летчиков и полярных исследователей, изобретателей и ученых. Рассмотрим особенности мифоконструирования на примере текстов о трех летчицах, совершивших в 1938 г. длительный беспосадочный перелет на самолете «Родина».

Узловой точкой «прометеевского мифа»-дискурса в них является *преодоление и борьба* – та деятельность, которая была главной в индивидуальных социальных практиках Расковой, Гризодубовой и Осипенко. Наиболее ярким протагонистом мифа была, конечно, Полина Осипенко, совершившая «прыжок» от крестьянки, труженицы птицеводческого хозяйства одного из колхозов на Украине, до военной летчицы, майора Осипенко. Недаром именно ей «дал слово» в своих «Трех героинях» Дзига Вертов. Вслед за девушкой-ударницей Ниной Белявской из «Колыбельной», совершившей прыжок с парашютом, Осипенко была говорящей «правдой жизни» Вертова: «Поведение летчицы Полины Осипенко, – вот основное звено, которое нам позволит подняться на необходимую высоту нашу песню-поэму. При этом мы должны быть так же смелы и оперативны, как сама летчица П.» [MacKay]. Реальная биография Осипенко была лучшей основой для конструирования мифа женщины-Прометея, преодолевшей все – бедность, малограмотность, техническую отсталость, мужской шовинизм – и стремившейся все дальше и все выше в своих желаниях и целях. Биографическая статья об Осипенко, опубликованная в «Правде» под общим заголовком «Героический экипаж самолета “Родина”», открывается словами: «Жизнь замечательной советской летчицы Полины Денисовны Осипенко может служить ярким примером непрерывного движения вперед, постоянного совершенствования. История ее волнующе поучительна. До того, как сделаться летчицей, она была крестьянкой-батрачкой, колхозницей, уборщицей на элеваторе, инструктором-птицеводом» [Правда, 1938, 8 октября, с. 3]. Освоив самолет и став военным летчиком, Осипенко не остановилась на достигнутом. В рассказах о Полине несколько раз повторяется сюжет с обещанием летать выше всех женщин в мире. Это обещание Осипенко

публично дала на Всесоюзном совещании жен командиров Красной Армии в декабре 1936 г. [Правда, 1937, 23 мая, с. 6].

В случае всех трех летчиц узловая точка *преодоление и борьба* связана цепочками эквивалентности с целым рядом символов, указывающих на особенности идентичности, конструируемой мифом-дискурсом, и социального пространства, в котором эта идентичность формируется. К ним можно отнести слова *дальность и высота, мужчины и женщины, женщины советские и женщины мира капитализма, рекорды и международное признание*, а также набор атрибутов, характеризующих качества летчика и, следовательно, объекта мифоконструирования.

Именно соревнование на дальность и высоту полетов было содержанием деятельности Гризодубовой, Расковой и Осипенко в их статусе советских летчиц в 1930-е гг. Различными способами этот аспект подчеркивался в текстах о них – информационные заметки сообщали о рекордах [Правда, 1938, 3 июля, с. 1; 10 октября, с. 1; 26 ноября, с. 6] и их международной регистрации и признании, пропагандистские статьи постоянно подчеркивали выдающийся статус женщин. Осипенко именовали «посланицей в заоблачные высоты», всем летчицам присвоили титул «сталинских соколов». В передовицах «Правды» о перелете «Родины» отмечалось, что на такие дальние расстояния (6 000 км) «не летала ни одна женщина мира», имена летчиц были прочно связаны с девизом: «Советские летчицы должны летать быстрее, дальше и выше всех девушек мира!» [Правда, 1938, 7 октября, с. 1].

После беспосадочного перелета Осипенко, Ломако и Расковой из Севастополя в Архангельск поэт А. Твардовский посвятил летчицам стихотворение, в котором подчеркнул дальность совершенного ими перелета:

Над великой/ Русскою равниной,
Над простором/ Нив, лесов и вод –
Летчица по имени Полина/ Совершила славный перелет.
Были с ней/ Ее подруги смелые,
Женщины под стать – / Одна в одну.
И от моря Черного/ До Белого
Путь лежал их через всю страну... [Правда, 1938, 6 июля, с. 3]

Идентичность женщины-летчицы в правдинских текстах конструируется при помощи двух основных референтных фигур – фигуры советского мужчины и собирательного образа женщин капиталистического Запада. Эпитеты, которыми награждает летчиц советская центральная газета, исключительно «мужского» свойства – бесстрашные, мужественные, отважные, дисциплинированные. Помимо этих

маскулинных черт, которые им приписываются, в истории каждой из известных летчиц обязательно присутствует мужчина, сыгравший ключевую роль в ее летной карьере. У Валентины Гризодубовой их даже двое: отец – летчик и изобретатель Степан Гризодубов – и Серго Орджоникидзе. В 1937 г. в интервью для журнала «Работница» она вспоминала: «Нелегко мне было учиться в летной школе. Ведь я училась в ту пору, когда на девушек, пришедших в авиацию, смотрели недоверчиво. Поэтому меня часто, мягко говоря, «затирали» и всякую ошибку старались раздуть. Однажды дело дошло до того, что мне пришлось обратиться в РКИ лично к Сергею Орджоникидзе. Я сильно волновалась, когда входила в его кабинет на Ильинке, но Сергей встретил меня так хорошо, что я сразу и легко рассказала ему о своем горе. Нежно, как отец, он спросил меня: «А ты действительно хочешь летать?» Я горячо убеждала его в том, что здоровая девушка может быть в полете равноценна мужчине. Сергей испытующе посмотрел на меня и сказал: «Я верю тебе. Летать будешь, а станешь летчиком – заходи ко мне и расскажи о своих достижениях» [Работница, с. 8–9]. В биографии Гризодубовой, опубликованной в «Правде» после перелета «Родины», этот эпизод также упоминался, но без «дискриминационных» подробностей [Правда, 1938, 8 октября, с. 3]. В биографии Полины Осипенко роль «проводника» в мир авиации исполняет Климент Ворошилов, который одобрил социалистический договор, заключенный Осипенко с инженером Лещинской на съезде жен командиров Красной Армии. В нем летчица пообещала добиться высотных рекордов, а Ворошилов (согласно правдинской версии) «написал на договоре: “Приветствую, дело хорошее, хотя и нелегкое”» [Правда, 1938, 8 октября, с. 3]. В автобиографическом повествовании Марины Расковой роль наставника и учителя выполняет знаменитый А. В. Беляков [Раскова, Записки штурмана, 1951, с. 25–41], а изданная Детгизом брошюра «В Кремле» вводит в метарассказ о Расковой фигуру главного «Отца» – Сталина.

Как и в ситуации с рекордами, реальные события, факты и персонажи жизненных историй летчиц соседствуют в сконструированном пропагандой мифе с персонажами и историями, несущими исключительно символическую нагрузку. Таковы истории об Орджоникидзе и Ворошилове, которые, возможно, были выдуманскими или пропагандистски преувеличенными. И над всеми реальными и вымышленными покровителями доминирует фигура Сталина – «друга» советских летчиков, «отца» и учителя. Валентине Гризодубовой в официальной биографии 1938 г. приписывают слова о том, что именно Сталин научил ее летать: «Он открыл перед всеми женщинами дорогу в жизнь» [Правда, 1938, 8 октября, с. 3]. Связь между «Отцом» и «дочерьми»

постоянно поддерживается – за счет писем, телеграмм и личных встреч. Полет самолета «Родина» был «обрамлен» контактами со Сталиным: в первой статье, посвященной полету и опубликованной 25 сентября 1938 г., напечатано письмо-обращение членов экипажа к И. В. Сталину: «В этот утренний час, когда наш самолет «Родина» покидает Москву и мы берем курс на Восток, наши мысли и чувства обращены к Вам, наш друг и учитель, дорогой товарищ Сталин... Советские летчики не раз изумляли мир своими подвигами. Мы уверены, что вдохновленные Вами и окрыленные Вашей заботой мы так же принесем нашей родине, партии Ленина-Сталина, Вам, дорогой наш учитель и друг Иосиф Виссарионович, – новую победу» [Правда, 1938, 25 сентября, с. 1]. После благополучного завершения эпопеи летчицы вновь обратились к Сталину: «С вашим именем в сердцах, мы, дочери великой социалистической родины, пролетели без посадки сквозь облачность, туманы, обледенения и ночь от Москвы – сердца необъятной родины, до берегов Амура. На болоте, в тайге, среди сопков мы были не одиноки – с нами весь наш многонациональный народ, партия и Вы, товарищ Сталин. За отцовскую заботу спасибо» [Правда, 1938, 8 октября, с. 1]. Амбивалентность картины гендерного порядка, представленной в мифе, подчеркивают сюжеты о малой семье – Валентина Гризодубова и Марина Раскова воспитывали детей, на своем примере показывая все трудности и возможности нового гендерного контракта. К таким же «конфликтным» элементам мифа можно отнести упоминания феминных черт летчиц, например, стремление женственно выглядеть, красиво одеваться.

Функцию антипода в мифе о летчицах выполняли женщины капиталистического Запада. Словами Полины Осипенко в «Правде» было подчеркнуто отличие наших и их женщин: «Капиталисты также забывают о высоком политико-моральном состоянии нашего народа, о его дружбе, о его патриотизме. Они забывают и о том, что у нас есть такой могучий резерв, как женщины. У них женщины не пойдут воевать. А наши женщины пойдут защищать свое счастье, свою родину!» [Правда, 1939, 14 мая, с. 2].

«В центре соцреалистического романа, как и в центре сталинской политической культуры, находится миф о «великой семье», – отмечает К. Кларк. – Этот миф представляет «великую семью» государства как естественный союз граждан, испытывающих друг к другу те же чувства теплоты и заботы, что и члены «малой семьи», основанной на кровных связях. Однако согласно этой схеме, государству должно отдаваться предпочтение перед семьей» [Кларк, с. 785]. В совокупности с символической фигурой Отца (Иосиф Сталин), Сынов и Дочерей (советские герои), образ Родины-матери замыкал круг «Большой

семьи» – важного символа патриотического дискурса, в рамках которого происходило мифоконструирование. «Страна и семья для советского летчика – одно и то же», – говорил Чкалов женщинам-летчицам, рассказывая о своем возвращении из Америки [Раскова, Записки штурмана, 1976, с. 155]. В «Записках штурмана» Марины Расковой не случайно появился эпизод, рассказывающий о выборе названия «Родина» для самолета, на котором Раскова, Гризодубова и Осипенко собирались совершить сверхдальний перелет: «Мы долго думали, как ее назвать. Однажды за обедом мы перебирали различные названия. Валя задумчиво, тихо сказала: “Родина”. Более почетного, гордого имени не мог иметь наш самолет» [Раскова, Записки штурмана, 1951, с. 137].

Ярким примером жанрового своеобразия мифа о летчицах можно считать тексты, посвященные 10-дневному блужданию Марины Расковой в тайге. Несмотря на то, что пребывание в тайге стало для штурмана Расковой серьезным и опасным испытанием, рассказы об этом напоминают по стилистике волшебную сказку: «Десять дней пребывания в тайге неимоверно увеличили мой жизненный опыт, закалили меня. Я разгадала много тайн тайги и болот и проходила уже без особого труда большие расстояния. Я могла отличать по цвету, по кустам, характер почв, ее проходимость и так привыкла к ночевкам в тайге, что первую ночь (на самолете) не могла уснуть: все казалось душно, неудобно... Во время сна звери, вероятно, подходили ко мне, но никто не принес мне вреда» [Правда, 1938, 13 октября, с. 2]. Марина Раскова в этом рассказе – воплощение соцреалистического героя, о котором Х. Гюнтер писал: «Герой в его разных проявлениях – самая динамичная фигура советского мифа. Он выступает как строитель новой жизни, как победитель любых препятствий и врагов» [Гюнтер, с. 744].

Возвращение трех летчиц в Москву превратилось в «Правде» и региональной прессе в историю всенародной любви. По дороге летчицы останавливались в трех городах – Керби, Комсомольске и Хабаровске, где их встречали как героев с подарками и оркестром, устраивали в их честь праздники [Правда, 1938, 8 октября, с. 1; 11 октября, с. 1; 28 октября, с. 2; 3 ноября, с. 1; 11 ноября, с. 1]. 27 октября 1938 г. женщин встречали в Москве с такими же почестями, как до этого встречали челюскинцев и папанинцев. На приеме в Кремле Сталин в присутствии руководства партии и страны вручил им звезды Героев Советского Союза. Выпуск газеты «Правда» от 28 октября 1938 г. был полностью посвящен В. С. Гризодубовой, М. М. Расковой и П. Д. Осипенко, в верхнем левом углу было напечатано обращение: «Слава отважным женщинам страны социализма!».

Таким образом, к основным структурным признакам мифа о летчицах можно отнести следующие: прототипом мифа о летчицах

является миф о Прометее (по классификации Х. Гюнтера); образ женщин-летчиц вторичен по отношению к мужскому образу героя; в «женской» мифологии можно наблюдать амбивалентность гендера и эклектичность транслируемого образа гендерного порядка, например, сочетание и конкуренцию маскулинных и феминных черт протагонистов, присутствие исключительно мужских «отцов»-наставников и учителей, противоречивые тенденции в визуализации летчиц, в решении вопроса о роли брака и материнства. В мифе о летчицах-героинях обнаруживается классическое ядро соцреалистического романа – топос о Большой семье и традиционные художественные приемы – стирание грани между вымыслом и реальностью, форму притчи как доминирующую форму текста.

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 743–784.

Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 785–796.

Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010.

Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). 1937–1941.

Работница. 1937. № 33.

Раскова М. Записки штурмана. М., 1951.

Раскова М. М. Записки штурмана. М., 1976.

Эйдеман Р., Урицкий С. Создать на Урале мощную организацию Осоавиахима. Свердловск, 1934.

Clark K. The Soviet Novel: history as ritual. Chicago, 1981.

Günther H. Der Helden- und Feindmythos in der totalitären Kultur. Tübingen, 1994.

Krylova A. Stalinist Identity from the Viewpoint of Gender: Rearing a Generation of Professionally Violent Women Soldiers in 1930s Stalinist Russia // Gender and History. 2004. № 3(16). P. 626–653.

MacKay J. Vertov's THREE HEROINES (1938) // Academia.edu: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/19579686/Vertovs_THREE_HEROINES_1938 (дата обращения: 30.08.2018).

Раздел 4

ИНСТИТУТЫ, ПРАВО, ПОЛИТИКА: УТОПИИ НАРОДОВЛАСТИЯ И РЕАЛИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

УДК 94(571).084.3

В. М. Рынков

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СИБРЕВКОМОВСКИЙ ВАРИАНТ (КОНЕЦ 1919–1922 гг.)¹

Социальная политика, реализуемая в конце 1919–1922 гг. в сибирском макрорегионе, являлась в значительной мере продолжением общего советского курса, но имела особенности. С одной стороны, для включения сибирских территорий в единое советское пространство требовались ускоренные преобразования. Их проводили специальные государственные органы методами чрезвычайщины, мобилизаций, реквизиций. С другой, — для формирования социальной опоры приходилось проявлять осторожность, умеренность и гибкость. Пострадавшие от колчаковского режима герои Гражданской войны, семьи красноармейцев и рабочие стали получателями адресной социальной поддержки. Позитивные действия сочетались с широким применением негативных — лишение прав на получение социальной поддержки, трудовые мобилизации, блокирование возможностей использовать социальные связи. Отсутствие обязательств по социальному обеспечению всего населения позволяло сконцентрировать скудные ресурсы на ключевых направлениях, сформировать немногочисленную, но твердую опору власти, а целенаправленная социальная дискриминация противников советского режима ослабляла их возможности по организации протестов.

Ключевые слова: социальная политика, Гражданская война, Сибревком, социальная база, дискриминация.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580.

Во второй половине 1919 г. Колчак потерпел военное поражение. Территорию Сибири сначала постепенно, а потом стремительно заняли войска Красной армии при помощи партизанских формирований, разрушавших колчаковский режим в тылу. По сибирской территории прокатилась разрушительная волна Гражданской войны. Для управления советской частью Сибири 27 августа 1919 г. был образован Сибирский революционный комитет, первоначально располагавшийся в Челябинске, а с 23 ноября 1919 г. обосновавшийся в Омске. Декларативную ориентацию советской внутренней политики на решение социальных проблем отразила его структура, в составе которой имелись отделы народного образования, труда и социального обеспечения.

Советская власть получила тяжелое наследство, связанное с хаотичным отступлением белых, партизанским движением, масштабными эпидемиями, колоссальным обнищанием населения. Сибревкому пришлось выстраивать социальную политику, базировавшуюся на советском законодательстве, но с учетом особенностей Сибири, ее более позднего вхождения в состав Советской России.

Организационная составляющая социальной политики значительно опережала материальные возможности осуществления задуманных мероприятий. Губернские и уездные отделы образования, здравоохранения, труда и социального обеспечения в первые месяцы 1920 г. отчитывались о практически полном бездействии ввиду отсутствия каких бы то ни было средств. И в дальнейшем значительные усилия затрачивались на выработку планов и проектов социальной работы, учет различных категорий населения.

Большинство школ в городах Сибири в 1920 г. находились под постоем красноармейцев или отводились под советские учреждения. Медицинский персонал поголовно мобилизовали в Красную армию, что обрекало гражданские медицинские учреждения на временное бездействие. 7 февраля 1920 г. Сибревком выделил для выплаты пенсий и пособий 10 800 тыс. руб. [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 47, л. 116], каковых средств было совершенно недостаточно. Работа отделов социального обеспечения и труда сводилась к регистрации числа нуждавшихся в тех или иных видах помощи.

На протяжении всего 1920 г. происходило медленное становление системы социального обеспечения при полном преобладании чрезвычайщины, рецидивы которой продолжались и в 1921 году.

В конце 1919 – начале 1920 г. характер кагастрофы приобрела эпидемия тифа в Сибири. 5 декабря 1919 г. Сибревком образовал Омскую комиссию по борьбе с тифом, действия которой вскоре распространили на всю Сибирь (СибЧКтиф) [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 47, л. 10]. При скудном финансировании она получила в свое распоряжение персонал

и имущество бывших колчаковских учреждений соответствующего профиля, право мобилизации медицинских работников на борьбу с эпидемиями. Одновременно остальные частные и общественные медицинские учреждения перешли в ведение здраводелов ревкомов, что означало полную централизацию здравоохранения. В январе – феврале 1920 г. учетно-ревизионные комиссии перераспределили медикаменты и персонал в соответствии с приоритетными задачами советской власти, не считаясь с формами собственности и прошлой ведомственной принадлежностью [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 78, л. 128–132об].

За несколько месяцев было организовано 150 тыс. коек для изоляции тифозных больных и 80 тыс. коек для выздоравливавших. К марту 1920 г. эпидемия резко пошла на убыль, и учреждения ликвидированного 1 мая 1920 г. СибЧКтифа передали здраводелам ревкомов [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 78, л. 234]. Высвобождавшиеся помещения госпиталей использовали для улучшения жилищного положения рабочих [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 47, л. 179]. В связи с новой эпидемией зимой 1921–1922 г. СибЧКтиф организовали вновь, но без создания собственного аппарата. Комиссия могла пользоваться медицинскими учреждениями местных здраводелов (Сибирский революционный комитет, с. 505–507).

Летом – осенью 1920 г. местные отделы здравоохранения в некоторой степени шли дорогами, проторенными колчаковской политикой. Всех мобилизованных медиков направили для работы в области «пролетарской медицины», унаследованной от больничных касс 1919 г., к которым в 1921 г. и свелось все поликлиническое здравоохранение. Много внимания уделяли курортной работе. За лето 1920 г. курортным лечением воспользовались 12 тыс. больных – советские служащие и рабочие. Другие категории населения были лишены права воспользоваться курортами. Летом 1921 г. курорты и дома отдыха передали предприятиям [Сибирский революционный комитет, с. 405; Жизнь красной Сибири, 1920, № 3, с. 35], вдвое сократив масштаб работы.

Все учреждения для детей-сирот, престарелых и инвалидов с начала 1920 г. Сибпродком взял на прямое снабжение продовольствием и предметами первой необходимости. В то же время власти не останавливались перед жесткими запретами. Например, 29 января 1920 г. запретили въезд в Сибирь инвалидам, за исключением военных, отправлявшихся на родину [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 78, л. 1]. К началу 1921 г. на всю Сибирь осталось 3,5 тыс. инвалидов, содержащихся в специализированных инвалидных домах [Жизнь красной Сибири, 1921, № 1–2, с. 18]. Их число продолжало сокращаться. Аналогичная участь постигла и детские дома. К началу 1922 г. в Сибири их насчитывалось 676 (40,6 тыс. детей). В первой половине 1922 г. централизованное снабжение детей-сирот сократили в четыре раза, часть детских

домов передали на попечение учреждений и предприятий, непролетарских детей вернули дальним родственникам («чистка детсовета от обывательского элемента») [Жизнь Сибири, 1922, № 4, с. 75–78].

В отношении находившихся в Сибири беженцев советское законодательство не предусматривало никаких компенсационных выплат. Советская власть организовала возвращение на родину беженцев Первой мировой войны при условии документального подтверждения обстоятельств вынужденной миграции. Все беженцы Гражданской войны, мигрировавшие на восток в надежде оказаться подальше от Советской власти, лишались содействия со стороны советских органов. Но таких беженцев активно мобилизовали на выполнение заданий Советской власти [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 445, л. 1, 18, 20, 22–22об]. Осенью 1920 г. Сибревком восстановил питание и медицинское обслуживание в пути крестьян-переселенцев из европейской части России [Сборник постановлений, с. 62].

Летом 1921 г. на сибревкомовскую территорию из голодающих районов Европейской России направились огромные потоки мигрантов. По приблизительным оценкам, до весны 1922 г. в Сибирь въехало 221,3 тыс. организованных переселенцев и 350 тыс. стихийных. Для приема так называемых голодобеженцев использовали опыт, инфраструктуру и кадры бывшего Переселенческого управления. Сибирь рассматривала беженцев как трудовой ресурс, распределяла их по губерниям и уездам, исходя из численности трудоспособной части беженцев, которую могли занять, всеми силами пытаясь ограничить стихийное беженство, в том числе и лишая таких беженцев всякой социальной поддержки. Отдел труда Сибревкома зарегистрировал 184,3 тыс. въехавших как рабочих, 129,4 тыс. – как аграрных переселенцев [Рынков, с. 132]. Исключение было сделано для «детской» миграции. По решению Всероссийской комиссии по улучшению быта детей в Сибирь направили 10 тыс. детей из голодающих районов. При Сибревкоме учредили сибирскую комиссию по улучшению быта детей, произвели разверстку детей по губерниям Сибири [Сибирский революционный комитет, с. 328–329, 331–332].

В качестве важнейшего инструмента проведения внутренней политики советская власть в Сибири использовала трудовые мобилизации. На протяжении 1920 г. им подверглись 16 категорий населения. В 1921 г. мобилизации продолжились [Сибирский революционный комитет, с. 89, 91, 109, 115–116, 125; Сборник постановлений, с. 7, 8, 17–19, 22–23, 27–28, 69]. С помощью мобилизаций выполнялись ремонтно-восстановительные, погрузочные работы, гужевые перевозки, лесозаготовки, обмолот хлеба. Железнодорожники и угольщики, работники военных производств оставались на своих рабочих местах

и объявлялись мобилизованными. Это предотвратило оставление своих рабочих мест теми, кто был недоволен условиями труда, так как подобные действия приравнивались к дезертирству. Работы по организации труда мобилизованных проводил Сибирский комитет по всеобщей трудовой повинности.

Более примечательной стала мобилизация лиц интеллигентного труда, посредством которой набирали персонал в продовольственные, земельные органы, медицинские учреждения, низших служащих в советские учреждения; образованных людей направляли на работы по ликвидации безграмотности. Логическим завершением данной политики и заключительным аккордом участия Красной армии в Гражданской войне в Сибири стало образование Сибирской трудовой армии, в которой с января 1921 г. по февраль 1922 г. трудилось 62 тыс. чел. [Цысь, ч. I, с. 117–118, 244; ч. II, с. 183].

Трудовые мобилизации советская власть использовала не только как инструмент социальной политики. Они также превратились в меру социальной дискриминации. В составе всех городских и уездных ревкомов действовали комитеты по всеобщей трудовой повинности и комитеты по организации принудительных работ. На работы стонялись так называемые «нетрудовые элементы», в том числе и путем организации облав в городах с целью поимки торговцев и не занятой на советской службе интеллигенции.

Власть не стеснялась привлекать на принудительные работы военнопленных не только Гражданской, но и Первой мировой войны. Постановление Сибревкома от 2 января 1920 г. предусматривало оставление в лагерях только нетрудоспособных пленных, передаваемых отделу социального обеспечения. Остальные считались мобилизованными [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 47, л. 42]. Одним из распространенных уголовных наказаний, широко использовавшихся по отношению к политическим противникам, являлось привлечение к принудительным работам. Во всех губернских городах и при крупных предприятиях строились концентрационные лагеря. На практике все это проводилось в жизнь очень медленно из-за отсутствия ресурсов. К лету 1920 г. существовали только омский и красноярский лагеря, осенью организовали черемховский. Обилие лиц интеллигентных профессий в заключении и их острый дефицит в советских учреждениях привел к тому, что заключенных использовали не только на тяжелых физических работах, но и для ведения советского делопроизводства.

Советская власть в Сибири создала сложную систему пайков и денежных компенсаций, являвшуюся частью социальной политики. Пайк получали только рабочие и советские служащие. С 22 сентября 1919 г. по 18 февраля 1920 г. в Сибири были аннулированы «колчак-

ские» денежные знаки, как общероссийского образца, так и местные. Поступление общегосударственных советских денег в Сибирь удалось организовать далеко не сразу. Казалось бы, власть поспешила с этой финансовой мерой. Но нельзя упустить одну важную деталь. Рабочим и служащим, фактически оставшимся на время почти без средств существования, выплачивалась небольшая компенсация, которая не зависела от утраченной ими суммы, и таким образом уравнивала их материальное положение. Остальные категории населения никаких выплат не получали. Местные советские органы должны были тщательно следить за тем, чтобы компенсации не распространялись на «нетрудовые элементы», которых большевики стремились оставить без средств к существованию [Финансовая политика, с. 134, 141–142].

Семьи красноармейцев стали активно опекаемой категорией. Численность получателей данного вида материальной поддержки увеличивалась за счет сибиряков. В июне–октябре 1920 г. в Красную армию мобилизовали 148,4 тыс. молодых призывников. Их семьи становились получателями красноармейских пайков. Работавшим на милитаризованных предприятиях также выдавались красноармейские пайки, на их семьи распространялось правило, по которому по обеспечению пайками и льготами они приравнивались к красноармейским (Сибирский революционный комитет, с. 97, 101; Сборник постановлений, с. 22). Тем и другим специальные дружины должны были обрабатывать земельные участки [ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 78, л. 202]. Отделы социального обеспечения городских и волостных ревкомов должны были производить обследование материального положения семей и начислять паек только материально нуждавшимся близким родственникам красноармейцев и приравненным к ним. За 1920 г. на сибревкомовской территории собесы выплачивали 127 тыс. красноармейских пайков суммой в 231,2 млн руб. [Жизнь красной Сибири, 1921, № 1–2, с. 17].

Практика социальных выплат устанавливалась очень медленно. В 1920 г. в Сибири пенсии выплачивались 23,7 тыс. чел. [Там же]. Пенсии и пособия по советскому законодательству полагалось выплачивать только неимущим. Местные отделы социального обеспечения огромные усилия тратили на обследование материального положения потенциальных получателей.

Адресной группой получателей социальных трансфертов стали пострадавшие от «бесчинств» колчаковцев и интервентов жители Сибири, преимущественно крестьяне. Для учета их убытков 14 февраля 1920 г. была создана Центральная комиссия по восстановлению разрушенных хозяйств и ее местные отделения, действовавшие до 1 января 1921 г. В действительности им пришлось компенсировать также и убытки,

нанесенные Красной армией и сибирскими партизанами. Данное направление не обошлось без некоторого социального «подвоха». Сначала власть полностью отмежевалась от действий партизан. С 1 декабря 1919 г. все партизанские формирования объявлялись либо распущенными, либо влитыми в Красную армию. Ответственность за изъятия, произведенные партизанами ранее этой даты, не признавалась. Документально подтвержденных изъятий Красной армией в первые месяцы 1920 г. население предъявило на сумму более чем 1 млрд руб. Их тщательно дифференцировали по обстоятельствам, суммам и классовому происхождению предъявителей, приняв к оплате только часть. А затем оформили выплату как компенсацию убытков Гражданской войны наряду с теми, кто пострадал от Белой армии. Для «восстановления разрушенных хозяйств» выделили 95 млн руб. Ученные убытки возмещали не только деньгами, но также скотом и другими ценностями, передававшимися крестьянам при демобилизации Красной армии. По причине медленного освоения средств до конца 1920 г. 11 тыс. семей получили помощь в 11,27 млн руб. и еще 4,1 тыс. семей – натуральные выплаты [Там же]. Исключалось возмещение убытков контрреволюционерам, кулакам, спекулянтам и всем уклонявшимся от выполнения продразверстки [Сибирский революционный комитет, с. 273–274, 282–283; Рынков, Ильиных, с. 193–196; Шишкин, с. 138–141].

В деревне ревкомы с конца 1919 г. занимались распределением имущества, посевов, инвентаря и скота крупных владельцев и бежавших с «белыми» крестьян между нуждавшимися односельчанами, отдавая предпочтение борцам против «колчаковщины» и беднейшей, а на деле наиболее лояльной части сельских жителей. Власть часто инициировала создание государственных и коллективных хозяйств на базе ликвидированных крупных сельскохозяйственных предприятий, привлекая желающих освобождением от налогов и субсидиями. В результате до весны 1922 г. в Сибири численность коллективных и государственных хозяйств непрерывно росла. Они объединили не менее 150 тыс. сельских жителей, среди которых значительными группами были сельские активисты, решившие заняться аграрным трудом некрестьяне, а также крестьянская беднота, пришедшая в колхозное движение с иждивенческими настроениями.

При невероятном социальном прожектерстве, советский политический режим прочно обосновался в Сибири. Советская социальная политика сполна использовала ресурсы, оставшиеся после «белых», и интенсивно генерировала новые. Среди них важнейшим стал принудительный труд, направляемый, в том числе, на удовлетворение нужд отдельных категорий получателей социальной помощи. Обозначилась

тенденция частичной натурализации социальной политики. Помимо денежных выплат, помощь оказывалась товарами или работой. Советская власть не считалась с институциональной средой, легко преобразовывала существовавшие институты, подчиняя их пролетарскому государству. На 1920–1922 гг. пришелся пик экономического кризиса в Сибири, а необходимость социальной поддержки населения по сравнению с предыдущими годами только усилилась. Но Сибревком резко сократил расходы на социальные нужды населения. Их концентрация на конкретных, политически оправданных направлениях позволила сформировать достаточно узкую, но прочную социальную базу и в городе, и в деревне. Гибкость советской политики в Сибири состояла также в сочетании поддержки одних социальных групп и дискриминации других. Потенциально способные к сопротивлению советским экспериментам были не просто лишены всякой поддержки. Советская политика предусматривала лишение таких людей средств к существованию, выдавливание их на социальное дно, устранение возможностей для социальной и пространственной мобильности иначе, как под контролем и по велению советского государства.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет).

Жизнь красной Сибири. Омск, 1920. № 3; Новониколаевск, 1921. № 1–2.

Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1922. № 4.

Рынков В. М., Ильиных В. И. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1920. Новосибирск, 2013.

Рынков В. М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реализация переселенческой политики в первое послереволюционное пятилетие // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 108–137.

Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь. 1925 : сб. мат-лов и док-тов. Новосибирск, 1959.

Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 г. Омск, 1921.

Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: сб. док. / сост. и науч. ред. Д. И. Петин. Омск, 2014.

Шлишкин В. М. Социалистическое строительство в Сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985.

Цысь В. В. Трудовые армии периода Гражданской войны: монография монография : в 2 ч. Ч. 1. Возникновение и организация; Ч. 2. Хозяйственная и общественно-политическая деятельность. Нижневартовск. 2009.

УДК 94(47).084.3

В. П. Сапон

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ В 1918–1921 гг.: «НОВЫЕ СЛОИ ПАРТИИ» ПРОТИВ «ЗАСИДЕВШИХСЯ, ОТОРВАВШИХСЯ ОТ МАСС РАБОТНИКОВ» (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследуя (на материалах Нижегородской губернии) проблему формирования советской региональной элиты в 1918–1921 гг., автор стремится доказать, что противостояние в правящем слое на местах едва ли происходило по линии «новаторы (они же назначенцы из центра) vs консерваторы (они же — местные)», речь шла о гораздо более многомерном процессе. Как местные кадры, так и представители Москвы опирались на поддержку одних и тех же социальных сил. Однако демократическая традиция революции в условиях гражданской войны вряд ли помогла бы большевикам победить. Этому могла способствовать лишь линия на концентрацию власти в руках партии, которую и проводили представители ЦК партии большевиков в Нижегородской губернии.

Ключевые слова: Нижегородская губерния в 1918–1921 гг., система губернской власти, борьба группировок.

Начальный советский период формирования «вертикали власти» в Нижегородской губернии уже неоднократно освещался в научных публикациях. Как правило, речь шла о борьбе с «местничеством» в губернских партийных и административных органах, о влиянии на «коридоры власти» личного, национального и других факторов [см.: Крылова, В. М. Молотов...; Крылова, Взаимодействие субъектов...; Крылова, Особенности становления...; Сапон, «Кавказский работник...; Сапон, Новый источник...; Сапон, «Основной силой...; Сапон, Руководство...; Тихомиров]. В своем докладе я хотел бы рассмотреть следующий аспект проблемы: насколько правомерно говорить о противостоянии в нижегородской политической элите указанного периода сил застоя или даже регресса, отождествляемых с «местными» (т. е. «засидевшихся, оторвавшихся от масс работников»), и новаторов, которых направляло на места центральное партийное руководство?

Нижегородские большевики столкнулись с кадровой проблемой уже в ходе революционного переворота, совершенного в конце октября – в первых неделях ноября 1917 г. [см.: Сапон, Нижегородская губерния...]. В ходе демократических перевыборов Нижегородского совета

рабочих депутатов (СРД) большевики и их левые союзники составили большинство в губернском исполкоме (ГИКе), председателем этого органа власти был избран старый подпольщик, депутат Второй Государственной думы И. Р. Романов. Представители эсеров, меньшевиков и бундовцев вышли из ГИКа и этим, с одной стороны, предоставили большевикам полную свободу действий, но, с другой стороны, поставили их перед острой проблемой замещения вакансий в структуре новой власти. Тем более, что в Нижнем Новгороде нашлись свои «правые» большевики (в частности, Г. С. Биткер, А. В. Савельева и др.), которые отказались разделить ответственность за последствия революционного переворота и поначалу не приняли постов в органах губернской власти.

На раннем этапе советского государственного строительства (в 1917–1918 гг.) ключевые должности в системе губернского управления занимают, как правило, старые партийные работники, некоторые из которых получили закалку в нижегородском подполье еще в годы Первой русской революции и в последующий межреволюционный период [см.: Сапон, Опыт развития многопартийности; Солдаты ленинской гвардии. Очерки, Кн. 2, Кн. 3]. В этой связи, помимо И. Р. Романова, стоит упомянуть члена Нижегородского губкома РСДРП (б) и президиума Нижегородского СРД А. В. Савельеву, первого комиссара Нижегородского городского управления (Советской управы) С. А. Левита, одного из организаторов губернского комиссариата труда М. А. Воробьева, председателя Нижегородского совета солдатских депутатов Л. В. Машковцева, председателей Сормовского бюро СРД в разное время С. К. Козлова и С. М. Кузнецова, секретаря, а затем председателя общезаводского комитета Сормовского завода С. И. Коршунова и др.

Впрочем, в губернских «коридорах власти» попадалось немало партийцев, которые были откомандированы на работу в Нижний Новгород уже после Февраля и в послеоктябрьский период, при этом они также имели немалый революционный стаж. Такими «назначенцами» являлись, в частности, М. С. Сергушев, И. С. Шелехес (во второй половине 1918 г. – товарищ председателя Нижегородского ГИКа, секретарь Нижегородского ВРК), позднее – Л. М. Каганович, А. И. Жеханов и др.

Стоит отметить, что некоторые из губернских руководителей совмещали в себе сразу две ипостаси: и «местного», и «назначенца». Так, А. И. Таганов в 1910–1916 гг., будучи поднадзорным, активно занимался в Нижнем Новгороде революционной агитацией среди рабочих, а в 1918 г. вернулся сюда на должность губернского комиссара по образованию. Одним из его соратников по подполью являлся Н. И. Иконников, высланный в Нижний Новгород под надзор полиции в 1914 г. В 1917–1918 гг. Николай Иванович выполнял обязанности секретаря Сормовского комитета большевиков и Сормовского СРД, затем был

направлен в Красную армию и вернулся в Нижний уже в 1920 г. по назначению из центра.

В начале 1918 г. несколько старых большевиков подняли вопрос о восстановлении нормальной партийной работы в губернии, при этом они попытались опереться на прослойку так называемых «активных работников». 7 января 1918 г. прошло собрание активных работников Нижегородской большевистской организации, на котором рассмотрели проблемы партийной работы в целом и вопрос о губернском комитете, в частности. Секретарь губкома Сергушев отметил, что губернский комитет РСДРП (б) «не пользуется авторитетом среди многих активных работников», поэтому он «не в силах работать». «Мы открыто говорим, – продолжил этот докладчик, – что среди нас не блещут интеллигенты, интеллектуальных сил у нас в Губернском Комитете почти нет. При этой наличности сил можно работать только тогда, когда мы со стороны наших активных работников партии будем встречать не противодействие, а поддержку» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 23, л. 1–1об.]. На указанном собрании 7 января присутствующим было предложено «выделить» новых членов губкома из своей среды, «но ввиду того, что из состава собрания не нашлось кандидатов, то решено поручить район пред представить по одному человеку...» [Там же, л. 2–2об.].

Собрания активных работников партии на время превратились в один из реальных центров принятия политических решений. В частности, именно на собрании активных работников РКП (б) 6 апреля 1918 г. вновь рассматривался вопрос об организации власти в губернии. Часть участников собрания выступила за создание губернского совета народных комиссаров, другие же (в частности, Г. С. Биткер, С. М. Кузнецов, А. Д. Костин, М. С. Хомутов, А. И. Таганов), возражая против «комиссародержавия», высказались за формирование губисполкома, формируемого и подотчетного губернскому съезду Советов [Там же, л. 16–17].

С эмоциональной речью выступил Таганов. Он подчеркнул, что «опасность руководства деятельностью Совета заключается во влиянии отдельных лиц и отдельных группировок. У нас нет строительной работы, у нас есть влияние отдельных лиц и в этом ужас положения. Это давление отдельных лиц и групп является одним из зол нашей организации и коснулось оно даже наших партийных центров, где царствует политиканство, интриги, правда, гениальных лиц, но все-таки это влияние, это политиканство должно быть ограничено творчеством остальных лиц» [Там же, л. 19]. Таганов призвал товарищей «приветствовать коллегиальность в организации». Думается, Андрей Иванович высказал не просто частное (или групповое) мнение, он сформулировал позицию тех общественно-политических сил,

которые не только поддержали борьбу за подлинное народовластие в 1917 г., но и отстаивали принципы демократизма в партийной и советской работе в последующий период.

Наибольшей глубины организационный кризис в нижегородском правящем слое достиг в мае 1918 г.¹: дело дошло до того, что собрание партийных работников отменило постановление губернского комитета партии, связанное с отзывом некоторых ответственных работников из советских органов управления. «Развал» в местной парторганизации обсуждался на заседании губкома 20 мая 1918 г. На этот раз члены губкома дружно решили обратиться за содействием в ЦК РКП (б), а также «апеллировать к организованным массам», а именно к районным организациям партии [Там же].

На следующем заседании губкома (предположительно, 26 мая 1918 г.) Сергушев сообщил об итогах своей поездки в Москву, где он сделал доклад о положении дел в Нижнем Новгороде Я. М. Свердлову. Секретарь губкома рассказал секретарю ЦК, что «с самого начала октябрьской революции лучшие и видные партийные работники ушли почти всецело на советскую работу и ощущался острый недостаток партийных работников... Ввиду личной позиции некоторых членов И[сполнительного] К[омитета], являющихся руководителями его, создалось ненормальное и нетерпимое положение» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 17, л. 33–33об.]. Сергушев пожаловался Свердлову на неспособность Нижегородского губкома большевиков твердо и последовательно проводить кадровую политику, в этой связи он предложил заменить «т. Романова кем-либо из центра», в частности командировать в Нижний Новгород Н. А. Семашко. Как видим, нижегородские партийные лидеры собственноручно расписались в своей неспособности укрепить губернскую вертикаль власти, поэтому в дело пришлось энергично вмешаться Центральному Комитету партии.

Вместо Семашко, который в скором времени занял пост наркома здравоохранения РСФСР, в Нижний Новгород прибыл Л. М. Каганович. Лазарь Моисеевич приехал в Нижний Новгород в мае 1918 г., но, несмотря на статус члена ВЦИК и направление от ЦК РКП (б), он не сразу был допущен в местную партийно-хозяйственную элиту и какое-то время даже зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом [Сапон, Новый источник...]. Только при энергичном содействии представителя из Москвы (все того же Н. А. Семашко) 28 мая 1918 г. он был введен в состав Нижегородского губкома РКП (б) [Рабоче-крестьянский Нижегородский листок]. 22 июня 1918 г. на заседании губкома РКП (б) Кагановича избрали председателем президиума этого партийного

¹ В апреле–мае 1918 г. обязанности председателя Нижегородского губкома РКП (б) выполнял И. Р. Романов.

органа [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 17, л. 51об.]. Кроме того, с 26 июня 1918 г. он стал выполнять обязанности товарища председателя губисполкома [ЦАНО, ф. Р-56, оп. 1, д. 25, л. 441; д. 10, л. 14, 15].

Каганович начал активную борьбу с местническими «уклонами» в губернском руководстве, но при этом он не имел собственной «команды», поэтому укреплять собственный авторитет и выполнять решения ЦК партии он мог, только опираясь на местные кадры. 22 июня 1918 г. был сформирован президиум губкома: председатель Л. М. Каганович, товарищ председателя – Л. В. Машковцев, секретарь – М. С. Сергушев [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 17, л. 51]. Именно эти коммунисты стали надежными помощниками московского «назначенца» в наведении административного порядка в советских и партийных органах губернии. Сконцентрировав властные полномочия в президиуме губкома партии, Каганович развернул энергичную деятельность по укреплению авторитета высшего губернского партийного органа.

Болезненной проблемой для губернского партийного руководства оставалось выстраивание деловых взаимоотношений с губисполкомом, во главе которого стоял И. Р. Романов. Этот влиятельный местный политик с двадцатилетним партийным стажем не проявлял особого желания подчиниться приезжему партфункционеру, даже наделенному полномочиями ЦК партии, поэтому Кагановичу пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы отстоять свой административный приоритет.

Так, на заседании губкома РКП (б) 29 июня 1918 г. Каганович настоял на принятии резолюции, в соответствии с которой «для более тесной и связной работы» на заседания президиума губисполкома направлялись члены президиума губкома партии [Там же, д. 18, л. 7]. На этом же заседании губкома Каганович и его соратники решительно приступили к решению кадровых вопросов в высших органах губернской власти. В частности, был рассмотрен вопрос о профессиональной пригодности секретаря президиума губисполкома К. Г. Хахарева. Секретарь губкома Сергушев опроверг мнения тех товарищей, которые полагали, что Хахарева отозвали из президиума губисполкома за резкость и грубость. По его словам, этот молодой большевик «не может поставить работу президиума на такую высоту, какая необходима, чтобы это высшее учреждение не было мертвым, а хоть чуть-чуть шевелилось, но в то же время тов. Хахарев... будет очень полезен в комиссии по борьбе с контрреволюцией» [Там же, л. 9]. Каганович высказался в таком же духе, его поддержали члены губкома, Машковцев, Таганов, «нечлен» А. Д. Костин [Там же, л. 8об. – 10об.].

В свою очередь, Романов, непосредственный начальник Хахарева, не удержался от критики в адрес двух членов губкома, Сергушо-

ва и Кагановича, которые, по его мнению, «стараются замазать дело» [Там же, л. 9об.]. В ответ на выпад Романова Сергушев заявил, что «нельзя оставлять президиум [губисполкома] в старом составе, который был неработоспособен. Если президиум [партийного] губ[ернского] к[омите]та был плох, то мы теперь избрали новый, только я один остался старый, ту же мерку нужно для пользы дела проделать и по отношению к президиуму исполкома» [Там же, л. 10об.].

Голосование по вопросу о командировании Хахарева в губчека продемонстрировало распределение «сил» в губкоме: шесть «за», два «против», один воздержался [Там же].

На заседании губкома РКП (б) 20 июля 1918 г. был рассмотрен еще один важный кадровый вопрос – о переводе ряда видных нижегородских партийцев в Москву. Машковцев проинформировал своих товарищей о том, что Романов отзывается в Москву, во ВЦИК, причем «мотивировал этот отзыв т. Свердлов тем, что в Нижегородской [партийной] организации происходят нелады и кроме этого Москва нуждается в работниках». Вместо Романова Москва направила в Нижний Новгород Г. Ф. Федорова. В свою очередь, Таганова отзывали в Наркомат просвещения с целью «поднять работу Комиссариата, которая очень и очень хромала» [Там же, л. 38].

По поводу перевода нижегородцев в столицу развернулись оживленные прения, в ходе которых далеко не все из нижегородских партийных руководителей выразили желание *беспрекословно* подчиняться директивным установкам из центра². В итоге Нижегородский губком РКП (б) *принял предложение* Таганова просить ЦК о разрешении остаться ему на один месяц «для устройства дел в Комиссариате» и *принял к сведению заявление* Романова о том, что «он через неделю, благодаря сложившимся обстоятельствам, вынужден покинуть Нижний» [Там же, л. 40].

На заседании губкома 27 июля 1918 г. был утвержден постоянный президиум губкома РКП (б) «в лице прежних тт. Кагановича, Сергушова и Машковцева». На этом же заседании был вновь рассмотрен вопрос о перемещении Романова в Москву. После выступлений Козлова, Краевского, Сергушева, Кагановича, которые предложили вопрос по этой кандидатуре не пересматривать [Там же, л. 42–43], слово взял секретарь президиума Нижегородского ГИКа М. М. Карклин. Он призвал «считаться с массами, а отъезд т. Романова произведет на массы неблагоприятное впечатление. Губернский Комитет [РКП (б)] также

² Например, Костин призвал «принципиально принять постановление ЦК партии, но исполнить его через некоторое время после того, как присмотримся к тов. Федорову». Карклин предложил просить ЦК оставить в Нижнем и Романова, и Таганова, поскольку «мы прежде всего должны считаться с массами, а массы знают более всего т. Романова и за ним создалась определенная репутация» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 23, л. 39].

должен считаться и с мнением Исполкома» [Там же, л. 43]. Каганович и его союзники все-таки добились своего: за то, чтобы не пересматривать решение губкома, принятое неделей раньше, высказалось семь человек, против – всего трое. На этом фоне полным контрастом выглядела резолюция о Таганове: «решено оставить решение Губ. Комитета [от 20 июля 1918 г.] в силе всеми против одного» [Там же].

Консолидация партийно-хозяйственной элиты Нижегородской губернии была весьма актуальной проблемой в связи с приближением угрозы со стороны «чехословацкого движения». Осенью с подачи губкома в губисполкоме произошли новые кадровые перестановки, которые окончательно установили баланс властных полномочий между этими органами губернской администрации при явном лидерстве партийной ветви во главе с Кагановичем. Важное заседание губисполкома прошло 26 сентября 1918 г. В составе президиума губисполкома на этот момент фактически работали двое – М. М. Карклин и С. А. Левит. Губком предложил ввести в состав президиума ГИКа С. К. Козлова, И. С. Шелехеса и Таганова, причем последний рекомендовался на пост председателя исполнительного органа власти. Хотя прозвучала реплика, что «на председательский пост нужен человек с железной волей» [ЦАНО, ф. Р-56, оп. 1, д. 6, л. 86об.], тем не менее, губком сумел настоять на своей кандидатуре, и Таганов был утвержден в должности. Сразу после этого Шелехеса и Козлова утвердили в качестве членов президиума ГИКа при одном-единственном воздержавшемся [Там же].

В «Докладе о деятельности губернского комитета РКП (большевиков) от 1 ноября [1918 г.] по 1 января 1919 г.» констатировалось, что «в своей работе Губком партии достиг полного единства с Губисполкомом, никаких расхождений, никаких конфликтов между этими двумя органами не было» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 25, л. 4]. В свою очередь, 5 декабря 1918 г. на пленуме Нижегородского губкома РКП (б) Таганов заявил, что «он имеет частые взаимоотношения с Губкомом и указал, что сильных трений никогда не было, а если были, то они рассматривались из чисто партийной точки зрения, дальше т. Таганов указал, что взятый курс Губкомом несомненно даст очень много для укрепления Советской власти» [Там же, д. 15, л. 3]. Другой выступающий, С. К. Козлов, прояснил, кому персонально принадлежит заслуга по налаживанию бесперебойной деятельности местного административного механизма: он отметил, что «Губком работает хорошо, и вообще указал, что как только за работу взялся т. Каганович, то везде вместо прошлого хаоса вводился новый правильный порядок» [Там же].

...Решение Оргбюро ЦК РКП (б) об откомандировании А. И. Микояна из Баку в президиум Нижегородского губкома РКП (б) было принято 6 августа 1920 года [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1883, л. 54].

Когда осенью армянский коммунист приехал в Нижний Новгород, он обнаружил, что *президиум* губкома РКП (б) преобразован в *бюро* губкома, где ему места не нашлось [Микоян, с. 24]. Лишь 5 октября Микояна ввели в состав губернского комитета РКП (б) [Там же, д. 772, л. 32, 33]³, членом бюро губкома он (а также еще один «назначенец», Н. И. Иконников) стал через месяц, 5 ноября 1920 г. [Там же, л. 51, 51а]. В это же время он являлся членом президиума Нижегородского ГИКа.

Позднее, в феврале 1921 г., одна нижегородская большевичка так описала начальный период пребывания московского назначенца в Нижнем Новгороде: «Первое время тов. Микоян был как-то в стороне и даже не участвовал в некоторых заседаниях Бюро Губкома или участвовал после какого-нибудь совещания. В последнее время обозначилась резкая грань между двумя тенденциями, создалась постоянная оппозиция: Микоян, Иконников – с одной стороны, Ханов, Попов и др. с другой. Эта полоса не могла продуктивно отражаться на нашей работе. В Губкоме создавалась оппозиция по отношению к назначенному тов. Микояну, которого долго оттирали от работы» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1805, л. 32об.].

Между тем, в Нижнем Новгороде назревал социально-политический взрыв. Возникла вполне реальная угроза смены власти в городе в ходе военного переворота [см.: Сапон, «Основной силой...».]. На таком фоне и происходит напряженная политическая борьба в руководящих структурах губернии.

20–26 января 1921 г. состоялся пленум Нижегородского губкома РКП (б), на котором произошло заметное изменение соотношения сил. Выступая с докладом на тему «Текущий момент и задачи X съезда партии» Микоян многозначительно отметил, что «во внутреннем отношении можно так характеризовать наши задачи – поменьше политики и раздоров, а побольше хозяйственного дела и строительства» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1828, л. 1–2]. Кульминацией пленума стало голосование по докладу ответственного секретаря губкома А. В. Попова. В одном из вариантов резолюции предлагалось оценить деятельность бюро губкома за предыдущий полугодовой период как удовлетворительную [Там же, л. 18]. В другом варианте, предложенном председателем Макарьевского укома РКП (б) М. К. Сенцовым, нелицеприятно отмечалось, что губернский комитет партии не являлся консолидирующим центром, более того, внутри этого органа «создались под флагом идейных расхождений личные группировки, в корне деморализующие нормальную жизнь организации» [Там же,

³ 5 октября бюро губкома утвердило и другие назначения: А. М. Ханова председателем ГИКа и Н. И. Иконникова – начальником Погуба (политотдела губернского военкомата) [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 772, л. 33].

л. 18]. Во избежание «дальнейшего распада Нижегородской организации» предлагалось выбрать новый состав руководящего партийного органа губернии.

За сенцовский вариант резолюции проголосовало 13 делегатов пленума, против – 8, воздержались – 4 [Там же, л. 19]. Проведенное на следующий день поименное голосование выявило фамилии сторонников и противников прежнего состава и «старой» линии губкома. За резолюцию выступили четыре члена губкома: М. А. Воробьев, А. И. Жеханов, Иконников и Микоян, а также 11 представителей уездов и райкомов [Там же, л. 19].

Против резолюции высказались члены губкома Г. М. Лунин и А. В. Савельева, представитель губернской комсомольской организации Б. И. Попов, а также делегаты от Канавинского райкома и из четырех уездов [Там же, л. 19].

Среди воздержавшихся оказались члены губкома А. В. Попов, А. М. Скосырев, А. М. Ханов и представитель Ардатовского уездного комитета РКП (б).

Как показало данное голосование, так или иначе не приняли курс Микояна на смену губернского партруководства старые коммунисты, занимавшиеся революционной работой на Нижегородской земле еще в «период реакции» и даже ранее (в частности, А. В. Попов, Савельева, Скосырев, Ханов), однако поддержали Анастаса Ивановича, точнее, его политическую линию, не менее заслуженные и отнюдь не «мартовские» члены партии большевиков (М. А. Воробьев, Жеханов, Иконников).

Впрочем, Жеханов и Воробьев, поддержав ротацию кадров в губкоме, высказались весьма жестко в адрес пресловутой группировки Микояна–Иконникова [Там же, л. 19–21]. В ответ на подобные обвинения Микоян согласился, что он и его единомышленник «вели себя как группа, но на принципиальной почве» [Там же, л. 21–22]. Так или иначе, все противоборствующие стороны согласились, что оздоровить обстановку сможет губернская партийная конференция.

На XI Нижегородской губернской конференции (19–23 февраля 1921 г.), по словам Микояна, развернулась особенно острая борьба «между сторонниками Ленина и оппозиционерами» [Микоян, с. 73]. На самом деле на этом партийном форуме получил развитие конфликт между выявившимися ранее группировками, причем по обе стороны «баррикады» находились как местные руководители с нижегородскими корнями, так и «назначенцы», получившие направление в Нижний Новгород от партийного руководства.

Позднее новый губком в своем отчете трактовал итоги XI губернской партконференции как победу «новых слоев партии» над

«группировками засидевшихся, омещанившихся, оторвавшихся от масс работников» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1858, л. 1, 7]. На какие партийные группы опиралось группа коммунистов, лидером которых стал «назначенец» Микоян? Во-первых, переломом удалось добиться за счет почти двукратного увеличения числа делегатов (на X конференции присутствовало около ста человек, на XI – уже более 180) [Очерки истории, с. 71, 84]. При этом и качественные характеристики партийно-депутатского корпуса весьма преобразились. Если в июле 1920 г. члены партии с дооктябрьским стажем составили половину всего делегатского состава, то в феврале 1921 г. – лишь треть; люди старше 30 лет – соответственно половину и 2/5. Seriously расширилась прослойка депутатов из крестьянских партизачек: с 1/7 до 1/4. Более того, каждый пятый делегат XI конференции когда-то состоял в другой партии (на X конференции таких было всего 8 %) [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1858, л. 7]! Таким образом, «микояновский» губком сформировали в значительной степени молодые люди, не имевшие опыта подпольной революционной работы, некоторые из них принадлежали к «мелкобуржуазному» крестьянскому классу, и в то же время значительный процент имел небольшевистское политическое прошлое. Наиболее активно поддерживавшие новый курс местные работники в ходе конференции повысили свой статус, так как новый губком был сформирован уже из 25 человек. Причем только трое членов «старого» губкома сохранили свои посты: Микоян, Иконников и Жеханов [Там же, л. 7–8].

В бюро губкома вошли: Микоян (ответственный секретарь; «кавказский работник, хороший тактик»), Иконников («переброшен в Нижний Центральный Комитетом, прямолинеен и горяч»), С. И. Коршунов («рабочий-сормович»), М. А. Тер (Егиазарян) («тоже переброшен ЦК, отличный соработник, администратор»), А. Г. Чесников («рабочая оппозиция», но нетверд в своей линии») [Там же, л. 8]⁴.

Анастас Иванович действительно проявил себя как хороший тактик в сфере региональной политики: в течение первого полугодия 1921 г. ему удалось с помощью немногочисленных поначалу сторонников вывести своих явных противников из состава губкома и ГИКа, сформировать работоспособный президиум губернского совета профессиональных союзов, в который вошел и сам Микоян, нейтрализовать оппозиционную деятельность «губкомщиков старого состава со своими присными» в уездных и районных парторганизациях [Там же, л. 8–11]...

Характеризуя проблему формирования региональной элиты в указанный период, стоит отметить, что противостояние в правящем слое на местах происходило не столько по линии «новаторы (они

⁴ В скобках приводятся характеристики из отчетного документа «Нижегородская организация РКП по 15 июня 1921 г.» [ГОПАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1858, л. 8].

же назначенцы из центра) vs консерваторы (они же – местные)», речь шла о гораздо более многомерном процессе. Как местные кадры, так и представители Москвы опирались на поддержку фактически одних и тех же по социальному, политическому, личностному составу сил, однако демократический пафос революции на новом историческом этапе вступил в противоречие с жесткими вызовами гражданской войны. Линия на концентрацию власти в руках губкома, которую проводили с разной степенью решительности представители ЦК партии большевиков в Нижегородской губернии, позволила не только решить задачу выживания новой политической системы, но и приступить к успешному решению сложнейших социально-экономических проблем послевоенного периода.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-1 (Нижегородский губернский комитет ВКП (б)).

Крылова А. В. В. М. Молотов и конфликт в руководящих органах Нижегородской губернии в 1920 году // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 147–151.

Крылова А. В. Взаимодействие субъектов партийного и государственного управления в процессе политической реорганизации: опыт деятельности Нижегородского губкома в 1918–1921 гг. // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2012. № 3. С. 52–62 (Сер. Управление в социальных системах).

Крылова А. В. Особенности становления и механизмы функционирования губкома РКП (б) в системе управления Нижегородской губернии (1917–1921 гг.): монография. Н. Новгород, 2011.

Микоян А. И. В начале двадцатых... М., 1975.

Очерки истории Горьковской организации КПСС. Часть 2. 1918–1941. Горький, 1966.

Рабоче-крестьянский Нижегородский листок. 1918. № 113 (31 мая).

Сапон В. П. «Кавказский работник, хороший тактик»: А. И. Микоян в руководящих органах Нижегородской губернии (1920–1922 гг.) // Армяне в истории и культуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва–Пушкино, 26–28 октября 2016 г.) / Ростов н/Д, 2016. С. 281–288.

Сапон В. П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: монография. Н. Новгород, 2017.

Сапон В. П. Новый источник о деятельности Л. М. Кагановича в Нижнем Новгороде в годы Гражданской войны // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 262–265.

Сапон В. П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): монография. Н. Новгород, 2014.

Сапон В. П. «Основной силой, на которую опирались губком РКП (б) и губчека, были ЧОН». «Необходимые» дополнения П. Ф. Москвичева к воспоминаниям А. И. Микояна о событиях в Нижнем Новгороде осенью 1920 г. // Историч. архив. 2011. № 3. С. 110–118.

Сапон В. П. Руководство Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.: национальное, общественное, личное // Российская история. 2016. № 3. С. 139–149.

Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Горький, 1974.

Солдаты ленинской гвардии. Кн. 2. Горький, 1977.

Солдаты ленинской гвардии. Кн. 3. Горький, 1982.

Тихомиров О. И. Проблема местничества в России в 1918–1919 гг.: Л. М. Каганович и Нижегородская партийная организация // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 1. С. 93–99.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-56 (Нижегородский губернский совет рабочих, крестьянских и солдатских (красноармейских) депутатов и его Исполнительный комитет).

УДК 94(470.5).084.3

С. В. Воробьев

Н. И. УФИМЦЕВ И ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ГУБКОМ РКП (б): КОНФЛИКТ С ЦЕНТРОМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ¹

В статье рассматривается конфликтная ситуация, возникшая в 1922 г. между новым руководством Уралбюро ЦК РКП (б) и Екатеринбургским губкомом РКП (б). Анализируются причины возникновения конфликта, показано, как противостояние партийных структур вынудило центральное партийное руководство вмешаться в эту партийную «склоку», при этом высшая партийная инстанция встала в этом вопросе на сторону Уралбюро ЦК РКП (б). Разрешение конфликта потребовало приезда в Екатеринбург секретаря ЦК РКП (б) В. М. Молотова, что в итоге привело к отставке Н. И. Уфимцева.

Ключевые слова: Екатеринбургский губком, Уралбюро ЦК РКП (б), центр, конфликт, Н. И. Уфимцев, В. М. Молотов.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

После окончания Гражданской войны важной задачей для большевиков стала организация системы управления в стране. Сделать это было непросто в связи со слабой связью между центром и регионами и практически полным отсутствием квалифицированных управленческих кадров. В период становления советской системы управления связь между центром и регионами была неустойчивой, региональные власти зачастую действовали автономно. М. Фейнсон отмечал, что «эффективность коммунистического контроля уменьшалась прямо пропорционально удаленности от крупных городских районов» [Цит по: Истер, с. 95].

Процесс государственного строительства разворачивался на разных уровнях власти – центральном и региональном, и сопровождался поиском наиболее оптимальных и эффективных принципов и методов управления в условиях мирного времени. Однако Советская Россия начала 1920-х гг. – это государство со слабой «инфраструктурной» властью. «Инфраструктурная власть государства отражает его способность проводить в жизнь свою политику» [Истер, с. 28]. Поэтому с целью повышения управляемости начинают создаваться областные структуры управления – партийные, советские, хозяйственные. В апреле 1920 г. на IX съезде партии принимается решение о создании областных бюро РКП (б) «для усиления и объединения партийной работы в данном хозяйственном районе» [Девятый съезд, с. 428]. Областные партийные структуры, по сути, становились представительствами ЦК РКП (б) на местах. Уралбюро ЦК РКП (б) было создано одним из первых.

Однако такое изменение конфигурации партийной системы вызвало болезненную реакцию на местах. Региональные партийные руководители увидели в этом ущемление своих прав на прямые контакты с центром и не желали делиться властью на местах с новоиспеченным конкурентом. Повсеместно начинают возникать конфликты между губкомами и областными бюро. Периодически предпринимались попытки тех или иных местных партийных и других руководителей убедить центр в ненужности областных бюро и необходимости их ликвидации. Конфликт, как правило, носил не только институциональный, но и личностный характер: «Провинциальная политическая власть являлась персональной властью» [Гетти, с. 176].

Екатеринбургский губком РКП (б) уже летом 1920 г., когда его возглавил Н. И. Уфимцев, подал в ЦК РКП (б) докладную записку «О существовании Уральского областного бюро ЦК», в которой предлагалось лишить Уралбюро ЦК РКП (б) права вмешиваться в политическую деятельность местных структур власти, влиять на принимаемые ими решения, говорилось о том, что областное бюро не должно

«ослаблять налаженную уже связь губкома с ЦК», «никоим образом не представлять из себя посредника. – С. В.) между местными организациями и ЦК» [Воробьев, Уралбюро ЦК РКП (б) в партийной иерархии, с. 52–64].

В августе 1921 г. руководителем губкома вновь становится Н. И. Уфимцев [Яркова, с. 133], снятый с должности в феврале 1921 г. из-за активной поддержки позиции Л. Д. Троцкого в «дискуссии о профсоюзах». Уфимцев был коренным уральцем (родился в Полевском). Вся его революционная деятельность как большевика проходила на Урале, поэтому он пользовался заслуженным авторитетом у местных партийных работников [Цыганов, с. 274–276]. Однако, у него имелись напряженные отношения с центральной властью, так как он позволял себе проводить независимую политику. В связи с этим, после его избрания ответственным секретарем губкома партии, Оргбюро ЦК РКП (б), учитывая прежние «заслуги» Уфимцева, утвердило его лишь кандидатом в члены Уралбюро ЦК РКП (б). Такой шаг центра был расценен как проявление неуважения к губкому и лично к его секретарю. Дело в том, что «партийцы, особенно много лет работавшие в подполье и/или стремившиеся к личной власти, полагали себя естественными, законными лидерами» [Гетти, с. 158]. Поэтому Уфимцев отреагировал на это резким письмом в адрес ЦК: «Гов[арищ] Молотов говорит, что слишком резок был тон, я не вижу, почему я должен был писать в нежном духе» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 457, л. 68]. После этого Оргбюро ЦК РКП (б) приняло решение об отзыве Уфимцева с Урала [Кружинов, с. 141].

Когда весной 1922 г. после XI съезда партии «ЦК счел нужным укрепить Уральское бюро ЦК и ввел в него тт. Голощекина, Харитонову, Бела Куна, Ломова и других» [Каганович, с. 288], то одной из первоочередных задач нового состава Уралбюро ЦК РКП (б) стало проведение этого кадрового решения в жизнь. Члены Уралбюро ЦК РКП (б) Г. И. Ломов, М. М. Харитонов и Я. К. Яглом направили в ЦК партии телеграмму с предложением отозвать с Урала ответственных работников Екатеринбургской организации, и в первую очередь, секретаря губкома Н. И. Уфимцева [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 344, л. 63]. В ответ Н. И. Уфимцев обратился с письмом, адресованным на имя И. В. Сталина, в котором сетовал на то, что «вопрос о Екатеринбургской организации неоднократно в ЦК ставился и решался всегда без нашего участия, на основании не нашей информации, без всяких попыток притянуть нас хотя бы в качестве ответчиков». По мнению Н. И. Уфимцева, Уралбюро ЦК РКП (б) – это «несчастье Урала, вмешалось наконец в дело с таким тактом и умением, которые возмутили меня до глубины души» [Там же, л. 36].

Однако, все попытки Уралбюро ЦК РКП (б) сместить Н. И. Уфимцева оказались безуспешными, так как ему удалось сформировать в Екатеринбургской партийной организации достаточно лояльную ему группу местных партийных работников, которые оказывали ему поддержку и сплоченно выступали на защиту его позиции по различным вопросам, в том числе и в спорах с центром. «В начале 1920-х годов попытки центра управлять конкретными территориями часто сдерживались системами личных взаимоотношений» [Истер, с. 94]. Хотя в письме И. В. Сталину Уфимцев всячески отрицал обвинения Уралбюро ЦК РКП (б) в том, что «“группа старых уральцев”, сидящая в Екатеринбурге, крепко держится друг за друга, вновь прибывших встречает с предубеждением и подозрением. [...] “Группа старых большевиков” – это миф, бука, которой боится тов[арищ] Ломов» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 344, л. 37].

Эта сплоченная клиентела обеспечивала устойчивость власти Уфимцева в губернии и позволяла успешно противостоять до поры до времени попыткам Уралбюро ЦК РКП (б) поставить под свой контроль деятельность региональных органов власти. Как отмечает Дж. Истер, в этот исторический период «системы личных взаимоотношений обеспечили региональным руководителям неформальный ресурс власти, независимый от центра» [Истер, с. 43].

Этому способствовало и то обстоятельство, что в состав областной партийной инстанции входили не только присланные Москвой функционеры, но и представители губернских органов власти. Последние были в большей степени склонны отстаивать местные интересы, а не выполнять установки центрального партийного руководства. Такое положение ослабляло позиции Уралбюро ЦК РКП (б) в противостоянии с Екатеринбургским губкомом партии во главе с Н. И. Уфимцевым. Назначенный новым руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) Голощекин в письме члену Оргбюро ЦК РКП (б) В. В. Куйбышеву отмечал, что ему будет сложно решить вопрос снятия Уфимцева, так как «по вопросу об Уфимцеве выяснилось, что никаких конфликтов между Уралбюро и Уфимцевым не было и не имеется», а в «Уралбюро уже по первому заседанию и по окружающей атмосфере можно констатировать отсутствие единства и буду ли я иметь большинство по основным вопросам – большой вопрос» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 344, л. 41].

В результате центральному партийному руководству для разрешения проблемы пришлось «высадить десант» в лице секретаря ЦК РКП (б) В. М. Молотова. Молотов прибыл в Екатеринбург в июне 1922 г. накануне проведения VIII Екатеринбургской партийной конференции, на которой должен был переизбираться губком РКП (б).

В день начала конференции, 23 июня, состоялось заседание пленума Екатеринбургского губкома в расширенном составе с участием В. М. Молотова. В нем, помимо членов губкома, приняли участие члены Уралбюро ЦК РКП (б) Ф. И. Голощекин, М. М. Харитонов, Г. И. Ломов, Я. К. Яглом, Бела Кун, а также секретари уездных комитетов партии и райкомов г. Екатеринбурга. Главным вопросом пленума был вопрос об ответственном секретаре Екатеринбургского губкома Н. И. Уфимцеве.

Руководитель Уралбюро ЦК РКП (б) Ф. И. Голощекин инкриминировал Уфимцеву то, что он нарушил партийную дисциплину, перенесся конфликт в «низы партии», а также отказался подчиниться постановлению Уралбюро ЦК РКП (б) «о немедленном выезде в распоряжение ЦК» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 458а, л. 97].

В ответ Н. И. Уфимцев обвинил в разжигании конфликта Уралбюро ЦК РКП (б) и его руководителя Голощекина, грубо вмешавшегося в жизнь губернской парторганизации. По его мнению, «по отношению к губкому Филипп занял слишком агрессивную позицию, которая граничила с самодурством. Об этом знают все, кто пережил это время» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 458а, л. 97]. Уфимцев обвинил Голощекина в некомпетентности и отсутствии организационных способностей, указав, что «свой багаж опыта и подготовки к работе он ни на грош за время отсутствия с Урала не увеличил» [Там же, л. 97]. Екатеринбургская партийная организация не сможет спокойно работать, пока во главе Уралбюро ЦК РКП (б) находится Ф. И. Голощекин, «ибо Филипп не работает, нет у него умения, такта и самое лучшее для дела это Голощекину свернуть чемоданы и уехать, а в Бюро посадить другого секретаря, более подготовленного» [Там же, л. 97 об.]. Все постановления и распоряжения Уралбюро ЦК РКП (б) в отношении губкома он назвал «не партийными директивами, а филькиными грамотами» [Там же, л. 97].

Такое поведение Уфимцева свидетельствует о том, что он на заседании пленума губкома решил придерживаться тактики: «лучшая защита – это нападение». В результате такой болезненный выпад против оппонента привел к тому, что между товарищами по партии завязался отнюдь не товарищеский диалог, в ходе которого Голощекин допустил «целый ряд резких, оскорбительных выражений по отношению к тов[арищу] Уфимцеву» [Там же, л. 97].

В своем ответном выступлении Голощекин, опровергая слова Уфимцева, отметил, что в основе конфликта лежит не личный фактор. Его действительная причина – это устойчивая линия губкома на неприятие Уралбюро ЦК РКП (б) в качестве вышестоящей партийной инстанции, имеющая долгую историю. Он «подтверждает это тем, что нападки были и до него, на всех секретарей Урал-

бюро. Независимо от того, кто, а как на секретаря Уралбюро» [Там же, л. 97]. Главным виновником партийной склоки и напряженных отношений между Уралбюро ЦК РКП (б) и губкомом партии, по мнению Голощекина, является Уфимцев. К тому же имеются факты, что, несмотря на официальное постановление губкома о неучастии Уфимцева в предстоящих выборах в губком, последним негласно «ведется работа по включению его в состав губкома на губернской конференции» [Там же, л. 97об.].

Член Уралбюро ЦК РКП (б) Г. И. Ломов обвинил в разжигании конфликта губернскую партийную верхушку – группу «сблизившихся между собою уральцев; все попытки разрознить коих упираются на их упрямство. Стоит лишь взять одного такого уральца, как появляется враждебное отношение» [Там же, л. 97об.]. Эта консолидированная группа партийных работников группировалась вокруг своего патрона – руководителя Екатеринбургского губкома партии Н. И. Уфимцева.

Сторонники Уфимцева в ходе заседания попытались защитить своего руководителя и отвести от него обвинения, постарались смягчить ситуацию, выдвинули свои версии конфликта, возникшего между Уралбюро ЦК РКП (б) и губкомом партии. Член губкома Циховский объяснил работу по включению Уфимцева в губком «после решения не вводить», а также его неотъезд в Москву в распоряжение ЦК партии, несмотря на постановление Уралбюро ЦК РКП (б), тем, что заседание губернских ответственных работников 19 и 20 июня 1922 г. приняло резолюцию, в которой говорилось «об ошибке в вопросе отвода Уфимцева от губкома» и несогласии «с постановлением Уралбюро о выезде Уфимцева перед самой конференцией» [Там же, л. 97об.].

Член губкома РКП (б) и заместитель председателя Екатеринбургского губернского исполкома Я. А. Теумин отрицал наличие длительного противостояния между Уралбюро ЦК РКП (б) и Екатеринбургским губкомом. По его мнению, конфликт возник только после получения «телеграммы об отзыве Уфимцева». Также губком не боролся против отзыва своих работников, а партийная верхушка не протестовала против отстранения Уфимцева от должности. Он дал оригинальную интерпретацию невыполнения распоряжения областной партийной инстанции по Уфимцеву: «Последним решением о вводе его в губком мы хотели избежать всяких толков на конференции и избежать этого вопроса в организации. После же конференции Уфимцев мог уехать» [Там же, л. 97об.]. Это была слабая попытка оправдаться. Думается, если бы не приезд представителя центра, то сторонники Уфимцева, используя свой административный ресурс и широкую поддержку в уездах, скорее всего, смогли бы опять продвинуть Уфимцева на пост ответственного секретаря Екатеринбургского губкома. В конце своего

выступления Теумин пустил критическую стрелу в сторону ЦК партии: «Находим, что линия ЦК, занятая по отношению к организации не верна. Мы были рады приезду Молотова, надеясь разрядить с ним эту атмосферу» [Там же, л. 97об.].

Секретарь Шадринского укома РКП (б) А. И. Кондраков также опроверг слова Голощекина о третировании со стороны губкома всех предыдущих секретарей Уралбюро ЦК РКП (б), заявив при этом, что уездному комитету никакой «помощи со стороны Уралбюро не было», не согласился с утверждением Голощекина о наличии множества «заявлений т[оварищей] о необходимости отзыва Уфимцева», высказал согласие с позицией пленума губкома, задержавшим отъезд Уфимцева до конференции, так как иначе нельзя было поступить в отношении секретаря губкома, «который должен был делать отчет о работе» [Там же, л. 97об. – 98].

Стройную версию неучастия губкома в подстрекательстве уездных партийных организаций против Уралбюро ЦК РКП (б) своим неосторожным выступлением нарушил секретарь Верхотурского уезда Сафронов, рассказавший, «что представитель губкома командированный им на уездную конференцию, говорил президиуму укома об отношении Уралбюро к губкому. У нас получилось некрасивое мнение об Уралбюро» [Там же, л. 98].

На это заявление немедленно отреагировал председатель заседания, член губкома К. Ф. Яцино, который выставил действия Толоконникова, который был «отнюдь не уральцем, а приехавшим из ЦК», как его собственную инициативу, а не как спланированные действия губкома. Последний также поспешил оправдаться, заявив, что «он это сделал без всякого умысла, на укоме, в кругу ответственных работников. Дальше не пошло. Никаких директив конечно не получал» [Там же, л. 98об.].

Я. А. Теумин предложил тут же на заседании провести опрос уездных партийных руководителей на предмет того, давал ли им губком какие-либо директивы относительно Уралбюро ЦК РКП (б) и обсуждался ли этот вопрос в уездных организациях. Результат опроса оказался предсказуемым. «Опросом секретарей уездных комитетов выяснилось, что нигде этого вопроса не ставилось и знали об этом лишь участники пленума (секретари), обратившегося в ЦК с письмом» [Там же, л. 98].

На защиту Уфимцева встал видный уральский большевик, член губкома партии и Уралбюро ЦК РКП (б), командующий Приуральским военным округом С. В. Мрачковский, который имел натянутые отношения с центром и лично с И. В. Сталиным. Он нарисовал бесконфликтную картину взаимоотношений губкома с предыдущи-

ми секретарями Уралбюро ЦК РКП (б) Т. В. Сапроновым и П. А. Залуцким, охарактеризовав их «как наиболее работоспособных и могущих создавать деловые отношения» [Там же, л. 98]. В действительности отношения между губкомом и областной партийной инстанцией были далеки от идеальных, и губком постоянно интриговал против Уралбюро ЦК РКП (б) с момента его образования [Воробьев, Формирование властной вертикали..., с. 47–96]. Негативное отношение со стороны губернского партийного руководства к Ф. И. Голощекину он объяснил неправильным поведением последнего, «который создал вокруг себя впечатление генерал-губернатора» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 458а, л. 98].

Член губкома К. Ф. Яцино, говоря о сложившейся в губернии ситуации, специально акцентировал внимание на том, что «он не уралец», также выразил непонимание «в чем суть этого недоброжелательства со стороны Уралбюро» в отношении губкома [Там же, л. 98]. Он, как и предыдущие выступавшие, отметил безоблачные отношения с предыдущими руководителями Уралбюро ЦК РКП (б) – у губкома была «сработанность с Сапроновым, Залуцким, подошедшим к организации без генеральства» [Там же, л. 98].

Напряженные отношения с нынешним руководством Уралбюро ЦК РКП (б) Яцино объяснил принципиальной позицией, занятой Н. И. Уфимцевым в отношении члена Уралбюро ЦК РКП (б) К. Г. Максимова, который «неоднократно систематически замечался в пьянстве и других неблагоприятных поступках». В ходе партийной чистки 1921 г. Максимов был наказан, а «в комиссии по чистке участвовал Уфимцев. С этого и начались злоключения» [Там же, л. 98]. Хотя этим утверждением Яцино невольно опроверг свой первый тезис о бесконфликтном сосуществовании двух партийных структур в прошлом, так как в 1921 г. Уралбюро ЦК РКП (б) возглавлял как раз Т. В. Сапронов.

Все остальные выступавшие сторонники Уфимцева в своих заявлениях придерживались линии, заданной ответственным секретарем Екатеринбургского губкома – хвалить губком и губернскую партийную организацию, а во всех бедах обвинять руководство Уралбюро ЦК РКП (б). Они отмечали, что все недоразумения и с Уралбюро, и с ЦК РКП (б) возникли только после приезда Голощекина (член губкома А. Н. Лукоянова), что после приезда Голощекина они работать не могли (член губкома Ф. Д. Пичурин) [Там же, л. 98].

Таким образом, все выступавшие представители губернской партийной власти и уездные партийные секретари в более или менее завуалированной форме выразили свою поддержку Н. И. Уфимцеву и обвинили в инициировании конфликта областную партийную инстанцию. В наиболее концентрированном виде эту позицию озвучил

губернский партийный работник В. К. Киялков: «Все недоразумения на слабости Уралбюро. Сама организация крепка. Никаких склок нет. Не нужно порочить и т[оварища] Уфимцева» [Там же, л. 98об.].

Общий пафос всех выступлений сторонников ответственного секретаря губкома заключался в том, что причиной трений был не конфликт интересов партийных структур, не их борьба за полномочия, а чисто личные неприязненные отношения между руководителем Екатеринбургского губкома Н. И. Уфимцевым и руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) Ф. И. Голощекиным.

Последнюю атаку сторонники Уфимцева предприняли в самом конце заседания пленума, внося предложение «просить ЦК пересмотреть состав Уралбюро», но В. М. Молотов его отклонил на том основании, что «конфликт лишь екатеринбургский, а не областной. Уралбюро не для Екатеринбургга» [Там же, л. 98об.].

В. М. Молотов вынес на голосование два вопроса. Второй вопрос – «принять все меры, чтобы конференция была избавлена от этой склоки», не вызвал возражений у участников пленума и был проголосован единогласно. Наиболее важным был первый вопрос – «согласиться с постановлением Уралбюро о выезде тов[арища] Уфимцева в ЦК после конференции для выяснения вопроса об его дальнейшей работе». Голосование по данному вопросу дало следующие результаты: «за» проголосовало 19 человек, против – один, 15 человек воздержались [Там же, л. 98об.]. Отметим, что вопрос был сформулирован двусмысленно и однозначно не говорил о снятии Н. И. Уфимцев с должности. Видимо эта формулировка ввела часть участников партийного пленума в заблуждение.

Поэтому позднее, когда при обсуждении состава губкома В. М. Молотов предложил обсудить вопрос о вхождении Уфимцева в губком, сторонники Уфимцева поняли, в какую ловушку они попали. Начали поступать «возражения и предложение тогда переголосовать, т.к. это при голосовании вовсе не предвиделось. Если думали об отъезде, так лишь для выяснения о его дальнейшей работе здесь» [Там же, л. 99]. Однако Уфимцев, понимая, что партия уже проиграна и высшее партийное руководство не изменит своего решения, остудил пыл своих сторонников, объяснив им: «...переголосование излишне. Ясно, что отъезд связан с отзывом отсюда. О доверии же организации он знает и без голосования» [Там же, л. 99].

Участники пленума заблокировали включение руководителя Уралбюро ЦК РКП (б) Голощекина в состав президиума VIII губернской партконференции. Компромиссное предложение В. М. Молотова предоставить Уралбюро ЦК РКП (б) возможность самому решить вопрос о своем представителе на партийной конференции

также было отклонено. Члены губкома С. В. Мрачковский и С. А. Новоселов, «как члены Уралбюро» отказались от участия в президиуме, но в результате голосования их «мотивы были признаны не удовлетворительными» и они были включены в состав президиума «как члены организации» [Там же, л. 99].

Партийная конференция прошла без эксцессов. Как отметил Молотов в телеграмме Сталину, «конференция прошла дружно» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 344, л. 43]. 24 июня 1922 г. с отчетным докладом о деятельности губкома выступил Н. И. Уфимцев, оценивший ее только с положительной стороны. 25 июня, когда оглашался список нового состава губкома, прозвучал вопрос: «Почему нет в списке тов[арища Уфимцева]?». На что председатель конференции ответил, что это коллективное решение участников партийного совещания, которое «пришло к тому решению, что тов[арища Уфимцева] в новый состав губкома вводить нельзя, да и не нужно» [ЦДООСО. ф 76, оп. 1, д. 457, л. 59]. Больше вопросов не последовало.

В ходе конфликта Москве пришлось пойти на компромисс с Екатеринбургской партийной организацией, учесть ее пожелание – назначить на должность ответственного секретаря губкома вместо снятого с должности Н. И. Уфимцева не московского назначенца («варяга»), а местного партийного работника. В телеграмме от 24 июня на имя И. В. Сталина Молотов писал: «[На] совещании Уралбюро с губкомом выяснилось, что губком не хочет приезжего секретаря, просят Семирекова. Предлагаю согласиться. Есть ли другие кандидаты?» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 344, л. 42]. И. С. Семиреков², кандидатуру которого предлагали местные партийцы, был человеком из команды Уфимцева. Вместе с ним после освобождения в июле 1919 г. Екатеринбурга от белогвардейцев он вошел в организационное бюро РКП (б) в Екатеринбургской губернии [Яркова, с. 50]. В дальнейшем он был членом губкома, а в феврале–июне 1921 г. возглавлял Екатеринбургский губком партии.

На заседании пленума губкома В. М. Молотов только коротко остановился на тех линиях напряжения, которые возникли между центральными партийными органами и Екатеринбургским губкомом партии во главе с Уфимцевым. Более подробно претензии Москвы к Н. И. Уфимцеву В. М. Молотов озвучил на закрытии губернской партийной конференции. Первая претензия была связана с неисполнением Уфимцевым распоряжения ЦК партии об отзыве зав. земотделом губисполкома Баранова в распоряжение Омского комитета партии. Его перевод был связан с серьезным конфликтом,

² В партийных документах его фамилия писалась по-разному: Семиреков, Семиряков, Семериков.

который возник между Сибирским бюро ЦК РКП (б) и местными партийными и советскими работниками [См. подробнее: Олех]. Дело дошло до того, что в Москве «стали получать ряд телеграмм из Омска от секретарей районных и даже от отдельных групп, что если вы отзовете таких-то товарищей, то мы выходим из партии. Цека ставились угрозы» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 457, л. 64]. В ЦК РКП (б) решили разрешить конфликт радикальным образом – произвести «кадровые перемещения – последнее средство решения склок» [Гетти, с. 163], т. е. перебросить недовольных в другие места, а вместо них прислать новых людей. Однако Екатеринбургский губком проигнорировал все телеграммы ЦК партии о срочной отсылке Баранова, в том числе и за подписью И. В. Сталина. В результате Баранов уехал в Омск только спустя два месяца, 1 июня. ЦК РКП (б) расценил такое отношение к распоряжениям вышестоящей партийной инстанции как нарушение партийной дисциплины. «Это ставится на вид ЦК секретарю Уфимцеву. Вот пример, как выполняются неотложные, важнейшие распоряжения ЦК» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 457, л. 65].

Вторая причина – это позиция Н. И. Уфимцева в отношении Уралбюро ЦК РКП (б), о которой говорилось выше. 31 октября 1921 г. был утвержден новый состав Уралбюро ЦК РКП (б) во главе с Ломовым. Уфимцев был включен в него в качестве кандидата в члены бюро. Он рассчитывал на то, что это временный статус, и после проверки представителем ЦК партии работы губкома его переведут в члены Уралбюро ЦК РКП (б) [Там же, л. 68]. Однако этого не произошло, и Уфимцев, посчитав для себя как для руководителя крупнейшей уральской партийной организации такой статус оскорбительным, в письме в ЦК партии «с гордостью отверг назначение свое и давал нам понять, что, хотя вы и ЦК, но если не сделаете меня членом, то я не хочу быть кандидатом» [Там же, л. 65–66]. Этим демаршем Уфимцев продемонстрировал личную нелояльность к центру. Подобный шантаж ЦК партии посчитал неприемлемым и принял решение: «Поставить на вид тов[арищу] Уфимцеву недопустимый тон его заявления и освободить его от звания кандидата в члены Уралбюро» [Там же, л. 66]. Такой настрой губернского руководителя не оставлял перспектив для налаживания деловых, бесконфликтных отношений с областной партийной инстанцией.

Молотов, приехавший в июне 1922 г. в Екатеринбург и ознакомившийся с ситуацией на месте, сделал следующий вывод: «...то, что я здесь застал для меня было крайне неожиданно и говорило гораздо больше, чем я мог ожидать, и что у нас имелось в материалах. Я сделал следующее предположение, что отношения между Уфимцевым и Уралбюро нового состава, не замешанного ни в каких

делах, были совершенно не нормальные и даже вредные для партийной организации» [Там же, л. 66].

Таким образом, все эти факты перевесили чашу терпения Москвы, и было принято решение о снятии с должности строптивного руководителя губкома. В. М. Молотов отметил, что отзыв Уфимцева позволит наладить нормальные рабочие отношения между ЦК партии и губкомом, а также положительно повлияет на Уфимцева, так как «может быть поможет тов[арищу] Уфимцеву отделаться от тех свойств человека, которые вырастают и прирастают, когда товарищ очень долго сидит на одном месте» [Там же, л. 67].

Учитывая революционные заслуги Н. И. Уфимцева и острую нехватку опытных руководящих партийных кадров, отставка с поста ответственного секретаря губкома не повлияла на его карьерные перспективы. Уфимцев был назначен ЦК РКП (б) на равнозначную руководящую должность. Он стал зав. орготделом Крымского обкома РКП (б), а с октября 1922 г. возглавил областной партийный комитет [ЦДООСО, ф. 76, оп. 2, д. 1157, л. 11]. Для других участников конфликта он не прошел без последствий. Чтобы разрядить атмосферу в губернии, Голощекина пришлось с Урала отозвать, а руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) стал М. М. Харитонов. Наиболее активный защитник Уфимцева С. В. Мрачковский был снят с партийных должностей и отправлен командующим Западно-Сибирским военным округом.

Таким образом, только совместными усилиями центра и Уралбюро ЦК РКП (б) с большим трудом удалось разорвать сложившиеся патрон-клиентские связи в Екатеринбургской губернии, сломить сопротивление региональной партийной верхушки, подавить фронду и провести нужное кадровое решение. В действующей модели взаимоотношений «центр-регионы» центральная власть еще не являлась безусловным авторитетом, чьи указания необходимо было беспрекословно выполнять, опасаясь неизбежных санкций. Партийная периферия имела еще в это время определенный политический вес.

Воробьев С. В. Уралбюро ЦК РКП (б) в партийной иерархии: между центром и регионами // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2016. № 3 (19). С. 52–64.

Воробьев С. В. Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента. Опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 47–96.

Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016.

Девятый съезд Российской коммунистической партии: стеногр. отчет. М., 1960.

Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1997.

Кружников В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

Олех Г. Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг. Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)).

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП (б)).

Цыганов В. Б. Уфимцев Николай Иванович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 274–276.

Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008.

УДК 94(47).084.3

В. А. Бондарь

СОЗДАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МЕСТАХ В КОНТЕКСТЕ РАННЕСОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА¹

Местные партийные организации большевиков, проводя в жизнь идеи раннесоветского социального проекта, в большей степени, чем партийные органы более высокого уровня, шли на компромисс между идеологическими установками и потребностями управления. С одной стороны, проявлялось стремление сосредоточить в своих руках как можно больше полномочий, с другой — налицо была нехватка возможностей для их осуществления. После неудачной попытки непосредственно провести марксистские установки в жизнь возобладала тенденция постепенного превращения партийных органов в часть аппарата управления. Руководство и контроль за деятельностью советских и хозяйственных органов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

могли подменяться собственной деятельностью партийных управленцев, что особенно ярко проявлялось в сельской местности. Несмотря на явную нежелательность подобного подхода, он сохранялся как одно из локальных отражений процесса трансформации партийных организаций из боевых в часть аппарата управления.

Характерные для партии в целом стадии трансформации подхода к участию в социальном конструировании прослеживаются и на низовом уровне. На первом этапе, когда формирование местных комитетов было на периферии внимания центрального партийного аппарата, они могли сохранять статус боевых организаций, приобретенный в дооктябрьский период. В то же время, в зависимости от имеющихся в их распоряжении кадров и ресурсов, они могли копировать структуру органов более высокого уровня. В последующие периоды проявились тенденции к упрощению структуры низовых организаций и усилению контроля над ними.

Ключевые слова: партия большевиков, раннесоветское общество, социальное конструирование, местная партийная организация, аппарат управления, трансформации, контроль, компромисс.

Участие партийных органов в строительстве советского общества в 1917–1936 гг. трудно переоценить, но его степень сильно различалась как в зависимости от места конкретной партийной организации в выстраиваемой иерархии, так и от изменений партийного курса. Практически все тенденции в конструировании центрального партийного аппарата в описываемый период неизбежно находили отражение в формировании местных партийных органов, от стихийного копирования структуры вышестоящих партийных организаций до последовательной оптимизации и укрепления вертикальных связей. Кроме того, активным изменениям способствовала необходимость приспособить партийные директивы к потребностям управления.

Сразу после прихода большевиков к власти в 1917 г. структура комитетов на территории будущей Екатеринбургской партийной организации не отличалась от существовавшей в других частях страны. Она организовывалась согласно весьма обобщенным указаниям действующего на тот момент Устава [Устав, 1917, с. 590–591] и включала в себя избранный в апреле 1917 г. Уральский областной комитет с центром в г. Екатеринбурге [Борьба против оппортунизма, с. 323] и некоторое число подчиненных ему райкомов и подрайкомов. Уральская область как зона ответственности соответствующего партийного комитета РСДРП (б) в рассматриваемый период окончательно оформлена не была. Влияние партии распространялось, в первую очередь, на территории горнозаводского Урала [Свердловская областная организация, с. 25].

Такое положение дел было обусловлено изначальной ориентацией на подпольную работу, что в изменившейся обстановке более не отвечало требованиям пришедшей к власти партии большевиков. Для управленческой структуры были непригодны сравнительно слабые вертикальные связи существующих местных организаций и их несоответствие губернскому территориальному делению, поскольку на этом основании было сложно выстроить административный аппарат.

Нужды управления быстро вынудили приблизить партийные организации к подконтрольным территориям. В 1918–1919 гг. в ходе перестройки партийной организации по территориальному принципу², сформирована новая их иерархия, включающая в себя губернские, уездные и волостные конференции и собрания, а также соответствующие им выборные партийные комитеты. Однако концепция организуемого с согласия ЦК объединения территориальных партийных организаций, иными словами, создания областей по тем же принципам, что и в Уставе 1917 г., просуществовала в организационных документах вплоть до 1930-х годов.³

К описываемому времени относится образование собственно Екатеринбургской губернии (1918) и Екатеринбургского губернского комитета [Свердловская областная организация, с. 29]. В рамках предписанной Уставом структуры партийной организации Екатеринбургскому губернскому комитету (1918–1923 гг.) непосредственно подчинялись девять уездных комитетов [Там же, с. 29], в ведении которых, в свою очередь, были волостные организации. Последние в разное время могли быть подведомственны разным уездам, поскольку на низовом уровне административные преобразования продолжались в течение всего периода существования губернского деления Советской России.

Также в начале 1920-х гг. проявлялась тенденция объединять городские и уездные партийные комитеты в рамках одного органа – угоркома, экономя материальные ресурсы и кадры, которых в первое время существования Советской власти остро не хватало [подробнее см.: Назаров]. Однако в организационных документах, в первую очередь, в действующем Уставе партии [Устав, 1919, с. 205–206], такие структуры не были предусмотрены, что говорит о рассматриваемой тенденции как о механизме приспособления к действительности. После окончания Гражданской войны от этой практики стали постепенно отказываться.

² Территориальный принцип формирования партийных организаций был окончательно закреплён в Уставе 1919 г. [см.: Устав, 1919, с. 202].

³ Во всех уставах партии, начиная с 1919 г., была закреплена возможность создания областей по практически неизменным принципам. [см.: Устав, 1919, с. 204; Устав, 1922, с. 578; Устав, 1925, с. 479].

В ведении Екатеринбургского губкома находились важнейшие вопросы губернской партийной организации, а также взаимодействие с Центральным комитетом и, чуть позднее, с Уральским бюро ЦК. Также было необходимо координировать работу местных партийных комитетов с политическими органами в войсках, хотя официально сотрудничество с ними было закреплено в организационных партийных документах уже после образования Уральской области и перестройки управленческого аппарата [Устав, 1925, с. 487]. Укомы занимались организацией партийных кадров в пределах уезда, руководили волкомами, утверждали их решения и распределяли полученные из ЦК партийные билеты среди вновь принимаемых членов партии.

Первоначально губком и крупнейшие укомы (угоркомы) организовали в своем составе отделы и подотделы по функциональному принципу. Так, Екатеринбургский губком РКП (б) к 1921 г. состоял из шести отделов [Свердловская областная организация, с. 29]. Эта тенденция свидетельствует о стремлении создать административный орган согласно собственным представлениям о нем, поскольку инструкции по структуре и функциям территориальных партийных комитетов не было выработано вплоть до середины 1920-х годов.

Помимо расширения и упорядочения сети партийных комитетов, для лучшего контроля за формированием партийной организации были созданы партийные комиссии (постоянные – военные, контрольные и ревизионные, и временные). С 1922 г. контрольная комиссия действовала при Екатеринбургском губкоме [Устав, 1922, с. 581]. В ее компетенцию входило рассмотрение жалоб и спорных ситуаций в связи с исполнением Устава, программы и решений высших партийных органов, нарушений партийной этики и дисциплины на губернском уровне, хотя круг ее обязанностей был закреплен тремя годами позже [Устав, 1925, с. 484–486]. В некоторых случаях контрольная комиссия принимала решения о восстановлении исключенных из партии [см. напр.: ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 558, л. 18; д. 589, л. 351–351об.]. Вплоть до 1930-х гг. ревизионные комиссии существовали параллельно с контрольными в целях финансового контроля за деятельностью партийных органов практически всех уровней – от центрального аппарата до волостного комитета [Устав, 1919, с. 206]. Впоследствии на низовом уровне ревизионные комиссии были ликвидированы [Устав, 1922, с. 580; Устав, 1925, с. 483], а их полномочия переданы вышестоящим органам подобного типа.

Выборные военные партийные комиссии, наряду с назначаемыми Главным политическим управлением политотделами, отвечали за работу в войсках на территории Екатеринбургской губернской партийной организации. Партийной комиссии при штабе Приуральского

военного округа были непосредственно подчинены комиссии дивизий, таких как 57-я Екатеринбургская дивизия, и бригад, в частности, 63-й стрелковой бригады.

В масштабе воинских частей, таких как полк или артиллерийский дивизион, организуемые ячейки и коллективы могли объединяться в бюро ячеек или коллективов, уже взаимодействующих с политотделами и партийными комиссиями бригад и дивизий. Политические органы в войсках не были частью иерархии территориальных партийных комитетов, но некоторая степень взаимодействия между этими структурами была, особенно в связи с демобилизациями коммунистов-красноармейцев и получением ими единых партийных билетов.

Структура армейских политорганов начала складываться задолго до ее закрепления в организационных документах партии большевиков [Устав, 1925, с. 487], более того, порядок их взаимодействия с территориальными партийными организациями также не был урегулирован. Такую ситуацию также можно считать примером приспособления к окружающей обстановке в условиях отсутствия руководящих указаний.

В мае 1920 г., в рамках дальнейшего укрепления партийного аппарата, было сформировано Уральское бюро ЦК РКП (б) в Екатеринбурге, подотчетное непосредственно Центральному комитету РКП (б) [Очерки истории, Т. 1, с. 369]. Оно координировало деятельность партийных организаций на территории Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Уфимской губерний. Создание областных бюро по особому постановлению ЦК и отсутствие ревизионной комиссии при них было зафиксировано позже, в уставе 1922 г. [Устав, 1922, с. 577–578].

Проводимый в рамках Советского государства в середине 1920-х гг. эксперимент по укрупнению административно-территориальных единиц должен был способствовать как развитию территорий, так и улучшению их управляемости. Уральский регион это начинание затронуло первым среди промышленных областей, что привело к формированию в 1923 г. большой Уральской области из территорий Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской и Златоустовского уезда Уфимской губерний [Очерки истории, т. 2, с. 23]. В соответствии с административным делением, в 1925 г., функционировали Уральский областной комитет ВКП (б), 16 окружных и 214 районных комитетов [Свердловская областная организация, с. 33]. Большую часть территорий Екатеринбургской партийной организации охватывали Свердловский, Ирбитский, Шадринский и Тагильский окружкомы.

Компетенции между обкомом и окружками были распределены аналогично губкомам и укомам, а функция непосредственного руководства низовыми ячейками, учета членов партии и выдачи партийных билетов перешла райкомам как низовым организациям [Устав, 1925,

с. 479–483]. После того, как окружное деление и, следовательно, окружные комитеты, в 1930 г. были упразднены [Свердловская областная организация, с. 33], количество районов уменьшилось, а райком стал основным типом территориального партийного комитета ВКП (б). Исключения составляли города и рабочие поселки, выделенные в самостоятельные административные единицы (в 1931 г. их было 15) и три национальных округа (Коми-Пермяцкий, Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий)), в рамках которых действовали собственные городские, поселковые и окружные комитеты в ведении Уралобкома ВКП (б).

После разделения Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую в 1934 г. [Очерки, т. 2, с. 136–137] цепочка территориальных партийных органов Свердловского областного комитета ВКП (б) выглядела следующим образом: райком/горком – обком, принципиально отличаясь от таковой после ликвидации окружкомов в рамках Свердловской области лишь размерами и составом подотчетной территории. Именно к этому времени в Уставе 1934 г. была закреплена типовая структура обкома, которая включала в себя пять производственно-отраслевых отделов и особый сектор [Устав, 1934, с. 138]. На низовом уровне предусматривались городские и районные организации (как сельские, так и городские). В их компетенцию входило утверждение решений первичных организаций и регистрация всех коммунистов, что в основном совпадает с обязанностями волкомов в 1918–1925 гг. [ср.: Устав, 1919, с. 206; Устав, 1922, с. 580; Устав, 1925, с. 483; Устав, 1934, с. 141], за исключением возможности организации печатного органа, контроля за его работой и назначения редактора [Устав, 1934, с. 141]. Ранее такие полномочия встречались только у организаций более высокого уровня. Описываемый период – заключительный этап формирования структуры партийных органов Екатеринбургской (Свердловской) партийной организации, которая, с незначительными изменениями, просуществовала вплоть до конца существования советского проекта.

Конструирование местных партийных организаций следовало общей тенденции их превращения из подпольных комитетов, нацеленных на организацию переворота, в административно-управленческие органы. Этой цели отвечали такие начинания, как переход к территориальному принципу формирования комитетов, укрепление вертикальных взаимодействий в рамках партийной организации, все большее упорядочение не только зоны ответственности парткома в зависимости от уровня, но и его структуры. При нехватке руководящих указаний местные партийные органы в значительной степени были вынуждены приспособлять общие требования организационных документов к текущим потребностям, например, объединять комитеты различных

уровней или формировать структуру по собственному усмотрению. После окончания Гражданской войны все больше усилий направлялось не только на формирование территориальных партийных органов и разграничение их обязанностей и полномочий, но и на укрепление вертикальных связей как через отчетность и информирование о деятельности, так и через органы контроля, в частности, контрольные и ревизионные комиссии и создание областных бюро ЦК. Реорганизации в связи с формированием областей также не обошли стороной низовые парткомы, хотя эксперимент с крупными областями и трехуровневой системой партийных органов не продлился долго, завершившись еще одной, последней для раннесоветского социального проекта перестройкой (по Уставу 1934 г.). Она завершила оформление территориальных партийных органов как аппарата управления от областного комитета до первичных организаций с определенной структурой и функциями.

На протяжении всего рассматриваемого периода в качестве основной тенденции представляется обоснованным выделить оптимизацию структуры и функций партийных органов сначала как инструментов влияния на процесс конструирования нового общества, а затем управления этим процессом. Наиболее эффективные инициативы местных организаций позднее закреплялись в организационных документах, приближая изначально настроенные на пропаганду и захват власти организации в структурированный управленческий аппарат, во многом аналогичный органам исполнительной власти.

Борьба против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций Урала (1894–1917 гг.). Пермь, 1975 .

Очерки истории коммунистических организаций Урала : в 2 т. Т. 1. 1883–1920 гг. Свердловск, 1971.

Очерки истории коммунистических организаций Урала : в 2 т. Т. 2. 1921–1973 гг. Свердловск, 1974.

Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2002 // Скепсис: научно-просветительский журнал: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_3545.html (дата обращения: 18.05.2016).

Свердловская областная организация КПСС 1903–1974 гг.: Краткая ист. справка. 2-е изд., доп. Свердловск, 1974 .

Устав Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) [1917] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 1. С. 589–591.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 201–209.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1922] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 573–583.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 3. С. 474–489.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1934] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 6. С. 133–145.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП (б) (1918–1923 гг.)).

УДК 94(470.5).084.6

А. И. Сысов

СОВЕТСКИЕ И ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНЫ В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

Построение нового коммунистического общества потребовало проведения во второй половине 20–30-х гг. форсированной модернизации в СССР. Успех советской модернизации во многом зависел от эффективности работы управленческого аппарата, который подвергся значительным изменениям в направлении централизации и унификации. К сожалению, реальный результат преобразований оказался кардинально отличным от изначально планируемого. Поэтому особое внимание уделяется выяснению причин, которые привели к расхождению в большевистских планах и результатах переустройства общества и тому, как на это повлияли социально-экономические процессы в регионе Южный Урал.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, коллективизация, мобилизационная экономика, тоталитарный режим, партийно-государственная элита.

Построение нового коммунистического общества требовало конструирования новой социальной реальности, базирующейся на принципиально новой модели социально-экономических отношений. При этом пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики не имели детально разработанных четких планов осуществления преобразований. К тому же уже в первые месяцы формирования советской системы возникли обстоятельства (в первую очередь – это резкое обострение политической борьбы, а затем и разгоревшаяся Гражданская война), которые заставили их отказаться от многих романтических иллюзий и надежд. Наиболее быстрыми темпами процессы модернизации в СССР стали развиваться в середине 20–30-х гг. В это время в стране началось становление особой, так называемой мобилизационной экономики, в рамках которой почти все ресурсы государства направлялись на достижение одной или нескольких приоритетных целей, при этом цели должны были быть достигнуты в кратчайшие исторические сроки. Первоочередной задачей, стоявшей тогда перед СССР, была индустриализация, ибо к середине 20-х гг., по словам И. В. Сталина, «мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин, с. 29–42]. Аграрному сектору была уготована второстепенная роль, однако именно он должен был стать важнейшим источником материальных и людских ресурсов, чему должна была способствовать коллективизация сельского хозяйства.

Южный Урал занимал видное место в модернизационных процессах того времени, и в планах правительства ему отводилась особая роль. На протяжении 20-х гг. тема создания на Урале «срединной индустриальной базы Союза» не сходила со страниц партийных и государственных документов разного уровня [Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета»; Постановление ЦК ВКП (б) «О выполнении пятилетнего плана промышленности» и др.]. Особый акцент делался на решении так называемой «Урало-Кузбасской проблемы», что позволило бы в результате соединения магнитогорской руды и кузбасского угля в едином промышленном комплексе сделать Южный Урал основной базой производства черных металлов. Хотя, безусловно, основой хозяйственной деятельности на Южном Урале должна была быть промышленность, в первую очередь, черная металлургия, но вопросам социалистического переустройства села здесь также уделялось повышенное внимание. Урал уже в январе 1930 г. попал в число районов, подлежащих сплошной коллективизации, и на него полностью распространялось действие нормативно-правовых актов, регламентировавших колхозное строительство и раскулачивание [Постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства

колхозному строительству»; Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и др.]. Здесь, как и по всей стране, требовалось за очень ограниченное время из нескольких десятков тысяч единоличных крестьянских хозяйств создать несколько сотен колхозов и совхозов.

Таким образом, задачи, поставленные перед регионом в конце 1920-х – начале 1930-х гг., являлись поистине грандиозными и доселе беспрецедентными. А потому для их выполнения потребовались новые, мобилизационные формы и методы работы. Хотя в многовековой истории России мобилизационные методы не были чем-то совершенно неизвестным и государство периодически применяло их при проведении различных общественных преобразований (вспомнить хотя бы реформаторскую деятельность Петра I). Но в 30-е гг. XX в. именно они стали основными при проведении сталинской модернизации.

Переход к мобилизационным методам хозяйствования во многом носил вынужденный характер и являлся следствием внешне- и внутривосточного кризиса 1927–1928 гг. Действительно, международная обстановка в конце 20-х гг. складывалась явно не в пользу Советского Союза. Особенно острая ситуация возникла в 1927 г., когда угроза возможной войны стала очевидной: были разорваны дипломатические отношения с Великобританией, резко обострились отношения со значительной частью европейских стран, возник вооруженный конфликт с Китаем из-за КВЖД. СССР даже вынужден был привести в боевую готовность западные приграничные округа. В то же время, неудачные хлебозаготовительные компании 1927 и 1928 гг. показали, что единоличные крестьянские хозяйства вовсе не собираются становиться «послушной дойной коровой» для начинающихся крупномасштабных социально-экономических преобразований. Так, если до 1927 г. И. В. Сталин и большинство членов ЦК партии поддерживали точку зрения Н. И. Бухарина, выступавшего за более «гибкий» вариант преобразований, то с этого момента, в условиях угрозы внешней агрессии в сочетании с дефицитом времени и практически всех необходимых для развития ресурсов, советское руководство вынуждено было на практике приступить к реализации модели форсированной модернизации.

Решение огромного количества проблем, связанных с проведением таких масштабных социально-экономических преобразований, как индустриализация и коллективизация, легло на плечи аппарата управления, созданного в СССР в первые годы советской власти. Главной особенностью этой системы управления было параллельное развитие двух компонентов – советских органов и комитетов коммунистической партии. Причем, несмотря на декларируемый во всех

официальных документах (включая конституции) приоритет советских органов государственной власти, практически на всем протяжении 1920-х гг. сохранялась устойчивая тенденция к установлению доминирования партийных органов над советскими. Эта тенденция привела к 1930-м гг. к превращению партийной власти в основную политическую силу в обществе: партийным органам принадлежали законодательные, распределительные и контрольные функции, а государственным – лишь исполнительные [Верт, с. 202–206]. В итоге государственный аппарат, по существу, превратился в механизм для реализации партийных решений. При этом необходимо отметить, что и сами региональные и местные партийные комитеты изначально создавались в рамках партии лишь как исполнительные органы и должны были играть роль проводников политики партии. Партийные документы требовали обязательного подчинения нижестоящих организаций вышестоящим. В результате можно констатировать, что, несмотря на многочисленные заявления большевистского правительства о том, что органы власти в новом обществе будут формироваться на основе выборности и равенства прав избирателей, на деле правящие структуры стали формироваться на основе номенклатурного принципа. Столичные органы власти стремились к централизации и унификации системы управления. Была сформирована жесткая вертикаль власти, в которой нижестоящие звенья были обязаны беспрекословно подчиняться вышестоящим. Данная установка была направлена на достижение важной цели – создание эффективного аппарата модернизации, который бы смог провести грядущие преобразования с максимальным соответствием задуманному. Выполнение этой задачи потребовало серьезной перенастройки аппарата управления. Органы власти, как партийные, так и советские, к концу периода нэпа в значительной степени состояли из коммунистов, прошедших Гражданскую войну. Эти люди выполнили важную миссию в ходе модернизационного процесса: они «добили» традиционное общество, начав коллективизацию и сломив религиозное влияние. «Старая партийная гвардия» как бы «расчистила площадку» для построения нового общества, строить которое, однако, предстояло преимущественно другим людям, так как в массе своей ветераны-партийцы являлись «разрушителями» старой системы и большая часть из них, в силу своих психологических установок, уже не могла превратиться в «созидателей», которые требовались в новых условиях [Гаман-Голутвина, с. 282]. К тому же многие из них свое право занимать руководящие посты обосновывали революционным прошлым, апеллируя к которому они довольно часто позволяли себе критиковать решения вышестоящих органов власти, которым, естественно,

это не нравилось. В результате произошло омоложение кадрового состава, и в 30-е гг. был создан новый правящий слой, ориентированный на осуществление сталинской модернизации. От тех, кто не смог по каким-то причинам подстроиться под новые требования, система избавилась посредством партийных чисток и политических репрессий [Верт, с. 205]. Отчасти этим объясняется замена на Южном Урале в данный период многих местных и региональных руководителей. Показательна в этом плане судьба таких деятелей горнозаводского Урала, как И. П. Румянцев (1886–1937), который в 1923–1930 гг. возглавлял Златоустовский окружной комитет ВКП (б), А. П. Азволинский (1893–1938), первый секретарь Катав-Ивановского райкома ВКП (б) в начале 30-х гг., П. А. Козлов (1901–1937), занимавший в 1931–1933 гг. пост председателя Катавского РИКа, которые являлись активными участниками Гражданской войны, а затем занимали многие государственные и партийные должности. С их именами связан начальный период проведения коллективизации и индустриализации в крае. Но именно они и оказались уничтожены в период политических репрессий, так как трансформация модели общественного развития неизбежно должна была повлечь изменение модели формирования правящего класса: для развития экономики мобилизационного типа требовались люди, беспрекословно выполнявшие приказы вышестоящих властей. Одновременно происходили и структурные изменения в органах власти – если раньше отделы в парткомах и исполкомах были организованы на основе функционального принципа, то они теперь повсеместно переходили к производственно-отраслевому, что отвечало задачам того времени.

Одним из важнейших индикаторов происходивших трансформаций в системе власти явились изменения форм и методов работы органов власти на местах. В сельском хозяйстве эти изменения выглядели наиболее контрастно, особенно в сравнении с предыдущим периодом. Как уже сказано выше, Урал почти сразу попал в число регионов, подлежащих сплошной коллективизации, и здесь экстренно были отменены законы, разрешавшие аренду земли и применение наемного труда. Резко изменилась налоговая политика в отношении уральской деревни. При этом налоги были повышены не только в отношении зажиточных хозяйств (так называемых «кулаков»), но и в отношении большинства единоличных (средняцких и даже бедняцких) хозяйств, не желавших вступать в колхозы [Филатов, с. 501]. Такие хозяйства попали под настоящий пресс – часть относительно зажиточных хозяйств оказалась в списках индивидуального налогообложения, часть получала твердые задания по сдаче зерна, по посевной площади, по доставке леса, угля на заводы и т. д. Невыполнение твер-

дого задания автоматически вело к описи имущества и пятикратному погашению недоимок, а затем и к выселению. Подобные меры, по мнению властей, должны были стимулировать хлебозаготовки и ускорить коллективизацию. Помимо экономических методов воздействия, резко ужесточились и внеэкономические. Уже в ходе хлебозаготовительных компаний 1927–1928 гг. и тем более в период сплошной коллективизации местное руководство активно использовало средства административного нажима, откровенное насилие и издевательства над крестьянами [Баранов, с. 37–38, 40]. В это же время разворачивается массовая компания по лишению крестьян-единоличников избирательных прав, а также по их уголовному преследованию. Фактически уже тогда крестьянское население в массе своей превращалось в «неграждан» – лишенные политических прав, они вычеркивались из общественной жизни, не могли учиться в средних и тем более высших учебных заведениях и т. д. Это была целенаправленная политика уничтожения индивидуальных хозяйств мерами как экономического, так и внеэкономического принуждения.

Апогеем политики «раскрестьянивания» стало раскулачивание. Если до выхода Постановления ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях ...] раскулачивание в южноуральских деревнях производилось эпизодически и затрагивало лишь небольшую часть крестьянства, то теперь оно носило целенаправленный, массовый характер с указанием категорий кулаков и определением конкретных сроков выполнения плана по раскулачиванию. Так в Катавском районе Уральской области в период с февраля 1930 г. по май 1933 г. под раскулачивание попало более 1 500 сельских жителей [Мукомолов, с. 199–200]. На базе конфискованного у них имущества, жилых помещений, земельных угодий, сельскохозяйственного инвентаря, домашних животных, семян в районе было организовано 17 коллективных хозяйств. Аналогично происходила коллективизация и в других районах горнозаводской зоны Южного Урала.

Мобилизационный характер экономических мероприятий 30-х гг. не менее ярко проявился и в процессе индустриализации. На Южном Урале, в соответствии с планами правительства, развернулось строительство крупных промышленных предприятий-«гигантов». Для этого, естественно, требовалось большое количество рабочей силы. Так, например, в угольной отрасли Урала, по данным С. А. Баканова, чтобы выйти на запланированные показатели, требовалось увеличить количество рабочих с 11,9 тыс. человек в 1930 г. до 35,6 тыс. в 1932 г.

[Баканов, с. 139]. А для обеспечения промышленного строительства только в Челябинском округе в 1930 г. требовалось дополнительно 27 тыс. человек [Борзихина, с. 28]. Проблему недостатка рабочих рук частично удавалось решать с помощью привлечения на промышленные объекты раскулаченных и спасающихся от коллективизации единоличников [Баканов, с. 139–140]. Но, как оказалось, этого было совершенно недостаточно. К тому же в дальнейшем, к середине 30-х гг., после завершения «горячей фазы» коллективизации и раскулачивания, этот источник рабочей силы стал постепенно иссякать [Кесслер, с. 137]. В этих условиях центральные власти решили приспособить для решения проблемы дефицита рабочей силы в промышленности такое традиционное для России явление, как отходничество, т. е. временный уход крестьян с мест постоянного жительства на заработки в районы развитой промышленности или сельского хозяйства [Отходничество, с. 21]. И хотя массовый уход крестьян в город серьезно подрывал колхозное строительство, лишал колхозы рабочих рук, но руководство СССР на первое место ставило интересы промышленности, и в связи с этим был издан ряд нормативно-правовых актов, основная цель которых состояла в поддержке развития отходничества, даже если это шло в разрез с интересами колхозного движения [Постановление СНК СССР «Об устранении ...»; Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об отходничестве»]. Контроль за организацией отходничества на Южном Урале был возложен на районные власти. Порой районные органы власти (чаще всего под давлением вышестоящих структур) и сами вынуждены были выступать организаторами отходничества. Так было в начале 1932 г., когда на многих великих стройках резко обострилась проблема с обеспечением трудовыми ресурсами. Поэтому, на волне продолжавшегося раскулачивания, в ряде районов Урала местным органам было предписано организовать «добровольное отходничество» на строительство промышленных объектов. Для этого, например, в Катавском райисполкоме Уральской области специально было организовано особое подразделение – так называемая «пятерка», которой и было поручено в течение июня 1932 г. сформировать в районе группу из потенциальных кулаков для отправки «в порядке отходничества» на Челябтракторстрой [Мукомолов, с. 213]. Задача была не такой уж и простой, так как в результате предыдущих этапов раскулачивания в районе уже практически не осталось зажиточных хозяйств. Поэтому в ход часто пускались шантаж и провокации. На потенциальных раскулачиваемых собирали «компромат» всеми возможными способами, в том числе пуская в ход клевету и доносы. «Кандидатам в кулаки» предлагался выбор: либо они добровольно едут строить

ЧТЗ (а впоследствии, возможно, и другие объекты), либо их раскулачат и отправят туда же (или гораздо севернее), но уже под конвоем. В результате этого давления в июне 1932 г. 34 семьи получили удостоверения «кулаков» и убыли в Челябинск [Там же, с. 214]. А в октябре 1932 г. в Катавском районе была сформирована еще одна такая же группа, отправленная на строительство Нижнетагильского вагоностроительного завода [Там же].

Таким образом, в условиях становления мобилизационной экономики Центр делает ставку на принуждение как основной метод побуждения к выполнению тех или иных решений, что привело к серьезным изменениям в формах и методах работы партийных и советских органов власти и отразилось на практическом осуществлении модернизации как в масштабах всей страны, так и Южного Урала.

Необходимость модернизации в России была очевидна уже задолго до революционных событий 1917 г. Пришедшие к власти большевики провозгласили начало строительства общества нового типа, при этом четких планов осуществления этого проекта у них еще не было. Натолкнувшись на жестокую реальность, они вынуждены были оставить «радужные иллюзии» и перейти к мобилизационным методам построения нового общества. В значительной степени это затронуло социально-экономическую сферу, наиболее радикальные преобразования в которой происходили в сер. 20-х – сер. 30-х годов. Успех советской модернизации во многом зависел от эффективности работы управленческого аппарата, прежде всего от организованности и взаимодействия между собой советских и партийных органов власти. Для достижения нужных Центру характеристик аппарат управления пришлось серьезно «перенастроить». Это коснулось не только кадрового состава, который претерпел значительные изменения, но и структуры органов власти. С середины 20-х гг. все большие обороты набирал процесс централизации и унификации системы управления, законодательно закрепленный в «сталинской» Конституции 1936 г. К сожалению, реальный результат преобразований оказался кардинально отличным от изначально планируемого. Как и по всей стране, на Южном Урале принуждение стало главным методом воздействия со стороны руководства, что неизбежно отразилось на практическом осуществлении модернизации. Изменения, которые произошли в этот период в методах и формах работы органов власти на местах, стали одним из важнейших показателей трансформации аппарата управления в момент формирования тоталитарного государства. Среди причин, которые привели к расхождению в большевистских планах и реальных результатах переустройства общества, можно назвать:

1) реакцию на сложные, болезненные и противоречивые социальные, экономические и политические процессы, происходившие в стране, когда в условиях внешне- и внутривнутриполитического кризиса, дефицита времени и ресурсов самыми действенными оказались именно мобилизационные методы воздействия, что заложило основу новой модели управления;

2) отставание большей части регионов страны (в том числе Урала) от Центра в материально-техническом и социальном развитии, что изначально сделало провинцию не готовой к быстрому осуществлению радикальных преобразований;

3) грандиозность задач, поставленных Центром перед местными органами власти, решить которые они могли, только опираясь на столичную партийно-государственную элиту, что создавало заинтересованность в сильной центральной власти;

4) особенности менталитета местного населения, характерными чертами которого были консерватизм общественных настроений, плохо скрываемая аполитичность, готовность имитировать необходимые для центра процессы и действия, плохое осознание (несмотря на активную пропаганду) целей и задач модернизации значительной частью населения.

В результате модернизационные процессы в СССР середины 1920-х – середины 1930-х гг. стали одним из важнейших факторов, способствовавших формированию тоталитарного режима. Это является еще одним аргументом в пользу теории о возможности формирования тоталитаризма в «частично модернизированных» обществах, каковым являлся СССР в середине 20-х гг. XX в., в качестве одного из последствий перехода от традиционности к современности [Побережников]. Однако, маловероятно, что тоталитарный режим изначально входил в перечень обязательных характеристик нового коммунистического общества. Скорее всего, советское общество пришло к нему вынужденно в ходе сталинской модернизации.

Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

Баранов Е. Ю. Чрезвычайные методы заготовок в уральской деревне в период сплошной коллективизации // *Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы: сб. ст.* Оренбург, 2009. С. 35–40.

Борзихина И. В. «Великий перелом» в судьбах уральского крестьянства // *Урал индустриальный. чтения : мат-лы VIII Всеросс. науч. конф. 27–28 апреля 2007 г. : в 2 т.* Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 24–29.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998.

Кесслер Х. Миграция крестьян на заработки и пролетаризация в России в сравнительной и долгосрочной перспективе // *Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы: сб. статей / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов.* Оренбург, 2010. С. 135–140.

Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. 6. М., 2007.

Отходничество // *Большая советская энциклопедия.* М., 1975. Т. 19. С. 21.

Побережников И. В. Модернизация: Теоретико-методологические подходы // Центр экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/roberej.htm> (дата обращения: 20.08.2018).

Постановление СНК СССР «Об устранении препятствий свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы» // Исторические материалы: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istmat.info/node/49571> (дата обращения: 20.08.2018).

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР № 458 от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» // Libussr.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3738.htm (дата обращения: 20.08.2018).

Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // ААКИМР (Архив Администрации Катав-Ивановского муниципального района). Ф. 1. Т. 1. Д. 1. Л. 56–58.

Постановление ЦК ВКП (б) «О выполнении пятилетнего плана промышленности» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970. Т. 4. С. 441–442.

Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970. Т. 4. С. 398–404.

Постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970. Т. 4. С. 383–386.

Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 29–42.

Филатов В. В. Единичные крестьянские хозяйства на Урале в условиях сталинской модернизации // *Аграрная сфера в контексте российской модернизации XVIII–XX вв.: макро- и микропроцессы.* Оренбург, 2010. С. 500–505.

УДК 94(47).084.6

Ю. Г. Белоногов

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ СЕКТОРЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Целью статьи является применение положений теории социального конструирования реальности Т. Лукмана и П. Бергера к анализу эволюции правовой политики советской власти в сфере трудовых отношений периода индустриализации. Трудовое право неизбежно стало механизмом социального конструирования новой реальности и отражением политики властей. Рассматриваются проблемы соответствия государственной политики в сфере укрепления трудовой дисциплины и представлений работников о трудовой дисциплине; анализируются причины изменения соотношения административных и карательных методов при конструировании новой социальной реальности в сфере труда; выявляются группы факторов, влиявших на институционализацию политики в сфере ужесточения трудового законодательства. Автор делает вывод о реактивности проводимой политики, представлявшей из себя реакцию властей на постоянно изменяющееся поведение работников. Преодоление сложившихся среди рабочих представлений о труде, справедливости его оплаты, степени интенсификации труда, правах и свободах предполагало ужесточение законодательства в сфере укрепления трудовой дисциплины. Это предопределило невысокий уровень легитимности политики властей накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: криминализация трудовых правонарушений, трудовая дисциплина, текучесть рабочей силы.

В рамках советского проекта право являлось механизмом конструирования новой социальной реальности. Очевидной целью развития советского трудового права в сфере индустрии стало формирование послушного и добросовестного рабочего класса, который готов самозабвенно и высокопроизводительно трудиться во имя проектной идеи построения справедливого общества. Однако объективно существовавшая социальная реальность разительно отличалась от идеологических представлений о классе-гегемоне, особенно в те периоды, когда власти необходимо было получить от советского пролетариата наибольшую социально-экономическую отдачу. Данное несоответствие заметно проявилось в сфере укреп-

пления трудовой дисциплины в промышленном секторе экономики периода довоенных пятилеток.

Методологической основой исследования стала теория социального конструкционизма, сформулированная Т. Лукманом и П. Бергером [Бергер, Лукман]. Данная концепция определила механизм, с помощью которого индивидуумы, социальные группы и властные структуры принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности и создают социальные институты. Одним из таких разноплановых институтов стало нарушение трудовой дисциплины: для властей он стал социальной девиацией, с которой необходимо бороться методами социальной терапии и аннигиляции, для работников – формой социального протеста против экономически не подкрепленной сверхэксплуатации.

Борьба против нарушителей трудовой дисциплины актуализировалась в конце 1920-х гг. в условиях смены экономического курса развития народного хозяйства. Индустриализация предполагала усиление плановых начал в государственном регулировании экономики, а выполнение напряженных плановых заданий было возможно только при условии стабильного кадрового состава промышленных предприятий. Для устранения несоответствия между масштабностью задач индустриализации и курсом на максимальную экономию материальных (в том числе денежных) ресурсов для их исполнения советское руководство неизбежно было вынуждено активизировать и механизмы внеэкономического принуждения к интенсификации труда. Это закономерно приводило к обратному эффекту – увеличению текучести (незапланированного «перетока») рабочей силы с одного предприятия на другое и росту нарушений трудовой дисциплины среди трудящихся. Если в начальный период индустриализации корреляция этих социальных феноменов была слабой, то к концу 1930-х гг. в результате политики властей их связь на советском рынке труда стала более очевидной. Нарушения трудовой дисциплины стали осознанным институционализированным ответом трудящихся на взятый курс интенсификации труда.

Анализ нормативно-правовых актов периода довоенных пятилеток показывает, что для повышения трудовой дисциплины и снижения текучести кадров советское руководство использовало определенный арсенал способов материального поощрения, морального побуждения и принуждения, только изменяя приоритеты и комбинации в структурном наборе экономических, идеологических, административных и карательных методов.

В конце 1920-х гг., в начальный период индустриализации, государство для снижения текучести кадров проводило курс на постепенное выравнивание заработной платы между квалифицирован-

ными и неквалифицированными рабочими [Постников, Фельдман, с. 171]. Однако закономерным результатом такой тарифной политики стало падение темпов производительности труда. Тогда в условиях низкой покупательной способности зарплаты, получения значительных материальных благ от карточной системы обеспечения и нормированного распределения товаров через закрытые магазины и столовые, доступные только зарегистрированным на данном предприятии рабочим, государство пыталось существенно ограничить материальное и социальное обеспечение нарушителя трудовой дисциплины. Жилищная политика так же неизбежно становилась средством принуждения к труду, средством дисциплинарного воздействия на «нетрудящиеся» и/или «плохо трудящиеся» массы [более подробно о данном аспекте см.: Меерович]. Так, согласно Постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» от 15 ноября 1932 г., за один день неуважительного прогула работник увольнялся с завода или учреждения и одновременно лишался преимуществ, которыми он пользовался, работая на данном предприятии, а именно – он должен был сдать продуктовую и промтоварную карточки, а также освободить ведомственную квартиру [Об увольнении за прогулы без уважительных причин]. Однако в специальных исследованиях отмечается кампанейский характер и объективные трудности реализации данного Постановления (сложности изъятия продовольственных карточек у прогульщика, которого надо было еще найти; невозможность выселения из ведомственного жилья семьи прогульщика, члены которой продолжали работать на данном предприятии) [Шильникова, с. 87–89].

Тарифная реформа 1932–1934 гг. для повышения производительности труда уже предполагала отказ от «уравниловки» и дифференциацию централизованно регулируемой заработной платы. Это привело к очевидным диспропорциям в системе оплаты труда, когда рабочие одной профессии и квалификации получали разную зарплату на различных предприятиях, что не могло не увеличить текучку кадров [Ильюхов, с. 213–223]. Стахановское движение, призванное в условиях отмены карточной системы повысить материальные стимулы к интенсификации труда, было ограничено финансовой несамостоятельностью предприятий, чьи премиальные фонды оказались чрезвычайно лимитированы. Как итог, стахановское движение привело к административному повышению норм выработки. В 1938–1939 гг. была проведена очередная тарифная реформа, которая сводилась к снижению количества тарифных сеток и уменьшению количества тарифных ставок, установлению одинаковых разрывов между разрядами. Однако данная реформа также закрепила значительную дифференциацию

зарплаты и по отраслям, и по отдельным профессиям [Постников, Фельдман, с. 176], тем самым создавая возможности для текучести кадров. Примечательно, что лоббистами значительно более высоких зарплат для работников своих предприятий были руководители наркоматов оборонной промышленности.

К концу 1930-х гг. советское руководство осознало, что социально-экономическая политика государства в сфере оплаты труда и жилищной политики, предназначенная для снижения текучести кадров и снижения нарушений трудовой дисциплины, не дает желаемых результатов. Стратегическая ставка на криминализацию части трудовых правонарушений с 1940 г. (прогул, самовольный уход с предприятия, «покровительство» нарушителям трудовой дисциплины) объясняется несколькими факторами, связанными друг с другом условиями начавшейся Второй мировой войны. Кратко охарактеризуем основные из них.

Во-первых, проводимые с 1939 г. мобилизации в РККА необратимо привели к обострению проблемы дефицита кадров, что ставило под угрозу выполнение планов, прежде всего оборонными предприятиями. В условиях значительного превышения спроса над предложением на рынке труда меры по прикреплению трудящихся к месту работы (наряду с мерами по привлечению дополнительных рабочих рук в промышленный сектор экономики) выглядели логичными. Более того, курс на интенсификацию труда значительно ухудшил условия труда работников. Переход на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, уменьшение списка производств с правом на сокращенный рабочий день, сокращение количества нерабочих праздничных дней, – все это, по подсчетам О. В. Хлевнюка, максимально увеличивало рабочее время еще на тридцать три часа в месяц [Хлевнюк, с. 86]. Одновременно были увеличены нормы выработки и снижены сдельные расценки пропорционально увеличению продолжительности рабочего дня, причем руководство предприятий получило возможность пересматривать эти показатели в худшую для работников сторону. Значительное ухудшение условий труда потенциально было опасно усилением текучести рабочей силы и увеличением количества нарушений трудовой дисциплины как своеобразной формой протеста трудящихся. Для борьбы с этими неблагоприятными рисками требовалось существенное ужесточение законодательства, реализованное уже Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. [О переходе на восьмичасовой рабочий день].

Во-вторых, именно в ситуации дефицита кадров прежние методы по снижению текучести рабочей силы и укреплению трудовой дисциплины казались советскому руководству малоэффективными. Ставка на заинтересованность работника в сохранении прежнего места работы

за счет увязывания пакета социального обеспечения и продолжительности добросовестной трудовой деятельности могла сработать только в условиях превращения предложения над спросом на рынке труда. Реализация принятого 28 декабря 1938 г. Постановления ЦК ВКП (б), СНК СССР и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьба с злоупотреблениями в этом деле», предусматривавшего обязательное увольнение работника за прогул [О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины], привела к обратному эффекту – росту нарушений трудовой дисциплины и увеличению текучести кадров. Фиксировавшееся увеличение числа прогулов и последующих увольнений свидетельствовало о стремлении работников повысить свой уровень жизни за счет перехода на предприятие с лучшими условиями труда и быта. Одновременно актуализировалась поднятая еще постановлением 1932 г. проблема экономических издержек от необходимости найма и обучения новой рабочей силы взамен уволенных, подчас квалифицированных, работников. Примечательно, что большую часть нарушителей трудовой дисциплины составляли среднеквалифицированные рабочие с 1–3-летним непрерывным стажем работы, желавшие найти более оплачиваемое или менее тяжелое (во всех смыслах) рабочее место. Данное обстоятельство требовало иных мер по закреплению работников на прежнем месте работы.

В-третьих, продолженный постановлением 1938 г. курс на повышение трудовой дисциплины реально обострял конкуренцию среди предприятий различных отраслей промышленности (в том числе и оборонной) за рабочую силу. При этом в проигрышном положении оказывались организации с наименее развитой социальной инфраструктурой (в том числе, и строящиеся предприятия). Как описывал данную ситуацию в своих мемуарах нарком вооружения СССР Б. Л. Ванников, «недостаток квалифицированных производственных руководителей восполняли за счет неопытных работников, поэтому на заводах, особенно на новых, были различные производственные и организационные неполадки, а также простои и даже аварии. Наконец, плохо обстояло с материальной заинтересованностью и другими стимулирующими условиями, в результате заработок рабочих был неустойчивым. Все это также вызывало текучесть рабочей силы и массовые прогулы, принимавшие угрожающий характер» [Ванников].

Формировалась институциональная ловушка для предприятий: чем лучше их руководители будут соблюдать новшества трудового законодательства, тем с большими проблемами они будут сталкиваться при выполнении плановых показателей. Видимо, наиболее серьезно эта проблема актуализировалась представителями оборонной

промышленности, поскольку именно наркомы оказались лоббистами концептуальных положений Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., который существенно ограничил возможность увольнения работников и оставлял нарушителей трудовой дисциплины на предприятии. Данный закон следует рассматривать как компромисс, устанавливающий некий *status quo* между руководителями отраслей советской промышленности в борьбе за рабочую силу.

Криминализация трудового законодательства существенно видоизменила и дополнила существовавшие механизмы принуждения к труду, что казалось советскому руководству оправданным в условиях перехода советской мобилизационной экономики на военные рельсы.

Задействованный властями механизм аннигиляции (в теоретическом понимании П. Бергера и Т. Лукмана) как способа конструирования новой социальной реальности не срабатывал. Подавляющая часть привлеченных к уголовной ответственности работников считала уголовное наказание слишком жестким и неадекватным совершенному трудовому правонарушению. Реакция общества на Указ была достаточно враждебной, что выявилось в ходе организации открытых показательных процессов над нарушителями трудовой дисциплины. Достаточно часто местные партийные органы критиковались за то, что «парторганизации не создавали обстановки нетерпимости для дезорганизаторов производства... лодыри и хулиганы начали открыто в отдельных случаях выступать против Указа, а коммунисты этим вылазкам отпора не давали» [ПермГАНИ, ф. 1, оп. 22, д. 93, л. 51]. В результате власти были вынуждены признать политическую неэффективность показательных процессов. Главная причина в сворачивании кампании по их организации на местном уровне косвенно отражена в выступлении второго секретаря Краснокамского горкома ВКП (б) С. М. Ширилкина на собрании районного партактива 20 августа 1940 г.: «Ошибка горкома заключается в том, что мы проводили открытые суды над прогульщиками, дали возможность прогульщику использовать суд как трибуну для открытой вредной агитации» [ПермГАНИ, ф. 1290, оп. 1, д. 169, л. 119].

Таким образом, на советском рынке труда на протяжении довоенных пятилеток боролись две противоположные по своим целям социальные реальности. Первая из них была институционализирована работниками, которые желали повысить свой уровень жизни за счет перехода на предприятие с лучшими условиями труда. Это происходило на фоне снижения реальной заработной платы рабочего промышленности (по представленным в научной литературе подсчетам, реальная зарплата рабочего промышленности в 1940 г. составила примерно 96,2 % от уровня 1928 г. и 88,6 % от 1913 г.) [Постников,

Фельдман, с. 179–180] в результате политики по интенсификации труда. Вторая социальная реальность конструировалась государством и через механизм принуждения, реализуемого посредством трудового и уголовного права. Правовой механизм социального конструирования носил реактивный характер, поскольку государство было вынуждено реагировать на изменения внутренней (рынок труда) и внешней (обострившаяся к концу 1930-х гг. военная угроза) среды. Поворот к криминализации части трудовых правонарушений свидетельствовал о включении механизма аннигиляции.

Преодоление сложившихся среди рабочих представлений о труде, справедливости его оплаты, степени интенсификации труда, правах и свободах предполагало ужесточение и криминализацию законодательства в сфере укрепления трудовой дисциплины. Уже накануне Великой Отечественной войны отчетливо проявлялась проблема снижения легитимности карательной политики в трудовом законодательстве. Поэтому в период войны органы власти были вынуждены проводить намного более гибкую политику в отношении нарушителей трудовой дисциплины, видоизменяя некоторые правовые институты.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995 // Гуманитарные технологии: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783> (дата обращения: 01.08.2018).

Ванников Б. Л. Мемуары, воспоминания, статьи. М.: ЦНИИатоминформ, 1997 // Военная литература (Милитера): сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vannikov/02.html> (дата обращения: 01.08.2018).

Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

Меерович М. Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 5–66.

Об увольнении за прогулы без уважительных причин : постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1682 от 15 ноября 1932 г. // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3982#09012022016398513> (дата обращения: 01.08.2018).

О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле : постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429> (дата обращения: 01.08.2018).

О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. Консультант-Плюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения: 1.08.2018).

ПермГАНИ. Ф. 1 (Пермский городской комитет КПСС); Ф. 1290 (Краснокамский городской комитет КПСС).

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

Хлевнюк О. В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

Шильникова И. В. Проблемы регулирования трудовой дисциплины на советских текстильных предприятиях в годы первых пятилеток // Экономическая история. 2016. № 3 (34). С. 83–97.

УДК 94(47).084.6

Т. Г. Архипова

РСФСР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены место государственного аппарата РСФСР в рамках союзного государства, особенности организации и деятельности всех его звеньев в постконституционные годы, их взаимоотношения с союзными органами накануне Великой Отечественной войны, реорганизация ряда органов государственного управления, усиление административно-командной системы.

Ключевые слова: РСФСР, Конституция СССР 1936 г., Конституция РСФСР 1937 г., Верховный Совет РСФСР, Совет Народных Комиссаров РСФСР, народные комиссариаты, местные Советы, административно-командная система управления, степень готовности госаппарата к войне, репрессии.

Вошедшая в состав СССР Россия перестала быть объектом внимания историков – ее история была растворена в истории союзного государства. Авторы немногочисленных работ, посвященных «первой среди равных», не могли вычленить ее историю из истории СССР, но история России не прерывалась. В данной статье автор ставит задачу

рассмотреть постконституционную историю РСФСР с позиций историка-государствоведа.

К началу рассматриваемого периода остались в прошлом трудности постреволюционных лет, голод, карточная система, жизнь граждан постепенно менялась в лучшую сторону. В разгаре было выполнение планов второй пятилетки, и хотя она, как и первая, выполнена не была¹, ее результаты были все-таки лучше. Были ликвидированы все конкуренты правящей партии, сложилась административно-командная система управления, приближался юбилей революции, а страна жила по Конституции СССР 1924 г., основные положения которой были заложены еще в первые месяцы существования советского государства. Особенно дико выглядели статьи, ограничивавшие избирательные права большинства граждан, хотя послабление ограничений началось уже в первой половине 1930-х гг. [История Советской Конституции, с. 619–621, 669–670, 674, 683 и др.]. Подготовка более серьезных поправок в действующую Конституцию привела к осознанию необходимости принятия новой. Она изменила систему органов представительной власти и систему выборов в них, легимитизировала правящую партию. В ходе обсуждения проекта не остались незамеченными разногласия в ближайшем окружении Сталина, хотя, например, поднимавшийся вопрос об альтернативных выборах в условиях однопартийной системы решить положительно было невозможно. Из 30 членов конституционной комиссии 20 вскоре сошли с политической сцены – 17 были уничтожены [Боффа, с. 468].

Подмеченные аналитиками демократические тенденции в новом основном законе страны остались на бумаге; последующая практика, акты текущего законодательства, подзаконные акты в большинстве случаев исказили их до неузнаваемости.

Конституция закрепила усиление союзнических начал во взаимоотношениях СССР и республик, в нее входящих, унитарный характер государства, объявленного федеративным. В государственном устройстве это выразилось в еще большем ограничении прав союзных республик, не говоря о других национально-государственных образованиях, в государственном аппарате – в сведении к минимуму самостоятельности республиканских и местных органов власти, в бюрократической централизации. От союзных органов зависел не только перечень республиканских наркоматов, персональный состав правительства, но и персональный состав руководителей самого разного уровня, являвшихся номенклатурой ЦК ВКП (б). В этом союзе «равных» самой бесправной оказалась РСФСР.

¹ По подсчетам экономистов, из 46 важнейших заданий второго пятилетнего плана выполненными оказались только 10, средний уровень выполнения всех показателей колебался от 70 до 77 % [Политика «Большого скачка», с. 269–275].

Естественно, что республиканские конституции были актами вторичными. Отличий было немного. К их числу можно отнести отсутствие в законодательном органе власти многонационального федеративного государства, как именовалась РСФСР, палаты, представляющей интересы входящих в него образований.

Организация выборов, активность избирателей, «качественный» состав избранных в российский высший орган власти мало чем отличался от аналогичных союзных показателей. В обоих случаях использовалось квотирование. Среди депутатов были известные государственные и партийные деятели – Л. З. Мехлис, Н. И. Ежов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. В. Косарев, П. С. Жемчужина, В. К. Блюхер и др., из числа которых вскоре сталинская дубинка удалила «врагов народа». Были здесь и представители творческой интеллигенции. Как говорил часто выступавший на сессиях со стихами на рыцарском поводе поэт В. И. Лебедев-Кумач: «Лицо здесь представленных депутатов – нашей страны коллективный портрет» [Первая сессия Верховного Совета РСФСР, с. 53].

Верховный Совет республики созывался в два раза реже союзного. Принятие законов не входило в число приоритетных дел представительных органов власти всех уровней – страна продолжала жить, главным образом, по совместным постановлениям ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР. Общим для четырех предвоенных сессий было утверждение годовых бюджетов и отчетов о их исполнении, утверждение указов Президиума, принятых между сессиями, внесение изменений в Конституцию, связанных, в основном, с изменением перечня правительственных учреждений. Тогда их перечень давался в Конституции. Несколько отличной от других была повестка дня третьей сессии Верховного Совета РСФСР: в нее дополнительно были включены вопросы утверждения конституций автономных республик и принятия закона «О порядке изменения гражданами РСФСР фамилий и имен». Обсуждение любого вопроса повестки дня проходило под знаком полного одобрения. Это в те годы возникла практика разработки сценариев сессий, появились ставшие позднее расхожими термины «единогласно» и «единодушно» [см: Первая сессия Верховного Совета РСФСР; Вторая сессия Верховного Совета РСФСР; Третья сессия Верховного Совета РСФСР; Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР].

Состав правительства РСФСР в количественном и персональном отношении не был постоянным. Причин здесь было несколько. Как известно, составной частью завершающего этапа индустриализации и коллективизации явился «большой террор». Ему подверглись не только руководители союзных ведомств, но и ответственные работники республиканских наркоматов. Здесь достаточно назвать фамилии

глав российского правительства С. И. Сырцова, Д. Е. Сулимова, народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова. Правда, к концу 1930-х гг. размах репрессий сократился, но их угроза сохранялась. Непосредственные участники событий тех лет вспоминали о том, что за работой наркомов следили работники органов госбезопасности, а за перерасход двух–трех тысяч рублей нарком рисковал не только постом, но и жизнью [Беляев, с. 6–7; Бенедиктов, с. 18]. К числу причин непостоянного состава правительства следует отнести также рост числа правительственных органов, перемещение членов республиканского правительства в союзный аппарат. К началу войны произошла полная смена наркомов (в некоторых наркоматах руководители менялись неоднократно), количественный состав Правительства вырос почти в два раза [Архипова, Совнарком РСФСР..., с. 10, 26].

При провозглашенном праве высших органов власти республик на формирование собственного правительства перечень республиканских наркоматов определялся на союзном уровне [Третья сессия Верховного Совета РСФСР, с. 484].

Следствием усиления централизации стало отсутствие ряда наркоматов среди российских правительственных учреждений даже в союзно-республиканских системах, а создававшиеся были в значительно большей степени подчинены союзному наркомату, нежели республиканскому правительству. Жесткая централизация привела к тому, что руководящие работники республиканских наркоматов и даже работники их местных органов назначались и подчинялись союзному наркомату. Так, нарком торговли СССР довольно часто утверждал начальников местных торговых предприятий и организаций [Лазарев, с. 53], районный финансовый инспектор подчинялся непосредственно союзному наркомату [Третья сессия Верховного Совета РСФСР, с. 34] и т. п.

Совнарком, утративший право принимать акты законодательного характера, не заметил этого – ведь и прежде его права по формированию правового поля республики были весьма ограниченными. В предвоенные годы он принимал постановления, направленные на выполнение государственных планов, бюджетов, утверждал новые положения о наркоматах и структуру последних. В большинстве случаев деятельность правительства носила секретный характер. Из общего числа постановлений публиковалось менее десятой их части [СП РСФСР, 1940, № 1–18; 1941, № 1–3].

Предвоенное десятилетие в РСФСР, как и в СССР в целом, характеризовалось специализацией отраслей промышленности, что было связано с усилением административно-командной системы, ростом числа предприятий, увеличением номенклатуры и объемов производимой продукции.

Из числа находящихся на территории республики предприятий в ведении республиканских наркоматов находилась едва ли десятая их часть. Это были предприятия так называемых неприоритетных для СССР в целом отраслей промышленности – продовольственных товаров, деревообрабатывающей, топливной, легкой и строительных материалов. Предприятия эти были, как правило, небольшие (перед войной большинство более-менее крупных предприятий, имеющих отношение к тяжелой индустрии, было передано в союзное подчинение): при 400–500 работающих завод или фабрика считались весьма крупным производством. Работали они, как правило, на местном сырье и их продукция чаще всего реализовывалась на месте.

В соответствии с Конституцией РСФСР 1937 г. в республиканском правительстве было четыре промышленных наркомата; за первое полугодие 1939 г. их число выросло до девяти, из них только два – местной промышленности и местной топливной промышленности были республиканскими и подчинялись только российскому правительству, остальные функционировали по принципу так называемого двойного подчинения. О специализации каждого из них говорило их название. Исключение представлял Наркомместпром, объединявший предприятия самых разных отраслей, среди которых были уникальные и единственные в масштабах СССР.

Усиленное внимание руководства страны к производству товаров группы «А» привело к резкому сокращению производства товаров широкого потребления; отмена карточек сначала на продукты питания, потом на товары легкой промышленности привела к увеличению спроса на них. Как известно, в контрольных цифрах плана на вторую пятилетку было заложено увеличение их производства. Вот тут-то и вспомнили об артелях и предприятиях промысловой кооперации, значительное количество которых было еще не огосударствлено. В январе 1941 г. в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» к промышленным наркоматам добавилось Управление промысловой кооперации при Правительстве республики [СП СССР, 1941, № 3, ст. 40]. Очень быстро Управление заняло первое место среди промышленных наркоматов. В его системе перед войной насчитывалось около 14,5 тыс. артелей и предприятий [ГА РФ, ф. А-395, оп.1, д. 575, л. 7; д. 682, л. 13]. Их ассортимент достигал почти 200 наименований: от станков до скрепок, от сапог до кружев [см. об этом подробнее: Архипова, Управление местной промышленностью...]. Они добились значительного увеличения выпуска товаров широкого потребления, но изменить положение дел в этой области даже в масштабах республики кардинальным образом не удалось [Осокина, с.185].

Конституция 1937 г. в области руководства сельским хозяйством закрепила Наркомат земледелия и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов. К этому времени командование сельскохозяйственным производством оформилось как единственный способ воздействия на него. К концу 1930-х гг. это было укрупненное, экстенсивное, в слабой степени механизированное производство. Сельские жители все больше напоминали помещичьих крепостных. Вырваться из этих пут можно было, в основном, во время всякого рода мобилизаций. При росте населения городов производство сельскохозяйственной продукции если и росло, то крайне медленно, по некоторым показателям достигнуть уровня 1913 г. не удавалось. Накануне войны государство, возмещая лишь 35 % затрат на производство сельхозпродукции, изымало свыше 80 % произведенного зерна [Реформы в России, с. 290–293]. Централизация коснулась и этой отрасли народного хозяйства. Так, в мае 1940 г. ряд племенных и животноводческих совхозов был передан в союзный наркомат [СП РСФСР, 1940, № 6, ст. 171].

Экономический (хозяйственный) блок российского Правительства включал в себя также Главное дорожное управление, созданное в 1938 г. при СНК РСФСР, Наркомат торговли, Наркомат коммунального хозяйства, Госплан, Наркомфин, входящий в самую централизованную систему управления. Летом 1939 г. этот блок пополнился новым наркоматом – автомобильного транспорта, который сосредоточил функции, прежде закрепленные за другими ведомствами. Создаваемый в качестве республиканского органа Наркомат имел довольно широкие полномочия, хотя наиболее крупные его автохозяйства незадолго до начала войны были переданы в союзное подчинение.

Социальный блок состоял из наркоматов социального обеспечения, здравоохранения и просвещения. Все годы своего существования ведомство, ответственное за социальное обеспечение граждан, было республиканским, что свидетельствовало об отнесении этой государственной функции к числу второстепенных. И без того небольшие расходы на социальные нужды постоянно подвергались урезанию. В середине 1940 г. на органы соцобеспечения были возложены назначение и выплата пенсий некоторым категориям военнослужащих срочной службы и их семьям, что в значительной степени стало следствием потерь в локальных войнах [ГА РФ, ф. А-413, оп. 1, д. 35, л. 134]. Это расширило полномочия Наркомсобеса РСФСР.

А вот функции двух других наркоматов социального блока в предвоенный период резко сократились. Летом 1936 г. по существу

на базе республиканского наркомата был создан союзно-республиканский Наркомат здравоохранения СССР, забравший у первого большую часть функций и получивший в свое подчинение значительную часть российских учреждений и предприятий.

С Наркоматом просвещения РСФСР дела обстояли иначе. До середины 60-х гг. образовательное ведомство было республиканским, хотя изначально его компетенция была много шире его названия, а нарком А. В. Луначарский периодически практиковал то созыв съездов учителей, то совещание наркомов просвещения союзных республик, иные мероприятия общесоюзного значения. Во второй половине 20-х гг. начинается процесс изъятия из компетенции наркомата целого ряда функций и передача их вместе с подведомственными учреждениями и организациями не только в уже существующие, но и во вновь создаваемые союзные органы. Руководство партии и государства, нуждающееся в идеологической поддержке своей политики, видело в лице научных, образовательных учреждений и учреждений культуры главных ее апологетов. Республиканский статус Наркомпроса не соответствовал решению такой задачи, да и тогдашний его руководитель не считал ее главной в деятельности своего ведомства. После ряда преобразований появились Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР, Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР и др. подобные учреждения. Наркомпрос при решении ряда вопросов подчинялся Всесоюзному комитету по делам высшей школы.

После передачи в созданное осенью 1940 г. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР организацию подготовки рабочих массовых профессий дело управления народным образованием приобрело законченные формы. В Наркомпросе РСФСР осталось управление школами и педагогическими вузами.

К этому времени система образования была в целом реорганизована: были восстановлены ее традиционные (дореволюционные) формы. Исключением стал идеологический компонент. Вклад Наркомпроса в реализацию планов культурной революции огромен, хотя не все ее задачи были решены в равной степени [Жиромская, с. 394–395].

В республике не было ни собственного НКВД, ни Наркомата госбезопасности, хотя их наличие предусматривалось действующей Конституцией. Их функции выполняли общесоюзные органы. С весьма урезанными функциями, особенно после создания в 1936 г. союзного Наркомата, существовал российский Наркомат юстиции. Невелик был круг дел, подсудных республиканским судам.

25 января 1941 г. был создан Наркомат государственного контроля РСФСР, что было оформлено задним числом [СП РСФСР, 1946, № 7, ст. 35]. Наряду с финансовыми, плановыми, кредитными органами контролеры Наркомата, отождествлявшие себя зачастую с работниками партийного аппарата, осуществляли контроль над выполнением решений партии и правительства, направив основное внимание на выявление злоупотреблений и наказание виновных. Уже в годы войны один из наркомов, назначенных для смягчения политики наркомата, предлагал изучать людей таким образом, чтобы знать, на какую они «могут пуститься авантюру», на что «они способны», какие у них «странности» [ГА РФ, ф. А-339, оп. 1, д. 143, л. 162–162об.].

Рост числа правительственных учреждений и вменяемых им функций привели к увеличению штатов. Ежегодные, в целом вялотекущие, сокращения иногда достигали 30 %. Не затронули они, пожалуй, лишь Госплан. Сокращения сопровождались пересмотром структуры органов, сокращением ассигнований на оплату труда их сотрудников.

При всем различии задач, решаемых органами управления, при различии их организационных структур общим в их деятельности было то, что управление было подменено командованием. Приказ, циркуляр, побудительное постановление, подкрепленные в случае невыполнения обещаниями наказаний разной степени строгости, стали главным способом взаимодействия с объектами управления.

Входящие в состав РСФСР «государства» в лице автономных республик, имея соответствующие внешние атрибуты, на практике располагали правами, сопоставимыми с правами местных Советов, которые, получив новое название, в еще большей степени были оттеснены от принятия конкретных решений собственными исполнительными комитетами. Последние, как и прежде, располагали минимальными средствами (да и те можно было тратить по разрешению сверху); как и прежде, их деятельность была регламентирована союзным и республиканским законодательством; всеобъемлющим было руководство со стороны разного уровня партийных структур.

За год до начала войны на союзном уровне был принят ряд актов, направленных на ужесточение системы наказаний за самовольный уход рабочих и служащих с работы, за мелкие кражи на производстве и т. п. Еще более усилилась централизация, причем не только в управлении предприятиями, производящими военную продукцию. Это повлекло за собой усиление контрольных функций уже существующих органов и создание соответствующего наркомата

в числе российских правительственных структур. Это, с одной стороны, свидетельствовало об усилении административно-командной системы управления, и о подготовке к войне, с другой.

Архипова Т. Г. Совнарком РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Россия в 1941–1945 гг.: Проблемы истории и историографии : межвуз. сб. науч. статей. Самара, 1995. С. 10–29.

Архипова Т. Г. Управление местной промышленностью и промысловой кооперацией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985.

Беляев В. Совнарком в годы войны // Правительственный вестник. 1990. № 19. С. 6–7.

Бенедиктов И. А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 12–65.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1994.

Вторая сессия Верховного Совета РСФСР : стеногр. отчет. М., 1939.

ГА РФ. Ф. А-339 (Министерство государственного контроля РСФСР); Ф. А-395 (Управление промысловой кооперации при Совете Министров РСФСР); Ф. А-413 (Министерство социального обеспечения РСФСР).

Жиромская В. Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х гг. как исторический источник // Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 385–396.

История Советской Конституции (в документах): 1917–1956 гг. М., 1957.

Лазарев Б. М. Управление советской торговлей. Организационно-правовые вопросы. М., 1967.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 гг. М., 1997.

Первая сессия Верховного Совета РСФСР : стеногр. отчет. М., 1938.

Политика «Большого скачка» (1929–1941) / Наше Отечество. Опыт политической истории : в 2 т. Т. 2. М., 1991.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 4. 1917–1991. М., 2016.

СП РСФСР (Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР (1939–1942 гг.); Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР (1943–1948 гг.). 1940. № 1–18; 1941. № 1–3; 1946. № 7.

СП СССР (Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (1938 – 1946 гг.). 1941. № 3.

Третья сессия Верховного Совета РСФСР : стеногр. отчет. М., 1940.

Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР : стеногр. отчет. М., 1941.

УДК 94(47).084.5/084.6

А. А. Хлевов

«БУДУЩАЯ ВОЙНА» КАК ПРОЕКТ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ 1920–1930-х ГОДОВ

С момента своего возникновения Советская Россия (а позднее — Советский Союз) оказалась лицом к лицу с необходимостью выстраивать военную стратегию и тактику в ожидании практически неизбежного военного противостояния с капиталистическим миром. В силу того, что совокупный опыт Первой мировой на Восточном фронте и Гражданской войны был вполне уникален, складывались условия для выработки оригинальных стратегических и тактических решений в рамках советской военной традиции. Именно поэтому ход развития советской военной мысли в межвоенный период отличался как творческим переосмыслением западных военно-стратегических разработок, так и выработкой собственных решений, вполне сопоставимых по масштабу и качеству с лучшими зарубежными образцами. Наиболее любопытны в этом отношении идеи В. К. Триандафиллова, касающиеся общих вопросов теории глубокой операции и существенно опередившие свое время. Однако, наряду с ними, не менее значимыми были разработки А. Н. Лапчинского, В. М. Лозового-Шевченко и др., касающиеся выработки стратегии авиации — нового рода войск, которому придавалось решающее значение в будущей войне. Сопоставление взглядов ведущих советских теоретиков с концептуальными предложениями западных стратегов явственно демонстрирует революционный характер советского военно-стратегического проекта этого периода. Особенно актуальным кажется сравнение этих различий с теми, которые выстроились на основе опыта Второй мировой войны по обе стороны «железного занавеса».

Ключевые слова: советская военная стратегия, межвоенный период, мировая война, военная наука, вооруженные силы, тактика.

С момента своего возникновения Советская Россия (а позднее — Советский Союз) оказалась лицом к лицу с необходимостью выстраивать военную стратегию и тактику в ожидании практически неизбежного военного противостояния с капиталистическим миром. Эта неизбежность предопределялась рядом факторов, важнейшими из которых были следующие. Прежде всего, категорическая несовместимость провозглашаемого СССР курса социальных преобразований и ценностных ориентиров идеологической и социальной модели капиталистических обществ делала Советский Союз крайне «неудобным соседом по планете». Стремление к его изоляции имманентно присутствовало как элемент внешней политики коллективного Запада

с момента возникновения СССР. Далее, ресурсная база СССР, доставшаяся ему в наследство от Российской империи с минимальными потерями, являлась неизменно привлекательной для промышленных и правящих элит капиталистического мира – прежде всего Великобритании, Германии и в меньшей степени Франции. Не меньший интерес к ресурсному вопросу проявляла и Япония. Наконец, третьим, но отнюдь не третьестепенным (возможно, главным), был фактор революционной опасности, которую представлял СССР для западного мира самим своим существованием. Несмотря на формальное осуждение троцкизма, рассматривавшего Советскую Россию как хворост для грядущей мировой революции, СССР отнюдь не отказался от установки на экспорт революции во всех доступных формах, включая полномасштабное вторжение, провоцирующее революционные изменения, в частности, в Европе. Безусловно, агрессия со стороны СССР формально категорически отвергалась, однако даже поверхностный анализ предвоенной тактики и стратегии, а также литературного и кинооформления государственной пропаганды [Хлевов, Коскова, с. 698–702] показывает, что ключевым моментом была провокация со стороны противника, неизбежно запускавшая механизм вторжения на его территорию с последующими революционными преобразованиями. Не вызывает никаких сомнений, что политическое и военное руководство крупных капиталистических держав не питало иллюзий по поводу миролюбия СССР, хотя и не имело адекватной информации о его реальной военной мощи, особенно во второй половине 1930-х годов.

Подготовка к неизбежной будущей войне, как известно, являлась краеугольным камнем советского проекта межвоенного периода. При этом обстоятельства выработки стратегических и тактических постулатов были существенно отличными от тех, что существовали, например, в европейских странах. В силу того, что совокупный опыт Первой мировой войны на Восточном фронте и Гражданской войны в России был вполне уникален, складывались условия для выработки оригинальных стратегических и тактических решений в рамках советской военной традиции. Относительно слабое насыщение русско-германского и русско-австрийского фронтов современными техническими средствами и новым вооружением, несколько меньшая интенсивность боевых действий по сравнению с Западным фронтом компенсировались новациями фронтов Гражданской войны. Огромные оперативные пространства, массовое возвращение тактики маневренной войны и почти полное отсутствие элементов войны позиционной дали весьма специфический опыт как военспецам и командирам всех уровней, так и высшему политическому руководству страны. Анализ этих уроков применительно к позиции И. В. Сталина и его ближнего окруже-

ния предпринимался автором [Хлевов, с. 7–60] и может быть отчасти резюмирован известной сталинской фразой «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку» [Сталин, с. 261]. Безусловно, из этого никоим образом не следует, что опыт зарубежной стратегии и тактики огульно отвергался. Напротив, советская военная мысль придирчиво и пристально следила за новациями западной военной науки.

Исключительно интересный статистический анализ выходящей в СССР переводной военной литературы демонстрирует динамику и приоритеты этого процесса [Дусин]. Именно в силу тесного знакомства с западным в первую очередь опытом ход развития советской военной мысли в межвоенный период отличался как творческим переосмыслением западных военно-стратегических разработок, так и выработкой собственных решений, вполне сопоставимых по масштабу и качеству с лучшими зарубежными образцами. Осознавая глобальность темы и невозможность ее полного освещения в краткой статье, отметим следующие базовые тезисы, которые кажутся аксиоматичными, либо вполне жизнеспособными.

Стоит заметить, что ключевым вопросом межвоенной стратегии являлся вопрос темпов будущей войны. Катастрофическая психологическая травма, пережитая всей Европой в ходе позиционной войны, требовала ответа в виде модели перевода войны в маневренную фазу. Собственно, вокруг этой проблемы вращалась мысль всех стратегов, так или иначе размышлявших о будущих боевых действиях. Поэтому критерием эффективности стратегии являлась дилемма «маневренная–неманевренная война». Исключительно с точки зрения реализуемости этого критерия и может быть рассмотрена продуктивность любых теорий межвоенного периода.

Невозможно говорить о единой модели стратегии, характерной для блока крупных капиталистических держав. Теоретические положения, высказанные Д. Фуллером, Б. Лиддел Гартон и рядом других теоретиков и практиков в Англии, полностью основывались на уроках Первой мировой в сочетании с традиционным для англичан акцентом на защиту колониальных владений и крайне ограниченное участие в европейской сухопутной войне [Statement Relating...]. Показательно, что англичане, будучи пионерами танкостроения и достаточно интенсивно проводя разработки в области производства и применения гусеничных бронированных машин, рассматривали танки преимущественно как средство борьбы на колониальных фронтах (в частности, в Африке), а также защиты баз флота (вместе с пехотой) на континенте в случае европейской войны [Английский устав, с. 10–11].

Преимущественно оборонительная стратегия англичан предусматривала абсолютный приоритет ВМФ перед другими видами вооруженных сил, активное использование стратегической авиации. Однако бомбардировочная авиастроительная программа к концу 1930-х практически потерпела крах, и Англии пришлось вернуться к приоритету истребителей. Таким образом, британские стратегические разработки, в отличие от тактических, были малоприменимы в геостратегических условиях СССР в силу их полной непригодности для масштабной сухопутной маневренной войны.

Несмотря на сухопутный в целом характер французской стратегии (Петэн, Шовино и др.) и традиционно большой авторитет французской школы в России, ее положения были также весьма слабо применимы для советских теоретиков. Победа в мировой войне и вызванная ею убежденность в безошибочности собственной боевой практики сыграли с французами злую шутку. Переоценки роли пехоты и артиллерии, скепсис по поводу применения танков, но, главное, устойчивая ориентация на позиционную войну, оборонительную стратегию и изматывание противника были абсолютно архаичны и противопоказаны «самой атакующей армии в мире».

Польская стратегия, безусловно, не представляла собой особой ценности, будучи причудливым сочетанием архаики и ограниченных инноваций. Поляки были привержены стратегии наступательной маневренной войны, и это роднило их с советскими стратегами. Однако формы этой войны виделись более чем старомодными, с опорой на использование кавалерии и невнятной ролью танков и авиации.

Стратегия Соединенных Штатов Америки, выраженная словами полевого устава: «ведение войны есть искусство применения вооруженных сил нации в сочетании с мерами экономического и политического принуждения в целях достижения удовлетворительного мира» [Временный полевой устав, с. 36], с полным основанием может быть названа как «стратегией не прямых действий», так и новомодным термином «гибридная война». В целом оборонительная и нацеленная на массовое применение армии в финальный период войны, она, однако, подразумевала ключевую роль стратегической авиации, а в создании образцов техники для нее США продвинулись к концу 1930-х, несомненно, дальше всех в мире.

Итальянская стратегия (П. Бадольо, Т. Силлани, В. Праски и др.) была достаточно противоречива. Не имея внятных территориальных интересов в Европе (исключая Балканы), итальянцы нуждались в выходе к потенциальным колониям, что определяло приоритеты – развитие флота и сухопутные действия на африканском театре. Обладая достаточно развитой промышленностью и передовыми разработ-

ками в сфере авиационных и морских вооружений, они, однако, не выработали аутентичной концепции применения вооруженных сил в большой войне. Итальянская стратегия в основном оставалась клоном немецкой, в том числе и в плане ее наступательности. Впрочем, в сфере авиационной стратегии, причем почти сразу после завершения Первой мировой войны, ставший вполне легендарным персонажем Дж. Дуэ сумел разработать концепцию, намного опередившую свое время и частично реализованную в 1944–1945 гг. и в послевоенное время [Дуэ]. Потенциал его теории, безусловно, еще подлежит оценке.

Безусловно, наиболее близкой к советской и наиболее интересной по ряду объективных причин оказывалась немецкая стратегия – в первую очередь в силу того, что она предусматривала быстрое решение стратегических задач войны путем эффективного использования достаточно ограниченных сил и средств, а также благодаря явно сухопутному характеру военной доктрины. Кроме того, СССР и Германия тесно взаимодействовали в военной области в 1920-е гг. и объективно имели потенциально один и тот же театр боевых действий. Впрочем, окончательную конфигурацию концепция блицкрига приобрела во второй половине 1930-х гг. в связи с появлением новых образцов техники, развитием радиосвязи и отработкой взаимодействия родов войск на полях сражений в Эфиопии и особенно в Испании.

Исключительно интересно малоисследованное направление военно-стратегической мысли, представленное русскими эмигрантскими теоретиками, работавшими за рубежом. Типичным примером такого творчества является курс лекций генерала В. А. Тараканова «Тактика броневых войск», прочитанный им на Зарубежных высших военно-научных курсах профессора генерала Головина в Белграде в 1931–1932 гг. Внимание к авторам, находящимся «между лагерями» и до известной степени влиявшим на взгляды военных специалистов Красной Армии, безусловно, оправдано. Отнюдь не повторяя Д. Фуллера и других теоретиков, Тараканов, например, прогнозирует появление специализированных машин на базе танков, активную механизацию войск, встречные танковые бои и даже глубинные рейды отдельных танков, не сопровождаемых пехотой [Тараканов, с. 15, 36–40, 69]. Последний пассаж явственно перекликается с эпизодом более позднего советского фильма «Танкисты», в максимальной степени пропагандирующего возможность танка как самостоятельной боевой единицы массовому зрителю.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывают те сегменты советской стратегии, которые были связаны с развитием теории глубокой наземной операции и теорией применения воздушных сил. Говоря о советской военной стратегии, необходимо учитывать ряд факторов,

оказывавших влияние на ее генерацию. Огромное значение имела идеологическая ангажированность. Военная стратегия рассматривалась как прямое продолжение курса партийного руководства на решение внешних и отчасти внутренних вопросов жизни советского государства. Поэтому любая проблема неизбежно рассматривалась через призму долженствования в рамках марксистско-ленинского учения и не должна была явно ему противоречить.

Советская военная мысль достаточно пристально следила за новшествами зарубежной стратегии и деятельно генерировала собственные концепции. Наиболее любопытны в этом отношении идеи В. К. Триандафиллова, касающиеся общих вопросов теории глубокой операции и существенно опередившие свое время. Однако масштаб этого опережения нельзя преувеличивать. Как и делать выводы о шапкозакидательстве отечественных стратегов. Они отлично осознавали, что усложнение способов ведения войны и насыщение войск техникой ставят более глобальные задачи на поле боя, но и сопряжены с неизмеримо большими трудностями. Например, Тараканов утверждал, что «успех прорыва мог считаться достигнутым лишь в том случае, если удастся дойти до линии расположения главных артиллерийских позиций противника и заставить артиллерию сдвинуться с места» [Тараканов, с. 5], т. е. речь идет о продвижении на несколько километров как об успехе операции прорыва обороны. В 1936 г. В. К. Триандафиллов указывает, что «добиться развязки в современной операции – означает преодолеть всю глубину тактического расположения противника и вслед за этим отбросить и те части, которые за это время будут подброшены в район завязавшихся боев автомобилем и по железным дорогам. В общей сложности бои растянутся в глубину до 25–30 км...» [Триандафиллов, с. 147]. Заметим, что эти строки написаны без учета наземных операций в Испании. Операции будущего видятся автору «более продолжительными и трудными. По своему характеру эти операции... будут более походить на медленно развивающиеся действия 1918 г., чем на полные напора и маневренности действия германцев в 1914 г. или действия Красной Армии в 1920 г. В будущем надо ожидать дальнейшего роста потерь. Маневренный период мировой войны в этом отношении нельзя считать характерным для будущих операций... Есть целый ряд данных, которые утяжеляют условия наступления даже по сравнению с позиционным периодом мировой войны» [Триандафиллов, с. 152, 168]. В этом контексте трудно говорить о том, что советские военные руководители не придавали значения обороне, сосредоточившись на наступательных планах [Военная стратегия, с. 169; Осьмачко, с. 312].

Более соответствует истине то, что советская военная мысль (как и русские эмигрантские военные специалисты) находилась в русле наиболее передовых тенденций мирового стратегического поиска. Характер отечественной стратегии определялся государственными задачами, обязательствами лидерства социалистического движения, наличествующей материально-технической базой, традициями контактов с немецкой военной школой, общим наступательным настроем, пропагандированным в армии и среди населения, а также особенностями предполагаемых театров боевых действий. Признать советскую стратегию излишне оптимистичной или несбалансированной, по крайней мере до самого конца 1930-х гг., невозможно. Любые концепции, напоминавшие блицкриг, с технической точки зрения были фантастикой до первой половины 1930-х гг., а ограниченное подтверждение получили только на полях сражений в Испании, поэтому вплоть до 1937–1938 гг. гипотезы оставались лишь гипотезами. Операции немецкой армии в Европе и Советского Союза в Финляндии и на Дальнем Востоке дали бесценный, но слишком запоздалый опыт. В сущности, изменения, произошедшие в способах ведения боевых действий, стали очевидны только после завершения французской кампании. Только с этого момента может считаться, что блицкриг был «обкатан».

Не менее значимыми были разработки А. Н. Лапчинского, В. М. Лозового-Шевченко и др., касающиеся выработки стратегии авиации – нового рода войск, которому придавалось решающее значение в будущей войне. В трудах Лапчинского «Воздушный бой» [Лапчинский, Воздушный бой], «Бомбардировочная авиация» [Лапчинский, Бомбардировочная авиация] и посмертно изданном итоговом произведении «Воздушная армия» [Лапчинский, Воздушная армия] был детальнейшим образом проанализирован опыт использования ВВС как за рубежом, так и в СССР. Результатом стало создание фундаментальной отечественной авиационной стратегии, охватывающей дискуссионные на тот момент «вопросы воздушного наступления и воздушной обороны, вопросы о возможности создания воздушно-зенитного фронта, о понятии «воздушная операция», о системе воздушных вооружений и об организации воздушной армии» [Там же, с. 3].

Крайне показательным выглядит труд В. М. Лозового-Шевченко «Борьба с авиацией на ее аэродромах» [Лозовой-Шевченко]. Он аккумулирует не вполне удачный опыт советско-финской войны, итоги боевой работы авиации в Европе, а также ставит вполне конкретные цели и задачи по борьбе с потенциальным противником. Особенно впечатляет время подписания книги в печать – январь 1941 г. Сценарии, предназначенные для ВВС РККА, через пять месяцев зеркально будут отыграны Люфтваффе.

Сопоставление взглядов ведущих советских авиационных теоретиков с концептуальными предложениями западных стратегов явственно демонстрирует революционный характер советского военно-стратегического проекта этого периода. Однако тема эта исключительно масштабна и требует отдельного исследования.

В 1940 г. Г. С. Иссерсон в работе «Новые формы борьбы» утверждал, что «новые виды вооружения и техники придают боевым действиям качественно иной характер; а война в Европе показала, что немцы начинали военные действия заранее отмобилизованными и развернутыми силами, вкладывая в их первоначальный удар всю свою мощь» [Иссерсон, с. 29]. Констатация, однако, оставалась констатацией. В процессе подготовки к будущей войне определяющую роль играли экономические (и промышленные, в частности) возможности СССР. Индустриализация и коллективизация были продиктованы, в первую очередь, необходимостью насыщения армии и флота техникой и ресурсами, поэтому неудивительна прямая зависимость концепций применения сил от обеспеченности их вооружениями. Вплоть до начала 1930-х гг. любые рассуждения о будущей войне неизбежно несли на себе в СССР, да и за рубежом, отпечаток теоретизирования и основывались на ожидаемых к принятию на вооружение новых образцах техники, порой вполне гипотетичных.

Первым переломом можно считать рубеж 1933–1934 гг. Он был связан с тем, что были апробированы, испытаны и пущены в производство многочисленные базовые образцы боевой техники, которые выпускались исключительно большими по мировым меркам сериями – в частности, вся линейка танков (Т-26, БТ-7, Т-28, Т-35), тяжелый бомбардировщик ТБ-3, истребители И-15 и И-16. Красная Армия получила в больших количествах те «шахматные фигуры», которыми можно было оперировать в будущей войне, и теоретические концепции стали получать вполне конкретное материальное оформление.

Второй перелом произошел летом и осенью 1940 г. К этому времени опыт применения сухопутных армий и авиации в Китае, Эфиопии, Испании, Финляндии оказался внезапно дополнен успешным блицкригом, фактически ликвидировавшим Западный фронт. Имело значение и появление нового поколения военной техники в 1936–1939 гг. Суммирование связанных с этим выводов стало кульминацией межвоенных поисков отечественной стратегии. Примером этого злободневного анализа является вышеупомянутая книга Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы».

Однако анализ этот явно запоздал и не мог существенно изменить ситуацию в условиях катастрофической нехватки времени. Хотя, безусловно, поражения 1941–1942 гг. являются следствием отнюдь не

только порочной стратегии руководства Красной Армии. Заметим, что основной причиной несостоятельности стратегии обороны СССР в первый период войны, без сомнения, явились морально-психологические факторы: нестойкость основной массы РККА, недостаточная мотивированность личного состава, выжидательная позиция населения территорий, потенциально оккупируемых противником, пассивная и приспособленческая позиция местного руководства и, разумеется, отсутствие инициативы низшего командного и рядового состава РККА.

В этом контексте как списывание всей ответственности за катастрофическое поражение в начальной фазе войны на предвоенные репрессии, якобы обезглавившие армию, так и поиски мнимых огрехов в предвоенной стратегии, якобы не нашедшей баланса между оборонной и наступлением, равно несостоятельны. Отечественная стратегия в предвоенный период была вполне передовой на фоне большинства зарубежных, и следует скорее уделить внимание человеческому фактору в поиске причин неудач 1941–1942 гг.

Особенно актуальным кажется сравнение этих различий с теми, которые выстроились на основе опыта Второй мировой войны по обе стороны «железного занавеса». Безусловно, сопоставление стратегий Варшавского блока и НАТО представляет не менее впечатляющую идеологическую баталию военно-стратегических концептов. Тем интереснее их взаимная оценка в контексте противостояния государств межвоенного периода. Равно как и сопоставление, на основе этого опыта, современных стратегических программ НАТО, России и КНР.

Английский устав полевой службы. Ч. III. М., 1937.

Военная стратегия. М, 1963.

Временный полевой устав армии Соединенных Штатов Америки. М., 1941.

Дусин А. В. Тематика военных переводных книг в СССР (1920–1930-е годы) // Библиосфера. 2012. № 1. С. 55–61.

Дуэ Дж. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М., 1936.

Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы: (Опыт исследования современных войн). М., 1940.

Ланчинский А. Н. Воздушный бой. М., 1934.

Ланчинский А. Н. Бомбардировочная авиация. М., 1937.

Ланчинский А. Н. Воздушная армия. М., 1939.

Лозовой-Шевченко В. М. Борьба с авиацией на ее аэродромах. М., 1941.

Осьмачко С. Г. Культура военной мысли в СССР (1920–1930-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. С. 306–314.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

Тараканов В. А. Тактика броневых войск. Лекции, читанные в 1931–32 учебном году на младшем классе. Белград, 1933.

Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М., 1936.

Хлезов А. А. Сталин и война // И. В. Сталин: pro et contra, антология. Т. 1: Образы союзников-победителей в культурной памяти о Войне 1941–1945 гг. / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Хлезова. СПб., 2015. С. 7–118.

Хлезов А. А., Коскова А. С. Образ «будущей войны» как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–1930-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 693–702.

Statement Relating to Defence issued in Connection with the House of Commons Debate on March 11, 1935. L., 1935.

Раздел 5

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ

УДК 94(47).084:33

А. П. Килин

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ: ОТРИЦАНИЕ – ПРИЗНАНИЕ – МОДИФИКАЦИЯ¹

Рассматривается трансформация товарно-денежных отношений в раннесоветском обществе на теоретическом и практическом уровнях. Соотношение плана и рынка предопределяло степень развития товарно-денежных отношений, существование которых было обусловлено объективными предпосылками (общественное разделение труда, многообразие форм собственности и внешнеэкономическая деятельность). Если в период «военного коммунизма» отрицалась значимость товарно-денежных отношений в советском обществе, то в годы нэпа их потенциал был реализован наиболее полно. В период становления мобилизационной экономики, в связи с отсутствием адекватной замены, они использовались в известных пределах после того, как были объявлены «социалистическими». В условиях автаркии, доминирования плановых начал и централизованного распределения материальных ресурсов товарно-денежные отношения сохраняют свою форму, но меняют содержание, выполняя обслуживающую роль в сфере учета и распределения, «материализуясь» исключительно в теневом секторе и во внешнеэкономических отношениях.

Ключевые слова: история, экономика, социализм, капитализм, рынок, план, товарно-денежные отношения, раннесоветское общество.

Товарно-денежные отношения (далее – ТДО) – инструмент в реализации хозяйственных задач. Это гибкий и универсальный метод, способный к трансформации как под воздействием внешних факторов

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

(государственное регулирование), так и за счет механизма саморегуляции. Процесс становления и развития ТДО длителен, так как отражает специфику хозяйственных связей (уровень развития институтов рынка, многоукладность, включенность в территориальное и отраслевое разделение труда).

Советский социализм – сын капитализма и внук феодализма: проблемы наследственности

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» [Авиамарш] – оптимистический лозунг, наглядно демонстрирующий технологию социального конструирования в советской России.

Социализм в начале XX века – теоретическая концепция, которая формировалась как антитеза капитализму. Построение «новой» модели было основано на ее противопоставлении «старой». Следуя принципу «идти от противного», в новой системе старались избавиться от недостатков старой, хорошо знакомой и выстраданной, тех элементов, которые препятствовали глобальной сверхзадаче – модернизации страны. Парадокс заключался в том, что в качестве антагониста рассматривался не капитализм, достигший своей высшей империалистической стадии (по мнению В. И. Ленина), а «перезрелый» феодализм. Образчиком «империализма» выступала Российская империя как «тюрьма народов» или в образе отдельных капиталистических оазисов, представленных крупными монополистическими объединениями в бескрайней «пустыне» мелких крестьянских хозяйств. Построение новой модели хозяйствования объективно носило специфический характер, так как осуществлялось в стране, в которой доминировали патриархальные отношения; сословный строй был все еще силен; аграрный сектор производства был основным; модернизация внедрялась сверху, высокими темпами, без достаточных базовых предпосылок, при этом носила фрагментарный и очаговый характер.

Фундамент, «дно», от которого предстояло отталкиваться, был далек от империализма, загнивание которого должно была служить основой построения социалистического общества. Логика захвата власти диктовала: «Что есть, от того и отталкивайтесь!»

Эти обстоятельства и предопределяли весьма размытые черты «светлого завтра». Благо, что череда экстремальных периодов, через которые предстояло пройти гражданам страны, отвлекала их от бесполезных теоретических дискуссий, а предлагаемые обстоятельства ориентировали на решение насущных проблем дня сегодняшнего, на выживание и адаптацию в режиме «нон-стоп». *«Суровые годы уходят, // Борьбы за свободу страны! // За ними другие приходят. // Они будут тоже трудны»* [«Собачье сердце»].

М. И. Воейков, подвергая критике существовавшую систему и отказывая ей в праве называться «социализмом», не предлагает обоснованного определения. Он пишет:

«В официальной советской литературе советское общество называлось “социалистической системой хозяйства”, в зарубежной политологической литературе – “коммунистической системой”. Однако в строго научном смысле назвать “советскую экономическую систему” социалистической, а тем более коммунистической, не представляется возможным. Ибо эта система, кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т. п.) не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т. п.» [Воейков, с. 4].

Если пользоваться аналогией, то можно сказать, что цели индустриального развития были близки идеалам «отца», однако методы достижения поставленных целей, особенно в социальной сфере, заимствовались у «деда». Сравнение «сталинской» и «петровской» модернизации в этой связи весьма показательно [Гершенкрон, с. 184–185].

План и рынок как объект научных дискуссий и экономические реалии

Степень развития ТДО была обусловлена целями развития и доминирующей моделью хозяйствования с преобладанием плановых или рыночных начал.

«Дискуссия в экономической науке по поводу альтернатив в 1920-х годах... велась в разных терминах. В начале 1920-х годов – между финансовым и производственным подходом, в середине 1920-х годов – между равновесным и плановым подходом, в конце – между генетическим и телеологическим. Отголоски этой дискуссии в тех или иных терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 1960-х годах» [Воейков, с. 26].

Помимо противопоставления плана и рынка, которое было средним противопоставлением «добра» и «зла», намеренно обострялось и использовалось не только в дискуссиях экономистов, но и в качестве инструмента политической борьбы, существовал еще целый ряд дихотомий. Например, централизация и децентрализация, что, в свою очередь приводило к доминированию отраслевой или территориальной систем управления. При анализе государственного устройства важно соотношение полномочий центра и периферии, доминирование идей централизации или децентрализации (регионализма).

Советское планирование: традиции и новации

При рассмотрении экономических законов, как доставшихся в наследство от капитализма, так и новых, являвшихся завоеваниями нового строя, неизменно возникал вопрос о плановых началах, о законе плановости при социализме. В интерпретации В. И. Ленина этот закон подразумевал следующее: «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность» [Ленин, с. 620]. Эта формулировка вызывает аналогии с термином «сбалансированное развитие», который часто используется в современной практике и, несмотря на противоречивость, воспринимается абсолютным большинством как рациональная и конструктивная идея в связи с тем, что речь идет о поступательном развитии объекта управления в долгосрочной перспективе.

Формулировка В. И. Ленина вызывает массу вопросов относительно того, действительно ли разрабатываемые в СССР планы, отвечали требованию сбалансированности, так как планы и общенационального (ГОЭЛРО), и регионального [Генеральный план хозяйства Урала] масштабов, предусматривающие комплексное развитие, не были реализованы или не могли быть реализованы в принципе.

Основной экономической закон социализма имел гуманистическую и демократическую направленность и формулировался как «закон движения социалистической экономики, содержанием которого является обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества посредством наиболее полного удовлетворения их постоянно растущих материальных и культурных потребностей, достигаемого путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе научно-технического прогресса» [Основной экономический закон социализма]. Обращает на себя внимание, что закон ориентирован, прежде всего, на процесс потребления, а не производства.

Истоки этой идеи можно найти не только в трудах теоретиков, но и в народной культуре. Л. С. Гребнев пишет о том, что сбалансированное развитие, которое трансформировалось в основной экономической закон социализма, свои истоки имеет в организации крестьянского хозяйства.

«Метод материальных балансов на уровне всей страны – это точная копия таких балансов в рамках одного, отдельно взятого крестьянского натурального хозяйства. Причем с точно таким же основным технологическим циклом – один год. Здесь дело не только в том, что доминирующим укладом в экономике страны были тогда именно такие хозяйства. Важнее другое: экономическая культура, органично присущая этому типу хозяйствования, распространилась снизу – от самих хозяйств – до самого верхнего уровня – страны в целом, и ее естественными носителями были если не сами крестьяне, то крестьянские дети, делавшие административные карьеры “после 1917 года”» [Гловели, Гребнев, с. 57–58].

Говорить о сбалансированном планировании в рамках советской модели хозяйствования очень сложно по нескольким причинам. Первая заключается в информационном дефиците и отсутствии достоверных сведений о реальном положении вещей. Не вдаваясь в подробности и оставляя за скобками детальную критику советской статистики, отметим, что от учета уходил значительный сектор экономики, представленный неформальным укладом, «серым» и «черным» рынками, в рамках которых наиболее полно реализовывался потенциал ТДО и которые позволяли сгладить наиболее одиозные недостатки централизованной системы распределения.

Баланс предполагает не только гармоничное сочетание между спросом и предложениям, товарной и денежной массы, но и сбалансированное развитие отдельных отраслей экономики. Очевидно, что такого баланса в рамках советской модели хозяйствования достичь не удалось. Дисбаланс аграрного и индустриального секторов, производства средств производства и потребительских товаров, неравенство в развитии социальной и производственной инфраструктуры были предопределены «экономикой инвестиций» [Гершенкрон, с. 268–269].

Баланс достигался в развитии отдельных секторов экономики, в частности, военно-промышленного комплекса. Таким образом, основной экономической закон социализма был реализован не столько в отдельно взятой стране, сколько в отдельно взятых секторах экономики. Там сосредоточивались квалифицированные кадры и достижения НТР, там добивались роста производительности труда и эти отрасли формировали образ СССР как великой державы.

Факторы существования ТДО

Обосновать возможность существования ТДО при социализме, а точнее, в переходные периоды (как от капитализма к социализму, так и во время второго «марш-броска» от социализма к коммунизму) можно, но лишь обнаружив в советском обществе следующие элементы: общественное разделение труда, наличие различных форм собственности и укладов, внешнеэкономическую деятельность, в рамках которой страна выступала участником глобального рынка. Другими словами, все те отношения, которые требуют согласования интересов различных акторов хозяйственной деятельности, использование ими общепризнанного эквивалента для организации обмена, обеспечивающего динамику экономической деятельности. Все эти признаки присутствовали не только в рыночной, планово-рыночной, но и в централизованно-плановой модели отечественной экономики.

Универсализация или примитивизация различных видов хозяйственной деятельности, огосударствление и ликвидация иных

хозяйственных укладов, автаркия и полноценная замкнутость хозяйственной системы, изолированной от вмешательства иных стран, минимизировали бы сферу ТДО, но нет уверенности в том, что совершенно искоренили бы их. Например, такая функция денег как средство накопления могла утратить свою актуальность лишь в условиях полного изобилия и отсутствия конкуренции за ресурсы.

Общественное разделение труда

В условиях рынка оно является естественным и закономерным результатом усложнения технологий, переходом к массовому производству, росту товарности. В определенных видах деятельности качественный результат может быть достижим лишь при условии, что персонал обладает специальными знаниями, порой в достаточно узкой сфере.

В советском обществе предполагалось преодолеть эту тенденцию как порождающую социальное (классовое) и имущественное неравенство. Ставились цели сглаживания различий между физическим и умственным трудом (признак информационного общества), городом и деревней, универсализации управленческих практик (через ликвидацию разницы между менеджерскими функциями и функциями рядового исполнителя), сближения производственной и посреднической функций (в результате чего торговля должна была исчезнуть). Однако достижение этих целей постоянно откладывалось, а реализация принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», по мнению советских экономистов, предполагала баланс между мерой труда и мерой потребления. В этом виде-лась одна из причин сохранения товарно-денежных отношений:

«Материальная заинтересованность работника должна быть обеспечена механизмом материальной заинтересованности предприятия, способного формировать фонды для стимулирования передовиков, как следствие ему должны компенсироваться затраты живого и овеществленного труда, путем товарного обмена между хозяйственными единицами» [Дихтяр, с. 26].

Общественное разделение труда существовало не только между индивидуумами, вносившими различный вклад в производство, между отдельными производствами, имевшими свою, порой достаточно узкую специализацию, но сохранялось благодаря особенностям аграрного и индустриального труда, прослеживалось в специфике отдельных отраслей, питалось асимметрией регионов, которые не были равны по набору факторов производства. По этой причине полагаем, что территориально-рыночная модель региональной политики (1921–1928 гг.) не только создавала оптимальные условия для реализации потенциала территории, обеспечивала ее участие в межрегиональном, национальном и международном разделении труда, но служила питательной средой для развития ТДО [Килин, Новая экономическая политика, с. 228–230].

Многообразие форм собственности

Г. А. Дихтяр, обосновывая объективную необходимость существования торговли при социализме, говорит о многоукладной экономике переходного периода. Ссылаясь на труды Центрального статистического управления, он приводит следующие данные о количественном соотношении различных укладов:

«Из общей стоимости всей валовой продукции страны в 1923/24 г. на долю каждого уклада приходилось: мелкотоварного 51 %, социалистического – 38,5, частнокапиталистического – 8,9, государственно-капиталистического – 1,0 и натурального хозяйства – 0,6 %. Но в различных отраслях народного хозяйства соотношение экономических укладов существенно отклонялось от этих цифр. Например, по данным за 1924 г., удельный вес социалистического уклада в валовой продукции промышленности составлял 76,3 %, а в продукции сельского хозяйства – только 1,5 %» [Дихтяр, с. 9].

Рассматривая предмет политической экономии и делая вывод о том, что он заключается, прежде всего, в социальных отношениях в процессе производства, экономисты дают богатый материал для анализа специфики отдельных хозяйственных укладов. И. И. Рубин писал: «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться» [Рубин, с. 57]. По мнению М. И. Воейкова, это свидетельствует о тяготении И. И. Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как суммы издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека [Воейков, с. 12–13].

Не только и не столько технология производства предопределяет характер экономических отношений, сколько социальные связи, которые формируются между акторами хозяйственной деятельности. Поэтому можно говорить о специфике ТДО в советском обществе, об особенностях их реализации в каждом из хозяйственных укладов, об уникальном экономическом поведении индивидуума, который на протяжении своей жизни, года или дня, включался в зону действия того или иного хозяйственного уклада.

Внешнеэкономическая деятельность

На раннем, романтическом этапе революции идея мировой революции решала проблему взаимоотношений с внешним миром, который со временем должен был стать «внутренним». В связи с образованием единого, мирового государства рабочих и крестьян внешнеэкономические связи в их привычной форме исчезли, а обмен и снабжение продуктами промышленности и сельского хозяйства осуществлялись бы

в рамках единого «интернационального», глобального мирового хозяйства. Степень консолидации, как представляется, должна была быть намного теснее, чем в рамках современной Всемирной торговой организации. Как объединение производителей в единый трест или синдикат исключало необходимость в торговых связях между отдельными предприятиями, так и объединение всех стран в единое государство делало излишним заключение внешнеторговых договоров и существование конвертируемой валюты, а возможно и валюты как таковой. Такое развитие событий гарантировало бы блестящие перспективы для реализации идеи уничтожения товарно-денежных отношений. Исторический опыт показал, что эта идея и в XXI веке является утопией.

Эволюция в оценке товарно-денежных отношений

В раннесоветском обществе ТДО претерпевали радикальные изменения в течение непродолжительного времени, однако эти изменения касались в основном политической и идеологических сфер. Реальная экономика более консервативна, а экономическое поведение индивидов инерционно, оно отличается высокой степенью адаптивности, однако ориентируется на традиционные и подтвердившие свою эффективность на практике методы и приемы.

Эволюция ТДО наглядно проявляется на примере того, как оценивалась роль денег и какими видели функции торговли. Романтический и радикальный периоды сменились восстановительным, а затем наступил период реконструктивный, когда пришлось использовать казалось бы выброшенные навсегда на свалку инструменты.

Период отрицания. «Военный коммунизм» – неизбежное в образе желаемого

По мнению ряда исследователей, в том числе А. Ноува, В. И. Ленин не имел четкого представления о том, как должна работать социалистическая промышленность и лишь в 1917 г., после возвращения из эмиграции, оформляются его взгляды на производственную деятельность и планирование при новом строе. «Но на форму решительно повлияли повседневные потребности борьбы за власть. Многое из того, что он сказал и написал, читается как чистейшая демагогия» [Nove, p. 33].

Гражданская война внесла коррективы в процесс формирования модели управления. С одной стороны, она позволила продолжить начатый в годы Первой мировой войны процесс огосударствления экономики, осуществить милитаризацию всех сфер жизни общества; с другой, радикализм преобразований в русле «коммунистической» модели должен был послужить своеобразным образцом и побудить рабочее движение на Западе последовать примеру русской революции.

Б. Д. Бруцкус писал: «Период военного коммунизма доказал от противного преимущества рыночной экономики, период нэпа дал прямое тому доказательство» [Бруцкус, с. 118].

Период признания. Новая экономическая политика – рыночная по форме, социалистическая по содержанию или наоборот...

Революционный радикализм, реализованный в годы «военного коммунизма», должен был логично перерасти в форсированную модернизацию первых пятилеток. Однако этого не произошло, напротив, случился нэп². Его можно сравнить с отдачей после выстрела, когда орудие откатывается назад, т. е. как «отступление»; с другой стороны, этот маневр позволил укрепить власть большевиков, поэтому может быть рассмотрен как этап в становлении раннесоветского общества. «Проживание» в достаточно короткий срок всех рыночных драм и сюжетов должно было не только решить меркантильную задачу – восстановить хозяйство страны, но провести ряд экспериментов. Среди них: апробирование возможности эволюционного развития и естественного вызревания экономических предпосылок для построения в России нового общества; определение соотношения рыночных и плановых начал; фиксация пределов, в рамках которых было возможно игнорировать объективные экономические законы в процессе достижения политических целей; оценка возможностей внеэкономического принуждения.

Свертывание ТДО в годы «военного коммунизма» – более глубинная архаика, нэп – менее архаичная, но, тем не менее, традиционалистская модель. Был ли в этот период реализован «государственный капитализм»? Большой вопрос, так как структура хозяйства не соответствовала этой модели. Б. Д. Бруцкус высказывал обоснованные сомнения на этот счет:

«Иностранцы наблюдатели обычно называют государственные предприятия “государственно-капиталистическими” и, соответственно, всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, с. 118].

Легализация частной предпринимательской деятельности и проведение денежной реформы являются наиболее значимыми показателями роли ТДО в период нэпа.

² Примечательно, что «военный коммунизм» при написании мы помещаем в кавычки, ставя под сомнение адекватность названия сущности процесса, обособляя этот период от подлинного коммунизма – без кавычек. При этом новая экономическая политика таких сомнений не вызывает и пишется без кавычек, хотя степень ее новизны, пожалуй, стоило поставить под сомнение, поскольку она реализовывалась при активном использовании ретроинноваций. Это была «старая политика», которая использовалась во благо нового режима.

Период модификации. Мобилизационная модель экономики – форсированная модернизация с низких стартовых позиций

Три пятилетних плана, которые существенно отличались друг от друга, сформировали модель мобилизационной экономики, атрибутивные черты которой в еще большей степени стали очевидны в годы Второй мировой войны. Феномен «социальной мобилизации» детально проанализирован в коллективной монографии отечественных историков, с выводами которых можно только солидаризироваться [Социальная мобилизация].

Этот период характеризуется существенной трансформацией ТДО, выхолащиванием сути, но сохранением формы. М. И. Воейков отмечает:

«Советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 1920-х гг., требовала натурализации. Переход к ускоренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхолащивания товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам. Советская идеология, отворачиваясь от реальности, твердила о социальной однородности труда, социальном равенстве в советском социализме» [Воейков, с. 15].

Полагаем, что потребность в аккумуляции объективно ограниченных ресурсов на нужды индустриализации не позволяла использовать инструмент ТДО, так как была реализована внеэкономическими методами. С другой стороны, необходимость активизировать «человеческий фактор» привела к отказу от идей эгалитаризма, допущение торговли наряду с повсеместным распределением. Трудно согласиться с мнением о «свободе торговли» в 1930-е гг. в связи с тем, что «свобода» не может быть реализована в условиях тотального дефицита и перманентно возникающих кризисов снабжения. Рыночные каналы скорее всего были призваны продемонстрировать наличие товаров широкого потребления и доказать преимущества социализма, по крайней мере для тех граждан, которые были наиболее активно включены в его строительство. Эти же каналы использовались для аккумуляции валютных ценностей, все еще находившихся в распоряжении населения. Дефицит ресурсов не позволял обеспечить обещанными накануне революции благами все население, поэтому происходила активная стратификация и фрагментация социальной структуры общества, формировались дискриминируемые социальные группы, на фоне которых ограниченный «набор» как товаров, так и гражданских прав остальной части насе-

ления смотрелся уже не так ущербно. Формировалась «армия труда» призванная работать на принципах внеэкономического принуждения и неэквивалентного вознаграждения.

Механизм хозяйствования советского периода характеризовался рядом отличительных («социалистических») черт, которые абсолютизировались и гарантировали специфику ТДО:

1. Планирование хозяйственной жизни осуществлялось в виде директив, обязательных для исполнения и пронизывающих все сферы деятельности и уровни управления.

2. В экономике отсутствовало свободное согласование интересов производителей и потребителей продукции, они были «закреплены» друг за другом. При этом планирование связей происходило в рамках Госплана по отраслевому принципу, централизованно.

3. Существенно ограничивалась сфера использования ТДО. На внутреннем рынке отсутствовала кредитная система, коммерческий кредит, рынок свободных капиталов. Денежное обращение функционировало на уровне потребительского и внешнего рынков.

4. Проводилась жесткая ценовая политика, предполагавшая регламентацию ценообразования, зачастую без учета реальных затрат на производство продукции. «Плановые убытки» компенсировались из бюджета.

5. Ресурсы, распределяемые государством, выступали по преимуществу в вещественной, а не денежной форме, в виде материальных фондов» [см.: Килин, «Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования?, с. 231].

Таким образом, ТДО в советском обществе приобрели специфический характер и к «классическому» варианту приближались лишь вынужденно и только в том случае, когда в той или иной степени необходимо было реализовывать рыночный потенциал. При необходимости включаться во внешнеэкономическую деятельность и участвовать в глобальном разделении труда акторы хозяйственной деятельности приобретали относительную независимость, а контроль над ресурсами, которыми они располагали, не был тотальным. Эти условия формировались на фоне необходимости включения во внешнеэкономическую деятельность и участия в глобальном разделении труда. Примечательно, что дискуссии о роли ТДО не прекращались на протяжении всего советского периода, а их завершение наступило лишь с началом рыночных реформ. К сожалению, в тонкости рыночного хозяйства была посвящена лишь незначительная часть граждан России, поэтому основы ТДО в 1990-е гг. абсолютному большинству пришлось осваивать на собственном опыте. Этот опыт, как правило, был тяжелым, что отразилось в общественном сознании в образе «лихих девяностых». Полагаем,

что становление ТДО в современной России столь же противоречиво и несет на себе черты как советского периода («отца»), так и «деда» (капитализм) и «прадеда» (феодализм).

Авиамарш. Музыка Ю. А. Хайта, слова П. Д. Германа (1923).

Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России // Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб., 1995.

Воейков М. И. Советская политическая экономика: оценки и переоценки // Проект «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок»: мат-лы к круглому столу «Критика советской политэкономии: направления и контексты» [Электронный ресурс] // Институт экономики Росс. акад. наук. URL: https://inecon.org/docs/Voeykov_paper_20131010.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015.

Гловели Г. Д., Гребнев Л. С. Политэкономия СССР: критические очерки. М., 2013.

Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1961.

Килин А. П. «Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 222–245.

Килин А. П. Новая экономическая политика как модель управления: проблема интерпретации // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 222–231.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971.

Основной экономический закон социализма // Большая советская энциклопедия: [в 51 т.] / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М., 1949–1958. Т. 31. С. 305.

Рубин И. И. Очерки по теории стоимости Маркса: С новым дополнением к статье «Ответ критикам» / И. И. Рубин. 4-е изд. М., 1929.

«Собачье сердце». Телевизионный фильм. Киностудия «Ленфильм». Режиссер Владимир Бортко. 1988 г.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов [и др.]; отв. ред. С. А. Красильников. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Nove A. An Economic History of the USSR, 1917–1991. 3rd ed. London–New York, 1992.

УДК 94(47).084.5

Е. Б. Беспятова

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ НЭПА

В статье затрагиваются теоретические и практические вопросы, связанные с институционализацией социально-экономических отношений в годы нэпа. В процессе исследования выявилось, что формирующаяся институциональная система была способна обеспечить корректировку экономической политики в рамках смешанной экономики и формирование особой модели социально-экономического и политического развития.

Ключевые слова: институционализация, нэп, смешанная экономика, социализм.

В среде ученых, занимающихся исследованием ключевых трендов экономического развития в изменяющемся мире и экономической историей в целом, широкое признание получил вывод об определении важнейшей роли институциональных факторов как в процессе возникновения социально-экономических кризисов, так и в формировании предпосылок для преодоления их последствий [Институциональные аспекты; Политика институциональных преобразований, с. 5].

В этом контексте обстоятельства 1920-х гг. представляют феноменальный материал для исследования не только напряженного поиска эффективных антикризисных моделей, но и формирования социальных институтов, обеспечивающих (или должных обеспечивать) достижение «высокой цели» построения первого в мировой практике государства социально справедливого и экономически эффективного.

Установившийся гражданский мир и первые ростки социально-го согласия имели тогда существенное значение для эмпирического оформления социальной структуры «нового общества», «аутентичного» социализму. Уникальность ситуации заключалась еще и в том, что «точка зрения на социализм» [Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, с. 310–312; Он же, О кооперации, с. 376], во всяком случае, в кругу образованного партийно-правительственного меньшинства, менялась. А новая экономическая политика, первоначально призванная защитить и укрепить советскую власть, постепенно трансформировалась в социально-экономическую систему, которую экономист-теоретик и государственный деятель Е. А. Преображенский осторожно называл «своеобразным хозяйственным строем», сочетающим некоторые социалистические отношения и – в гораздо

большей степени – товарно-капиталистические отношения [Одиннадцатый съезд РКП (б), с. 82].

Подобная «переоценка ценностей» в совокупности с условием «доделывать то, что не доделал капитализм» [Двенадцатый съезд РКП (б), с. 143] способствовала формированию определенного алгоритма образования социальных институтов: 1) возникновение потребностей, удовлетворение которых требует совместных организованных действий; 2) формирование общих целей; 3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, которое осуществляется вначале методом проб и ошибок; 4) выработка процедур, связанных с нормами и правилами; 5) принятие законов, а также необходимых санкций для их поддержания; 6) создание системы статусов и ролей, охватывающих всех членов того или иного института [Дмитриев, с. 135].

Вопрос о том, какие реализованные институциональные преобразования составили основу антикризисной политики восстановления экономики, и насколько гипотетически созданная система социальных институтов позволила бы удовлетворять различные общественные потребности, остается открытым.

Ответ следует искать в рамках теории институциональных основ социального рыночного хозяйства, в разработке которой особый статус имеет учет национальной специфики институциональной системы.

В связи с этим исследователям еще предстоит реконструировать всю линейку социальных институтов (политических, экономических, образовательных, научных, религиозных, семейных и др.), реализованных и нереализованных в 1920-е гг. и, проанализировав роль каждого институционального фактора, ответить на вопросы: было ли будущее у нэпа, какими были факторы «несталинской» альтернативы нэпу, в чем причина отказа от нэпа как смешанной экономической модели?

Возродившаяся в годы нэпа система многоукладной экономики при сохранении в руках государства основных рычагов контроля над экономикой (централизованный контроль над ценами, государственная монополия внешней торговли, госбюджет, кредитование на основе планирования), не только диктовала восстановление товарно-денежных отношений и денатурализацию хозяйства, но и неизбежно *формировала экономические институты рынка*. И начало этому было положено на X Всероссийской конференции РКП (б) в мае 1921 г. Первыми практическими шагами по институционализации экономики были: свободная торговля, аренда, концессии, поддержка кредитных операций кооперации, поощрение инициативы и самостоятельности предприятий. Параллельное течение взаимообусловленных процессов хозяйственных и институциональных изменений обеспечивало положительную динамику восстановления народного хозяйства (Табл. 1).

Таблица 1.
Экономические и институциональные изменения, 1921–1923 гг.

Экономические изменения	Институциональные изменения
Восстановление сельского хозяйства	<p><i>Отказ от государственной хлебной монополии:</i> разрешение обмена хлеба, зернофуража, картофеля, сена и др. сельскохозяйственной продукции, либерализация хлебных цен (март 1922 г.)</p> <p><i>Восстановление денежных отношений и возрождение торговли:</i> разрешался свободный обмен, покупка и продажа продуктов сельского хозяйства, изделий кустарной и мелкой промышленности, возобновлялись оплата транспортных услуг, платность услуг почт, телеграфов и коммунальные платежи, отменялись рабочие продовольственные пайки, возрождались биржевая и ярмарочная торговля</p> <p><i>Воссоздание банковской системы и кредита:</i> возобновлялась деятельность Госбанка, специализированных и коммерческих банков, кредитных учреждений, сберегательных касс, обществ взаимного кредита, появились ломбарды</p>
Восстановление транспорта	<p><i>Возрождение мелкой и кустарной промышленности:</i> в форме частных предприятий с количеством рабочих не более 20 чел. и в кооперативной форме; предоставление им права свободно распоряжаться производимой продукцией</p>
Восстановление транспорта	<p><i>Развитие кооперации:</i> восстановление независимости кооперативов от государства, предоставление кооперативным организациям преимуществ перед частными лицами в получении госзаказов, кредитовании, аренде и т. п.</p>
Восстановление транспорта	<p><i>Подготовка введения твердой советской валюты:</i> начала действовать система параллельного обращения двух валют</p>
	<p><i>Разрешение использовать наемный труд в кооперативах и мелких предприятиях</i></p> <p><i>Распространение сдачи в аренду национализированных предприятий:</i> предоставлялось право арендовать государственные промышленные предприятия кооперативам, товариществам и др. объединениям, частным лицам. Арендаторам предоставлялось право принимать заказы от частных лиц, производить товары для сбыта на рынке, заключать договоры подряда и поставки как с частными лицами, так и с государственными учреждениями.</p>

Окончание табл. 1

Экономические изменения	Институциональные изменения
Восстановление твердой денежной единицы	<p><i>Восстановление налоговой системы:</i> вводился натуральный налог, промысловый налог, подоходно-поимущественный налог, единый сельскохозяйственный налог, таможенный налог, вводилась акцизная система</p> <p><i>Создание системы общегосударственного планового хозяйственного управления:</i> план ГОЭЛРО, Госплан РСФСР и СССР</p> <p><i>Принят новый Земельный кодекс (1922):</i> основной формой сельскохозяйственного землепользования признавалось трудовое землепользование (бессрочное), основным видом землепользования стало индивидуальное: разрешались аренда земли и наемный труд, разрешался выдел на отруб и хутора</p>
Оживление промышленно-производственной промышленности (к 1923 г. продукция составляла 35 % довоенного производства)	<p><i>Децентрализация управления отраслями промышленности, перевод предприятий на хозрасчет:</i> создание трестов – отраслевых объединений, действовавших как рыночные монополии</p> <p><i>Развитие монополизации производства:</i> создание синдикатов с целью преодоления разрозненного выхода на рынок трестов одной и той же отрасли промышленности</p> <p><i>Возрождение рынка труда:</i> упразднялись трудовые армии и трудовые повинности, возобновлялось заключение коллективных договоров между профсоюзами и трестами, создавались биржи труда.</p> <p><i>Создание системы социальной защиты наемных работников:</i> введение социального страхования, поддержка безработных, защита женского труда, организация общественных работ, введение системы льгот</p> <p><i>Принят Гражданский кодекс (1922):</i> судебная система преуспевала в осуществлении государственных предприятий в суде в качестве истца или ответчика</p> <p><i>Принятие Гражданским кодексом принципа девжесторности советского хозяйственного права:</i> частное гражданское право регулирует отношения по поводу частной собственности, публичное хозяйство регулирует отношения по поводу государственной собственности</p> <p><i>Привлечение к работе в народном хозяйстве и в научных учреждениях старых специалистов,</i> в том числе бывших партийных оппонентов (меньшевиков, эсеров и т. п.); специалисты разных областей занимали как рядовые должности, так и руководящие.</p>

Обозначившаяся при этом интенция доминирования экономических (рыночных) институтов, направленных на извлечение прибыли и повышение доходов, над социальными институтами явно противоречила установившейся политической системе. Неясность в понимании «границ нэпа», как временных, так и сущностных, ярко проявилась в диаметрально противоположных трактовках quintessence нэпа на XII партийном съезде в 1923 г. Так, Г. Е. Зиновьев, хоть и связывал дальнейшие экономические успехи с нэпом, все же победу над нэпом ассоциировал с «приостановкой отступления» [Двенадцатый съезд РКП (б), с. 9, 38]. Иначе виделась корреляция нэпа Л. Д. Троцкому: «...мне кажется, т. Зиновьев допустил неточную формулировку, которая может привести к недоразумениям, – это по вопросу о победах наших над нэпом». И далее: «Новую политику мы завели для того, чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее. Как? Умело пользуясь действием законов рынка, опираясь на эти законы, вводя в их игру аппарат нашего государственного производства, систематически расширяя плановое начало» [Двенадцатый съезд РКП (б), с. 343]. Делегатам съезда Л. Д. Троцкий представил диалектику нэпа как единство созидания и разрушения. Логика его рассуждений вела к заключению, что наступление на нэп посредством широкого применения рыночных «правил игры» приведет к победе социализма. Победа нэпа есть победа над нэпом. Словно в назидание партийно-государственным деятелям Л. Д. Троцкий настаивал: «нельзя еще говорить о том, что мы начали побеждать. Мы создали предпосылки для победы...» [Там же, с. 344].

К сожалению, концептуальный пересмотр нэповской политической доктрины, на котором настаивали партийные теоретики Е. А. Преображенский и Н. И. Бухарин, открыто поставившие вопрос о редакции второй программы партии, не состоялся. Однако «рыночный» вектор социально-экономического развития удержался.

Задачу теоретического преодоления противоречивого несовпадения интересов социалистического государства и рыночной экономики решали российские экономисты.

Непосредственное отношение к проблемам теоретической и практической экономики имела методологическая дискуссия об исторических границах политической экономии. Предопределенная не только практикой переходного периода, но и давно поставленной проблемой теоретического освоения некапиталистических способов производства (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», 1878 г.), эта дискуссия, по сути, отражала задачу осмысления теории и практики социалистического строительства и, соответственно, расширения рамок марксистского учения, как принято считать, тенденциозного в отношении индустри-

стриального Запада. Содержание интереснейшего спора сторонников *ограничительной* и *расширенной* версий (например, дискуссия в Комкадемии, 1925 г.), неминуемо затрагивало проблему ортодоксальной марксистской трактовки социализма (социализм – это бестоварное, безрыночное, планомерно организованное хозяйство). Таким образом, принципиальная возможность различных типов социализма обретала концептуальный статус. Центральным вопросом в развитии альтернативных взглядов на социализм являлся вопрос о совместимости или несовместимости социализма и рыночной экономики. Однако, если сочетание социалистического и товарного производства для переходного периода было признано большинством теоретиков-экономистов (Ф. И. Михалевский, Л. Н. Крицман, Н. И. Бухарин), то экономисты, допускающие возможность совмещения социализма и товарно-денежных отношений (А. Мендельсон, Т. Берин, В. Кац [Вестник, с. 166–210]) оставались в меньшинстве по отношению к доминирующим приверженцам концепции бестоварного социализма.

Особое место в дискуссии о содержании политэкономии занимала концепция А. А. Богданова, обосновавшего применимость политэкономических исследований ко всем формациям. Введя дополнительные критерии формационной классификации: развитие форм организации промышленности (цеховое ремесло, система надомного производства, мануфактура, фабрика, синдикаты и тресты); сочетание реально-организаторских функций и «потребительно-паразитических» тенденций в имущих классах (всего восемь), Богданов создал единую структуру характеристики сменяющихся формаций, включавшую отношения общества к природе, производственно-распределительные отношения, общественную психологию и идеологию. Созданная им *всеобщая организационная наука «Тектология»*, как новая методология политической экономии, явилась первым опытом теоретического воплощения идеи классиков марксизма о политэкономии «в широком смысле слова».

Инициированные интеллектуалами 1920-х гг. споры о природе социализма и наличии (или отсутствии) общих законов, управляющих производством и обменом, продолжают и по сей день. Для нас же важно признать заслугой отечественных экономистов *теоретическую постановку вопроса о совместимости социализма и товарного производства*, что, безусловно, расширяло (и расширяет) практические возможности экономической политики.

В разработке инструментария государственного регулирования особое место занимала инновационная идея необходимости перехода от теоретических конструкций макроэкономического баланса к составлению практического межотраслевого баланса как важнейшего средства прогнозирования и программирования народного

хозяйства. Эта новаторская инициатива впервые в мировой науке была предложена экономистом-теоретиком Госплана СССР В. Г. Громаном (1923 г.). Опубликованная им в журнале «Плановое хозяйство» работа «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве» содержала важный методологический прием индикативного (рекомендательного) планирования – метод динамических коэффициентов [Громан]. Эмпирически установленные статистические закономерности (например, восстановление нарушенного равновесия), примененные автором при составлении «Контрольных цифр» на 1925/1926, 1926/1927, 1927/1928 гг., стали первым опытом целостной систематизации показателей развития народного хозяйства и заложили основу для формирования первой в мировой практике научной школы экономистов-плановиков.

Однако, пожалуй, самым важным было то, что обозначилась перспектива *эволюции молодой советской плановой науки в направлении синтеза индикативного и директивного планирования.*

В экономике все взаимосвязано. Важнейшая задача оптимизации плановых темпов развития народного хозяйства и конкретно промышленности была тесно связана с аграрной политикой, т. е. с проблемой развития товарного фонда сельхозпродукции и вытекающей из ее перспективы емкости внутреннего рынка и крестьянского налогообложения.

В середине 1920-х гг. участниками «Организационно-производственной школы», руководимой директором Института экономики сельского хозяйства А. В. Чаяновым, разрабатывалась концепция трудового крестьянского хозяйства, по сути, противостоящая капиталистическому крестьянскому хозяйству. Теоретическим нововведением Чаянова был вывод о том, что крестьянское хозяйство не подлежит анализу в системе рациональных представлений классической экономической теории, поскольку ориентировано, в первую очередь, на потребности семьи. По мнению Чаянова, значимость трудового крестьянского хозяйства может проявляться: во-первых, в развитии различных форм кооперации, компенсирующих более высокую эффективность крупных капиталистических хозяйств, во-вторых, *в развитии некапиталистического крестьянского хозяйства, исключаящего примат получения прибыли и, соответственно, эксплуатацию.*

Важным положением концепции трудового крестьянского хозяйства было *признание совместимости социалистического строительства с сохранением крестьянского хозяйства.*

Наиболее важным, на наш взгляд, достижением политэкономической мысли явилось *теоретическое обоснование и практическое подтверждение возможности рационального развития смешанной*

экономики. Эвристический поиск ученых открывал уникальные перспективы в реализации на практике разработок и рекомендаций для обеспечения экономического роста смешанной экономики.

В практической деятельности все более значимые позиции отводили сторонники принципа экономического прагматизма, что сопровождалось поиском форм и методов государственного регулирования экономики и одновременно становлением новых экономических и правовых институтов.

Учитывая лимитированные рамки статьи, ограничимся примером институциональных преобразований экономического и политического характера.

Так, важнейшим сегментом в сфере экономических *институтов*, существовавших в 1920-е гг., была *кредитная система*, сформированная многочисленными банковскими учреждениями и банками, осуществлявшими краткосрочное и долгосрочное кредитование, которые руководствовались главным образом коммерческими интересами.

Реализация первого в мире широкомасштабного проекта государственного заимствования (24 внутренних госзайма) в обстановке экономической блокады сформировала институт государственного кредитования, объединяющий три взаимосвязанные, но существенно различающиеся институциональные сферы: *экономическую* (преимущество по отношению к внешнему заимствованию, инвестирование индустриализации, снижение инфляции), *социальную* (налоговое обеспечение по уплате единого сельскохозяйственного налога, формирование доверия граждан к ценным бумагам государства) и *политическую* (важный источник социалистических преобразований). Правительственная политика в 1922–1928 гг., варьируя в поиске наиболее эффективных организационных форм и методов (принудительных, добровольных, краткосрочных, долгосрочных, процентных, выигрышных займов), к началу 1925 г. остановилась на добровольном размещении, отказавшись от эффекта административно-принудительного займа.

Таким образом, пересечение интересов государства (дополнительные средства для развития экономики), населения (начисление процентов на капитал, вложенный в облигации займа, свободное хождение на рынке, освобождение от налогов и гербового сбора), рекомендаций ученых-экономистов (Л. Н. Юровский, В. Н. Твердохлебов, З. С. Каценеленбаум, Е. А. Преображенский, М. И. Боголепов) и позиций ряда государственных деятелей (нарком финансов СССР Г. Я. Сокольников, начальник особой части госзаймов Наркомата финансов М. Я. Пановко, начальник отдела государственных займов Наркомата финансов Г. В. Вульф), создавало возможность для *проведения долгосрочных государственных кредитных операций*.

Современной исторической и экономической наукой *роль политических институтов*, обуславливающих контекст и организацию принятия решений в области экономической политики на макро- и микроэкономическом уровнях, а также определяющих политику развития и реформирования, признана *ключевой*.

При определении степени соответствия политических институтов реформированию в направлении преобразования переходной экономики, обусловленной фактором многоукладности, в смешанную экономику, следует обратиться к содержанию Гражданского кодекса (ГК), принятого в 1922 г.

Из содержания ГК видно, что некоторые нормы права носили декларативный характер и содержали неправовые критерии. Например, объявленной свободе совершения сделок и организации торгово-промышленных предприятий противоречила ст. 1 ГК «О применении гражданского законодательства на практике», устанавливающая порядок защиты имущественных прав только в случае их соответствия «социально-хозяйственному назначению». В комментариях к закону подчеркивались относительный характер имущественных прав частных лиц в целях развития производительных сил страны и господствующая роль социалистической собственности. Проекцией этого пассажа можно считать выступление на заседании Совета съездов государственной промышленности и торговли с докладом «Частный денежный рынок и финансовое положение частной торговли» управляющего делами Совета Д. Н. Чегодаева (март 1926 г.), заявившего: «Задача Советской власти и задача партии – это прежде всего своего противника – частный капитал, так или иначе, дезорганизовать, для того чтобы легче было с ним бороться. Это аксиома» [Последние из могокан, с. 20].

Диспозитивные (допускающие выбор) правовые нормы, при которых политические институты (например, ГК) опирались не на принцип законности, а на принцип целесообразности, отражали не только их институционально-правовой инфантилизм, но и являлись одним из следствий господствующего в сознании социума восприятия временного характера нэпа.

Проведенное исследование, безусловно, не может претендовать на законченный поиск ответа на вопрос «было ли будущее у нэпа?». Другое дело прояснение ситуации – в каком направлении разворачивались структурные преобразования? Какой модели социально-экономического и политического развития соответствовал теоретический и экономический потенциал «обновляющегося нэпа»? И насколько была вероятна корреляция между разворачивающейся экономической модернизацией и системой политических приоритетов власти?

В таком контексте можно сделать по крайней мере три заключения: *Во-первых.* Эвристическая практика нэпа, втягивая в орбиту реформирования всю систему общественных отношений, сопровождалась становлением новой институциональной системы (см. Табл. 1). Одновременно становилось все более очевидным, что интенсификация нэповских реформ диссонировала с противоречивым отношением власти и общества к происходящим переменам.

Во-вторых. Начавшиеся изменения во всех сферах общественной жизни (экономические, правовые, социальные, политические институциональные) расширяли сущность нэпа – от «смычки», в смысле обеспечения сочетания хозяйственной работы города и деревни, до перспективы системного реформирования в формате социального рыночного хозяйства.

В-третьих. Потенциал формирующихся институтов нэпа вообще и экономических институтов в особенности был способен обеспечить «структурный маневр», т. е. корректировку экономической политики в рамках смешанной экономики.

В-четвертых. Формирующуюся систему институциональных факторов на фоне кризиса 1927 г. можно рассматривать релевантной отказу от нэпа в том виде, в каком он представлялся истеблишменту и формированию *особой модели социально-экономического и политического развития, сочетающей экономическую биполярность с фактором единой политической организации.*

Современными исследователями диалектическое единство усиления институтов рыночной экономики и сокращение роли государства в экономике, с одной стороны, и усиление государственного регулирования экономикой, с другой стороны, квалифицируется как *феномен системной модернизации.* При этом фактор государственного регулирования, т. е. *политический фактор,* в осуществлении механизма экономической модернизации признается первичным (но не доминирующим) [Стратегия модернизации экономики России].

Следуя этой концептуальной установке, можно сказать, что эффект экономической модернизации периода нэпа мог зависеть от коэффициента корреляции политической воли правительства, формата нарушения естественного рыночного механизма и институциональной системы. При этом нарушение выражалось бы в целенаправленном и регулируемом ускоренном развитии государственно важных отраслей и сфер экономики. В некоторой степени это объясняет и помогает понять эвристические маневры правящей элиты: то поддерживающей реформы нэпа, то занимающей охранительную позицию, то придерживающейся «восстановительной» и «временной» концепции нэпа, то настаивающей на разработке «обновленной» экономической политики.

В связи с этим, вряд ли будет правильно отрицать важную роль политического фактора в крушении нэпа. В 1920-е гг. подтвердилась специфическая особенность российского реформаторского процесса, выраженная в стратегической установке власти на то, что любое преобразование должно, в конечном счете, привести к укреплению правящего режима [Шелухаев, с. 48–49]. На вопрос о готовности и намерении политического руководства страны второй половины 1920-х гг. решать одновременно задачи восстановления экономики и ее реформирования в контексте системной модернизации, велик соблазн утверждать о наличии фатального расхождения между идеологическими приоритетами «политиков» и гипотетически конструируемой «реформаторами» институциональной трансформации нэпа.

Однако, несмотря на идеологическую противоречивость и внутрипартийную борьбу, линия на сохранение нэпа и его решающую роль в строительстве социализма в высших эшелонах власти удерживалась на протяжении всего десятилетия. На наш взгляд, распространенный тезис о политической и экономической несовместимости «нэповских реформ» следует перевести в плоскость «субъективного фактора» и обратить внимание на влияние политического(их) лидера(ов), гибкость мышления которого(ых) и особая харизма позволяли не бояться «работы над ошибками» и открыто отказываться от догматичных взглядов. Смерть В. И. Ленина, «необъятная власть» в руках И. В. Сталина и «дамоклов меч вероотступничества» лишили советский истеблишмент подобных преимуществ. После 1929 г. обновленный «номенклатурой выборных должностей» состав государственно-политического руководства приступал к строительству социализма в кратчайшие сроки.

Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15.

Громан В. Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // *Плановое хозяйство.* 1925. № 1 С. 88–101; № 2. С. 125–141.

Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968.

Дмитриев А. В. Общая социология. М., 2001.

Институциональные аспекты экономического развития. М., 2007.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. С. 283–314.

Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 369–377.

Одиннадцатый съезд РКП (б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. : стеногр. отчетотчет, М., 1961.

Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям. М., 2013.

Последние из могикиан: красные купцы эпохи нэпа. Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003.

Стратегия модернизации экономики России: теория, политика, практика реализации. М., 2011.

Челинцев А. Н. Методология и практика сельскохозяйственного районирования (избранные труды). М., 2006.

Шелохаев В. В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке: Реформы и революции : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 46–54.

УДК 94(470.5).084.3/084.5:323.32

О. М. Семерикова

СОВЕТСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО: МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ¹

В статье рассматриваются основные действия большевиков по реализации проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в деревне, преимущественно в начальный период существования коллективов (1917 – первая половина 1920-х гг.). Используемые механизмы по включению данного концепта в сельскую повседневность смогли существенно увеличить вовлеченность крестьянского населения в коммунитарные практики. Но реальная жизнь скорректировала возможности по воплощению теоретических положений, что отразилось в правотворческой деятельности государства и в формировании мифологически преломленного представления о коммуне среди населения (что повлияло на создание новых и использование старых (традиционных) механизмов внутренней регуляции коллективов).

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, коммунистический проект, раннесоветский период.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

С октября 1917 г. начался новый этап развития аграрного сектора экономики России. Была ликвидирована частная и единоличная собственность на землю, новая власть поддержала коллективные формы сельскохозяйственного производства (коммуны, артели, ТОЗы) наряду с созданием советских хозяйств на национализированных землях. Сельскохозяйственная трудовая коммуна была объявлена высшей формой коллективного хозяйства с всемерной поддержкой со стороны советского государства.

В реализации проекта «коммуна» правительство не только сделало упор на создание новых правовых, экономических и идеологических условий, но и ориентировалось на предыдущий мировой и российский опыт организации коллективов с совместным трудом и бытом. Эта теория и практика была представлена интеллектуальными трудами и экспериментами социалистов-утопистов (Ш. Фурье, В. Консидерана, Р. Оуэна и др.), опытом Парижской коммуны, работами основателей коммунистического движения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ульянова (Ленина), произведениями Н. Г. Чернышевского и других идеологов коммунистического движения из среды народников и социалистов, а также религиозным и сектантским опытом.

В России коммуны как сообщества с высоким уровнем обобществления трудовой деятельности и быта появились в XIX – начале XX в. Их организаторами выступали интеллектуалы и сектанты различных толков [Гордеева; Редькина]. В условиях системного кризиса периода Первой мировой войны и революции, когда «в сознании российских обывателей и интеллектуалов необыкновенно активизировались антииндивидуализм, антикапитализм, антиурбанизм и антилиберализм» [Гордеева, с. 46], опыт создания коммун оказался востребован как с идейной, так и с экономической точек зрения.

В 1917 – первой половине 1918 г. большую роль в продвижении идеи коммунального строительства сыграли левые эсеры. Благодаря их авторитету и активной деятельности представления о коммуне стали проникать вглубь народных масс. Кроме того, эсеры приняли непосредственное участие в подготовке и реализации «Основного закона о социализации земли», утвержденного ВЦИК 27 января 1918 г. В этот период в условиях обоюдной заинтересованности в совместной тактике по сохранению власти и задаче по дальнейшему воплощению социалистического проекта некоторые теоретические расхождения по аграрному вопросу с большевиками были временно отставлены в сторону (прежде всего, в цели аграрной программы – левые эсеры выступали за социализацию земли, а также в методах и принципах создания коллективных хозяйств – за ненасильственную поступательную трансформацию крестьянской общины в коммуны [Якимов, с. 14, 16]).

Общественный и научный интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунам проявился уже в 1918 г. Работы начального периода имели преимущественно пропагандистский [Дышлер; Азбука коммунизма; Мещеряков] или публицистический характер с разным уровнем лояльности к данным коллективам [например: Маслов; Ларин]. Среди них были и научные труды на основе опубликованных добротных статистических материалов [Сельскохозяйственные коммуны]. В дальнейшем коммунальное строительство кратко рассматривалось в рамках работ по развитию колхозного строительства. Особо необходимо выделить сборники документов этого периода, где представлен законодательный корпус источников и документы по аграрной политике власти на центральном и региональном уровнях [Аграрная политика; Кооперативно-колхозное строительство]. В советский и современный период вышло лишь несколько специальных научных работ по истории сельскохозяйственных коммун [Усатова; Гришаев; Дюран], что ставит задачу по дальнейшему глубокому и всестороннему изучению истории данных коллективов.

Целью статьи является рассмотрение механизмов создания и деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун в раннесоветский период на основе проектного подхода, который позволяет сформировать представление о явлении как опыте конструирования «общества будущего» и проследить возможность применения коммунистической и социалистических теорий в российской деревне.

Реализация большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» началась с формирования правовой базы (см.: [Инструкция и положения]), создания организационных структур на всех уровнях власти (центр—губерния—уезд—волость)², материального и денежного фондов³. Так как процесс появления сельскохозяйственных коммун уже был запущен и носил самостоятельный характер со стороны некоторой части российского общества, задачи большевистской партии были определены как «всемерная поддержка» (в рамках концепции о преимуществах коммунистической коллективной формы производства над всеми остальными) и формирование единообразия

² «Инструкция для организации бюро коммун», утвержденная Наркомземом от 17 августа 1918 г.; «Положение об инструкторах по коммунам», утвержденное Наркомземом от 17 августа 1918 г. [Аграрная политика, с. 408–410].

³ Постановление Совнаркома «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун» от 2 июля 1918 г.; Постановление Совнаркома об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земледельческих коммун от 3 августа 1918 г.; Декрет Совнаркома «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» от 2 ноября 1918 г. [Аграрная политика, с. 399, 403, 415–416].

(«чтобы коммуны организовывались согласно закону о социализации земли, чтобы они строились действительно на трудовых началах, чтобы в них входили исключительно трудовые элементы, чтобы коммуны не вырождались в капиталистические предприятия в скрытой форме»⁴ [Аграрная политика, с. 398]).

В рамках этих установок был разработан типовой устав сельскохозяйственной коммуны, где были прописаны основные характеристики создаваемого коллектива и возможности для его существования. В Инструкции к составлению устава от 3 августа 1918 г. было зафиксировано, что «коммуна может быть распущена органами Советской власти в случае несоответствия ее деятельности с основными положениями Советской Конституции» [Аграрная политика, с. 405], что говорит о начале процесса встраивания так называемых «диких» сельскохозяйственных коммун в единое контролируемое новой властью пространство.

В дальнейшем было опубликовано еще несколько нормальных уставов, так как первый и последующие не смогли в полной мере отразить все многообразие вопросов, связанных с практическим воплощением теории в жизнь. В частности, несмотря на то, что уже в Инструкции 1918 г. было указано, что «коммуны должны всемерно стремиться к развитию в земледелии крупного общественного хозяйства путем слияния и объединения коммун, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов» [Аграрная политика, с. 403], в законодательстве 1919 г. была сохранена возможность создавать небольшие по численности коллективы: «не менее 5-ти (домохозяев. — О. С.) или при наличии 15-ти трудоспособных» [Положение о записи, с. 1]. Это было обусловлено тем, что в основе процесса лежало, в том числе, объединение на семейной и родственной основе (особенно в крестьянской среде периферийных регионов, где значительная часть коммун имела в своем фонде общинные земли), и тенденции к укрупнению развивались очень медленно и неохотно поддерживались коммунарами.

Кроме того, в условиях необходимости ориентироваться на реальные процессы, происходившие в деревне с целью сохранения положительной динамики в коммунарском движении и корректировки на их основе своей правотворческой деятельности, появлялись и другие изменения, причем этот процесс был перманентным на всем протяжении 1920-х гг. Например, в уставе 1919 г. был разрешен наем рабочей силы: «если для исполнения работ, требующих специальных знаний и подготовки, не находится подходящих членов коммуны... и когда коммуна явно не в состоянии справиться с рабо-

⁴ Циркуляр отделения о коммунах Наркомзема губернским Советам об организации сельскохозяйственных коммун (не ранее 30 мая 1918 г.).

той» [Нормальный устав, с. 437–438]); в 1925 г. в типовой устав была введена норма о распределении доходов между членами коммуны в соответствии не с принципом равенства, а соразмерно количеству вложенного труда. В отношении последнего положения отметим, что оно носило рекомендательный характер, так как принцип «каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам» [Аграрная политика, с. 400] был по-прежнему привлекателен для крестьян второй половины 1920 – начала 1930-х гг. Тем более что в мифологическом преломлении крестьянского сознания коммуна виделась в качестве традиционной семьи как производственной ячейки, где, согласно воспоминаниям первых коммунаров из Краснодарского края, «крестьяне и казаки никогда не учитывали, кто сколько сделал и сколько съел. Острые нужды каждого определялись сообща» [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 85]. От себя добавим, что это восприятие коммун сочеталось с сохраняющейся в коллективе трудовой крестьянской этикой, где все половозрастные отличия уже были учтены.

В рамках поддержки коммунального движения важным механизмом продвижения проекта явилась широкая пропаганда и агитация среди народных масс. Так систематическая публикация в центральной и местной печати материалов о выделении средств на организацию коммун способствовала тому, что уже летом 1918 г. количество заявлений о создании коллективов и просьб о выделении ссуд выросло в геометрической прогрессии [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 57].

Основная деятельность возлагалась на бюро коммун при уездных и губернских земельных отделах. С лета–осени 1918 г. началась их работа по распространению информации среди сельского населения о «преимуществах коллективной земледелии перед единоличной и о мероприятиях Советской власти, намеченных и твердо проводимых в исполнение по предмету создания сельскохозяйственных коллективов»⁵ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 34].

Регулярно созывались уездные съезды представителей земельных отделов. На них выступали члены партии большевиков, которые участвовали в мероприятиях общероссийского уровня и сообщали об основных решениях правительства, которыми должны были руководствоваться власти на местах. Так, например, на Павловском уездном съезде представителей волостных земельных отделов 28 декабря 1918 г. его председатель П. Фуфаев, побывав на Всероссийском съезде уземотделов, передал мнение Ленина:

⁵ Отчетный доклад бюро коммун Ардатовского уезда в уземотдел о деятельности за ноябрь 1918 г.

«Переход к социалистическим видам хозяйства должен происходить постепенно... что рабоче-крестьянское правительство в деревне ведет борьбу только с кулачеством, с средним же крестьянином оно борьбы не ведет, а лишь желает взять от него те излишки, в которых у него нет нужды, но которые необходимы пролетариату деревни и города... В основу землепользования за период времени 10–15 лет... съезд наметил четыре вида хозяйства: ...а) советские хозяйства, или, как их называли, фабрики земледелия, где хозяйства будут вестись наемными силами под руководством специалистов-агрономов, б) сельскохозяйственные коммуны и другие объединения, в) общественная запашка и г) единоличное пользование»⁶ [Там же, с. 36–37].

Задача по увеличению числа сельскохозяйственных коммун была поставлена и перед партийными органами. Для этого им было делегировано право контроля над деятельностью советских административно-хозяйственных структур и ее корректировки. Процедура осуществлялась через проведение различных заседаний и вынесение резолюций:

«Слушали: доклад уземотдела. Постановили: ...исполком находит работу уземотдела удовлетворительной... Комитет предлагает уземотделу сейчас же принять меры к организации сельскохозяйственных коммун, установив в них суровую товарищескую дисциплину и тем самым отделить честное беднейшее трудовое крестьянство от бедняков-лодырей»⁷ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 38].

Приведем еще пример. 20 октября 1918 г. Новосильский уездный съезд РКП (б) Тульской губернской партийной организации принял резолюцию «Об организации сельскохозяйственных коммун», согласно которой квалифицировал коммуны как очаги социализма и крепости советской власти в деревне и обязывал каждого члена партии «приложить все усилия к самой широкой агитации среди граждан уезда за образование сельскохозяйственных коммун» [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 24].

В свою очередь, представители волземотделов и местных партийных ячеек выходили с полученной информацией в деревню. Так, 18 февраля 1919 г. было проведено общее собрание жителей дер. Банниково Доскинской волости Павловского уезда Нижегородской губернии об организации сельскохозяйственных коллективов. На нем в присутствии 45 домохозяев был заслушан доклад землемера

⁶ Заседание Павловского уездного съезда представителей волземотделов о работе I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 28 декабря 1918 г.

⁷ Из протокола экстренного заседания Ардатовского уисполкома о мерах для полного засева земель и организации сельскохозяйственных коммун в уезде 24 февраля 1919 г.

Фигуровского, где объяснялись «нормальные уставы коммуны, артели и товарищества и разницу в организации этих объединений». После «обсуждения и обмена мнениями» вопрос был поставлен на прямое голосование⁸ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 37–38].

В ситуации индифферентного или отрицательного отношения крестьян к проводимым беседам у некоторых пропагандистов возникло желание применить радикальные меры, некоторые из которых воплощались в жизнь. Так представитель Наркомзема в Орловской губернии в ноябре 1918 г. в своем докладе по результатам поездки настаивал, помимо оказания «самой деятельной помощи коммуна всем необходимым, поставив (их. – О. С.) в привилегированное положение» осуществлять беспощадную борьбу «с врагами и провокаторами, путем экономического террора и введением для них принудительных работ... Для этого надо иметь самые сознательные кадры Красной Армии, на которые можно опереться» [Доклад, л. 8]. Но так как центральная власть и лидеры партии выступали исключительно за принцип добровольности в организации коммун, то эти случаи носили единичный характер и в основном имели место в 1918–1919 гг.

В качестве выхода из ситуации слабой активности крестьянского населения в начальный период было предложено обязательное участие партийных работников в непосредственной организации коммун с вхождением членами в ее состав. Последнее положение было зафиксировано в многочисленных партийных резолюциях. В одной из них, например, указано следующее:

«Организации не могут ограничиваться одними разъяснениями и призывами к введению общественной обработки земли, они должны показывать пример всему другому населению, как передовые бойцы за коммунизм, и должны поэтому первые переходить к общественному хозяйству, устраивая коммуны, и вводить общественную обработку»⁹ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 40].

В условиях начавшейся гражданской войны, малочисленности ячеек РКП (б), «отсутствия литературы... у организаторов коммун и знакомства с уставами таковых», в том числе в бюро коммун, «новизны дела» («новый строй рисует всякий по своему как кому вздумается и даже масса из партийных работников смутно представляют себе это новое, которое они проповедают») [Доклад, л. 5, 7] непросто было воплотить в жизнь казавшуюся на первый взгляд легкой задачу.

⁸ Протокол общего собрания жителей дер. Банниково Доскинской вол. Павловского уезда об организации сельскохозяйственных коллективов 18 февраля 1919 г.

⁹ Из обращения Сергачского укома РКП (б) к партийным организациям уезда о задачах парторганизаций в деревне от 10 марта 1919 г.

Действительно, коммунисты активно создавали коллективы¹⁰, эта тенденция существовала на всех этапах (вплоть до начала 1930-х гг.). Но жизнь подобных сельскохозяйственных коммун заканчивалась в лучшем случае через 1–2 хозяйственных года (особенно на первых двух этапах – 1917–1919 и 1920–1924/1925 гг.). Такая ситуация была обусловлена недостатком сельскохозяйственного, делопроизводственного и иного опыта у организаторов, необходимостью совмещения новых обязанностей с партийной должностью, сложностями экономического (нехватка или неудовлетворительность качества ресурсов, затягивание процедуры наделения землей) и идеологического (низкий уровень коммунистической и трудовой сознательности и дисциплины у основной массы коммунаров) порядка. Кроме того, в условиях нехватки профессиональных партийных кадров в 1918 – первой половине 1920-х гг. многих способных организаторов переводили в другую коммуну или на другой «фронт работы» без ведома других членов коллектива, что иногда приводило к распаду сельскохозяйственного коллектива.

Одним из способов сохранения и роста численности сельскохозяйственных коммун стала тактическая линия большевистской партии и правительства на сотрудничество с сектантами различных толков, старообрядцами и православными монашествующими. Исследование сектантских коллективов началось еще до революции, одним из первых, кто проанализировал их деятельность, был В. Д. Бонч-Бруевич, труды которого внимательно прочитал В. И. Ленин. 5 октября 1921 г. было опубликовано воззвание Народного комиссариата земледелия (далее – НКЗ) «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», где обращалось внимание на основную идею приверженцев этих религиозных течений, взятую из «Деяний апостолов»: «и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» [Труды, с. 203]. Этот похожий на главный лозунг коммунаров концепт был взят за основу для обоснования появления нового феномена – сельскохозяйственного религиозного трудового коллектива. Под последним понималась религиозно-производственная организация, имевшая официальный статус сельскохозяйственного кооператива (колхоза) и подконтрольная органам НКЗ. Целью данных коллективов определялось социально-экономическое переустройство общества

¹⁰ Например, инициаторами создания двух коллективов Осинского уезда Пермской губернии в феврале 1921 г. стали волостной организатор РКП (б) при с. Аспе Качегин Константин Гаврилович (коммуна «Авангард коммунаров») и секретарь райкома РКП (б) Иванова Татьяна Иосифовна (Юго-Осокинская коммуна «Красное знамя труда») [ГАПК, ф. Р-367, оп. 1. д. 140, л. 11; д. 146, л. 2].

на основа христианского социализма (религиозного коммунизма) при сотрудничестве с советским государством в аграрной сфере. По настоянию властей такой коллектив не должен был входить в структуру крупных религиозных организаций, поддерживать их материально, не допускалась «эксплуатация религиозных чувств» как основа взаимоотношений его членов [Редькина, с. 3].

Как отмечалось в 1921 г. представителем Самарской губернии на II Всероссийском Съезде сельскохозяйственных коллективов, «эти общества имеют уже большую духовную и экономическую сплоченность членов, связанных религиозными убеждениями, ведут свои хозяйства образцово» [II Всероссийский, л. 158]. Именно желание правительства иметь жизнеспособные колхозы с хорошей дисциплиной и высокими производственными показателями, которые могли бы развиваться в основном за счет внутренних ресурсов с минимальной помощью государства, способствовало активной поддержке этих коллективов со стороны НКЗ вплоть до конца 1920-х гг., несмотря на часто встречавшуюся иную позицию низовых структур и местных органов власти. Так, например, если Москва была заинтересована в сохранении и развитии комплексного хозяйства на базе бывших монастырских хозяйств, организации в них, прежде всего, колхозов и артелей из трудового элемента монашествующих, то местные органы власти зачастую полагали, как и в 1918–1920 гг., что в монастырях необходимо создавать совхозы [Редькина, с. 33, 34].

В результате оказалось, что НКЗ и правительство не смогли существенно поднять численность коммун за счет данной политики. Это было обусловлено тем, что большевики, начав поддержку таких коллективов, имели смутное представление о реальной религиозной ситуации в деревне, переоценили «революционный потенциал» этих коллективов и экономическое благосостояние зарубежных религиозных групп, реэмигрировавших в Россию, зависили численность и влияние в крестьянской среде старого русского сектантства, старообрядчества и протестантов [Там же, с. 33].

Наиболее значимым механизмом сохранения и роста численности сельскохозяйственных коммун стала их активная финансовая и иная поддержка со стороны государства. Материальный фонд коммунарского движения, охватившего на первом этапе (1917–1919) территории в большей степени центральных, западных и юго-западных губерний, был сформирован на основе бывшей частной собственности (уточним, что позднее коммуны создавались также на надельных, церковных, казенных и прочих землях). Часть крупных национализированных поместий была переданы государством тем желающим, кто готов был организовать в них сельскохозяйственные трудовые

коммуны. Ограничения для членства в коллективе на первом этапе (1918–1919 гг.) были минимальными¹¹.

Но, как оказалось, в бывших частных имениях коммунары столкнулись с множеством проблем, не позволивших сформировать в массовом порядке эффективные высокопродуктивные хозяйства. Неудовлетворительное качество жилых построек (в силу их расхищения), сложности ремонта (отсутствие плотников, строительных материалов), несоответствие внутренней планировки бывших поместий цели коллективного проживания (на основе опыта в 1925 г. некоторыми коммунарами констатировалось, что «...для колхоза помещичья постройка неудобна, она является настоящей погибелью» [Труды, с. 176]), недоброжелательное отношение окружающего населения (по причине столкновения интересов по земле – первые коммуны создавались в основном пришедшим населением) сократили сроки существования коммун.

Кроме того, на активные призывы большевиков объединяться в коммуны на начальном этапе откликнулась наиболее инициативная, предприимчивая, образованная часть общества, и это были преимущественно не крестьяне, так как последние выступали за сохранение общинной формы хозяйствования. Отсутствие возможности систематического контроля (по линии идеологического соответствия большевистскому проекту) над вновь создаваемыми коммунарами в условиях гражданской войны способствовало процессу формирования коллективов со слабой или отсутствующей коммунистической составляющей. Создание сельскохозяйственной коммуны рассматривалось организаторами (бывшими хуторянами, отрубниками, помещиками и представителями иных непролетарских категорий населения) как возможность в новых условиях возобновить или продолжить самостоятельную хозяйственную траекторию развития и/или сохранить свою собственность.

Местные власти в основном не препятствовали созданию таких коммун (так как это повышало количественные показатели по социализации деревни), если их интересы не совпадали с интересами актива коммуны относительно каких-либо материальных ресурсов. В случае конфликта советские и партийные органы использовали принципы «военного коммунизма» и «пролетарской справедливости», что приводило к роспуску коммун. К 1920/1921 гг. в условиях усиления идеологического контроля на местах подобные коммуны завершили свое существование путем ликвидации или реорганизации.

¹¹ В состав коммуны не могли войти: «живущие на нетрудовой доход (капиталисты, помещики, кулаки); торговые и коммерческие посредники; священники и [другие] служители религиозных культов; бывшие жандармы, полицейские, охранники; умалишенные; опороченные народным судом; лица, замеченные в спекуляции, пьянстве, винокурении, азартных играх и в других подобных поступках, нетерпимых в совместной жизни [Инструкция к составлению устава, с. 405].

Выдача ссуд (сроком от 1,5 лет до 10 лет) «на организацию и поддержку сельскохозяйственных коммун» [Аграрная политика, с. 403] со второй половины 1918 г. из специального миллионного, а затем и миллиардного фонда также способствовала существенному росту заявлений о создании сельскохозяйственных коммун. Например, в Смоленской губернии в 1919 – начале 1920 г. на приобретение продовольствия и обсеменение полей ссуды выдавались на 1,5 года, на покупку скота, на устройство и ремонт мельниц, кирпичных заводов и пасек – на 5 лет, на возведение и ремонт построек – на 10 лет [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 156, л. 2].

Несмотря на прописанные правила выдачи ссуды и двойную ответственность уездного земельного отдела и совета коммуны¹², в условиях гражданской войны, неурожая, сложностей с продовольствием и голода, в 1918–1920 гг. государственные финансовые ресурсы расходвались в основном на нецелевые нужды и не возвращались. Воспользовались правом на государственную поддержку не все, а самые активные и предприимчивые, причем последнее касалось не только организационного звена коллективов, но и местных властей, у которых осело (судя по отчетам¹³) по статьям на текущие и плановые мероприятия значительное количество денежных средств. Махинации и/или безответственность последних были, видимо, обычным явлением¹⁴. Как следствие, результат,

¹² В Правилах выдачи ссуд сельскохозяйственным производственным коммунам, утвержденных Наркомземом от 24 августа 1918 г. было указано: «Уездный земельный отдел передает ассигнованные суммы совету коммуны и, являясь ответственным за отпущенные средства, наблюдает за расходованием их коммуной. Совет коммуны расходует полученные средства в полном соответствии с утвержденной сметой и несет строгую ответственность за неправильное расходование отпущенных ей сумм, вплоть до предания суду членов совета, роспуска коммуны и отобранием всего имущества» [Аграрная политика, с. 403].

¹³ См.: [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 156, Годовые и месячные отчеты Рязанского, Пензенского и других губернских миллиардных комитетов за 1919 г. и ведомости распределения ссуд и пособий].

¹⁴ Например, согласно докладной записке из Казанской губернии от вновь назначенного зав. Отобсельхозом 23 ноября 1919 г. следовало, что «Журнал–Главная и Книга лицевых счетов Губкомитетом (земледелия. – О. С.) не заведены по следующим причинам: при получении 1-го миллиона он был распределен по коллективам в счет утвержденных без указания срока <...>. Одни из коллективов открыли текущие счета в казначействах, другие нет. <...> С текущих счетов коллективы получали суммы в счет общей сметы, не указывая на какие нужды – а следовательно полученную сумму неизвестно куда ставить в лицевой счет: в ссуду до 1 года, до 2 лет или до 15 лет. В счет 2-го миллиона было занято у губземотдела 450 000, которые переведены прямо на уземотделы без указания сумм каждому коллективу. Уземотделы выдавали кроме этих средств и из средств НКЗ, из средств Оргасева и др. Таким образом, все средства, отпущенные коллективам перемешались. Формального обязательства не было взято ни с одного коллектива. <...> Некоторые коллективы уже получили (ссуды. – О. С.) сверх сметы. Некоторые коллективы распались и неизвестно, куда поступили неиспользуемые ими суммы» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 155, л. 71].

на который рассчитывали большевики, достигнут не был. Тем не менее, для беднейшей части населения, вступившего в коммуны, получение поддержки от государства не только в сложный период гражданской войны, но и позднее, имело принципиально положительное значение.

Вообще, контроль над жизнью в коммуне и кураторская помощь чаще всего были слабыми и зависели главным образом от позиции и заинтересованности в этом местных властей¹⁵. С одной стороны, это ограничило возможности по повышению производительности, внедрению качественно новых аграрных технологий и ведению общей идеологической работы внутри коллектива. С другой – эта ситуация сохраняла элементы внутренней свободы и самостоятельности в принятии решений в текущей деятельности коммун. В этом случае огромную роль играл актив коммуны, от его уровня хозяйственно-трудовой подготовки, организаторского таланта, готовности к системному подходу в функционировании коллектива (сочетание производственных, бытовых, культурно-просветительских, идеологических задач) зависела судьба последнего.

При реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» властные и партийные органы использовали разнообразные механизмы внедрения коммунистических идеалов в повседневность деревенского пространства. Пропаганда, материальное стимулирование, тактика привлечения идеологически чуждых, но экономически заинтересованных элементов общества, использование партийного кадрового ресурса, а также насилие (явное и опосредованное) значительно ускорили процесс формирования в деревне новых коллективных форм хозяйства с максимальным уровнем обобществления. В результате продолжилась тенденция на создание коммун по инициативе исключительно самих крестьян.

Первоначальный проект создания коммун не смог быть осуществлен в силу его изначальной утопичности, а также неоднородности, перманентной трансформации и формирующихся новых мифологических смыслов объекта конструирования (сельскохозяйственных коммун). Цель проекта (коммунизация деревни) достигнута не была, что привело к началу политики коллективизации. Тем не менее, именно

---

¹⁵ Например, на заседании Нижегородского губкома РКП (б) при обсуждении вопроса о работе губземотдела по развитию коллективных форм сельского хозяйства 7 июля 1920 г. было указано, что «в культурно-просветительской работе с/х коллективы – это забытый фронт. Представители уездной партийной власти совсем не бывали ни в одном коллективе, агрономы и инструктора и те заглядывали к ним редко» [Кооперативно-колхозное строительство, с. 80–81].

сельскохозяйственные коммуны стали тем субъектом деревенской действительности, в рамках которого сформировались идеологические, экономические, культурные и образовательные маркеры новой советской деревни.

II Всероссийский Съезд сельскохозяйственных коллективов 1921 г. : стенограмма // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 138–172об.

Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевики). Пб., 1920.

ГАПК. Ф. Р-367 (Осинский уездный земельный отдел Осинского уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Оса Пермской губернии)).

Гордеева И. А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв.: [Предисловие] // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб., 2010. С. 7–74.

Гришаев В. В. История сельскохозяйственных коммун: итоги изучения, проблемы. Красноярск, 1986.

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.

Доклад инспектора Наркомзема Ивана Чикенова о поездке в Орловскую губернию 18 ноября 1918 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8.

Дышлер П. Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны: (Проект коммунальной формы сельск. хоз. [с примерным уставом коммуны]). Петроград, 1918.

Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб., 2010.

«Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун», утвержденная Наркомземом 3 августа 1918 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.): док-ты и мат-лы. М., 1954. С. 403–405.

Инструкции и положения о коммунах, изданные Народным комиссариатом земледелия. М., 1918.

Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии (1917–1927): док-ты и мат-лы. Сост. В. В. Колябин. Горький. 1980.

Ларин Ю. Советская деревня. М., 1925.

Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (дата обращения: 20.08.2018).

Мещеряков Н. Л. Кооперация в Советской России. М., 1922.

«Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун», утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.): док-ты и мат-лы. М., 1954. С. С. 433–441.

Положение о записи трудовых сельско-хозяйственных производственных коллективов, коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли: [8 сентября 1919 г.]. Пермь, 1920.

РГАЭ. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР).

Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР : автореф. дисс... докт. ист. наук. Волгоград, 2004.

Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г / под ред. А. А. Биценко. М., 1924.

Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля – 6 марта 1925 г. М., 1925.

Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.

Якимов Д. В. Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии) : автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

УДК 94(571).084.5/084.6:338.43

В. А. Ильиных

АГРАРНЫЕ ПРОЕКТЫ 1920-х гг.: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ «ГРАДОВЦИНА»?

В статье осуществлен ретроспективный анализ двух проектов аграрного освоения Сибири: Перспективного плана развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г. и Генерального плана развития народного хозяйства 1930 г. Выявлены содержащиеся в них элементы прожектерства. Определены архетипы советской практики перспективного планирования.

Ключевые слова: советский проект, перспективное планирование, сельское хозяйство, проекты аграрного развития, А. В. Чаянов, А. Платонов.

Я планов наших люблю громадьё...
Из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо» (1927 г.)

Планирование – одна из отличительных и обязательных черт функционирования советского мегапроекта с самого начала его существования. Планомерность построения нового общества противопоставлялась характерной для досоциалистических формаций стихийности развития. Активной плановой работой занимались и земельные органы (органы управления сельским хозяйством). Как и другие управленческие структуры, они составляли операционные, среднесрочные, и перспективные планы.

Задача разработки перспективных планов развития сельского хозяйства была поставлена Наркомземом РСФСР перед областными/губернскими земельными управлениями в августе 1923 г. [ГАКК, ф. Р-850, оп. 1, д. 103, л. 17]. В Сибири итогом интенсивной плановой работы стал Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края (далее Перспективный план), опубликованный в 1926 г. [Сельское хозяйство Сибирского края]. В нем предлагалась программа превращения Сибири в течение последующей четверти века в «напоминающий собой Канаду» район сельского хозяйства, имеющего преимущественно экспортный характер. Аграрная сфера мыслилась основой экономики региона.

Основной статьей сибирского сельско-хозяйственного экспорта вновь, как и до революции, должно было стать животное масло, а аграрное производство в связи с этим приобретало преимущественно молочно-масляное направление. Агротехнологической основой переориентации сельского хозяйства с утвердившейся к середине 1920-х гг. зерновой специализации на молочно-масляную называлась травопольная система земледелия, в которой повышение плодородия почв достигается за счет крупномасштабного (до 50 % пашни) внедрения в севообороты посевов однолетних и многолетних трав. Помимо радикального решения кормового вопроса для животноводства травополье позволяло наладить широкомасштабное и стабильное производство твердых сортов пшеницы и льна, которым также придавалось важное экспортное значение.

В связи с этим в Перспективном плане было разработано пять подробнейших схем организации оптимального крестьянского хозяйства. Они соотносились с выделяемыми по природно-географическому признаку сельскохозяйственными районами края. Размеры и внутренняя структура каждого предлагались в качестве эталона для соответствующих районов. Оптимальное крестьянское хозяйство Западноси-

бирского лесостепного района состояло из пяти человек, в том числе двух трудоспособных, одного «полутрудоспособного» (подростка) и двух нетрудоспособных членов семьи. Под девятипольный севооборот отводилось 13,5 дес. Еще 1,5 дес. занимал трехпольный приусадебный севооборот. Хозяйство содержало: две рабочих лошади, три продуктивных коровы, четыре овцы, свиноматку с тремя поросятами для откорма до шестимесячного возраста, 15 кур. Размеры хозяйств для других районов отличались от вышеприведенного незначительно. Оптимальные хозяйства всех районов считались трудодостаточными, и лишь в Ойротии предполагалось небольшое использование наемной рабочей силы. До оптимального размера все крестьянские хозяйства региона планировалось довести в течение 25 лет.

Все схемы крестьянских хозяйств строились на основе травопольных севооборотов. Поскольку переход к многополью в рамках традиционной многодворной сибирской общины был затруднен, предлагалось ее расселение на мелкие поселки (выселки), оптимальные размеры которых составляли от 10 до 30 дворов в зависимости от местных природно-географических условий. В рамках поселков крестьяне должны были получить постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения. Кроме того, они объединялись в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельскохозяйственные машины – многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т. п. Более сложная сельхозтехника сосредоточивалась на кооперативных прокатных пунктах. Менее сложный сельхозинвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т. п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

Обязательным условием развития крестьянских хозяйств являлось их одновременное членство в различных видах вертикальной кооперации: кредитной, специализированной закупочно-сбытовой, перерабатывающей, мелиоративной, машино- и товароснабженческой, семеноводческой, племенной и т. п. Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными в кооперацию, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводстве и племенной работе. Те же функции возлагались и на совхозы. Помимо этого, совхозам надлежало заниматься коневодством для армейских нужд и мериновым овцеводством.

Организационно-хозяйственные схемы оптимальных крестьянских хозяйств использовались авторами плана для расчета количественных параметров сельскохозяйственного производства Сибири к началу 1950-х гг. Для этого размеры и продукция оптимального хозяйства умножалась на предполагаемое общее количество крестьянских дворов в каждом из выделенных районов. При сложении районных балансов получался общесибирский баланс. Рассчитанное в соответствии с данным балансом валовое производство зерновых должно было увеличиться по сравнению с достигнутым в 1925/26 г. уровнем в 2,1 раза, молока в 2,5 раза, товарное производство зерна – в 3,4 раза, животного масла – в 6,1 раза.

В Перспективном плане также предлагалась широкая программа индустриализации аграрного сектора экономики Сибирского края путем строительства предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. В частности, планировалось соорудить 720 заводов по первичной обработке льна. Предполагалась реконструкция старых маслозаводов и строительство новых с доведением их общего количества с 2 тыс. до 4,5 тыс. Кроме того, в регионе должны были строиться крупнотоварные мельпредприятия, беконные, маслобойные, винокуренные, пивоваренные, дрожжевые, рыбоконсервные, кожевенные заводы, фабрики по сортировке щетины, обработке пуха и пера, сортировке и упаковке яиц, бойни и т. п.

Задаче вывоза из региона произведенной и переработанной сельхозпродукции подчинялись планы транспортного строительства. Предлагалась так называемая сверхмагистрализация железных дорог, ведущих из Сибири к портам Балтийского и Черного морей, под которой понималось удешевление себестоимости перевозок за счет соответствующей их организации (повышение грузоподъемности составов, организация их непрерывного движения, реконструкция рельсового пути и т. п.). Важным дополнением региональной железнодорожной сети должны были стать новые ветки, проведенные перпендикулярно к «сверхмагистралам». С их помощью планировалось обеспечить бесперебойный поток грузов из наиболее товарных сельскохозяйственных районов к Транссибирской «сверхмагистрале». Аналогичные функции возлагались на водные пути сообщения, которые также проходили перпендикулярно Транссибу. В результате лишь незначительная часть территорий основных сельскохозяйственных районов могла отстоять от железных дорог и водных путей сообщения более, чем на 100 км. Регулярные шоссейные дороги должны были проходить перпендикулярно или почти перпендикулярно к железнодорожным станциям и оборудованным речным пристаням.

Межсезонная бесперебойность движения грузопотока по «сверхмагистрали» обеспечивалась путем развития пристанционной инфраструктуры (строительство элеваторов, складских помещений различной вместимости и т. п.). Важную роль в обеспечении вывоза из региона скоропортящихся грузов была призвана сыграть так называемая холодизация Сибири: строительство крупных холодильников, маслоохладителей при станциях и пристанях, обеспечение путей сообщения вагонами и пароходами-рефрижераторами, «холодным» гужевым транспортом.

Теоретической основой Перспективного плана являлись разработанные А. В. Чаиновым концепции приоритета аграрной экономики, устойчивости семейного крестьянского дворохозяйства, дифференциального оптимума сельхозпредприятия, «кооперативной коллективизации» [Ильиных, НЭП: поиск оптимальной модели..., с. 18]. Модель решения аграрно-крестьянского вопроса, предлагаемую Чаиновым, можно определить, как альтернативную и буржуазно-фермерской, и сталинско-колхозной. Но при этом следует иметь ввиду имеющиеся в ней элементы утопии. Крестьянско-кооперативный рай, при всей его привлекательности, вряд ли мог быть построен в России. Для этого был необходим очень длительный период внутренней и внешней политической и экономической стабильности.

Позицию авторов Перспективного плана по вопросам определения места аграрного производства в экономике региона, выбора специализации сельского хозяйства и агротехнологической основы его реорганизации разделяли руководители партийных и советских органов Сибирского края. Не вызывала у большевистских лидеров края идиосинкразии и ставка Перспективного плана на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства, которая в 1922–1925 гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрно-крестьянском вопросе. В Центре отношение к Перспективному плану было более критическим. Оппонентами выбора травополя в качестве базовой агротехнологии выступали ряд специалистов Наркомзема РСФСР [Там же, с. 18].

Н. Д. Кондратьев резко критиковал методiku составления Перспективного плана, считая, что в нем отсутствуют доказательства того, что в конечном итоге будут достигнуты запроектированные объемы производства сельхозпродукции, запланированный уровень доходности. При этом не берутся в расчет возможные форс-мажорные обстоятельства. Будущая модель аграрного производства рассчитывается на основе условных цен и норм, условной, но не мотивированной урожайности и продуктивности и т. п. [Кондратьев, с. 17–18]. В целом он воспринимал сибирский план как образец типичного для перио-

да 1920-х гг. телеологического планирования (от греч. *teleos* – цель), пренебрегающего научными методами доказательства возможности достижения поставленной цели.

Присутствовали в Перспективном плане и элементы «прожектерства», ярко подмеченные в сатирическом произведении А. Платонова «Город Градов». Повесть была написана в 1927 г., когда ее автор работал в Тамбовском губернском земельном управлении. До этого (с 1922 г.) Платонов служил в Воронежском губземуправлении. Естественно, что с практикой повседневной деятельности советских земельных органов, в том числе и с перспективным планированием он был хорошо знаком. Прочитируем разговор откомандированного в Градов московского чиновника Шмакова с работником губземуправления [Платонов, с. 267–268]:

– А как, товарищ Чалый, существует в вашей губернии точный план строительства?

– Как же-с, как же-с! В десятилетний план сто элеваторов включено: по десяти в год будем строить, затем-с двадцать штук мясокладобоев и пятнадцать фабрик валяной обуви... А сверх того водяной канал в земле до Каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повадно стало торговать с градовскими госорганами.

– Вон оно как! – дал заключение Шмаков. – Курс значительный! Ну, а денег сколько же вам потребно на эти солидные мероприятия?

– Денег надо множество, – сообщил Чалый второстепенным тоном. – Того не менее, как миллиарда три, сиречь – по триста миллионов в год.

– Ого, – сказал Шмаков, – сумма почтительная! А кто же даст вам эти деньги?

– Главное – план! – ответил Чалый. – А уж по плану деньги дадут...

Нарисованные Платоновым черты градовского десятилетнего «плана строительства» в сибирском Перспективном плане очевидно присутствуют. Сумма на его реализацию требовалась еще более «почтительная». И абсолютно большую ее часть должно было дать государство. Тем не менее мы не станем полностью отождествлять градовских чиновником с авторами Перспективного плана. Последние были профессионалами высокого класса. Так, например, один из идеологов Перспективного плана И. И. Осипов свою карьеру начал в 1911 г. в земской агрономической службе в Смоленской губернии. В 1918–1919 гг. являлся заведующий агрономическим отделом Войсковой управы Сибирского казачьего войска. А фактически сразу же после реставрации в Сибири советской власти был назначен заведующим подотделом сельского хозяйства Омского губземотдела. С января 1925 г. занимал должность заведующего отделом сельского хозяйства Сибкрайземуправления. Однако профессионализм составителей Перспективного

плана, как и других советских планов причудливо сочетался с догматизмом. Так, они абсолютизировали чаяновскую концепцию дифференциального оптимума сельхозпредприятия, сводя ее только к расчетанным оптимальным размерам крестьянских хозяйств.

В конце 1920-х гг. линия большевистской партии в аграрно-крестьянском вопросе претерпела принципиальные изменения. На XV съезде ВКП (б), принявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства, теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки подверглись резкой критике. Инициативу Центра подхватили в Сибири. Авторы и сторонники реализации целей Перспективного плана обвинялись в проведении антипартийной линии и прямом пособничестве кулачеству. Затем последовало их устранение из органов управления сельским хозяйством и политические репрессии.

После принятия курса на коллективизацию соответствующие изменения произошли в рамках перспективного планирования развития сельского хозяйства. В начале 1930 г. в Новосибирске была завершена разработка рассчитанного на 10 лет Генерального план развития народного хозяйства Сибирского края, составной частью которого была программа развития сельского хозяйства региона [Материалы к генеральному плану, 1930].

Согласно плану, организационно-производственной основой будущего сельского хозяйства региона должны были стать агроиндустриальные комбинаты (АИКи), которые представляли собой объединение хозяйственных ячеек в виде колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и иной инфраструктурой. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился. Всего в Генплане было выделено 18 сельскохозяйственных районов, в рамках которых предполагалось создать 173 АИКа. К середине 1930 г. специалисты сельхозсекции Сибплана разработали пять подробных проектов агро-индустриальных комбинатов, которые рассматривались как типовые [Ильных, Проекты социалистической модернизации..., с. 144–145].

Техника полеводства в АИКах должна была основываться на механизации всех производственных процессов. Основной тягловой силой должен был стать трактор. Помимо зерноуборочных комбайнов, в машинный парк включались картофелесажалки, картофелекопатели, сеновозагрузчики, льнокомбайны и т. п. Предполагалась частичная электрификация производства. В животноводстве планировалось применение доильных агрегатов, инкубаторных станций, электрической

стрижки овец. Широкомасштабная механизация позволяла работникам сельского хозяйства перейти на восьмичасовой рабочий день.

Составители Генерального плана 1930 г. придерживались в целом аналогичных с авторами Перспективного плана 1926 г. взглядов на определение места и роли, которую в перспективе должен был занять аграрный сектор Сибири. В общесоюзном и мировом разделении труда ей отводилась роль производителя и поставщика ценной сельскохозяйственной продукции. Основными статьями аграрного производства и экспорта должны были стать животное масло, пшеница и лен. Неизменным оставался и выбор в пользу травопольной системы земледелия как основы агротехнологической реконструкции сельского хозяйства.

Производственная коллективизация и последующее за ней объединение колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий в единые производственные комплексы, механизация трудовых процессов рассматривались как гарантия ускоренного развития сельского хозяйства. В Генеральном плане намечалось к концу 1930-х гг. увеличить производство зерновых, животного масла и льна – соответственно в 3,5, 15,0 и 12,4 раза, что существенно превышало показатели Перспективного плана. При этом достичь поставленных целей намечалось на 10 лет раньше.

Естественно, что масштабы транспортного, агропромышленного и инфраструктурного строительства были еще более грандиозными. Так внутрихозяйственная транспортировка грузов в АИКах должна была осуществляться по узкоколейным (постоянным и переносным) железным дорогам. В местностях, которые по условиям рельефа для сельскохозяйственного железнодорожного строительства были не приспособлены, в перспективе планировалось применение подвесных канатных дорог. Многократно увеличивался и необходимый для реализации Генерального плана объем капитальных вложений в сельское хозяйство.

Грандиозным планам наращивания сельскохозяйственного производства на базе АИКов не суждено было сбыться. Отчасти это связано с самой методикой планирования. Генеральный план являлся еще более ярким, чем Перспективный план 1926 г., образцом телеологического планирования, основное содержание которого сводилось к формулированию какой-либо «великой» цели при отсутствии научных доказательств возможности и реальных средств ее достижения.

Однако только к чиновничьему прожектерству перспективное планирование в 1920-е гг. свести нельзя. Планирование, как указывалось выше, являлось одной из имманентных черт советского мегапроекта. Анализ практики перспективного планирования сибирских последователей А. В. Чайнова, градовских чиновников, аграрни-

ков-марксистов позволяет выявить ряд ее архетипов. Прежде всего к такому можно отнести концепты свободы воли и прогресса. Следующим этапом на пути прогресса человечества является социализм. Класс / партия / государство обладают волей и возможностью его построения. В основу социалистического строительства должен быть положен план.

Еще более реликтовым архетипом исследуемой практики является свойственная иудаизму и христианству вера в объективность написанного и освященного. Планы 1920-х гг., по мнению их составителей, обретали объективность после их утверждения («освящения») вышестоящими инстанциями. В схемах оптимальных (идеальных) крестьянских хозяйств из Перспективного плана 1926 г. и АИКов из Генерального плана 1930 г. можно также увидеть своеобразную реминисценцию фаланстера Ш. Фурье.

В реальной действительности перспективные планы утверждались, но не выполнялись, свобода воли государства / партии оборачивалась волонтаризмом вождя, прогресс – архаизацией.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-850 (Земельное управление Енисейского губисполкома).

Ильиных В. А. НЭП: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя // Экономическая история. 2012. № 1. С. 16–26.

Ильиных В. А. Проекты социалистической модернизации сельского хозяйства // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 138–147.

Кондратьев Н. Д. План и предвиденье (к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности) // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 3–36.

Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

Платонов А. Избранные произведения. М., 1983.

Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2: Перспективный план. Новосибирск, 1926.

УДК 94(47).084.6

М. А. Фельдман

МЕЖДУ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ПЛАНОМ И ПЛАНОМ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ПРОДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1927–1932 ГОДЫ)

Статья посвящена современной оценке эволюции подходов ученых и партийно-хозяйственных руководителей к вариантам модернизации СССР в период 1927–1932 гг. Источниковую базу статьи составили материалы пяти съездов плановых работников (госпланов) и трех пленумов ЦК ВКП (б) в 1928 г.; содержание «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)».

Впервые события указанных форумов и выработанных документов рассматриваются в органическом единстве в рамках осуществления ранне-индустриальной модернизации. Одновременно сделана попытка рассмотреть дискуссию на Пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта и утопического (мифологического) пути форсированного «социалистического строительства».

В статье отмечается, что на Пленумах 1928 г., на съездах плановых работников (госпланов) была продемонстрирована реальная альтернатива «левацкому» курсу — вариант осуществления индустриализации страны и преобразования крестьянской и частнопредпринимательской экономики на принципах новой экономической политики. Сделан вывод: в открытом и честном бою сталинизм не выдержал испытания.

Открытое изложение своих взглядов сторонниками и противниками нэпа (даже при наличии внутренней цензуры и патрона-клиентских отношений) продемонстрировало, что часть большевистской элиты оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Ключевые слова: пятилетка, план, нэп, социалистический, экономика, вариант, пленум, Госплан.

Вопрос о причинах и характере свертывания новой экономической политики в конце 1920-х гг. и переходе к политике форсированной индустриализации на протяжении многих десятилетий остается в центре внимания отечественных и зарубежных историков [см. например: Эрлих; Суворова].

Как пишет С. А. Красильников, длительный период изучающий указанную проблематику, практически вся советская литература отстаивала идею адекватности сталинского режима вызовам времени; не вызывала сомнений и безальтернативность той мобилизационной модели, которая была реализована в годы первых пятилеток. Однако еще в работе 1989 г. «Что это было?» Л. А. Гордон и Э. В. Клопов заметили: если бы даже нефорсированное индустриальное развитие оказалось бы менее быстрым, все же и оно дало бы возможность создать промышленную базу, достаточную для ведения войны, с учетом потерь экономического потенциала в 1941 г. [Красильников, с. 155].

После довольно короткого периода рассмотрения нэпа как варианта эволюционного развития СССР, открывающего дорогу индустриализации страны, с меньшими потерями населения и без резкого снижения уровня жизни большинства граждан [Данилов, с. 17], в первые десятилетия XXI века в исторической литературе все более утвердился тезис о сталинском варианте модернизации как *единственно возможном виде перехода от аграрно-промышленного типа экономики к промышленно-аграрному* [см. например: Кондрашин; Есиков].

Главным предметным полем в этой дискуссии является вопрос о возможности (невозможности) советской деревни 1920-х гг. быть базой для осуществления индустриального рывка. В такой ситуации проблема становления и многочисленных изменений Первого пятилетнего плана, в частности, анализа социально-экономических изменений в годы первой пятилетки в СССР в современной исторической науке либо не рассматривается, либо трактуется в духе уже упомянутой концепции неотвратимости мобилизационной модели.

Круг вопросов – наличие научных, планово-организационных, идейно-теоретических, материальных предпосылок для реализации индустриального проекта в СССР на основе нэповской экономики – обусловил содержание предлагаемого читателю текста. Стержнем нашего исследования стала борьба ученых и партийно-государственных деятелей СССР вокруг вариантов Первого пятилетнего плана.

Авторской гипотезой стала мысль о том, что последовательная деформация уже утвержденного весной 1929 г. пятилетнего плана означала не только поражение сторонников нэповской модели, отказ от сбалансированной системы развития отраслей и регионов, но и *вынужденное* (объективными обстоятельствами) воспроизводство в годы первой пятилетки ряда научных принципов планирования, реализованных в советской и мировой практике в 1920-е годы.

Наиболее значительный труд по экономической истории СССР в доперестроечную эпоху, «История социалистической экономики СССР» (в семи томах), опубликованный в 1976–1980 гг., характери-

зую задачи первого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1928/29–1932/33 гг., подчеркивал: создание мощной тяжелой индустрии и крупного обобщественного сельского хозяйства, ликвидация технико-экономической отсталости страны – составные части «переходного периода от капитализма к социализму» [История социалистической экономики, с. 11].

Сроки этого «переходного периода» не указывались. Ни Маркс, ни Ленин не оставили какого-либо конкретного представления об обществе будущего. Руководители ВКП (б), вовлеченные в многолетнюю внутрипартийную борьбу, вопросы долгосрочного планирования и прогнозирования откладывали на «более благоприятное время».

По расчетам ученых и специалистов Госплана, других плановых учреждений, речь шла о двух–трех пятилетках: подготовка «Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 10–15 лет», как в центре, так и на местах, должна была стать «экономической программой реконструкции всего народного хозяйства СССР... и экономическим планом нашего движения к социализму» [Ковалевский].

В советской исторической литературе отмечались многогранность, «богатство накопленного материала, глубина постановки проблем» в разделах Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 10–15 лет. Были выработаны основные идеи перспективного долгосрочного плана развития народного хозяйства; проработано значительное число вариантов возможного экономического развития СССР; использованы экономико-математические методы для долгосрочного планирования. Серьезное внимание было уделено вопросам эффективности, повышения фондоотдачи [Белянова, с. 170].

В то же время, отказ от долгосрочного планирования (т. е. от Генерального плана) объяснялся, согласно официальной версии, «отсутствием единства среди специалистов» и «абстрактностью гипотез». Признать надуманность и ошибочность партийного решения советскому историку было крайне затруднительно. Но в косвенной форме запрет на продолжение подготовки Генерального плана получил вполне определенную оценку: «в результате практика планирования на целое десятилетие до конца 30-х гг. сосредоточилась на разработке и реализации краткосрочных планов развития, методология которых также нуждалась в совершенствовании». Более того, «создание экономико-математических моделей было предано забвению» [Там же, с. 171–172].

Но тогда в чем же заключалась истинная причина «сдачи в архив» разработок Генерального плана, документа, по мнению американского историка А. Эрлиха, опередившего на десятилетия развитие мировой экономической науки? [Эрлих, с. 25].

Наш фронтальный анализ материалов экономических журналов; съездов плановых работников 1926–1929 гг.; [Рогачевская; Роголина] позволяет сделать следующий вывод: наибольшее неудовольствие партийных лидеров ученые-экономисты вызвали тем, что осмелились сделать свой *прогноз общества будущего*: Советская страна к началу 1940-х гг. характеризовалась, прежде всего, преодолением отсталости СССР в сравнении со всеми сторонами жизни развитых капиталистических стран. Электрификация всех отраслей народного хозяйства и экономическое районирование могли позволить сблизить технические и технологические показатели промышленности и сельского хозяйства СССР и США. Ускоренная (но нефорсированная) индустриализация не должна была осуществляться за счет «уплотнения рабочего дня». Вместо радужных, но фантастических картин «близкого социализма» ученые фактически писали о решении задач *раннеиндустриальной модернизации*, честно предупреждая о трудности этого пути, в частности, о *невозможности выбора оптимального варианта развития без использования математических методов* (вариационного исчисления) [Базаров, с. 9, 12–15, 21]. Ссылка на работы В. А. Базарова не случайна: еще в советской историографии указывалось, что именно с этим автором были связаны такие методологические приемы планирования, как балансовые расчеты, метод вариативных приближений, конкретизация качественных установок, которые могли бы быть положены в основу планов и т. п. [Звездин, с. 215].

Еще большее неудовольствие Сталина и его единомышленников вызвал тот факт, что на протяжении 1927 – весны 1929 гг. последовательными сторонниками сохранения многоукладной экономики выступали практически все ведущие экономисты страны [Ясный, с. 28].

Замечу, что опубликованный в Свердловске в 1927 г. региональный вариант «Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 10–15 лет» – «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)» [Генеральный план], при всех его недостатках, обусловленных уровнем знаний ученых и специалистов, также являлся вариантом модернизации *в рамках нэповской экономики* [Фельдман].

В этом же духе в Новосибирске в 1930 г. был подготовлен и издан «Генеральный план развития Сибирского края на период до 1949 г.», вскоре обвиненный в допустимости «мирного вращающегося капитализма в социализм» [Жибарев, с. 209].

Пятилетние планы, насыщенные *конкретными показателями*, казалось, должны были избежать «теоретических шатаний». Однако их история, прежде всего судьба Первого пятилетнего плана, представляет собой весьма показательный пример противобор-

ства двух основополагающих векторов: рационального, связанного с индустриализмом и объективной необходимостью (в том числе ради выживания режима), ориентированного на научно-технический прогресс и – другого вектора – утопического, насыщенного множеством мифов, порожденных пропагандистскими структурами Советской республики.

Следует отметить, что в трудах историков советской эпохи содержалось немало сведений об успехах экономики СССР в последние годы нэпа, создающих материальные предпосылки для ускоренной (но не форсированной) индустриализации. Выделим только несколько основных.

Так, Сталин на октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. с удовлетворением отмечал: «...это факт, что за два года мы сумели вложить в нашу промышленность более двух миллиардов рублей. Это факт, что этих вложений оказалось достаточно для того, чтобы двинуть дальше переоборудование нашей промышленности и индустриализацию страны» [Жибарев, с. 87].

По решению XV партийной конференции в 1926/27 г. основные капиталовложения направлялись в тяжелую индустрию. Если в 1925/26 г. на нужды тяжелой индустрии выделялось 68 %, то в 1926/27 – 72 % всех капиталовложений. Предполагалось проектирование основных промышленных гигантов пятилетки [Воскресенский, с. 224, 232].

Привлеченные средства населения в доходах госбюджета СССР составляли в 1928/1929 г. 20,2 %, в том числе обязательные платежи 12 %, и добровольные взносы трудящихся в форме займов 8,2 % [История социалистической экономики, с. 101–102]. Оставив в стороне вопрос о «добровольности» взносов трудящихся в форме займов, укажу, что в «Объяснительной записке к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1928/29 г.» зафиксированы иные цифры: добровольные взносы трудящихся в форме займов составили 725 млн руб. от 8,088 млрд руб. доходов бюджета, или 9 %. С учетом того, что например, Единый сельскохозяйственный налог дал в бюджет 449 млн руб. или 5,4 % [Объяснительная записка], можно утверждать: органы власти нашли *весомый источник пополнения бюджета*.

Понимало это и советское руководство: если по проекту Первого пятилетнего плана, принятого в апреле 1929 г. предполагалось за счет займов у населения за 1928/29–1932/1933 гг. (добровольных по форме и во многом обязательных в реальности) привлечь 2,2 млрд руб. [Проблемы реконструкции, с. 456–457], то в реальности за пятилетие эта сумма была близка к 12 млрд рублей или примерно 10 % от доходов государственного бюджета (!). Всего же привлеченные средства населения составили 21,5 млрд рублей или 17,9 % от доходов государ-

ственного бюджета. За 1927–1932 гг. объем средств, мобилизованных в бюджет при помощи налогов и сборов с населения и государственных займов, увеличился почти в 4,3 раза [История социалистической экономики, с. 170, 473, 482]. Из резерва на трудную минуту государственные займы превратились в обильный источник плановых бюджетных доходов [Черемисинов].

Аналогично, если по плановым расчетам, еще миллиард рублей должна была дать эмиссия банковских билетов [Проблемы реконструкции, с. 456–457], то фактически масса денег выросла с 1928 г. по 1932 г. на 4 млрд рублей [История социалистической экономики, с. 102]. Суммарно только эти три статьи – займы, налоги и эмиссия денег – пополнили госбюджет на 25,5 млрд рублей. С учетом того, что по Пятилетнему плану капитальные вложения во все отрасли народного хозяйства предполагались в размере 57,4 млрд рублей (по Отправному варианту) [Пятилетний план, с. 20], привлеченные средства населения и эмиссия составили почти половину необходимых средств.

Даже по статистическим данным, приведенным в советских источниках, становится ясно: аккумуляция всех этих значительных средств в руках государства выдвигало на первый план задачу *рационального и умелого их использования*.

Предпосылки для ускоренной (но нефорсированной) индустриализации существовали и в сфере внешнеэкономических связей. Как отмечалось на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. «...наши внешнеторговые связи при достижении активного сальдо торгового баланса расширились. Товарооборот СССР увеличился с 1,4 млрд руб. в 1925 г. до 1,8 млрд руб. в 1928 г.» [Касьяненко, с. 88].

Характер внешнеэкономических отношений СССР с развитыми капиталистическими странами Запада делал возможным привлечение в широких масштабах западную технику и технологию. На 1 октября 1929 г. имелось 70 соглашений об иностранной технической консультации, из которых 24 приходились на металлургическую и металлообрабатывающую промышленность; 55 из них были заключены с фирмами США и Германии [Касьяненко, с. 89–90]. Это позволило за октябрь 1928–1932 гг. ввезти в Советскую страну из-за границы более 1,8 млн тонн машин и оборудования [Там же, с. 109].

Этой же задаче служили и иностранные концессии. Всего на 1 октября 1928 г. в СССР действовало 68 концессий с инвестированным капиталом в 57,7 млн руб. В концессиях было занято около 20 тыс. чел., в том числе 10 % иностранцев. В советской исторической литературе небольшое число концессий объяснялось в первую очередь тем, что «заявки concessionеров на объекты не отвечали планам развития производительных сил СССР» [Там же, с. 89–90].

Однако, как свидетельствуют современные российские историки, практически все концессионные компании, работавшие в СССР, были высокоэффективны. «Рентабельность концессий, работающих на внутреннем рынке, выходит за всякие пределы (!) и достигает в некоторых случаях до 400 % на инвестированный из-за границы капитал», панически отмечалось в Отчете о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. (На самом деле рентабельность концессий в обрабатывающей промышленности составляла 100–110 %, а в добывающей – 8 %) [Левин, Шевелева, с. 145].

На самом деле, коммунистических чиновников беспокоила неспособность советских предприятий добиваться подобной производительности труда и обеспечивать широкий социальный пакет занятым в концессиях рабочим. Формой «борьбы» с концессиями стали искусственно раздуваемые послушными профсоюзными комитетами трудовые конфликты [Левин, Шевелева, с. 147, 150–151; Захаров, с. 21–22].

Гордостью советской пропаганды были *высочайшие темпы* промышленного производства в годы первой пятилетки. Однако, сведенные в таблицу годовые темпы роста промышленности СССР за 1926–1928 гг. и за 1928–1932 гг., показывают следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста промышленности СССР в 1926–1932 гг. (в %)*

Годы	Вся промышленность	Крупная
1926–1928 гг. (среднегодовой показатель)	21,7	26, 6
1930	22	38
1931	20	19
1932	15	19
Среднее за четыре года	19, 25	26, 25

* Источник: [История социалистической экономики СССР, с. 107].

Нетрудно заметить: нэповская экономика, разогнавшись, позволяла осуществлять более высокие темпы индустриального развития, чем в период создания фундамента социализма.

Добавлю, что, как показывает наш анализ материалов Пленумов ЦК ВКП (б), в апреле, июле и ноябре 1928 г. значительная часть союзного партийно-хозяйственного руководства, включая главу союзного правительства, выступала за сохранение нэповских начал.

Позиции Сталина и его сторонников на протяжении 1928 г. заметно ослабляла критика троцкистов на Пленуме ЦК и ЦКК (29 июля – 9 августа 1927 г.) за предложения о *насильственном изъятии хлебных излишков и сверхобложения частного торгового оборота, которое вело к его ликвидации*. В решении Пленума говорилось, что подобные меры ведут к немедленной ликвидации частного сектора. Отмечалось, что предполагаемые запасы хлеба у крестьян были завышены, по меньшей мере, на 200 млн пудов (900 вместо фактических 700 млн пудов к 1 июля 1927 г.). Осуждался тот факт, что троцкистская оппозиция относила 10 % крестьянских дворов к разряду кулацких (в реальности их насчитывалось 4 %) [Воскресенский, с. 242–247]. С учетом того, что все эти доводы троцкистов были взяты на вооружение сталинцами, в 1928 г. члены ЦК еще с трудом воспринимали доводы самого Сталина.

В такой ситуации путь разработки Первого пятилетнего плана не мог быть ничем иным, как длительным процессом согласования различных точек зрения. В 1926–1927 гг. Госплан подготовил три варианта пятилетнего плана. Если Первому съезду госпланов в марте 1926 г. был доложен только примерный план для дальнейшего обсуждения и обсуждения, то второй вариант, предложенный Второму съезду госпланов, уже представлял собой конкретную и довольно полную программу. Одновременно варианты пятилетнего плана разрабатывались ВСНХ, но с заметно меньшей степенью экономического обоснования [Рогачевская, с. 319]. 1928 г. стал временем ожесточенных дискуссий о формате пятилетнего плана.

О предмете споров работников Госплана, близких к научному сообществу, и управленцев ВСНХ говорит такой факт: последние в декабре 1928 г. предлагали в своем проекте пятилетнего плана темпы роста промышленности за пятилетку, более чем в два раза превышавшие намеченные Госпланом [Гладков, с. 114].

23 января 1929 г. пятилетний план был представлен в правительстве в двух госплановских вариантах – «отправном» и «оптимальном». Однако, по настоянию Сталина и его сторонников, был принят только один – «оптимальный» вариант. Доводы госплановцев о несбалансированности этого варианта, о том, что многие его элементы экономически не обоснованы – не были приняты во внимание [Рогачевская, с. 323].

Время между ноябрьским (1928 г.) и апрельским (1929 г.) Пленумами ЦК ВКП (б) стало периодом ожесточенных дискуссий приверженцев и противников нэпа. Чем дальше, тем ошутимее становилось превосходство последних, использовавших в полной мере как подтасовку фактов, демагогию и прямой обман, так и антикапиталистические аргументы ортодоксального большевизма.

Материалы пятого Съезда советов госпланов СССР (7–14 марта 1929 г.) открывались «Предисловием» Г. М. Кржижановского. Соратник В. И. Ленина по периоду совместной работы в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в середине 1890-х гг., руководитель Госплана СССР, ответственный редактор большинства госплановских трудов 1920-х гг., в 1928–1929 гг. пережил жесткую критику ряда своих коллег по Госплану и его печатному органу – журналу «Плановое хозяйство». Тем не менее, в марте 1929 г., ученые-экономисты, составлявшие ядро аппарата Госплана, сохранили свои концептуальные подходы.

Во-первых, госплановцы оставались приверженцами индикативного планирования. Во «Вступительном слове» Г. М. Кржижановского на Пятом съезде это звучало недвусмысленно: «Пятилетний план не выливается в окончательную форму, его установки не должны иметь характера твердых цифр» [Проблемы реконструкции..., с. 17].

Во-вторых, судя по докладу заместителя председателя Госплана Г. Ф. Гринько «Основные проблемы пятилетнего хозяйственного плана СССР» [Там же, с. 29–125] не предусматривались какие-либо меры по форсированному обобществлению частного сектора в экономике. Обращал на себя внимание социальный раздел доклада, где был заявлен ряд мероприятий, например, сокращение продолжительности рабочей недели (с учетом укороченных предпраздничных и субботних дней) с 44,6 час. до 41,2 час., позволяющий говорить о том, что по этому показателю СССР за несколько лет может обогнать развитые индустриальные державы. «Крупнейшим вопросом пятилетнего плана» было названо «обеспечение роста реальной заработной платы».

Согласно проекту пятилетнего плана, строительство большинства крупных промышленных предприятий из числа тех, что реально должны войти в строй за годы первой пятилетки, сочеталось с планами повышения энерговооруженности рабочего места в среднем на 90 %. Сооружение 22 крупных машиностроительных заводов по «отправному» варианту, и 30 – по «оптимальному» рассматривалось как важнейшая задача пятилетки [Там же, с. 46–56, 102, 180–193].

Важной особенностью проекта пятилетнего плана было то, что он являлся единым документом, построенным как в отраслевом, так и районном разрезе на основе 28 пятилетних планов республики крупных областей [Там же, с. 180].

Проект пятилетнего плана предусматривал рост товарной продукции сельского хозяйства за пятилетие с 2 990 млн руб. до 5 300 млн руб. по отправному варианту и до 6 400 млн – по оптимальному [Там же, с. 273].

Таким образом, при сохранении нэповской модели сельского хозяйства за счет развития кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т. п., крестьянство могло нарастить *товарную продукцию* сельского хозяйства на 2,4–3,5 млрд рублей.

Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства, отметил в своем выступлении на Пятом съезде госпланов С. Г. Струмилин, позволит получить в виде налогов и займов 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд руб. у «кулаков» и 1,8 млрд у середнячества. Около 300 млн из этой суммы должно было быть перераспределено для укрепления бедняцких дворов [Там же, с. 159–163].

Сопоставление этих цифр с тем, что реально получило Советское государство от продажи зерна за годы первой пятилетки – 442,1 млн рублей (из общей выручки за экспорт 3 282,6 млн рублей) [Кондрашин, с. 99] – убедительно доказывает: коллективизация *не принесла необходимых для индустриализации валютных резервов*. Нэповская экономика при верной экономической регулировке – могла дать необходимые резервы.

Документы Пятого съезда советов госпланов СССР определяли рост продукции мелкой промышленности (представленной в основном, частными товаропроизводителями) за пятилетие примерно на 50 %. Такой рост должен был сопровождаться *максимально полным кооперированием мелкого производства*: доля продукции мелкой кооперированной промышленности во всей продукции мелкой промышленности СССР возрастала с 32,7 % до 68 %. Намечались меры по частичной электрификации мелкой кооперированной промышленности; налаживание экономических отношений с крупными предприятиями с одной стороны и с массой ремесленников – с другой [Проблемы реконструкции..., с. 122].

Тем самым сохранялись налоговая база, насыщение рынка товарами широкого потребления, занятость населения. Расчеты Госплана исходили из принципа пропорциональности, т. е. соответствия финансовых потребностей индустриализации финансовым ресурсам страны [Кочеврин, с. 38].

Как видно, события марта 1929 г. – обсуждение проблем планирования на Пятом съезде госпланов СССР – свидетельствуют о том, что экономическая наука в конце 1920-х гг. выдержала массивный удар со стороны сталинцев. Следует отдать дань уважения ученым, работникам Госплана, продолжавшим отстаивать свои взгляды и убеждения. В отличие от 1927–1928 гг., это уже приходилось делать в более осторожной, временами иносказательной форме.

Пятилетний план (по количественным параметрам близкий к варианту ВСНХ, но сохранивший ряд основных базовых принципов проекта Госплана) был представлен на утверждение XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Как и все последующие, пятилетний план

включал в себя три основные, тесно связанные программы: производственную, социально-экономическую и порайонный раздел, предполагавший комплексное развитие каждого из 24 экономических районов. Размер капитальных вложений был определен в сумме 64,6 млрд рублей во все отрасли народного хозяйства (за 1923/22–1927/28 гг. эта сумма составила 26, 5 млрд рублей) [Жибарев, с. 107–108].

Даже отвергнув обоснованную многовариантность проектов пятилетнего плана, разработанных Госпланом; предложив V съезду Советов СССР в мае 1929 г. только один – «Оптимальный вариант развития народного хозяйства на 1928/29–1932/33 г.», правящая партия еще сохраняла возможности для эволюционного развития экономики. Однако возможности для научной дискуссии о путях модернизации с весны 1929 г. были заметно уменьшены.

В июле–августе 1929 г. по инициативе Сталина ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли ряд решений о форсировании роста отдельных отраслей промышленности [Решения партии..., с. 5–8]. В представленном в ноябре 1929 г. так называемом *уточняющем варианте* пятилетнего плана были сделаны явно нереальные исправления [Рогачевская, с. 325].

В ноябре 1929 г. Пленум ЦК принял резолюцию «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г.», в которой важнейшие задания существенно увеличивались. Капитальные вложения в экономику возрастали на треть, а в промышленность и электроэнергетику – на 43 %. Процесс безудержного увеличения капиталовложений в промышленность был запущен: в 1930 г. прирост составил 57 %, в 1931 г. – 80 %, и в 1932 г. – 40,8 %. Проектные мощности комбинатов увеличивались в разы (Магнитогорского металлургического комбината – в 4 раза) [Лельчук, с. 124–128]. При этом даже такие ключевые объекты как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Нижегородский автозавод строились без готовых проектов [Хлевнюк, с. 160].

Хаотичность производственных работ, гигантская текучесть кадров, произвольное расходование денежных средств стали основными чертами экономической жизни начала 1930-х гг. Плановые задания доводились до абсурда. Руководством страны было объявлено, что тотальная национализация средств производства, дезорганизация финансовой системы и торговли, огромная инфляция – это закономерный результат движения к социализму, к отмиранию товарно-денежных отношений [Хлевнюк, с. 159].

Однако, громадное увеличение капиталовложений в промышленность разрушало баланс народного хозяйства; расстраивалась финансовая система.

Даже в идеологически выверенных трудах советских историков отмечалась нереальность подобного ускорения. Правда, словно

спохватившись, автор показательно оговаривался: «но основная линия, направленная на увеличение первоначальных заданий, себя оправдала» [Лельчук, с. 129].

В 1930–1932 гг. в планировании были утверждены командно-административная система и волевые методы управления. Но реалии 1930–1932 гг., объективные экономические законы срывали все планы сверхиндустриализации. Жизнь заставляла возвращаться к научно обоснованным вариантам.

Фактически создать принципиально новую экономическую систему в годы первой пятилетки не получилось и не могло получиться. Сохранение денежной системы, при всех известных деформациях финансового обращения, позволяет ряду современных историков рассматривать советскую экономическую модель как своеобразную *разновидность рыночной системы*

В экономической практике советских предприятий как на микроуровне, т. е. в деятельности предприятий и домохозяйств, так и на макроуровне, в разработке и сведении планов к окончательной форме, все большее значение получали денежные оценки и денежные результаты. На уровне предприятий не только формально утверждался хозрасчет [Кочеврин, с. 383, 395].

Планирование, построенное в отраслевом и районном разрезе, ставка на комплексное развитие крупных экономических районов объективно сдерживали разгул волюнтаризма.

Подведем черту. Введение командно-административной системы в СССР не означало исчезновения ни экономических законов, ни рыночных отношений, ни стремления людей самостоятельно решать свои проблемы. Гигантская текучесть кадров на протяжении всех 1930-х гг. – лучшее тому подтверждение. Подлинные экономические процессы в начале 1930-х гг. покрывались занавесом неформальности, а в исторической перспективе – завесой тайны.

Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 7–21.

Белянова А. М. О темпах экономического развития СССР. М., 1974.

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927.

Гладков И. А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.

Воскресенский Ю. В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925–1927). М., 1969.

Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1. М., 2011.

Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

Жибарев П. Б. Индустриализация СССР – великий подвиг советского народа. М., 1969.

Захаров С. Ю. Концессионная политика Советского государства на Урале в 1920-е годы. Екатеринбург, 2000.

Звездин З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М., 1979.

История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. М., 1977.

Касьяненко В. И. Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940). М., 1972.

Ковалевский Н. А. Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 7–45.

Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014.

Кочеврин Ю. Б. Финансовые реформы 1930-х гг. и их последствия для развития денежной системы СССР // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012. С. 381–428.

Красильников С. А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : мат-лы междунар. науч. конф. 5–7 декабря 2008. М. 2011. С. 28–38.

Левин М. И., Швелелева И. В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопр. экономики. 2016. № 1. С. 138–158.

Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975.

Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на Пятом съезде советов госпланов). М., 1929.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Плановое хозяйство. М., 1930.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967.

Роголина Н. Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 366–384.

Рогачевская Л. С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР // Россия в XX веке. Историка мира спорят. М., 1994. С. 319–336.

Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.

Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 322–332.

Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015.

Черемисинов Г. А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29) // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.

Эрлих. А. Дискуссия об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

УДК 94(47).084.6

И. В. Шильникова

«ДАВАЙТЕ ДЕНЕГ, А ТО РАБОТАТЬ НЕ БУДЕМ»: К ВОПРОСУ О СТИМУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ЗАРПЛАТЫ НА СОВЕТСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК¹

В связи с переходом в конце 1920-х гг. к политике форсированной индустриализации советское руководство ставило задачу максимально эффективного использования трудовых ресурсов. Дифференциация заработной платы, положенная в основу тарифной реформы начала 1930-х гг., должна была способствовать снижению текучести кадров и их концентрации в приоритетных для государства отраслях, росту производительности труда и уменьшению доли бракованной продукции. Однако, эффективность проводившихся государством мероприятий по стимулированию труда промышленных рабочих снижалась в связи с такими явлениями как нарушение сроков выплаты заработка, многочисленные вычеты, проводившиеся без согласия рабочих, и обчеты. Эти «ненормальности» в годы первых пятилеток имели достаточно распространенный и систематический характер, вызывая недовольство рабочих, принимавшее зачастую форму открытого конфликта. В статье на основе архивных источников анализиру-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-06-00702 «Механизмы разрешения трудовых споров в промышленности Советской России: от нэпа к индустриализации».

ются причины и последствия упомянутых выше нарушений в сфере оплаты труда, а также эффективность методов решения этих проблем со стороны хозяйственных органов, профсоюзов, органов суда и прокуратуры.

Ключевые слова: форсированная индустриализация, пятилетки, стимулирование труда, заработная плата, профсоюзы, трудовые конфликты.

В публикациях, посвященных различным аспектам трудовых отношений в советской промышленности в годы первых пятилеток [Журавлев, Мухин; Маркевич, Соколов; Постников, Фельдман; Илюхов], приоритетное внимание уделяется вопросам тарификации, а о таких проблемах как задержка выдачи заработной платы, централизованные вычеты и обчеты рабочих зачастую даже не упоминается. Исключением является монография А. А. Ильехова, где в одном из разделов помещен сюжет о задолженностях по зарплате. Между тем, указанные проблемы в сфере вознаграждения за труд заслуживают более пристального внимания, поскольку они приводили к росту недовольства в рабочей среде, нарушению нормального хода производственного процесса, росту текучести рабочей силы, падению производительности труда и уровня трудовой дисциплины. Данная статья направлена на выявление причин, последствий и методов преодоления упомянутых «ненормальностей» в сфере оплаты труда промышленных рабочих в конце 1920-х – 1930-е гг. Источниковой базой исследования стали документы фондов ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также опубликованные информационные обзоры и сводки ОГПУ [«Совершенно секретно»], в которых большое внимание уделялось характеристике настроений в рабочей среде, включая причины недовольства, и происходивших трудовых конфликтов.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. систематические задержки в выдаче заработной платы фиксировались во всех регионах страны и всех отраслях, включая приоритетные для государства военное производство [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 434, л. 14] и предприятия тяжелой промышленности, в том числе и «великие стройки коммунизма». Например, размер задолженности рабочим Магнитки в 1932–1934 гг. систематически превышал 1 млн руб. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 214, л. 32, 34]. В документах содержатся тысячи сообщений о нарушении сроков выплаты зарплаты на конкретных предприятиях. В ряде случаев рабочим могли платить длительное время по 30–50 % от положенных сумм месячного заработка, в других – не платили вообще на протяжении нескольких

месяцев всему штату рабочих. Наиболее неблагоприятными регионами в этом вопросе являлись Украинская ССР, Дальневосточный край, Урал, Горьковский край [ГА РФ, ф. 5451, оп. 17, д. 234, л. 15–16]. Основными причинами нарушений сроков выплат заработка являлись нехватка денежных знаков в местных филиалах Госбанка, недостатки советской кредитной системы той поры, перерасход фондов заработной платы, несвоевременность взаиморасчетов между заказчиками и поставщиками, скопление на складах большого количества нереализованной продукции.

Но даже если зарплату платили вовремя, рабочие получали на руки не всю причитающуюся им сумму, а лишь часть ее после производства бухгалтерией всех централизованных вычетов, которые на рубеже 1920–1930-х гг. зачастую составляли существенную долю заработка. В «Докладной записке ИНФО ОГПУ по вопросам зарплат на госпредприятиях за январь–август 1930 г.» отмечалось, что «несмотря на ряд решений партии и профсоюзных организаций об ограничении вычетов», на многих предприятиях продолжают производить «несоразмерно высокие» удержания из заработка, в ряде случаев превышающие 50 % причитающихся рабочим сумм [«Совершенно секретно», т. 8, ч. 1, с. 495–496]. Кроме государственных займов и налогов, в административном порядке через конторы могли производить не один десяток различных единовременных вычетов: «на плодоовощи, пригородные хозяйства, за дрова, в кассу взаимопомощи, за газеты, в сберкассу, за квартиру, за обеды, на культурно-бытовую кооперацию, в Осоавиахим, на коллективное страхование, единовременное отчисление Красной армии, подшефному селу», «за противогаз», «на постройку дирижабля», «в пользу пионерлагерей» и др. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 14–16]. В ряде случаев органы ОГПУ с тревогой указывали на «забастовочные настроения» в рабочей среде, формировавшиеся из-за большого количества так называемых «добровольных» вычетов, на которые рабочие не давали своего согласия.

Для исправления сложившейся ситуации 3 июня 1931 г. Президиум ВЦСПС принял решение о запрете централизованных удержаний из заработной платы за исключением трех видов платежей: государственных займы, общегосударственные налоги и выплаты по исполнительным листам судебных органов [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 411, л. 78]. Однако многие предприятия и тресты попросту игнорировали эту инициативу профсоюзов. Поэтому в первой половине 1930-х гг. специальные комиссии, созданные ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов, проводили масштабные проверки на большом количестве предприятий в различных регионах страны с целью выявления и ликвида-

ции наиболее серьезных нарушений при осуществлении удержаний из зарплаты рабочих.

Проверки, проведенные в феврале–апреле 1932 г. показали, что доля централизованных вычетов различалась в зависимости от размера заработка. Так, на 2-й ситценабивной фабрике (Московская обл.) удержания из фактического заработка рабочих составляли в среднем по предприятию 12–13,7 %, тогда как аналогичный показатель для служащих в разные месяцы колебался в пределах 16,2–24 %, а для инженерно-технических работников (ИТР) от 29,7 до 30,8 % [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 16–17]. Такая же закономерность наблюдалась для различных групп рабочих. Например, на Родниковской хлопчатобумажной фабрике (Ивановская обл.) в пробормном цехе, где не требовался высокий уровень квалификации рабочих, и, соответственно, заработки отставали от других отделов, доля централизованных вычетов колебалась в пределах 6,8–9,4 % от причитающейся суммы. В строительном и механическом цехах, где характер работ требовал более высокого уровня квалификации, и где размер зарплаты был выше, доля вычетов достигала соответственно 27,6 % и 23 % [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 19]. Для отдельных же рабочих фиксировались случаи, когда на руки они получали менее половины заработанного.

Поскольку ситуация с вычетами вызывала большое количество жалоб со стороны рабочих и негативно сказывалась на ходе производства, это стало вызывать беспокойство не только в профсоюзной среде, но и в наркоматах. Заместитель наркома тяжелой промышленности СССР Г. Л. Пятаков в докладной записке в Секретариат ЦИК СССР на имя А. С. Енукидзе сообщил: «Значительное количество разнородных подписок приводит к тому, что размер выдаваемого на руки заработка чрезвычайно сокращается. Это обстоятельство отрицательно влияет на производительность труда». В связи с этим 9 июня 1932 г. был издан приказ по предприятиям, находящимся в ведении НКТП, «прекратить удержания с выплачиваемой зарплаты за исключением установленных законом». Несмотря на это, «правительства союзных республик, а также некоторые облисполкомы устанавливают обязательные удержания предприятиями отдельных видов добровольных взносов» (подчеркнуто автором статьи. – *И. Ш.*) [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 30]. Сама по себе формулировка уже является красноречивым свидетельством того, что при производстве так называемых «добровольных» отчислений использовались принудительные меры. Подобные действия, идущие вразрез с изданными постановлениями и указами, зачастую подкреплялись оформлением решений общих собраний рабочих отдельных предприятий, хотя иногда на них присутствовало лишь 25–30 % общего числа работников [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 440, л. 41].

Еще одним видом вычетов из заработка были штрафы, практика взимания которых на многих предприятиях являлась прямым нарушением КЗоТа. Для примера возьмем Ивановские фабрики, где довольно часто, по свидетельству профсоюзных деятелей, штрафы налагались «под видом материальной ответственности за ущерб». В докладной записке на имя Секретаря ВЦСПС Вейнберга от 10 июня 1937 г. приводится большое количество примеров незаконного наложения штрафов. Так, на Гусевской фабрике «Красный Профинтерн» помощника мастера Сысоева оштрафовали на 25 руб. за то, что он не предъявил пропуск охране фабрики. На «Красноволжской мануфактуре» (Кинешма) рабочий Петров был оштрафован на 3 руб. за сон на рабочем месте; съемщица Худякова потеряла кисточку пряжи стоимостью 75 коп., за что из ее зарплаты вычли 5 руб. На фабрике им. Красина в Вичугском районе помощника мастера Скобина оштрафовали на 5 руб. за отказ от сверхурочных работ. Кроме того, широкое распространение получила практика наложения штрафов за оскорбление мастера, за преждевременный уход с рабочего места, за халатное отношение к работе и т. п. Рабочие жаловались, что штрафы взимаются без предупреждения, а нередко и вообще без объяснения причин [ГА РФ, ф. 5451, оп. 21, д. 118, л. 25–26].

Помимо прочих негативных последствий, многочисленные вычеты вызывали путаницу при расчете заработка, что приводило к обсчетам рабочих, также ставших распространенной практикой в конце 1920-х – 1930-е гг. Председатель Нижне-Волжского краевого Совета профсоюзов Березин в докладной записке от 16 августа 1932 г., направленной в секретариат ВЦСПС и содержащей информацию о проведенном обследовании фабрик на предмет наличия нарушений в вопросе выдачи заработной платы, подчеркивал: «...такое положение, когда в административном порядке производятся всевозможные вычеты вплоть до вкладов в сберкассу, всяких добровольных сборов и проч., приводит к тому, что счетный аппарат очень часто обсчитывает рабочих. У нас на этот счет был ряд жалоб, и каждый раз при проверке устанавливалось, что в отношении рабочего поступают явно незаконно» [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 432, л. 13].

На Ижевских заводах за март–май 1930 г. проверка выявила 1 272 случая обчетов на сумму 1 670 руб. [«Совершенно секретно», т. 8, ч. 1, с. 495]. 12 и 17 августа 1933 г. в газете «Труд» были опубликованы статьи об обчетах рабочих доменного цеха Магнитки. По результатам проверки за июнь 1933 г. из-за «невнимательности табельщиков и расчетчиков» были обсчитаны 22 человека каждый на сумму от 40 до 238 руб. Среди пострадавших были и «лучшие горняки» [ГА РФ, ф. 7680, оп. 1, д. 654, л. 86]. На той же Магнитке провер-

ка, проведенная в 1935 г. выявила, что в доменном цеху за два месяца от обчетов пострадали 2 092 рабочих. На шахте «Юнком» (Артемуголь) 25-ти рабочим не было выплачено по прогрессивке 1 284 руб. На Колпинском химкомбинате из 125 рабочих за три месяца обчислили 76 чел. на сумму 3 500 руб. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 38]. На Сталинградском тракторном заводе в разных цехах было обчислено большое количество рабочих на суммы, превышавшие 100 руб. [Там же, л. 19]. Газета «Кулебакский металлист» 16 сентября 1937 г. сообщала о массовых обчетах на Кулебакском металлургическом заводе, причем наибольшее возмущение автора статьи вызвал тот факт, что эта проблема затронула большое количество стахановцев, многие из которых оказались обчисленными на 100–200 руб. Аналогичная картина фиксировалась на сотнях предприятий по всей стране [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 18–35, 56, 60–61, 66, 161].

Выясняя причины обчетов, органы ОГПУ и профсоюзы в первую очередь обращали внимание на следующие обстоятельства:

1) «запутанность» самой системы начисления заработка различным группам рабочих, в особенности в части доплат и премий;

2) небрежное оформление техническим персоналом, служащими «первичных документов» (табелей, нарядов и пр.), на основе которых рассчитывается заработок, а также многочисленные случаи утери этих документов до момента начисления заработка; многочисленные ошибки при учете индивидуальной выработки рабочих, запись выработки на других рабочих и т. п.;

3) безответственное отношение начальников цехов, мастеров, которые подписывали документы по зарплате, «не вникая в их содержание»;

4) незнание должностными лицами, ответственными за начисление зарплаты, «элементарных норм трудового законодательства»: правил оплаты сверхурочных и ночных работ, простоев, а также законодательно установленных льгот при отчислении подоходного налога и прочих вычетов;

5) низкий уровень квалификации и высокая текучесть кадров среди работников, ответственных за начисление заработка (нарядчиков, отметчиков, учетчиков, бухгалтеров), а перевод этих работников на сдельную систему оплаты привел к тому, что, стремясь обработать как можно большее количество документов, они допускали большое количество ошибок, включая и чисто арифметические [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 7].

Наиболее распространенным механизмом борьбы с обсчетами стала организация по инициативе профсоюзов специальных бригад, занимавшихся проверкой всей документации по расчету заработка. В состав таких бригад обычно входили бухгалтера, представители

профсоюзов и рабочие-активисты. При выявлении нарушений профсоюзы настаивали на том, чтобы «хозяйственные организации» выплачивали все деньги, которые полагались рабочим. В случае отказа хозяйственников сделать это, профсоюз обращался в прокуратуру с детальным описанием зафиксированных нарушений и требованием принять к нарушителям самые жесткие меры.

Хроническая задолженность по заработной плате и уменьшение получаемых сумм в результате вычетов и обчетов приводили к серьезному ухудшению материального положения рабочих семей, особенно в условиях продовольственного дефицита и введения карточной системы. Значительную часть продуктов рабочие семьи вынуждены были покупать на рынке по высоким ценам, тратя на это порядка 60 % своего заработка [Осокина, с. 167]. Безденежье заставляло рабочих искать иные источники дохода, приводило к падению уровня дисциплины, массовым невыходам на работу и уходам со строек и предприятий, снижению доли участников соцсоревнования, и в результате – к снижению производительности труда и невыполнению предприятиями плановых показателей [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 53, 69; оп.18, д. 171, л. 47]. Наиболее острой формой протеста в 1928–1930 гг. являлись забастовки. Согласно информационным сводкам ОГПУ, в начале первой пятилетки забастовки из-за задержек зарплаты, вычетов и обчетов фиксировались в крупных городах (Москва, Ленинград, Сталинград и др.), а также на Урале, в промышленных центрах Украинской ССР и в Северо-Кавказском крае [«Совершенно секретно», т. 7, с. 37, 143, 282, 573; т. 8, ч. 1, с. 514, 572, 629]. Как правило, перерастание недовольства рабочих в открытый конфликт приводило к тому, что хозяйственные, партийные и профсоюзные органы бросали все силы и изыскивали все возможные средства для скорейшего решения проблемы и возобновления хода работ на предприятии.

В целях более эффективной борьбы с нарушениями в сфере оплаты труда профсоюзы обращались в органы прокуратуры с требованием привлечь директоров, их заместителей, бухгалтеров «проблемных предприятий» к судебной ответственности. И с начала 1930-х гг. повсеместно проходили судебные процессы, заканчивавшиеся обвинительными приговорами и осуждением хозяйственников, допустивших нарушение сроков расчета с рабочими, обчеты и незаконные вычеты к различным срокам лишения свободы и принудительных работ [ГА РФ, ф. 5451, оп. 17, д. 234, л. 9, 16, 64, 116, 117; оп. 17, д. 235, л. 35]. Кроме того, можно заметить, что во второй половине 1930-х гг. в объяснении причин нарушений в сфере

заработной платы акценты явно сместились: подобные явления все чаще стали трактовать как результат «подрывной работы в области зарплаты», проводившейся «вредителями и врагами народа» [ГА РФ, ф. 5451, оп. 21, д. 118, л. 10].

В целом, благодаря усилиям, предпринятым профсоюзными, хозяйственными, финансовыми органами проблемы задолженности, многочисленных вычетов и обчетов удалось если не решить полностью, то заметно смягчить, и во второй половине 1930-х гг. подобные факты фиксировались значительно реже. Однако эти негативные явления на протяжении первых пятилеток снижали эффективность тарифной политики, нацеленной на превращение заработной платы в действенный стимул к качественному и высокопроизводительному труду промышленных рабочих.

ГА РФ. Ф. 5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов); Ф. 7680 (Центральные комитеты профессиональных союзов рабочих горнодобывающей и металлургической промышленности).

Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2000 гг. М., 2005.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

«Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. М., 2004; Т. 8. Ч. 1. М., 2008.

УДК 94(47).084.6/.084.8:623.438.32

Н. Н. Мельников

МИФ УСПЕХА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ТАНКОСТРОЕНИЯ В 1929–1945 ГОДАХ¹

В результате деятельности серии «закупочных комиссий», организованных советским руководством на рубеже 1920–1930-х гг., на вооружении Красной армии появились современные образцы бронетехники, производство которых стало стремительно наращиваться на отечественных заводах. В силу ограниченности индустриального и кадрового потенциала страны советскому руководству так и не удалось успешно реализовать собственную танкостроительную программу вплоть до конца Великой Отечественной войны. При постоянно растущем объеме производства его качество оставалось неоправданно низким. Закрытие архивных документов для свободного научного анализа и мифологизация исторической памяти создали в СССР ситуацию, когда обобщение и изучение негативного опыта оказалось невозможным. Это в свою очередь привело к появлению иллюзии успеха «сталинской» индустриализации и завышению ее значимости для итогов Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: экономика, война, танкостроение, серийное производство, танки, двигатели.

Советский период отечественной историографии развивался в условиях жесткого идеологического диктата и закрытости основных архивных материалов для исследователей. С одной стороны, это не позволяло исследователям развернуть по-настоящему глубокое научное изучение сталинской модели индустриализации и промышленного развития в военные годы, а с другой – привело к формированию устойчивого мифа, во многом (если не во всем) преувеличивающего достижения советских конструкторов и военной индустрии. К началу 1960-х гг. в целом сложился историографический канон, который впоследствии воспроизводился до начала 1990-х гг., а во многом продолжает существовать до сих пор.

В течение 1920-х гг. еще молодая советская власть совершила несколько попыток организовать собственную танковую промышлен-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-01-00308 ОГН-А «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

ность. Однако успешному развитию этого процесса помешали ограниченные возможности отечественной промышленности и потенциала корпуса инженерно-технических работников, который к тому же был ослаблен волной политических репрессий.

С конца 1929 г. советское руководство организовало и отправило в Европу и Соединенные Штаты несколько закупочных комиссий, которые должны были отобрать и закупить необходимое количество документации и готовых образцов бронетехники. В итоге было совершено несколько поездок под руководством И. А. Халепского, С. А. Гинзбурга и других. Результатом этих путешествий стал процесс разработки и принятия на вооружение новых моделей советских танков. В течение 1931–1933 гг. советская промышленность начала освоение серийного производства нескольких видов броневых машин, частично или полностью основанных на импортных образцах.

Осенью 1932 г. были подведены первые итоги развития танковой промышленности. В Советском Союзе действовало два основных завода, производивших танки: Харьковский паровозостроительный завод № 183 (ХПЗ) и Ленинградский завод им. Ворошилова, уровень производства на которых был в разы ниже запланированного. Серьезный провал в освоении сборки танков к концу года невольно позволил нивелировать недостатки бронепроизводства. Металлургические заводы осваивали выпуск брони и продолжали работать значительно ниже установленных планов: на 1 сентября 1932 г. броневая программа была выполнена Ижорским заводом на 38 %, Мариупольским – на 25 %. В течение года металлургические предприятия вынуждены были изменить тип брони, который давал «почти 100-процентный брак». Но проблема качества не была решена. В середине 1933 г. брак по броневым частям танковых корпусов был на уровне 45–50 % [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, 2011, с. 137–138].

Вместе с проблемой организации броневого и корпусного производства остро стоял вопрос обеспечения выпуска двигателей для танка БТ. Его быстроходность должна была обеспечиваться мощным 400-сильным мотором. В 1932 г. план выпуска БТ обеспечивался американскими «Либерти» и его советскими аналогами. В перспективе танк должен был получить разрабатываемый специально для него дизель-мотор, но такого двигателя еще не было². Следовательно, для танков БТ не была создана моторная база.

Советская промышленность не могла наладить производство собственных подшипников и электрооборудования в объемах, способных удовлетворить возрастающие потребности танковых заводов.

² Такой двигатель будет принят на вооружение только в 1939 г. под маркой В-2, когда уже встанет вопрос о снятии с производства танка БТ.

Действующие заводы могли обеспечить только 10–15 % потребности танкового производства. Остальной объем страна вынуждена была закупать за границей. Точно так же, в основном за счет импорта, решался вопрос поставок электрооборудования: стартеров, генераторов и электромоторов для вращения танковых башен, вентиляторов, стробоскопов и прочего [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, 2008, с. 719–721].

В течение 1934 г. для установки в быстроходный танк дорабатывали другой авиационный мотор – М-17. Ко всему прочему необходимо было добавить проблемы с другими узлами и агрегатами. Комплектующие, содержащие резинотехнические элементы, не поставлялись как минимум до конца 1934 г. Следовательно, ленинградский и московский заводы вынуждены были обходиться своими силами в изготовлении этих деталей. До октября 1934 г., больше чем через три года серийного производства, так и не были определены постоянные производители радиаторов для танков. [Там же, с. 308–322].

Следовательно, с конца 1920-х гг. положение принципиально не изменилось. Советское руководство прилагало значительные усилия для организации сборочного и отчасти броневоего производства. Но вопрос обеспечения танкостроительных заводов двигателями, подшипниками, электрооборудованием и прочими комплектующими приходилось решать в значительной степени за счет импорта! Во многом зависимость от импорта сохранилась и в 1934 г., хотя и значительно ослабла.

Колесно-гусеничный движитель всерьез заинтересовал руководство РККА еще в конце 1920-х гг., когда готовились советские закупочные комиссии [Там же, с. 389–390]. В течение 1930-х гг. советские конструкторы вынуждены были работать над применением такого движителя для всех серийных танков. Основным аргументом стало то, что «гусеничные тяжелые машины не могут выдержать продолжительных скоростных пробегов [до 1 тыс. км] вследствие износа гусениц и разрыва [их] отдельных звеньев» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, 2011, с. 424–425]. Поэтому в течение второй пятилетки были разработаны и даже приняты на вооружение колесно-гусеничные модели Т-46 и Т-29, которые должны были заменить серийные общевойсковые танки Т-26 и танки качественного усиления Т-28 соответственно.

Неизбежный итог такой политики – низкое качество техники и срывы планов по ее выпуску. К концу второй пятилетки танки Т-28, выпускаемые на Кировском заводе, как правило, не выдерживали более 1–1,3 тыс. км пробега. В похожем состоянии находились производства всех серийных советских танков. Соседний ленинградский завод им. Ворошилова «за 5 месяцев 1937 г. сдал лишь 17 танков Т-26...

В результате выполнение программы 1937 г. по выпуску 600 танков Т-26 и 100 танков Т-46 находится под угрозой срыва... НКО только в конце 1936 г. предъявил требования дать гарантию работы мотора [Т-26] 100 час. на стенде и 200 час. в танке. Однако ни один двигатель, подвергнутый в январе–феврале месяцах 1937 г. длительным испытаниям, не дал гарантийного срока работы... ХПЗ топчется на месте с производством Т-35 и БТ-7, а завод № 37 [НКСМ] до сих пор не дал боеспособной разведывательной машины на смену танку Т-37» [Там же, с. 678–680]. Объемы брака были огромны: в апреле 1934 г. по картеру двигателя танка Т-26 они доходили до 60 %, по поршням двигателя – до 55 % [Там же, с. 234].

Итогом развития танковой промышленности СССР к началу третьей пятилетки стала ставка на преимущественное внимание к сборочному производству в ущерб всем остальным отраслям танкостроения и смежных предприятий. В годы первых двух пятилеток такой подход стал причиной тотального дефицита поставок танковым предприятиям вооружений, броневых корпусов, двигателей, шарикоподшипников и прочего оборудования при низком качестве сборочного производства. На следующем этапе эта проблема была во многом нивелирована. В целом поставка узлов, агрегатов и отдельных деталей была налажена, в 1938 и 1939 гг. план производства танков и танковых моторов в основном выполнялся и даже перевыполнялся [Оборонно-промышленный комплекс СССР, с. 502–503]. Правда, происходило это главным образом за счет сохранения недоделок предыдущего периода.

В 1939 г. на вооружение были приняты принципиально новые образцы бронетехники, которые в значительной части конструктивных решений определили развитие мирового танкостроения на годы вперед: легкий плавающий танк Т-40, средний танк Т-34, тяжелый танк КВ. В течение 1940 г. был в целом доработан прототип легкого танка сопровождения пехоты Т-50. Наконец был разработан танковый дизельный двигатель В-2 мощностью в 500 л. с.

В декабре 1940 г. Комитет обороны подвел итоги развития танкостроения. С одной стороны, все заводы стремительно наращивали выпуск бронетехники: ленинградский Кировский завод – КВ, № 183 – Т-34, № 75 НКСМ – двигатели серии В-2, № 37 – Т-40, ленинградский № 174 НКСМ готовился к началу серийного выпуска Т-50. С другой стороны, в их серийной продукции проявилось слишком много общих негативных черт: гусеничные траки новых машин по-прежнему жили недолго; многие агрегаты и элементы разрушались при пробеге до 1,5 тыс. км; неудовлетворительным оставалось качество шарикоподшипников и шестерен, коробки перемены передач, работа воздухоочистителей и пр. [Там же, с. 697–701].

Наверное, одним из главных провалов советских танкостроителей в 1930-х гг. стал знаменитый дизель В-2. Предполагалось, что это будет надежный и мощный мотор, потребляющий дешевое тяжелое (дизельное) топливо. В условиях серийного производства оказалось, что это крайне ненадежный, очень сложный в производстве двигатель. Для него не получилось (не успели) разработать рабочие системы фильтрации воздуха и охлаждения. Поэтому танки в реальных условиях марша, учений или боя очень быстро выходили из строя из-за поломок двигателя.

Знаменитый Т-34 стал самым массовым танком. Уже в послевоенные годы он был превращен советской историографией и художественной культурой в лучший танк Второй мировой войны. Но эта машина, помимо двигателя В-2, получила еще несколько негативных конструктивных черт. Во-первых, подвеска и трансмиссия. Изначально прототип будущего знаменитого среднего танка – А-20 – разрабатывался на основе танка БТ как колесно-гусеничная машина. Следовательно, он полностью унаследовал его подвеску – катки большого диаметра на винтовых пружинах. Точно также Т-34 получил трансмиссию БТ: многодисковые фрикционы сухого трения (главный и бортовые) и четырехступенчатую КПП. Но данная трансмиссия, кроме потери мощности при маневрировании, во-первых, требовала очень высоких усилий механика-водителя для совершения маневра (рычаг натягивался с усилием до 45 кг), а во-вторых, была крайне ненадежной в эксплуатации.

Во-вторых, тип брони. Научно-исследовательский институт № 48 (НИИ-48) провел большой объем опытных работ и выяснил, что лучше всего подходит гомогенная броня марки 8С высокой твердости для Т-34 и средней – для тяжелых КВ [РГАЭ, ф. 8752, оп. 7, д. 64, л. 3, 10–11]. Броня высокой твердости очень хорошо сопротивлялась снарядам при относительно небольшой толщине. Но в то же время она обладала высокой склонностью к образованию трещин. Впервые проблема проявила себя на первых серийных танках Т-34 в действующих частях в 1940 г., когда трещины стали появляться и расти в размерах буквально в течение первых нескольких часов эксплуатации танков [Оборонно-промышленный комплекс СССР, с. 786–787].

Таким образом, в течение 1930-х гг. в СССР была создана достаточно мощная танкостроительная база. На вооружение были приняты новейшие танки, обладавшие целым набором уникальных характеристик, но полностью реализовать потенциал новых машин советской промышленности не удалось. Разработанные танки и моторы требовали концентрации основных усилий на отработке их конструкции, а заводы должны были направить все свои ресурсы на подготовку технологической цепочки производства. Вместо этого предприятия

были нацелены на наращивание серийного выпуска и (или) создание новых моделей. Поэтому низкое качество серийных танков и моторов, к сожалению, было predetermined [Там же, с. 697–701]. До 1940 г. все танкостроение концентрировалось в трех промышленных центрах: Ленинград (тяжелые танки), Москва (легкие танки) и Восточная Украина (средние танки). В 1940 г. начинаются реальные попытки запустить танковое производство в Сталинграде [Желтов, Павлов М., Павлов И., с. 23] и Челябинске [ОГАЧО, Р-792, оп. 1, д. 57, л. 59–85; П-288, оп. 42, д. 14, л. 151]. В таких условиях танкопром встретил Великую Отечественную войну.

Успехи противника на фронте в августе–сентябре 1941 г. привели к необходимости эвакуации всех основных танкостроительных центров СССР. В конце 1941 – начале 1942 гг., после завершения эвакуационных мероприятий, Урал превратился в центр танковой промышленности страны, так как сюда были направлены основные мощности всех западных заводов, ранее занятых в танковом производстве.

По первоначальным планам ГКО, восстановление эвакуированных мощностей должно было произойти до конца 1941 г. Но реально работы продолжались и весной 1942 г. Ресурсная база, обеспечивавшая танковую промышленность, и производственные возможности танкостроения резко возросли по сравнению с серединой 1941 г., однако продолжали отставать от необходимого уровня. Общий объем выпуска танков, безусловно, вырос. Но, во-первых, он был далеко не таким, как это изначально планировало сталинское руководство. А во-вторых, сами танки оказывались низкого качества.

Новые правила военной приемки танков были таковы, что небольшим пробегом испытывался только один танк из десяти [ГАСО, ф. Р-262, оп. 1, л. 224]. Это не могло не сказаться на надежности бронетехники. Больше трети потерь танков Т-34 в боях летом 1942 г. пришлось на поломки внутренних механизмов и агрегатов. В течение 1942 г. заводы, занятые в производстве корпуса Т-34 (сталинградский завод № 264, горьковский завод № 112, свердловский УЗТМ и нижнетагильский завод № 183) большую часть этой продукции выпускали с трещинами в броне [Ермолов, с. 205]. Все это говорит о низком качестве бронетанковой продукции восточных предприятий Наркомата танковой промышленности (НКТП).

Во второй половине 1942 г. произошло падение темпов роста производства, связанное с необходимостью эвакуации сталинградского танкостроительного центра. Его мощности распределились между танковыми и металлургическими предприятиями на Урале, заводы которого должны были увеличить выпуск бронетехники и восполнить потерю сталинградского завода. Исключением стало производство двигателей

В-2 СТЗ, которое переехало в Барнаул на вновь созданный дизельный завод № 77 НКТП. При получении новых заданий танковые заводы столкнулись с проблемой резкого невыполнения плановых показателей выпуска двигателей, корпусов и готовых машин. Заводы были поставлены фактически в безвыходное положение: с одной стороны, Наркомат и ГКО постоянно требовали исполнения заданий, с другой – установленная программа была им не под силу, поскольку не соответствовала производственным и кадровым возможностям заводов.

В этой ситуации ставка была сделана на модернизацию производственных процессов. В 1943 г. все танкостроение СССР стало массово применять конвейерно-поточные методы производства. Восточные заводы Наркомата танковой промышленности в условиях тотального дефицита производственных ресурсов могли решить задачу дальнейшего развития только через модернизацию.

Параллельно с изменением технологических процессов на танковых заводах в восточных промышленных районах шло освоение выпуска специальных комплектующих для танкостроения. Так же, как и в западной части СССР в 1930-е гг., в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири пришлось вновь создавать отдельные предприятия для изготовления специальных деталей: шарикоподшипников, резинотехнических изделий, радиаторов и много другого. Значительная часть этих производств была эвакуирована еще осенью 1941 г. Но в связи с острым дефицитом строительных ресурсов строительство большей части этих мощностей было или законсервировано, или шло крайне медленно вплоть до конца 1942 г. Только в 1943 г. начался процесс массового запуска этих производств.

В результате восточное танкостроение смогло реализовать качественный и количественный прорыв. С середины 1943 г. все заводы системы НКТП стали выполнять установленные производственные программы. Но впервые за годы войны этот количественный рост был сопряжен с ростом качества выпускаемой продукции. Были резко изменены правила военной приемки на танковых заводах. Теперь каждая машина испытывалась пробегом в 80 км. Каждый сотый танк и самоходка проходили серийные испытания в 200–300 км. Раз в месяц осуществлялись гарантийные испытания в 1 тыс. км [РГАЭ, Ф. 8752, оп. 4, д. 298, л. 227–233; д. 299, л. 67; д. 305, л. 146–147].

Если к началу военных действий гарантийный ресурс В-2 для Т-34 находился на уровне 100 мото-часов, то в 1943 г. он был повышен до 200 мото-часов, а в январе 1945 г. – до 250 мото-часов [РГАЭ, Ф. 8752, оп. 4, д. 621, л. 300]. В середине войны удалось заменить воздухоочистители и радиаторы на более производительные [Устьянцев, Колмаков, с. 100–102]. Оговоримся, что весь объем испытаний полно-

стью не удавалось осуществить ни на одном заводе. По нашим подсчетам, вплоть до конца войны без последующих доработок военпреды принимали только около половины всех выпускаемых двигателей, танков и самоходок.

Кроме того, наконец, был снижен объем трещин на бронекорпусах, изготовленных из брони высокой твердости (Т-34 и самоходки на его базе). Полностью от трещин избавиться не удалось, но теперь они возникали лишь на отдельных машинах.

Этот успех восточных танковых заводов уже в течение 1943 г. был нивелирован перевооружением войск противника. С конца 1942 г. германская артиллерийская промышленность стала массово выпускать противотанковые и танковые пушки, способные уничтожать советскую бронетехнику на расстоянии до 2 км. Уже к середине 1943 г. все отечественные танки и самоходные установки оказались беззащитны перед противником. Назрела острая необходимость радикального обновления всего бронепарка РККА.

Во второй половине 1943 – первой половине 1944 гг. танковая промышленность начала процесс модернизации бронетехники, но смогла его реализовать лишь частично. К середине 1943 г. на нижегородском заводе № 183 была разработана вполне успешная модель – новый средний танк Т-43, который положительно показал себя в условиях реального боя на фронтовых испытаниях [Устьянцев, Колмаков, с. 141–142]. Однако, ограниченность производственных ресурсов советской промышленности не позволила провести замену. Пришлось удовлетвориться только установкой на серийный танк новой башни с более мощной пушкой и усиленной броней. В начале 1944 г. начался серийный выпуск Т-34-85. С одной стороны, это позволило улучшить бронезащиту Т-34 и его вооружение, но с другой – танк оказался резко перетяжелен.

Тяжелый КВ уже не подлежал никаким реальным улучшениям, поэтому его пришлось заменить новой моделью. Осенью 1943 г. Кировский завод начал выпускать танки серии ИС, которые в части брони и вооружения стали вполне адекватной заменой КВ. Но осталась проблема мощности двигателя. За все годы войны не удалось модернизировать или качественно изменить характеристики серийного мотора В-2. Он продолжал устанавливаться и на средние, и на тяжелые танки, для которых уже не хватало его мощности.

Точно также не удалось эффективно решить множественные проблемы снабжения танкостроения отдельными деталями, узлами и агрегатами. Гусеничные траки, как и прежде, не выдерживали длительные нагрузки. Вплоть до середины 1943 г. все заводы, выпускавшие Т-34 и машины на его базе, испытывали жесточайший

недостаток резиновых бандажей для катков. Тотальный дефицит электрооборудования и радиостанций был преодолен только во второй половине войны. Эти и многие другие проблемы остро стояли перед всей танковой промышленностью СССР все военные годы. Их тяжесть во второй половине военного времени в значительной степени была смягчена, но не исчезла окончательно.

Ценой колоссальных усилий и огромных издержек (бесперспективное увлечение колесно-гусеничным двигателем) накануне войны были разработаны и приняты на вооружение действительно неплохие образцы. Но реализовать их потенциал в серийном производстве оказалось очень сложно. Желание сталинского окружения во что бы то ни стало иметь в действующей армии тысячи новых машин вошло в жесткое противоречие с возможностями организации массового выпуска комплектующих и потенциалом сборочного производства.

В условиях военного времени перечисленные проблемы только обострились. В течение второй половины 1941 г. были потеряны все ведущие танкостроительные центры СССР. Частично ситуация была исправлена за счет эвакуации и задела, созданного в течение третьей пятилетки в восточных промышленных районах. Однако советское руководство, игнорируя важнейшие особенности отечественной индустрии, потребовало от танкостроения дальнейшего роста выпуска бронетехники. Без резкого снижения качества этого сделать было невозможно. Развитие ресурсной базы восточной индустрии и модернизация танковой промышленности в 1943 г. позволили повысить качество бронетехники, но для полноценного переоснащения бронетанкового парка РККА этих средств оказалось недостаточно.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-262 (Уральский завод тяжелого машиностроения).

Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. М., 2013.

Желтов И., Павлов М., Павлов И. Неизвестный Т-34. М., 2001.

Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941 гг.). Т. 4: сб. док-тов / под ред. А. К. Соколова. Сост.: Т. В. Сорокина и др. М., 2015.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-792 (Челябинский тракторный завод); Ф. П-288 (Челябинский областной комитет КПСС).

РГАЭ. Ф. 8752 (Народный комиссариат танковой промышленности).

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1 (1927–1932): сб. док-тов / под ред. А. А. Кольтюкова. Отв. сост. Т. В. Сорокина. М., 2008.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2 (1933–1937): сб. док-тов / под ред. А. А. Кольтюкова. Отв. сост. Т. В. Сорокина. М., 2011.

Устьянцев С. В., Колмаков Д. Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил, 2005.

Раздел 6

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ И ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

УДК 94(47).084:72

Е. В. Барышева

СОВЕТСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ: УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Процесс формирования новых механизмов агитации и пропаганды отразился на специфике организации городского пространства. В 1920–1930-е годы получает распространение идея модернизации и реконструкции городов в соответствии с идеологическими задачами. Планы социалистического строительства предусматривали комплексное архитектурное оформление города, отображающее «идеологию пролетариата» и являющееся «мощным орудием классовой борьбы».

Одна из характерных черт архитектуры 1920–1930-х гг. — тяготение к огромным размерам как зданий, так и организуемых ими архитектурных пространств. В статье рассматриваются проекты монументальной пропаганды (башня Татлина, Дворец Советов и др.), которые замышлялись как идеологические центры городского пространства.

Ключевые слова: советская архитектура, архитектурные проекты, символика, идеология, башня Татлина, Дворец Советов, Дворец Труда.

Революция 1917 г. была воспринята творческой интеллигенцией России не только как новый исторический этап, но и как новый этап творчества. Многие восприняли эти изменения позитивно и оказались вовлеченными в революционные будни. Их стремление активно участвовать в создании нового искусства было использовано большевиками. Решение задачи структурирования социальной реальности стало возможным благодаря роли архитектуры. Оказание мировоззренческого воздействия на общественное сознание посредством трансляции архитектурным объектом социально значимой информации было осознано большевиками уже в первые годы советской власти.

Основной визуальной пространственной формой выражения и восприятия города с первых минут пребывания в нем является архитектура. Здания и архитектурные элементы становятся материальным воплощением и транслятором социальных настроений и явлений эпохи, традиций и культурных артефактов различных исторических эпох для новых поколений жителей.

Уже в первое постреволюционное десятилетие встала задача изменения архитектурного пространства, в первую очередь крупных индустриальных российских городов, таким образом, чтобы оно не только отражало идею нового миропорядка, но и передавало зрителю (жителю) города посредством визуального маркирования определенную идеологическую информацию. Городское пространство влияет на мифологические структуры сознания человека и позиционирование его в обществе. По утверждению Ю. М. Лотмана, мир мифологического сознания не может исчезнуть в ментальной структуре, а продолжает функционировать как генератор ассоциаций [Лотман, Избранные статьи, с. 37–38]. Таким образом формируется свойственное визуальному мышлению основание для установления связи между явлениями. Восприятие пространства формирует (порождает) целый ряд, или даже систему символической реальности, которая создает «коллективную идентичность» и влияет на поведение населения.

В текстовом статусе города закладывался символ: «город как начало истории», как «центр мира», «политический центр Советского Союза», «оплот мировой революции», «крупнейший промышленный центр».

По мнению У. Эко, архитектура представляется наделенной теми же характеристиками, что и массовая коммуникация [Эко, с. 258, 299].

Важные исторические события и процессы образно воплощались в проектах архитектурно-пространственной организации городов, их специфической символике и реализовывались в реальных постройках.

Ю. М. Лотман называет архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, план города, наименования улиц «кодовыми программами» [Лотман, Символ в системе культуры, с. 325], в которых отражаются духовные ценности того или иного исторического периода. Для периода 1920–1930-х гг. такая программа была «закодирована» для репрезентации «советскости» городского пространства.

Но, так как вся коммунистическая идеология первых десятилетий советской власти носила утопический характер, то и для архитектуры этого периода была характерна утопия архитектурная.

По определению историка архитектуры А. В. Иконникова, архитектурная утопия – это «вид специализированной утопии, делящийся на два подвида: 1) проекцию идеалов социальной утопии на модели пространственной организации среды жизнедеятельности социума (дом,

храм, город, пространственная система расселения); 2) отражение принципов утопического сознания и связанных с ним идей в способе формирования произведения архитектуры (язык архитектуры, его словарь, метафоры») [Иконников, Утопическое мышление и архитектура, с. 10].

Размышляя об утопических архитектурных проектах, ориентированных на будущее (прогрессистская утопия в отличие от ретроспективной), исследователь отмечает, что в них представления о желательном будущем отражают сложившиеся в обществе отношения между людьми, уровне экономического и культурного развития [Иконников, Утопическое мышление и архитектура, с. 11].

Для послереволюционной России идея социально-культурного прогресса становится основополагающей. Техника, машины играли в нем доминирующую роль. Радикально-новаторские архитектурные проекты 1920-х гг. также были основаны на непреклонной вере в технический прогресс [Иконников, Пространство и форма, с. 321]. Однако, надо отметить, что это направление в искусстве не было порождением 1917 г., а имело корни в технократических утопиях начала XX века. Ярким примером этого направления в архитектуре был проект «Города будущего» итальянского архитектора Сант-Элиа, демонстрировавшийся на выставке в Милане накануне Первой мировой войны [Камышанова, с. 136–144].

Довоенная советская архитектура за неполные четверть века подразделяется на три периода: 1917–1923 гг. – поиск романтического образа утопии в конкурсных проектах «бумажной архитектуры»; 1923–1931 гг. – преобладание прогрессистских утопий архитектурно авангарда, ориентированных на образы «машинного века», получившие осуществление в строительстве; 1931–1941 гг. – преобладание популистской идеологизированной историцистской утопии «вечных ценностей», утверждавших образы процветания [Иконников, Утопическое мышление и архитектура, с. 286].

Многие проекты тех лет проникнуты наивным символизмом, стремящимся продемонстрировать творческую активность масс и дух революционной эпохи. Таковы проекты Храма общения народов А. Родченко (1919 г.) и Е. Королева (1919 г.), Совдепа А. Шевченко (1919 г.) и А. Родченко (1920 г.), Башни III Интернационала В. Татлина (1919 г.) и др.

Наиболее известный пример новой проектной архитектуры – Памятник III Интернационалу (1919–1920 гг.) В. Татлина – одно из ключевых произведений искусства XX века, в котором отразилась авангардистская идея непосредственной связи строительства будущего с созданием искусства будущего. В утопической картине будущего «естественный» образ жизни человека был неразрывно связан с природой, с биопсихологическими особенностями и потребностями че-

ловека, с культурной традицией на основе необъятного научно-технического прогресса. Выдвинутые Татлиным лозунги «Искусство в жизнь», «Искусство в технику» значили активное участие искусства в практическом жизнестроительстве вместе с политикой, экономикой, техникой, наукой, производством и т. д. В Башне Татлина новый мир представлен в форме символической спирали с подвешенными внутри спирального каркаса на общей вертикальной оси тремя подвижными стеклянными объемами. Разная скорость их вращения вокруг оси постоянно изменяла комбинацию форм. В этом проекте отразилась мечта о преобразовании мира. Хотя проект и остался неосуществленным (впрочем, он и не мог быть осуществлен), он открыл путь другим экспериментам в этой области [Владимир Татлин, с. 37]. Задуманная автором как памятник революции, Башня стала символом революции и меняющегося мира. В этой связи интересна идея конкурсного предложения на тему массового зрелища к 3-й годовщине Октябрьской революции в Петрограде, заключавшегося в театрализованной сборке модели Памятника III Интернационала перед лицом зрителей [Там же, с. 265].

Ю. М. Лотман рассматривал проект Татлина как механизм коллективной памяти, обращая внимание на структурное сходство памятника с образом Вавилонской башни с картины Брейгеля-старшего, тем самым подчеркивая значение революции как восстания против Бога [Лотман, Символ в системе культуры, с. 248–249].

Если Башня Татлина была идеей увековечения революционного прошлого в городском пространстве, то проект Дворца Советов был призван проецировать новые социалистические идеологемы.

Это был замысел не просто крупнейшего общественного сооружения, «главного здания» столицы, а здание-символ. В соответствии с новой государственной мифологией оно было призвано олицетворять в сознании советских граждан идеал светлого и радостного «будущего в настоящем». Говоря о задачах архитекторов при проектировании Дворца, А. В. Луначарский отмечал, что «мы не сомневаемся ни на минуту, что наш Дворец Советов будет выражать собой мирозерцание пролетариата, будет давать каждому, кто его увидит, зарядку бодрой энергии и гордости великим целым, к которому он принадлежит и будет говорить в дальние века о том, – насколько смелы и удачны были первые же попытки нового общества создать себе архитектурное идеологическое отражение» [Луначарский, с. 10].

Архитектор А. В. Щусев мечтал в 1924 г. о том, какой станет в будущем Москва:

«Взглянем на Москву с высоты аэроплана в 1950 году... Вместо Охотного ряда высится силуэтами стройных башен в небе большой дворец СССР с колоссальной аудиторией на 10 тыс. человек [первоначально

Дворец Советов предполагали строить на месте, где затем была сооружена гостиница Москва].... Вокруг здания на кронштейнах и консолях скульптурные изображения великих деятелей на пользу человечества. Дворец СССР всю ночь освещен прожекторами и будучи выстроен из белого уральского мрамора особенно эффектен на фоне темного ночного неба» [Музей архитектуры имени А. В. Щусева, Из неразобранного архива А. В. Щусева, л. 9–10].

Конструирование нового городского пространства требовало протиповоставления прежнему общественному строю. С этой целью сакральные пространства захватывались для возведения святынь нового социалистического общества. Это наглядно видно по решению построить Дворец Советов в Москве именно на месте Храма Христа Спасителя. Хотя Луначарский обосновывает этот выбор лишь выгодным местоположением:

«Когда задумали снести храм Христа Спасителя, являвшийся из-за своей массивности и золотого купола своего рода собирательным пунктом зрения при взгляде на Москву издали (в особенности с Ленинских гор), то это было сделано не только потому, что здесь нашли наилучшее место для необходимого нам гигантского Дворца Советов, который являлся бы вместительным необычайно многочисленных, соответственных нашей истинной демократии народных собраний, но и для того, чтобы дать Москве некоторое завершающее здание, чтобы дать Москве – красному центру мира, – зримый архитектурный центр» [Луначарский, с. 4].

Но очевидно, что именно тот факт, что Храм «сбирал» взгляды горожан, и послужил мотивом для его уничтожения и замены одного символа другим, более соответствующим моменту. Венчать здание-пьедестал, поднимающееся ступенчатыми ярусами над громадным объемом перекрытого куполом главного зала, по замыслу автора проекта Б. Иофана, должна была фигура «освобожденного пролетария» 18-метровой высоты. Луначарский отмечал, что такое решение демонстрирует идею социализма:

«Это хорошо, что здание закончено фигурой человека. Социализм не подчиняет человека ни социальной громаде, ни механической армии машин, которые будут составлять главную часть физической энергии общества. Нет! Он ставит человека надо всем этим, как его хозяина».

Но вскоре Советом строительства было принято решение о замене статуи «освобожденного пролетария» – статуей Ленина и увеличении ее до 50–77 метров [Там же, с. 10]. При этом никто не задумался о нарушении пропорций и стиля.

Своеобразными пропилями площади Дворца Советов в Москве должны были служить специально устанавливаемые парные скульптурные монументы основоположникам научного коммунизма Карлу

Марксу и Фридриху Энгельсу. Вдоль ее планировочных границ размещались украшенные колоннами трибуны, многочисленные скульптуры, фонтаны. Сам же Дворец Советов изначально рассматривался как величественное здание, «около которого должны разыгрываться грандиозные массовки» [Чекмарев, с. 68].

Другой пример – проект строительства Дома Советов в Сталинграде в 1930-е гг. на месте уничтоженного духовного центра города – здания кафедрального собора Александра Невского. Собор был главной доминантой города и по своей высоте, и по масштабу, возвышаясь над малоэтажной застройкой. Он располагался на бывшей Городской (Александровской) площади, которая в 1920 г. была переименована в площадь Павших борцов. Символ старого мира входил в противоречие с важным идеологическим значением площади Павших борцов, расположенным рядом памятником Ленину и обелиском над могилой революционеров [Птичникова, с. 163].

Творческие поиски архитекторов были направлены на придание архитектурной форме определенных эмоционально-эстетических качеств и свойств. В 1923 г. в программной статье, выступая от имени московского архитектурного общества, А. В. Щусев писал: «Новые условия жизни, новые вкусы, новые идеалы и преломление взглядов, все это должно получить отражение в архитектуре... Архитекторы должны создать образцовые жилища для рабочего и крестьянина; оздоровить города и поселки; должны вздохнуть живительный дух мощи и силы в монументальное зодчество, сделать достижения техники орудием для обновления форм зодчества... Мы должны причаститься к созиданию жизни, а не быть ее пассивными созерцателями» [Музей архитектуры имени А. В. Щусева, ф. 11, оп. 2, д. 3, л. 2].

Переезд правительства из Петрограда в Москву поставил задачу размещения в городе государственных органов власти. Требовалось не только приспособить существовавшие, но и создать новые современные здания, отвечающие задачам власти [Чепкунова, с. 13].

Результатом архитектурных конкурсов стало складывание социальных и архитектурных черт новых типов промышленных, государственных, общественных сооружений (дома Советов, дворцы культуры, дворцы труда и др.), которые были призваны обслуживать население разными видами политической работы, организовывать отдых и привлекать население к культуре в виде самодельности. В 1925–1929 гг. дворцы культуры были построены в Ленинграде (Дворец культуры им. Горького архитекторов А. И. Гегело и Д. Б. Кричевского, Дворец культуры текстильщиков на проспекте Обуховской обороны архитектора С. И. Овсянникова), Харькове (Дворец рабочего архитектора А. И. Дмитриева) и др. Тогда же появляются клубы в Москве, такие как

клуб коммунальников им. Русакова на Стромынке (К. Мельников), дворец культуры ЗИЛ (братья Веснины), клуб им. Зуева (И. А. Голосов) и др.

В 1923 г. Московским архитектурным обществом по поручению Моссовета был объявлен конкурс на проект «Дворца труда» на месте Охотного ряда. Братья Веснины представили работу, ставшую первым проектом конструктивизма с его плоскостной системой вертикалей и горизонталей, сдержанной простотой целого и деталей. Романтико-символические настроения начала 1920-х гг. нашли отражение в проекте И. А. Голосова. В духе формально-символической архитектуры был выполнен проект Г. Людвига.

Политическая целесообразность стала основой для проекта С. Н. Кожина, который планировал расположить Дворец Труда «в сфере влияния главнейших артерий города, дабы идущие по ним разного рода шествия, процессии неминуемо направлялись к месту расположения Дворца Труда». С этой целью была выбрана одна из главных площадей Москвы – Лубянская, в которую вливались несколько больших улиц. Диагональное движение по площади могло быть отведено по улицам, специально для этой цели спроектированным; и тогда площадь замыкалась бы, становилась непроходимой и становилась как бы открытым залом – местом действия [Кожин, с. 107].

Центральная часть Дворца Труда – зал на 8 000 чел. – была задумана для агитационно-пропагандистской работы. Он был сконструирован таким образом, что его передняя стена, выходящая на Лубянскую площадь, раскрывалась и зал превращался в открытый амфитеатр. Зрители, располагавшиеся в нем, по замыслу архитектора могли видеть и слышать все происходящее на площади и «с ней воедино сливаться». В то же самое время лицам, находящимся на площади, было бы доступно происходящее в зале: «эстрада для оратора в зале служит, при поднятых жалюзи, трибуною для площади, причем, голос оратора усиливается целым рядом радио-усилителей, расположенных на здании» [Там же]. Этот проект еще раз наглядно демонстрирует не только тяготение советской архитектуры к огромным размерам как зданий, так и организуемых ими архитектурных пространств (площадей, магистралей), что обосновывалось социально-идеологическими потребностями пролетариата и актуализировало идею доминирования общественного над индивидуальным, но и тот факт, что пространство города использовалось властью для политической репрезентации.

Отражением «триумфальных побед социализма» стали дом Наркомфина, гостиница «Москва», жилой дом на Берсеневской набережной, здание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Дом Совета труда и обороны и др.). Это наглядно проявилось и в архитектуре станций первых очередей московского метро, канала Мо-

сква–Волга, ВСХВ 1939 г., павильонов СССР на выставках в Париже и Нью-Йорке.

Большевицкий идеологический миф обрел черты идеала как образа должной жизни, создал новую систему ценностей. Значение архитектурного образа играло все большую роль в процессах формирования семиотических и когнитивных связей коммуникативного пространства города.

Владимир Татлин. Ретроспектива. Vladimir Tatlin. Retrospective: Выставка / М-во культуры РФ. Гор. Кунстхалле Дюссельдорфа...; сост.: Анатолий Стригалева и Юрген Хартен. Köln, [1994].

Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М., 2006.

Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М., 2004.

Камышанова З. Архитектурные фантазии Сант-Элиа. Культурный генезис эстетического феномена // Архитектура и социальный мир. М., 2012. С. 136–144.

Кожин С. Н. Проект «Дворца Труда СССР» в Москве. Дипломная работа ВХУТЕМАС // Современная архитектура. 1926. № 4. С. 107.

Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб., 2004. С. 240–249.

Луначарский А. В. Социалистический архитектурный монумент // Строительство Москвы. 1933. № 5–6. С. 3–10.

Музей архитектуры им. А. В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов. Фонд 11 (А. В. Щусев); Из неразобранного архива А. В. Щусева.

Птичкинова Г. А. Формирование культурного пространства советского города 1920–30-х годов (на примере Сталинграда) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы. М., 2010. С. 156–170.

Чекмарев В. М. Сталинская Москва. Становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». М., 2012.

Чепкунова И. Путь к архитектуре // Кузница большой архитектуры. Советские конкурсы 1920–1950-х. Каталог выставки. М., 2014. С. 10–25.

Эко У. Функция и знак (семиология архитектуры) // Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб., 2006. С. 255–328.

«СТРОИТЕЛИ ВСЕМ НА УДИВЛЕНИЕ ВОЗВЕЛИ... “БАШНЮ КОММУНЫ”». ДОМ-КОММУНА В СМОЛЕНСКЕ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И СУДЬБА¹

Попытка воплотить в жизнь популярные среди части советской элиты на рубеже 1920–1930-х гг. теории «коллективизации быта» привела к появлению в Смоленске такой своеобразной постройки, как «дом-коммуна». Это сооружение, возведенное в 1930–1932 гг. по проекту О. А. Вутке, стало первым высотным зданием в городе. На строительстве регулярно возникали сложности, связанные с недостатком квалифицированной рабочей силы, нехваткой строительного материала и техники. Вскоре после заселения в доме начались проблемы с водоснабжением, канализацией и отоплением. К концу 1930-х гг. местные власти и представители творческой общественности рассматривали его уже как пример левачьих «извращений» в архитектуре. Уцелев во время войны, он был реконструирован и вновь заселен. После расселения на рубеже 1970–1980-х гг. уникальный памятник конструктивизма находится в запустении, его состояние постоянно ухудшается.

Ключевые слова: Смоленск, дом-коммуна, конструктивизм, обобществление быта, рабочий жилищно-строительный кооператив.

Попытка воплотить в жизнь популярные на рубеже 1920–1930-х годов среди части советской элиты теории «коллективизации быта» привела к появлению в Смоленске, являвшемся в то время центром Западной области, такой своеобразной постройки, как «дом-коммуна». Это сооружение, возведенное в 1930–1932 гг., стало первым высотным зданием в городе.

Вот как описывал историю создания дома-коммуны его автор, московский архитектор Олег Алексеевич Вутке (1891–1938):

«Зимой 1929/30 г. инициативой работников жилищной кооперации г. Смоленска были добыты средства (около 160 000 руб.) для постройки небольшого опытно-показательного дома. После обсуждения на собрании членов-пайщиков того кооператива, на участке которого предполагалась постройка, а именно РЖСК “Труд”, было выявлено задание, которое сводилось в основном к следующему:

---

¹ Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 17-11-67002-ОГН «Духовная жизнь провинциального советского горожанина: горизонты и ориентиры».

В отличие от обыкновенного в Западной области массивного кирпичного строительства – применить облегченные конструкции с применением кирпича, бетона и дерева...

Вторым условием было – составить проект на дом обобщественного типа. Скромные средства для постройки, а также задания Запжилсоюза и пожелания членов-пайщиков предопределили выбор так называемого переходного типа дома-коммуны, т. е. где дети, до подростков включительно, живут вместе с родителями» [Вутке, Дом-коммуна, с. 114].

Важнейшие вопросы по обустройству дома обсуждались на общих собраниях пайщиков.

«Решалось сообща – выносить ли за пределы жилой ячейки уборные и умывальники... Остановились на укрупненных двухкомнатных ячейках: одна комната на 2 человека, другая – на одного. Оборудование такой ячейки: небольшая уборная с возможностью умывания, а также мытья мелочной посуды, с проводкой теплой воды. Кроме того, стационарные термосы, так как в доме должна будет функционировать общая закрытая столовая, рассчитанная на население только данного дома. Некоторые члены-пайщики выставили требование дать возможность отдельным семьям не в систематическом порядке, но, например, на случай присылки провизии из деревни, все же самостоятельно приготовить себе пищу, или специальное блюдо – на случай семейного праздника. Пришлось согласиться на устройство при общей кухне небольшого отделения на 3 небольших плиты с духовыми шкапчиками.

Далее требовалось небольшое помещение для детского сада только для детей дошкольного возраста и еще меньшее помещение для яслей с тем, что этими двумя учреждениями население дома будет пользоваться в порядке самообслуживания, как и вообще по отношению всех сторон жизни данного дома, кроме школьного образования.

Каждая жилая ячейка с нормальным заселением в 3 взрослых человека сможет вместить семью, состоящую из отца, матери и одного-двух детей. С подрастанием последних или большей численностью семьи, старшие дети расселяются в соседнюю ячейку и таким образом, например, многочисленная семья может занять 2 смежные ячейки целиком. Часть ячеек будет заселяться парами и одиночками.

Из общих помещений требовалось дать: комнату, которую можно было бы назвать “гостиной-кружковой”; небольшую комнату для домашней конторы; помещение для хранения книг, аптечки и т. п. При вестибюле потребовали предусмотреть возможность установки велосипедов и ящиков для галош» [Вутке, Дом-коммуна, с. 114–115].

Поначалу заказчики предполагали «построить трехэтажный дом обычного типа, т. е. с жилыми ячейками, расположенными вдоль коридоров с односторонним использованием». Однако зодчий предложил «в порядке опыта осуществить план иного, бескоридорного типа» [Вутке, Дом-коммуна, с. 115].

Отстаивая идею дома-башни, в пояснительной записке к проекту О. А. Вутке писал:

«...Является столь же насущным произвести опыт в смысле выбора такого типа жилья, который содействовал бы обобществлению быта и раскрепощению женщины. Поэтому опытный дом спроектирован коммунального типа. При этом имелась в виду желательность избежать по возможности тех отрицательных моментов, которые до настоящего времени выявились в домах такого типа, построенных в Москве и других городах. К этим отрицательным моментам относится, главным образом, гостиничный характер большинства этих домов. Этот характер, очевидно, зависит от системы планировки, когда выходя из комнаты или квартиры попадаешь сразу в коридор, являющийся проходным для всех обитателей дома и, кроме того, часто местом скопления людей и детских игр» [ГАСО, ф. 701, оп. 1, д. 341, л. 76б].

Впоследствии Вутке указывал на достоинство дома-башни:

«<Преимущество> заключается в том, что выход из жилых ячеек дан на весьма увеличенную лестничную площадку, которая таким образом превращена скорее в нечто подобное холлу. Каждый холл обслуживает только 6 ячеек, и, разгороженный от самой лестницы барьером, дает возможность жильцам этих квартир пользоваться этим помещением, так как поток общего движения совершенно не задевает, а проходит только рядом с этим холлом. Последним с успехом можно воспользоваться, если приходится, к примеру, принять гостя, а комната не убрана, или в плохую погоду посидеть здесь с детьми, почитать газету и т. п. Все эти поэтажные холлы, в каждом этаже другой расцветки, открыты в сторону сплошной стеклянной стены с прекрасным видом на Западное море. Жилые ячейки расположены на восток, юг и запад; холлы с лестницей на север, что их предохраняет от перегрева летом» [Вутке, Дом-коммуна, с. 115–116].

О. А. Вутке рассматривал смоленский дом-коммуну в качестве экспериментального проекта. Используя опыт строительства, он предлагал в дальнейшем строить жилые комплексы, состоящие из многоэтажных домов, объединенных вытянутым двухэтажным корпусом. Архитектор так объяснял свой замысел:

«Если в... башнях разместить все взрослое население, а в нижних двух этажах дать детский и весь обобществленный сектор и воспользоваться при этом усовершенствованными типами постоянно действующих подъемников... то может получиться совсем иная схема организации быта всего населяющего дом коллектива. Вместо непосредственного перескока от ячейки в 1–2 человека, на весь коллектив в целом будет иметься в каждом этаже промежуточная ступень – своего рода коммунистическая семья, построенная не на основе семейного родства, а по производственному, возрастному и иным более современным признакам» [Вутке, Дом-коммуна, с. 117].

Запжилсоюз дал согласие на составление проектов двух вариантов дома – коридорного и башенного «при совершенно одинаковом задании площадей жилых ячеек и общественных помещений» [Вутке, Дом-коммуна, с. 115].

15 марта 1930 г. башенный проект смоленского дома-коммуны получил одобрение в Строительном комитете РСФСР. В заключении этого органа говорилось:

«...В общем проект достаточно экономичен и компактен; жилищей-ки разрешены в общем удачно... проект вполне может быть осуществлен, т. к. благоприятно разрешает задачу укрупненного дома переходного периода, т. е. с обобществленным сектором (но не как последовательный тип развитой системы дома-коммуны) в условиях уже существующего города» [ГАСО, ф. 701, оп.1, д. 341, л. 42].

23 марта 1930 г. положительный отзыв о башенном проекте дал Государственный научный экспериментальный институт гражданских, промышленных и инженерных сооружений Научно-технического управления ВСНХ. В нем было отмечено:

«Из обоих вариантов эскизных проектов дома-коммуны переходного типа с обобществлением быта следует признать более удачным проект дома-башни. Это плановое решение приближается к типовому и может быть использовано как для двухэтажных деревянных, так и 4-х–5-ти этажных каменных домов (без лифта) соответствующей переделкой обобществленной части» [ГАСО, ф. 701, оп.1, д. 341, л. 43].

Тем временем башенный проект Вутке приобретал популярность и в самом Смоленске. 23 марта 1930 г. правление РЖСКТ «Красный воин-строитель» на своем заседании постановило: «Уполномочить тов. Баркмана заключить с Горкомхозом застроечный договор на отведенном земучастке на 4 каменных 8-ми этажных дома типа «Башня-Коммуна» по проекту архитектора Вутке» [ГАСО, ф. 1562, оп. 1, д. 101, л. 43].

4 апреля 1930 г. вопрос «О постройке дома-коммуны» был рассмотрен на заседании Президиума Смоленского городского совета. Постановление гласило: «Разрешить Облжилсоюзу постройку 7-этажной Коммуны-Башни на территории гор. Смоленска» [ГАСО, ф. 701, оп. 1, д. 341, л. 45].

Все вопросы по строительству дома-коммуны решались до лета 1930 г. В июне 1930 г. в главной газете Западной области «Рабочий путь» была опубликована заметка о начале его возведения. В ней сообщалось:

«После долгих трудностей жакт «Труд» получил возможность построить в нынешнем году каменный дом в восемь этажей. В доме будут обобществленные сектора, а также предусмотрены при каждой жилой ячейке необходимые удобства. По проекту решено построить дом как

опытно-показательный. Он будет моделью для будущего строительства и, как опытный, небольшого размера: 35 жилых квартир по две комнаты в каждой квартире, размером 21 метр. В каждом жилом этаже будет устроена гостиная общего пользования. При доме будет кухня общего пользования, столовая, детский сад, ясли и ряд других обобществленных комнат со всем необходимым оборудованием. Заселение дома будет предусмотрено всесторонне с тем, чтобы вселяющийся член товарищества соответствовал условиям дома-коммуны... Заканчиваются уже земляные работы и 23 июня с. г. начнется кладка фундамента» [Рабочий путь, 1930, 24 июня].

Далее шла речь о трудностях, с которыми столкнулись строители:

«Материалы добывать приходилось с большими затруднениями, сейчас их уже имеется до 70 проц. Не совсем благополучно обстоит дело с лифтом и центральным отоплением, в особенности при условии, если дом будет закончен в один год. Есть надежда закончить дом в один сезон и получить все необходимое для дома, но, конечно, это возможно лишь при содействии вышестоящих организаций» [Рабочий путь, 1930, 24 июня].

Заканчивалась заметка указанием, что «постройка дома будет показателем того, как рабочие организованно строят свою культуру, гигиену быта и культурное воспитание и раскрепощают женщину» [Рабочий путь, 1930, 24 июня].

Строительство дома-коммуны шло с постоянно возникавшими серьезными проблемами. В документе, посвященном итогам обследования строительства в Смоленске в 1929/1930 гг., подготовленном к заседанию президиума Смоленского горсовета в феврале 1931 г., о стройке дома-коммуны было указано:

«1. Проекта нет, нет и разрешения, но имеется эскизный проект, по которому строится дом.

2. Предварительной сметы нет, а также неизвестно, сколько израсходовано на день акта. Плана работы нет. Процент выполнения этого года 55,3 %, а к общему – неизвестно (отсутствует план работ, следовательно, указанный % выполнения неверен).

3. Имеются технические ошибки самого автора проекта, а также ошибки строительства...

4. Материалы хранятся небрежно и часто подвергаются порче.

5. По технике безопасности меры приняты слабо.

6. Рационализация и механизация недостаточна.

7. Расценки на работы в отдельных случаях повышены на 20 % (каменщикам и плотникам).

8. Столовой строительство не обеспечено.

9. Производственных совещаний нет.

10. Постройка этого дома характеризуется отсутствием достаточно продуманного плана и не соответствует возможности его эксплуатации (недостаточный размер площади квартир (8 и 12 метров), не учтена возможность подачи воды на верхние этажи, невозможность техн. оборудования связи с верхними этажами и т. д.) – в условиях смоленских возможностей является ненужным строительством и требует специального расследования» [ГАНИСО, ф. 16, оп. 1, д. 208, л. 16–17].

Критика строительства смоленского дома-коммуны появлялась в центральных органах печати. Так в статье П. М. Кожаного, опубликованной в апреле 1931 г. в журнале «Культура и быт» говорилось:

«Смоленск счел необходимым увековечить себя восьмизэтажной громадой при наличии огромного количества свободной городской и пригородной земли и при отсутствии лифтов, дефицитных стройматериалов, пожираемых такими громадами в огромных количествах» [Кожаный, с. 5].

В августе 1931 г. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР сообщил руководству Западной области, что «постройка дома-коммуны» в Смоленске прикреплена к Государственному институту Сооружений для наблюдения как за опытно-показательным объектом и на проведение опыта переведено 15 тыс. руб.» [ГАСО, ф. 2360, оп. 1, д. 1773, л. 37].

1 декабря 1931 г. доклад Запжилсоюза «о строительстве башни-коммуны» был заслушан на заседании Президиума Западного облисполкома. В результате было принято постановление, гласившее:

«Отмечая невыполнение строительства в установленный срок – 1.XII-1931 года по причине недостаточного обеспечения указанного объекта строительными материалами и специальным оборудованием (водяное отопление, водопровод, канализация), предложить:

...2. В целях бесперебойного финансирования строительства, в соответствии с производственными сметами, предложить Коммунальному банку выделить соответствующие средства.

3. Запжилсоюзу обеспечить бесперебойный ход строительства с расчетом сдачи в эксплуатацию к 1/VI-1932 г.» [ГАСО, ф. 2360, оп. 1, д. 1773, л. 117].

11 января 1932 г. на заседании президиума облисполкома было заслушано сообщение о результатах обследования строительства дома-коммуны представителями ОблРКИ. В проекте постановления по этому вопросу отмечалось:

«Признать, что сроки окончания строительства 1.IX-31 г., определенные договором и 15.XII-31 г. установленные Наркомхозом РЖСКТ “Труд” не выдержаны (выполнение на 20.XII-с.г. – 75 %, вследствие недостаточных темпов работы и неудовлетворительного обеспечения материалами.

Обязать Запжилсоюз и РЖСКТ “Труд” максимально форсировать ход работ с тем, чтобы здание сдать в эксплуатацию не позднее 15.V-32 г.» [ГАСО, ф. 2360, оп. 1, д. 1773, л. 37].

Далее рассматривались проблемы финансирования строительства. Было подчеркнуто:

«В результате допущенного строительством значительного перерасхода против сметной стоимости этого дома (стоимость 1 кв. м. по смете 33 р. 90 к., фактически ожидается 38 р.), а также слабой мобилизации средств РЖСКТ “Труд”, – окончание дома-башни не обеспечено финансированием (недостает около 80 т. р.)» [ГАСО, ф. 2360, оп. 1, д. 1773, л. 37].

В связи с этим Запжилсоюзу предлагалось «в декадный срок определить источники дальнейшего финансирования постройки дома». Кроме того, говорилось о необходимости «поставить перед Центросоюзом вопрос о выделении фондов на материалы и сан.-тех. оборудование, необходимое для окончания строительства дома-коммуны».

В проекте постановления указывалось: «Строительство дома-башни как объекта опытно-показательного с точки зрения применения новых облегченных конструкций и перехода к обобществленному быту признать целесообразным». В связи с этим в документ было включено требование: «Обязать Запжилсоюз установить совместно с Институтом Сооружений тщательное наблюдение за строительством и эксплуатацией дома-башни, выявив наряду с положительными, также и все отрицательные стороны в данном типе дома в части распланировки, условий эксплуатации, быта и т. д.» [ГАСО, ф. 2360, оп. 1, д. 1773, л. 37].

К июлю 1932 г. постройка дома-коммуны в целом была завершена. В статье, опубликованной в «Рабочем пути» 22 августа 1932 г., содержалась информация: «Начато заселение многоэтажной башни-коммуны» на 32 квартиры» [Рабочий путь, 1932, 22 августа]. Окончательно дом был сдан в эксплуатацию в 1933 г. Но уже с самого начала его жильцы столкнулись с серьезными трудностями. Связаны они были, прежде всего, с плохим состоянием коммуникаций. Осенью 1933 г. его обитатели «с нетерпением ждали» начала отопительного сезона, которое было намечено на 15 октября, «так как холод и сырость нового помещения давали себя чувствовать». Однако «только 19 октября была проведена первая пробная топка, которая дала скверные результаты. Трубы в нижнем этаже оказались неисправными, и поэтому отапливать здание в дальнейшем оказалось невозможным». Но «правление РЖСКТ “Труд” из этих фактов... не сделало никаких выводов и даже не бралось за ремонт труб». Отопление в доме по-прежнему отсутствовало, и это вынудило жильцов обратиться с письмом в «Рабочий

путь». В нем они отмечали, что «в ответ на законные требования жильцов председатель правления отделяется только обещаниями, а конкретно никаких мер для устранения этих ненормальностей не принимает». Редакция газеты поддержала жильцов и заявила, что настаивает «на немедленном принятии мер к урегулированию отопления» [Рабочий путь, 1933, 16 ноября]. Лифт в доме-коммуне также не был установлен.

Помимо жилых ячеек и помещений общественного пользования, в доме-коммуне располагалась контора городского жилищного союза [Справочник г. Смоленска, с. 2].

Дом РЖСКТ «ТРУД» Башня-коммуна Почтамтская ул.

Рис. 1. Дом-коммуна в Смоленске.

Появление дома-коммуны вызывало неоднозначную реакцию не только у рядовых смолян, но и у лиц, обладавших высоким положением, причем не только в Смоленске. В воспоминаниях Н. Витковской говорится: «Строители всем на удивление возвели на Вознесенском холме семиэтажную знаменитую “башню Коммуны”, до сих пор поражающую своим нелепым видом» [Витковская, с. 2].

На заседании сектора планирования Научно-технического совета Наркомхоза РСФСР, проходившем 13 февраля 1936 г. и посвященном рассмотрению «проекта планировки города Смоленска» один из его участников В. И. Боберко, выступавший в прениях, сказал: «А что касается вертикалей, то в Смоленске поставили 8-ми этажный дом без лифта и не поймешь, какое это здание» [ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, д. 7862, л. 44].

Решения высшего партийного и государственного руководства, осудившего «перегибы» в работе «по перестройке быта» привели к отказу от строительства домов-коммун уже к концу первой пятилетки. В Смоленске дом-башня оказался единственной фундаментальной жилой постройкой с максимально обобществленным бытовым сектором.

Судьба ее создателя оказалась трагичной. 14 марта 1938 г. О. А. Вутке, являвшийся к этому времени профессором Архитектурного института, был арестован органами госбезопасности. Его обвиняли в шпионаже в пользу Германии. 17 мая 1938 г. он был приговорен комиссией НКВД к высшей мере наказания, а 28 мая расстрелян на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1957 г. [Вутке Олег Алексеевич (1891)].

В 1945–1946 гг. дом, ставший одним из немногих строений в центре Смоленска, пережившим войну, приспособили «под общежитие строителей» [Белогорцев, с. 19]. В это время он уже официально был объявлен зданием, уродующим облик города.

В «Архитектурном очерке Смоленска», изданном в 1949 г., его автор, руководитель отдела архитектуры и строительства облисполкома И. Д. Белогорцев писал: «Автор этого формалистического сооружения московский архитектор Вутке был далек от разрешения задач подлинного социалистического искусства. Башня-коммуна не удовлетворяет и бытовых потребностей советского человека. Вот почему справедлив приговор генерального плана, предусматривающего снос одного из худших сооружений конструктивизма» [Белогорцев, с. 65].

Но острая нехватка жилья в разрушенном городе привела к тому, что дом-коммуну сохранили. В 1950-х гг. он был реконструирован на основе индивидуального поквартирного расселения. В 1974 г. дом-коммуна был взят под охрану как памятник культуры местного значения [Решение Исполнительного совета]. На рубеже 1970–1980-х гг. дом был расселен. Предполагалась его постройка на капитальный ремонт. Но за сорок с лишним лет никаких работ предпринято не было.

В настоящее время уникальный памятник конструктивизма находится в запустении, и его состояние постоянно ухудшается.

Белогорцев И. Архитектурный очерк Смоленска. Смоленск, 1949.

Белогорцев И. Б. Советская архитектура Смоленска. Смоленск, 1951.

Вутке О. А. Дом-коммуна в городе Смоленске // Строительная промышленность. Орган Союзстроя ВСНХ СССР. 1931 г. № 2–3. С. 114–117.

Вутке Олег Алексеевич (1891) // Открытый список: сайт [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D1%83%D1%82%D0%BA%D0%B5_%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1891\)_\(дата_обращения:_20.07.2018\).](https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D1%83%D1%82%D0%BA%D0%B5_%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1891)_(дата_обращения:_20.07.2018).)

Витковская Н. В тридцатые годы город переживал строительный бум // Смоленские новости. 1996. № 25 (988). 17 февраля. С. 2.

ГА РФ. Ф. А-314 (Главное управление коммунального хозяйства при Совете Народных комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства).

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 16 (Смоленский городской комитет (горком) КПСС).

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 701 (Западное областное управление строительного контроля); Ф. 1562 (Западный областной союз жилищной кооперации); Ф. 2360 (Исполнительный комитет Западного областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком).

Кожаный П. За здоровое рабочее жилище! // Культура и быт. Орган ВЦСПС, комиссии по улучшению быта трудящихся при ВЦИК РСФСР и Общества по борьбе с алкоголизмом. 1931 г. № 11. С. 4–6.

Рабочий путь. Орган областного комитета ВКП (б), облисполкома, областного совета профсоюзов Западной области. 1930 г. № 146. 24 июня; 1932 г. № 194. 22 августа; 1933 г. № 276. 16 ноября.

Решение Исполнительного совета Смоленского областного совета депутатов трудящихся от 11 июня 1974 г. № 358 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны, содержания и реставрации памятников истории и культуры» // Smolensk.news-city.info: сайт [Электронный ресурс]. URL: smolensk.news-city.info/docs/sistemi/dok_pegkei/page16.htm (дата обращения: 15.07.2018).

Справочник г. Смоленска: учреждений, учебных заведений, больниц и т. п. с новыми названиями улиц и планом г. Смоленска. Смоленск, 1933.

УДК 94(470.54).084.6:72

К. Д. Бугров

КРАСНОУРАЛЬСК – ЗАБЫТЫЙ СОЦГОРОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ¹

В настоящей статье рассмотрена история Красноуральска – города, возникшего в годы первой пятилетки при строительстве мощного медеплавильного завода. Хотя социалистический город Красноуральск был выстроен в конструктивистском стиле, а градообразующий завод считался одним из гигантов пятилетки, архитектурное наследие Красноуральска на сегодняшний день практически не изучено. Город остается вне фокуса внимания специалистов по авангардной архитектуре СССР. Данная статья призвана восполнить этот пробел, в общих чертах характеризуя градостроительное и архитектурное наследие Красноуральска. Отмечены крупнейшие здания, возведенные в конструктивистском стиле и сформировавшие облик красноуральского соцгорода 1930-х гг., как жилые и коммунальные (горсовет, дом ИТР, баня, школа ФЭУ, клуб), так и промышленные (обогащательная фабрика, копры шахт). Рассмотрены сроки и обстоятельства их строительства, обрисованы стратегии визуальной репрезентации красноуральских новостроек.

Ключевые слова: Красноуральск, конструктивизм, авангард, урбанизм, планирование городов, промышленность.

Несмотря на тот рост интереса к историко-архитектурному и промышленному наследию Урала времен первых пятилеток, который можно фиксировать в последнее десятилетие, на исследовательской «карте» региона все еще немало «белых пятен». Если конструктивистское наследие Екатеринбурга-Свердловска, Челябинска и Магнитогорска изучено в деталях [Postnikov, Smirnov; Конышева], а о таких городах и поселениях, как Нижний Тагил или Каменск-Уральский имеются специализированные научные работы [Гаврилова; Штин; Штин, Дектерев], то Красноуральск оказался настоящим «забытым соцгородом»: его не упоминают путеводители по конструктивистской архитектуре Урала.

Это тем более удивительно, что в первую пятилетку Красноуральск «гремел» на всю страну. 4 сентября 1931 г. был пущен Красноуральский медеплавильный завод имени Красной Армии – крупнейший на тот момент производитель меди в стране [Лидия Чуковская – Корней Чуковский, с. 76], «первый социалистический гигант цветной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

металлургии» [Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди]. Рядом с заводом вырос город, построенный «с нуля». Информационное освещение стройки было уникальным: в честь пуска завода был типографским способом издан специальный фотоальбом [Красноуральский медеплавильный комбинат], запечатлевший преобразование лесной глуши, строительство комбината и соцгорода.

Строительство это было чрезвычайно сложным. На момент начала строительства «из жилых построек имелось в наличии всего три дома на Красногвардейском руднике и два дома на Кушайке» [Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди]. На XVI съезде партии один из руководителей хозяйственного комплекса Уральской области В. Н. Андроников жаловался на вредителей, в частности, на срыв сроков пуска Красноуральского комбината [XVI съезд всесоюзной коммунистической партии (б), с. 530]. Номер заводской газеты «Гигант», посвященный 15-летию революции, отмечал: «Строительство и пуск комбината проходили в условиях ожесточенной классовой борьбы. Ликвидируемое в деревне на основе сплошной коллективизации кулачество пролезало на строительство и, одевшись в блузу рабочего, творило свои гнусные дела» [Иванов]. Большое внимание вредительству было уделено и в брошюре П. Замятина «Медь» (1932). Здесь, в частности, отмечалось: «Одним из основных способов вредительства в медной промышленности являлась задержка темпов»; вредители якобы задержали строительство Красноуральского завода на четыре года. Они доказывали, что местные руды не годятся для промышленной разработки; стараниями врагов «пробы руды для отсылки Механобру и заграничным лабораториям для испытаний по обогащению флотацией брались в отсутствие местного геолога из старых, только что откачанных забоев, где руда окислилась и была непригодна для флотации» [Замятин, с. 23].

Тем не менее, к лету 1931 г. строительная программа была реализована, и в июне 1931 г. «Уральский рабочий» сообщал: «Под напором большевистского энтузиазма рабочих-ударников 27 июня закончены основные механические и электрические работы монтажа металлургических цехов завода имени Красной Армии... Ведется усиленная подготовка к пуску» [Уралмедьстрой начал перепуск агрегатов].

Что же представлял собой новый город? Красноуральск включал в себя поселок металлургического завода, являвшийся центром всего поселения, и два поселка рудников – Красногвардейского и Ново-Левинского, расположенные в непосредственной близости. Все эти поселки и промышленные мощности (к которым следует добавить строившийся химический завод) образовывали единый город. Центром города была прямоугольная заводская площадь, образованная улицами

Ленина и Кирова и вытянувшаяся с северо-запада на юго-восток. С юго-востока на площадь выходили трехэтажное здание заводоуправления и заводские проходные, с северо-запада – здание клуба цветников (так на характерном «новоязе» 1930-х гг. именовались работники цветной металлургии). Вокруг площади, по не совсем правильной радиально-лучевой схеме, расположился заводской поселок, целиком построенный в 1930-е гг. и практически полностью (за вычетом, конечно же, барачной застройки) сохранившийся до наших дней, пусть и не в лучшем виде, вплоть до подсобных сараев во дворах двухэтажек.

Общественная инфраструктура располагалась в южной по отношению к заводской площади части города, вдоль двух улиц, ведущих к железнодорожной станции Медь – Советской и Калинина. Здесь находились горсовет, банк, школа ФЗУ, техникум, баня, универмаг. Сохранившаяся капитальная застройка представлена двухэтажными жилыми домами – трехэтажек в Красноуральске не было, за исключением крупного дома ИТР в северной части.

Предполагалось, что соцгород будет завершен одновременно с заводом. Социально-культурное строительство было намечено, согласно плану капитального строительства на 1931 г., в следующем объеме:

«Окончание школы, постройка 3-х клубов – кино во всех поселках и центрального клуба в заводском поселке, постройку детских яслей и детплощадок во всех поселках, постройка школы ФЗУ и общежития для учащихся; окончание хлебозавода, универмага, бани, постройка фабрики-кухни на 45–50 тысяч блюд, № 2 на 2 000 обедов в заводском поселке; и столовой на 1 000 обедов в Левинском поселке; постройка 3-х домов для поселкового совета и милиции, почты и телеграфа, союзов и парткома» [План капитального строительства на 1931 год].

Как и в большинстве случаев на других стройках, подготовка завода к пуску поглотила все ресурсы и силы строителей. Жилищно-коммунальная сфера оказалась заброшена. В 1931 г. был пущен красноуральский водопровод, протянувшийся на 11 км до реки Туры [Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди, с. 30].

14 ноября 1931 г. в «Гиганте» вышла большая передовая статья «Социалистическому комбинату нужен социалистический город». Определяя насущные задачи строительства (в 1931 г. достроить 60 домов, клуб, баню, ФЗС и универмаг; в 1932 г. – новых 125 домов, канализацию, ФЗС № 2, два киноклуба, прачечную, фабрику-кухню, больничный городок, несколько столовых, детских и яслей), газета замечала, что равняться на такой план нельзя, так как программа рассчитана на «обычный заводской поселок». А Красноуральск должен стать подлинным «социалистическим городом»: «Будет смешно, если на таком предприятии как Красноуральск будет строиться обычный

поселок, ничем не отличающийся, кроме грязи, от старого типа заводских поселков» [Социалистическому комбинату нужен социалистический город]. Видимо, чтобы поддержать этот урбанистический порыв, 15 ноября 1931 г. «Гигант» напечатал – без всяких пояснений – фотографию жилой застройки поселка Горьковского автозавода, которая предположительно должна была демонстрировать читателям облик пресловутого «социалистического города».

В парадном выпуске заводской газеты «Гигант» от 7 ноября 1932 г. (номер был посвящен 15-летней годовщине Октября и украшен большим портретом Сталина) были напечатаны фотографии зданий Красноуральска – не только промышленных, но и гражданских, таких, как трехэтажные сооружения заводоуправления, горсовета и Продснаба (универмага). Газета с гордостью провозглашала: «Отступает тайга под штурмом большевистской сплоченности пролетариата. Вокруг рудников и завода строятся огромные рабочие поселки» [Иванов]. Рядом с фотографиями заводских цехов красовались портреты ударников производства – советских и американских рабочих и инженеров.

А уже в 1932 г. «Уральский рабочий» сообщал:

«В кольце тайги над хвойным разливом высятся гигантские копры новых шахт, бетонные корпуса обогатительной фабрики и медеплавильного завода, вонзившего в морозную синеву дымящиеся трубы. Уралмедьстрой создал в глуши индустриальный горизонт. Тайга отступила за Кушайку и Лягушиху, за Химстрой и Левинский рудник».

Преображение местности вылилось в создание соцгорода:

«Большие поселки – Кампанейский и Ново-Заводский – сливаются в 30-тысячный город Красноуральск. В городе растут кирпичные 4-этажные дома, школы, продснаб, клуб и др. Управление строительства и горсовет озабочены планировкой социалистического города на 100–150 тыс. жителей. За прошлый год Уралмедьстрой построил до 30 двухэтажных домов и десятки барakov, но острый жилкризис еще не ликвидирован. На рудниках и заводе осели тысячи строителей, они перебрасывают семьи и спрос на жилища растет. Сегодня на жителя приходится 2 кв. метра жилплощади. Нужно крепко строиться, чтобы в 32 году увеличить эту норму до 6 кв. метров на человека. Нужно быстро строить, чтобы в городе развернуть широкую сеть культурно-бытовых учреждений» [Сказин].

Центральным звеном этой сети должен был стать строившийся в Красноуральске с 1931 г. рабочий клуб (ул. Советская, 2). Номер газеты «Гигант» от 26 сентября 1933 г. частично был посвящен проблемам пуска клуба и организации клубной работы в целом. Редакция приходила к выводу о том, что «горняцкие клубы, а вместе с ними и центральный клуб цветников – это только помещения, которые

называют клубами, да проводят заседания и собрания] [Освоить центральный клуб цветников]. Сообщалось, что центральный клуб цветников уже практически завершен – к 1 октября 1933 г. планировалось завершить все отделочные работы в здании клуба, в частности, установить там систему отопления.

Увы, уже 21 октября 1933 г. «Гигант» сетовал:

«По плану в первой декаде октября правлением клуба было намечено ввести в эксплуатацию техстанцию, комнату ИТР, читальню и библиотеку. Организовать работу в красных уголках механического и металлургического цехов. Созвать конференцию жильцов бараков заводууправления с вопросом организации культурных условий в бараке и заключить договор по шефству клуба над бараками металлургического цеха. Во второй декаде было предположено ввести в эксплуатацию кафе, комнату отдыха, нацменкомнату, детские комнаты, три кружковых комнаты, оформить правление клуба и приступить к практической работе по ИЗО-оформлению клуба и завода. Однако обе декады прошли, а ни одного из намеченных мероприятий не сделано» [Подготовка клуба на самотеке].

Что говорить о монтаже отопления – его не только не закончили к 1 октября, но и выполняли работы «безобразно плохо по качеству». И в конце ноября «замечательный гигант-клуб» продолжал пустовать, зиму клуб встретил без теплых рам и с незавершенной системой обогрева [Довольно сослаться на трудности].

Фотографии нового клуба на страницах «Гиганта» в 1933–1934 гг. так и не появились. Между тем, клуб этот был одним из крупнейших на Урале в своем роде – местная газета с полным основанием говорила о том, что этому клубу «могут позавидовать большинство из первенцев первой пятилетки не только Урала, но и всего союза» [Довольно сослаться на трудности]. Здание клуба существует и сегодня (ДК «Металлург»), продолжает функционировать в качестве городского культурного центра. Здесь же, в здании клуба, работает Красноуральский историко-краеведческий музей. Хотя перестройка входной группы здания в позднесоветский период и последующая облицовка керамической панелью исказили оригинальный облик, это – один из наиболее крупных рабочих клубов, сохранившихся на территории Большого Урала.

Другим выдающимся конструктивистским зданием Красноуральска, возведенным в начале 1930-х гг., был Продснаб – трехэтажный городской универсам, магазин № 7, торговавший продуктами питания и промышленными товарами [История Красноуральска]. Сегодня здание служит для размещения городских электросетей. Рядом с Продснабом расположилось бывшее здание городского совета (ул. Советская, 28).

К северо-востоку от Продснаба и горсовета, на улице Калинина, расположилось здание школы ФЗУ (ул. Калинина, 14). Хотя эта школа

не является крупнейшей в своем роде (в те же годы на Урале были построены более крупные и, пожалуй, более оригинальные по архитектурному решению школы ФЗУ Челябинского тракторного завода, Уралмаша, профтехкомбинат Лысьвенского металлургического завода), она примечательна тем, что сохранилась оригинальная пристройка – учебные мастерские с фонарями верхнего света на крыше).

Несколько ближе к заводу расположилась баня Красноуральска (ул. Красина, 5). Фотография бани неоднократно появлялась в 1930-х гг. на страницах «Уральского рабочего»; это был один из крупнейших банных комплексов области. По своей планировке красноуральская баня напоминает банно-прачечный комбинат ЧТЗ (четырёхэтажное здание с выходящей на обе стороны лестничной клеткой), но отличается от него и деталями, и размером. На козырьке здания сохранилась оригинальная надпись конструктивистским шрифтом, гласящая: «БАНЯ». К сожалению, этот яркий пример коммунальной архитектуры начала 1930-х гг. сегодня заброшен и находится в полуразрушенном состоянии.

В этой же части города находятся детский сад (ул. Каляева, 4) и здание Госбанка (ул. Советская, 4), построенное, очевидно, позже всех остальных (но не позднее 1937 г.), поскольку конструктивистские элементы в его архитектуре отсутствуют. Это постройка в духе неоклассики конца 1930-х гг., уже с портиком, но с колоннами без капителей. Проект был, видимо, типовым (точная копия здания имеется в Кизеле), но примечателен красноуральский Госбанк тем, что на фронте сохранились оригинальная надпись «БАНК», выполненная конструктивистским шрифтом, и лепной герб СССР.

С южной стороны главной площади расположилось здание школы (ул. Кирова, 15), по другую сторону, ближе к заводу – Красноуральский хлебокомбинат и заводоуправление с массивной лестничной клеткой (ул. Кирова, 2), надстроенное в позднейший период на один этаж. В северной части соцгорода размещался примечательный дом ИТР Красноуральского медеплавильного завода (ул. Дзержинского, 50), сегодня отремонтированный и служащий офисом дорожной полиции.

Не меньший интерес представляет собой индустриальное строительство Красноуральска. От заводской проходной хорошо видно высокое (8 этажей) здание обжигового цеха; справа (южнее) расположено приземистое сооружение обогатительной фабрики, впервые в СССР применившей промышленную флотацию (позднее корреспондент «Правды» охарактеризует здание как «прекрасное»). Яркими образцами индустриального дизайна были и здания шахт комбината. Современный исследователь И. А. Казусь, рассматривая проектное творчество треста «Техбетон», отмечает:

«Одной из жемчужин творчества “Техбетона” явился и проект железобетонного надшахтного копра (архит. Б. Я. Мительман, С. П. Точиллов, худ. Л. Е. Фейнберг, инж. С. Л. Прохоров, А. А. Поляков, технолог А. Д. Перминов, консультант Н. А. Кашкаров, 1930 г.), выполненный для строящегося близ Нижнего Тагила Красноуральского комбината – первенца медеплавильной промышленности СССР. В этом проекте, в котором впервые в практике “Техбетона” участвовал художник, воплощены как идеи конструктивизма, так и формально-эстетические поиски 1920-х гг., определившие строгую функциональность сооружения и его лапидарную, обобщенную форму» [Казусь, с. 103].

Шедевр этот был и впрямь воплощен в Красноуральске: 1 июня 1934 г. «Уральский рабочий» напечатал фотографию копра шахты «Капитальная» Ново-Левинского рудника (некоторое время он носил имя Г. Л. Пятакова, заместителя народного комиссара тяжелой промышленности), которая в точности соответствует тому проекту, который опубликован Казусем. Увы, до настоящего времени постройка не сохранилась: Ново-Левинский рудник в середине XX в. остановили, в его помещениях был открыт завод. Судя по внешнему облику, какие-то фрагменты здания шахты сохранились в составе заводских мощностей, но выдающегося конструктивистского копра больше не существует.

Однако на сайте проекта «Рудники Урала» (www.uralmines.ru), посвященном истории уральской горнодобывающей промышленности, имеются фотографии современного вида Красногвардейского рудника, полностью заброшенного и доступного для посетителей [Компанейский (Красногвардейский) рудник]. На этих фотографиях запечатлено руинированное, но все еще узнаваемое здание, выстроенное по тому же проекту «Техбетона». По-видимому, проект был реализован в Красноуральске дважды, для *двух* крупных шахт. Сохранившееся до наших дней здание шахты Красногвардейского рудника должно быть отнесено к числу лучших памятников уральского конструктивизма, уральской промышленной архитектуры.

Каково же было общее состояние жилищной и коммунальной сферы в Красноуральске? По-видимому, плохим; в августе–сентябре 1933 г. в Нижний Тагил и Красноуральск прибыла специальная комиссия наркомата тяжелой промышленности во главе с заместителем наркома Г. Л. Пятаковым. Хладнокровный и жесткий администратор, Пятаков должен был железной рукой вывести завод из «прорыва». Среди указаний Пятакова была и сфера соцкультбыта.

Местное руководство пыталось выполнить распоряжения начальника и придать городу более «культурный» вид, взять-таки высокую планку образцового соцгорода. В постановлении объединенного пленума Красноуральского райкома и горсовета «О задачах органи-

зационно-массовой работы горсовета» (опубликовано в «Гиганте» 21 октября 1933 г.) говорилось: центральным вопросом работы горсовета должно быть «культурно-бытовое обслуживание трудящихся: за чистый цех, чистый барак, ремонт квартир рабочих, прокладка тротуаров, освещения улиц, очистку города от мусора и грязи, произвести озеленение – посадка деревьев, устройство скверов и цветников <...> хорошую работу клубов, красных уголков, детсадов, яслей, школ, театра, кино, больниц, каждому трудящемуся хорошую книгу и хорошее обслуживание газетами».

Что же, помогли конкретные указания товарища Пятакова? В январе 1934 г. на IV районной партийной конференции первый секретарь Красноуральского райкома Д. М. Ханин² называл цифры – хотя жилплощадь в Красноуральском районе выросла на 30 % (с 64 000 кв. м в 1932 г. до 87 000 кв. м. в 1933 г.), из-за роста населения, достигшего 25 000 чел., обеспеченность площадью составила всего 3,3 кв. м на человека. К этому Ханин добавлял: «Что мы ни делаем в бараке, как мы с ним ни работаем, а работать с ним надо, но все же он остается баракom, т. е. временным жильем, совершенно неудовлетворительным» [Ханин, Мобилизовать массы].

В конце января 1934 г. заметка «Так строится город» подводила своего рода итоги по возведению Красноуральска – «нового трудового города». Автор заметки перечислил наиболее значимые сооружения Красноуральска, построенные к началу 1934 г. – клуб с залом на 800 чел., учебный комбинат (ВТУЗ-техникум плюс школа ФЗУ), баня с пропускной способностью 600 чел. в сутки, механизированный хлебозавод. Численность населения Красноуральска автор заметки определил в 28 000 чел., из них 6 693 рабочих на медеплавильном комбинате и 758 рабочих на химическом комбинате. Соответственно, среднюю жилплощадь автор определял в 4,8 кв. м для строителей и в 7,5 кв. м для рабочих медеплавильного производства по состоянию на 1933 г.; для 1932 г. эти показатели составляли 3,7 и 5,2 кв. м. соответственно. Как видим, эти цифры вдвое выше тех, что называл в своем докладе Ханин! Заметка завершалась в самом оптимистическом духе: «Красноуральский район из отсталого, заброшенного, хищнически эксплуатируемого в прошлом исключительно по богатству минерального сырья, волей партии и рабочего класса превратился не столько в один из передовых форпостов социалистической индустрии на севере Урала, но и передового культурного центра» [Так строится город]. Соцгород состоялся!

² В 1920-х гг. Д. М. Ханин занимался литературной работой, и еще в 1932 г. возглавлял отдел детской и юношеской литературы Госиздата [Литературное наследство, с. 141]. В частности, в 1929 г. он выступил с докладом, в котором нападал на «чуковщину» [Ханин, Борьба за детского писателя; Лидия Чуковская – Корней Чуковский].

Но уже 18 февраля 1934 г. прогремел гром – в «Правде» вышла статья «Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть», содержавшая свирепую критику положения дел в городе.

«Завод не достроен. Этой истины до приезда бригады тов. Пятакова, которая начала вскрывать действительное положение на комбинате, никто не хотел признавать. <...> Вконец запутавшееся руководство до сих пор не сознает своей вины и своей ответственности за настоящее состояние завода, не согласно с отдельными выводами бригады тов. Пятакова, саботирует проведение в жизнь ее указаний».

Корреспондент «Правды» сообщал о рекордной для СССР текучести кадров, пенял на грязь в цехах («особенно мрачно выглядит прекрасное здание обогатительной фабрики»), ругал перебои в снабжении. Досталось и коммунальной сфере «форпоста социалистической индустрии»:

«На весь город две парикмахерских. В недавно построенной бане уже не работают души. На всем заводе в ни в одном цехе нет уборных. Об умывальниках и помину нет. В Красноуральске несколько клубов. Но в них мухи от тоски дохнут. Обширные залы и комнаты клуба пустуют» [Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть].

Это был сокрушительный удар. Материал «Правды» был целиком перепечатан в красноуральском «Гиганте». Уже 24 февраля 1934 г. Д. М. Ханин, злобно охарактеризованный «Правдой» как «образец болтуна», был снят с должности и отправлен работать парторгом на обогатительную фабрику³. Передовая статья «Уральского рабочего» костерила Ханина на чем свет стоит, обозвав его «Заратустрой честных болтунов», и обвинила руководство Красноуральска в неспособности выполнить «гениальные решения» Сталина, «конкретные указания» Кабакова и, конечно, Пятакова.

Но дело, видимо, было вовсе не в том, что специалист по детской литературе Ханин оказался «болтуном». Пройдет год, и в январе 1935 г., на I Свердловском съезде Советов, директор Красноуральского завода К. И. Дук печально отметит:

«То, что характеризует сегодня город Красноуральск, показывает чрезвычайно большой разрыв между уровнем техники и уровнем культурно-бытовых условий трудящихся. Рабочие и специалисты, успешно осваивающие мощность всех агрегатов и машин, обслуживаются еще плохо. А ведь Красноуральск имел больше возможностей для приведения в порядок жилищно-бытовых условий, чем любой другой город. В 1935 г. это отставание мы должны ликвидировать во что бы то ни стало» [Дук].

³ Если Ханина и перевели на обогатительную фабрику, то задержался он там ненадолго. Ему предстояло возглавить парторганизацию Нижней Салды, которой руководил до 1936 г. [Танкиевская]. В 1937 г. Д. М. Ханин был репрессирован.

Мрачный шлейф «вредительства» продолжал тянуться за Красноуральском: вредители-техники оттягивали сроки, вредители-кулаки швыряли куски рельсов в технику, пьянствовали, срывали ремонт барачов и домов и, разумеется, выполнение «конкретных указаний тов. Пятакова». В 1935 г. Красноуральский комбинат не смог реализовать установленную мощность в 20 000 тонн, выдав всего 17 515 тонн меди [Кожин, с. 279]; в 1936 г. предполагалось перевыполнение до 30 000 тонн, но с самого начала года темп оказался сорван [Ушеренко, Моценюк]. На протяжении первых месяцев 1936 г. на директора Дука обрушивались удары прессы: Красноуральский завод вошел в глубокий производственный прорыв, а бороться с «разгильдяйством» и «азиатчиной» в Красноуральск поехал лично глава Уральской области И. Д. Кабаков [Дать простор стахановцам Красноуральска].

А осенью 1936 г. на Урал в очередной раз вернулся Пятаков, над головой которого уже собрались тучи. 12 сентября 1936 г. на станции Сан-Дonato Пятаков был арестован и вскоре оказался основным обвиняемым на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Главными пунктами обвинения стали «вредительство» в медной промышленности и на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле. Теперь оказалось, что Пятаков – ни много, ни мало! – стоял за всеми трудностями, которые обрушивались на многострадальный Красноуральск, а под видом «конкретных указаний» заместителя наркома скрывались инструкции вредителям, саботажникам и диверсантам. Фигурировал в показаниях Пятакова и красноуральский соцгород, тоже оказавшийся результатом преступного саботажа:

«На Урале по линии медной промышленности и по линии бытовой шла преступная работа на Средуралмедьстрое и Красноуральске, прежде всего, в смысле расположения поселка. Мы его приблизили на расстояние 1–2 километра к заводу, что, вообще говоря, не разрешается по санитарному закону, поскольку это производство вредное» [Процесс антисоветского троцкистского центра, с. 13].

В городском музее Красноуральска хранится альбом фотографий, подготовленный архитектурно-проектной мастерской № 2 НКТП с целью проиллюстрировать «вредительство». Короткие подписи к фото сообщали, что вокзал Красноуральска «убогой архитектуры», что улицы окутывает смог от завода, что местный клуб представляет собой «безвкусное здание времен конструктивизма», и что даже трибуну стадиона вредители – очевидно, по указаниям Пятакова – построили так, чтобы «солнце мешало зрителям смотреть соревнования»...

Газета «Известия» за 30 января 1937 г. содержала не только приговор по делу «параллельного центра», но и подборку «резолюций» от коллективов ночных смен предприятий СССР. И вряд ли случайно,

что было среди «резолуций» и письмо, подписанное шахтером-стахановцем Красноуральского медного рудника К. Гумаровым:

«По национальности я – татарин. По профессии – шахтер. Советская власть принесла мне освобождение от царя и капиталистов, дала мне все права и свободы, превратила мой народ в равноправного члена великой семьи советских народов. Троцкисты хотели все это у меня отнять, хотели опять посадить мне на шею жандармов и заводчиков. Как патриот своей великой страны, я горячо аплодирую приговору Верховного суда, обеими руками подписываюсь под этим приговором» [Гумаров].

Несмотря на драматические тяготы и трудности, с которыми столкнулись строители Красноуральска, соцгород при медеплавильном комбинате оказался одним из наиболее крупных на Большом Урале. История этого поселения заслуживает того, чтобы быть рассмотренной в одном ряду с соцгородами Магнитогорска, Уралмаша, ЧТЗ, Березников.

Гаврилова С. И. Комплексная застройка Каменска-Уральского 1930-х годов. Реализованные и нереализованные проекты // Архитектон: известия вузов. 2011. № 4 (36). С. 85–98.

Гумаров К. Обеими руками подписываюсь под приговором // Известия. № 27 (6189). 1937. 30 января.

Дать простор стахановцам Красноуральска // Уральский рабочий. № 94 (6230). 1936. 23 апреля.

Довольно ссылаться на трудности // Гигант. № 270 (762). 1933. 5 декабря.

Дук К. И. Мобилизовать внутренние ресурсы // Уральский рабочий. № 11 (5846). 1935. 12 января.

Замятин П. Медь (из истории борьбы за Красноуральский завод). Свердловск; М., 1932.

Иванов Н. Отступает стынь тайги // Гигант. № 262. 1932. 7 ноября.

История Красноуральска: какие тайны хранит здание «Электросетей» на Ленина // Goroda96.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://goroda96.ru/index.php?task=new.view&id=14759> (дата обращения: 30.08.2018).

Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009.

Кожин К. Г. Красноуральский медеплавильный комбинат // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 278–289.

Компанийский (Красногвардейский) рудник // Рудники Урала: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://uralmines.ru/kompanejskij-krasnogvardejskij-rud/> (дата обращения: 01.08.2018).

Коньшева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005.

Красноуральский медеплавильный комбинат как он есть // Гигант. № 43 (819). 1934. 23 февраля.

Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди. Екатеринбург, 2001.

Красноуральский медеплавильный комбинат. М.; Л., 1931.

Лидия Чуковская – Корней Чуковский. «Наша биография не в нашей власти». Переписка (1912–1969) // Дружба народов. 2001. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2001/11/chukovsk.html> (дата обращения: 30.08.2018).

Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963.

Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург, 2003.

Освоить центральный клуб цветников // Гигант. № 220 (712). 1933. 26 сентября.

План капитального строительства на 1931 год // Гигант. № 30 (46). 1930. 24 ноября.

Подготовка клуба на самотеке // Гигант. № 238 (730). 1933. 21 октября.

Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937.

Сказин Н. Профиль красноуральского гиганта // Уральский рабочий. № 16 (4862). 1932. 19 января.

Социалистическому комбинату нужен социалистический город // Гигант. № 160. 1931. 14 ноября.

Так строится город // Гигант. № 24 (803). 1934. 29 января.

Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург, 2000.

Уралмедьстрой начал перепуск агрегатов // Уральский рабочий. № 178. 1931. 30 июня.

Ушеренко Я., Моценюк М. Безрукие руководители и бесполезные помощники // Уральский рабочий. № 50 (6656). 1936. 20 февраля.

Ханин Д. М. Борьба за детского писателя. Доклад на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати в Москве. 4 декабря 1929 г. // Книги детям. 1930. № 1. С. 1–4.

Ханин Д. М. Мобилизовать массы на освоение мощности комбината // Гигант. № 16 (785). 1934. 18 января.

Штин О. В. Конструктивизм в градостроительстве: жилой район Красный Камень, г. Нижний Тагил // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. № 3. С. 21–26.

Штин О. В., Дектерев С. А. Конструктивизм в архитектуре общественных зданий Нижнего Тагила // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. 2012. С. 53–57.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930.

Postnikov S., Smirnov Yu. The History of Constructivism in the Urals: 21st-century studies // *Quaestio Rossica*. 2016. № 3. С. 257–267.

УДК 94(470.54-25).084.6

Laurent Pugnot Lambert

EVERYDAY LIFE IN THE SOTSGOROD OF URALMASH: A SOVIET PROJECT FACING THE HOUSING QUESTION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN (1928–1933)

Статья посвящена «социалистическому городу». Этот тип поселения был задуман как спланированный город, оборудованный социальной инфраструктурой для его жителей, и должен был радикально трансформировать их образ жизни и заложить основу социалистической цивилизации. Но какова была природа и результаты этого опыта? Этот вопрос затрагивается в статье через исследование быта рабочих на стройке соцгорода Уралмаш, возведенного с 1928 по 1933 гг. вблизи Свердловска. Первоначальные чертежи города, подготовленные архитекторами и градостроителями, были поставлены под вопрос неконтролируемой политикой первой пятилетки, которая привела к хаотичной ситуации на Уралмаше: начался острый жилищный кризис, бараки рабочих были перенаселены и найти жилье стало серьезной проблемой. В связи с этим исследование жилого пространства, рассматриваемого как инструмент партийной идеологии, показывает, насколько сложно проходило приспособление жителей к новой «культурной» жизни.

Ключевые слова: быт, жилье, соцгород, Уралмаш, первые пятилетки.

The 15th of July, 1933, the Ural Heavy Machine Building Plant (UZTM), better known as Uralmash, was officially opened near to Sverdlovsk (today Ekaterinburg). The main newspaper of Uralmash, *Za Ural'skij Blyuming (ZUB)*, devoted his whole edition to celebrate the event as one of the greatest achievements of the first five-year plan. The first pages depicted the plant, but the last page was put aside to introduce the workers' neighbourhood built next to the factory, and argue that it was no longer a mere settlement (*posyolok*) but a “socialist city” (*sotsialisticheskij gorod* or *sotsgorod*). The new town was indeed supposed to own all communal services and facilities necessary to the workers and their families, such as canteens, hospitals, schools and clubs, and enable a healthier and more civilized way of life [*Za Ural'skij blyuming*, 1933, July 15].

In which extent is it possible to know how inhabitants experienced life in the *sotsgorod* of Uralmash through this utopian picture? Answer this question implies to know what was a *sotsgorod* about. The concept of *sotsgorod* appears to be a key urban project of the USSR developed at the end of the 1920's. A large number of theoretical debates took place to work

out a type of settlement capable of creating a new way of life and laying the groundwork for a socialist civilization. Most of these urban theories remained on paper, as the well-known linear city imagined by Nikolaj A. Milyutin. The concrete realisation of socialist cities was inextricably linked with the first five-year plan and the construction of huge industrial complexes through the USSR. Neighbourhoods conceived to house workers next to new giant factories were often called socialist cities. They were built *ex nihilo*, out of old urban centres, and so were “enclaves” [Crawford, p. 16], insular towns where perfect conditions to experience new architecture and urban planning were gathered. *Sotsgorod* thus formed an original “socio-spatial system” [Bocharnikova, Harris, p. 4], with communal housing, facilities and services. The aim was to create what Stephen Kotkin called a “new society”, or “Stalinist civilization” in his fundamental study of Magnitogorsk [Kotkin, Magnetic Mountain, p. 2], that is to say collective relationships between individuals, new ways of thinking and behaving.

To transform “*byt*”, or everyday life, was one of the momentous ambitions of the Soviet regime: private life was an ideological target [Crowley], and planned cities as *sotsgorods* were convenient tools of ideological intervention and control over population. However, it is impossible to study these topics only with blueprints or official discourse made during the Stalinist era. A microscale approach is actually necessary. In this way, the history of everyday life has contributed to an important historiographical renewal these last two decades. It disproves the totalitarian historiography of the USSR develop during the Cold War, stressing capacities of reaction, adaptation or resistance of individuals facing the political, economic and social environment of Stalinism [Zakharova, p. 307; Kiaer, Naiman]. This approach will be followed here, focusing on the housing issue in the *sotsgorod* of Uralmash: the study of housing and domestic space gives access to the tiniest aspects of inhabitants’ life, their intimacy, their living strategies and practices, and enables to know how they experienced the socialist city.

The socialist city project of Uralmash confronted by the first five-year plan

The socialist city of UZTM was planned since the beginning of the project, launched by a decree of Council of Labor and Defense of June 3, 1927. The Gipromez (*Gosudarstvennyj institut po proektirovaniyu metallurgicheskikh zavodov*) first gave a project proposal for both plant and workers’ settlement. In its 1928 report, it scheduled a population of around 11 000 people, including workers’ families, but assessed that part of them would live in Sverdlovsk or by their own means [Ural’sky mashinostroitel’nyj zavod v Sverdlovsk (proekt), p. 224]. These expectations were blown up by the launch of the first five-year plan in 1928. The Gipromez’s project was

thought for a plant capacity of 18 000 tons of output per year. But with the exponential goals of the first five-year plan, the output was fixed at 100 000 tons per year in July 1931, and 200 000 per year in 1932, which required 23 000 workers in the plant [Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya, p. 10]. Consequently, the number of people in the construction site dramatically increased: from a few workers in 1928 at the beginning, to 15 000 in summer of 1931, no counting their families [Unpelev]! This widely exceeded the Gipromez's expectations. What resulted of unceasing and erratic changes of plans and politics was urgency and chaos in the construction site [Iltchenko, p. 57].

Overtaken by the uncompromising politics of the first five-year plan, the administration of UZTM took measures to increase house building in the future *sotsgorod*. From 1930 onwards began massive construction of prefabricated wooden buildings to house the flow of workers arriving in Uralmash [Ageev, Bril']. In 1932, a "socialist competition" was launched to build 82 000 m² of living space (*zhilaya ploshchad'*) in prefabricated houses [Unpelev, p. 117]. But these were insufficient attempts: as other giant industrial projects of the first five-year plan, Uralmash suffered from recurrent lack of building materials, such as steel or concrete, and workforce, of which the party cell responsible for housing construction often complained [ЦДООСО, ф. 1020, оп. 1, д. 53]. The plant building was a priority with the result that the socialist city and workers' housing remained marginal goals in Uralmash, as everywhere [Kotkin, *The Search for the socialist City*].

At the end of the construction, in 1933, the new *sotsgorod* consisted of 43 brick houses, 49 log houses, 103 prefabricated houses and 149 sheds, for almost 200 000 m² total living space, in which the sheds represented alone 73 000 m² [Ot Uralmashstroya k Uralmashzavodu, p. 12–13]. During the spring of 1933, a government commission was charged to control the construction site and give an advice about the imminent launch of the plant. The commission ended its work on May 26, 1933, and produced a report, in which a part was dedicated to the construction of the socialist city. The commission generally regarded the *sotsgorod* of Uralmash as unfinished, since all planned facilities weren't ready to work, and pointed out the serious lack of living space: more than 70 000 people lived in Uralmash during the commission inspection, but 60 000 m² of living space were missing to correctly house everybody. Moreover, lots of construction faults were noticed, such as cracks or wall collapses, and the commission deplored the absence of canalisations and the global health conditions of the settlement [ГА РФ, ф. R5446, оп. 14, д. 136b]. The general picture of the socialist city the government commission provided finally shows how the initial projects were undermined, confronted by the maximalist context of the first-five-year plan, and gave birth to a failed utopia.

Rationing and evicting: housing politics in the socialist city

In its report, the government commission brought to light that an important number of workers still lived in sheds, or even in *zemlyanki*, sketchy wooden houses built by workers near to the plant. The writer Mihail Prishvin, who went at Uralmash at the beginning of 1931, gave a frightened picture of the construction site, in particular due to the dreadful living conditions of workers in *zemlyanki* [Prishvin, p. 326]. This was the result of a critical housing crisis in Uralmash. As a result, almost all apartments were communal, and rooms were shared between families. Crowding in houses was the rule. In 1931, according to Viktor Anfimov, who was an engineer in the construction site and later wrote his memoirs, no less than 400 families lived in 8 prefabricated houses with 12 apartments each in the Molotov street [Ageev, Bril']! In sheds the situation was even worst: inhabitants had to cram into dormitories, without intimacy, families used curtains to get their own space. Toilet was outside [Kotkin, The Search for the socialist City; Ageev, Bril']. Some workers preferred to live in *zemlyanki* or in Sverdlovsk. At the end of 1932, there were 4 m² per person in sheds, and 4,7 m² per person in permanent houses of the socialist city [Unpelev], far less than the norm of 8 m² per person which was fixed in the 1928 Gipromez's project.

Not only a house was hard to find, but the critical lack of living space led the administration of UZTM and local heads of Party to take strict measures of control over workers' housing. A complex sharing system of apartments, rooms or beds in hostels and sheds was set up, producing a strong hierarchy between workers. Actually, a spatial hierarchy was sketched since the beginning of the *sotsgorod* project, in the Gipromez's blueprints of 1928. The city was shared into three zones: the very centre, near to plants administration buildings, was the "stone buildings zone"; an intermediate zone was designed for the "wooden buildings"; the third and last zone, called "outskirts zone", covered the rest of the site, with unspecified types of *buildings* [Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya, p. 119]. It is however clear that here were located part of the prefabricated houses, and the totality of sheds and *zemlianki*, which constituted altogether what was called the "workers' settlement" (*rabochij posyolok*) which housed the under-qualified builders (*chernorabochie*) during the construction. The first and twice zones were kept for engineers and qualified workers. This "class politics" [Ageev, Bril', p. 67] concerning the access to housing was expressly heartened. In a Party regional cell meeting dated from December 8, 1932, participants decided to evict unqualified workers from brick and wooden houses of the centre and rehouse them in prefabricated buildings or sheds. A special control commission was established to manage this issue [ГАСО, f. R262, op. 2, d. 297]. To get access to the very *sotsgorod* housing thus remained a privilege.

Apart from hierarchized sharing of housing, the Party cells and the plant's administration didn't allow some people to live in *sotsgorod* or even in the "workers' settlement". Measures of eviction were taken against various categories of population: in January, 1933, the Party cell in charge of housing question in UZTM urged houses managers to evict from apartments all "foreign elements and unlinked to the factory" [ЦДООСО, f. 1020, op. 1, d. 131]. This politics also wrestled with offenders or "shirkers" who badly worked in the construction site. An article of *ZUB* from February 1933, denounced a worker named Prokopov as a shirker, pointed out the fact that he spent a whole day drinking instead of working. For this reason, Prokopov should be fired and evicted from his apartment [Za Ural'skij blyuming, 1933. February 2]. Eviction out of the *sotsgorod* of Uralsmash reveals how housing was used as a political tool: all types of deviancies could be paid by the loss of house. Eviction can thus be regarded as a prophylactic means to keep the model city safe from all moral or ideological contamination.

A new way of life? Living conditions in the sotsgorod houses

"New relations have been forged between people – a socialist city has been built, followed by a new, socialist way of life," M. Kogan wrote in 1934 [Kogan, p. 8]. To found a new, socialist civilization was indeed at the heart of the *sotsgorod* project, and a constant concern of the Party. The housing conditions were a key issue of ideological intervention, as the reform of "*byt*" required to enter the people's privacy. Party members had to lead a political work into sheds and houses, and "mass education" took place in articles of local newspapers. An article of *ZUB* dated from February 9, 1933 gave the model of the perfect worker to be followed: it pictured the comrade Nikonov, an "exemplary worker" who always cleaned up his room, which was the best arranged of his shed. The article added that he often went to cinema and circus [Za Ural'skij blyuming]. He epitomized the new Soviet man to be promoted, a hard-working, cultured and of course communist worker [Kotkin, The Search for the socialist City].

However, this promoted picture didn't match with the everyday reality. The people who lived in Uralsmash were often regarded as backward, for lots of them were peasants enlisted to build the plant. During his journey at Uralsmash, Prishvin noticed that people who lived in *zemlyan-ki* were peasants, seasonal workers in the construction site who tried to run away collectivisation [Prishvin, p. 326]. Peasants behaviours were blamed for representing the exact opposite of the new, urban and "civilized" society the regime wanted to find. On March 9, 1933, *ZUB* devoted an article to some "backward" inhabitants. Among them was Myagkih,

a female manager of a canteen whose apartment was depicted as a “country pigsty”, since she there cut wood and never cleaned her domestic space. Another article laid out the instance of Sajlov, Sadovoj and Chistyakov, who didn’t wash and slept in their dirty clothes [Za Ural’skij blyuming, 1933, March 2]. In both cases, the lack of “mass education” was pointed out as the cause of these troubles, which proves that everyday behaviours were seen as ideological issues.

Of course, this alleged backwardness was closely linked to concrete housing conditions: inhabitants often had no choice but to behave in a “uncultured” way. The newspaper *Komsomol’skaya Pravda* devoted special issues to UZTM in the spring of 1933, entitled “40 days in Ural” [ГА РФ, ф. 5546, оп. 14, д. 136а]. A section called “workers’ letters” reported complaints of inhabitants due to outrageous housing conditions. On March 17, 1933, a mechanic called Lizyaev wrote that he couldn’t wash because there was neither water, nor heating in his apartment. The same day, another article told the story of Pavlyushnev, who lived with his wife and their two children in a 10 m² unfurnished room. Promiscuity in overcrowded houses moreover produced neighbourhood disputes. In *ZUB*, inhabitants of the shed No. 32 wrote an article to cancel Suraev, who “became debauched”, beat his children and threatened his neighbours to get their ration coupons. They consequently asked for his eviction out of the shed [Za Ural’skij blyuming, 1933, March 21]. Such conflicts were very current in overcrowded sheds, where often existed “comrades’ courts” in order to settle these everyday problems [Kotkin, *The Search for the socialist City*]. All these instances eventually bring into light how difficult to get was the new Soviet man project that *sots-gorod* was supposed to bring, despite the new, promoted urban culture.

The socialist city project was an endeavour to bring utopia into everyday life [Crowley], or, to use Kotkin’s words, a “search for socialism”, which remained to be concretely implemented after the 1917 revolution [Kotkin, *The Search for the socialist City*, p. 232]. But as seen with the case of UZTM, projects and blueprints had to challenge with the unpredictable politics of the first five-year plan, and the socialist city was left in a deep state of crisis. The study of housing conditions shows nevertheless that an original social and political model emerged from chaos, by rationing and controlling living spaces, even if forced communal housing didn’t lead to the scheduled socialist civilization.

Bocharnikova Daria and Harris, Steven E. Second World Urbanity: Infrastructure of Utopia and Really Existing Socialism // *Journal of Urban History*. Vol. 44. No. 1. 2018. P. 3–8.

Crawford Christina E. From Tractors to Territory: Socialist Urbanization through Standardization // *Journal of Urban History*. Vol. 44. No. 1. 2017. P. 54–77.

Crowley David and Reid, Susan E. Socialist spaces: sites of everyday life in the Eastern Bloc, Oxford; New York, Berg, 2002.

Ilchenko Mikhail. Opyt Uralmasha v arhitekture sovetskogo avanganda: gradostroitel'nyj eksperiment 1920–1930-gg. [Experience of Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: Town-planning Experiment of 1920–1930th] // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3. 2016. P. 55–71.

Kiaer Christina and Naiman, Eric. Everyday life in early Soviet Russia: taking the Revolution inside. Bloomington, Indiana University Press, 2006.

Kogan M (ed.). Lyudi na Uralmashe [People at Uralmash]. Sverdlovsk, 1934.

Kotkin Stephen. The Search for the socialist City // *Russian History*. No. 1–4. 1996. P. 231–261.

Kotkin Stephen. Magnetic Mountain. Stalinism as a civilization, Berkeley, University of California Press. 1995.

Ot Uralmashstroya k Uralmashzavodu (Materialy dlya dokladchikov), Sverdlovsk, 1933.

Prishvin Mihail M., Dnevniki, 1930–1931 [Diaries, 1930–1931]. Moskva, 1991.

Unpelev Georgij A. Rozhdenie Uralmasha (1928–1933 gg.) [The Uralmash Birth (1928–1933)]. Moskva, 1960.

Ural'sky mashinostroitel'nyj zavod v Sverdlovsk (proekt) [The Ural Heavy Machine Building Plant in Sverdlovsk]. Leningrad, 1928.

Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya: 1928–1933 [The Ural Heavy Machine Building Plant], Sverdlovsk, 1933.

Zakharova Larissa. Le quotidien du communisme: pratiques et objets // *Annales. Histoire, Sciences sociales*. 2013/2. P. 305–314.

Za Ural'skij blyuming: organ partkoma, zavkoma i zavodoupravleniya UZTM im. S. Ordzhonikidze [For a Uralian rolling mill: organ of the Party committee, the plant committee and the plant management of the Ural Heavy Machine Building Plant in the name of S. Ordzhonikidze]. Sverdlovsk, 1933.

Раздел 7

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» И «ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО»: УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 94(47).084.3/084.6

О. С. Поршнева

СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭТАПЫ, ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ¹

В статье на основании обобщения данных источников и литературы характеризуются основные этапы и тенденции трансформации сознания и поведения людей в раннесоветскую эпоху. Показаны предпосылки, факторы, результаты данного процесса, имеющего собственную природу и логику. Обозначены достижения и пределы большевистского проектирования в сфере создания «нового человека».

Ключевые слова: раннесоветское общество, большевистское проектирование, «новый человек», сознание, поведение.

На рубеже XIX–XX вв. в России сложились глубокие предпосылки преобразований и реальные сдвиги в сознании и поведении людей, обусловленные процессами модернизации и вызванными ими социокультурными трансформациями. Противоречия модернизации, породившие революционный кризис нач. XX в., вызвали к жизни поиски новых моделей развития общества и человека, предпринимавшиеся оппозиционными интеллектуальными группами. Одновременно в массовом сознании назревали кризисные процессы, находили проявление разочарование и недовольство, ожидание кардинальных перемен, особенно широко обозначившиеся на завершающем этапе

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

участия России в Первой мировой войне, накануне Революции 1917 г. Подобные настроения, ставшие доминирующими в 1917 г., характеризовались «желанием перемен, стремлением уйти от старой государственности, старой морали, старой социальной иерархии» [Лившин, с. 303]. Мечта о новом, более совершенном человеке зародилась не только под влиянием идеологии прогресса, но и в контексте реальных общественных настроений, порожденных Революцией 1917 г., включением в политику широких масс.

После Октября 1917 г. начался процесс практической реализации большевистской программы создания нового общества, одним из важнейших элементов которой стала переделка сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека. Основой конструирования «нового человека» в раннесоветский период стала большевистская интерпретация марксистской теории прогресса, идей В. И. Ленина и других лидеров правящей партии об условиях и путях формирования «новой породы людей». Применительно к российским условиям Ленин обосновал задачу воспитания «советского человека», разделяющего социалистические/коммунистические ценности (противопоставлявшиеся буржуазным и мелкобуржуазным), активно и сознательно участвующего в государственных делах. «Государство сильно сознательностью масс, – писал он. – Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [Ленин, Заключительное слово, с. 21].

В отличие от большевистского проектирования «нового человека», в котором можно выделить, по мнению исследователей, два этапа [Поршнева, с. 11–12]², реальная трансформация сознания и поведения людей раннесоветского общества прошла три этапа: Революции 1917 г. и Гражданской войны; периода нэпа (начало – конец 1920-х гг.); периода социалистической реконструкции (конец 1920-х – середина 1930-х гг.).

В условиях ожесточенной борьбы большевиков с политическими противниками после Октября 1917 г., в годы Гражданской войны «переделка человеческого материала» осуществлялась не только путем агитации и пропаганды, но и физического уничтожения, исключения из общественной жизни политических и классовых врагов. Целый ряд категорий населения был лишен не только гражданских политических прав, но и социальных [Лебина, Романов, Ярская-Смирнова, с. 26]. С первых месяцев советской власти большевики начали широко использовать принудительный труд в целях перевоспитания классовых врагов, всех чуждых и несознательных элементов, веря в его «преобразующее» влияние [Красильников, с. 1030].

Политика большевиков, действия их противников вызывали разную, зачастую диаметрально противоположную, реакцию населения.

² 1917 – конец 1920-х гг. и конец 1920-х – 1930-е гг.

Причиной этого был рост политического фундаментализма, поляризация общественного сознания в условиях гражданского противостояния. Данная тенденция имела и поведенческие проявления. Часть рабочих, выходцев из крестьян и других слоев населения осознанно боролась в период Гражданской войны за установление и защиту советской власти. Ее поддержка проявлялась и в росте рядов большевистской партии: в течение первых пяти лет после 1917 г. в нее вступили более одного миллиона человек [Figes, p. 813]. Большинство из них были крестьянские сыновья, грамотные молодые люди, покинувшие еще до 1917 г. деревню, чтобы работать в индустрии, служить в армии, постепенно пришедшие к отрицанию «темной» и отсталой старой крестьянской России [Ibid.]. Другая часть населения не принимала большевистские принципы и методы, политику «военного коммунизма», протестовала против их последствий. Разочарование в большевиках под влиянием нужды и бедствий этого периода распространилось и среди рабочих, стало причиной их антибольшевистских настроений и акций, а на Урале – повстанческого антибольшевистского рабочего движения [Чураков; Фельдман, Ижевско-Воткинское рабочее восстание; Вебер].

Борьба и жертвенность социальных групп, вовлеченных в активное вооруженное и политическое противостояние, сочетались в этот период с практиками выживания, приспособления к действительности основной массы населения, характерными для поведения людей в кризисные эпохи. Практики выживания приобретали в годы Гражданской войны политический характер, что ярко иллюстрирует пример «мешочничества» [Давыдов]. Другим примером такого рода может быть уклонение в интересах выживания основной массы рабочих от участия в политике, вступления в большевистскую партию. Так, лидер большевиков Григорий Зиновьев в статье «Почему нельзя остаться беспартийным» в ноябре 1919 г. констатировал: «...Говорится о том, что “партия коммунистов – партия рабочего класса”. Тем не менее, в нее входит только часть рабочих, меньшая часть. *Большая часть рабочего класса “ни с кем”* (курсив мой. – О. П.). Большинство рабочих до сих пор считают себя “беспартийными”» [Уральский рабочий, 1919, 12 ноября, № 84 (436)].

Годы Гражданской войны положили начало формированию в новых исторических условиях конформизма как массового социально-психологического явления и модели политического поведения. Конформизм вырабатывался на основе адаптивных механизмов приспособления к реальности, из-за взаимозависимости политической дискриминации и понижения социального статуса, угрозы голода и репрессий. Он развивался как следствие масштабного насилия, целенаправленных действий большевистской власти по индоктринации сознания людей, их повседневной жизни и быта [Яров, с. 15–22].

Поведение основной массы населения страны – крестьянства – ознаменовалось его стихийной борьбой против антирыночной военно-коммунистической политики большевиков и конфискационной политики всех действовавших в годы Гражданской войны режимов. Наиболее острой формой этой борьбы стали крестьянские восстания. В изменении политической позиции крестьян в годы Гражданской войны решающую роль сыграл страх перед «белой альтернативой», ассоциировавшейся в их сознании с ненавистным миром господ-помещиков, которые могут отобрать землю, данную большевиками [Кругов, с. 112]. Неприятие крестьянством «белых» было важнейшей причиной победы «красных» в Гражданской войне [Figes, p. 813].

Широкое применение насилия в годы Гражданской войны оставило неизгладимый след в сознании народа, породило страх перед чрезвычайщиной, ожидание ее возможного повторения. Оно вызвало у части населения осознанную реакцию отторжения, отставания личных и имущественных прав и свобод, что было одним из проявлений правового, рационалистического сознания [Лившин, с. 209–228]. В то же время немалой частью большевиков насилие было воспринято как подлинно коммунистический метод преобразований.

В годы Гражданской войны сложился стереотип поведения и ментально-психологический облик коммунистов, для которого были характерны невысокая оценка значимости человеческой жизни, общий дух постоянной мобилизационной готовности, непримиримость к классовым врагам, категоричность, решительность и дисциплинированность в сочетании с невысоким образовательным уровнем [Тяжельникова, с. 303].

После введения нэпа произошло не ослабление, а усиление мобилизационного воздействия власти на сознание и поведение людей. Это было связано с опасениями капиталистической реставрации, переносом центра тяжести на «культурную работу» [Ленин, О кооперации]. Ленинские установки задавали императив «коммунистического воспитания» масс, а по сути – «переформатирования» человека, его сознания и поведения.

Идеи нового человека нашли отклик прежде всего среди молодого поколения благодаря литературе, газетам, плакатам, поэзии, песням. Семена этих идей упали на плодородную почву, ибо были созвучны духу времени и жизненным ощущениям нового поколения [Кур-Королев, с. 374–375]. Значительная часть молодежи связывала свои надежды с советской властью, мечтала о «светлом будущем», стремилась завоевать признание, действовать по новым правилам и образцам, искренне способствовала укреплению новых идеалов. Весомую роль в таком выборе, сделанном поколением, сформировав-

шимся после 1917 г., сыграло приобщение в процессе получения грамоты и школьного обучения к языку власти, а через него – к новому мировоззрению. Как заметила Н. Козлова, «обучение грамоте было введением в политику. Родная речь, которой они овладевали в школе, была языком власти. Дети и молодежь дышали им, как дышат воздухом» [Козлова, с. 199]. Очевидно, что роль системы образования в социальном проектировании «нового человека», конструировании его идентичности трудно переоценить. По данным переписи 1926 г., 51,8 % населения страны составляли люди в возрасте до 24 лет. Подавляющее их большинство стояло на позициях поддержки советской власти, что показало, в частности, обследование 120 тыс. советских школьников, проведенное в год 10-летия Октября [Бордюгов, с. 25].

Однако молодежь не была единой в своем облике и отношении к большевистской власти [Мазур, с. 1011–1012; Козлова, с. 229]. Вряд ли можно говорить, что просоветские настроения разделяли те 7,7 % в городах и 3,3 % в деревнях жителей старше 18 лет, которые были лишены избирательных прав как нэпманы и кулаки, служители религиозных культов и бывшие помещики, чиновники, офицеры белых армий, агенты царской полиции и жандармерии [Бордюгов, с. 26]. В то же время часть лишенцев и других, исключенных из числа советских граждан людей, стремилась заслужить доверие режима, проявляя значительные усилия и энтузиазм в социалистическом строительстве [Фицпатрик, с. 94].

Крестьяне, составляя четыре пятых населения страны, до начала чрезвычайных мер в конце 1920-х гг. в целом ни поддерживали большевиков, ни сопротивлялись активно большевистскому режиму. Чтобы объяснить этот феномен, следует учесть фактор «тяготения деревни к государству»: как только новая власть продемонстрировала в годы нэпа чуть-чуть более привлекательное лицо по сравнению с периодом «военного коммунизма», провозгласила намерение обеспечить закон и порядок, крестьяне признали ее легитимность [Лившин, с. 60].

Служащие в основной своей массе проявляли внешнюю аполитичность, трактуемую органами надзора как «обывательская позиция», либо выражали враждебность по отношению к большевистской власти. В сводках ОГПУ социально-политическая позиция служащих напрямую увязывалась с их материальным положением. Так, характеристики типа: «все настроение служащего зиждется на понижении или повышении его ставки» – звучали в отношении этой категории применительно к разным периодам 1920-х гг., разным территориям Уральской области [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 61, л. 21, 43, 129; оп. 3, д. 128, л. 49]. Они свидетельствовали, по сути, о преобладании практик выживания среди этой категории населения и сложившейся

в постреволюционный период привычке ее представителей не высказывать влух свои убеждения.

Политика ограниченного сотрудничества власти с научно-технической интеллигенцией, проводившаяся в 1920-е гг., породила практики конформизма и в этой среде, сочетавшиеся с отставанием ограниченных академических свобод. Слом нэпа неизбежно означал переход от ограниченного сотрудничества власти и научно-технической интеллигенции к политике репрессий по отношению к значительной ее части [Измозик, с. 46].

Несмотря на «принятие» частью населения новой власти и ее дискурса, «нормализацию» жизни в 1920-е гг., по сравнению с периодом военного коммунизма, имели место напряженность в отношениях власти и общества, антикоммунистические, антисоветские, критические настроения в разных слоях населения. Органы контроля за настроениями населения выявляли доминирующие мотивы общественного недовольства. Среди них в 1920-е гг. были представления о перерождении советской власти, переставшей защищать трудящихся и выражать их интересы. Часть рабочих и городской молодежи, поверивших в «идеалы Октября», приходили к убеждению об утверждении новой несправедливости и эксплуатации. Рабочие видели «новых эксплуататоров» в лице администрации предприятий, коммунистов, управленцев, буржуазных специалистов [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 61, л. 162–163; Голос народа, с. 214].

В практиках социального поведения рабочих и крестьян в 1920-е гг. встречались разнообразные формы сопротивления партийно-государственному диктату и борьбы за свои права. Это были выступления во время выборов в Советы, на беспартийных конференциях, заводских собраниях, движение крестьян за создание Крестьянского союза, письма и обращения во власть и т. п. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 26, л. 9–10; Velikanova, p. 158].

Важнейшим, переломным этапом на пути трансформации сознания и поведения людей в раннесоветский период стала «революция сверху» 1928–1932 гг., эпоха первой пятилетки, форсированной индустриализации и коллективизации, когда происходил слом нэпа и переход к качественно иной, командно-административной, форсированной модели развития.

Несомненным выводом исследований, подтверждаемым источниками, является тезис о разнообразии моделей восприятия перемен и разнохарактерности реакций на них отдельных слоев и групп, индивидов, а также о многослойности и противоречивости общественных настроений. Даже в одном человеке той эпохи вполне могли сочетаться традиционалистские и модернизаторские, либеральные

и авторитарные, большевистские и антибольшевистские представления [Лившин, с. 306]. Так, в период «великого перелома» недовольство насильственными и антирыночными методами хлебозаготовок, коллективизации и индустриализации проявлялось в разных формах, от «писем во власть» до вооруженных выступлений.

Критические настроения в разных слоях общества зафиксированы не только в сводках органов политического контроля, но и в источниках личного происхождения. Большая часть ранее засекреченных писем, адресованных в газеты, относящихся к 1930–1931 гг. – это «сплошной вопль о лишениях, нарастании дефицитов, об отвратительном питании в рабочих столовых, о безобразиях, творившихся в очередях, о припрятывании товаров, о несоблюдении норм рабочего снабжения, неотovarивании карточек, обесценивании бумажных денег, исчезновении мелкой монеты» [Голос народа, с. 316].

Однако, помимо критических и протестных, проявлялись и иные реакции на форсированные преобразования: их активная поддержка со стороны левацко-коммунистических и разочаровавшихся в нэпе слоев и групп, а также стремление выжить в любых условиях. В «письмах во власть» в годы коллективизации достаточно распространенным мотивом стало требование не смягчить, а ужесточить политику, применять еще более массовое насилие по отношению к кулакам и всем иным «антисоветским элементам» [Лившин, с. 298, 300].

В условиях перехода к чрезвычайным методам форсированного развития были востребованы и стали играть определяющую роль практики поведения, усвоенные коммунистами в период гражданской войны. Коммунисты, вступившие в партию в этот период, представляли главным образом рядовую партийную массу, а также, к середине 1930-х гг., – районный, городской и губернский актив [Тяжельникова, с. 303]. Не последнее значение в феномене массовых репрессий конца 1920–1930-х гг. имели особенности жизненного опыта и поведения, характерные для этого поколения коммунистов, – «военный синдром», проявлявшийся во взглядах, психологии, поведении. Именно коммунисты поколения гражданской войны стали и «палачами», и «жертвами» предвоенных репрессий: и те, и другие с легкостью допускали саму возможность физического устранения «врагов» [Там же].

К началу 1930-х гг. можно говорить об определенной результативности политики индоктринации, а также об укоренении практик конформизма среди населения. Ярким подтверждением этому является тот факт, что «новояз», специфический «советский язык», применительно к сфере взаимоотношений власти и общества («зажимание критики», «нарушение советской демократии» и т. п.) в рядовых письмах с мест в 1920-е гг. практически не использовался, в то время как

в 1930-е гг. он густо пропитывает речевой поток граждан, в том числе колхозников [Лившин, с. 111].

Пропаганда большевиками ценности культуры как позитивного, надклассового феномена, овладение достижениями которого рассматривалось как путь ликвидации отсталости и формирования «нового человека», привели в 1930-е гг. к существенным сдвигам в поведении разных социальных слоев и групп. Если массам рабочих и крестьян прививались, прежде всего, нормы гигиены, культуры быта, то более урбанизированные и привилегированные слои – партийные и государственные управленцы, выдвиженцы, интеллигенция, часть рабочих, служащих – стремились овладеть ее высокими образцами. Среди них проявлялось стремление к образованию и самообразованию, самосовершенствованию, любовь к чтению, театру и т. д. [Фицпатрик, с. 99–103].

Важным фактором принятия нового мировоззрения и большевистского режима была его ассоциация с прогрессом, с современностью. «Был или не был советский режим легитимен для широких слоев населения, но его модернизирующая (цивилизующая) миссия, по всей очевидности, была, – пишет Ш. Фицпатрик [Там же, с. 269]. Вера советских людей в прогресс, ассоциирующийся с социалистическими преобразованиями, свидетельствовала об успехе социального проектирования и создавала основу для формирования идентичности нового, «советского» человека. В поведении и образе жизни крестьян, рабочих, служащих происходили перемены, связанные с их рационализацией, получением образования, вытеснением религиозных практик, внедрением новых праздников, ритуалов, форм досуга.

Однако, наряду с очевидными успехами социального инжиниринга, его проблемы и пределы можно проиллюстрировать на примере трудностей в воспитании «новых рабочих» и «новых горожан», с которыми власть столкнулась в 1930-е гг. Несмотря на огромные ресурсы и концентрацию власти, элита скоро почувствовала ограничения в реализации социальных трансформаций: новые горожане находили способы сопротивляться официальным попыткам определять их идентичность и поведение. Мигранты принесли в города традиции и крестьянскую культуру пассивного сопротивления, способную снизить эффективность действий властей по осуществлению социального контроля [Hoffmann, p. 11].

Сложно протекал процесс формирования «нового рабочего» и в передовой с официальной точки зрения рабочей среде. В начале 1930-х гг. ударники, которых правящая партия считала своей социальной опорой в рабочем классе, составляли 12 % рабочих промышленности СССР. Однако рабочие-ударники в основной своей массе осознавали формальность своего причисления к ударникам и ограниченность

ударничества, основанного главным образом на применении моральных стимулов к труду [Постников, Фельдман, с. 72]. Доля рабочих, охваченных социалистическим соревнованием, в 1932 г. доходила до 70 %, в то же время отношение рабочих к соревнованию и ударничеству, высказываемое в откровенных разговорах, было критическим, отражало их недовольство интенсификацией труда и уровнем его оплаты [Ильиных, с. 137–138]. Подлинные взгляды, настроения рабочих, черты их социально-культурного облика можно реконструировать по выступлениям стахановцев – другой категории «передовых» рабочих середины – второй половины 1930-х гг. Проблема для власти заключалась в том, что стахановское движение (как и движение ударников в более ранний период) не привело к превращению рабочих в покорную массу, готовую к любым манипуляциям [Фельдман, Стахановское движение, с. 11].

В сфере повседневной жизни и в быту в наибольшей степени проявлялось действие социокультурных традиций, инерционность, способствовавшие «перевариванию» новых форм культуры, их адаптации к традиционным ценностям и практикам. Этому способствовал «великий перелом» 1929–1932 гг., утверждение модели форсированного развития, требовавшей максимальной мобилизации человеческих ресурсов. Ограниченность материальных ресурсов для развития социальной сферы, приоритеты индустриального рывка, напряженность поставленных задач определили потребность в использовании внеэкономических форм стимулирования труда (энтузиазма, чрезвычайщины), традиционных резервов выживания, опоры на традиционные ценности. Механизмы социальной мобилизации стали основными методами обеспечения поддержки режима и решения задач развития в 1930-е гг. Несмотря на то, что они использовались в интересах модернизации, они стали опираться не только на революционные, но и на «реабилитированные» традиционные институты и ценности (семьи, социалистического патриотизма, героизма).

В облике *“homo soveticus”* сочетались пассивность, фатализм, иждивенчество с верой в «светлое будущее», в необходимость социального равенства и справедливости, коллективизма, способность выносить трудности, приспосабливаться и выживать в сложнейших условиях, любовь к родине и вера во всемогущество верховной власти. Политическая и социальная система раннесоветского общества имела неразрывную связь с этими чертами людей того времени, ими были обусловлены возможности ее трансформации.

Вебер М. И. Неизвестное восстание: антибольшевистское выступление рабочих Каслинского завода в июне 1918 года // Вестн. РУДН. 2012. № 3. С. 5-15 (Сер. История России).

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1997.

Давыдов А. Ю. Народ и Советское государство в Гражданской войне: Противостояние в борьбе за хлеб // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX вв. : мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 318–335.

Измозик В. С. Коммунистическая партия и научно-техническая интеллигенция в 1917–1925 гг. // Культура и власть в СССР 1920–1950-е годы : мат-лы IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 39–47.

Ильиных И. В. Отношение рабочих Урала к социалистическому соревнованию в условиях насаждения мобилизационных форм организации труда в 1928–1932 гг. // Вестник РУДН. 2007. № 1. С. 136-141 (Сер. История России).

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

Красильников С. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 4. С. 1027–1046.

Кругов А. И. К вопросу о менталитете российского крестьянства в годы Гражданской войны (на примере Ставропольской губернии // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 111–113.

Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 372–377.

Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2007.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября 1917 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 19–22.

Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1975. Т. 45. С. 369–377.

Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010.

Мазур Л. Н. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (1922–1924) // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 4. С. 1009–1026.

Поршнева О. С. Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 6–18.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1990–1941 гг. М., 2009.

Тяжелыникова В. С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 291–305.

Уральский рабочий. 1919.

Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в России (1917–1930-е гг.). М., 2007.

Фельдман М. А. Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России // Российская история. 2012. № 3. С. 12–20.

Фельдман М. А. Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопр. истории. 2015. № 8. С. 3–19.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

ЦДООСО. Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС (1917–1999)).

Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

Figes Orlando. A People's Tragedy. The Russian Revolution. 1891–1924. N.Y., 1998.

Hoffmann David L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca and London, 1994.

Velikanova O. V. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers. New York, 2013.

УДК 94(47).084.6

Л. И. Бородин

МЕХАНИЗМЫ «ПЕРЕКОВКИ»:
О МЕРАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА
В РАННЕМ ГУЛАГе

Человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл. <...> Приемы, успехи и культурно-политический смысл работы ГПУ должны быть широко известны гражданам Союза советов.

М. Горький [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 609, 610].

В статье рассматривается вопрос о «перековке» заключенных ГУЛАГа на начальной фазе процесса формирования системы организации принудительного труда миллионов людей в годы первых пятилеток в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение первого десятилетия своего существования лагерная система «трудового воспитания», «перековки», могла ли она обойтись без введения стимулов (моральных и материальных), повышающих производительность труда заключенных? Насколько эффективными были эти стимулы, решалась ли в лагерной системе задача формирования «энтузиастов государственно-необходимого труда» (М. Горький)? На эти вопросы автор пытается ответить в данной работе.

Ключевые слова: «перековка», «трудовое воспитание», принудительный труд, ГУЛАГ, стимулирование принудительного труда, Беломорско-Балтийский канал.

Вступительная статья М. Горького в коллективной книге 36-ти советских писателей о строительстве Беломорско-Балтийского канала заключенными ГУЛАГа (издана в 1934 г.) характеризует это строительство как «отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда» [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 12]. Тема *государственно-необходимого* (т. е. принудительного) труда в ГУЛАГе в сочетании с «перековкой», конструированием в лагерной системе «нового человека», отдающего все силы на «великих стройках коммунизма», может изучаться сегодня на базе

архивных материалов Государственного архива РФ (ГА РФ) и ряда региональных архивов. В первой части статьи мы рассмотрим на примере Белбалтлага (одного из первых лагерей ГУЛАГа), как формировалась концепция создания «нового человека» социалистического общества из заключенных, прошедших «перековку». Во второй части обратимся к реализации этой концепции в лагерях в годы первых пятилеток.

Термин «перековка» возник именно во время строительства Беломорско-Балтийского канала (1931–1933 гг.). Поездка по каналу на пароходе 36-ти писателей завершилась выходом книги, в которой авторы раскрыли содержание процесса перековки заключенных (заметим, что в 1937 г. ввиду ареста ряда авторов практически весь тираж – более 100 тыс. экземпляров – был изъят из обращения и уничтожен). По выходу книги в свет она получила большой резонанс в советских газетах.

«Перековка» – именно так называлась газета, выпускавшаяся в Белбалтлаге и содержавшая много заметок заключенных-соброров; материалы «Перековки» активно использовались писателями-авторами. В аннотации к книге указано, что она содержит яркие примеры исправительно-трудовой политики советской власти, «перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма».

В первой главе книги М. Горький оценивает принятую ГПУ исправительно-трудовую политику, сведенную в Белбалтлаге «в систему воспитания проповедью единой, для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом», как блестяще оправдавшую себя систему «перековки» людей, впервые примененную «так смело, в таком широком объеме». В этой связи Горький пишет о сотнях «социальнобольных и “опасных”», которые записывались в бригады ударников, становились «каналоармейцами, лично и сознательно заинтересованными в успехе дела».

Авторы второй главы книги так же уверены в достижимости целей перековки, они пишут о том, что истреблять следует «только самых упорных и несгибаемых врагов», а уличенных в сопротивлении «людей старого мира мы стараемся переделывать». В главе 4 авторы описывают конкретные трудовые ситуации на строительстве канала, «с воспитателями для уголовных; с ударными бригадами нацменов... с котлованами, где работают день и ночь... с агитбригадами; ночными штурмами и чекистами, объясняющими, воспитывающими и появляющимися во всех концах трассы».

В главе 8 подчеркивается та роль, которая отводится в конструировании «нового человека» дисциплине: «Морально и политически развинченных людей надо было, прежде всего, ввести в четкое русло труда, дисциплины, ответственности, – без этого нет перековки». В главе 9 акцент сделан на другом элементе перековки – учете

и контроле, системе постоянного контроля, «необходимейшем звене всей стройки, ее глазах, ее ушах». Авторы пишут, что новая система выработала и новых людей: «Это уже не были геморроидальные пересоны с грессбухом и счетами подмышкой. Это были бухгалтеры-производственники, счетоводы-ревизоры», которые на основе своих цифр разыскивали «болячки стройки», вскрывали самые запутанные причины неудач, воплощая лозунг о проверке рублем. Авторы называют их «математиками воспитательной работы» – ведь именно через них проходили все данные «о лучших рабочих и о лодырях», они являлись «барометром перековки», потому что именно труд, который они учитывали, был «показателем перевоспитания людей».

В заключительной главе книги Горький пишет, что «человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл». И материал книги, как отмечает Горький, показывает, как «лечили и вылечили социальнобоьных; как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его» [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 609].

Книга включает 15 глав, написанных разными авторскими составами, но общим для всех глав является пафосный стиль, восхищение результатами «перековки» десятков тысяч «каналоармейцев» и эффективностью их энтузиастского труда.

Однако реалии принудительного труда в раннем ГУЛАГе были далеки от картины, созданной авторами книги «Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства». Объем данной статьи позволяет охарактеризовать эти реалии в очень кратком формате.

* * *

С начала 1930-х гг. сфера труда в советской экономике начинает испытывать кардинальные изменения, характеризующиеся сочетанием методов материального стимулирования, морально-политической мотивации, принуждения и насилия. В работах ряда историков, опубликованных в последние два десятилетия, обосновывается тезис о том, что масштабное применение «обычного» принуждения и насилия в различных отраслях советской экономики 1930-х гг. было недостаточным и не позволяло решать многие задачи форсированной индустриализации, что привело к созданию целого сектора «лагерной экономики». ГУЛАГ обязан был решать и задачу экономии средств на содержание заключенных – лагерная система существовала в условиях самокупаемости.

Уже в 30-х гг. ядром экономики ГУЛАГа стали крупные стройки, горнодобывающие комплексы и лесная промышленность, требовав-

шие массового применения неквалифицированного физического труда в экстремальных (нередко) климатических условиях.

Тема *государственно-необходимого* (т. е. принудительного) труда в ГУЛАГе изучается сегодня с использованием различных источников, но наиболее информативными являются архивные материалы, которые позволяют охарактеризовать эволюцию изменявшейся на протяжении 1930–1950-х гг. системы регулирования принудительного труда в ГУЛАГе. В данной работе в основном используются архивные материалы Государственного архива РФ (ГА РФ). В центре нашего внимания – вопрос о начальной фазе процесса формирования системы организации труда миллионов заключенных в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение первого десятилетия лагерная система «трудового воспитания», могла ли она обойтись без введения стимулов, повышающих производительность труда заключенных? Эти вопросы остаются до сих пор малоисследованными.

7 апреля 1930 г., практически одновременно с созданием Управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (с октября 1930 г. – ГУЛАГ) вышло Постановление СНК СССР «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях» [ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 54, л. 52–66], в котором, в частности, просматривалось понимание того, что на одном принуждении далеко не уедешь. Так, в ст. 23 говорилось, что к заключенным, которые «проявят усердным отношением к труду и хорошим поведением признаки исправления», применяются следующие меры поощрения: выдача премиального вознаграждения; улучшение жилищных и бытовых условий (предоставление личного свидания, свободных прогулок, права получения и отправления корреспонденции вне нормы и очереди и т. д.). При этом, однако, ст. 24 оговаривала, что премироваться могут только те заключенные, которые не были осуждены за «контрреволюционные преступления». Премирование могло заключаться (ст. 25) и в выдаче усиленного продовольственного пайка, в представлении заключенного аттестационной комиссией к досрочному освобождению с поселением или без поселения.

Актуальность стимулирования труда заключенных определялась не только необходимостью повысить его производительность, но и проблемами финансирования лагерей. Так, в письме зам. председателя ОГПУ Ягоды председателю Совнаркома Молотову от 28 февраля 1933 г. о задолженности наркоматов, использующих лагерную рабочую силу, отмечается, что «все лагеря ОГПУ находятся на полной самокупаемости и все расходы производят из собственных средств». Подчеркивая, что финансовое положение лагерей в 1933 г. будет чрез-

вычайно напряженным, так как «лагеря ОГПУ должны освоить новое пополнение заключенных в 200 000 человек», Ягода просит удерживать задолженность наркоматов лагерям из ассигнований по госбюджету [ГА РФ, ф. Р-5446. оп. 14а, д. 460, л. 8].

Архивы ГУЛАГа содержат свидетельства использования методов материального стимулирования труда заключенных уже в самом начале 1930-х гг. Так, приказ по Главному Управлению Лагерями ОГПУ от 25 сентября 1931 г., подписанный начальником ГУЛАГа Коганом, гласил [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2, л. 31 об.]:

«Учитывая ударность работ по линии Кунгур-Свердловск проводимой Управлением Кунгурских Лагерея и необходимость закончить таковые к 15 ноября, приказываю:

- 1) увеличить выплату премиальных ударникам из з/к на 100 %
- 2) усилить ассортимент ларьков представляя возможности 100 % реализации премиальных
- 3) выделить премиальный фонд в размере 10 000 р.
- 4) предоставить по окончании работ 10-дневный отдых всем заключенным работавшим на ударной работе»

С первых лет существования ГУЛАГа в целях повышения производительности труда заключенных практиковались как привычные стимулы, апробированные в промышленности СССР, так и специфические стимулы лагерной системы. Так, еще в 1932 г. для «особо отличившихся ударников из заключенных – строителей Беломорско-Балтийского Водного пути» был введен специальный Жетон Строителя Белморстроя [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 3, л. 12]. Награжденный жетоном, в каком бы лагере он в дальнейшем ни содержался, имел право на целый ряд льгот, облегчавших жизнь «в зоне».

Вполне в духе известных методов стимулирования авральных работ в годы первых пятилеток звучит и приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ по Белбалткомбинату от 23 января 1934 г., предоставлявший льготы ударникам сплава Белбалткомбината, чьи усилия позволили избежать аварийной производственной ситуации. В приказе отмечается, что «благодаря напряжению воли и энергии ударников [заключенных], под непосредственным наблюдением и руководством мобилизованного чекистского состава и адмтехперсонала ББК <...> аварийный сплав был в основном закончен». В ознаменование этого достижения, говорится в приказе, объявляется благодарность «все-му чекистскому составу, адмтехперсоналу и наиболее отличившимся на этой грандиозной и трудной работе ударникам [заключенным]». При этом руководству ББК предлагается составить список 500 «наилучших ударников, способствовавших завершению сплава», для

их поощрения. Отдельный пункт приказа содержал распоряжение о выделении 30 000 рублей для премирования отличившихся ударников-заключенных [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 5, л. 53, 54].

Под лозунгами «ударного труда» местная администрация лагерей нередко нарушала установленные инструкциями ГУЛАГа нормы санитарно-бытового состояния лагерей, режима труда заключенных, включая количество рабочих дней и пределы длительности рабочего дня. Так, в приказе начальника ГУЛАГа Бермана от 9 февраля 1933 г. отмечается, что «наиболее нетерпимым является производство работ в выходные дни под видом субботников, ударников (так в документе. – Л. Б.), штурмов и т. п.». Начальника ГУЛАГа эти факты беспокоили в связи с тем, что «такие добавочные дни, изматывая людей, вместе с тем в конечном счете вредны и для производства, понижая производительность труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 7].

Документация ГУЛАГа первой половины 1930-х гг. содержит много сведений о неэффективной организации труда заключенных, слабом воздействии существовавших методов стимулирования. Так, в приказе по ГУЛАГу от 7 июня 1933 г. строгий выговор объявлялся начальнику снабжения Бамлага за невыполнение распоряжений ГУЛАГа о введении дифференцированных проднорм, что привело к «срыву правильного питания» и «смазыванию стимула к поднятию производительности труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 5].

Однако наиболее ощутимым стимулом для заключенных ГУЛАГа в 1930-х гг. были *зачеты* рабочих дней, позволявшие сократить срок заключения при перевыполнении плановых заданий (один рабочий день засчитывался за полтора-два, в зависимости от процента перевыполнения норм). В документации ГУЛАГа 1930-х гг. содержится немало высоких оценок системы зачетов. Вот одно из них, датированное 1933 г. (оно принадлежит начальнику Темлага Тизенбергу): «...зачет рабочих дней надо рассматривать как серьезную политическую задачу, являющуюся важнейшим звеном в системе исправительно-трудовой политики лагерей ОГПУ; как сильнейший импульс для успешной *перековки* лагерника и наконец, как мощное орудие повышения и улучшения производительности труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 87]. Вместе с тем, в этом же документе – приказе № 368 по Темниковскому ИТЛ – отмечается, что зачеты рабочих дней заключенным сопровождаются «безобразнейшим оформлением учетных карт всеми без исключения работниками, имеющими прямое отношение к аттестованию заключенных».

Документация ГУЛАГа содержит свидетельства того, что в 1930-х гг. система зачетов рабочих дней совершенствовалась. Можно предположить, однако, что судьба этого стимула оказалась предре-

шенной после выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР, посвященном вопросу «О досрочном освобождении заключенных» 25 августа 1938 г., в котором был следующий фрагмент:

СТАЛИН И. В. «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? <...> Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. <...> Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? – чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, – добровольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление» [ГА РФ, ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5].

В этом контексте вряд ли можно считать случайным письмо в секретариат Президиума Верховного Совета СССР, посланное по распоряжению зам. наркома внутренних дел Г. В. Филаретова 22 ноября 1938 г., в котором прилагался проект указа («приказа», как сказано в письме) «О дополнительных льготах для заключенных досрочно освобождаемых за ударную работу на строительстве 2-х путей “Карымская–Хабаровск”» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 19, л. 169–172]. В соответствии с этим указом 8 900 заключенных, отличившихся ударной работой на строительстве двух путей «Карымская–Хабаровск», освобождались из лагеря с переводом их на свободное проживание в районе строительства Байкало-Амурской магистрали до конца оставшегося срока наказания. Им выплачивалась зарплата как вольнонаемным рабочим, разрешалось совместное проживание с семьями, изъявившими желание переехать на постоянное жительство в район строительства Байкало-Амурской магистрали (при этом расходы, связанные с переездом, питанием в пути и перевозкой имущества этих семейств относились за счет государства). Сельхозбанк предоставлял переведенным на свободное проживание с семьями кредит на строительство жилых домов сроком на 10 лет, им отводились необходимые земельные участки. Очевидно, целью предоставляемых льгот было закрепление кадров на строительстве приоритетной железной дороги в трудных условиях, причем кадров, зарекомендовавших себя ударной работой на объекте такого же профиля.

Существенно изменил структуру стимулирования труда заключенных указ Президиума Верховного Совета СССР № 34 от 15 июня

1939 г., отменявший условно-досрочные освобождения для осужденных (зачеты), отбывавших наказание в ИТЛ НКВД СССР [ГУЛАГ, с. 116]. В качестве основных стимулов для повышения производительности труда в лагерях теперь фиксировались: «улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения» [ГУЛАГ, с. 116].

Тем же летом, 2 августа 1939 г., приказом по ГУЛАГу № 00889 вводилась в действие «Временная инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» [ГУЛАГ, с. 456–473]. Инструкция, регулировавшая жизнь заключенных ГУЛАГа несколько лет, содержала раздел «Меры взыскания и поощрения» (пункты 104–112 и 113–117 соответственно). Так, в п. 113 говорилось о материальных мерах поощрения, включая выдачу премий. Ряд специальных, дополнительных льгот устанавливался для заключенных, работавших «стахановскими методами труда». Меры взыскания включали и такие жесткие пункты, как перевод на штрафной режим и даже уголовную ответственность за отказ выхода на работу.

Изменения в структуре стимулирования труда заключенных, введенные в 1939 г., не способствовали росту заинтересованности «лагерной рабочей силы» в результатах своего труда. Как следует из архивных материалов, производительность принудительного труда оставляла желать лучшего. В заключении Госбанка по отчету ГУЛАГа за 1939 г. содержится обоснованная оценка эффективности использования основных фондов: выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов на стройках ГУЛАГа было почти в четыре раза хуже, чем на стройках Наркомата по строительству СССР. При этом строительные механизмы использовались в три раза хуже [Хлевнюк, с. 85].

Как отмечал в сентябре 1939 г. зам. наркома внутренних дел СССР Чернышев, результаты хозяйственной деятельности большинства исправительно-трудовых лагерей в 1938 г. и за 8 месяцев 1939 г. «продолжают оставаться неудовлетворительными» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 36, д. 29, л. 30]. Связывая эти результаты с плохой организацией труда заключенных, Чернышев в своем приказе № 345 по ГУЛАГу обращает внимание на то, что администрация лагерей, стремясь выполнить плановые задания, решает эту задачу «механически», заставляя заключенных работать по 14–16 часов, «до выполнения последними заданных норм выработки и, кроме того, организуют работу в выходные дни». Такая практика, отмечает зам. наркома, приводит «к истощению лагерников, к росту заболеваемости и в конечном счете – к невыполнению плановых

норм» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 36, д. 29, л. 30]. И далее: «Нужно так умело организовать труд з/к, чтобы при 8 час. рабочем дне работающий з/к давал обязательно, как минимум 100 % общесоюзных норм и выше» [Там же]. Очевидно, достижение такой цели на основе исключительно принудительных мер было вряд ли реальным. Рассматриваемый документ вводит целый ряд льгот, предоставляемых по представлению десятника заключенным, работающим стахановскими методами, и отличникам производства (включая «вещевое довольствие первой носки» и «благоустроенные бараки, оборудованные кроватями»).

Так вкратце можно описать основные «вехи» непоследовательной тактики руководства ОГПУ–НКВД в целях выработки мер стимулирования труда заключенных ГУЛАГа в годы первых пятилеток.

* * *

Архивы ГУЛАГа содержат мало свидетельств энтузиазма заключенных, воспетого в памятной книге о строительстве Беломорско-Балтийского Канала имени Сталина, перековки «социальнобольных врагов пролетариата». Предпринимавшиеся в 1930-х гг. меры по стимулированию принудительного труда не приносили ожидаемого эффекта.

Уже в первые послевоенные годы как руководство МВД СССР, так и высшее лагерное начальство стали испытывать тревогу в связи с возраставшими трудностями в выполнении плановых производственных заданий. В начале 1950-х гг. были приняты решения, существенно изменившие стимулирование принудительного труда на основе введения системы зарплаты заключенных. Но и эти меры не смогли существенно поднять низкий уровень эффективности лагерного труда и рентабельности лагерной экономики, которая стала сжиматься после 1953 г., закончив свое существование к 1960 г.

Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина (переиздание). М., 1998.

ГА РФ. Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР. 1922–1991); Ф. Р-9414 (Главное управление мест заключения НКВД–МВД СССР); Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР).

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002.

РГАЭ. Ф. 7733 (Министерство финансов СССР).

Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштаб, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 67–89.

«ВСЕМ РЕБЯТАМ ПРИМЕР»: ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена особенностям развития пионерской организации в 1920–1930-е гг. и отношению к ней пионеров, взрослых и советской власти. Автор показывает, что реальность не всегда соответствовала идеальным представлениям, в частности потому, что властные постановления сталкивались с желаниями детей, которые поддавались контролю гораздо меньше, чем воля взрослых. Тем не менее, пионерия сыграла значимую роль в создании нового человека и становлении советской системы. В тексте рассматривается влияние членства в организации на систему ценностей ребенка, степень его включенности в общественно-политическую деятельность и зависимость от пионервожатых и педагогов.

Ключевые слова: пионерия, советская школа, советское детство.

С приходом к власти большевики одной из своих основных целей поставили создание нового общества и новых людей, способных продолжать завоевания революции и сохранять их, приближая наступление коммунизма. Фактом неготовности основной массы населения страны жить и мыслить по-новому В. И. Ленин объяснял необходимость диктатуры пролетариата и жестких политических решений. С целью перевоспитания граждан создавался комиссариат просвещения и реализовывался план монументальной пропаганды. Жителей новой страны должны были окружать памятники новым героям, церковные праздники предстояло вытеснить революционными, а Евангелие и жития святых – газетами, научной литературой и сочинениями Маркса и Энгельса.

Если в имперской России образование «кухарок» подрывало политический строй, то в советской – наоборот. Образование было призвано, *во-первых*, разоблачить церковь, воплощавшую собой старую идеологическую систему, как рассадник антинаучных вредных суеверий; *во-вторых*, создать позитивный образ новой власти и будущей жизни страны, задать определенную идеологическую программу; *в-третьих*, подготовить специалистов, способных работать на новое государство; *в-четвертых*, показать, что можно жить лучше, чем конкретный человек живет сейчас, благодаря системе социальных лифтов. То есть образование носило, по сути,

характер информационного оружия. Однако оно выполняло и свою непосредственную функцию обучения. Кроме того, из-за кадровых проблем в школах идеологические установки на практике далеко не всегда доходили до детей. Нужны были более действенные способы воздействия на их сознание.

Одним из таких способов стало создание детской политической организации – пионерского движения. Оно существовало независимо от системы образования, хотя форпосты пионерских отрядов нередко базировались в школах, а сами отряды и звенья повторяли организацию детей по учебным заведениям и группам. Пионерия включала в себя детей в возрасте от 9 до 14 лет и готовила их к вступлению в комсомольскую организацию, которая поставляла кадры непосредственно в коммунистическую партию. Предварительным этапом к вступлению в пионеротряд служила октябрятская организация, объединявшая детей с детского сада. Таким образом, была сформирована трехступенчатая система подготовки партийцев и воспитания советских граждан в целом. Октябрятя в силу возраста получали меньшую порцию политической информации. Комсомольцы по той же причине должны были достаточно осознанно относиться к политической и идеологической стороне жизни. Пионеры же представляют собой часть цепочки, наиболее подверженную воздействию, поскольку именно в их возрасте происходило формирование базовых ценностных установок, и у них, наряду с пластичностью сознания, присутствовало проявление индивидуальной воли, осознание отделенности себя как личности от родителей и педагогов. Надежда коммунистам, помощь комсомольцам, пример октябряткам – пионеры были значимой частью проекта по созданию нового человека.

Важен тот факт, что в отряд могли вступить не все дети соответствующего возраста, особенно в начальный период существования движения, хотя многие дети из «чуждых» слоев стремились стать пионерами и комсомольцами: «прием производится с большой осторожностью, втягивается молодежь по происхождению рабочая и крестьянская и лучшая часть служащей... пять человек было отклонено, так как имели неподходящую к союзу идеологию» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 43, л. 3]. Это создавало некую элитарность в детской среде, особенно с учетом того, что пионеры, ведущие активную общественно-политическую жизнь, ударники учебы и дети ударников производства имели возможность отдыхать в оздоровительных лагерях. Так, постановлением Президиума Курганского райисполкома от 15 апреля 1935 г. об организации пионерских лагерей было предписано «обязать руководителей хозяйств

и профсоюзных организаций приобрести путевки для детей лучших ударников производства... отправлять только по рекомендации пионер-отрядов школ... В первую очередь посылать детей рабочих и пионеров, пострадавших от контрреволюции, остальных – во вторую очередь» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 193, л. 32].

Как видим, избирательный подход налицо. Учитывая общую удручающую обстановку, пионерский лагерь был своего рода раем для ребят: там, как минимум, хорошо кормили. Правда, деньги на лагерь выделяло не государство, как принято считать сегодня, а собирали сами родители и организации, в которых они работали: «500 человек на 2 смены по 250 человек. Расходы: профсоюзы – 16 999, школы через комсодии – 2 000, родители – 7 000, ЖД – 21 000, хоз органы – 44 235» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 193, л. 32]. Дети, конечно, об этом задумывались мало. Кроме того, у особо отличившихся пионеров была возможность попасть в элитный «Артек» на побережье Черного моря: «Считать необходимым послать товарищей Беляеву Марию – дочь рабочего-смазчика железной дороги, пионерка с 1924 года, и Кубашевского Иосифа – сын рабочего-кочегара железной дороги, пионер с 1927 года» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 796, л. 83].

Важно, что изначально советская власть рассматривала проекты национализации всех детей страны – А. Коллонтай всерьез предлагала изъять их из семей и поместить в детские дома, чтобы под контролем государства создать из них идеальных граждан. Конечно, этот утопичный проект реализовывать не стали, но вот охватить всех несовершеннолетних школами, детскими садами и яслями действительно стремились. В октябрята посвящали всех детсадовцев, а чтобы стать пионером или не быть исключенным из отряда, нужно было соответствовать определенным критериям. То есть, пионерия – это, по сути, все тот же проект по созданию нового идеального человека, только суженный до пределов членов организации – разумный выход из ситуации, когда перевоспитать всех детей оказалось невозможным.

Пионерия предоставляла детям пространство волеизъявления и самостоятельного существования – в определенных границах, строго прописанных в Уставе и клятве, которую давали ребята, повязывая красный галстук. Это пространство было абсолютно надежным, так как его выделила и сакрализовала власть. Она гарантировала участникам проекта карьерный рост, защищала от посягательств со стороны родителей, педагогов и других взрослых, не до конца уловивших направление общественного развития. На пионеров возлагалась особая миссия: «под общим руководством Третьего интернационала... вовлечь детей в общественно-полити-

ческую жизнь, воспитать из них стойких бойцов-коммунаров...» [Гессен, с. 160] – то есть «посвященные» должны влиять на всех остальных детей и исправлять их к лучшему. И не только детей, но и взрослых, и самих себя: «проводя большую работу среди окружающих... пионеры должны, не переставая, пополнять свои знания» [Там же, с. 146], «должны поставить себя так, чтобы передовое учительство видело в них своих ближайших помощников» [Там же, с. 143].

Однако политические проекты и реальная человеческая жизнь разительно различались между собой. *Во-первых*, потому что непосредственное воспитательное воздействие на детей оказывали взрослые, получившие воспитание и образование преимущественно в имперской России, которые не всегда хотели и могли верно истолковать установки властей по отношению к детям. *Во-вторых*, в силу нехватки денег и слабой материальной базы для реализации воспитательно-образовательных инициатив. *В-третьих*, потому что сами дети, как личности и члены семей с определенными традициями и ценностными установками, далеко не полностью поддавались переделке со стороны пионервожатых, комсомольцев и учителей.

В XX в. в силу развития технологий власть получила способ непосредственного воздействия на детскую психику в обход взрослых – через детскую литературу, средства массовой информации, игры и фильмы. Появился заказ на пионерскую беллетристику и детское кино, на законодательном уровне разрешались или запрещались определенные виды детских игрушек. Однако и в этом власть не была полностью самостоятельна: она зависела от детей. В отличие от взрослых, дети не принимали то, что им не нравится только потому, что так требует система (имеются в виду игры, книги, фильмы). А если и принимали, то не воспринимали, и воспитательный эффект не возникал. Кроме того, в 1920-е гг. пионерия, представляющая власть, имела достаточно сильных конкурентов в лице скаутов, юков¹, а также членов детских и юношеских организаций других политических толков – эсеровского, анархистского, меньшевистского [Рыбаков].

В связи с этим кажутся точными замечания Л. В. Алиевой, что пионерство – реальность, выросшая из объективной действительности начала века, а не сугубо создание коммунистической партии и комсомола [Алиева] и В. А. Кудинова о субъективной потребности подростков и молодежи в объединении для участия в общественной жизни [Кудинов]. Пионерия победила конкурен-

¹ ЮКИ – организация молодых скаутов-коммунистов, возникшая в 1918 г. по инициативе А. В. Луначарского (*прим. ред.*).

тов не только благодаря политическому давлению, но и потому, что смогла удовлетворить детскую потребность быть причастным к чему-то важному и большому. Об этом вспоминает один из жителей Курганской области Филимонов: «Когда стал пионером, чувствовал себя строителем государства – вроде как теперь мы должны помогать старшим. Разъяснять, что наступает другое время» [Воспоминания. Филимонов В. А.].

При этом по-настоящему политической нагруженности пионерское движение для детей не имело: «В школе говорили про Ленина, Сталина, но мы не особо обращали на это внимание. Кто постарше – те конечно. А мы до 6 класса нет. У нас еще не было таких серьезных взглядов» [Воспоминания. Комарский И. А.]. То есть, по сути, для детей это была игра во взрослых, привыкание к ответственности. Для привлечения детей, с трудом понимавших в раннем пионерском возрасте политические установки движения, большое внимание уделялось внешним атрибутам детской пионерии – флагу, красному знамени, значкам, портрету Ленина в детском возрасте, барабанному бою, строевым упражнениям. Как пишет исследовательница советского детства Ю. Салова, «сами дети принимали многие формы воспитания... за новую игру, которая не выглядела идейным насилием над личностью, особенно для учащихся начальной школы» [Салова]. Это была игра во взрослую жизнь, как игра в «больницу», «магазин» или «дочки-матери», только включенная в реальность и приносившая действительную пользу обществу.

Но за кажущейся простотой детского отношения к пионерии скрывался значительный результат. Вместе с красным галстуком входили в привычку, становились частью жизни имена вождей и политиков, пусть часто неидентифицируемые со своими реальными прототипами; революционные атрибуты, разговоры о коммунизме, четкая организация коллективной отрядной деятельности, пионерские суды, стенгазеты, соцсоревнования. Привыкая, ребенок переносил усвоенные незаметным образом ценности во взрослую жизнь. Поэтому было важно привлекать в отряды и «чуждых» детей, пользуясь возможностью их перевоспитания. В одном из отчетов о Кургане пишут: «На 15 апреля 1930 в пионер-отряде состоит 53 человека, мальчиков 19, девочек 33, от 10 до 16 лет, детей рабочих 34, служащих – 13 и прочих 5» [ГАОПДКО, ф. 13, оп. 1, д. 37, л. 75] – то есть, пролетариев большинство, но далеко не абсолютное, и, кроме служащих, присутствовали «прочие». Поскольку, по определению В. Гессена, «пионеры в школе – ядро, которое обеспечивает коммунистическое влияние» [Гессен, с. 141], вступившие в отряд должны были хотя бы внешне проявлять уважение к партии и любовь к власти.

По данным Ш. Фицпатрик, к концу 1925 г. пионерами были 15 % учеников школ первой ступени и 23 % – второй ступени [См.: Рожков, с. 83]. По отдаленным регионам пионерское движение распространялось в замедленном темпе: в Курганском округе к 1926 г. в пионерорганизации числились 4,25 % детей [ГАОПДКО, ф. 13, оп. 1, д. 714, л. 2].

В реальной жизни самые убежденные пионеры и комсомольцы чаще всего выступали активистами в учебной и общественной жизни [ГАКО, ф. Р-800, оп. 1, д. 4, л. 129об.], сражались с собственной неграмотностью и неграмотностью взрослых, а некоторые – с пережитками дореволюционных порядков, как и рассчитывала власть. Организовывая шефство над членами какой-либо организации или кругом лиц, менее грамотных и «современных», чем сами пионеры, последние могли выполнять и требуемую от них работу с «неорганизованным элементом» – то есть, не вовлеченным в коммунистическое движение – как детьми, так и взрослыми [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 43, л. 3]. Большую роль пионеры играли в культурно-массовой работе, особенно на селе.

От детей требовали, особенно в 1920-е гг. политической активности, революционных настроений, борьбы с «контрой» в школе, на улице и в семье. Среди детей встречались настоящие борцы за новый быт: в прессе даже публиковали жалобы родителей: «Я ей про мученицу Катерину, а она мне про Клару Цеткин!» [Красный Курган, 1924, № 54]. У многих родители или бабушки с дедушками верили в Бога, имели в доме иконы и приучали детей к молитве. В результате дети жили двойной жизнью – религиозной дома и атеистической в школе и отряде.

Как отмечает Рожков, по советской статистике конца 1920-х гг. 30 % школьников посещали храмы; 36 % исполняли обряды (в основном добровольно), в том числе и пионеры [Рожков, с. 166]. «Антирелигиозное воспитание поставлено плохо» – отмечается в акте исследования одной из курганских школ [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 28]. «В бога верили, – вспоминает уроженец Мокроусовского района бывший пионер А. Н. Корюкин. – Но я не объявлял никому и никто меня не знал, что я верую в бога» [Воспоминания. Корюкин А. Н.]. «Семья у меня была верующая, особенно бабушка. Но мы не афишировали – это ведь запрещено было. Если бы узнали, что я молюсь, меня бы и в комсомол не приняли, и в пионеры», – вспоминает А. Н. Комарский из Половинского района [Воспоминания. Комарский А. Н.].

Таким образом, по мнению Рожкова, с которым мы согласны, ребенок «приучался сидеть на двух стульях сразу, используя в своих интересах, исходя из ситуативного контекста, и атеизм, и веру в Бога» [Рожков, с. 162], притворство становилось нормой жизни. Приспосо-

бляемость и способность мимикрировать формировались не только по отношению к религии и семейным ценностям. Нередко отношение «отстраненной вовлеченности» относилось к коммунистическим организациям – в них вступали, чтобы оказаться в кругу успешных, а в 1930-е гг. – чтобы не выделяться из коллектива: «Просили меня, чтобы в пионеры вступил. Ну, я в пионеры-то вступил, да работы-то никакой не вел», – вспоминает житель Курганского округа. В числе прочего такая отстраненность была результатом некачественной работы пионервожатых, которые по какой-то причине поленились заинтересовать ребят и направить их работу. Такие проблемы в результате кадрового несоответствия не были редкостью. В одном из отчетов по городским школам в феврале 1930 г. пишут: «Пионеров в школе 37, октябрят 40. Влияние пионеров на массу учащихся не чувствуется. Пионеры ничем от нее не отличаются... С октябрятами систематической работы не ведется» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 26].

Важной частью детской жизни на рубеже 1920–1930-х гг. стало проведение соцсоревнований разного уровня, в которых принимали участие пионеры, обязанные расширять масштабы своего движения, или, напротив, обычные школьники, которые стремились вступить в отряд: «Внутришкольное соцсоревнование проводилось через вызовы в стенгазете. Вызов бросали отдельные группы по сбору утильсырья, м/тары, вступлению в пионеротряд, ликвидации неграмотности» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 1]. Часто такие вызовы обращались к соседним школам или определенным классам из других школ. В 1930 г. приводятся такие данные о достижениях в работе одной из городских школ первой ступени, полученных благодаря соцсоревнованию: «силами детей обучено 35 неграмотных, хорошо налажена самопомощь в учебе, много сделали родители по оказанию помощи бедноте. Большой рост пионерорганизации (120 пионеров против 40 в прошлом году, ударные бригады по учебной работе)» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 2]. Иногда учителя и вожатые чересчур увлекались такими методами: «Дети вызывают друг друга на каждом уроке на лучшее письмо, на рассказывание, сбор картинок и прочее... индивидуальное соревнование и поощрение его воспитывает в детях эгоизм, бахвальство и индивидуализм» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 124, л. 27]. Последние качества в новом обществе были не нужны и новые люди должны были искоренять их в себе, а не наоборот.

Вообще после школьных реформ середины 1930-х гг. идеальный пионер почти сравнивался с идеальным школьником – политика воспитания революционеров сменилась приоритетом консервации достигнутого. Как отмечает К. Келли, вместе с реформами образования

«пропагандистский акцент с “ребенка-активиста”... был перенесен на образ ребенка, благодарно пользующегося благодеяниями государства» [Келли]. На наш взгляд, это было симптомом взросления власти и признания ею детства как особого периода в жизни человека. Несмотря на строгую дисциплину, иерархию, режим и школьную форму, дети 1930-х гг. имели больше свободы, чем их сверстники предыдущего десятилетия – в первую очередь, свободу быть детьми, а не малолетними революционерами.

По воспоминаниям одного из жителей Курганского округа, «пионер должен был хорошо учиться, хорошо выполнять все задания по подготовке к ГТО и все нормы: сколько раз подтянуться на турнике, сколько пробежать и так далее. Мы клялись беречь Родину, уважать родителей, уважать учительницу. Мы все выполняли. А кто не выполнял, того оставляли после уроков...» [Воспоминания. Филимонов В. А.]. Вожатым рекомендовалось внедрять более жесткие санкции за прогулы и нежелание работать: «Если пионер не посетит 3 раза без уважительной причины, то его исключить... Ненчинову исключить, взять галстук и билет. Всем ребятам подтянуться. Если будут баловаться и хулиганить, то с ними будут строго...» [ГАОПДКО, ф. 102, оп. 1, д. 99, л. 5].

А. Ю. Рожков считает, что: «можно усомниться в правомерности представлений о молодом поколении 1920-х в целом как идейной опоре советского режима» [Рожков, с. 532] – прагматичная активная молодежь вступала в пионерские и комсомольские организации, а затем в партию только ради «личной выгоды и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне», а пассивная – покоряясь воле режима. На наш взгляд, это не совсем так, хотя подобные кадры в пионерии и комсомоле не были редкостью. При слабом руководстве и отсутствии хорошего вожатого такие явления приобретали массовый характер: так, в одном из курганских детских домов «мировоззрение ребят очень разнообразное, часто явно антисоветское, явно кулацкое... Пионер-отряд распался, так как дети не хотят совершенно быть в пионерорганизации» [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 11. л. 235]. Но все-таки основная часть детей загоралась идеей общего дела так, что, даже сетуя на нерадивость вожатых, самоорганизовывалась и работала в силу своего возраста и умений.

Пионерия влияла на все аспекты детской жизни, заставляя по-новому осмысливать отношения с родителями и сверстниками, свое поведение, бытовые условия, мечты о будущем. Она была полем пересечения ценностей и их борьбы: почти каждый ребенок ставился в условия выбора между «правдой» школы и отряда и «прав-

дой» семьи. Реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии и кризисе традиционных ценностей, не способных предложить молодому поколению достойную альтернативу карьере в коммунистическом обществе.

Алиева Л. В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства: автореф. дисс... докт. пед. наук. М., 2002.

Воспоминания. Комарский И. А. 1927 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Воспоминания. Корюкин А. Н. 1916 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Воспоминания. Филимонов В. А. 1925 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г. // Личный архив автора статьи.

Гессен В. Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л., 1926.

Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-465 (Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет); Ф. Р-800 (Отдел народного образования Курганского окрисполкома).

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) Ф. 13 (13 Шадринский окружной комитет ВКП(б)); Ф. 102 (Курганский городской комитет ВЛКСМ (ЛКСМ РСФСР)).

Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения: 27.07.18).

Красный Курган. 1924. № 53.

Кудинов В. А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке: автореф. дисс... докт. ист. наук. Кострома, 1994.

Рошков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Рыбаков Р. В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917–1920-е гг.) // Вестн. Томск. ун-та. 2014. № 382. С. 119–124.

Салова Ю. Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики : сб. ст. Пермь, 2010. С. 152–164.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЮЖНОРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА 1920-х гг. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА: САМОРАЗВИТИЕ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье выявляется соотношение эндогенных и экзогенных факторов развития общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма. Установлены долгосрочные внутренние факторы более негативного, чем в стране в целом, восприятия социалистического строительства земледельцами Юга России: повышенная аграрность и зажиточность; этносословный раскол на казачество и «иностранодних» крестьян; обостренные земельные и налоговые противоречия; затяжная Гражданская война; восприятие Советской власти казаками как насажденной извне. Одновременно «иностранодние» крестьяне воспринимали советский проект как спасение от засилья казачества. Партийно-государственные идеологические кампании 1920-х гг. слабо влияли на общественное мнение земледельцев, будучи скорее внешним раздражителем и информационным поводом, чем основным фактором изменений общественного мнения.

Ключевые слова: общественное мнение, крестьянство, строительство социализма, Юг России, 1920-е годы.

Актуальность темы в том, что общественное мнение крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма остается одним из малоизученных и дискуссионных аспектов истории нэпа. Плюрализм ориентаций общественного мнения особенно ярко проявлялся на Юге России – в аграрном, полиэтничном макрорегионе, где непреодоленность Гражданской войны и застарелые конфликты влияли на общественные настроения. С наибольшей остротой проблема отношения к социализму встала для земледельцев в условиях свертывания нэпа и чрезвычайных хлебозаготовительных мер 1928–1929 гг., чему в статье будет уделено основное внимание.

Состояние, тенденции и механизмы развития общественного мнения 1920-х гг. о строительстве социализма исследованы недостаточно. Мало внимания до сих пор уделяется региональной и этносословной специфике восприятия социализма крестьянством. Исследования отдельных аспектов проблемы, в частности, восприятия крестьянством экономической политики, начали в 1960-х гг. на общероссийских

материалах Ю. А. Поляков [Поляков], В. П. Данилов [Данилов], а на юге страны – В. Е. Щетнев [Щетнев], Н. Г. Цыганаш [Цыганаш]. С конца 1980-х гг. проявляется стремление историков раскрыть влияние психологии и традиционных институтов крестьянской жизни на строительство социализма, выявить противоречивость общественного мнения. Современные историки изучают взаимное восприятие крестьянства и власти в ракурсе исторической психологии [Булдаков] и истории повседневности [Рожков]. Сложная динамика общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. выявляется в работах С. А. Кислицына и А. С. Кириченко [Кислицын, Кириченко], А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна [Скорик, Тикиджьян], А. В. Баранова [Баранов], С. Д. Багдасарян [Багдасарян].

Пространственные пределы статьи включают в себя области Юга России с количественным преобладанием славянского населения (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморье). Их население составляло 7 407 тыс. чел. (по переписи 1926 г.), в том числе 77,9 % – сельское и 32,0 % – казачье [Всесоюзная перепись населения, т. 5, с. 49–50].

Источниковая основа статьи: информационные сводки и обзоры ВЧК–ОГПУ, жалобы и обращения крестьян в органы управления и периодическую печать, личная переписка, этнографические очерки.

Цель статьи – выявить соотношение эндогенных и экзогенных факторов развития общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма.

Общественное мнение может быть определено как форма массового сознания, в которой проявляется отношение индивидов и социальных групп к событиям и явлениям жизни. Общественное мнение зависит от знаний индивидов и групп о политике и ее проявлениях, отношения к ним. Общественное мнение включает статичные (ценности, установки и стереотипы), а также динамичные компоненты (настроения по поводу текущих событий). Оно обуславливает наиболее типичные варианты поведения. Динамика общественного мнения характеризуется изменениями набора значимых проблем и отношения к ним. Изменения восприятий явлений зависят от уровня осведомленности индивидов и групп; от уровня участия в событиях и стереотипов деятельности [Гавра, с. 63].

Операциональными индикаторами являются в данной связи суждения о фактах и явлениях, слухи, лозунги, требования, призывы. Общественное мнение крестьянства открыто проявлялось в 1920-х гг. как вследствие относительной мягкости официальной политики, так и ввиду слабого политического контроля власти над крестьянством. Органы власти были вынуждены учитывать общественное мнение, выбирая курс своей политики.

Особенности общественного мнения земледельцев Юга России формировались на основе большего, нежели в среднем по стране, уделения веса сельского населения и неравномерной модернизации социума. Более 80 % земельных угодий продолжали составлять общинные владения, и традиционные институты (станичный сход, подчинение молодежи и бедняков «старикам» и зажиточным, культурное и политическое преобладание казаков над пришлыми «иногородними» крестьянами) преобладали над институтами советскими. В отличие от Центра Европейской России, на Юге РСФСР середняком считался трудовой хлебороб с посевом на семью от 4 до 16 дес., с 2–4 коровами и лошадьми [Осколков, с. 57–59]. Л. И. Лакизо провела многофакторное сравнение казачьих и крестьянских хозяйств. Среди казаков по переписи 1926 г. насчитывалось 17,4 % бедняцких и батрацких, 77,3 % середняцких и 5,3 % зажиточных семей. Состав «иногородних» совсем иной: 48,3 % бедняков и батраков; 46,4 % середняков; 5,3 % зажиточных [Лакизо, с. 60–61]. «Осреднячивание» было гораздо ярче выражено в донских и кубанских станицах, чем в обедневшей нечерноземной России. Сказывалась и повышенная грамотность сельских жителей. Например, в 1920 г. грамотность сельского населения Кубано-Черноморской области составляла 32,6 %, в том числе казаков – 47,0 % [Скворцов, с. 3–4, 7].

Казаки сохраняли уверенность в своем единстве. Хотя монархизм был подорван за время войн и революций, идеал государства для казаков с их общинностью, православием, трудовой зажиточностью оставался в прошлом. Традиционные требования к чиновникам – деловитость, знание сельского хозяйства, жизненный опыт. Характерна неприязнь хлеборобов к большинству коммунистов – пришлых, не владеющих местным наречием, не знающих земледельческий труд [ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 103, д. 696, л. 126]. Казаки стремились превратить сельские Советы в подобие станичного схода. Земельные общества тоже ограничивали власть Советов, подчас создавая двоевластие. Информационный отдел ЦК РКП (б) свидетельствовал: «Авторитет старых атаманов и командиров в массе еще непоколебим», часто звучали требования восстановить войско и даже избрать «батюшку царя» [ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 224, л. 110].

Давление на власть со стороны земледельцев в условиях нэпа нарастало. Наряду с экономическими требованиями зажиточные и середняцкие слои выдвигали политические – провести амнистию «лишенцев», создать «Союз хлеборобов», провести свободные выборы Советов. На стадии «расширения нэпа» (осень 1924 – весна 1926 гг.) во многих станичных Советах, земельных и кооперативных обществах расширился слой зажиточных и середняков – казаков, местной

интеллигенции, амнистированных [Баранов, с. 57–61]. Это вызвало обострение сословных и классовых отношений, острое неприятие нэпа многими большевиками, бедняками и батраками, большинством «киногородных». Весной 1926 г. началось постепенное свертывание нэпа. Тем самым созрела почва для идей новой уравнительной революции, направленной против «кулачества», реализованных в «чрезвычайных мерах хлебозаготовок» 1928–1929 гг.

Общественное мнение оказалось неподготовленным к принятию чрезвычайных мер января 1928 г. Многие бедняки и середняки отшатнулись от власти, к которой еще недавно относились благожелательно. Вот мнение казака станицы Полтавской: «Я никогда не думал, чтобы советская власть так прижимала хлебороба. Если я раньше был сторонником этой власти, то теперь не на словах, которые я слышал, будучи в Красной армии, а на деле убедился в противоположном и стал ее противником» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 95, л. 10; д. 215, л. 168].

Первые отклики хлеборобов на чрезвычайные меры – ошеломление («как снег на голову»); попытки объяснить их близостью войны (надо выплачивать внешний долг; изъятие хлеба облегчит призыв в армию); недовольство классовым принципом платежей («почему не распределяют поровну?») [ГАКК, ф. Р-226, оп. 1, д. 344, л. 5–5об]. 15–17 января 1928 г. ОГПУ изъяло листовки, в них преобладали хозяйственные требования: протест против сокращения рабочего дня горожан, призыв создать «крестьянский профсоюз», снизить налоги и цены на промтовары [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 45 об, 45, 66; д. 802, л. 46]. Оживилась сословная вражда. «Кулаки» настраивали все казачество против самобложения: «Видите, деньги-то не дают. Собирают, собирают, а потом и убегут с Кубани». Шли слухи о предстоящей высылке всех казаков в Сибирь [Крестная ноша казачества, с. 335, 337, 336].

Под нажимом земледельцы отдавали последние запасы хлеба, а посулы властей предоставить взамен промтовары, муку и посевные семена не выполнялись. Транспорт не справлялся с вывозом запасов. Хлеб гнил на складах и железнодорожных станциях. Бедняки разграбили в нескольких станциях подготовленные к вывозу запасы. Многие бедняки не желали участвовать в комиссиях по заготовкам, считая их «шпионскими» [ГАКК, ф. Р-226, оп. 1, д. 341, л. 1, 26]. Донецкий окружком ВКП (б) делал вывод: «В ряде мест беднота активно выступала против вывоза хлеба. Во многих случаях батраки вместе с хозяевами прятали хлеб и молчали» [Чернопицкий, с. 4].

Хлеборобы предпочли мирные формы отстаивания своих прав. Станичники ответили на фискальный нажим дроблением хозяйств, укрытием объектов налогообложения, переселением. Сводки ОГПУ за май 1928 г. свидетельствуют: «В некоторых станицах Армавирского

округа число желающих переселиться до 800 душ (ст. Темнолесская). В с. Воронцово-Николаевском имеется стремление переселиться в Уругвай ... такой настрой возник прежде всего у репатриантов-лишеницев» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 122].

Как сообщал полпред ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Г. Евдокимов, настроение бедняков двойственное: «1) нужно идти отбирать хлеб у кулаков; 2) необходимо прекращать заготовку и бить коммунистов и аппаратчиков» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 807, л. 93]. Бедняки не поддерживали даже такую благотворную для них меру властей, как отмену кабальных трудовых соглашений с кулаками: «Вы уедете, а мы останемся здесь и нам придется тогда обращаться к кулаку за хлебом» [ГАКК, ф. 9, оп. 1, д. 837, л. 105].

В напряженные периоды заготовок интересы всех слоев крестьянства смыкались против курса форсированного социалистического строительства. А. А. Андреев в докладе крайкома пленуму ЦК ВКП (б) в октябре 1928 г. признавал: «Мы имеем в деревне почти единый фронт, начиная с бедноты и кончая кулацкой частью крестьянства, враждебно настроенный против хлебозаготовок, займов, самообложения». Беднота и середняки «в довольно многих случаях выступали против этих мероприятий» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 122, 123]. Казаки-середняки были настроены решительно: «Мы добровольно хлеба не отдадим, возьмут лишь, когда придут за хлебом; я переколю всех вилами, а хлеба не дам». Иногородние разделяли это мнение пассивно, без воинственности [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 14].

Средняки и зажиточные, чьи настроения различить по источникам трудно, мыслили масштабнее бедняков. Кулак из с. Супсех Анапского района рассуждал: «Что нам критиковать работу советов и РИКов. Организации эти подневольные. Крыть нужно вышестоящие организации, центральную власть. Это они, помогая бедноте, научили ее лодырничать» [ЦДНИКК, ф. 9, оп. 1, д. 844, л. 10–12]. Показательны недоверие и озлобленность крестьян, узнавших о новых льготах середнякам. В станице Воздвиженской они заявили: «Брешут... все эти народные комиссары. Это с целью записали, чтобы завлечь хлеборобов на расширение посевов, а потом назовут нас кулаками и будут беспощадно облагать в индивидуальном порядке, да еще мало того, так морды поковыряют – и правы будут...» [«Проклятия крестьян падут на вашу голову...», с. 169].

Углубился раскол земледельцев на «активистов» – бедняцкую прослойку сторонников власти и основную массу населения.

Под влиянием перемен в официальной пропаганде казаки и крестьяне все больше осознавали, что речь идет не о временном

ужесточении налогов и платежей, а о коренном перевороте в их жизненном укладе. Этот переворот чаще оценивался как преждевременный и неподготовленный. Средняки станицы Эркетинской Сальского округа заявили: «Нам сейчас далеко до колхозов. Пусть народ научится понимать их, а сейчас каши не сварить... Пусть пройдет лет десять, тогда, может быть, можно будет пойти в колхозы. Кто будет работать, а кто командовать, а пока дураков нет». В станице Чернолесской было отмечено мнение: «...советская власть выпускает еще плохие трактора. Когда их будут давать лучше и больше, тогда пойдем в коллектив» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 834, л. 33]. Хлебоборобы часто не признавали самого наличия кулаков. «Разве у нас есть кулак, когда с нас всех берут одинаково? Как только посеял... 30–40 десятин, так и кулак». Таких признавали «хорошими хозяевами» [Белоцкий, с. 79]. Средняки не видели смысла улучшать свое хозяйство. «Все равно Советская власть отберет все излишки, зачем же увеличивать посевы, будем сеять столько, сколько необходимо для семьи» [ГАКК, ф. Р-1050, оп. 1, д. 38, л. 104–105].

Сделаем выводы. Установлены долгосрочные внутренние факторы более негативного, чем в стране, восприятия социалистического строительства земледельцами Юга России: повышенная аграрность и зажиточность; этнословный раскол на казачество и «иногородних» крестьян; обостренные земельные и налоговые противоречия; затяжная Гражданская война; восприятие Советской власти казаками как насажденной извне. Одновременно «иногородние» крестьяне воспринимали социалистическое строительство как спасение от засилья казачества.

«Чрезвычайные меры» 1928–1929 гг. при переходе к коллективизации впервые объединили большую часть земледельцев против власти, уменьшили внутренние различия мнений середняков и зажиточных групп. В настроениях масс проявилось неприятие всей совокупности мер управления, надежда на раскол ВКП (б) и помощь эмиграции. Советы и общественные организации воспринимались как бессильные. Среди форм сопротивления курсу свертывания нэпа до 1929 г. преобладало «оружие слабых» – агитация, саботаж налогов и платежей, дробление хозяйств и сокращение их доходов. Переход от нэпа к форсированному социалистическому строительству был обеспечен не только агитацией и репрессиями, но и психологическими факторами: классовым и возрастным расколом общества, стремлением беднейших слоев повысить свой статус. Курс модернизации в их сознании неразрывно связывался с политикой ВКП (б). Антирыночные настроения были использованы властью.

Партийно-государственные идеологические кампании 1920-х гг. слабо влияли на общественное мнение земледельцев, будучи скорее внешним раздражителем и информационным поводом, чем основным фактором изменения общественного мнения.

Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015.

Баранов А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 4. С. 55–62.

Белоцкий М. Слабые участки работы в деревне // Ленинский путь. Ростов н/Д, 1929. № 3–4. С. 79.

Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. Т. 5. М., 1928.

Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. СПб., 1995.

ГАРФ. Ф. Р-1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов (ВЦИК) РСФСР).

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-226 (Кубанская окружная Рабоче-крестьянская инспекция), Р-1050 (Коллекция документов писателя Ставского Владимира Петровича по истории Гражданской войны, коллективизации сельского хозяйства и социалистическому строительству на Северном Кавказе).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485 (Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет Советов).

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

Кислицын С. А., Кириченко А. С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки XX в. Ростов н/Д, 2007.

Крестная ноша казачества / собр. В. Сидоров. Ч. 1. Ростов н/Д, 1994.

Лакизо Л. И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы. Ростов н/Д, 1980. № 4. С. 57–63 (Сер. Обществ. науки).

Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1973.

Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

«Проклятия крестьян падут на вашу голову...»: Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 годах // Новый мир. 1993. № 4. С. 166–183.

Рождков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Скворцов С. А. Грамотность на Кубани. Краснодар, 1923.

Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах. Ростов н/Д, 2010.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9 (Черноморский окружной комитет ВКП (б)).

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7 (Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б)).

Цыганиш Н. Г. Общественно-политические настроения сельского населения Дона и Северного Кавказа в период перехода к нэпу // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984. С. 70–86.

Чернопицкий П. Г. Усиление роли сельских советов Дона в борьбе за подъем сельского хозяйства в 1928–1929 гг. Ростов н/Д, 1965.

Щетнев В. Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 64–79.

УДК 94(470.5).084

Н. Н. Макарова

«НОВЫЙ» ЧЕЛОВЕК НА МАГНИТОСТРОЕ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«Новый» человек в СССР — особенный, он не похож ни на людей, что были в прошлом (до революции), ни на людей в других странах. В данной статье автор анализирует понятие «новый человек», которое активно использовалось в советском дискурсе, и попытки его создания в Магнитогорске — «новом» городе. «Новый» человек на Магнитострое оказался мифом, выдумкой советской пропаганды. В жизни «нового» человека определяющую роль играл труд. Человек и его образ жизни были подчинены будням великой стройки. Основными чертами, характеризующими трудовое поведение магнитогорцев, являлись рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионализма и система привилегий, определявшие качество труда в городе.

Ключевые слова: история, СССР, индустриализация, Магнитогорск, новый город.

В контексте социальных преобразований, проводимых в СССР, понятие «новый город» стало означать: 1) город, построенный на новом (пустом) месте и лишенный истории и традиции; 2) город, в основу которого положены новые градостроительные концепции; 3) город, в котором существует новый социалистический быт; 4) город, в котором живет и развивается новый советский человек [Костюрина, 2005, с. 24]. Концепцию «нового человека», ее истоки и процесс формирования в послереволюционной России представил М. Геллер [Геллер, с. 336]. Проблема «советского человека» довольно часто в последнее время обращала на себя внимание. Возник даже устойчивый оборот «*homo soveticus*». Традиционно представителя такого вида в период формирования и утверждения советской системы характеризовали как «человека руководимого». Однако не менее важной характеристикой советского человека стало его понимание как человека «нового», который не похож ни на людей, что были в прошлом (до революции), ни на тех людей в других странах. Советский человек – «особенный».

Символом и ключевой фигурой эпохи 1930-х гг. был человек труда, который в «буднях великих строек» преобразовывал окружающий мир и одновременно менял самого себя. В 1929 г. в статье «Год великого перелома» И. В. Сталин отметил, что за годы советской власти произошли положительные изменения в рабочем классе. Это положение развил В. М. Молотов в работе «Новое в рабочем классе». Наконец, в марте 1931 г. Секция истории пролетариата Комкадемии издала труд с аналогичным названием. Основными чертами нового советского человека ученые назвали партийность, коллективизм, инициативность, твердость, героизм, непримиримость к врагам и недостаткам, самоотверженность, культурность [ГА РФ, ф. Р-7952, оп. 3, д. 224, л. 10].

Отсутствие исторической памяти и прошлого в любых его проявлениях должны были способствовать активному формированию на территории Магнитогорска нового быта и нового типа человека. Н. Милютин, давая характеристику Магнитогорску, отмечал, что это «первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны с прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата к новой общественной жизни» [Милютин, с. 36]. Магнитогорск проектировался как идеальный город во всех смыслах [Меерович, с. 92], свободный от стереотипов прежнего образа жизни, старого характера межличностных отношений, старых форм деятельности, старой культуры. В период форсированной индустриализации на формирование нового человека были направлены агитационно-пропагандистская машина, система образования, масштабный аппарат политических репрессий, разнообразные формы социального контроля, включая систему повседневной формальной и неформальной социализации. В данной статье мы

попытаемся проанализировать, опираясь на исторические источники различных видов, насколько власти и официальной идеологии удалось сформировать на территории Магнитогорска «нового человека».

Социальная структура населения Магнитогорска была довольно разнообразной. Среди жителей города были заключенные, спецпереселенцы, представители различных социальных групп и национальностей (включая иностранных специалистов из Европы и США). Половозрастной состав населения Магнитогорска характеризовался преобладанием молодежи [Зверев, с. 70]. Господствующей социальной группой в городе оставались рабочие (Табл. 1–3).

Таблица 1

Население г. Магнитогорск*

Год	Население Магнитогорска (тыс. чел.)	Коэффициент естественного прироста
1930	22	– 89,77
1931	70,4	19,75
1932	205	– 0,76
1933	266	–5,48
1934	132,4	6,27
1935	161	39,58
1936	162,7	20,35
1937	165,2	24,71
1938	146	23
1939	145	23,32

* Сост. по: [АЗАГС, Книга учета архивного фонда книг о рождении, Книга учета архивного фонда книг о смерти; МКУ ГА, ф. 9, 16, 271].

Широкое распространение в литературе 1930-х гг. получил тезис о том, что Магнитогорск строили «комсомольцы-добровольцы». Полностью отрицать участие в создании города и завода данной группы населения нельзя, однако и абсолютизировать их роль не стоит. Справедливо, по нашему мнению, анализирует данную проблему В. Н. Кучер: «Знакомство с различными источниками <...> позволяет поставить под сомнение очевидность массового движения комсомольцев-добровольцев. Все это было ничем иным, как выдумкой партийной пропаганды, запоздалой, так сказать, романтизацией сурового начала советской индустриализации» [Кучер, с. 54]. Стоит также разграничить понятие комсомольцев, которые приехали на всесоюзную стройку Магнитогорска по зову сердца и тех комсомольцев, которые были приняты в ВЛКСМ уже на территории города. Судя по изученным архивным материалам, приехавших комсомольцев было немного.

Таблица 2

Национальный состав г. Магнитогорск*

Национальности	1930 (%)	1931 (%)
Русские	83,7	83,4
Украинцы	6,8	8,1
Татары	2,7	2,8
Белорусы	1,57	1,2
Башкиры	1,37	1,6
Киргизы	1,1	0,2
Нагайбаки	0,5	0,3
Мордва	0,5	1,4
Чуваши		0,4
Поляки		0,2
Немцы		0,3
Американцы		
Латыши		
Другие		

* Сост. по: [МКУ ГА, ф. 9, оп. 1, д. 1-16; ф. 16, оп. 1, д. 1-32. Прочерк – отсутствуют точные сведения].

Заклученные магнитогорской исправительно-трудо­вой ко­лонии и спецпереселенцы составляли весомую часть населения Магнитогорска в рассматриваемый период. Так, в 1932 г. почти четверть населения города составляли заключенные и спецпереселенцы [МКУ ГА, ф. 16, оп. 1, д. 11, л. 2]. Естественно, что эти данные носят довольно приблизительный характер, так как численность этих категорий населения сильно колебалась [За нового человека, 1934, 16 января, с. 2]. Спецкадры на Магнитострое появились уже в 1930 г., но, начиная с 1931 г., поток спецпереселенцев значительно усилился. В 1932 г. при Главном управлении Магнитостроя числилось 40 000 человек [ГАСО, ф. 255, оп. 1, д. 867, л. 2, 8], среди которых преобладали сосланные кулаки (50,4 %) [МКУ ГА, ф. 46, оп. 1, д. 8, л. 36].

Таблица 3

Социальный состав населения г. Магнитогорск*

Социальная группа	1930 (%)	1935 (%)	1938 (%)
Рабочие	65,99	58,7	59,9
Служащие	22,7	21,3	18,6
Пенсионеры	0,29	0,49	0,57
Учащиеся	11,02	19,5	18,25
МОП			2,6
Иные			0,08

* Сост. по: [МКУ ГА, ф. 16, оп. 1, д. 1-48. МОП и категория «иные» в 1930 г. и 1935 г. включены в группу служащих].

Одной из ключевых характеристик «нового человека» в период масштабного индустриального развития было трудолюбие и связанные с ним самоотверженность, героизм, твердость. Не опровергая наличия трудового энтузиазма на Магнитострое и стремления к качественному труду, следует помнить, что мотивация труда есть уровень трудовой дисциплины и заинтересованность трудящихся в результатах своего труда. Отношение к труду традиционно определяется множеством факторов, среди которых прогулы, опоздания на работу, недоброкачественная работа, воровство и пр. Анализируя данные архивных фондов, мы хотели бы отметить следующие черты, характерные для организации трудового процесса и присущие населению Магнитогорска.

Общие условия труда на производстве были неудовлетворительными. Анализ состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих позволяет говорить о том, что практически все виды работ в Магнитогорске велись в неблагоприятных условиях для здоровья, а порой и жизни рабочих [РГАЛИ, ф. 2285, оп. 1, д. 104, л. 56].

Охрана труда на производстве была поставлена не на должном уровне [Магнитогорский печатник, 1932, 23 февраля, с. 3]. Нарушения были распространены не только на градообразующем предприятии, но и на электростанции, городской насосной, в типографиях, медучреждениях, школах. В связи с этим вопросы оздоровления труда регулярно рассматривались на совещаниях разного уровня, принимались важные и нужные решения, но их результативность была низкой

[ГА РФ, ф. Р-7952, оп. 5, д. 173, л. 16–18]. Основной причиной смертности в Магнитогорске являлись болезни дыхательных путей (23,8 %) [МКУ ГА, ф. 10, оп. 1, д. 1–230].

Правила техники безопасности практически не соблюдались. Американский рабочий Дж. Скотт отмечает то, с какой обыденностью каждый день на строительстве велись разговоры о гибели людей [Скотт, с. 54]. Несмотря на существование правил и нормативов, рабочие отказывались соблюдать их, или же просто не понимали их необходимости. Жизнь в обстановке всеобщего хаоса и дефицита, по-видимому, оказала серьезное влияние на восприятие американцем обстановки в городе. Проанализировав причины высокого травматизма, Скотт говорит, что попытки строить качественные леса и помосты абсолютно бесполезны, потому что практически все стройматериалы, которые хоть какое-то время «залеживались», оказывались в печах, обогревающих комнаты рабочих [Там же, с. 54].

Отдельного внимания заслуживают воспоминания магнитогорцев, посвященные ответственным моментам строительства и установлению рекордов. Рабочие практически самостоятельно осуществляли сложные манипуляции на строительных объектах; руководство, в том числе и иностранные специалисты, отсутствовало [РГАЛИ, ф. 1443, оп. 1, д. 199, л. 2]. Многие рекорды рабочие ставили без специальной подготовки, не советовались с инженерами, а просто отклонялись от правил техники безопасности и «пробовали». Так, сталевар А. Н. Грязнов рассказывал: «По инструкции во время заливки чугуна газ надо закрывать, держать 0 кубометров. А тут взяли и стали давать не меньше 50 кубометров. Просто на полном ходу печь стали заливать – и никаких, ничего не случилось. Это делали сами сталевары. Инженеры к этому относились безразлично...» [ГА РФ, ф. 7952, оп. 5, д. 306, л. 231].

Вопросы трудовой дисциплины в городе стояли остро. Власти города ненормальным явлением считали систематические нарушения со стороны трудящихся. Пики падения трудовой дисциплины приходились на летний и зимний периоды, когда были сильные морозы и, когда жители близлежащих сел, занятые на строительстве, уходили в деревни на полевые работы [ГА РФ, ф. 5515, оп. 1, д. 375, л. 6]. В отчете горсовета за 1930 – первое полугодие 1931 г. говорится, что невыход на работу по всему строительству составил в среднем 3 %, а на отдельных участках дошел до 12 % [МКУ ГА, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 71]. Преодолению массовых нарушений не помогли никакие меры, кроме выдачи пайков исключительно за отработанные смены, а также лишения жилплощади [РГАЛИ, ф. 2285, оп. 1, д. 104, л. 34]. Начиная с 1932 г. карточки можно было отоварить только при наличии специального штампа в заборной книжке, подтверждающего факт отсутствия прогулов.

Качество выполняемой работы во многом зависело от уровня профессионализма рабочих. На первых порах в город вербовали буквально всех желающих вне зависимости от их квалификации. В результате число чернорабочих оказалось в десятки раз больше необходимого количества, а квалифицированных специалистов было недостаточно. Строительство нуждалось в грамотных рабочих, способных овладеть новой техникой, но таковых в городе было мало. Объяснялось это не только значительным числом крестьян, приехавших на Магнитострой, но и пестрым национальным составом. Дополнительной сложностью решения задачи повышения уровня грамотности населения являлись сложные бытовые условия и материальные проблемы (Табл. 4, 5). Требовались учительские кадры и большая организаторская работа.

Таблица 4

Жилищный фонд г. Магнитогорск*

Год	Объем жилищного фонда (кв. м)	Жилплощадь на 1 чел. (кв. м.)
1931	171 634	2,2
1932	302 313	1,75
1933	490 397	1,8
1934	631 863	4,7
1935	669 947,5	4,1
1936	677 634	5,1
1937	781 300	4,7

* Сост. по: [Магнитострой в цифрах, с. 322–324; МКУ ГА, ф. 9, 10, 16].

Таблица 5

Цены в магазинах и на базарах г. Магнитогорск*

Год	Цены на базаре			Цены в магазине		
	Мясо	Масло	Картофель	Мясо	Масло	Картофель
1932	12	36	14	6	16	12
1933	18	50	5	4	15	0,2
1934	19	53	7	5	13	0,29
1935	7	16	5	-	-	-
1938	8	14	7	-	-	0,30

* Сост. по: [Магнитогорский рабочий, 1934, май–июнь; МКУ ГА, ф. 49, оп. 1, д. 1–24].

Проблема интенсификации труда решалась с помощью комплекса мер, среди которых видное место принадлежало системе снабжения. В условиях латентного голода и дефицита товаров широкого потребления премирование за ударные темпы работы имело существенное воздействие на горожан. Жилье выступало не только средством удержания рабочего на строительстве, но и способом принуждения его к труду, способом «побуждения рабочего к нужному администрации образу поведения в рамках трудового коллектива» [Меерович, с. 80]. В целом стимулирование к труду на предприятиях промышленности рабочих выступало одним из ключевых элементов повышения производительности труда. Вопрос соотношения моральных, материальных и принудительных стимулов к труду в 1930-е гг. крайне сложен. Среди всех методов воздействия одним из наиболее важных долгие годы признавался труд ударников и стахановцев. Различные формы социального сравнения в труде и быту формировали комплекс одобряемых эмоций, которые, в свою очередь, мотивировали стремление к положительной самооценке. Новейшие исследования этой проблемы продемонстрировали сомнительность зависимости высоких показателей от интенсивности использования труда стахановцев [Постников, с. 71]. Моральные стимулы к труду в Магнитогорске активно использовались особенно в 1930-е гг. Рабочих награждали грамотами, недорогими подарками, их портреты вывешивали на доску почета и т. п. Все это играло положительную роль в формировании уважительного отношения к труду, но эффективность подобных мер была незначительной. Любопытно, что при постоянном увеличении числа ударников труда производственные показатели возрастали несущественно, а иногда падали. Так, по данным на 30 апреля 1931 г., на ряде объектов завода и города числилось 15 417 рабочих, из них ударниками были 48,8 %, а в соцсоревновании участвовало 43,2 %. В течение лета 1931 г. показатели улучшались дважды [ОГАЧО, ф. 783, оп. 1, д. 17, л. 33, 47]. Однако отчетные сводки о выполнении плановых показателей за март–сентябрь 1931 г. демонстрировали результаты, противоположные ожидаемому перевыполнению планов. Так, земляные работы были выполнены лишь на 10,2 % от нормы; работы в доменном цеху сорваны. Рекордсменом по выполнению планов оказались работники плотины, выполнившие норматив на 52,8 % [ОГАЧО, ф. 783, оп. 1, д. 15, л. 21].

Неблагоприятная ситуация с текучестью кадров в городе (1931 г. – 70,9 %) рассматривалась как ключевое препятствие на пути нормальной работы производства и строительства. Частая сменяемость кадров не позволяла сформировать сплоченный и высокопрофессиональный коллектив, так как постоянно приходилось переобучать новых рабочих. Опытные рабочие часто покидали город в надежде найти

более подходящую работу и условия для жизни. Поэтому в Магнитогорске активно использовалось «добровольное» самозакрепление до окончания пятилетки. Рабочие заключали отдельный трудовой договор с работодателем, по которому в случае отказа работать здесь и дальше получали «волчий билет».

Важной характеристикой «нового человека» должно было стать гармоничное сочетание физической силы и интеллекта. Поэтому просвещению в городе уделяли пристальное внимание. Среди способов создания идеального человека в Магнитогорске использовался набор классических средств, которые можно обобщить словами «кнут и пряник»: материальное и моральное поощрение / принуждение / добровольно-принудительное повышение квалификации и учеба. Однако данные архивов говорят о том, что проблема ликбеза в городе стояла крайне остро. Сплошной грамотности добиться в указанный период не удалось, хотя партия сообщала об обратном. Приверженцы религиозного мировоззрения в городе тоже были.

Идея социальной мобильности в Магнитогорске была популярной. С одной стороны, она отражала концепцию формирования «нового человека», который добился всего сам, с другой – «рост над самим собой» позволял улучшить материально-бытовые условия жизни. Физически тяжелые профессии не имели престижа в Магнитогорске. Многие участники строительства мечтали найти работу полегче, а зарплату получать побольше. В воспоминаниях Б. А. Ручьева, Н. Г. Кондратовской есть прямые указания, что тяжелый физический труд и голод вынуждали население искать новые способы адаптации. Наши герои пошли учиться. Кроме того, многие молодые рабочие оценивали работу у станка как трамплин для дальнейшей учебы в техникуме или ВУЗе. Были и противоположные тенденции, когда вся жизнь человека была связана с заводом, с успешной карьерой. Возникали даже династии. Ярким примером в этой сфере является династия Коробовых. По мнению историков С. Журавлева и М. Мухина, психологическим фактором, привязывающим к предприятию, были браки среди рабочих. Этому, несомненно, способствовали интенсивная общественная и культурно-массовая работа при заводе.

Образ советского человека – «строителя социализма» требовалось эмоционально маркировать, сделав фактом индивидуально- и массового сознания советской эпохи, придать ему динамизм, возвышенное настроение коммунистического оптимизма и связать это настроение с социальными и культурными задачами. Реальный рабочий Магнитогорска конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. не был идеалом, каким его мечтали видеть руководители партии и государства, миф о котором распространяли в СССР и даже за

рубежом. Магнитогорск создавался с нуля и не имел сложившегося трудового коллектива с устойчивыми пролетарскими традициями. Подобная тенденция, с одной стороны, давала привлекательную возможность сформировать новую трудовую этику, особенности поведения, труда и быта, с другой – грозила ростом «частнособственнической психологии», которую несли с собой выходцы из деревни. Являясь одним из первенцев пятилеток, Магнитострой не имел за спиной значимого для трудового коллектива исторического багажа, следовательно, использовать опыт прошлых лет для мотивации к трудовой деятельности возможности не было. Практиковалось использование корпоративных социальных привилегий – домов отдыха, санаториев, закрытой заводской поликлиники, внеочередного получения квартир и мест в яслях. Особенно привлекало рабочих Магнитостроя повышение социального статуса и переход в ИТР, где льготы и привилегии были шире. Этой же воспитательно-корпоративной цели служило написание «Истории фабрик и заводов». В Магнитогорске регулярно проводились вечера воспоминаний и, таким образом, через активные и пассивные формы участия, «по горячим следам» писали историю грандиозного социалистического строительства. Не случайно организаторы вечеров воспоминаний акцентировали особое внимание на трудовых подвигах магнитогорцев, перевыполнении норм, движении ударников и стахановском почете, рассказах о том как раньше плохо жилось и как хорошо теперь.

«Новый» человек на Магнитострое оказался мифом, выдуманной советской пропаганды. В жизни этого человека, несомненно, определяющую роль играл труд. Человек и его образ жизни были подчинены будням великой стройки, ритму трудовой деятельности. Основными же чертами, характеризующими трудовое поведение магнитогорцев, являлись рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионализма и система привилегий, определявшие качество труда в городе. В Магнитогорске в первые годы индустриализации предпринимались попытки сформулировать новую, так называемую «максималистскую», трудовую мораль. Согласно ее принципам, каждый человек был ориентирован на достижение максимально возможного результата в своей работе, а основными стимулами мотивации выступали побуждение, вознаграждение и наказание.

Архив Записей актов гражданского состояния г. Магнитогорска (АЗАГС). Книга учета архивного фонда книг о рождении; Книга учета архивного фонда книг о смерти.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 255 (Отдел внешней и внутренней торговли исполнительного комитета Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

ГА РФ. Ф. Р-7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов» при объединении государственных издательств); Ф. 5515 (Народный комиссариат труда РСФСР (Наркомтруд).

Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

За нового человека. 1934. 16 января.

Зверев А. На стройке гиганта. М., 1930.

Костюрина Н. Ю. Новый город как модель советской культуры (на материале г. Комсомольска-на-Амуре 1930–1950-х гг.). Владивосток, 2005.

Кучер В. Н. Магнитка – это навсегда: дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003.

Магнитогорский печатник. 1932. 23 февраля.

Магнитогорский рабочий. 1934. май–июнь.

Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 г. Магнитогорск, 1932.

Меерович М. Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 84–118.

Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм // Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С. 34–57.

МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГА). Ф. 9 (Управление экономики администрации города Магнитогорска); Ф. 10 (Магнитогорский городской совет народных депутатов); Ф. 16 (Магнитогорский городской отдел госстатистики Челябинского областного комитета госстатистики г. Магнитогорск Челябинской области); Ф. 46 (Магнитогорская городская прокуратура); Ф. 49 (Магнитогорское городское торгово-производственное объединение г. Магнитогорск Челябинской области); Ф. 271 (Магнитогорский противотуберкулезный диспансер № 1 отдела здравоохранения исполнительного комитета городского Совета народных депутатов Министерства здравоохранения РСФСР г. Магнитогорск Челябинской области).

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 783 (Городские контрольные комиссии ВКП (б) – РКИ).

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

РГАЛИ. Ф. 2285 (Казакевич Эммануил Генрихович).

Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск, 1991.

УДК 94(47).084:322

М. В. Каиль

БИОГРАФИКА ПРАВОСЛАВНЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА/ОБЩЕСТВА¹

Статья посвящена анализу биографического поля советской социальной истории, отражению советского социального конструирования, ключевых его практик на биографических треках представителей иерархической составляющей православного общества (представителей епископата и высокопоставленного духовенства). Биографический план изучения новейшей истории православия в России предстает как подход, позволяющий объективировать научные и общественные представления о советском прошлом и сути взаимоотношений государства и церкви в тот период.

Ключевые слова: православие, биографика, конфессиональные практики, (само)репрезентации, персональная история, Серафим (Остроумов), Макарий (Гневушев), церковные конформисты.

Контексты советской социальной политики и социального конструирования столь многоплановы, что отразились на жизненных условиях, статусных ролях большинства социальных и профессиональных групп раннесоветского общества. В равной мере менялись статусы и роли как «бывших», так и «новых» (их рассмотрение на равных – в сравнительной ретроспективе – представляется объективирующим подходом). Историками советской социальной политики установлено, как менялось положение и прежней аристократии [Смит], и более широких слоев общества [Смирнова]. Очевидно, пришла пора реконструировать эндогенные процессы самоидентификации и построения жизненных практик представителями бывших слоев и, в частности, православных в советскую эпоху.

Революционная обстановка способствовала эмансипации и радикализации взглядов всех слоев общества, в том числе и православно-го духовенства. Многие архипастыри оказались столь воодушевлены революционными обстоятельствами февраля 1917 г., что спешили выступить с едва ли не революционными заявлениями и суждениями. Будущий священномученик архиепископ Серафим (Остроумов) (1880–1937) в апреле 1917 г., бывший тогда управляющим Холмской епархии, выступил с открытым письмом к Московскому духовенству (епископ проживал в Москве в связи с военными действиями

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00618А.

и невозможностью поездки в свою епархию) «об участии духовенства в праздновании Первомая». Архипастырь, ни много ни мало, заявлял:

«Сегодня – “праздник свободы”. Кровью обливается наше сердце и всей душой скорбим мы, что Церковь в Москве осталась сегодня совершенно безучастной к народному торжеству: храмы почти везде заперты, как в обыкновенный будничный день, богослужения нарочитого нет, звона колоколов не слышно... А народ ликует, радуется... Какая по-видимому глубокая пропасть между нами и народом – паствой нашей!... Если бы сегодня утром, когда двинулись народные процессии к священному Кремлю, по всем храмам московским раздался бы торжественный благовест к божественной литургии! Это по преимуществу была бы священная евхаристия, жертва благодарения народа русского за благо свободы и братства, и вместе – жертва умилоствления за грехи наши в прошлом» [ГА РФ, ф. 550, оп. 1, д. 108, л. 1; Всероссийский церковно-общественный вестник, 1917, № 14, с. 3].

Революционный порыв этот не был гласом вопиющего в пустыне. Так, управляющий Московской епархией епископ Дмитровский Иоасаф (Каллистов) оставил на обращении епископа Серафима самую благосклонную резолюцию:

«Я вполне присоединяюсь к мыслям преосвященного Серафима. Нужно сознаться, что мы довольно инертны и мало подвижны. В душе сочувствуем новому направлению жизни, но вовне это выявить стесняемся» [Российское духовенство, с. 110].

Подобные либеральные и революционные настроения, по мнению ряда исследователей, охватили значительную часть как высшей иерархии, так и духовенства только что прекратившей свое существование империи [Бабкин, гл. II–III].

Настроения радикализировались и далее – в пору работы Поместного Собора 1917–1918 гг. соборянам пришлось учреждать особую комиссию «о большевизме в церкви», призванную рассматривать и выносить суждения о проявлениях и поведении духовенства, по своему звучанию конкурировавшими с действиями политических радикалов. В контексте проблемы «принятия революции» особое значение приобретают как раз обстоятельства биографий ряда православных иерархов эпохи. К числу явных традиционалистов относился, например, епископ Орловский и Севский Макарий (Гневушев), в судьбе которого революционная эпоха преломилась особым и трагическим способом. В судьбе епископа Макария события февральской, так называемой «церковной революции» весны 1917 г., и октябрьской революций сыграли особую и решающую роль. Переплетение их с фактами биографии епископа, его общественно-политическими взглядами,

непоследовательными попытками поиска возможности вписаться в новую действительность на фоне присущей революции радикализации общественных настроений и свойственного ей неприятия всего старого – все это предопределило трагичный финал жизни епископа. Он стал одной из жертв «красного террора», разгоревшегося осенью 1918 г., и был расстрелян по решению ЧК Западной области 4 сентября под Смоленском. Традиционализм его мировоззрения, в том числе политических предпочтений, очевиден. В 1912 г. Макарий возглавил предвыборный комитет правых партий на выборах в IV Государственную думу в Москве, хотя прежде резко осуждал российский опыт парламентаризма [Правые партии, с. 668]. На пороге мировой войны он выступил с серией национально-патриотических публикаций «Форпосты русские» в «Московских ведомостях» [Макарий (Гневушев)]. В том же 1914 г. в Нижнем Новгороде он был хиротонисан в епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, где запомнился деятельной помощью беженцам и всем пострадавшим от войны, а также ярким проповедником.

События последнего периода жизни пастыря тесно переплетены с хронологией российских революций. За месяц до февральской синодальным указом 28 января 1917 г. о. Макарий был назначен правящим епископом Орловским и Севским и 25 февраля прибыл в Орел [РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 27, л. 21]. Прощаясь с нижегородцами, Макарий выступил со словом, отражающим его мировоззрение накануне революционных событий. Он был далек от идеализации настоящего, заявляя: «Все мы... чувствуем, знаем, как среди нас растет смута, как она разнообразными путями проникает всюду, захватывает все большее и большее количество людей», но твердо стоял на позиции монархизма: «Неверие, сомнения в вере, вражда и борьба с церковью... явное и тайное восстание на предержавшую власть, на правительство, на весь государственный строй нашего государства, – все это стало настолько обычным, что мы... забываем, что стоим над разверзшеюся уже пропастью» [Прибавления к Церковным ведомостям, 1917, 25 февраля, № 8, с. 166]. В дни, когда разворачивается революция, епископ призывает к единению вокруг престола: «Стойте же, друзья, непреоборимой стеной вокруг Царского престола. Спешите все не за гнев, а за совесть на помощь представителям власти Самодержца на местах...» [Там же, с. 168]. Мог ли носитель таких взглядов отречься от них в одночасье? Едва ли. Но события требовали именно этого.

Первый вызов, который бросало время правящему епископу – необходимость выразить отношение к свершившейся февральской революции. Епископ Макарий отправил по этому случаю в Синод сухую телеграмму «Ввиду манифеста, прошу указаний относительно

но богослужений» [Там же, с. 243]. Иной реакции на революцию у убежденного сторонника монархии и быть не могло. Однако, в самом скором времени епископ, очевидно, осознал неизбежность случившегося и уже 12 марта обратился к духовенству, призвав «...во имя мира, христианской любви к Богу и ближним, во имя блага народа, приложить все средства к поддержанию мира, спокойствия, дабы утверждающийся новый строй государственной и общественной жизни вошел в жизнь народную безболезненно и без страданий» [Орловские епархиальные ведомости, 1917, № 11, с. 195]. 30 марта Макарий вновь обратился к пастве. Помимо прочего, послание содержало и призыв к власти: «Граждане, ныне властью облеченные! Тяжелое, в высшей степени ответственное пред Богом, пред лицом народа и пред всем будущим бремя ныне возложено на вас. Церковь Святая молится о ниспослании вам сил и доверяющего переживаемому времени разума, дабы ваши труды принесли плод добрый, верный и на благо народа, ныне выводимого под вашим руководством на новый путь новой жизни» [Там же, № 12–14, с. 221].

Неудивительно, что епископ оказался в центре болезненного конфликта с церковно-общественным комитетом своей епархии, требовавшим обновления всех, в том числе иерархического, начала церковной жизни. Конфликт с новыми государственными и общественными органами правящего архиерея не был для 1917 г. исключительным явлением. Но в Орловской епархии зрело столкновение иного плана, вызванное к жизни сложным, противоречивым явлением «церковной революции». Суть его заключается в событиях переустройства жизни церкви, сама возможность которого предстала со сменой государственного строя. По мнению П. Г. Рогозного, «...основной спор шел не о вере, а о власти в Церкви. Поэтому процессы, происходившие в церковном обществе после государственного переворота... (следует именовать. – М. К.) «церковной революцией» [Рогозный, с. 212]. По его подсчетам, вследствие различных конфликтов в период с марта по октябрь 1917 г. было уволено 15 епархиальных архиереев. Одной из ряда беспокойных кафедр была Орловская, где параллельно с комитетом общественной безопасности непримиримую позицию в отношении епископа заняла и часть духовенства, младших клириков, организовавшая «Временный исполнительный комитет объединенного духовенства и мирян г. Орла» под руководством священника Сергея Аракина. Борьба этой внутрицерковной группы с епископом приобрела действительно революционный размах и аргументы сторон в ней излагались на революционном языке [Там же, с. 110–122].

5 апреля на собрании Временного комитета было вынесено решение об удалении епископа из епархии и передаче всех дел по епар-

хиальному управлению «на усмотрение комитета» [РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 7]. С 10 по 18 мая 1917 г. в Орле прошел епархиальный съезд, в составе делегатов которого численный перевод оказался за «каракинцами»: Макария и Павла обвинили «в противодействии обновлению церковной жизни», активно использовался аргумент о близости Макария Распутину и Восторгову. Легенда о связи Макария с Распутиным укоренилась в общественном сознании [Там же, л. 68–70], но в одном из писем в защиту епископа объяснялись обстоятельства их знакомства – Распутин якобы был прислан царем в монастырь ревизором (Синод в 1914 г. инициировал дело о растрате, произведенной Макарием на монастырском строительстве – еще одно из пятен в дореволюционной биографии епископа).

Но судьба епископа весной 1917 г. решалась Синодом – 27 мая состоялось Синодальное определение об увольнении Макария на покой. Временное управление Орловской епархией передавалось уже упоминавшемуся нами тогдашнему епископу Бельскому Серафиму (Остроумову). Макарий не смирился и протестовал [Всероссийский церковно-общественный вестник, 1917, 31 мая, с. 3]. В соответствии с определением об увольнении владыка назначался управляющим Свято-Предтеченского монастыря г. Вязьмы Смоленской епархии, о чем епископ Смоленский Феодосий получил телеграмму [Орловские епархиальные ведомости, 1917, 1 июня, № 22].

Начиналась жизнь епископа на Смоленщине. Но Макария не оставляли обращения его сторонники, он был в курсе решения Орловского епархиального съезда, избравшего на кафедру епископа Серафима, выступившего с программой обновления церковной жизни и нашедшего точки соприкосновения с радикальной группой клириков. В конце августа уже из Вязьмы Макарий решился написать председателю открывшегося Поместного Собора митрополиту Тихону, изложил все обстоятельства своего пребывания на кафедре и просил вынести обсуждение его дела на суд Собора епископов (Макарий апеллировал к норме о возможности лишения архиерейского сана собором архипастырей) [РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 170–171].

Смоленский период жизни привел епископа к еще большей трагедии. На сей раз оставаться в тени настоятелю второклассного небольшого монастыря с числом братии не более десяти человек не позволил его яркий проповеднический характер. Его заметили верующие вязьмичи и, воспользовавшись соборным определением о желательности увеличения числа епископов [ГАРФ, ф. 4652, оп. 1, д. 1, л. 167], стали ходатайствовать об учреждении Вяземского викариатства и назначении на него Макария. Талант яркого проповедника отмечали во всех

местах пребывания епископа – свидетельствовали о нем нижегородцы, орловчане, а затем и смоляне.

Талант архипастыря был открыт вскоре после появления его на новом месте служения и уже епархиальный съезд духовенства и мирян, проходивший в Смоленске в декабре 1917 г., поставил вопрос об образовании Вяземского викариатства, выдвинув на кафедру кандидатуру настоятеля монастыря. Вязьмичи брали на себя и обязательства по содержанию епископа [РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 56, л. 8]. Росту симпатий к нему могло способствовать и новое решение Синода в ноябре 1917 г., признавшее удаление с кафедры владыки Макария незаконным [Там же, д. 142, л. 8, 18].

Скорейшему решению вопроса о Вяземском викариатстве помешали, очевидно, революционные события и сопутствующая неразбериха. Обеспокоенные верующие в апреле–мае 1918 г. направили на имя святейшего патриарха Тихона несколько прошений об учреждении викариатства и назначении епископом Макария [Там же, д. 56, л. 9–11].

Решение Патриарха и Синода об учреждении кафедры викарного епископа состоялось 30 июля (12 августа) 1918 г.

В августе же 1918 г. «Известия Исполнительного комитета Западной области» освещали ход слушания в Смоленском ревтрибунале «Дела епископа Макария и монахинь Вознесенского монастыря». Известно, что самого епископа на слушании не было – он пребывал в Вязьме и с 23 августа находился в госпитале [АУФСБ СО, арх. № 26797-с, л. 7].

Судьба епископа решилась под влиянием знаковых событий политической жизни страны: 30 августа 1918 г. был убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий, в тот же день в Москве произошло покушение на В. И. Ленина. Партийное руководство, пресса буквально захлебывались гневом и призывами к отмщению. 6 сентября смоленская газета сообщила о расстреле еще 10 человек. Под номером 10 в списке значился «Епископ Макарий (Гневушев), председатель “Союза Русского Народа”, известный черносотенный деятель, – за участие в Вяземском контр-революционном восстании» [Известия Западного исполкома, 1918, 6 сентября, с. 4]. Факты биографии епископа Макария, тесно переплетенные с событиями двух гражданских и церковной революции 1917 г., вносят новые персонифицированные грани как в понимание характера российской революции, масштаба и степени ее влияния на православное общество, так и в ее персонально-биографическое измерение.

Церковный традиционализм и нонконформизм не был единственной поведенческой моделью в постреволюционной действительности. При этом решающую роль в появлении (вернее будет сказать в про-

явлении) того или иного поведенческого типа или публичной (само-)идентификации играли ключевые общественно-политические события эпохи, такие как первые антицерковные кампании (вскрытия святых мощей, изъятия церковных ценностей). Наиболее масштабное конформистское течение в православии выявила кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. Им стало обновленчество, в свою очередь подтолкнувшее формирование разных толков как левых, так и правых движений в церкви. Биография каждого из представителей подобных движений заслуживает особого внимания и нуждается в скрупулезном детальном анализе с привлечением самого широкого и зачастую разноречивого круга источников.

Контакты с властью «людей церкви» имели различную природу, и в обновленческий раскол, в полном смысле слова, будет «погружена» прежде всего иерархия, делавшая свой выбор в пользу компромисса с властью под действием иных, чем в случае рядовых провинциальных священно- и церковнослужителей, факторов. Для значительных же слоев последних обновленчество было лишь продолжением той эволюции приходской жизни, которая происходила органично и непрерывно с 1918 г. Прогосударственного толка обновленчество образца 1922 г. падало на почву, подготовленную сложными и противоречивыми процессами внутриконфессиональной жизни. Эту благодатную почву для развития раскола формировали противоречия между различными слоями православного общества, клира, в свою очередь вызванные нерешенными проблемами материального обеспечения священнослужителей и многочисленными отягчающими жизнь факторами.

Нельзя не отметить влияния на положение обновленчества в провинции характерной для конца 1922 – начала 1923 гг. активизации деятельности Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б) (АРК), а именно, направления на поддержку обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). АРК напрямую предписывала «провести через ВЦУ повсеместное публичное признание Советской власти епархиальными советами, отдельными епископами и попами, а также приходскими советами», «прокуратуре оказывать ГПУ всяческое содействие в административной борьбе с тихоновщиной» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 443а, л. 3]. Думается, что действия представителей православной иерархии (в том числе случаи перехода в обновленчество) следует рассматривать во взаимосвязи с приведенными решениями, определяющими возможности как церковного администрирования, так и пастырского служения.

Необходимо понимать – раскол не был результатом догматических расхождений различных слоев иерархии и клира, «принятие обновленческого ВЦУ многими архиереями и клириками было обу-

словлено тем, что после ареста патриарха они не видели другого административного центра, а жизнь без высшей церковной власти казалась невозможной» [Петюкова, с. 215]. Временный характер выбора подтверждается спецификой массового «покаяния», наблюдавшегося после освобождения патриарха летом 1923 г. и возвращения к управлению Церковью [Каиль, с. 58].

Являли ли обновленцы в глазах власти образ «нового советского человека», творила ли власть церковных конформистов по своему разумению и плану? Можно предположить, что, скорее всего, для власти церковники оставались наименее понятным слоем общества, Управление этой специфичной группой общества было затруднено отсутствием понимания сути проблем и внутренней логики саморазвития церковной среды. Единственный неизменно практикуемый принцип «разделяй и властвуй» приносил определенные результаты, но его влияние в строгом смысле не прогнозировало результат, и в сегменте православного духовенства советский эксперимент социального конструирования, скорее всего, оказался провален.

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АУФСБ СО). арх. № 26797-с.

Бабкин М. А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.) : иссл. и мат.-лы. М., 2011.

Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917.

ГА РФ. Ф. 550 (Арсений Стадницкий); Ф. 4652 (Патриарх Тихон).

Известия Западного исполкома. 1918. 6 сентября.

Каиль М. В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 57–64.

Макарий (Гневушев), архим. Форпосты русские // Московские ведомости. 1914. № 20, 26, 62, 69, 78.

Орловские епархиальные ведомости. 1917. № 11, 22 (приложение).

Петюкова О. Н. Русская Православная Церковь в российской деревне в 1920-е гг.: (По материалам губерний Центральной России): дисс... канд. ист. наук. М., 1997.

Правые партии. 1905–1917 : док-ты и мат.-лы : в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998.

Прибавления к Церковным ведомостям. 1917. 25 февраля. № 8.

РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС)

РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода); Ф. 831 (Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода).

Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., авт. предисл. и комментариев М. А. Бабкин. М., 2006.

Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.

Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии / пер. с англ. Н. Соколова. М., 2018.

УДК 94(47).084.3/.084.6:322

Г. А. Быковская, В. Д. Черных

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД 1917–1937 гг.: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ ИЛИ ПОПЫТКА ВЫЖИВАНИЯ?

В данной статье рассматривается тема взаимоотношений Русской Православной Церкви и советского государства в XX в. Борьба большевиков с религией рассматривалась ими как первоочередная задача. Это проявилось и в национализации собственности, и в прямых гонениях на патриарха, иерархов и мирян, и в провокации с изъятием церковных ценностей, и в попытке разделения Церкви изнутри путем поддержки различных обновленческих групп. Период 1917–1937 гг. характеризуется выработкой новой системы взаимоотношений между атеистической властью и Церковью. Особенно показательна в этой связи роль митрополита Сергия (Страгородского), путь которого совпал с официальным направлением церковной политики в новых общественно-политических условиях.

Ключевые слова: взаимоотношения государства и церкви в XX в., церковное обновленчество, восстановление патриаршества, советская церковная политика.

Столетие начала Октябрьской революции 1917 г. в России вновь заставило обратить внимание на события того периода. Поскольку жива человеческая память о миллионах загубленных жизней, о чудовищных потрясениях страны, поколебавших ее основы, изменивших внешние границы и внутреннее устройство, о братоубийственной Гражданской войне и многочисленных репрессиях духовенства и мирян, актуальным представляется вернуться к теме взаимоотношений

Русской Православной Церкви и советского государства, переосмысливая и рассматривая различные аспекты проблемы.

Историографию изучения данной темы можно разделить на несколько разделов. Во-первых, это советские исследования историков-атеистов, представляющие реакционную сущность идеологии Церкви и ее враждебность коммунистической морали. Среди них такие авторы, как М. Г. Кириченко, акцентирующий внимание на вопросах свободы совести и вероисповедания, политическом и правовом положении РПЦ в СССР [Кириченко, с. 23–36], Н. С. Гордиенко, главная цель монографии которого состояла в описании враждебности РПЦ коммунистической морали и идеологии [Гордиенко, с. 20–45], В. А. Куроедов, обращающий особое внимание на правовую сторону взаимоотношений между государственными и церковными структурами [Куроедов, с. 56–80], Г. В. Воронцов, с позиций научного атеизма анализирующий истоки религии и показывающий ее буржуазный характер [Воронцов, с. 19–23] и др.

Ко второй группе следует отнести исследования 1990–2000 гг., как светского, так и религиозного характера. Среди них диссертации и монографии таких авторов как О. Ю. Васильева [Васильева] и Л. В. Тюрина [Тюрина]. В исследовании Д. В. Поспеловского делается попытка анализа положения различных групп внутри Церкви [Поспеловский, с. 53–114], работа протоиерея Владислава Цыпина представляет собой изложение внутрицерковного взгляда на проблему [Цыпин], интересно исследование М. В. Шкаровского, выполненное на обширной архивной базе, где излагается современный взгляд на проблему [Шкаровский], и других. В работах проводятся исследования различных аспектов взаимоотношений РПЦ и государства, изучаются процессы формирования и эволюции правовой базы политики Советского государства и РПЦ, показаны роль и значение Совета по делам религий.

Синодальный период Церкви оказал негативное влияние на ее развитие. О необходимости реформ говорилось с начала XX в. и к 1917 г. было принято решение о проведении Поместного Собора, открывшегося 28 августа 1917 г. В год прихода к власти большевиков произошло важнейшее событие в истории Церкви. На Соборе были приняты многие постановления, определившие последующее развитие Церкви. Важнейшим стало восстановление патриаршества. Однако почти все эти решения оказались малоэффективными в быстроизменяющихся исторических условиях.

С первых дней прихода к власти большевиков борьба с религией стала одной из основных их задач. Первые декреты касались церковной собственности. Уже 8 ноября 1917 г. Декретом СНК цер-

ковь лишилась собственности на землю, а 24 декабря произошла конфискация всех учебных заведений. В январе 1918 г. был издан Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 2 февраля 1918 г. – Декрет о лишении церкви всего движимого и недвижимого имущества.

Некоторые постановления Собора впоследствии были расценены большевиками как контрреволюционные и позволили проводить еще более жесткую антицерковную политику. Выскажем предположение, что в первый год прихода к власти большевиков церковные иерархи не могли представить, что придется сосуществовать с Советской властью долгое время, причем на ее условиях. Однако экономическое давление, давление на патриарха, а в 1919 г. – массовое изъятие, с церковной точки зрения осквернение, мощей показало отношение государства вполне отчетливо. Многочисленные случаи неповиновения заканчивались репрессиями, показательными массовыми процессами, расстрелами и ссылками. Речь фактически шла о физическом выживании Церкви в сложившихся условиях.

На идеологическом фронте наступление выразилось в поддержке раскола внутри самой Церкви. Реформаторы внутри РПЦ существовали всегда. По мнению Д. В. Поспеловского, в послепетровскую эпоху имели место, по крайней мере, две постоянно действующие причины внутренней напряженности. Первая – это собственно реформа Петра, а вторая – «ученое монашество», т. е. засилье иерархов–бюрократов, оторванных от жизни, от нужд приходского духовенства и народа [Поспеловский, с. 62]. Впервые радикальная реформаторская группа в Церкви обозначилась в 1905 г. Это было так называемое обращение «Группы 32-х» к митрополиту Антонию (Вадковскому) по вопросам демократизации церковной жизни. Впоследствии некоторые из этой группы вошли в обновленческую церковь. После Февральской революции идеи обновления церковной жизни витали в воздухе. И хотя официальной датой начала обновленчества можно считать 12 мая 1922 г., но архивные документы бесспорно доказывают работу ГПУ в этом направлении начиная с 1918 г. [ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 55. л. 290–303].

Используя арест патриарха Тихона как повод для осуществления своих целей, вожди обновленчества – Введенский, Красницкий и Калиновский создали Высшее церковное управление (ВЦУ). Деятельность ВЦУ проходила под контролем ГПУ и в основном была направлена против патриарха Тихона. В провинции был создан институт уполномоченных ВЦУ, сотрудничавших с ГПУ и применявших насилие в большинстве случаев под прямым руководством ГПУ. По представлению ГПУ органы советской власти выделяли средства для финансовой поддержки ВЦУ. Перед арестованным патриархом

стояла задача сохранения церковного единства, и ради этого 28 июня 1923 г. он подписал Послание, где заверил правительство в своей лояльности и выразил сожаление по поводу контрреволюционных высказываний в 1919 году.

Огромную роль в разрушении Русской православной Церкви и формировании различных структур, разваливающих ее изнутри, сыграл начальник 6 секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучков. Этот человек всю свою жизнь посвятил борьбе с церковью. При его непосредственном участии в 1921 г. проводилась работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Именно он руководил работой «всесоюзных съездов церковников», на которых были вынесены постановления о низложении патриарха Тихона, об упразднении монастырей и мощей, а также о лояльном отношении церкви к Советской власти. Он принимал непосредственное участие в расстрелах священнослужителей.

РПЦ претерпела еще три крупных раскола, также инициированных властью. Это создание Украинской автокефальной церкви, Украинской обновленческой церкви и «григорьевский» раскол в России. Перед РПЦ стояла почти невыполнимая задача – сохраниться в атеистическом государстве, не превратиться в пережиток прошлого, а быть той животворящей силой, которая необходима всякому человеку в любом обществе. Но Церковь справилась с этой задачей, хотя степень ее уступчивости до настоящего времени не получила однозначной оценки. И если твердость позиции патриарха Тихона не оспаривается, то относительно его преемника – митрополита Сергия до сих пор не утихают споры. Незадолго перед своей смертью патриарх Тихон получил предложение от НКВД легализовать Синод с условием назначения епископата после утверждения НКВД, принятия декларации, осуждающей эмигрантов и установления связей с государственными органами через упоминавшегося выше Тучкова. Патриарх Тихон не принял решения по этому вопросу, поскольку тем самым Церковь оказалась бы в ситуации гораздо более тяжелой, чем в синодальный период. С другой стороны, в сложившейся ситуации у церковных иерархов не было возможности выбора.

После смерти патриарха Тихона сложилась непростая ситуация. Местоблюстителем патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) находился в тюрьме и не мог управлять Церковью. Вновь созданный орган по церковному управлению – Временный высший церковный совет поддерживался государством, но не принимался церковными иерархами [Поспеловский, с. 84]. Тучков по очереди предложил принять выдвинутые государством условия нескольким митрополитам. После отказа все они погибли в лагерях.

30 марта 1927 г. Сергей (Страгородский) был неожиданно освобожден из тюрьмы. Он взял на себя ответственность за управление Церковью и согласился на подписание Декларации. 20 июля документ был официально обнародован. В ней митрополит Сергей объяснял поддержку в нормализации отношений между государством и Церковью контрреволюционными настроениями последней и антисоветскими высказываниями членов Карловацкого раскола¹. В декларации содержались подтверждение полной лояльности советскому государству и заверение в поддержке всех его начинаний. Декларация вызвала бурю негодования среди духовенства и мирян по всему миру. Противники принятия Декларации указывали, что практически ничего из обещанного власть не исполнила, продолжались репрессии, активизировалась деятельность Союза безбожников, созданного еще в 1925 г.²

Сторонники политики Сергея полагают, что в тот период не было другой возможности легализации, и что в противном случае успех остался бы за обновленцами. Сергей же не мог предположить, что Тучков его обманет, и в 1930-е гг. Церковь будут ждать еще большие гонения. Однако подписание Декларации позволило сохранить некоторых из епископов, которые возродили Церковь в 1940-е гг., когда власть вынужденно обратилась за поддержкой к православной церкви как к единственно мощной нравственной силе, объединяющей большинство общества.

По нашему мнению, для нахождения правильного пути взаимоотношений государства и РПЦ важно обратиться к историческим примерам и сделать верные выводы. Необходима переоценка духовных приоритетов, попытка объективно рассмотреть и осознать пути дальнейшего развития православной церкви в современном светском обществе.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дисс... докт. ист. наук. М., 1998.

Воронцов Г. В. Массовый атеизм: становление и развитие. Ленинград, 1983.

Гордиенко К. С. Современное православие и его идеология. М., 1963.

Кириченко М. Г. Свобода совести в СССР. М., 1960.

Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981.

---

¹ Раскол в Русской православной церкви в 1921 г., вызванный решениями архиепископского собора в г. Стремски Карловцы (Югославия) о несвободе патриарха в условиях коммунистического режима в СССР (*прим. ред.*).

² Число членов Союза безбожников в 1926 г. составляло 87 тыс. чел, в 1932 г. возросло до 5 670 тыс. чел. В 1930-е гг., однако, несмотря на всемерную поддержку власти, издание и распространение антирелигиозной литературы и репрессии против верующих, численность Союза постепенно падала и его значение уменьшалось [Поспеловский, с. 114].

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Тюрина Л. В. Государство и Русская Православная Церковь: Эволюция отношений. 1917–2000 гг.: дисс... канд. ист. наук. Курск, 2000.

ЦГАОР Ф. 5263 (фонд Постоянной комиссии по религиозным культам при ЦИК СССР).

Цыпин В. История Русской Церкви: 1917–1997. М., 1997.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. СПб., 2005.

Раздел 8

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: БОРЬБА ЗА НОВУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

УДК 94(470.5).084.5:378

Л. Я. Баранова

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...» (ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У УРАЛЬСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-е ГОДЫ)

Автор утверждает, что основные черты и пути формирования советской идентичности были сформулированы в условиях Гражданской войны во второй программе РКП (б), получили свое дальнейшее развитие в трудах партийных лидеров в годы нэпа и окончательно закрепились в 1930-е гг. Для осуществления своих планов большевикам были нужны специально подготовленные люди, то есть «советская интеллигенция». Поэтому в начале 1920-х гг. партия взяла под тотальный контроль процесс обучения и воспитания в советских вузах.

Ключевые слова: строительство социализма, советский образ жизни, коммунистическое воспитание, пролетаризация социального состава, студенчество, новая мораль, атеизм, идеология, В. Ленин, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Бухарин, И. Сталин.

В 1950-е гг. в советской историографии закрепились мнение, что именно Сталин в 1930-е гг. стал целенаправленно реализовывать широкомасштабный проект социального конструирования, основанный на фантастической идее перестройки мира и построения коммунизма. Этот вывод повторялся в период «перестройки», а также в 1990-е гг. и встречается до сих пор. Внимательное изучение исторических процессов в годы нэпа дает возможность опровергнуть эти выводы и утверждать, что именно в 1920-е гг. были разработаны основные теоретические положения и найдены прак-

тические пути для переустройства общества на основе марксистско-ленинской идеологии.

В условиях Гражданской войны лидеры партии большевиков проводили работу по разработке новой программы, которая была принята на VIII съезде РКП (б) в 1919 г. и явилась мощным пропагандистским средством в борьбе за советскую власть и построение социализма. Уже в проекте программы Ленин обращал внимание на то, что «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организованного, воспитывающего влияния... в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм» [Ленин, Проект программы РКП (б), с. 95–96]. Смысл этих положений он объяснил в речи на III Всероссийском съезде РКСМ в 1920 г.: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [Ленин, Задачи союзов молодежи, с. 309]. Ленинские идеи формирования социалистического образа жизни и подготовки новой интеллигенции последовательно развивали партийные деятели, руководившие сферой народного образования. Н. Крупская (зам. наркома образования) в обращении к советскому студенчеству подчеркивала: «Чтобы стать настоящим красным спецом надо учиться марксизму и ленинизму, усвоить пролетарскую идеологию, понять задачи, стоящие перед пролетариатом, вооружиться знаниями, чтобы творчески преобразовывать жизнь» [Крупская, с. 19]. Подобные мысли можно найти в высказываниях А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина, А. С. Бубнова и других. В 1930-е гг. эти идеи присутствовали во многих выступлениях И. Сталина.

Особое внимание партии к студенчеству определялось не только идеологическими интересами, но также практическими и экономическими. Революция и Гражданская война привели к резкому сокращению интеллектуального потенциала страны. Выступая на IX съезде партии в 1920 г., Ленин говорил о 2 млн человек, уехавших в эмиграцию. Это были в основном высококлассные специалисты с высшим образованием. Командированный на Урал уполномоченный ЦК РКП (б) Д. Бразуль в 1920 г. писал в своем отчете: «Мы не нашли не только инженера и доктора, не только архитектора и финансиста, но и чертежника, фотографа, бухгалтера и мастера» [Бразуль, с. 29]. Для восстановления разрушенной экономики, для дальнейшего развития страны требовались подготовленные специалисты. Уже в конце Гражданской войны для решения этой проблемы большевики начали принимать экстренные меры: демобилизацию специалистов из Красной армии, проведение мероприятий по реэмиграции, выдвиженчество, улучшение материального

положения интеллигенции и др. В ряду этих мер главным стали подготовка и воспитание пригодных для решения подобных задач новых специалистов. Вузы и техникумы пользовались особым вниманием партии. В первую очередь был поставлен вопрос о социальном составе студенчества. На Урале в 1920 г. действовало всего два высших учебных заведения: Пермский университет и образованный по декрету Совнаркома Уральский университет. Необходимо было не только набрать нужное количество студентов, но и резко увеличить рабоче-крестьянскую прослойку в их составе. Этот процесс позже получил в партийной и научной литературе термин «пролетаризация». Мы считаем, что по отношению к 1920-м гг. он не совсем точно отражает процессы, происходившие в изменении социального состава студенчества. К началу 1921/22 уч. г. рабочие, крестьяне и их дети среди студенчества вузов РСФСР составили 14,6 %, в Пермском университете – 25 %, в Уральском – 40 % [Звезда]. Процесс демократизации студенчества начался, на наш взгляд, с принятием 2 августа 1918 г. декрета «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» [Декреты Советской власти, с. 137], когда были созданы возможности для получения высшего образования у категорий, для которых оно ранее было недоступно. Мы считаем, что «пролетаризация» имела место в 1920-е гг., с ограничением прав социальных слоев, не относившихся к рабоче-крестьянским. Партийные органы разработали пути обеспечения доступа в вузы трудящихся и их детей: изменение правил приема (классовый подход), отмена экзаменов, открытие рабфаков для подготовки к обучению в вузах (в 1922 г. на 87 рабфаках республики обучалось 27 тыс. слушателей), проведение мобилизаций (за 1921–1923 гг. только профсоюзы направили в вузы около 300 тыс. чел., на Урале – 600 чел.) [Вихирев, с. 36; Высшая школа в РСФСР и новое студенчество, с. 40].

Рабфаки стали главным каналом продвижения пролетарского студенчества в вузы, к ним было приковано постоянное внимание партийных органов «снизу доверху». Так, вопрос о положении Уральского рабфака только с 8 июня по 1 сентября 1922 г. Уралбюро ЦК РКП (б) рассматривало пять раз. Исключение из вуза студентов рабоче-крестьянского происхождения происходило только с согласия партийной или комсомольской ячейки, им в первую очередь предоставлялись места в общежитиях, стипендии, всевозможные материальные льготы. В 1924 г. по указанию ЦК РКП (б) в вузах страны была проведена академическая проверка, целью которой было не столько освободиться от неуспевающих студентов, сколько «вычистить мелкобуржуазный элемент». Так как эти мероприятия

широко освещались в печати и комментировались пропагандистами, в комиссии по проверке поступало большое количество доносов о сокрытии студентами своего социального происхождения. Собственные дополнительные расследования проводили вузовские партийные и комсомольские ячейки. За период проверки из Пермского университета было исключено 299 чел. (26 % от общего числа студентов), из Уральского – 270 человек. Необходимо отметить, что наибольшее количество исключенных все же составили неуспевающие студенты (84 %), остальные были отчислены за непролетарское происхождение и антисоветские настроения [Студент-рабочий, 1924, № 9, с. 49]. Каждый новый набор в вузы тщательно анализировался партийными органами, принимались конкретные меры по усилению рабоче-крестьянской прослойки. Как отмечалось на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б), «решающий вес пролетарских элементов» был обеспечен к концу первого десятилетия советской власти [КПСС в резолюциях, т. 4, с. 112]. В уральских вузах, находившихся в более плотном рабочем окружении, эти процессы шли быстрее и эффективнее.

Главными проводниками влияния большевиков в вузах стали партийные и общественные организации. Уже на первом партийном совещании по вопросам народного образования в 1920 г. было принято решение «командировать в вузы партийных товарищей для получения высшего образования, направлять опытных коммунистов для руководства вузами и студенческими комячейками [Директивы ВКП (б), с. 97]. В уральские вузы пришли такие известные партийные деятели как Б. В. Дидковский, Бела Кун, Б. Суница и др. Центральные партийные органы предписывали местным органам «воздерживаться от длительных мобилизаций» коммунистов из вузов. В регионах выявилось два подхода к вузовским коммунистам: одни считали, что их нужно включить в ячейки фабрик и заводов, чтобы они активно занимались идеологической работой; другие настаивали на том, что они должны вести партийную работу в вузах и способствовать подготовке советских специалистов. Поддержку у партийного руководства нашло второе направление. С постоянным увеличением пролетарской прослойки среди студенчества происходил рост вузовских партийных и комсомольских ячеек. Если в 1921 г. в Уральском университете коммунисты составляли 4,3 %, то в 1928 г. (УПИ) уже 14,6 %, в Пермском университете соответственно 2,0 % и 10,9 %. Студенты-коммунисты входили в правление вузов, приемные и предметные комиссии, студкомы общежитий, в хозяйственные комиссии и кассы взаимопомощи, в правления студенческих клубов и редакции журналов.

Они на практике проводили партийные установки по идейному воспитанию и прививали нормы коммунистической морали.

Уже к середине 1920-х гг. основная часть студентов уральских вузов являлась членами ВЛКСМ и до 90 % были членами профсоюза, что становилось основой для восприятия социалистических норм жизни. Партячейки вузов все больше ориентировались на идейно-политическую работу среди студенчества, на борьбу с антисоветскими проявлениями. Представитель ЦК ВКП (б) А. И. Сверцов, выступая на Всесоюзном совещании вузовских ячеек, объяснял, что «если ячейка занимается такими вопросами, как распределение талонов в баню или трамвайных билетов, то ей некогда заняться политико-воспитательной работой и беспартийным студенчеством» [О работе ячеек РКП (б), с. 11]. Создавая условия, формируя целостную систему воспитания «гармоничной личности в условиях победившего социализма», основной упор делался на идейно-политическое воспитание, а на его основе – на трудовое, нравственное и т. д. Партия нацеливала вузовских коммунистов на «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти» [КПСС в резолюциях, т. 2, с. 49]. Именно в 1920-е гг. в вузах, да и в советском обществе в целом, сложилась система идеологического воспитания, которая с некоторыми изменениями и поправками на текущую ситуацию просуществовала до конца советского периода. Можно отметить только некоторые особенности изучаемого периода. В условиях нэпа идеологическая работа в вузах объективно носила характер классовой борьбы, так как большое число студентов было из «мелкобуржуазной среды». С другой стороны, нэп давал больше свободы для выражения своих взглядов, что делало процесс более демократическим. Студенчество широко обсуждало сменовеховские идеи, читало независимую от партии прессу. К ней относился сменовеховский журнал «Новая Россия», который в редакционной статье определил свой статус «как беспартийного публицистического органа, призванного искать «новую идеологию» [Новая Россия, 1922, № 1, с. 1–3].

Главным способом борьбы с иными взглядами стало введение в вузах обязательных курсов общественных дисциплин, основанных на идеях марксизма-ленинизма. Декретом СНК от 4 марта 1921 г. в вузах был введен обязательный минимум общественных наук [СУ РСФСР, 1921, № 19, с. 117–119]. Отсутствие подготовленных для чтения этих курсов преподавателей привело к тому, что во многих вузах, особенно вне столицы, не преподавалось ни одной общественно-политической дисциплины. Ленин обращал на это внимание партийных органов, требуя принять срочные меры: «До сих пор

в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [Ленин, Предисловие к книге И. И. Степанова, с. 52]. Для подготовки кадров был создан Институт красной профессуры, в вузы направлялись коммунисты, имевшие хоть какую-нибудь теоретическую подготовку, активизировалась работа вузовских коммунистов. В условиях отсутствия идеологических учебных дисциплин студенты-коммунисты создавали кружки политграмоты, проводили политэкзамены и политсуды (в том числе и для преподавателей, что часто приводило к конфликтам). ЦК ВКП (б) регулярно рассматривал вопрос о политическом образовании студентов, опираясь на отчеты местных окружкомов по этой проблеме. Изучение протоколов первичных партийных и комсомольских организаций подтверждает, что они широко практиковали личные отчеты студентов об изучении общественных дисциплин, строго спрашивали за неуспеваемость и пропуски. Важным аспектом этой деятельности было обеспечение студентов политической литературой. При отсутствии специальной литературы широко использовался материал из центральных и местных газет и журналов. С 1920-х гг. подписка на печатные издания стала обязательной для каждого студента, хотя регулярно их читали не более 25 % [Студент-рабочий, 1924, № 4–5, с. 88].

Особое место в системе политического воспитания студентов уральских вузов заняли их собственные журналы: «Студент-рабочий» (Уральский университет), «Студент-пролетарий» (Пермский университет). На их страницах размещались материалы политических дискуссий и лекции по общественным дисциплинам, наиболее актуальные статьи из центральных журналов, материалы для политинформаторов. Многие студенты были агитаторами, выступали с лекциями в подшефных университетах волостях. Центральный журнал «Красная молодежь» в 1924 г. писал, что «журнал уральского студенчества (Студент-рабочий) надо признать одним из лучших выходящих в СССР студенческих журналов [Красная молодежь, 1924, № 2, с. 185]. Студенческие печатные и рукописные журналы и газеты этого периода заслуживают отдельного заинтересованного анализа.

В 20-е гг. закрепился основной принцип в трудовом воспитании советской молодежи – это коллективный, добровольный, безвозмездный труд на благо общества. А. В. Луначарский, выступая перед студентами, учил их, что базой трудового воспитания, позволяющей сформировать у молодых людей коммунистические взаимоотношения в процессе труда, «является только

коллектив» [Луначарский, с. 33]. Следует отметить, что со стороны партии и власти всегда присутствовал прагматичный подход к студенчеству как к бесплатной рабочей силе, хотя он обычно прикрывался идеологическими лозунгами или кампаниями (помощь колхозам в уборке урожая, освоение целины, субботники, строительные отряды и т. д.). Особенностью трудового воспитания студенчества в 1920-е гг. было как раз то, что оно носило не столько идеологический характер, сколько экономический. В докладе Наркомпроса (1921 г.) отмечалось, что «высшие учебные заведения стоят без ремонта, все отвратительно оборудованы, средств на их содержание не хватает [Народное просвещение, с. 20]. «В этом году на 500 слушателей Пермский рабфак получил 9 пар обуви, что свидетельствует о крайне тяжелом материальном положении студентов, об отсутствии государственных средств» [Пермский рабфак, с. 26]. В 20-е гг. студенты были вынуждены сами заниматься спасением своих учебных заведений, тем более что пролетарская часть студенчества была приучена к труду. Студенты уральских вузов работали на лесозаготовках и обеспечивали вузы топливом, заготавливали продовольствие для своих столовых, изготавливали приборы для лабораторий, производили товары ширпотреба (мыло, соду, мебель и др.) на продажу. Как вспоминали студенты тех лет, в общежитии, в учебном здании, в столовой они привыкли все делать своими руками. Впрочем, других возможностей и не было. С улучшением материального положения в стране основным трудом студента становилась учеба, вводилась производственная практика, начинали работать научные кружки. В вузах были введены «трудовые книжки», в которых отмечались не только успеваемость, но и общественно-полезный труд, участие в субботниках¹.

Наиболее сложно и радикально в советских вузах, как и в целом в обществе, шли процессы внедрения новых моральных стандартов. Это было связано не только со стойкостью исторических традиций, но и с изменениями, которые привнесла практика нэпа после суровых лет Гражданской войны. А. С. Бубнов в выступлении перед студентами подчеркивал, что нэп принес новый расцвет «бульварщины, пинкертоновщины и порнографии» [Бубнов, с. 35]. Клара Цеткин, которая много общалась с Лениным и обсуждала вопросы новой морали, писала: «Ленин всегда делал упор на то, что коммунисты не должны допускать, чтобы вопросы коммунистической морали трактовались не по-марксистски и создавали почву для дезорганизующих уклонов и извращений» [Воспоминания о Лени-

¹ В 1970-е гг. опыт с книжками будет повторен в виде общественно-политической практики (ОПП).

не, с. 48]. В директивах большевиков постоянно указывалось на то, что необходимо бороться с морализаторством, не допускать отрыва от партийных и классовых принципов. Утверждался тезис, что морально то, что служит делу партии и построению социализма.

Борьба за коммунистическую мораль прежде всего приняла откровенный антирелигиозный характер, и в 1920-е гг. она носила оттенок большей непримиримости, чем в 1930-е гг., что объясняется поколенческой близостью к слою верующих и меньшим количеством воинствующих атеистов. В вузах вместо религиозных праздников отмечались комсомольское рождество, пасха, крестины. Комсомольские крестные нарекали детей новыми революционными именами. Вместо крестных ходов в Перми и Свердловске студенты организовывали свои демонстрации.

По-новому в вузах встал вопрос об отношении к женщине. Огульное отрицание старых «буржуазных» норм (супружеская верность, нормы семейного права и т. д.) привело к дискуссии о принципах «свободной любви». Студент С. Смирнов в статье «Мысли о сущности старой и новой любви» проводит мысль о том, что «разрывы будут случаться с неизбежностью, не надо их страшиться, детьми займется государство» [Студент-пролетарий, 1924, № 3, с. 28–30]. На страницах студенческой печати и в аудиториях активно обсуждалась знаменитая теория «стакана воды» (удовлетворить сексуальную потребность должно быть так же просто, как выпить стакан воды), по сути которой выступал даже Ленин.

По-революционному шел процесс выработки норм поведения студенчества, особенно в отношении преподавателей и студенток, которых раньше в российские вузы не допускали. Низкий культурный уровень пролетарского студенчества, большевистская идейность приводили к множеству конфликтов, которые приходилось разбирать партийным и комсомольским органам. Судя по протоколам заседаний, студентам объясняли, что нужно соблюдать определенные правила при общении с профессурой (здороваться, спрашивать разрешения войти и выйти из аудитории, уступать место и т. д.), что чистая одежда, галстук, носовой платок не являются элементами буржуазной культуры и мещанством. Было бы необъективно не отметить, что в эти годы утверждались нормы поведения и общения, о которых все больше ностальгирует старшее поколение сегодня: взаимопомощь, скромность, национальная терпимость, многие черты, которые принято называть толерантностью. Большое значение для развития этих черт имели совместное проживание в общежитиях, времяпрепровождение в студенческих клубах, организация многочисленных мероприятий. Таким образом, к концу

1920-х гг. выработался определенный советский тип поведения, основанный на упрощенных представлениях о личной свободе и марксистско-ленинской идеологии.

Бразуль Д. На освобожденном Урале и в освобожденной Сибири. Екатеринбург, 1921.

Бубнов А. С. Буржуазное реставраторство. Пг., 1923.

Вихирев Н. В. Рабочие факультеты к десятилетию Октября. М. ; Л., 1927.

Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 5. М., 1979.

Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Пг., 1923.

Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964.

Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. М. ; Л., 1929.

Звезда (Орган Пермского губкома РКП (б) и губисполкома). 1921. 8 июня.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1970. Т. 4.

Красная молодежь. 1924. № 2.

Крупская Н. К. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 20–30.

Ленин В. И. Проект программы РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 38. С. 81–124.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 51–52.

Луначарский А. В. Воспитание нового человека. Л., 1928.

Народное просвещение (Орган Наркомпроса РСФСР). 1923. № 2.

Новая Россия. 1922. № 1.

О работе ячеек РКП (б) высших учебных заведений. М., 1925.

Пермский рабфак за 10 лет. Пермь, 1929.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 19.

Студент – пролетарий (Орган бюро профсекций Пермского университета). 1924. № 3.

Студент – рабочий (Орган бюро профсекций Уральского университета). 1924. №4–5, 9.

УДК 94(47).084.3/084.6:378.12

Е. А. Долгова

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ (1921–1938) КАК ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОЕКТ¹

Статья посвящена проблеме функционирования учебных заведений, созданных после Революции 1917 г. для подготовки новых преподавательских и научных кадров по обществено-экономическим дисциплинам в образовательном, экономическом пространстве и инфраструктуре науки 1920–1930-х гг. На примере истории Института красной профессуры изучается практическая реализация одного из государственных проектов в сфере науки и элитарного образования. Цель доклада – определение результативности ИКП с точки зрения финансовых инвестиций власти. Автор исследует государственные ассигнования и кредиты, вклады преподавательского корпуса и стипендии слушателей, анализирует их динамику в период существования институции и специфику преломления в повседневности 1920–1930-х гг., отвечает на вопрос о формальных показателях результативности работы Института красной профессуры как научно-образовательного центра (количество защищенных квалификационных работ). Анализируя границы и потенциальные возможности государственного регулирования такого специфического социального института как наука, автор ставит вопрос о соотношении регулятивных функций государства с бытовыми реалиями 1920–1930-х гг. и о самой успешности функционирования Института красной профессуры как государственного проекта. В основу доклада положен широкий комплекс делопроизводства и статистики, отложившийся в Государственном архиве Российской Федерации и Архиве Российской Академии наук.

Ключевые слова: проектирование образования, Институт красной профессуры, инвестирование, финансирование, стипендиальный фонд, заработная плата, кредиты.

Говоря об Институте красной профессуры – учебном заведении, созданном в 1921 г. для ускоренной подготовки кадров профессорско-преподавательского состава для высшей школы – следует отметить тенденциозность институции в историографии [Никуленкова; Шевелева] и внимание к ней в синхронной документации [Покровский, Институт Красной Профессуры, 1922; Он же, Институт Красной Профессуры, 1923; Он же, Десятилетие Института, Он же, Речь на десятилетии; Мехлис; Дубыня, Панкратова]. Хотя Институт красной профессуры, безусловно, был лишь одним из учреждений того време-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, № 16-31-01079, а2.

ни (похожим на него, например, была «Свердловка» – Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова) [Груздинская, Метель, с. 84], представляется интересным изучить его если не как уникальный, то как один из «мобилизационных проектов» в сфере обновления науки и образования с точки зрения инвестиционной составляющей – в данном случае, финансовых вложений государства в обеспечение институции и возможных оценок результативности ее работы.

В первые годы своего существования Институт переживал период внимания власти к его работе, нашедшего отражение в предоставлении определенных льгот и привилегий социально-экономического характера слушателям ИКП и их руководителям. Так, например, по постановлению СНК и Совета труда и обороны СССР (СТО) от 11 февраля и 30 марта 1921 г. для слушателей ИКП и их руководителей была установлена высшая в то время тарифная ставка по 35-му разряду. С введением в 1922 г. тарифа ответственных работников на них была распространена ответственная ставка по 17 разряду с нагрузкой 50 % (в сумме 120 руб.) [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 319, л. 40]. На госбюджет были приняты и все расходы ИКП по содержанию зданий, включая обслуживающий штат и коммунальные услуги (воду и электричество) [Там же, л. 10].

Безусловно, в условиях нестабильности финансовой системы начала 1920-х гг., мы можем лишь косвенно судить о финансировании ИКП. Однако сохранившаяся в документации ГАРФ заявочная смета расходов характеризует перечень планируемых расходов: они представлены в табл. 1.

Таблица 1

Перечень расходов Института красной профессуры на 1923–1924 гг.*

Расходная статья	Руб. денежными знаками 1923 г.
Заработная плата	41 145 708
Хозяйственно-операционные расходы	6 561 220
Отопление	2 100 000
Почтово-телеграфные и телефонные расходы	64 000
Путевое довольствие [слушателей]	50 000
Государственное сооружение	18 236 321
Издательство	788 250
Социальное обеспечение	1 347 736

* Сост. по: [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 232. Отчет учебной части, анкета и смета расходов за 1922–1923 гг. Института Красной Профессуры. 1923. Л. 9].

Расходы на заработную плату в Институте красной профессуры распределялись при этом следующим образом (отметим, что они включали как заработную плату преподавателей и административно-технического персонала, так и слушателей). На окладное содержание слушателей ИКП запрашивалось в расчете на 240 штатных единиц – на год: 29 914 560, в месяц – 2 492 880 руб. денежными знаками 1923 г. На окладное содержание профессоров – на 67 штатных единиц приходилось в год 8 351 148, в месяц 695 929 руб. На окладное содержание административно-технического персонала на 65 штатных единиц – соответственно 2 400 000 и 200 тыс. руб. [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 2, д. 232, л. 10]. Указанные цифры, кроме заработной платы, позволяют установить и численность кадрового состава ИКП в указанный период.

Финансовое внимание власти к ИКП несколько снизилось в 1924 г. – это совпало с первым выпуском «красных профессоров». Эту тенденцию иллюстрирует отказ от привилегированного финансового обеспечения слушателей и преподавателей: хотя в марте 1924 г. тариф ответственных работников был повышен до 192 руб., ИКП продолжал получать зарплату для слушателей и преподавателей по прежнему штатному расписанию, исходя из ставки в 120 руб. Эту же ставку за Институтом сохранили и на 1925–1926 гг. Сложность заключалась в том, что за это время произошло увеличение контингента слушателей и их руководителей: фактически за декабрь 1925 г. Институт смог выдать состоящим в штате только по 100 руб. В ноябре 1925 г. тариф ответственных работников было увеличен еще больше, до 225 руб., – это обстоятельство заставило руководство ИКП, наконец, обратиться с прошением о повышении зарплаты преподавателям и слушателям хотя бы до 150 руб. Однако поданный документ на этот раз встретил отказ [ГАРФ, ф. А-259, оп. 96, д. 2745].

Сокращение ассигнований Институту стало причиной того, что администрации пришлось ввести квартирную плату и взыскивать со слушателей полную стоимость коммунальных услуг за проживание в двух общежитических бараках по адресу Бережковская, 46 и Малая Пироговская, 20 [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 319, л. 6, 9, 10]. Она колебалась в пределах от 30 коп. до 1 руб. 20 коп. в зависимости от заработка плательщика и состава его семьи. Однако и эти суммы платить «красным профессорам» порой было сложно: в документах встречаются многочисленные прошения о снижении или полном освобождении от уплаты [ГАРФ, ф. Р-7668, оп. 1, д. 3070, л. 24]. В среднем за счет такого внебюджетного источника – квартплаты – ИКП получал дополнительно до 850 руб. в месяц [Там же, л. 11].

Причины ограничения финансирования ИКП в 1924–1926 гг. заключались, на наш взгляд, в неопределенности его ведомственной принадлежности в указанный период: формально он состоял на бюджете Главнауки, однако форма вузовского учреждения логично предполагала финансирование из средств, отпускаемых Наркомпросом на развитие сферы высшего образования. 1924–1927 гг. были отмечены сохранившейся в ГАРФ перепиской двух ведомств по вопросу о том, кто и из какого бюджета должен финансировать «приоритетный», но дорогой государственный проект [ГАРФ, ф. А-259, оп. 116, д. 2900; оп. 96, д. 2745]. Ситуация смягчилась в 1927 г., когда ИКП стал учреждением союзного значения и вошел в узкий перечень учреждений ведения ЦИК СССР [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 1372]. Однако именно с этого времени финансирование ИКП окончательно перестало носить чрезвычайный характер и стало регламентированным – например, повышение стипендий слушателям производилось по всем учреждениям ЦИК одновременно [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 29, д. 491, л. 4].

Вслед за переводом ИКП в ведение ЦИК последовало обследование работы институции в хозяйственно-финансовом отношении в 1928 г. [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 43, д. 1430]. Проверка выявила как мелкие недочеты, так и прямые нарушения. Так, вопросы вызвало привлечение подрядчиков на достройку флигеля «Орга-Строй» по ул. Фридриха Адлера, обусловившее лишний расход в 2 500–3 000 руб. [Там же, л. 111об]. Непонятными показались и ничем не обоснованные дополнительные расходы на заготовку топлива при наличии трех–четырёхмесячного запаса [Там же, л. 112об]. Самым серьезным зафиксированным нарушением стала неясная логика распределения заработной платы, а именно, вопрос оплаты педагогического совместительства слушателей. Стипендиальный фонд составлял 175 руб. в месяц на слушателя, однако, помимо стипендии, значительная часть слушателей (около 125 чел. из 375 состоящих на тот момент. – Е. Д.) параллельно получали заработную плату за преподавание на младших курсах. Выяснить же месячный размер заработка каждого из указанных слушателей не представилось возможным, так как ни в бухгалтерии, ни в учебной части таких сведений «не оказалось»; при обследовании учебной частью был представлен лишь список слушателей с указанием их фамилий и места работы [Там же, л. 113об.]. Выявленные нарушения финансово-хозяйственной дисциплины объяснялись неразберихой в управлении ИКП: так, из-за работы в нескольких учреждениях проректор по административно-хозяйственной части бывал в Институте лишь несколько часов в день [Там же, л. 113]. Сложным был и микроклимат в коллективе: отмечалось, что управляющий делами товарищ Вальков, не доверяя бухгалтерии, сам вел параллельные книги по учету материалов [Там же].

Превращение Института красной профессуры в учреждение союзного значения изменило принцип его финансового обеспечения. Однако улучшилось ли оно? ИКП был отнесен к первой группе учреждений – наряду с Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма, Институтом национальностей СССР, Всесоюзным коммунистическим институтом журналистики им. Правды, Среднеазиатской академией комвоспитания, Институтом востоковедения имени Нариманова; ко второй группе были отнесены Музей Революции СССР, Курсы марксизма-ленинизма, Высшие сельскохозяйственные коммунистические школы, Институт народов Севера, Курсы национальностей народностей Востока, Среднеазиатский государственный университет. Конечно, по сравнению со второй группой, ИКП получал большее финансирование, однако мы должны помнить о том, что в начале 1930-х гг. Институт красной профессуры разделился на ряд отраслевых ИКП, многократно преумножившись в численном отношении – как контингента слушателей, так и преподавателей и административно-технических работников.

В документации поздних лет работы Института отмечалось, что материально-бытовое положение слушателей и преподавателей было не вполне удовлетворительным. Ключевое и дорогостоящее событие рубежа 1920–1930-х гг. – постройка гигантского комплекса зданий, отведенных под общежитие для ИКП, на Большой Пироговской ул. – не решило жилищного вопроса: в один момент оно оказалось заполнено хлынувшей волной расширенного, «союзного», приема слушателей, а также лицами, порой имевшими весьма опосредованное или вообще не имевшими отношения к ИКП [Долгова, Квартирный вопрос]. Налицо были и другие, более мелкие проблемы. Так, «икаписты» оказались приравнены как в продуктивном, так и в плане обеспечения «ширпотребом» к остальным категориям служащих, а на практике – прикреплены к распределителю, который обслуживал другие советские учреждения в количестве 30 тыс. человек [ГАРФ, ф. Р-7668, оп. 1, д. 950, л. 13]. Конечно, это не могло не сказываться на качестве обслуживания. Попытка же организовать распределитель, совместный с Комакадемией, ни к чему не привела [Там же, л. 20]. Впрочем, и учреждение отдельного распределителя для ИКП мало чем смогло бы помочь, так как слушатели так и не оказались включены в списки особого спецснабжения ответственных работников [Там же, л. 13об]. Скверной, по их отзывам, была и столовая, а обед в ней стоил 2 руб. 50 коп. при стипендии в месяц в 250 руб. [Там же]. Нарекания вызывало и медобслуживание, особенно после того, как в 1931 г. Наркомздрав постановил открепить ИКП от поликлиники Комиссии содействия ученым и передать медобслуживание слуша-

телей ИКП в общерайонные амбулатории Минздрава [Там же, л. 12]. Последнее показалось особенно возмутительным и даже повлекло за собой ходатайство, в котором отмечалось: «Курсы марксизма обслуживаются учреждениями Санупра Кремля, а ИКП будут обслуживаться в общем порядке – такова извращенная логика действительности» [Там же]. Еще одним камнем преткновения было отсутствие литературного пайка, – по сравнению, например, с аспирантами Академии наук СССР. Таким образом, «икаписты» – как слушатели, так и преподаватели – находились в двояком положении: с одной стороны, громкое название Института красной профессуры было на страницах периодики; с другой – «красные профессора» оказывались странным полу-академическим субстратом, не имевшим даже минимальных привилегий как, с одной стороны, ответственных, «идеологических» партработников, так и, с другой, обучающихся аспирантов. Численность же «икапистов» ставила под угрозу даже тот объем распределения, который был им доступен, одновременно многократно увеличивая обращенные к государству финансовые запросы.

Наиболее ярко экстенсивно растущую инвестиционную «дороговизну» Института красной профессуры иллюстрируют расходы ИКП на обучение слушателей. В 1929 г. был установлен размер их стипендии в 250 руб. в мес., однако он был явно недостаточен и инициировал прошения о ее повышении. В 1934 г. размер стипендии был проиндексирован, однако вместо запрошенных 400 руб. с 1 января она составила 300 руб. [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 26, д. 317, л. 3; ф. Р-7668, оп. 1, д. 950, л. 13–13об.]. В 1936 г. стипендия была повышена до 400 руб. [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 29, д. 491, л. 4].

Однако расходы на обучение «икапистов» включали не только их стипендию. Важнейшей составляющей была заработная плата преподавателей – в 1936 г. она была увеличена с 15 до 25 руб. за час семинарских занятий и с 25 до 50 руб. за час лекционных занятий, руководителям кафедр со 150 до 300 руб. в месяц [Там же]. С 1935 г. появилась и новая статья расходов – ассигнования на обеспечение диссертационных защит слушателей (табл. 2).

Таблица 2

Справка о заявленных расходах на диссертационные работы для выпускников ИКП, 1936 г.*

Наименование учреждения	Расходы, руб.
ИКП Мирового хозяйства и Мировой политики	156 940
Историко-партийный ИКП	43 900

Окончание табл. 2

Наименование учреждения	Расходы, руб.
ИКП Истории	55 900
ИКП Литературы	20 700
ИКП Философии	13 650
Аграрный ИКП	13 300
ИКП экономики	68 340
ИТОГО	372 390

* Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 491. Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК СССР об оплате преподавателям за приемные и переводные испытания и об отпуске средств на подготовку и защиту диссертационных работ слушателям ИКП. Л. 14].

Указанные в Табл. 2 суммы формировались из оплат расходов по написанию диссертации (оплата часов научного консультанта из расчета 40 час. × 25 руб. × количество человек; рецензентов из расчета диссертации объемом в 10 печатных листов по 75 руб. лист, всего на 1 диссертацию – 4 чел.; членов комиссии из расчета 300 руб. × количество членов комиссии × количество диссертантов) и организационных расходов (напечатание 10 экз. диссертации размером в 10 печ. л.; расходов на литературу – справочники, оттиски-вырезки, архивные документы, диаграммы и схемы в качестве иллюстративного материала на защиту из расчета 250 руб. на диссертацию; предоставление помещения для командированных, приобретение бумаги); проведение защиты диссертации (объявление защиты в газетах, стенографирование процедуры защиты) [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 29, д. 491, л. 6–11]. Указанные расходы – дробные и детализированные, однако это только часть учебного процесса, причем наиболее результативная, успешная страница в работе институции.

Подчеркнем, что синхронная документация внимательна в этот момент не столько к растущим расходам на организацию учебного процесса в ИКП, сколько к другим, гораздо более важным показателям – а именно, статистике выпуска и академического движения слушателей. Как показывают документы, до самой диссертационной защиты последних доходило не так много. Табл. 3. показывает количество выпускников, на чьи диссертационные защиты испрашивались суммы в 1935–1936 гг. Сколько же их было?

Таблица 3

*Выпускники Института красной профессуры
по отраслевым ИКП, 1935–1936 гг.**

Наименование учреждения	Год окончания	Количество человек	Год окончания	Количество человек
ИКП Мирового хозяйства и мировой политики	1935	30	1936	13
ИКП Экономики		4		9
ИКП Истории		9		4
Аграрный ИКП		12		3
ИКП Советского строительства и права		7		5
ИКП Философии		7		5
ИКП Литературы и искусства		8		13
Объединенный ИКП в Ленинграде	1935	34	1936	19
ИТОГО	1935	111	1936	71

* Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 491. Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК СССР об оплате преподавателям за приемные и переводные испытания и об отпуске средств на подготовку и защиту диссертационных работ слушателям ИКП. Л. 13].

Табл. 3 дает низкие цифры двух выпусков. Поставим вопрос иначе и охарактеризуем динамику академического движения – статистику поступлений, переводов и отчислений слушателей. За 1935 г. она отображена в Табл. 4.

Здесь обращает на себя внимание показатель в графе «выбыло, не окончив курс» – именно он характеризует академическое движение слушателей как отрицательное. Лишь кратко указав как на основную причину отчисления слушателей, прежде всего, их трудовые мобилизации и лишь потом – академическую неуспеваемость [подробнее см.: Долгова, Институт красной профессуры], отметим главное: подобная отрицательная динамика не могла восприниматься позитивно и была отмечена в ревизионной документации того времени. В письме председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП и заключении по вопросу слияния ИКП с аспирантурой социально-экономических вузов, написанном в июле 1936 г., отмечалось: «десять тысяч в год стоит один слушатель ИКП» [ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 64, д. 1799, л. 8]. Безусловно, ИКП воспринимался как дорогой и не окупающий инвестиций, во многом работающий «вхолостую» проект.

Окончание табл. 4

Территория	Название учебного заведения с указанием специальности	Число педагогов	Состоит учащихся на 1.01.1934	Принято		Сверх того реведено на все курсы из других ВУЗов	Окончило курс за год	Выбыло за год, не окончив курса	В том числе реведено в другие учебные заведения	Сколько состоит учащихся на 1.01.1935
				Всего	В том числе на 1 курсе					
Область, край, республика	Город, селение									
Ивано-во-промышленная область	Иваново	12	46	32	32		12	22		44
Куйбышевский край	Куйбышев ¹	18								
УССР	Харьков ³	Нет сведений	281	50	50			202		129
Итого по 12-ти		288	1017	308	300	5	213	409	6	821

* Сост. по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 640. Титульные списки комвузов, промакадемий, Институтов Красной Профессуры, коммунистических сельскохозяйственных школ по ССССР и союзным республикам на 1 января 1935 г. Л. 4].

² Примечание составителя: «Данные на 1.10.1934».

³ Примечание составителя: «ИКП УССР г. Харьков в ведении ЦИК союзных республик»

Нет сведений

(53)

В сентябре–октябре 1937 г. в ИКП была проведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности [ГАРФ, ф. Р-7668, оп. 1, д. 3082], инициированная, прежде всего, проверкой жилого фонда ИКП на Большой Пироговской улице. Она выявила факт нецелевого использования зданий, построенных «специально для общежития слушателей ИКП», а также «производство ремонтов и продажу материалов и инвентаря на сторону». Дополнительно также была обнаружена несдача в кассу некоторых сборов с жильцов (в частности, комендантом присваивалась собираемая с жителей квартплата за проживание в двух общежитских бараках на Бережковской, 46 и Малой Пироговской, 20, о которых регулярно рапортовалось: «Дома ветхие. Квартплата с жильцов взимается») [Долгова, Квартирный вопрос]. В январе же 1938 г. Институт красной профессуры был закрыт. Ликвидация образовательного учреждения была проведена посреди учебного года, «задним числом» (приказ был подписан 8 января) и «с изрядной спешкой» – незакрытыми хозяйственными счетами, с выплатой стипендии на день отчисления, выходного месячного пособия слушателям и расчетом с преподавателями из средств кредитов, отпущенных на 1938 г. [Козлова].

Вероятно, отыскивать причину закрытия ИКП в результатах ревизии его хозяйственно-экономической деятельности было бы ошибочно. На наш взгляд, говорить можно лишь о совокупности факторов-индикаторов, характеризующих невысокую результативность научно-образовательной институции (среди них – количество и динамика выпусков, возможности последующего трудоустройства слушателей, их дисперсия в административных перемещениях 1930-х гг. и т. д. [Долгова, Институт красной профессуры]). Однако оценка инвестиционной составляющей работы ИКП продемонстрировала несколько характерных тенденций. *Во-первых*, говоря о регулятивных возможностях государства, мы должны констатировать, что они вошли в противоречие с бытовой реальностью 1920-х гг. *Во-вторых*, отметим, что сама инвестиционная динамика носила чрезвычайный, «мобилизационный» характер: начавшись с периода исключительного внимания к проекту, уже после первого выпуска она ослабела, кратковременно усилившись в момент приобретения ИКП статуса «союзного значения»; порой же она противоречила самой себе – например, в моменты трудовых мобилизаций слушателей, в обучение которых ранее вкладывался и т. д. Институт красной профессуры начинался с революционной идеи, какое-то время существовал как «показательный» проект, однако его содержание обходилось государству слишком дорого и в конечном счете оказалось нецелесообразно.

ГАРФ. Ф. А-259 (Совет министров РСФСР); Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР); Ф. А-2307 (Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР); Ф. Р-3316 (Центральный исполнительный комитет РСФСР); Ф. Р-7668 (Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного совета СССР).

Груздинская В. С., Метель О. В. Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 82–87.

Долгова Е. А. Квартирный вопрос для красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.

Долгова Е. А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестн. РГГУ. 2018. № 1. С. 137–151 (Сер. Политология. История. Зарубежное регионоведение. Международные отношения. Востоковедение).

Дубыня Т., Панкратова А. Десять лет Институту Красной профессуры // Борьба классов. 1931. № 8–9. С. 17–30.

Институт Красной Профессуры (Беседы с тов. Покровским) // Свердловец. 1923. № 4. С. 31–32.

Козлова Л. А. Институт Красной Профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.

Мехлис Л. Институт Красной профессуры и проблема кадров // Партийное строительство. 1930. № 2 (4). С. 24–27.

Никуленкова Е. В. Историческое отделение Института Красной Профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 108–123.

Покровский М. Н. Десятилетие Института Красной профессуры // Правда. 1931. 11 декабря.

Покровский М. Н. Институт Красной Профессуры (К первой годовщине) // Правда. 1922. 2 декабря.

Покровский М. Н. Институт Красной Профессуры (К первой годовщине) // Труды Института Красной Профессуры. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. М. ; Пг., 1923. С. 3–10.

Покровский М. Н. Речь на десятилетии Института Красной Профессуры // Борьба классов. 1932. № 1. С. 96–112.

РГАЭ. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР).

Шевелева П. А. Образ «красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист») // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2008. № 21 (99). С. 147–163 (Сер. История. Вып. 22).

УДК 94(470.5).084.5:001

Е. Ф. Синельникова

КОНСТРУИРУЯ СОВЕТСКУЮ НАУКУ: НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА В 1920-е ГОДЫ¹

Одним из важных элементов дореволюционной системы организации науки наравне с Академией наук, университетами, немногочисленными лабораториями высших ученых заведений и ведомств, были научные общества. Большевики, пришедшие к власти, были приверженцами сциентизма, веря в главенствующую роль науки и техники в построении социализма. Исходя из этого, они приступили к конструированию новой советской науки, основными принципами которой должны были стать исследовательский институт как базовая единица организации науки, коллективизм в организации научного труда, марксистская методология.

В статье основное внимание уделяется тому, как научные общества рассматривались новым политическим режимом в соответствии с видением большевиками советской науки, как научные общества взаимодействовали с властью и другими научными учреждениями.

В течение 1920-х гг. новая власть конструировала советскую науку, реорганизации были подвергнуты все элементы дореволюционной науки. В новой социальной, политической и экономической реальности научные общества не могли избежать трансформации. Но отношение к ним большевиков было противоречивым. С одной стороны, власти, стремясь сохранить кадры и научный потенциал страны, рассматривали деятельность обществ как полезную для развития науки и поддерживали их. С другой стороны, большевики хотели, чтобы общества превратились в массовые организации, состоящие из большого числа рабочих и крестьян, полностью подконтрольные власти. На рубеже 1920–1930-х гг. научные общества потеряли свою независимость, были вытеснены из науки в общественную сферу в результате «великого перелома» и утратили свою прежнюю роль в академическом сообществе.

Ключевые слова: научные общества, наука, советская власть, общество, «великий перелом», общественные организации, 1920-е гг., Советская Россия, социальная история отечественной науки.

Взаимоотношения между властью и обществом, властью и наукой в России всегда были непростыми. Безусловно, они развивались особенно драматично в ранний советский период, в течение которого формировалась новая модель взаимоотношений власти и науки, а русская дореволюционная наука трансформировалась в советскую.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-20006.

Одним из важных элементов дореволюционной системы организации науки, наравне с Академией наук, университетами, многочисленными лабораториями высших ученых заведений и ведомств, были научные общества. Они играли значительную роль в становлении профессионального научного сообщества, являясь платформой для презентации новой научной информации, а также способствовали формированию международных научных связей.

До Первой мировой войны система научных обществ росла значительными темпами, отражая социально-политический уровень развития гражданского общества в России. В годы войны общества способствовали модернизации экономики, промышленности и сельского хозяйства. Более того, ученые продолжали создавать подобные организации: Русское ботаническое общество (1915), Русское палеонтологическое общество (1916) и др.

После Февральской революции научные общества быстро установили отношения с новой властью, и некоторым из них даже были обещаны субсидии. Однако в октябре власть была взята большевиками, и социально-политическая ситуация в стране круто изменилась.

Новое правительство рассчитывало использовать науку для создания сильного военно-промышленного комплекса, поднятия сельскохозяйственного производства, создания новых форм социальной жизни, идеологического оправдания своей политики и повышения собственного международного авторитета. Очевидно, что эти цели могли быть достигнуты только по-новому организованной советской наукой. Власть не могла обойтись без «старорежимных» ученых, но ее не устраивали дореволюционные формы организации науки. Интенсивно стали создаваться новые научные учреждения, университеты, кафедры, журналы. В частности, в первые послереволюционные годы было создано 33 исследовательских института [Романовский, с. 152]. В то же время старые формы организации науки не запрещались.

Несмотря на все трудности первых послереволюционных лет, большинство научных обществ продолжали функционировать. Некоторые общества создавались и в эти годы: Общество радиоинженеров (1918), Научное общество марксистов (1919). Тем не менее, часть обществ перестала существовать (например, Юридическое общество при Петроградском университете), а другие только на время приостановили свою работу (Философское общество при Петроградском университете, Русское урологическое общество).

Были созданы новые правительственные учреждения для управления наукой и образованием. 9 ноября 1917 г. декретом ВЦИК и ЦИК и СНК РСФСР была учреждена Государственная комиссия по народному просвещению [СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 32]. Весной 1918 г.

Научный отдел Комиссии собирал и изучал информацию о научных организациях России [Бастракова, с. 132]. Однако, 18 июня 1918 г. комиссия была преобразована в Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) [СУ РСФСР, 1918, № 46, ст. 551].

Научный отдел Наркомпроса пытался установить отношения с научными обществами, направив им 27 июня 1918 г. «Обращение» [ГА РФ, ф. 2306, оп. 10, д. 63, л. 57–57об.] Этот документ представляет значительный интерес, так как является свидетельством установления первого прямого контакта советской власти с научными обществами. В нем излагались основные принципы, на которых власть предлагала научным обществам взаимодействовать с ней. В обращении говорилось, что советская власть хотела «тесного сотрудничества» с научными обществами в «культурном строительстве» [Там же, л. 57]. Наркомпрос выразил готовность поддержать их научную деятельность при условии «быть осведомленным во всех начинаниях и повседневной работе обществ» [Там же, л. 57]. С целью установления «самого тесного контакта с учеными обществами», вместе с «Обращением» рассылался анкетный лист для заполнения, который должен был быть доставлен в Научный отдел до конца июля 1918 г. Научный отдел также просил научные общества представить их уставы, «печатные научные труды, периодические издания и протоколы заседаний за последнее время» [Там же, л. 57об.], впредь оповещать отдел о «всех более или менее значительных начинаниях обществ», присылать повестки на заседания и все научные труды, а также сообщать «раз в три месяца о деятельности общества за этот период» [Там же]. Таким образом, значение «Обращения» трудно переоценить, поскольку оно устанавливало подотчетность научных обществ правительственным органам, а также определяло фундаментальные основы взаимоотношений власти и научных обществ.

В отличие от Академии наук, научные общества сразу пошли на контакт с советской властью. Большевистское правительство, репродуцируя дореволюционные практики, в частности, использовало членов научных обществ в качестве экспертов (например, представители Российского технического общества были членами Центрального совета экспертов [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 58, л. 54], а члены Русского археологического общества участвовали в совещании по библиотечной науке летом 1918 г. [ЦГА СПб, ф. 2556, оп. 3, д. 61, л. 7]).

Одной из проблем для научных обществ в формирующейся системе организации науки было определение статуса. В результате национализации банковской системы [СУ РСФСР, 1917, № 10, ст. 150] они лишились своих капиталов и были вынуждены просить финансирования у государства. Наркомпрос выделял научным обществам

субсидии, помогал с помещениями, оплачивал хозяйственные расходы, как если бы они были полноценными научными учреждениями. Такое положение признавалось научными обществами ненормальным, поскольку они являлись общественными организациями, но противостоять этой политике они не могли. К сожалению, «в условиях, когда государство становилось единственным источником средств для научных исследований, их политизация и идеология были неизбежны» [Колчинский, В поисках советского «союза»..., с. 5].

Некоторая определенность в вопрос статуса научных обществ была внесена декретом СНК РСФСР от 17 февраля 1925 г., согласно которому был утвержден «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народно-го Комиссариата Просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете» [СУ РСФСР, 1925, № 14, ст. 95]. В списке значилось девять ленинградских и шесть московских научных обществ, а также двенадцать провинциальных отделений Русского географического общества. Из девяти ленинградских научных обществ шесть теперь имели в своем названии слово «государственные». Тем самым власть дополнительно подчеркивала их значимость для страны. Примечательно, что к ним были отнесены старейшие научные общества: Русское физико-химическое общество, Российское минералогическое общество, Русское палеонтологическое общество, Русское ботаническое общество, Русское энтомологическое общество, Русское географическое общество. Помимо них, находились под идеологическим и административным контролем Главнауки и полностью финансировались государством Ленинградское общество естествоиспытателей, Русское общество любителей мироведения, Научное общество марксистов. Кроме последнего, все общества были естественнонаучными. Это свидетельствовало об особой заинтересованности советской власти в определенных отраслях науки. Более того, названные общества находились на полном государственном финансировании вплоть до конца 1920-х годов.

Интересен тот факт, что многие из научных обществ, в 1925 г. ставших «государственными», до революции носили титул «императорских». Статус организаций, имевших такой титул, не был официально регламентирован, но на практике он означал возможность обращения к императору, солидные субсидии, различные привилегии [Степанский, с. 20]. Таким образом, можно констатировать преемственность некоторых царских и советских административных практик.

Большевики верили в сциентизм, в то, что наука и техника будут основой для создания социалистического государства. На практике это выражалось в приоритетной поддержке прикладной науки. После Ок-

тябрьской революции научным обществам приходилось вносить изменения в свою деятельность, чтобы соответствовать основным направлениям большевистской научной политики. В это время в обществах, действительно, появлялись некоторые новые отделы: при Обществе гражданских инженеров была открыта «мастерская для приема и выполнения технических заданий» [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 184, л. 27], в Русском энтомологическом обществе появилось отделение Прикладной энтомологии [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 180, л. 60б.], Русское техническое общество организовало в своем составе Комиссию по общей реформе технического и профессионального образования [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 58, л. 130], Комитет Севера под председательством Ю. М. Шокальского был создан при Русском географическом обществе в 1920 г., а годом позже утвержден правительством [Агафонов, с. 183] и др. Для всех этих новых «структурных ячеек» общим был прикладной характер их научно-практической деятельности.

Более того, научные общества взаимодействовали с другими научными учреждениями через их прикладные отделы. Например, Совещание по изучению Севера при Российской Академии наук состоялось в помещениях Русского географического общества 16–24 мая 1920 г. В список научных учреждений, принимавших участие в совещании, наравне с Постоянной полярной комиссией при Академии наук, Зоологическим музеем Академии наук, Лесным институтом и другими научными институтами, входили Российское минералогическое общество, Русское географическое общество и Общество естествоиспытателей при Петроградском университете [ГА РФ, ф. 2306, оп. 19, д. 174]. Таким образом, научные общества признавались существенной частью системы организации науки.

Но этого было явно недостаточно, так как большевики рассматривали коллективную научную работу как важный принцип советской организации науки, что было сложно выполнимо научными обществами. Они традиционно являлись научными центрами, где ученые и специалисты могли регулярно собираться для обсуждения научных проблем, представлять результаты своей работы профессиональному сообществу, но не местами коллективной работы. В течение первого послереволюционного десятилетия научные общества продолжали работать в привычных для себя формах. Однако иногда и сами общества, учитывая предпочтения власти, подчеркивали, что в их работе присутствует коллективное начало. Так, Русское географическое общество в своем годовом отчете за 1924 г. писало, что вся его деятельность «основана на коллективном разрешении научно-исследовательских задач, которые ставятся отдельными научными деятелями на обсуждение отделений общества и подвергаются здесь самому серьезному коллектив-

ному изучению специалистов» [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 691, л. 107]. Ленинградское общество исследователей финно-угорских народностей сообщало в Наркомпрос, что «коллективная работа проявляется, кроме обсуждения докладов на собраниях, еще в работах трех комиссий, но более всего в работе экспедиционной» [ЦГА СПб, ф. 2556, оп. 3, д. 92, л. 13]. Несмотря на это, власть воспринимала научные общества как устаревшую форму организации науки, не соответствующую современным тенденциям и задачам. По этой же причине наиболее прогрессивной формой считался научно-исследовательский институт (НИИ), где в полной мере могла быть реализована идея коллективной работы.

В середине 1920-х гг. власть стала задумываться о месте научных обществ в системе научных учреждений, создаваемой в годы нэпа. По инициативе заведующего Ленинградским отделением Главнауки (ЛОГ) М. П. Кристи 1 декабря 1924 г. было устроено совещание под председательством заместителя заведующего Отделом научных учреждений Е. Душевского, посвященное вопросу согласования деятельности научных обществ и научных учреждений [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 720, л. 109]. Предполагалось, что будут устраиваться совместные заседания представителей научных обществ и НИИ одной научной области в помещениях институтов. Вероятно, представители НИИ в таких совещаниях должны были играть ведущую роль, что подчеркивало бы исключительную важность этих учреждений, созданных советской властью, для развития науки в стране.

В заседании коллегии ЛОГ 29 декабря 1924 г. к обсуждению был представлен «Проект увязки деятельности научных обществ с учреждениями», который получил одобрение. Одновременно вносилась поправка, что в список обществ будет внесено Научное общество марксистов, чья деятельность должна была быть связана со всеми учреждениями, в особенности с Институтом научной педагогики [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 2, д. 1, л. 13]. Это решение указывает на намерение власти идеологизировать науку, тем более что, согласно постановлению бюро Петроградского губернского комитета РКП (б) от 1 марта 1923 г., работу общества должны были значительно усилить «старые члены партии» [ЦГА ИПД СПб, ф. 16, оп. 1, д. 99, л. 28].

По сообщению заведующего ЛОГ М. П. Кристи, направленному им в Главнауку в начале 1925 г., «установление возможно более тесной связи между научными учреждениями и обществами» было необходимо «в целях внесения большей планомерности и углубленности в работу научных обществ, равно как в целях приближения научных учреждений к источникам общественной инициативы, коими эти общества являются, и, наконец, и главным образом в целях достижения наибольшей беспристрастности критики деятельности научных институтов

и обществ (на основе взаимности)» [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 755, л. 10]. Общества были разбиты на группы по научным отраслям, к которым относились научные учреждения города. На совместных заседаниях представителей обществ и учреждений (в основном научно-исследовательских институтов) [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 755, л. 10] было решено обмениваться представителями между советами обществ и институтов, а также периодически обсуждать их отчеты и производственные программы, причем протоколы таких заседаний должны были направляться в ЛОГ [ЦГА СПб, ф. 2555, оп. 1, д. 755, л. 10об.].

Естественно, что власть интересовал и социально-количественный состав научных обществ. Однако, на протяжении 1920-х гг. он оставался неизменным. Ученые и специалисты составляли большинство; любители, интересующиеся наукой и готовые посильно помогать работе обществ, всегда представляли незначительную часть организаций. Процесс трансформации социально-количественного состава научных обществ начался с появления новых законодательных актов в результате «великого перелома» в 1929–1932 гг. В эти же годы происходила масштабная «чистка Академии наук», а вся наука в стране подвергалась коренным преобразованиям.

Так, будучи общественными организациями, с правовой точки зрения научные общества подчинялись всем законам, которые касались деятельности «добровольных» организаций. 6 февраля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли [СУ РСФСР, 1928, № 22, ст. 157]. Первый советский закон об общественных организациях [СУ РСФСР, 1922, № 49, ст. 622], утвержденный в 1922 г., к концу десятилетия уже устарел. По мнению Н. Б. Лебиной и А. П. Купайгородской, Положение 1928 г. «отказывало в праве существования обществам, если их задачи, цели и методы работы признавались противоречащими интересам строительства социализма» [Купайгородская, Лебина, с. 12].

Начавшаяся вскоре перерегистрация существующих обществ стала далеко не формальным мероприятием, она была проведена с размахом и серьезными для всей системы общественных организаций последствиями [Ильина, с. 56]. Перерегистрация научных обществ проводилась на основе новых типовых уставов научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения и не имеющих таковых [Бюллетень НКВД, 1928, № 27, ст. 247].

Логичным продолжением перерегистрации, которая являлась инструментом властного регулирования общественной сферы, стало состоявшее из 30 пунктов Положение о добровольных обществах и союзах [СУ РСФСР, 1930, № 44, ст. 527], утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 30 августа 1930 года.

Положение 1930 г. имело ярко выраженный идеологический характер и поднимало регламентирование и надзор за деятельностью общественных организаций на новый уровень. Оно разрабатывалось «в целях привлечения добровольных обществ и союзов к активному участию в социалистическом строительстве и ввиду необходимости в соответствии с этими целями коренной перестройки форм и методов работы названных объединений на основе широкого вовлечения в эти общества и союзы трудящихся масс и обеспечения пролетарского руководства» [Там же].

В целом Положение 1930 г. было направлено на реорганизацию системы общественных объединений. Общества должны были претерпеть трансформацию и стать массовыми и подконтрольными. Дополнили его новые типовые уставы добровольных обществ, имеющих отделения (не имеющих отделений) [Бюллетень НКВД, 1930, № 36а, ст. 531]. Интересно, что ранее типовые уставы существовали для всех видов обществ: научных, спортивных, пожарных, сельскохозяйственных и прочих, но с этого момента должны были функционировать по единому уставу. Таким образом, полностью нивелировалась присущая каждому виду организаций специфика, что особенно негативно сказалось на научных обществах. После появления новых нормативных актов и образцовых уставных документов началась очередная перерегистрация.

Завершился короткий, но очень активный период советского нормотворчества, касающегося общественных организаций, утверждением 10 июля 1932 г. Положения о добровольных обществах и союзах [СУ РСФСР, 1932, № 74, ст. 331]. Новое положение состояло из 28 пунктов и содержательно не сильно отличалось от предыдущего.

Положение 1932 г., хотя и не привнесло ничего принципиально нового, тем не менее имело важнейшее значение в закреплении регулятивных норм, которые им провозглашались. Дело в том, что оно имело законную силу вплоть до распада СССР, то есть зафиксированные в нем принципы взаимоотношений советской власти и общественных организаций более не изменялись.

Итак, усиление нажима со стороны власти на всю систему научных обществ осуществлялось на основе новых законодательно-нормативных актов 1928–1930 гг., которые были направлены на превращение научных обществ в массовые организации. Эти документы стали завершением развития законодательства об общественных организациях в 1920-е гг. Основными тенденциями его эволюции были: усложнение процедуры регистрации новых организаций, расширение полномочий контролирующих органов, детальная регламентация и формализация внутренней жизни обществ и их деятельности.

Рубеж 1920–1930-х гг. во многих отношениях стал переломным. Из всех научных обществ, функционировавших в 1920-е гг., в последующие десятилетия продолжили работу лишь немногие. По мнению В. А. Кричко, это происходило из-за того, что к концу 1920-х гг. «старые научно-технические общества фактически выполнили свою задачу», поскольку «быстрое развитие отраслей народного хозяйства, рост предприятий промышленности и транспорта, появление кадров специалистов – все это требовало создания новых, широко представленных организаций научно-технической общественности, тесно связанной с производством» [Кричко, с. 28–29].

Тем не менее, научные общества, которые продолжали работать, смогли сохраниться не только из-за своей исключительной «нужности и полезности», но и благодаря безоговорочному подчинению власти. Однако, как справедливо замечал Э. И. Колчинский, «колебания вместе с партийной линией не гарантировали выживания» [Колчинский, «Культурная революция»..., с. 664].

Преобразование научных обществ в контролируемые массовые организации было результатом «великого перелома» в науке и «культурной революции» в общественной сфере. В советской научной системе, сформированной в 1920-е гг., исследовательский институт был основной формой научной организации, а научная работа была коллективной и основанной исключительно на марксистской методологии. Эта система радикально отличалась от дореволюционной, в которой научные общества занимали ведущие позиции. В конечном итоге это привело к вытеснению научных обществ из научной сферы в общественную. Научные общества более не играли значимой роли в советской системе организации науки.

Агафонов Н. Т. Русское географическое общество. 150 лет. М., 1995.

Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973.

Бюллетень НКВД. 1928. № 27; 1930. № 36а.

ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР)).

Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000.

Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб., 1999.

Колчинский Э. И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы : ист.-сравнит. очерки / [И. С. Дмитриев, Ю. Х. Копелевич, М. Ф. Харганович и др.]; Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петерб. фил. СПб., 2003. С. 577–664.

Кричко В. А. Продолжая традиции... (К 125-летию Русского технического общества). М., 1991.

Купайгородская А. П., Лебина Н. Б. Добровольные общества Петрограда–Ленинграда в 1927–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества в Петрограде–Ленинграде в 1917–1937 гг.: сб. ст. Л., 1989. С. 5–16.

Романовский С. И. Наука под гнетом власти. СПб., 1999.

Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980.

СУ РСФСР. 1917. № 3, 10; 1918. № 46; 1922. № 49; 1925. № 14; 1928. № 22; 1930. № 44; 1932. № 74.

ЦГА ИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. 16 (Ленинградский губернский комитет ВКП (б))

ЦГА СПб. Ф. 2555 (Ленинградское отделение Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР); Ф. 2556 (Управление уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по делам ВУЗов, рабфаков, научно-художественных музейных учреждений Ленинграда).

УДК 94(47).084.6:373.5

И. С. Огоновская

ШКОЛЬНЫЙ КУРС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ОБРАЗЦА 1930-х ГОДОВ

Рассматривается проблема изучения отечественной истории в советской школе 1920–1930-х гг. (ее включенности в обществоведческие курсы 1920-х гг. и в качестве самостоятельного курса с 1934 г.). Анализируются школьные программы и учебные издания. Делается вывод о значительном потенциале школьного курса истории и учебных изданий в воспитании советского человека, соответствующего идеалам и нормам советского общества 1930-х годов.

Ключевые слова: история СССР, учебники истории, школа, историческое образование, воспитание.

Октябрь 1917 г. и приход к власти большевиков повлекли за собой серьезные изменения в сфере образования. Начался процесс создания новой советской школы. В Программе РКП (б) 1919 г. определялась

© Огоновская И. С., 2018

задача ее «превращения... из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества», а сама школа должна была стать «проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм», инструментом подготовки «всесторонне развитых членов коммунистического общества» [Народное образование в СССР, с. 18]. В Уставе единой трудовой школы 1923 г. было записано, что вся работа в школе и все ее устройство «должны способствовать выработке у учащихся классового пролетарского самосознания и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно подготовке к полезной производительной и общественно-политической деятельности». В соответствии с этим в основу работы школы ставилось «всестороннее теоретическое и практическое изучение трудовой деятельности людей и ее организации... работа по ознакомлению с силами и явлениями природы, жизнью общества в настоящем и прошлом...» [Там же, с. 149].

История как школьный предмет вызывала наибольшие споры. Многие учителя первых лет советской власти считали, что преподавание истории должно быть объективным и беспартийным. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский писал по этому поводу так:

«Излюбленной позицией учительства и его “передовых” вождей была политическая нейтральность школы, аполитизм в педагогике. Мысль была жалчайшая сама по себе, невежественно-обывательская, к тому же многие учителя и учительницы пресерьезно верили, что они при царе в школах с законом божьим и патриотической историей... работали аполитично» [Луначарский, Идеология накануне Октября, с. 160].

В 1918 г., выступая на педагогических курсах в Петрограде, он задавал вопрос: «Поскольку мы приучаем человека мыслить исторически, даем ему очень большое количество знаний о человеческом прошлом... не делаем ли мы его рабом этого прошлого?» В целом вывод наркома был однозначен: историческое обучение и чрезмерный интерес к прошлому являются опасными, так как «все старое заражено известными пороками... потому что заполнено развитием классового общества, в высшей степени несправедливого, где права и счастье большинства были принесены в жертву меньшинству общества, основанного на заблуждении и невежестве одних и на хищничестве и насилии других» [Луначарский, О преподавании истории, с. 3]. По сути, нарком просвещения считал, что история имеет большое воспитательное значение, однако в условиях новой эпохи она не

может выполнять эту функцию. Критикуя старую школу, в которой существовало националистическое, квазипатриотическое воспитание историей, он призывал во главу угла ставить идею интернационального воспитания.

Как пишет известный историк-методист 1930–1960-х гг. А. В. Фохт, даже главный идеолог того времени, историк М. Н. Покровский, в 1920 г. защищал историю как самостоятельный предмет и выступал за систематический курс всеобщей и русской истории, однако в дальнейшем согласился с мнением автора теории отмирания школы М. Н. Коваленским и выступил против преподавания истории в пользу замены ее обществоведением [Фохт, с. 102]. Обосновывая необходимость введения обществоведения, М. Н. Покровский в 1926 г. писал:

«Старая школа во всех областях, в том числе и в области изучения истории, ориентировалась на прошлое... Отсюда понятно, что история изучалась, как тогда говорили, систематически, начиная от самых древних времен... Разумеется, мы в таком порядке изучать историю не можем и не должны. Марксизм и ленинизм ориентируются не на прошлое, а на будущее» [Покровский, с. 178].

С 1920 г. в школах был введен предмет «обществоведение» с элементами исторических знаний, в который входили сведения по политэкономии, марксистской теории социализма, Конституции РСФСР. Согласно примерным учебным программам 1920 г., на все социальные науки в единой трудовой школе отводился 31 час [Примерные учебные планы для I и II ступени в единой трудовой школе, с. 4; Примерные программы по общественным дисциплинам для школ II-й ступени]. В 1921 г. были разработаны новые программы, утвержденные в том же году научно-педагогической секцией Государственного ученого совета. Авторы программы по обществоведению определили целью изучения данного предмета «фактически обоснованное и конкретное представление о закономерности процесса развития общества», «навыки в научной работе в пределах ее достижимости для различных возрастов школы», понимание закономерностей «разных перемен», готовность «стать сознательными, активными членами общества» [Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы, с. 89]. Само содержание программы было настолько объемным и сложным, а нехватка педагогов в этой области была столь большой, что в школах ФЗУ, к примеру, указанием ЦК РКП (б) от 12 апреля 1923 г. предписывалось «выделять преподавателей по обществоведению там, где их нет, из квалифицированных партийных товарищей» [Народное образование в СССР, с. 146].

С 1923 г. история окончательно исчезла из учебных планов как самостоятельный предмет. Как писала в своей статье 1935 г. А. М. Пан-

кратова, этот факт «был тем бóльшим перегибом со стороны органов Наркомпроса, что к 1923–1924 г. обстановка в школе и в частности положение на фронте исторической науки совершенно изменились: выросли новые, советские кадры преподавателей, появились марксистские исторические книги и учебники, развернулась научно-исследовательская работа марксистов-большевиков в области истории» [Панкратова, с. 35]. Только с 1927 г. история как учебная дисциплина появилась в массовой школе, но не в виде систематического курса, а в «картинном порядке». Авторы объяснительной записки к программе 1927 г., категорически утверждали, что «не может быть и речи о том, чтобы дать на первом концентре систематический курс истории, хотя бы новейшей», и объясняли это тем, что «если поставить систематический курс истории, то... обществоведению нечего будет делать» [Там же, с. 35].

В качестве примера учебного пособия того времени можно привести книгу для чтения «Наш Союз (СССР)» [Наш Союз (СССР)], девятое издание которой вышло в 1930 г. Адресованная учащимся 4-го класса, она содержала такие разделы, как «Наш Союз», «За индустриализацию», «Жизнь и борьба рабочих и крестьян в царской России и Октябрьская революция», «Здоровье трудящихся – наша сила», «Человек и земля» и др. Содержание книги выдержано в полном соответствии с идеологией единой трудовой школы: помимо основных текстов в ней содержатся практические задания, направленные на формирование определенных качеств личности. К примеру, в разделе «Борьба за урожай и коллективизацию» детям предлагается агитировать за выполнение всех обязательных мероприятий по поднятию сельского хозяйства, разъяснять крестьянам, для чего нужны колхозы, и призывать вступать в них [Там же, с. 11], следить за кулаками и другими врагами коллективизации и предупреждать их вредительство [Там же, с. 25]. В разделе «За индустриализацию» приводится договор отца с сыном, по которому пионер М. Клемшов вызывает на социалистическое соревнование своего отца, и по этому договору пионер должен повысить учебу в школе и свою трудовую дисциплину, а отец – бросить выпивать спиртные напитки, быть хорошим производителем, не делать прогулов в религиозные праздники в течение всего года [Там же, с. 77].

Особое место в книге «Наш Союз (СССР)» занимает тема межнациональных отношений. В разделе «В сухих степях и полупустыне» рассказывается о жизни в киргизском ауле, в узбекских и таджикских селениях [Там же, с. 131–149], жизни народов Кавказа посвящен раздел «В горных областях» [Там же, с. 151–158], о самоедах, чукчах и других народах Севера рассказывается в разделе «На далеком Севере» [Там же, с. 161–177]. Детям предлагается вступить в переписку

с ребятами-школьниками из различных республик и регионов СССР, чтобы узнать, «как они живут, учатся... помогают взрослым в социалистическом строительстве», а также помочь «какой-нибудь отсталой в культурном отношении национальности, например, самоедской или тунгусской школе» учебными пособиями и др. [Там же, с. 148, 208].

Почти 100 страниц текста раздела «Жизнь и борьба рабочих и крестьян в царской России и Октябрьская революция» содержат рассказы, стихи, воспоминания под названиями «Крепостная деревня», «Продажа крепостных с публичного торга», «Выколачивание податей», «Забастовка», «Ленский расстрел», «Расправа» и др. [Там же, с. 213–311]. На этом фоне развернувшееся в советскую эпоху социалистическое строительство и достижения коллективизации, индустриализации, культурной революции выглядят впечатляюще: Днепрострой, Сельмашстрой, Волховстрой, электростанция в Ташкенте, Турксиб, Волго-Донской канал, радио на далеком Севере, семичасовой рабочий день и др. [Там же, с. 41, 51, 83, 112, 146, 165, 199].

В этом же учебном издании целенаправленно и текстуально убедительно проводится мысль о вражеском окружении СССР – капиталистических странах, ведь «большая часть земли еще находится под властью капиталистов, которые не могут примириться и никогда не примирятся с тем, что хотя бы в одной стране правят рабочие и крестьяне... иностранный капитал желает гибели Советской власти...» [Там же, с. 311]. Из раздела «Союз Советских Социалистических Республик и капиталистические страны» советские школьники должны были почерпнуть сведения о национально-освободительной борьбе трудящихся Индии против английских колонизаторов, о бесчеловечной эксплуатации рабочих на заводах Форда, о жизни негров и других угнетенных народов Америки, о замыслах капиталистов в борьбе против СССР и т. д. [Там же, с. 327, 330, 337, 350, 351]. Одновременно с этим дети должны были понять, что счастливая жизнь трудящихся всех стран возможна только после уничтожения мировой буржуазии и победы коммунизма во всем мире [Там же, с. 311]. В этом же разделе авторы книги называют друзей и врагов СССР: к первым относятся коммунисты, комсомольцы, пионеры и члены профсоюзов всех стран, Союз красных фронтовиков, Союз друзей СССР, все сознательные рабочие и беднейшее крестьянство, угнетенные народы колониальных стран всего мира; ко вторым – капиталисты, помещики, буржуазные правительства всех стран, русские белогвардейцы, фашисты и другие организации, борющиеся с рабочими, попы и церковные служители различных религий и национальностей, все церковные организации и все те, кто помогает словом и делом капиталистам и помещикам в их борьбе с рабочими и Советской Республикой [Там же, с. 354].

Весь текст этого учебного издания содержит призывы и лозунги: «Каждый гражданин СССР должен помогать в выполнении государственного плана строительства промышленности», «Организуйте социалистическое соревнование», «Пятилетку в четыре года!», «Организуем сбор железного и бумажного лома», «Мы должны города превратить в сады», «Долой попов, раввинов, мулл и других священников, долой церковь!», «Будем работать по ликвидации неграмотных!», «Будем крепить оборону страны!», «Будем помогать работе МОПР – организуем ячейку друзей МОПР!» и др. [Там же, с. 34, 78, 81, 195, 211, 368].

Обучение в 1920-е гг. не дало того результата, на который рассчитывало государство. Как отмечено в постановлении ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г., «*коренной недостаток* школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и не удовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.) [Народное образование в СССР, с. 157]. История как предмет в последней фразе отсутствует, однако в п. 1 «Основные задачи школы» она названа наряду с другими предметами, под которые должны были быть разработаны программы, и преподавание которых должно было начаться с 1 января 1932 г. [Там же, с. 158]. Вместе с тем, в постановлении ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. констатировалось, что программы по истории еще не разработаны, и «недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам» выражается в том, что «в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и стран, о развитии человеческого общества и т. д.» [Там же, с. 161]. В связи с этим ЦК постановил «признать необходимым в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы и искусства, исторического развития, а также элементы краеведения СССР (природные особенности, промышленность, сельское хозяйство, соц.-экономическое развитие и т. д.)» [Там же, с. 162].

12 февраля 1933 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об учебниках для начальной и средней школы», согласно которому к 15 июля 1933 г. в школе должны были появиться стабильные учебники, а с 1 сентября 1933 г. новые учебники должны были быть введены в дело [Там же, с. 165].

В январе 1934 г. состоялся XVII съезд ВКП (б), на котором еще раз была обозначена задача «переделки всего трудящегося населения

страны в активных и сознательных строителей социалистического общества». Выступая на съезде, заместитель наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупская подчеркнула, что главная задача школы – «вооружить подлинными знаниями *все* подрастающее поколение. Вопрос идет о том, чтобы все подрастающее поколение вырастить коммунистами. Это громадная, колоссальная задача» [XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии, с. 74]. Историческое образование играло в решении этой задачи огромную роль. А. М. Панкратова, один из историков-идеологов 1930-х гг., отмечала в 1935 г. в своей статье:

«...Историческое образование является неотъемлемой частью марксистско-ленинского воспитания масс, а задача большевистского учебника истории любой эпохи – показать эту историю в аспекте нашей грандиозной эпохи, в свете исторической борьбы рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире. Именно эта задача делает возможным и необходимым в наших учебниках историю вчерашнего дня увязать с теми грандиозными новыми задачами социалистического строительства, которые стоят перед нами сегодня и еще будут стоять завтра» [Панкратова, с. 20, 26].

Вместе с тем, в отличие от других предметов, процесс введения курса истории в школе затянулся. Только 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», 9 июня того же года – постановление ЦК ВКП (б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР», а 3 марта 1936 г. – постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории Союза ССР с краткими сведениями по всеобщей истории».

В постановлении от 15 мая 1934 г. целью исторического образования провозглашалось марксистское понимание истории, средствами достижения которого определялись соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат [Народное образование в СССР, с. 166]. В постановлении от 9 июня 1934 г. определялось количество часов на изучение элементарного курса всеобщей истории и истории СССР: в 3 классе (80 часов) и 4 классе (40 часов) изучалась элементарная история СССР с краткими сведениями по всеобщей истории; в 5 классе (80 часов) – история древнего мира (древний Восток и Греция); в 6 классе (80 часов), том числе 40 часов – Рим и 40 часов – история средних веков (V–XI вв.); в 7 классе (80 часов) – история средних веков XII–XVII вв. [Там же, с. 168].

Что касается содержания исторического образования, то самое пристальное внимание ему было уделено в статье А. М. Панкратовой «За большевистское преподавание истории». Задачей любого большевистского учебника истории провозглашался показ истории «в аспекте нашей грандиозной эпохи, в свете исторической борьбы рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире», увязка истории вчерашнего дня «с теми грандиозными новыми задачами социалистического строительства, которые стоят перед нами сегодня и еще будут стоять завтра», представление «широкой и конкретной гражданской истории, включающей историю экономического, политического, культурного развития изучаемой страны, ход классовой борьбы в ней, характеристики ее исторических деятелей и т. п.» [Панкратова, с. 25].

«Марксистское понимание истории», провозглашенное в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. в качестве цели исторического образования, основывалось на целом ряде постулатов: главная сила, определяющая всю общественную жизнь людей, – развитие способов производства материальных благ; в результате развития производительных сил изменяются производственные отношения; смена общественно-экономических формаций (смена одних производственных отношений другими, более прогрессивными) – необходимое следствие развития производительных сил общества; утверждение новых производственных отношений происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений; история общественного развития – это история производителей материальных благ, история трудящихся масс, история народов, а не только действий королей и полководцев, завоевателей и покорителей государств; общественное бытие определяет общественное сознание (образ мыслей людей, их взглядов, идей, теорий); общественные и политические учреждения и идеи или задерживают общественное развитие, как реакционные силы, служащие отсталым слоям и классам общества, или двигают это развитие вперед, служа передовым, революционным классам [Краткий философский словарь, с. 90–91].

3 марта 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) объявлялся конкурс на лучший учебник по истории СССР для начальной школы, объем которого не должен был превышать 20 печ. л. и авторами которого могли выступать все желающие без всяких ограничений [Народное образование в СССР, с. 172–173]. Процесс подготовки учебников и сам конкурс растянулись на длительный срок, и только 22 августа 1937 г. было опубликовано постановление жюри Правительственной комиссии, в котором подводились итоги конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3-х и 4-х классов средней

школы. Из 46 представленных учебников комиссия присудила вторую премию (первая не присуждалась) в размере 75 тыс. руб. авторам учебного, составленного кафедрой истории СССР Московского педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова [История СССР. Краткий курс]. В дальнейшем в этот учебник вносились многочисленные правки, но с 1937 по 1956 гг. он выдержал 12 изданий.

Учебник под редакцией А. В. Шестакова можно считать родоначальником идеологического воспитания подрастающего поколения посредством систематического исторического образования. Уже во введении к учебнику, по сути, сформулированы все основные постулаты, которые должен был принять школьник: СССР – самая большая страна в мире и самая богатая по природным богатствам, из отсталой страны «наша родина стала самой передовой и могучей», труженики СССР живут «все лучше, зажиточнее, веселее», ни в одной стране мира нет такой дружбы народов, как в СССР, здесь нет «паразитов – капиталистов и помещиков» и эксплуатации человека человеком, под руководством партии коммунистов-большевиков в стране построен социализм. В конце введения определена и цель изучения истории: «Кто лучше знает историю, тот лучше поймет и теперешнюю жизнь, тот лучше будет бороться с врагами нашей страны и укреплять социализм» [Там же, с. 3, 4].

Достаточно посмотреть оглавление данного издания, чтобы увидеть реальное воплощение в жизнь «марксистского понимания истории»: в основе развития общества лежит борьба угнетателей и угнетенных («Стихийные народные восстания в Киевском княжестве», «Первая крестьянская война в русском государстве», «Восстания горожан и угнетенных народов в XVII веке», «Война Разина с боярами и помещиками», «Войны Петра I и народные восстания», «Крестьянская война под руководством Пугачева») и т. д. [Там же, с. 18, 43, 48, 52, 69].

Понятия «угнетатели» и «угнетенные» появляются в учебнике в самом первом разделе «Как люди жили в далеком прошлом», и появление государства объясняется детям тем, что в племени появились богачи и бедняки, и небольшая группа богатых людей «стала жить за счет огромного большинства трудящихся, притесняла и грабила их», а чтобы держать людей в повиновении, «князья, ханы и цари», выросшие из племенных вождей, «увеличивали свои дружины, заводили свои суды и устанавливали разные наказания». В теме «Киевское государство» подчеркивается, что князья «безнаказанно насильничали над смердами по деревням», что восстания в новгородской земле не заканчивались успехом восставших, так как «боярскую и купеческую силу народ сломить не смог ввиду его бессознательности и неорганизованности». Этот же вывод звучит и в отношении восстания Разина,

участники которого умели жечь и разорять помещиков, но не понимали, «какие новые порядки надо построить» и которым не хватало «такого надежного союзника, как организованный рабочий класс» [Там же, с. 7, 19, 22, 54]. Идея о том, что пролетариат обладает особой сознательностью и организованностью в отличие от участников народных волнений прошлых лет повторяется в учебнике неоднократно, и, читая его, учащиеся должны были осознать роль рабочего класса в Великой пролетарской революции и строительстве социализма под руководством партии большевиков и поверить в его доминирующую роль в советском обществе.

Вся дореволюционная история в учебнике А. В. Шестакова подается в резко критическом, обличительном освещении, и главным выводом было то, что «жить в царской России было невыносимо тяжело», потому что страна была «царством жандармов», в котором «свободной мысли не было места», «после реформы 1861 года десятки миллионов крестьян продолжали жить в нищете и бесправии», «помещики, как пауки, высасывали из крестьян все, что могли», «...масса голодных стояла у ворот фабрик и заводов и просила дать им работу», «одинаково неправы были в царской России и рабочий, и крестьянин»). О безысходности жизни в России свидетельствуют заголовки некоторых параграфов и подразделов: «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.», «Россия XVIII века – империя помещиков и купцов», «Господство дворян», «В царстве жандармов и чиновников», «Царская Россия – жандарм Европы» [Там же, с. 60, 66, 85, 86, 87, 106, 108].

Отсталой царской России противопоставлялась Россия советская, построившая социализм. Весь раздел XV «СССР есть страна победившего социализма» наполнен примерами громадного социалистического строительства в годы первых пятилеток: на берегу реки Томи, около г. Кузнецка, вырос металлургический завод-гигант имени Сталина, на месте, где когда-то была Запорожская Сечь, построена ДнепрогЭС имени Ленина, через безводные степи и пески построена Туркестано-Сибирская железная дорога, связавшая богатую и хлебную Сибирь с цветущей Средней Азией, десятки новых заводов выросли в Закавказье, Средней Азии, Белоруссии, на Украине, в Сталинграде построен мощный тракторный завод имени Орджоникидзе, а в Саратове и Запорожье – заводы комбайнов для сельского хозяйства. Картинка развития сельского хозяйства «без помещиков и кулаков» также должна была впечатлить школьника: «Колхозы росли, крепили и стали быстро шагать к счастливой зажиточной жизни. Крестьяне в колхозах стали больше засеивать полей. Собирали теперь больше хлеба. В деревне стало больше школ, библиотек, клубов», «свыше

220 миллионов гектаров социалистических полей снабжают страну все большим и большим количеством хлеба, хлопка, льна, свеклы», «на социалистических полях выращивается все больше своего чая, своих мандаринов, лимонов, апельсинов, яблок, груш, винограда» [Там же, с. 196, 197, 198, 199, 200].

Общий итог развития страны к 1937 г. выглядел просто фантастически:

«Десятки гигантов-заводов, построенных по последнему слову науки и техники советскими инженерами и оборудованных советскими машинами, с каждым годом расширяют свое производство, улучшая продукцию. Построены сотни новых заводов таких отраслей промышленности, каких никогда не было раньше. Наши автомобили, тракторы, комбайны, самолеты, станки... ничем не уступают иностранным... Свыше 14 тысяч электростанций дают энергию этим заводам и фабрикам... Забота о человеке – семичасовой рабочий день, высокая заработная плата, дома отдыха, санатории, охрана труда на предприятиях, хорошие жилища, бесплатное обучение техническим и другим знаниям – создали невиданный подъем производительности труда. Труд перестал быть ярмом».

Для читающего учебник школьника вполне убедительным был вывод о том, что в Советской стране «труд стал делом чести и делом славы, делом доблести и геройства», ведь примеров этому приводилось в учебнике немало: рекорды шахтера Алексея Стаханова, кузнеца Бусыгина, ткачих Виноградовых, колхозницы Марии Демченко и трактористки Паши Ангелиной [Там же, с. 196, 200, 201].

Особое внимание в учебнике 1937 г. уделено истории народов СССР, и красной чертой проводится мысль о досоветской России как «тюрьме народов». Это видно из названий параграфов («Подчинение народов Восточной Сибири», «Захваты новых земель и порабощение народов Екатериной II», «Завоевание Кавказа», «Борьба поляков за независимость») и отдельных выводов и сюжетов: «власть царского правительства легла тяжелым игом на покоренные народы Сибири», «...ограбленные башкиры не раз поднимали восстания. Восстания подавлялись. В одном только 1740 году было замучено и роздано в собственность дворянам до 30 тысяч восставших башкир», к концу XVIII в. «к многочисленным народам, изнывавшим под властью царизма, прибавились новые: поляки, крымские татары, азербайджанские тюрки, казахи», «жестоко притесняемые грузинские крестьяне не раз поднимали восстания против своих помещиков и царских чиновников, «после подавления восстания царское правительство сослало в Сибирь десятки тысяч поляков», «Народы Средней Азии отданы были в полную власть царских генералов, дворян и капиталистов», «угнетенные народы всюду боролись против ненавистного царского правительства», «избира-

тельных прав в думу (II-ю. – *И. О.*) были лишены все народы Сибири и Средней Азии, урезаны права народов Кавказа и Польши» [Там же, с. 53, 56, 69, 72, 74, 79, 89, 100, 101, 102, 134, 136].

Совершенно по-другому складывалась судьба этих народов при советской власти: «народы России получили... полное освобождение, какого не имел ни один народ мира», «Народы СССР зажили дружной семьей. Много народностей, при царизме вымиравших, забытых, неграмотных, теперь ожили и начали в братском союзе народов строить социализм. Развитие национальной культуры пошло быстрыми шагами вперед во всех республиках... Культура народов пышно расцвела», «нигде в мире не было такой дружбы, взаимного доверия народов к другу, как в СССР» [Там же, с. 163, 190, 210].

В отношении правителей России, особенно представителей дома Романовых, в учебнике А. В. Шестакова приводятся характеристики, повторяющиеся в дальнейшем в других учебных изданиях советского времени: «Ребенком Иван рос среди самовластных бояр, оскорблявших его и развивавших в нем все дурные черты» (с. 37), «Царь Михаил хорошо защищал избравших его помещиков» (с. 48), «Усиление Российской империи при Петре I было достигнуто за счет гибели сотен тысяч трудящихся, за счет разорения народа. Петр I сделал очень много для укрепления государства помещиков и купцов» (с. 66), «...Николай I – жандарм Европы» (с. 93) и др. [Там же, с. 37, 48, 66, 93].

Вполне закономерно, что первый систематический учебник истории СССР формирует, в противовес царским, новые образы руководителей государства. Самые яркие характеристики даны В. И. Ленину и И. В. Сталину. Ленин – «великий», «вождь рабочего класса и основатель большевизма», «человек, больше которого никто не сделал для человечества», вождь, «который привел народ к свободной и счастливой жизни», «горный орел, как его называл Сталин, который видел далеко». Сталин – «великий вождь народов». В немалой степени учебник должен был формировать представление детей о том, что Сталин – это верный соратник Ленина: «Ленин за границей, а Сталин в подполье в России продолжали великое дело борьбы за социализм, готовые каплю за каплей отдать свою кровь за рабочее дело», «Ленин и Сталин призывали большевиков организовать массы для борьбы за социалистическую революцию», «С первых же дней Великой пролетарской революции Ленин и Сталин приступили к организации советского государства как братского социалистического союза всех народов», «Ленин и Сталин, соглашаясь на такой невыгодный мир, не сомневались в том, что наступит время, когда в Германии победит революция, а советская власть в России окрепнет... и сумеет восстановить потерянное», «Создание Коминтерна

было огромной победой дела Ленина и Сталина, дела коммунизма» (с. 174), в годы Гражданской войны «Ленин и Сталин на помощь трудящимся Средней Азии послали большое число красных частей...» и др. [Там же, с. 115, 139, 151, 161–162, 166, 174, 183, 187, 190, 205]. Фотография «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках во время болезни В. И. Ленина» [Там же, с. 189] также была призвана показать школьникам не только идейную, но и человеческую близость Ленина и Сталина, которой на самом деле не существовало.

Как и в учебной книге «Наш Союз (СССР)» (1930), в учебнике 1937 г. особое внимание уделяется борьбе с врагами, к которым были отнесены в период Гражданской войны «помещики, капиталисты, генералы и попы», белогвардейцы, «кулаки, озверелые враги революции», «иностранные интервенты-захватчики», «польские паны», не оценившие то, что «Великая пролетарская революция предоставила польскому народу право отделиться от России», «бандитские шайки басмачей» в средней Азии, «буржуазные националисты – грузинские меньшевики, армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты», «японские разбойники» [Там же, с. 163, 169, 177, 180, 183, 184, 188].

Из школьного учебника ребенок должен был понять, что враги советской власти делятся на внутренних и внешних. В разряд внутренних врагов попали «предатели... Троцкий, Зиновьев и Каменев», которые «всеми мерами пытались сорвать строительство социалистической промышленности», «часть старых специалистов и остатки меньшевиков и эсеров», из которых иностранная буржуазия «создала контрреволюционные группы вредителей для срыва растущей промышленности СССР», кулаки, которые «убивали передовых колхозников, портили колхозные машины, сжигали колхозный хлеб», «большая партия вредителей из старых инженеров и меньшевиков и эсеров», которые хотели, «чтобы в нашу страну вернулись вновь капиталисты». К внешним врагам были отнесены «фашисты – злейшие враги всех трудящихся», которые, однако, нашли в СССР деятельных помощников: «Презренный враг народа, фашистский агент Троцкий и его презренные друзья, Рыков и Бухарин, организовали в СССР банду убийц, вредителей и шпионов», которые «злодейски убили пламенного большевика С. М. Кирова», «готовили убийства и других вождей пролетариата». Прочитав строки о том, что «СССР окружен странами, где господствуют капиталисты» и «шпионы и вредители не перестанут стараться проникнуть в нашу страну и наносить нам вред», ученик школы должен был откликнуться на призыв «зорче охранять границы... страны Советов», «тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов» [Там же, с. 194, 196, 198, 199, 206, 207, 208].

О подростковом восприятии борьбы с внутренними врагами размышлял К. М. Симонов в книге «Глазами человека моего поколения». Вспоминая 1930-е гг., он писал:

«Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы не построим того, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать... И, может быть, когда я слышал о борьбе с правым уклоном, кончившейся в тогдашнем моем представлении заменой Рыкова Молотовым, то казалось ясным, что с правым уклоном приходится бороться, потому что они против быстрой индустриализации, а если мы быстро не индустриализуемся, то нас сомнут и нам нечем будет защищаться... Правда Сталина... была для меня вне сомнений и в четырнадцать, и в пятнадцать, и в шестнадцать лет» [Симонов, с. 45].

В учебнике А. В. Шестакова не упоминается имя Тухачевского и других военачальников, процесс над которыми начался в июне 1937 г. (учебник А. В. Шестакова, скорее всего, уже был утвержден), но для понимания результатов воспитания в 1930-х гг. еще раз обратимся к К. М. Симонову:

«Так же, как большинство, наверное, людей, во всяком случае, большинство молодых людей моего поколения, я думал тогда, что процесс над Тухачевским и другими военными, наверное, правильный процесс. Кому же могло понадобиться без вины осудить и расстрелять таких людей, как они, как маршалы Егоров и Тухачевский, заместитель наркома, начальник Генерального штаба... кто бы их арестовал и кто бы их приговорил к расстрелу, если бы они были не виноваты? Конечно же, не приходилось сомневаться в том, что это был какой-то странный заговор против Советской власти» [Симонов, с. 65].

Последний раздел учебника А. В. Шестакова посвящен Конституции СССР 1936 г., и именно в этом разделе названы главные обязанности гражданина СССР: «строго исполнять законы Советского Союза, соблюдать дисциплину, честно относиться к работе, беречь и укреплять социалистическую собственность», защищать Отечество «от всех и всяких врагов СССР». Здесь же звучат и угрозы: «Кто покушается на социалистическую собственность, тот враг народов СССР», «Если кто-нибудь перейдет на сторону врага, выдаст врагу военные тайны СССР – тот изменит своей родине, своему народу и будет наказан как враг СССР» [История СССР. Краткий курс, с. 215].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что историческая составляющая курса обществоведения в 1920 – начале 1930-х гг. и систематический курс истории второй половины 1930-х гг. сыграли огромную роль в воспитании нового, советского, человека. С учетом того, что по учебнику А. В. Шестакова учились дети и в старших классах, можно

с уверенностью сказать, что в сознании детей, подростков и молодежи прочно и надолго вошли представления о том, что СССР – самая лучшая страна в мире, в которой счастливо живут все народы и те, кто трудится, в которой каждый человек является «кузнецом» своей судьбы и мечтает жить при коммунизме, в которой все – от мала до велика – понимают, что строительству коммунизма нужно отдать все свои силы и способности, что страна находится во вражеском окружении и необходимо целенаправленно и упорно бороться с внутренними врагами и готовиться к схватке с врагами внешними.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. : стеногр. отчет. М., 1934.

История СССР. Краткий курс / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1937.

Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 2-е, доп. М., 1940.

Луначарский А. В. Идеология накануне Октября // Воспоминания и впечатления / сост. сб., предисл. и прим. Н. А. Трифонова. М., 1968. С. 155–170.

Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. Пг., 1918.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. док. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М., 1974.

Наш Союз (СССР): Книга для чтения и работы для IV года обучения / сост. Е. П. Литвиненко, Е. П. Шумова, А. В. Крассов, М. Л. Крылова, Л. Г. Терехова; под ред. Л. Г. Тереховой. Изд. 9-е. М. ; Л., 1930.

Панкратова А. М. За большевистское преподавание истории // Борьба классов. 1935. № 1–2. С. 19–36.

Покровский М. Н. Об обществоведении во II концентре II ступени // Вопросы школы II ступени : тр. первой Всеросс. конф. школ II ступени 5–10 июля 1925 г. Под ред. Р. И. Млиника и Б. П. Есипова. М., 1926. С. 175–190.

Примерные программы по общественным дисциплинам для школ II-й ступени / разработ. комис. по вопр. преподавания истории в школе II-й ступени; Нар. ком. по просвещению. Отд. единой труд. школы. М., 1920.

Примерные учебные планы для I и II ступени в единой трудовой школе / РСФСР. Нар. Комиссариат по просвещению. Отд. един. труд. шк. М., 1920.

Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы / Нар. комиссариат по просвещению РСФСР, Гл. упр. соц. воспитания. М., 1921.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине / сост. и автор предисл. Л. Лазарев. М., 1988.

Фохт А. О методических и педагогических ошибках М. Н. Покровского // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 101–110.

УДК 94(47).084.6:930

А. С. Мохов

«ТАКАЯ СТАТЬЯ ИМЕЕТ АКТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР,
МЫ ЕЕ ПОМЕСТИМ В БЛИЖАЙШЕМ НОМЕРЕ»:
К ВОПРОСУ О СМЕНЕ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1930-х ГОДОВ

Трансформация идеологических установок, которая происходила в СССР в 1930-е гг., привела к переоценке значения некоторых событий отечественной и зарубежной истории. В частности, серьезные изменения коснулись трактовки киевского периода древнерусской истории и, прежде всего, крещения Руси. В Государственном архиве Свердловской области хранится неопубликованная статья М. Я. Сюзюмова «Византийское государство и византийская культура в X–XI веках». После завершения работы над рукописью свердловский историк отправил ее в «Исторический журнал». В августе 1937 г. М. Я. Сюзюмов получил из редакции столичного журнала письмо, в котором говорилось о невозможности напечатать «Византийское государство...» из-за значительного превышения объема текста. Автору было рекомендовано подготовить новую публикацию под названием «Византия и Киевская Русь в IX–XI вв.» М. Я. Сюзюмову было рекомендовано особо подчеркнуть прогрессивную роль крещения Руси, а также придерживаться оценки данного события, приведенного в «Кратком курсе истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова. Сохранившиеся архивные документы не позволяют установить, выполнил ли М. Я. Сюзюмов полученные из столицы рекомендации. В «Историческом журнале» его статья так и не была опубликована. Небольшой фрагмент «Византийского государства...», посвященный одному из аспектов русско-византийских отношений IX–X вв., был напечатан в журнале «Вестник древней истории» в 1940 году.

Ключевые слова: история СССР, 1930-е гг., историография, источниковедение, М. Я. Сюзюмов, история Византии.

В ноябре 2018 г. исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося российского советского византиниста Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893–1982). Значительный вклад ученого в развитие отечественной исторической науки XX в. является общепризнанным фактом [Kazhdan, p. 250–257]. Несмотря на это, до сих пор не предпринималось попыток создания подробной научной биографии основателя Уральской школы византиноведения, основанной на документах и достоверных архивных материалах, а не тенденциозных личных

впечатлениях «учеников и почитателей». В связи с этим многие важные события исследовательской и преподавательской деятельности М. Я. Сюзюмова до настоящего времени остаются малоизвестными. Прежде всего это касается периода 1920–1930-х годов.

Михаил Яковлевич Сюзюмов родился (8) 20 ноября 1893 г. в селе Дивное Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии. Вскоре его родители Яков Андрианович и Анна Яковлевна (урожденная Кирпичникова) переехали в г. Тарту Лифляндской губернии. Здесь М. Я. Сюзюмов окончил классическую гимназию, а затем обучался на историко-филологическом факультете Дерптского (Тартуского) университета, который окончил в феврале 1916 г. со степенью кандидата истории [Сюзюмов, Проблемы истории иконоборческого движения, л. 5]. Тогда же в журнале «Византийское обозрение» были опубликованы его первые печатные труды: «Об источниках Льва Дьякона и Скилицы», «Об историческом труде Феодора Дафнопата» [Сюзюмов, Об источниках, с. 106–166; Он же, Об историческом труде, с. 295–302].

Дальнейшему развитию научной карьеры М. Я. Сюзюмова помешали военно-политические и революционные потрясения. Он вынужден был переехать из Юрьева в Петроград, где летом 1918 г., вместе с отцом и младшим братом Борисом, добровольно вступил в Красную Армию. Во время Гражданской войны М. Я. Сюзюмов служил в частях Восточного фронта РККА: 4-й Петроградской пехотной дивизии и 27-й Омской Краснознаменной стрелковой дивизии [ГАСО, ф. 3-802, оп. 1, д. 270, л. 2].

После демобилизации, в 1920–1937 гг., он занимался преподавательской деятельностью, работая на разных должностях в учебных заведениях Златоуста и Свердловска. М. Я. Сюзюмов так описывал этот период своей жизни 8 мая 1943 г. на заседании Ученого совета Свердловского государственного педагогического института, где рассматривался вопрос о присуждении ему ученого звания доцента:

«В 1929 г. приехал в гор. Свердловск и работал зав. школой 2-й ступени. По ликвидации школы II ст. перешел работать в школу ФЗО жел. дороги и там был до восстановления 10-летки, и в 1934 г. снова получил административную работу в школе II ст. в школе № 11, попутно работал в методкабинете Облоно. В 1936 г. я был крупным коллекционером, но за несоблюдение некоторых формальностей был осужден на 3 г. лишения свободы, подавал заявления в секретариат Сталина и через 9 мес. был освобожден, после чего поступил работать в консерваторию, а в 1937–38 г. поступил в Пединститут в качестве преподавателя латинского языка и истории средних веков» [ГАСО, ф. 2162-Р, оп. 1, д. 51, л. 11 об.; ср.: Сашанов, с. 142–143].

Несмотря на столь сложные жизненные обстоятельства, в 1930-е гг. М. Я. Сюзюмов возвращается к активной научной деятельности. Есть основания полагать, что в это время он начал работу над кандидатской диссертацией «Проблемы иконоборческого движения в Византии». Помимо этого, после вынужденного двадцатилетнего перерыва, М. Я. Сюзюмов подготовил к печати несколько работ, посвященных различным вопросам позднеантичной и византийской истории. Однако большая часть этих текстов не была опубликована; отдельные статьи вышли в свет в 1950–1960-е гг. в значительно дополненном и переработанном виде.

Из неопубликованных работ 1930-х гг. наибольший интерес представляет сочинение «Византийское государство и византийская культура в X–XI веках» [Сюзюмов, Византийское государство]. По сути, это блестящее эссе не имело аналогов в советской историографии. В простой и доступной форме автор охарактеризовал систему государственного управления Византии, дал характеристику основных групп византийского общества, рассмотрел вопросы политической идеологии, государственной пропаганды, внешней и внутренней политики империи в период ее наивысшего расцвета в правление Македонской династии (867–1056).

Работа над рукописью «Византийского государства...» была завершена М. Я. Сюзюмовым в начале 1937 г. Вне всякого сомнения, он понимал, что каких-либо возможностей опубликовать этот текст в Свердловске не существовало. Более того, избранный автором жанр исторического эссе указывал, что свердловский историк рассчитывал на массовую читательскую аудиторию, которую могли обеспечить только столичные исторические журналы.

Данному критерию наиболее соответствовал «Исторический журнал» (в 1931–1936 гг. издание называлось «Борьба классов») – «ежемесячный популярный иллюстрированный журнал по вопросам гражданской истории». Во второй половине 1930-х гг. он издавался тиражом более 50 тыс. экземпляров. По мнению А. И. Алаторцевой, среди советских периодических изданий «Исторический журнал» был единственным, публиковавшим материалы по всем отраслям исторического знания. На его страницах печатались статьи по истории ВКП (б), отечественной и всеобщей истории, археологии и пр. Помимо статей, в журнале публиковались также рецензии, библиографические заметки и материалы дискуссий по широкому кругу исторических проблем [Алаторцева, Советская историческая периодика, с. 375–376].

Следует отметить, что в большинстве номеров «Исторического журнала» («Борьбы классов») помещались значительные по объему и снабженные иллюстрациями статьи по истории древности или

средневековья. В качестве примера приведем работу А. К. Дживелегова «Леонардо да Винчи» или статью В. С. Сергеева «Триумvirат и диктатура Юлия Цезаря» [Дживелегов, с. 113–121; Сергеев, с. 95–109]. В последнем (декабрьском) номере редакционная коллегия публиковала «Проект годового плана» журнала, который включал тематику по различным разделам. Так, в проекте «Борьбы классов» на 1935 г. впервые были упомянуты темы, связанные с основной сферой научных интересов М. Я. Сюзюмова: «Византия и Западная Европа», «Завоевание Константинополя турками» [Проект годового плана, с. 120–121].

О дальнейших событиях М. Я. Сюзюмов упоминал 8 мая 1943 г. на заседании Ученого совета СГПИ:

«Занимался работой главным образом по Византии. Мои печатные статьи были помещены в журналах, несколько работ находятся в портфеле редакции, написал работу о Византии X в. и отправил эту работу в журнал, но ввиду громоздкости статьи, редакция возвратила мне эту работу обратно» [ГАСО, ф. 2162-Р, оп. 1, д. 51, л. 11 об.]

Послание, отправленное М. Я. Сюзюмову из редколлегии «Исторического журнала», сохранилось. Оно находится в ГАСО вместе с текстом «Византийского государства...», причем письмо на официальном бланке авторитетного столичного издания наклеено на титульный лист рукописи [Сюзюмов, Византийское государство, л. 1]. Отметим также, что в 1930-е гг. рукописи «возвращались и рецензировались», а фамилия и должность члена редколлегии, работавшего со статьей, были известны автору. Далее мы приводим текст письма.

Подлинник, машинопись

Исторический журнал
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) «ПРАВДА»

МОСКВА, ул. «Правды», д. 24

Телефон Д 3-30-48

4 августа 1937 г.

Уважаемый тов. СЮЗЮМОВ!

Ваша статья «Византийское государство и византийская культура в X–XI вв.» в настоящем виде нам не подойдет. Статья по своему размеру превышает обычный размер наших статей в 4 раза.

Просьба переработать статью, озаглавив ее – «Византия и Киевская Русь в IX–XI вв.». Для этого, по нашему мнению, следует

выбросить первые главы /со стр. 1 до 74-й/. За основу статьи нужно взять последнюю наиболее ценную часть вашей работы /стр. 74–90/. В виде краткого введения нужно дать обзор истории взаимоотношений восточных славян с Византией в IX и, возможно, даже в VIII веках. Было бы очень желательно, если бы Вы описали эти события на основе имеющихся византийских и арабских источников.

Основная цель такой статьи показать влияние византийской культуры на восточных славян /Киевская Русь/ и в частности прогрессивную роль крещения Руси. В виду того, что такая статья имеет актуальный характер, мы ее поместим в ближайшем номере нашего журнала.

/ОТВ. СЕКРЕТАРЬ В. Оленич-Гнененко

В нижней части бланка, от руки, добавлено:

Р. С. В качестве канвы для Вашей статьи рекомендуем придерживаться соответствующей главы «Краткого курса истории СССР» под ред. проф. Шестакова.

Ответственным секретарем «Исторического журнала» («Борьбы классов») с 1933 по 1941 гг. являлась Ольга Самойловна Вейланд (1893–1979). Однако письмо из редколлегии, адресованное М. Я. Сюзюмову, было подписано Верой Павловной Оленич-Гнененко (1898–1971), которая с 1935 г. занимала должность заведующей редакцией. В ее обязанности входило составление перспективных планов издания, определение тематики разделов и пр. По всей видимости, руководство журнала поручало ей также ведение переписки с некоторыми авторами. Официальные документы В. П. Оленич-Гнененко подписывала как «временно исполняющая обязанности» ответственного секретаря редколлегии.

Следует отметить, что в те дни, когда М. Я. Сюзюмову было отправлено письмо с отказом в публикации статьи, решался вопрос о дальнейшем существовании самого «Исторического журнала». Основания для беспокойства были – 3 апреля 1937 г. в газете «Правда» вышла статья Э. Б. Генкиной «Политическая близорукость и ее плоды», в которой редколлегия «Исторического журнала» («Борьбы классов») подверглась жесткой критике [1937 год, с. 144, прим. 20].

5 и 6 мая 1937 г. на открытом партийном собрании ученых-историков Института красной профессуры были заслушаны отчеты руководителей ведущих исторических журналов СССР. Первым перед собравшимися выступил главный редактор журнала «Историк-марксист», директор Института истории АН СССР академик Н. М. Лукин (1885–1940). За несколько лет до этих событий М. Н. Покровский, один из создателей «Историка-марксиста», утверждал, что журнал

станет «настойной книгой научного работника», его будут отличать высокий научный и идейный уровень публикуемых материалов [Алаторцева, Журнал «Историк-марксист», с. 94–95]. Однако в 1937 г. редакционная полтика издания вызвала явное недовольство партийно-политического руководства страны.

Ответственный секретарь «Исторического журнала» О. С. Вейланд выступала перед собранием вслед за Н. М. Лукиным и В. В. Макаковым (1886–1964), заместителем редактора «Красного архива». В отличие от предшественников, она уклонилась от теоретических споров и методологических рассуждений, построив свое выступление предельно просто, но достаточно эмоционально:

«Исторический журнал», как вы знаете, по характеру отличается от «Историка-марксиста». Это массовый журнал, популярный журнал по вопросам гражданской истории, но это, конечно, еще в большей степени ставит перед ним как перед массовым журналом необходимость давать исторический материал на высоком идейно-политическом уровне, поскольку он воспитывает широкие кадры читателей, – и давать его на необходимой теоретической высоте. В 1937 году наш журнал получил еще новую задачу. Мы освещаем также и вопросы преподавания истории. У нас введен постоянный раздел по вопросам преподавания истории. Это, так сказать, больше определяет физиономию нашего журнала как журнала, который рассчитан главным образом на преподавателей средней школы, рассчитан на пропагандистов, на партийный актив, но журнал, который должен давать, как нам сказали в ЦК, интересное историческое чтение, значит, следовательно, рассказывать и излагать определенные периоды гражданской истории, причем ставить эти вопросы актуально и политически остро» [1937 год, с. 128].

Далее О. С. Вейланд заявила:

«Вы читали ту статью, которая была в “Правде” о нашем журнале. Целиком мы считаем правильной ту оценку, которую дает “Правда”... обвинение в политической близорукости и беспечности и в том, что мы работали не на том идейно-политическом уровне, который сейчас с особой остротой требуется от всех работников идеологического фронта».

Перечислив «статьи врагов народа, проникших на страницы нашего журнала» и упомянув о выявленном «враге народа, который пробрался в состав редакции нашего журнала», О. С. Вейланд клятвенно обещала не допустить повторения «недопустимых явлений» [Там же, с. 128–129]. По всей видимости, оптимистичный тон ее выступления произвел благоприятное впечатление. Организационных выводов по отношению к редколлегии «Исторического журнала» не последовало. Более того, упомянутый О. С. Вейланд раздел «История в школе» стал

активно развиваться, превратившись в оживленную дискуссионную площадку по вопросам преподавания гражданской истории.

В сентябрьском номере «Исторического журнала» были опубликованы две концептуальные статьи, посвященные, по мнению политического руководства СССР, наиболее актуальным проблемам советской исторической науки: «Об извращении М. Н. Покровским истории Великой пролетарской революции в СССР» и «Как преподавать историю СССР по новому учебнику» [Шестаков, Об извращении М. Н. Покровским истории, с. 1–10; Он же, Как преподавать историю СССР, с. 77–86]. С этого времени их автор – профессор Андрей Васильевич Шестаков (1877–1941) – стал регулярно публиковать в журнале свои статьи, принимал участие в дискуссиях и т. д.

Разумеется, М. Я. Сюзюмов был далек от участия в сложных и многоплановых процессах, которые привели в итоге к выработке единой концепции отечественной и всемирной истории. Несмотря на это, он хорошо понимал механизм формирования новой идеологической доктрины «советской империи», усматривая при этом определенные параллели в истории «старых империй» – Римской и Византийской.

По всей видимости, первоначально он планировал последовать рекомендациям, содержащимся в письме из «Исторического журнала». Так, в заключительной части «Византийского государства...» появился следующий фрагмент:

«Каким образом Русь приняла византийскую цивилизацию, в какой мере ее усвоила, и что представляла собой эта “византийская цивилизация” – вот вопросы, которые не могут быть оставлены в тени при изучении прошлого нашей Родины. Большинство народностей Восточной Европы и Северного Кавказа испытали на себе сильнейшее влияние византийской цивилизации» [Сюзюмов, Византийское государство, л. 74].

Далее М. Я. Сюзюмов вновь упомянул о крещении Руси:

«Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР учел это и снял в 1936 г. пьесу Д. Бедного “Богатыри”. В постановлении указывается, что пьеса “Богатыри” помимо других извращений истории “дает антиисторическое и издательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры» [Там же, л. 82–83].

Приведенные фрагменты, добавленные М. Я. Сюзюмовым к тексту рукописи, были сделаны вынужденно. В первоначальном варианте статьи уже содержалась развернутая характеристика процесса христианизации Руси. Кроме того, автором была приведена подкрепленная данными источников оценка культурных, военно-политиче-

ских, административных и экономических последствий этого важнейшего события отечественной истории. По нашему мнению, не имеет смысла сравнивать эту часть «Византийского государства...» с короткими, четкими, идейно выдержанными оценками А. В. Шестакова:

«В описании взаимоотношений с Византией не должно быть тех преувеличений, которыми наполнены некоторые старые учебники, где говорится о храбрых славянах, бивших Византию. Нужно, конечно, отмечать храбрость славянских племен, но все же чрезвычайно важно отметить, что Византия была государством с многовековой культурой. Это будет очень ценно для понимания учениками последующих уроков, где идет речь о христианстве. Дети легко тогда поймут, почему принятие христианства было прогрессивным явлением, а не реакционным, как это изображал Покровский» [Шестаков, Как преподавать историю СССР, с. 83; ср.: Краткий курс, с. 17–18].

О самом редакторе школьного учебника М. Я. Сюзюмов также упомянул:

«Поэтому многовековая история Византии и ее отношений с северными соседями приобрела особое значение у нас в СССР, в особенности, когда после разгрома вредительских антимарксистских фальсификаций истории и после появления в свет учебника проф. Шестакова интерес к прошлому народов СССР необозримо увеличился» [Сюзюмов, Византийское государство, л. 74].

С 1938 г. М. Я. Сюзюмов начал работать в Свердловском педагогическом институте. Сосредоточившись на подготовке кандидатской диссертации, он больше не предпринимал попыток опубликовать «Византийское государство...» в одном из центральных исторических журналов. Только небольшой фрагмент этого сочинения, посвященный одному из аспектов русско-византийских отношений IX–X вв., был напечатан в 1940 г. в специализированном «Вестнике древней истории» [Сюзюмов, К вопросу о происхождении слова, с. 121–123].

Подводя итоги, отметим, что трансформация идеологических установок, которая происходила в СССР в 1930-е гг., привела к переоценке значения некоторых событий отечественной и зарубежной истории. Академик Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) отмечал:

«Не сразу историки СССР нашли правильный путь. Не все приступили к новой работе по-новому. Много ошибок было допущено. Много препятствий приходилось преодолевать. Все же научная работа в области истории СССР не замирала ни на один день. Упорная работа шла без перерыва. Преодолев ошибки и извращения так называемой “школы М. Н. Покровского”, историки СССР получили небывалый простор, и их научная работа в новом русле потекла широкой рекой» [Греков, с. 78].

Советское византиноведение также стало частью этой «широкой реки». В 1920-е гг., в период сосуществования различных исторических направлений и школ, время бурных дискуссий, как среди историков «старой школы», так и среди историков-марксистов, особого интереса к истории Римской и Византийской империй не отмечалось.

1937 год. Институт красной профессуры. Выступления Н. М. Лукина, В. В. Максакова, О. С. Вейланд, Л. И. Рыклина / публ. подгот. А. Н. Артизов, В. Н. Черноус // Отечественная история. 1992. № 2. С. 119–146.

Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист». М., 1979.

Алаторцева А. И. Советская историческая периодика середины 30-х – конца 50-х годов // История и историки: историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1980. С. 364–381.

ГАСО. Ф. Р-802 (Сюзюмов Михаил Яковлевич); Ф. 2162-Р (Свердловский государственный педагогический институт; материалы о работе Ученого совета при пединституте за 1942–1943 гг.).

Греков Б. Д. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР : сб. ст. / под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой. М.; Л., 1942. С. 78–90.

Дживелегов А. К. Леонардо да Винчи // Борьба классов. 1935. № 5. С. 113–121.

Краткий курс истории СССР : учебн. для 3 и 4 классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1937.

Проект годового плана «Борьбы классов» // Борьба классов. 1934. № 12. С. 117–124.

Сашанов В. В. «Интегральный коллекционер», или прерванный путь в науку: М. Я. Сюзюмов в 1920–1930-е гг. // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 139–145.

Сергеев В. С. Триумvirат и диктатура Юлия Цезаря // Исторический журнал. 1937. № 5. С. 95–109.

Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение / под ред. В. Э. Регеля. Юрьев, 1916. Т. 2. С. 106–166.

Сюзюмов М. Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // Византийское обозрение / под ред. В. Э. Регеля. Юрьев, 1916. Т. 2. С. 295–302.

Сюзюмов М. Я. Византийское государство и византийская культура в X–XI веках. Рукопись. 1937 г. // ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 5.

Сюзюмов М. Я. К вопросу о происхождении слова Ρῶς, Ρωβία, Россия // Вестн. древн. ист. 1940. № 2 (11). С. 121–123.

Сюзюмов М. Я. Проблемы истории иконоборческого движения в Византии : дисс... канд. ист. наук. Т. 1. Рукопись. 1943 г. // ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 6.

Шестаков А. В. Об извращении М. Н. Покровским истории Великой пролетарской революции в СССР // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 1–10.

Шестаков А. В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 77–86.

Kazhdan A. Michail Jakovlevic Sjuzumov (20 novembre 1893 – 1er mai 1982) et les études byzantines // Byzantion. 1983. T. 53. P. 250–257.

УДК 94(47).084.5/084.6:902

К. Р. Капсалыкова

СОВЕТСКИЕ ИНСТРУКЦИИ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПРОВЕДЕНИЮ РАСКОПОК 1920–1930-х гг.: НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПО СТАРЫМ ПРАВИЛАМ

В 1920–1930-е гг. советское законодательство в сфере охраны культурного наследия претерпело значительные изменения. 7 января 1924 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», который возложил ответственность за сохранение археологических древностей на местные исполнительные комитеты. Вслед за этим по всей стране стали издаваться инструкции об учете и охране памятников и программы для сбора археологических сведений. До настоящего времени эти документальные источники специально не рассматривались. В статье анализируются археологические инструкции и программы 1920–1930-х гг., изданные в разных регионах СССР. По мнению автора, основные положения этих документов были заимствованы из «Руководства для археологических раскопок» В. А. Городцова (1914 г.), а также из инструкции А. А. Спицына по проведению археологических разведок (1908 г.). Документы 1920–1930-х гг. предназначались широкой аудитории: от работников музеев и учреждений народного образования до руководителей геологических партий, туристических групп и охотников-промысловиков. Примечательно также, что советские инструкции не предусматривали привлечения краеведческих организаций к сбору археологических сведений и охране культурного наследия.

Ключевые слова: история археологии, культурное наследие, историография, источниковедение, археологические инструкции

Важной задачей, стоявшей перед советским партийно-политическим руководством, было установление контроля над культурным и научным пространством, необходимое для успешной реализации амбициозного плана «культурной революции». Не менее актуальным

являлось наведение элементарного порядка в сфере изучения, учета и охраны объектов историко-культурного наследия. В начале 1920-х гг. разорение или разрушение архитектурно-археологических памятников, хищение ценных музейных артефактов, разграбление библиотечных фондов и, в особенности, торговля антиквариатом стали обыденными явлениями в стране.

Формально деятельность органов государственной власти по сохранению памятников старины регулировалась декретом СНК РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [Декреты и инструкция, с. 23–25]. Однако этот документ, как и некоторые другие декреты первых лет советской власти, имел преимущественно декларативный характер.

Значительное изменение ситуации последовало после издания 7 января 1924 г. декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» [Там же, с. 3–6]. Новый закон отличался практичностью, ответственность за его исполнение возлагалась на областные и губернские исполнительные комитеты. В июле 1924 г. была опубликована инструкция Наркомпроса РСФСР, в которой устанавливался «порядок применения» закона от 7 января 1924 г. и содержался перечень подлежащих охране объектов культурного наследия (памятники зодчества, памятники археологии, музейное имущество, парки и сады, памятники природы) [Там же, с. 7–20]. По каждой из этих групп Инструкция Наркомпроса определяла порядок проведения исследований, работ по сохранению, использованию и пр.

Появление общегосударственного законодательного акта, несомненно, имело большое значение. Однако для его реального применения в различных регионах страны потребовалось издание инструкций, учитывающих местные условия. Как следствие, во второй половине 1920-х гг. республиканские, краевые, областные и губернские исполкомы начали публиковать собственные инструкции об учете и охране исторических и природных памятников, а также программы для сбора археологических сведений.

Региональные инструкции печатались большими тиражами, дополнялись и неоднократно переиздавались. В ряде случаев эти брошюры карманного формата входили в комплект документации, предназначенной для музейных работников, учителей, служащих учреждений народного образования, руководителей туристических групп, геологических партий и охотников-промысловиков. Следовательно, речь идет о массовом источнике, который специально до настоящего времени не изучался. Причина состоит не в малой информативности или некоей специфической сложности данных текстов

(в этом отношении скорее следует говорить об обратном). Основным фактором являются неудовлетворительные условия хранения и обращения с этими, якобы не представлявшими библиографической ценности изданиями. В частности, археологические инструкции, хранящиеся в фонде библиотеки Свердловского областного краеведческого музея, читателям недоступны. Это касается даже уникальных экземпляров, которые содержат дарственные надписи составителей – Н. К. Ауэрбаха и О. Н. Бадера [Ауэрбах; Бадер].

Особый интерес представляет комплекс археологических инструкций и программ по организации раскопок, созданный в 1920-х гг. в Енисейской губернии. Их авторами были археологи Николай Константинович Ауэрбах, Георгий Петрович Сосновский, антрополог Бернгард Эдуардович Петри, геолог Павел Елисеевич Чернявский [Петри; Сосновский, Ауэрбах; Чернявский; Ауэрбах].

Авторы в доступной и образной форме обратались ко всем жителям края и туристам, пытаясь объяснить важность сохранения памятников, призывали ответственно относиться к древностям. Так, Б. Э. Петри писал:

«Конечно, каждый предмет доисторической культуры представляет большой интерес для науки, и с этой точки зрения не должен храниться у нашедшего его лица, но должен быть доставлен при подробном отчете о месте и условиях нахождения в ближайший Университет или Музей, где он, будучи выставлен в витрине, сделается достоянием науки. Несомненно, преступно скрывать у себя то, что должно быть общенародным достоянием... Но археология бессильна сделать какие-либо открытия без случайных обнажений слоев земли, хранящих в себе остатки людей, обитавших некогда в данной стране: археологи не в состоянии обнажить всю поверхность земли и перерыть все слои, могущие содержать доисторические древности. Поэтому приходится пользоваться почти исключительно случайными находками... Очень важно о всех таких случаях давать знать в соответствующие учреждения, которые или могли бы организовать правильные раскопки, или сохранить полученные сведения до приезда специалистов» [Петри, с. 3–4].

Приведем также слова Н. К. Ауэрбаха:

«Плохо оберегаемые древности гибли и гибнут, главным образом, вследствие нашей культурной отсталости. <...> Среди малокультурной части нашего крестьянства широко распространено представление о том, что в курганах скрыты различные ценные вещи в виде золотых и серебряных вещей; ходят даже рассказы о “золотом коне”, похороненном в одном из курганов. Несмотря на то, что исследования новейшего времени с полной очевидностью доказали бедность наших курганов

благородными металлами – крестьяне продолжают заниматься – кладоскательством. <...> При ломках камня безжалостно уничтожаются писаницы, зарегистрированы случаи, когда местные “художники” добавляют в писаницы новые изображения, а туристы на древних изображениях различными красками пишут свои фамилию или инициалы, и таким образом, не в переносном смысле, а буквально расписываются в своей некультурности» [Ауэрбах, с. 4–5].

Необходимо особо подчеркнуть роль Н. К. Ауэрбаха в организации охраны природного и историко-культурного наследия Сибирского края. Этот талантливый и разносторонний человек (юрист, коммерсант, общественный деятель) был учеником выдающегося российского археолога Василия Алексеевича Городцова. В 1914 г., после окончания Московского археологического института, Н. К. Ауэрбах защитил кандидатскую диссертацию, в 1920-е гг. руководил масштабными археологическими раскопками в Сибири, являлся секретарем «Общества изучения Сибири и ее производительных сил». С 1929 г. он сотрудничал с государственной конторой «Новоэкспорт», занимавшейся сбором научных коллекций для продажи за границу [Вдовин, Макаров, с. 17, 21–22].

Н. К. Ауэрбах работал совместно с опытным археологом, одним из первооткрывателей сибирского палеолита Г. П. Сосновским. В одном из писем Н. К. Ауэрбах ходатайствовал за него перед В. А. Городцовым:

«Нравится мне этот молодой человек, фанатик археологии. Вedia полуголодное существование в эти тяжелые годы революции, он не только не бросил любимое дело, но, наоборот, приобрел много знаний. Его мечта – поработать под Вашим руководством. Я знаю, что Вы не откажете Сосновскому, поделитесь с ним своим многолетним опытом, своей колоссальной эрудицией» [Китова, с. 149].

Несмотря на то, что попасть в аспирантуру к В. А. Городцову все-таки не удалось, значительное влияние авторитетного специалиста на научную деятельность Г. П. Сосновского бесспорно. В 1935 г. Г. П. Сосновский стал действительным членом ГАИМК, а в 1938 г. ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук [Китова, с. 152–153].

По моему мнению, формирование комплекса археологических инструкций и программ по организации раскопок в Сибирском крае в 1920-е гг. происходило под влиянием идей В. А. Городцова. Об этом свидетельствуют, прежде всего, многочисленные заимствования из его дореволюционных работ в документах советского времени. Многие положения археологических инструкций и программ были повторены полностью [Городцов]. Отметим также влияние трудов другого

отечественного специалиста по проведению полевых археологических исследований – Александра Андреевича Спицына [Археологические разведки].

Существенное отличие советских археологических инструкций 1920-х гг. состояло в том, что они были адресованы широкой читательской аудитории. В связи с этим актуальным является вопрос о привлечении в тот период к деятельности по охране культурного наследия краеведов. Большинство современных исследователей не заостряют на нем внимания. Между тем, ситуация в этой сфере не была статичной, в 1920–1930-е гг. «краеведческая сеть» неоднократно переживала как идейные, так и организационные трансформации. По нашему мнению, наиболее обстоятельно история советского краеведения рассмотрена в концептуальной статье Е. А. Мельниковой [Мельникова, «Сблизились народы края...», с. 209–240]. Следует также согласиться с ее тезисом, сформулированным в другой работе. Исследовательница отмечает:

«<история краеведческого движения> полна курьезов и неожиданных поворотов, не укладывающихся в схему героического противостояния краеведов тоталитарному режиму. Люди, принимавшие участие в деятельности общества, делали это по разным причинам и руководствовались разными целями, зачастую далеко отстоявшими от задач, декларируемых в центральных краеведческих изданиях» [Мельникова, Центробежная сила..., с. 58].

Н. К. Ауэрбах считал полезным привлечение «местных краеведческих сил» к участию в археологических исследованиях. Однако он отводил краеведческим объединениям скромное место в системе охраны культурного наследия. Н. К. Ауэрбах отмечал, что замкнутые группы «любителей родного края» не должны были ограничиваться «периодическими собраниями в оккупированных ими музеях и библиотеках». Их следовало встроить в строгую иерархию, вовлечь в «массовую работу по учету наряду с культурными работниками сельских местностей: учительством, избачами, Комсомолом, ячейками безбожников» [Ауэрбах, с. 6].

Профессиональные археологи четко определяли функцию краеведов при проведении археологических изысканий: «производя описание остатков старины в той или другой местности, краевед поможет государственным органам в регистрации памятников и в принятии надлежащих мер к их охране» [Сосновский, Ауэрбах, с. 8–9]. Любые действия, выходящие за рамки инструкций, считались противозаконными, особенно это касалось самовольных раскопок. Н. К. Ауэрбах подчеркивал:

«Никто в СССР не имеет право вести археологические раскопки без особого разрешения (открытого листа) Главнауки Наркомпроса. Все добытые при археологических исследованиях древности не могут служить предметом частной собственности, а должны сдаваться государственным музеям. Также должны сдаваться в музеи отдельные древности, находимые населением» [Ауэрбах, с. 5].

В 1927 г. в Москве была опубликована «Инструкция к “Открытому листу” на право производства археологических (палеоэтнологических) обследований». Согласно этому документу, каждый исследователь обязан был предоставить визированный исполкомом отчет, содержащий подробнейшие сведения по рекогносцировке и обследованию памятников, а также сообщить сведения о методике и технике работы. В отдельном разделе были перечислены обязанности исследователя в отношении раскопываемых памятников и сделанных находок, устанавливалось обязательство сдавать результаты раскопок государству [Инструкция к «Открытому листу», с. 10–11].

Эти требования не были вызваны стремлением к бюрократизации полевой археологической работы. Упоминаний о различных инцидентах, связанных с нарушениями при передаче на хранение в музеи находок или документации, сохранилось много. Так, весной 1927 г. Наркомпрос опубликовал для подчиненных ему органов специальное разъяснение:

«Неуклонно следить за недопущением каких бы то ни было раскопок и обследований... без наличия специального именного “открытого листа” Главнауки... возбуждать соответствующие дела перед местной прокуратурой о привлечении правонарушителей к ответственности в уголовном порядке» [Об археологических обследованиях, с. 156].

По свидетельству Отто Николаевича Бадера, в середине 1930-х гг. проблема самовольных раскопок, а также уклонения «любителей родного края» от передачи находок государству по-прежнему оставалась актуальной. Основатель пермской археологической школы опубликовал инструкцию, в которую были включены основные законодательные акты, касающиеся изучения и охраны памятников. Автор предписывал: «всем, кто имеет сведения или материалы о памятниках, необходимо наладить связь с соответствующими организациями» [Бадер, с. 11–25]. Среди них автор перечисляет Комитет по охране памятников при президиуме ВЦИК, Институт истории и материальной культуры Академии наук СССР, Институт и музей антропологии МГУ, районные, областные, центральные и краеведческие исторические музеи [Там же, с. 60].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. «историческое краеведение» представляло собой (как и сегодня) вульгарное манипулирование прошлым той или иной местности. Наиболее показательной является ситуация, сложившаяся вокруг «Костромского Научного Общества по изучению местного края» (КНО), считавшегося одним из наиболее влиятельных и многочисленных краеведческих объединений в стране. В середине мая 1927 г. в Костроме состоялся губернский краеведческий съезд, посвященный 15-летию создания КНО, а также другие юбилейные мероприятия. Вечером 18 мая «в помещении Государственного Музея состоялось торжественное заседание... Оно открылось большой речью председателя Общества В. И. Смирнова, в которой он обрисовал историю Общества и пройденных этапов организации местных краеведческих сил». По словам председателя, Общество «разрослось ныне в целую сеть работников, раскинувшуюся по всей губернии и насчитывающую более 700 человек, организованных в уездные и волостные отделения и ячейки, ряд вспомогательных учреждений при Обществе в виде его станций (этнологической, геофизической, биологической, геологической)». По его мнению, «стройная структура краеведческого аппарата КНО – это пример, как он должен строиться и в других местах, не по бюрократическим рецептам, а на основах последовательно и неуклонно проводимой общественности и вовлечения широких масс в живую работу» [Костромские научные праздники, с. 150]. Далее В. И. Смирнов произнес слова, которые дорого обошлись ему впоследствии: «Мы, отравленные краеведением <...> Краеведение – это сумасшествие, опиум для народа, по крайней мере, для некоторой части интеллигенции» [Сизинцева, с. 116].

Приведенные слова В. И. Смирнова, хоть и произнесенные в ораторском запале, подчеркивали сущность «исторического краеведения» как некой игры, увлекательного занятия. Скорее, это была апелляция к области чувств, нежели к разуму. Подводя итоги юбилейных торжеств, председатель КНО откровенно поделился с единомышленниками разнообразными планами, а также радужными перспективами возглавляемой им организации. Однако эти амбициозные проекты противоречили государственной политике, вступали в серьезный диссонанс с практическими задачами индустриализации. Неудивительно, что на *conventiculum*¹ костромских краеведов государственные структуры отреагировали обвинением в *crimen laesae majestatis*².

13 ноября 1930 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) направил подведомственным республиканским, краевым и областным структурам письмо со следующей характеристикой значения краеведения в РСФСР:

¹ *Conventiculum* (лат.) – небольшое собрание (прим. ред.).

² *Crimen laesae majestatis* (лат.) – оскорбление величества (прим. ред.).

«На современном этапе социалистической реконструкции с особой остротой выдвигается необходимость изучения и учета производительных сил страны и условий развития культуры. Работа эта не может быть выполнена одними государственными научными учреждениями, если к научно-исследовательской работе не будут привлечены массы рабочих, крестьян и советской интеллигенции. Эту научную работу в настоящее время следует тесно связать с краеведческим движением».

Далее «положение краеведения в настоящий момент» подверглось жесткой критике:

«В краеведческих организациях продолжали работать, подчиняясь гнилым традициям старого дореволюционного краеведения... ряд враждебных социалистическому строительству элементов... засели в ряде краеведческих организаций, используя эту трибуну советской общественности в своих целях, через краеведческую литературу проповедуя взгляды кулачества на пути развития сельского хозяйства или взгляды великодержавных и местных национал-шовинистов на задачи строительства национальных районов» [Карпыч, с. 45–46].

Между тем, государство не было заинтересовано проводить дискуссии о роли «краеведного движения» в деле сохранения историко-культурного наследия. Окончательно вопрос был решен после издания двух постановлений ВЦИК и СНК РСФСР: «Об охране исторических памятников» (10 августа 1933 г.) и «Об охране археологических памятников» (10 февраля 1934 г.) [Охрана памятников истории и культуры, с. 60–61, 61–62]. Отныне основополагающим стал лозунг «Краеведение и туризм – на службу социалистическому строительству!», подкрепленный рациональностью единых государственных инструкций, «открытых листов» и программ.

В заключение отметим, что советское государство в 1920–1930-е гг., подтверждая излюбленный тезис византиниста Джона Хэлдона о том, что «империи не умирают» (*Empire that would not die*) [Haldon, p. 3] продолжало активно упорядочивать окружающее пространство – внешнеполитическое, общественное, религиозное, частное, культурное и, не в последнюю очередь, научное. Логичным воплощением социальной реальности стала мечта о новой советской науке, лишенной предрассудков и искусственных ограничений, обладающей способностью легко интегрировать передовой практический опыт развитых стран с утопическими идеями. Научная жизнь в это время обладала специфической чертой – континуитетом организационных структур и преемственностью академических традиций во всей их безраздельности, вплоть до восстановления старых периодических и продолжающихся изданий.

Археологические разведки / сост. А. А. Спицын. СПб., 1908.

Ауэрбах Н. К. Археология: программа-инструкция для краеведов. Новосибирск, 1929.

Бадер О. Н. Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М., 1938.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Н. К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 16–25.

Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.

Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М., 1924.

Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических (палеознтологических) обследований. М., 1927.

Картыч В. Ф. Борьба за марксизм в советском краеведении (К организации Общества краеведов-марксистов при Комакадемии) // Вестн. Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 45–59.

Китова Л. Ю. Георгий Петрович Сосновский // Российская археология. 2010. № 3. С. 146–153.

Костромские научные праздники (к XV-летию Костромского Научного Общества по изучению местного края) // Изв. Центрального Бюро краеведения. 1927. № 5. С. 149–151.

Мельникова Е. А. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 209–240.

Мельникова Е. А. Центробежная сила: краеведение на окраинах Ленинграда в 1920–1930-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 43–58.

Об археологических обследованиях, о раскопках и о наблюдении за ними // Изв. Центрального Бюро краеведения. 1927. № 5. С. 155–156.

Охрана памятников истории и культуры : сб. док. / сост. Г. Г. Анисимов. М., 1973.

Петри Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск, 1923.

Сизинцева Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 год. 1994. С. 114–136.

Сосновский Г. П., Ауэрбах Н. К. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск, 1925.

Чернявский П. Е. Краткая программа по сбору сведений доисторической археологии. Ачинск, 1928.

Haldon J. The empire that would not die: the paradox of eastern roman survival, 640–740. London, 2016.

Раздел 9

«СЕМЬЯ БРАТСКИХ НАРОДОВ»: НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

УДК 94(47).084.3/084.6:32

И. А. Анфертьев

ПРАВЯЩАЯ РКП (б) – ВКП (б): ИНТЕГРАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОСТАВ РСФСР И СССР В 1920–1930-е ГОДЫ

В 1920–1930-х гг. правящей в Советской России РКП (б) – ВКП (б) значительное внимание уделялось национально-территориальным преобразованиям, преодолению последствий постреволюционного периода, когда к самостоятельному статусу стремились внутренние российские губернии, национальные анклавы, окраинные территории. В итоге Финляндия, Польша и три прибалтийские губернии, входившие в состав дореволюционной России, обрели государственность. Механизм устранения сепаратистских устремлений, возврата партией большевиков утраченных в постреволюционный период территорий, изучен недостаточно. Тема конфликтов на почве определения границ территориально-национальных образований, тем более имевших место межнациональных конфликтов, в советской историографии находилась под негласным запретом, в итоге не в полной мере изучена и в постсоветский период, в связи с чем значима и актуальна. Цель работы – выявить отношение высшего партийного руководства в разрешении межнациональных конфликтов, территориальных споров, определить механизмы их разрешения. Источниковая база исследования – выборка из комплекса документов Центрального комитета РКП (б) – ВКП (б) по заявленной проблеме, их систематизация, в исследовании автором применялись проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Практической программы действий в разрешении национально-территориальных проблем, как показали результаты исследования, у руководства партии не было, дискуссии по этим вопросам продолжались в 1920-е гг. Лидер партии В. И. Ленин и его окружение на устремления региональных и националь-

ных политических деятелей «отделиться», «получить больше самостоятельности» реагировали решительно и однозначно — любыми способами, политическими и военными, средствами и способами, не афишируя публично, исключить отторжение территорий бывшей Российской империи. Позиции РКП (б) — ВКП (б) ослаблял провозглашенный ими лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, получивший распространение в окраинных регионах. В сложившихся условиях партийное руководство исходило из классовых интересов пролетариата и беднейших слоев крестьянства, которым формально предоставлялось право сделать выбор в разрешении национально-территориальных проблем. В исследовании выявлены этапы формирования политики РКП (б) — ВКП (б) по возвращению территорий в границы бывшей Российской империи, реализация которых включала: утверждение центральной власти (ЦК РКП (б) — ВКП (б), Совнаркома РСФСР и СССР), пересмотр прежних территориальных границ в интересах беднейших слоев коренных народов. В разрешении межнациональных конфликтов ставка была сделана на военную силу; в целях ослабления амбиций национально-ориентированных элит, заявляющих о претензиях на отделение от Советской России, активно применялся принцип социального расчленения, т. е. разделения населения не по национальному признаку, а на богатых и бедных.

Ключевые слова: интеграция территориальных и национальных государственных образований, РКП (б), ВКП (б), Политбюро ЦК, советские органы, правящая политическая партия, протестные движения, В. И. Ленин, И. В. Сталин, архивные документы.

Установление и закрепление в Советской России власти единственной правящей партии, РКП (б) — ВКП (б), проходило в сложных политических и социально-экономических условиях. Особой остротой в условиях очевидной слабости советской власти отличались национально-территориальные конфликты. Сепаратистские устремления региональных и национальных политических лидеров поддерживались из-за рубежа. Самостоятельного государственного статуса в постреволюционный период добивались внутренние российские губернии, национальные анклав, окраинные территории. В итоге обрели государственность Финляндия и Польша, заявили об отделении три прибалтийские губернии — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, входившие в состав дореволюционной России. В тексте Брестского договора [Мирный договор, с. 4–5] и приложениях к нему шла речь о поэтапном расчленении России на основе принципа самоопределения проживавших на ее территории наций и народностей. Руководители РКП (б) со своей стороны пытались исправить допущенные ими в марте 1918 г. в Бресте дипломатические ошибки политическими

и военными мерами. В. И. Ленин, в частности, признавал на IX съезде РКП (б), что подписание Совнаркомом РСФСР Брестского мирного договора являлось дипломатической ошибкой [Девятый съезд РКП (б), с. 9], исправление которой потребовало значительных политических и военных усилий.

Механизм устранения партией большевиков сепаратистских устремлений, сохранения или возврата утраченных ими в постреволюционный период территорий, изучен недостаточно. Проблемы изменения границ территориальных образований и национальных автономий, периодические конфликты на этой почве в советской историографии находились под запретом; историкам ставилась задача квалифицировать все решения правящей партии как мудрые и единственно правильные. В постсоветский период, когда заявили о себе межнациональные конфликты, изучению данной болезненной проблемы не уделялось должного внимания. В исследовании предпринята попытка выявить отношение высшего партийного руководства к разрешению межнациональных конфликтов, территориальных споров, определить основные механизмы этого процесса. С этой целью изучен комплекс документов Центрального комитета РКП (б) – ВКП (б), в работе применялись проблемно-хронологический и историко-генетический методы. В территориальном отношении акцент в изучении проблемы сделан на Поволжье и Центральную Азию, которым партийные руководители уделяли особо пристальное внимание. Хотя по теме возврата правящей большевистской партией утраченных в ходе Первой мировой и Гражданской войн территорий имеются научные труды советских, российских и зарубежных исследователей [Германов, с. 41–47; Капшелер; Бранденбергер; Изергина, с. 76–86; Государство наций; Бочкарева, Лысенко, с. 100–110], по ряду причин заявленная тема изучена недостаточно.

Вопреки распространенному в советской историографии мнению, что на практике национальным вопросом в основном занимался И. В. Сталин, эти проблемы разрешали и другие члены ЦК. В частности, Л. Б. Каменев в январе 1920 г. готовил документы о формировании и направлениях деятельности партийных организаций на Кавказе [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 53, л. 1, 4]. Проблемами взаимоотношений с получившими независимость прибалтийскими национальными государствами занимался Наркомат по иностранным делам [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 53, л. 1; д. 54, л. 1], непосредственное участие принимали Г. В. Чичерин [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 62, л. 1], А. А. Иоффе [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 61, л. 2]. Национальный фактор учитывался Л. Д. Троцким на Украине [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 53, л. 3]. В установлении центральной власти в Украине участвовали Д. З. Мануильский [РГАСПИ,

ф. 17, оп. 3, д. 54, л. 3] и Х. Г. Раковский [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 55, л. 3]. Организацией Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока занимались Н. Н. Крестинский [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 58, л. 5], М. В. Фрунзе [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 59, л. 1], Г. Я. Сокольников [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 77. л. 1; д. 103, л. 2].

Для разрешения территориальных споров относительно компактно проживающих групп населения различных национальностей создавались национальные секции при ЦК РКП (б), комиссия ЦК при ЦИК РСФСР под руководством М. Ф. Владимирского [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 63, л. 2]. 6 сентября 1920 г. И. В. Сталина ввели в комиссию при Наркоминделе по революционному движению на Востоке и возложили на него ответственность за сбор информации о революционном движении в Англии и колониях [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 107, л. 1, 2]. На занятиях Красной армией территориях, помимо создания партийных организаций с привлечением в ее ряды рабочих коренных национальностей, заключались соглашения с представителями национальной политической элиты из так называемых прокоммунистических партий и движений. Такие союзы носили временный характер, после закрепления в регионе власти РКП (б) лидеры национальных движений «попадали под подозрение» и разрабатывались в ВЧК. Закреплению возвращенных территорий и признанию этого на международном уровне активно способствовал Наркомат по иностранным делам, который действовал исключительно по директивам Политбюро ЦК РКП (б).

В национально-территориальном отношении объектами долгосрочной политики РКП (б) в конце 1919 г. – начале 1920-х гг. являлись Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ, Сибирь и Дальний Восток, наиболее сложная и неоднозначная обстановка сложилась в Поволжье и Туркестане. Проблема сотрудничества с национально ориентированными движениями, партиями и политическими деятелями в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции представителями РКП (б) решалась поэтапно. Из-за неустойчивости советской власти в национальных регионах им приходилось маневрировать, временно соглашаться на неприемлемые требования. Так, в положении о Татаро-Башкирской республике, разработанном Наркомнацем РСФСР и подписанном 22 марта 1918 г. наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным, в состав нового национального образования включалась территория Южного Урала и Среднего Поволжья; при определении границ в основу был положен «проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями», предполагавший, что к республике отходили вся Уфимская губерния, башкирская часть Оренбургской и Казанской губерний, за исключением

чувашско-черемисской части, и прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний [Маликов, с. 204]. Но так было в проектах, на практике на занятиях Красной армией спорных территориях, в соответствии с директивами из ЦК РКП (б) создавались революционные комитеты (ревкомы) в качестве прообраза (ячейки) новой гражданской администрации; на следующем этапе, после стабилизации ситуации на фронте или в регионе, объявлялись выборы в Советы. Затем состав ревкома преобразовывался, с одобрения советских выборных органов и утверждения в Политбюро ЦК, в Совет народных комиссаров (Исполком Совета), а партийная организация национально-территориального образования (республики, губернии, области) получала права областного комитета партии.

Для большей оперативности или в связи с необходимостью принять ответственное решение, создавались комиссии ЦК РКП (б) по национальным вопросам. Ситуация в Башкирии, например, начала обостряться еще к 23 января 1920 г., в связи с чем в Политбюро ЦК был заслушан доклад Н. Н. Крестинского о том, что от мусульманских секций различных партийных организаций поступают телеграммы о резолюции Второго съезда коммунистов Востока о Татаро-Башкирской республике. Речь в данном случае шла о попытках лидеров башкирского национального движения создать во второй половине 1919 г. в составе РСФСР Киргизо-Башкирскую советскую республику в составе трех республик: Башкирской, Киргизской и Татаро-Башкирской. Этот проект обсуждался в декабре 1919 г. в Москве, в совещании приняли участие представители ВЦИК, Центрального бюро коммунистов Востока, Башкирской республики, Туркестанской АССР, Киргизского края, Уфимской и Оренбургской губерний. Столицей национально-территориального объединения предполагалось сделать г. Оренбург. Во второй половине декабря 1919 г. стало ясно, что проект этот будет отклонен руководством РКП (б), что предопределило дальнейшее обострение в регионе.

С целью нормализации обстановки 2 февраля 1920 г. в Уфу в срочном порядке приехал председатель РВСР и народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий. После торжественного заседания Уфимского городского совета был проведен 5-тысячный митинг, на котором председатель губернского комитета РКП (б) Е. А. Преображенский предложил резолюцию о поддержке советской власти в Башкирии. Митинг закончился в два часа ночи, затем заседал Уфимский губисполком, на котором обсуждались наиболее острые проблемы взаимоотношений Башкирской республики и РСФСР [Известия ВЦИК, с. 2].

14 апреля 1920 г., по итогам обсуждения в Политбюро ЦК, в отношении башкирских событий были приняты важные решения: создана комиссия Политбюро ЦК в составе И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, Е. А. Преображенского, которая наметила кандидатов на ответственную работу в Башкирию вместо арестованных членов прежнего состава ревкома; отозван из Башкирии А.-З. А. Валидов. 4 мая 1920 г. Политбюро ЦК предложило И. В. Сталину и Е. А. Преображенскому подготовить предложения о создании центра мусульманской агитации на Востоке. Была образована комиссия в составе И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, М. Ф. Владимирского, Е. А. Преображенского и двух представителей татарских коммунистов по определению границ Татарской республики. Окончательное решение об образовании Татарской республики было принято 15 мая 1920 г., когда Политбюро ЦК утвердило решение комиссии ЦК и дало указание провести его через Совнарком РСФСР [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 78, л. 3].

22 июня 1920 г. башкирские коммунисты предприняли попытку созвать без санкции ВЦИК съезд Советов Башкирии. По предложению Е. А. Преображенского вопрос был срочно перенесен на разрешение Президиума ВЦИК [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 90, л. 1]. Переговоры местных деятелей с Президиумом ВЦИК продолжались неделю, после чего, 29 июня 1920 г., из Башкирии поступило сообщение об образовании нового состава Башкирского ревкома в составе предварительно намеченных в ЦК девяти партийцев. От нового состава Башкирского ревкома Политбюро ЦК затребовало предоставления полной гарантии проведения «правильной советской политики» в Башкирской республике; Оргбюро ЦК ставилась задача проверить условия созыва башкирского съезда Советов [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 3]. Сибирское бюро ЦК со своей стороны, с целью избежать конфликта, попыталось отсрочить башкирский съезд Советов, но решение Политбюро ЦК осталось прежним [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 93, л. 2]. 30 октября 1920 г. вызванный в столицу председатель Башкирского ЦИК и СНК Башкирии Г. К. Шамигулов был оставлен в Москве и назначен в Наркомнац, И. В. Сталина запросили о согласии на введение его в коллегию Наркомнаца. Приехавших с Г. К. Шамигуловым в Москву для отчета о событиях в республике партийцев направили обратно в Башкирию, объяснив им, что оставление Шамигулова в Москве не означает политического недоверия к нему [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 119, л. 1].

Следующий конфликт интересов обозначился в Казани. 8 июня 1920 г. Политбюро и Оргбюро ЦК совместно с Наркомнацем разработали проект директивного письма для Казанского губкома о мерах по выполнению декрета ВЦИК о Татарской республике. В документе указывалось о недопущении трений со стороны части казанской организации

РКП (б), воспротивившейся созданию Татарской республики. В итоге по решению Москвы Елабужский уезд был присоединен к Вятской губернии, Краснококшанский уезд – к Нижегородской; намечалось образовать Чувашскую республику. Ревком Татарской республики был утвержден в составе Саид-Галиева, Казакова, Хакимова, Мухтарова, Гольдберга, Бочкова; Султан-Галиев оставлен в Москве. 18 июня 1920 г. Политбюро ЦК обязало ВЦИК известить казанские местные учреждения о том, что 25 июня 1920 г. является днем вступления в действие учреждений Татарской республики [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 89, л. 2], о чем должно быть торжественно объявлено населению. Выработкой детальной инструкции о порядке передачи дел и кредитов уездов, вошедших в состав Татарской республики, занималось НКВД.

Особое внимание в Политбюро ЦК РКП (б) уделялось Туркестану. 27 января 1920 г. в адрес Политбюро ЦК поступила телеграмма М. В. Фрунзе о желательном составе Киргизского ревкома; после обсуждения состав ревкома с включением членов РКП (б), представлявших местное коренное население, был утвержден. Политбюро ЦК дополнительно включило Т. Р. Рыскулова в состав членов ЦИК от Туркестана [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 58, л. 3]. Такой подход кадрового закрепления на руководящих постах в национально-территориальных образованиях членов партии с дореволюционным стажем в целом себя оправдывал. Как правило, на роль исполнителей и помощников назначались представители коренной национальности, получавшие шанс войти в состав формировавшейся национально ориентированной партийной элиты. 28 февраля 1920 г. в Политбюро ЦК поступила телеграмма Туркестанского крайкома об утверждении организационных резолюций областных общепартийных мусульманских коммунистических конференций [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 63, л. 3]. 8 марта 1920 г. в Политбюро утверждено предложение Ш. З. Элиавы о партийных и государственных взаимоотношениях с Туркестаном; компартию и автономную республику в центре решили именовать Туркестанскими, исключив предлагаемое название «Республика тюркских народов» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 65, л. 1].

17 марта 1920 г. рассматривался конфликт между дипломатическим ведомством Г. В. Чичерина и Туркестанской комиссией ВЦИК. Отдел внешних сношений Туркестанской республики проявлял излишнюю самостоятельность, в связи с чем Наркомат по иностранным делам выразил свое полное недоверие к его руководителю Г. И. Бройдо. Отдел в результате подчинили непосредственно НКВД РСФСР как местный технический орган, Г. И. Бройдо отозвали из Туркестана [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 66, л. 1]. Несколько иная версия изложена исследователем В. А. Германовым, который полагает, что Г. И. Бройдо

отозвали из Туркестана из-за конфликта с другим членом Туркестанской комиссии – Г. Б. Скаловым [Германов, с. 41–47]. В. Л. Генис, основываясь исключительно на проверенных источниках, полагает, что Г. И. Бройдо во всем поддерживал председателя Туркестанской комиссии ВЦИК Ш. З. Элиаву, оба они занимали умеренную позицию по отношению к национальным движениям региона [Генис, с. 199–203].

22 июня 1920 г. в Политбюро ЦК было принято решение уравнять в Туркестане землевладения русских и приезжих с представителями местных жителей, при этом разбить, выселить и подчинить центральной советской власти русских кулаков [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 90, л. 4–7]. Вместе с тем, Туркестанская комиссия ВЦИК лишилась права изменять советские декреты, поступавшие из центра; ей предписывалось подготовить и провести постепенную передачу власти местным Советам трудящихся под контролем надежных коммунистов. Намеченного деления Туркестанской республики на три части предпринять не хотели, общей задачей ставилось «свержение феодализма». 29 июня 1920 г. Политбюро ЦК обозначило основной задачей РКП (б) в Туркестане ликвидацию прежних отношений, сложившихся между «пришлым» европейским населением и коренными народами. Процесс ликвидации патриархально-феодалного наследия в общественно-экономических отношениях предполагал государственный контроль за распределением земель; наделение земельными наделами безземельных декхан; с помощью системы реэмиграции планировали лишить кулаков влияния на местную власть. В многонациональном регионе активизировался процесс высылки в Россию всех политически неблагонадежных жителей и перераспределения партийных сил между центром и Туркестаном [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 4, 5].

Для реализации намеченной программы было оперативно принято решение о создании в Туркестане постоянных представительств ВЦИК, СНК, ЦК РКП (б), на которое бы возлагалось управление областями, находящимися в компетенции федеральной власти. На назначенных представителей центра возлагался контроль за реализацией директив и декретов, принятых в Москве, за изменением их в зависимости от местных условий, за урегулированием межнациональных вопросов в Туркестане. К исключительной компетенции центральной власти были отнесены внешние сношения, внешняя торговля и военное дело. В остальных вопросах полнота власти должна была принадлежать Туркестанскому ЦИКу и Совнаркому. Кроме того, Туркестанскому ЦИКу поручалось провести перераспределение административных округов республики в соответствии с компактно проживающим населением по национальному составу [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 5, 6]. Было признано необходимым объединение всех парторганизаций

Туркестана в единую Коммунистическую партию Туркестана с ЦК на правах областного комитета и с национальными секциями как подотделами Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б) [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 7]. В Туркестанскую комиссию председателем был назначен Г. Я. Сокольников, членами – Я. З. Суриц и Г. И. Бокий [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 7]. Одновременно было решено отозвать из Туркестана М. В. Фрунзе на Западный фронт и В. В. Куйбышева для работы в Самаре. В обязанность Туркестанской комиссии вменялось каждые две недели сообщать в СНК и ЦК о том, что она сделала по исполнению утвержденных директив [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 92, л. 6, 7]. Все вопросы, связанные с кадровым составом Туркестанской комиссии, передавались на разрешение в Оргбюро ЦК [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 94, л. 1].

23 июля 1920 г. на заседании Политбюро ЦК в связи с волнениями в Туркестане были приняты меры к немедленной отправке Туркестанской комиссии нового состава. В тот же день состоялось назначение Г. Я. Сокольникова командующим Туркестанским фронтом, РВСР поручалось издать приказ о его назначении, дав ему помощников по военной, политической и административной части [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 103, л. 2]. По сути, Г. Я. Сокольников был наделен по дореволюционным меркам неограниченными полномочиями генерал-губернатора Туркестана, только уже в новом советском формате. Процесс постепенного выделения или разделения Туркестана на автономные республики был продолжен. 25 августа 1920 г. было сформировано Киргизское партийное бюро в составе В. А. Радус-Зеньковича, Авдеева, Джигильдина, Арганчеева, Мендешева, Коростелева, Акулова, Мирза-Галиева. Первая пятерка из этого списка в тот же день была включена в состав Киргизского ревкома [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 104, л. 1].

18 марта 1921 г. Политбюро ЦК в связи с восстаниями русскоязычного населения в Туркестане создало специальную временную Комиссию ЦК в составе В. И. Ленина (с правом замены В. М. Молотовым), Л. Б. Каменева, Г. И. Сафарова, Н. Т. Тюржулова и Г. Я. Сокольникова; созыв комиссии поручили Г. И. Сафарову [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 138, л. 2]. Комиссия ЦК 21 марта 1921 г. предложила Политбюро ЦК утвердить состав Туркестанской комиссии, ее председателем назначить Я. Э. Рудзутака, наметить постепенное изъятие земель и выселение Семиреченского кулачества, наиболее «злостных кулаков» выселять персонально в чекистском порядке. В полном составе было вывезено население поселков Кесненский, Пржевальский, Пищнекский; о сроках проведения операции по выселению в Семиречье и Туркестане, принятому решением ЦК, намечалось обсудить особо. Признавалось желательным вывести из Туркестана наименее

надежные семиреченские части; дважды в неделю информировать центр о делах в Туркестане; Оргбюро ЦК предлагалось принять меры к привлечению в комиссию работников ВЦСПС; членом Туркестанского бюро ЦК РКП (б) и Туркестанской комиссии ВЦИК была дана директива проявить максимум осторожности для исключения новых восстаний [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 140, л. 3, 4]. 4 июня 1921 г. по предложению председателя Туркестанской комиссии Я. Э. Рудзутака, пытавшегося ослабить межнациональные конфликты, в Политбюро ЦК рассматривался вопрос о целесообразности образования Кашгарской и Джунгарской республик, но с учетом мнения Г. В. Чичерина от этого шага решили воздержаться [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 174, л. 4].

По результатам исследования выявлены два этапа формирования политики РКП (б) – ВКП (б) по сохранению национальных территорий в границах бывшей Российской империи. На первом из них, в 1917–1922 гг., партия, не обладая значительным политико-экономическим ресурсом, допускала компромиссные решения, разрешала национальным партийным лидерам проявлять самостоятельность, прежние границы пересматривались или заново устанавливались в интересах беднейших слоев коренных народов, в разрешении межнациональных конфликтов ставка была сделана на военную силу. На втором этапе, в 1923–1930 гг., продолжалось утверждение центральной власти (ЦК РКП (б) – ВКП (б), Совнаркома РСФСР и СССР); пересмотр границ национально-территориальных образований продолжался в целях ослабления амбиций национально-ориентированных элит, заявлявших о претензиях на отделение от Советской России, активно применялся принцип социального расслоения.

По результатам исследования, в отношении деятельности РКП (б) – ВКП (б) в области территориально-национальных преобразований можно сделать следующие выводы. На первых порах из-за того, что программа действий по разрешению национального вопроса у руководства РКП (б) в 1917 г. отсутствовала, прежние территориальные границы бывшей Российской империи предполагалось пересматривать с учетом интересов беднейших слоев коренных народов, на них проживающих; основной целью являлось утверждение центральной власти (Совнаркома РСФСР); на втором плане – по результатам обсуждения в партийной среде и органах советской власти определять границы будущих национально-территориальных образований.

В разрешении проблем территориально-национальных образований ставка в РКП (б) – ВКП (б) была сделана на военную силу, а также на ротацию национальных партийных и советских кадров. В целях ослабления амбиций национально-ориентированных элит, заявлявших о претензиях на собственную государственность

и в итоге отделение от советской России, активно применялся принцип социального расслоения, т. е. разделения населения не по национальному признаку, а на богатых и бедных. Процесс удержания, возврата бывших российских территорий, а также включения новых в состав советской России изначально был рассчитан на длительный период. На первом этапе применялись политические методы (консультации с представителями международного сообщества по линии Народного комиссариата по иностранным делам и Коминтерна); на втором этапе – использование ресурсного потенциала военной и политической разведки, активизация деятельности подпольных партийных организаций, целенаправленной пропаганды и агитации в беднейших слоях национальных диаспор и местного населения; на третьем этапе – применение военной силы (где это было необходимо), формирование революционных комитетов, последующее их преобразование в органы советской исполнительной власти.

Границы национально-территориальных образований периодически на протяжении 1920–1930-х гг. изменялись с учетом не одного только национального фактора, но и по экономическим соображениям. Периодическое «дробление» национально-территориальных образований способствовало политическому ослаблению претензий региональных партийных лидеров, лишало их самостоятельности, обязывало к большей лояльности руководству РКП (б) – ВКП (б). В конечном итоге в 1930-е гг. было достигнуто безусловное закрепление правящего положения РКП (б) – ВКП (б) на всей территории Советской России.

Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А. «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917–1921 гг.) // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 100–110.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. СПб., 2009.

Генис В. Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.

Германов В. А. Новый документ по истории Советского Туркестана начала 20-х годов // Общественные науки в Узбекистане. 1991. № 4. С. 41–47.

Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011.

Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 г. М., 1934.

Известия ВЦИК. 1920. № 36. 18 февраля.

Изергина В. П. Проблемы политико-территориального устройства России в программных документах общероссийских политических партий начала XX века //

Гуманитарий: Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 4. С. 76–86.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.

Маликов М. Ф. Истоки познания. Т. 4. Генетические основы регионального права (По материалам Республики Башкортостан). Уфа, 2012.

Мирный договор между Россией сь одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией сь другой. М., 1918.

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС–ЦК КПСС, 1898, 1903–1991).

УДК 94(470.531).084.3/084.6

А. К. Гагиева

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОМИ АССР (1920–1930-е ГОДЫ)

В статье рассматривается формирование общественных организаций в Коми АССР в 20–30-е гг. прошлого века, анализируется деятельность организаций, задачи и функции, указываются причины прекращения их деятельности

Ключевые слова: Общество изучения истории и культуры Коми края, Союз писателей Коми АССР, оборонно-спортивное общество, спортивный клуб.

История общественных организаций рассматривается в свете изучения проблемы формирования гражданского общества. При всей дискуссионности вопроса о том, что понимать под гражданским обществом, в литературе существует мнение, что оно невозможно без развития общественной инициативы, общественного сознания, менталитета и идентичности [Хорос, с. 53].

Общественные организации выражали интересы общества и решали его насущные проблемы. При этом уровень развития общественных организаций является одним из основных критериев при оценке формирования гражданского общества. В советской России гражданское общество формировалось как «советский проект», куда «входили большевистские планы и программы, которые определили облик советского строя и его *modus operandi*, и которые хронологиче-

ски укладываются в период от подготовки вооруженного восстания до начала 1930-х годов» [Горбачев, с. 19].

В настоящее время настала необходимость рассмотреть историю общественных организаций в национальных регионах страны в 20–30-е гг. прошлого века. Это связано как с недостаточной изученностью проблемы, так и с открытием новых архивных фондов и коллекций, раскрывающих те или иные вопросы, связанные с историей формирования гражданского общества в России. Основными источниками при подготовке данной работы стали архивные документы Национального архива Республики Коми (НАРК), публикации в республиканских газетах исследуемого периода и т. д.

До 80-х гг. прошлого века в советской историографии любые общественные организации национальных регионов, сформированные до начала 30-х гг. приравнивались к «националистическим» и враждебным. Исследователи вынуждены были следовать в русле заданных политических шаблонов и установок [Безносиков, с. 110]. История формирования общественных организаций осталась при этом вне поля зрения исследователей.

Сегодня в республике Коми накоплен определенный опыт изучения истории формирования общественных организаций в 20–30-е гг. Это исследования И. Л. Жеребцова, М. В. Таскаева и др. [Жеребцов, Таскаев, Кузнецова, Их объединило краеведение; Малкова, с. 71–77; Жеребцов, Таскаев, Колегов, Комиретро: 95 лет истории Коми]. Однако до настоящего времени не было попыток интерпретировать общественные организации Республики Коми как действующее лицо и как общественное пространство, сформированное на коммуникационной структуре.

После революции 1917 г. активизация общественной жизни наблюдалась как в центре, так и на местах. Так, в Коми области сразу после Гражданской войны была создана целая сеть различных организаций, которые сыграли исключительную роль в деле развития спорта, культуры, науки и образования населения. Революция и последовавшее за ней десятилетие вызвали к жизни творческие возможности народа. Появляются «Общество друзей воздушного флота», «Общество друзей химической обороны», МОПР, комсомольская, пионерская и профсоюзная организации, Союз писателей, «Общество изучения истории и культуры Коми края» и т. д. Виктор Савин, Николай Попов, Василий Лыткин и многие другие приветствовали начинания новой власти и верили в искренность лозунгов и деклараций, произнесенных большевиками. Все их силы и устремления были направлены на приближение светлого будущего. Создавались кружки, ячейки и отделения общественных организаций. В 1924 г. в Коми области в различных обществах состояли 3 587 чел., а в 1928 г. – 9 485.

В литературе указывалось, что «наиболее значительный рост показывают военно-стрелковые кружки – 73 кружка, при 1 548 членах, сельскохозяйственные – 49, в них 976 членов, селькоровские – 50 кружков, в них – 546 членов, рукоделия, домоводства и санитарные, охватывающие исключительно женщин – 42 кружка 546 чел...» [История Коми, с. 586].

С каждым годом общественные организации крепили, набирали новых членов и усиливались организационно. Финансовую поддержку им оказывали некоммерческие организации, такие как кооперация [Гагиева, с. 232]. Члены обществ собирали архивные документы, организовывали спортивные праздники, пропагандировали «здоровый образ жизни». Примером может служить Общество изучения истории и культуры Коми края (ОИИиКК), которое сыграло ведущую роль в организации масштабных исследований традиционной культуры народа коми. Оно было учреждено 16 мая 1922 г. в г. Усть-Сысольске преподавателями Института народного образования, сотрудниками Областного отдела народного образования, Областного статистического бюро и других областных партийных и советских учреждений, «осознавших важность краеведческой работы». В число организаторов входили – А. Н. Грен, А. С. Сидоров, А. А. Чеусов, и др. Позднее отделения ОИИиКК возникли в 16 селах Коми области, а также в Москве, Перми, Ленинграде и Вятке в форме студенческих кружков. В 1924 г. благодаря усилиям ОИИиКК возобновил свою деятельность краеведческий музей, была создана научная библиотека. В 1925 г. в рядах ОИИиКК насчитывалось 554 члена. По данным 1929 г., общество поддерживало связи с 64 научными организациями, как в стране, так и за ее пределами – в Эстонии это было Академическое общество родного языка, в Финляндии – Финно-угорское общество, в Венгрии – Академия наук. В числе зарубежных контактов указывались даже контакты с Маньчжурией. Деятельность ОИИиКК вызвала бурный рост краеведческого движения и поставила на повестку дня проблему координации активности кружков на местах. С этой целью в 1925 г. была проведена Коми областная краеведческая конференция, на которой было избрано областное бюро краеведения. Результаты своих изысканий члены ОИИиКК публиковали в журнале «Коми му» (Земля Коми), который выходил в 1924–1929-е гг. в г. Усть-Сысольске. Это первый специальный краеведческий периодический журнал, который широко освещал многие вопросы по истории культуры, языкознанию и др. Он выходил тиражом 1 000, из них 760 расходились по подписке, а 240 – обменивались [Лобанова, Рощевская, с. 19–20].

Активистами общества была проделана работа и по сбору этнографических материалов. Были опубликованы материалы экспедиций П. А. Анисимова в Большеземельскую тундру (1927 г.),

научные трактаты А. Н. Грена «Самоедские этюды» (1925 г.), «Самоедский и печорский вопросы с зырянской точки зрения» (1928 г.). В журнале печатались статьи А. Мартюшева «Епифаниева повесть как исторический документ о коми народе», «Об историческом расселении территории Коми», работы Г. А. Старцева «Зыряне» [НАРК, ф. 710, оп. 1, д. 76]. ОИИиКК занималось также изучением экономических вопросов. Были подготовлены записки Д. Батиева «О маршрутных гидрографо-геологических исследованиях по водному пути р. Везлянка – Синдорское озеро – р. Вишера», К. Соснина «По вопросам развития животноводства, оленеводства, рыболовства, кустарных промыслах в Коми Области», К. Тюрнина «О развитии целлюлозно-бумажной промышленности [НАРК, ф. 710, оп. 1, д. 76].

В этот период активно развиваются различные литературные жанры. В золотой фонд коми литературы входят созданные в это время пьесы Виктора Савина и Николая Попова, стихотворения Василия Лыткина, Михаила Лебедева и Вениамина Чисталева и др. Они писали для народа и о народе. В 1926 г. начал выходить ежемесячный литературно-художественный журнал «Ордым» («Просека»), на обложке которого был изображен коми охотник, пробирающийся сквозь тайгу. Это был символический образ народа, устремившегося к светлой жизни. В 1931 г. он поменял название на «Ударник», а в 1946 г. – на «Войвыв кодзув» («Северная звезда») [История коми литературы, с. 102–163].

Одновременно активно развиваются и оборонно-спортивные организации. Известно, что в 1918 г. в России была введена система всеобщего военного обучения населения («всевобуч»), важной составной частью которой была физическая подготовка. Усть-Сысольский отдел всевобуча возглавил М. В. Петров, преподававший до революции в коми гимназиях гимнастику. Активисты всевобуча Н. М. Жеребцов и другие взялись за создание спортивных обществ. Стали проводиться «дни всевобуча» с массово-показательными военно-спортивными выступлениями. Впервые такой день прошел в мае 1919 г. в г. Усть-Сысольске, когда, в частности, состоялись первые в Коми крае футбольные матчи. В 1920 г. в г. Усть-Сысольске появился первый образцовый военно-спортивный (позднее – любительский спортивный) клуб «Заря», который организовал Н. М. Жеребцов. Здесь была организована и первая в Коми футбольная команда «Заря». Вскоре спортивные клубы возникли в с. Небдино («Сокол») и с. Визинга («Геркулес»), а затем в селах Усть-Цильма, Мохча и Краснор [Жеребцов, Таскаев, Колегов, Комиретро: 95 лет истории Коми].

В спортклубах культивировались гимнастика, футбол, фехтование, борьба, лыжи и «живая физкультура». Зимой 1921 г. в г. Усть-Сысольске прошли показательные спортивные выступления членов

клуба «Заря», о которых местная газета писала: «Успех вечеров был огромный. Зрителей в зале собиралось до 600–700 человек». Программа выступления была в духе того времени – снарядовая гимнастика, французская борьба, фехтование на рапирах, строительство живых пирамид статического и динамического характера с участием до ста человек и т. д. Выступления сопровождался оркестром, читались лекции. Вот как описывала первые выступления коллектива «Живой физкультуры» газета «Югд туй»:

«11 июля 1926 г. на вечере Авиахима впервые выступал коллектив “Живой физкультгазеты” Усть-Сысольской ячейки физкультуры. Первое выступление коллектива надо признать удовлетворительным, хотя чувствовались еще слабая организованность, однообразность движений, слабые голоса, неопытность выступления на подмостках и т. п., но все эти недостатки объясняются новизной дела. Живая физкультгазета является первым из лучших видов физкультгагитации и постепенно получает широкое применение в рабочем классе и кружках физкультуры». [Югд туй, 1926, 20 июля]

Пиком развития оборонно-спортивной работы стала первая Коми областная Олимпиада, которая прошла в г. Усть-Сысольске в год создания Коми автономии – 29–30 мая 1921 г. В этом масштабном спортивном мероприятии приняло участие 185 спортсменов, из которых 18 были женщины. Состоялись командные соревнования по футболу, красочные массовые выступления гимнастических групп, соревнования по фехтованию, борьбе, различные силовые первенства [Жеребцов, Таскаев, Колегов, Комиретро: 95 лет истории Коми].

В 1926 г. в г. Усть-Сысольске состоялась II Коми областная Олимпиада, собравшая на этот раз всего 32 спортсмена (из них 12 женщин). Олимпиада шла три дня и была посвящена многоборью. У мужчин десятиборье: бег на 100 и 1 500 м, толкание ядра, метание диска и копья, прыжки с разбега и с места в длину и высоту, прыжки с шестом. У женщин пятиборье: бег на 800 и 60 м, толкание ядра, метание диска, прыжки в высоту и в длину с места. К сожалению, это была вторая и последняя Коми Олимпиада. Однако подобные мероприятия активизировали население, строились спортивные площадки, изготавливался спортивный инвентарь, приобреталась спортивная форма. Так, в 1927 г. в столице Коми области был открыт стадион «Наш ответ Чемберлену». На нем имелись футбольное поле, баскетбольная площадка, легкоатлетическая дорожка и места для прыжков и метаний [Жеребцов, Таскаев, Колегов, Комиретро: 95 лет истории Коми, с. 139–141].

В 1928 г. в стране было принято Типовое Положение об обществах и союзах. В нем содержалось прямое требование политической

правоспособности руководящего состава общества. Указывалось, что общества должны строить свою деятельность в соответствии с планами развития народного хозяйства. Каждое общество и союз должны были иметь свой Устав, а надзор за их деятельностью возлагался на государственные органы. Все существовавшие ранее объединения упразднились и на их месте формировались новые [Гагиева, Кондратова, с. 28].

По этому пути пошли и в Коми области. В 1934 г. на базе существовавшего объединения литераторов был создан Союз писателей. В него вошли Виктор Савин, Вениамин Чисталев, Николай Попов и др. На первой областной конференции коми писателей председателем правления Союза был избран Николай Попов. Основная задача Союза состояла в открытии новых имен, создании художественных произведений, обогащающих духовную культуру древней коми земли.

Не остался без внимания и краеведческое движение. В директивном письме, направленном во все областные комитеты партии и местные краеведческие организации, указывалось, что «краеведение должно использоваться для решения конкретных, узких задач социалистического хозяйственного строительства» [Первое совещание по краеведению..., с. 1–3]. При этом общества не должны были заниматься просветительской, образовательной и научно-исследовательской работой [Дзенс-Литовский, с. 5–6]. В мае 1931 г. руководство ОИИиКК приняло решение о прекращении своей деятельности.

Реорганизации подверглись и оборонно-спортивные общества. В ноябре 1930 г. первая Всесоюзная конференция профсоюзов приняла решение о переходе от клубно-территориального построения массовых физкультурных организаций к производственному. Первичными ячейками советского физкультурного движения стали кружки физической культуры на производстве. В этом же году были созданы Коми областной совет физической культуры (Коми ОСФК), районные и городские советы, а на следующий год началась организационная перестройка низовых физкультурных организаций по производственному принципу. В эту работу активно включился физкультурный, комсомольский и профсоюзный актив.

Одновременно началась «чистка» общественных организаций от «чуждых элементов» и «вредителей». Активисты движения обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, идеалистическом релятивизме, пропаганде религии, контрреволюционной трактовке исторического материала и т. д. Были уволены с работы несколько физкультурных активистов. В 1933 г. бюро Коми обкома ВЛКСМ рассмотрело вопрос о ликвидации общества радиолюбителей и реорганизации физкультурных обществ. Начали формироваться «дела»

в отношении национальных кадров практически всех республик, краев и областей страны. В 1937–1938 гг. почти все члены «Союза писателей» Коми АССР были обвинены в «буржуазном национализме», признаны «врагами народа» и репрессированы. В Союзе осталась только один член Союза писателей и один кандидат в члены Союза писателей Коми АССР [История коми литературы, с. 172].

Начались репрессии и против ученых. Все правление Общества изучения истории и культуры Коми края было репрессировано. В 1932–1933 гг. ОГПУ были открыты дела о буржуазно-националистической шпионской организации (СОФИН), якобы охватившей своей деятельностью все финно-угорские регионы страны, включая и Коми область. Среди арестованных оказались «члены Московского руководящего центра» крупные коми ученые – В. И. Лыткин и В. П. Налимов. Репрессиям подверглись и другие видные деятели культуры и науки.

Характерной особенностью формирования советских общественных организаций по сравнению с общественными организациями дореволюционного периода явилось их территориальное расширение и вовлечение в работу крестьянства. Каждая волость Коми области имела несколько ячеек различных общественных организаций. Кроме спортивных, комсомольских и пионерских, были созданы кружки по истории, фольклору, культуре, домоводству, санитарии и др. В этот период началось вовлечение в общественную жизнь и коми крестьянок. Конечно, говорить о массовом вовлечении женщин пока не приходится, но начало этой работы было положено в изучаемое время.

Еще одной особенностью вновь сформированных организаций был отказ от ведения обществами благотворительной деятельности. Каждое вновь создаваемое общественное объединение решало исключительно прагматические задачи. Вовлекая в общественные организации молодежь, подростков и женщин, власть не только расширяла свою социальную базу, но и укрепляла ее. Декларируя народовластие и демократию, она постепенно усиливала контроль над общественными организациями, что особенно ярко проявилось с середины 30-х гг. Общественные организации рассматривались властью как инструмент влияния на сознание и поведение человека, а также как воспитательный и мобилизующий фактор.

Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968.

Гагиева А. К. «Огосударствление» кооперации как элемент формирующейся административно-командной системы управления (1917–1920) // Эпоха социали-

стической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 232–239.

Гагиева А. К., Кондратова И. В. Организация государственных учреждений в России: история и современное состояние : учеб. пособие. Сыктывкар, 2010.

Горбачев О. В. «Советский проект» в западной историографии // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 19–29.

Дзюнс-Литовский А. И. На новых путях краеведческой работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведческой работы. Л., 1926. С. 3–10

Жеребцов И. Л. «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 5–71.

Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Кузнецова Т. Л. Их объединило краеведение. Сыктывкар, 2008.

Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Колегов Б. П. Комиретро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной. Сыктывкар, 2016.

История коми литературы : в 3 т. Т. 2. Сыктывкар, 1980.

История Коми с древнейших времен до современности : в 2 т. Т. 2. Сыктывкар, 2011.

Лобанова О. Н., Роцевская Л. П. Журнал «Коми му (1924–1929)» // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 19–22.

Лядов М. В первую очередь – внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 1929. 24 апреля.

Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 710 (Общество изучения Коми края).

Малкова Т. А. Издания Общества изучения Коми края как источник по истории научных исследований в Коми области в 20-е годы XX века // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 71–77.

Первое совещание по краеведению Отделению изучения природы СССР Государственного тимирязевского научно-исследовательского института. Вологда, 1925.

Хорос В. Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 49–57.

«Югъд туй». 1926. 20 июля.

УДК 94(575).084.5

М. Е. Шушкова

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКОВ ТАДЖИКИСТАНА НА ПРОБЛЕМУ

В статье рассматривается процесс создания советской государственности на территории Туркестана. Автор делает вывод, что национально-территориальное размежевание Средней Азии, проходившее в 1924–1925 гг., во многом изменило политическую карту этого региона. Наиболее ущемленной нацией, по мнению среднеазиатских историков, оказались таджики, чьи интересы не были представлены на заседаниях Среднеазиатского бюро, курировавшего данный вопрос. Результаты этого «советского эксперимента» оказали серьезное влияние на формирование постсоветского пространства после распада СССР.

Ключевые слова: Туркестан, национально-территориальное размежевание Средней Азии, Среднеазиатское бюро ЦК РКП (б), национальная политика, советская власть, таджики.

После распада Советского Союза на территории среднеазиатского региона возник ряд независимых государств. С этого времени в средствах массовой информации периодически стали подниматься вопросы, связанные с теми или иными территориальными претензиями молодых республик [Горак]. По мнению среднеазиатских историков, многие пограничные проблемы возникли как итог национально-территориального размежевания региона, проведенного в 1924–1925 гг. В советской литературе считалось, что целью проекта была необходимость искоренения национальной розни и содействия процессу формирования социалистических наций в Средней Азии. В современной литературе господствует утверждение, что Средняя Азия могла представлять угрозу для молодой Советской республики. Это было обусловлено тем, что в регионе, где проживало несколько миллионов мусульманского населения, могли возникнуть очаги сопротивления советской власти на основе идей пантюркизма и панисламизма [История таджикского народа, с. 365]. В зарубежной литературе бытует мнение о том, что размежевание было на самом деле «советским экспериментом» и выражением политики по принципу «разделяй и властвуй» [Lance, p. 83].

Самые заметные и яркие работы на тему национально-территориального размежевания в постсоветской истории принадлежат историкам Таджикистана. Возможно, это связано с тем, что в результате

размежевания больше всего пострадали таджики. Особое место занимают труды доктора исторических наук, академика Академии наук республики Таджикистан Р. М. Масова. В своих работах автор дает историко-этническую характеристику и численный состав населения Средней Азии до установления Советской власти и национально-территориального размежевания, а также на основе архивных материалов освещает создание на территории Средней Азии новых государственных образований, в том числе Таджикской АССР [см.: Масов, Таджики: История топорного разделения; Он же. Таджики: вытеснение и ассимиляция; Он же. Таджики: История национальной трагедии; Он же. Таджики: история с грифом «совершенно секретно»].

Начиная с середины 90-х годов XX века Р. М. Масов заявляет о серьезных ошибках в процессе проведения национально-государственного размежевания Средней Азии. Это было обусловлено тем, что этнографические границы республик не были проведены четко и обоснованно. Во многом мешало складывавшееся в Средней Азии веками территориальное смешение народов, а также *субъективно поспешное*, ничем не обоснованное определение территории и мест компактного проживания того или иного народа [Масов, Таджики: история с грифом, с. 101]. Иными словами, границы были проведены по большей части не в соответствии с этнической принадлежностью проживающих на данной территории народов, а по идеологическим и экономическим соображениям.

В 2017 г. в среднеазиатских республиках отмечалась памятная дата: 150 лет с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства. В 1867 г. в состав Российской империи были включены огромные территории с многонациональным населением. Туркестанское генерал-губернаторство вместе с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, находящимися под протекторатом России, стало «русским Востоком», который перешел под контроль Российской империи. Россия стала по-настоящему мировой державой со своими интересами на Среднем Востоке и в исламском мире.

Установление на этих территориях советской власти происходило сложно и неоднозначно. Известие о победе вооруженного восстания в Петрограде способствовало активизации революционных сил Туркестана. III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший с 15 по 22 ноября 1917 г. в Ташкенте, сместил потерявший легитимность Туркестанский комитет Временного правительства и избрал новый орган власти: Совет народных комиссаров Туркестанского края под руководством большевика Ф. Колесова. При формировании СНК было решено не допускать представителей местного мусульманского населения «ввиду полной неопределенно-

сти отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» [Алексеенков, с. 164].

Деятельность правительства не устраивала большинство коренного мусульманского населения, в нем совершенно не представленного. В этих условиях 9–11 декабря 1917 г. в Коканде состоялся IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд. В его работе приняли участие более 250 делегатов, представлявших основные регионы и национальные политические организации края. На съезде была провозглашена «Кокандская автономия», просуществовавшая 72 дня. По решению СНК Туркестанского края (22 февраля 1918 г.) все ее руководители были объявлены вне закона, а имущество конфисковано.

Таким образом, между политическими силами, вышедшими на арену после революции 1917 г., шла ожесточенная борьба, обусловленная разными точками зрения на будущее устройство Туркестанского края. Лидеры общественно-политических организаций видели независимость Туркестана либо как территориальной автономии, либо как культурно-национальной автономии в составе федеративного государства. Победу одержали представители партии большевиков, считавшие, что власть в Туркестане должна принадлежать Советам, спровоцировав тем самым такое явление как «басмачество», поставившее своей целью борьбу с советской властью. Основными базами басмачества стали территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата (после установления советской власти в 1920 г. и до вхождения в СССР в 1924 г. – Хорезмская Народная Советская Республика и Бухарская Народная Советская Республика соответственно).

В этих условиях наиболее целесообразным для большевиков стало создание многонациональной советской республики на территории Туркестанского края. 30 апреля 1918 г. V Краевой съезд Советов принял постановление об образовании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в составе РСФСР, куда вошла вся территория Туркестана, за исключением Хивы и Бухары. 17–25 июня 1918 г. в Ташкенте прошла краевая конференция большевиков Туркестана, получившая статус I съезда Коммунистической партии Туркестана. На ней было объявлено о создании компартии Туркестана в составе РКП (б).

Длительная борьба Красной армии с басмачеством завершилась ее победой. Прошедший в Хиве 27–30 апреля 1920 г. I Всехорезмский съезд объявил о ликвидации Хивинского ханства и образовании Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР). 6–8 октября 1920 г. прошел I Всебухарский съезд народных представителей. На нем было принято решение о провозглашении Бухарской Народной Советской Республики (БНСР).

Образование СССР (30 декабря 1922 г.) ознаменовало новый этап в жизни недавно вошедших в состав России народов. Идея территориального размежевания принадлежала В. И. Ленину и определялась главными положениями национальной политики, проводимой в то время. Как писали советские историки, необходимость этого исторического мероприятия была определена основным принципом Программы партии в национальном вопросе – признанием за каждой нацией права на самоопределение, на образование самостоятельного национального государства [Назаров, с. 94]. С другой стороны, советское руководство опасалось угрозы образования «Большого Туркестана».

Руководящая роль в этом процессе отводилась Среднеазиатскому бюро ЦК РКП (б), образованному в мае 1922 г. На начальном этапе его основной функцией стало руководство компартиями Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных советских республик. Впоследствии именно за этим органом власти и была закреплена задача проведения размежевания. В постановлении Политбюро ЦК РКП (б), принятом 11 октября 1924 г. говорилось: «Руководство всей партийной и советской работой по размежеванию и по организации создаваемых республик возложить на Среднеазиатское бюро ЦК» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 468, л. 3].

На территории Средней Азии необходимо было создать сильный и хорошо функционирующий партийный аппарат, способный разрешать проблемы данной местности, который в то же время мог бы являться для центральной власти и орудием управления [Тальская, с. 107].

11 мая 1924 г. на заседании комиссии Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б) был поднят вопрос о национально-территориальном размежевании среднеазиатского региона. Проект был рассмотрен и в основном одобрен Среднеазиатским бюро ЦК РКП (б) 2 июня 1924 г. При Средазбюро, на основании постановления ЦК РКП (б) «О национальном размежевании республик Средней Азии» от 12 июня 1924 г., были образованы Центральная территориальная комиссия и национальные подкомиссии по национальному размежеванию, которые занимались решением комплекса вопросов, связанных с разделом территории и материально-финансовых ценностей. К началу сентября 1924 г. Комиссия в основном завершила свою работу. Политбюро ЦК РКП (б) в течение сентября–октября 1924 г., рассмотрев этот вопрос, сочло целесообразным оформить процесс размежевания официально. Это решение было одобрено 14 октября на заседании Объединенного Национального Исполнительного Комитета (ОНИК) СССР. Последняя точка в работе над данным проектом была поставлена 24 октября 1924 г. на пленуме ЦК РКП (б). И, наконец,

27 октября 1924 г. на II сессии ОНИК СССР были одобрены мероприятия по проведению национально-территориального размежевания Средней Азии.

Таким образом, вместо упраздненных ТАССР, ХНССР, БНССР были образованы Узбекская ССР (с Таджикской АССР в составе); Туркменская ССР; Кара-Киргизская автономная область в составе РСФСР (в мае 1925 г. переименована в Киргизскую автономную область; в феврале 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР, с 1936 г. – Киргизская ССР). Значительная часть ТАССР (Сыр-Дарьинская и Джетысуйская области), являвшаяся этнической территорией казахов, была присоединена к Киргизской АССР, находившейся с 1920 г. в составе РСФСР (с апреля 1925 г. Казахская АССР, с 1936 г. – Казахская ССР), в составе Киргизской АССР образована Кара-Калпакская автономная область (16 февраля 1925 г.; с 1932 г. – Кара-Калпакская АССР). III съезд Советов СССР постановлением от 13 мая 1925 г. распространял действие договора об образовании СССР на Узбекскую ССР и Туркменскую ССР.

Так была искусственно, насильственным путем изменена политическая география Средней Азии.

В результате, по мнению ученых Таджикистана, в ходе национально-территориального размежевания грубейшим образом были нарушены конституционные, юридические и хозяйственно-экономические принципы проведения национальной политики в отношении народов Средней Азии, в частности, таджиков. Стоит обратить внимание, что до национально-территориального размежевания нынешняя территория Таджикистана входила в состав двух государственных образований Средней Азии – Туркестанской АССР и Бухарской НСР. Северные и восточные районы Таджикистана входили в состав Туркестанской АССР, а центральные и южные его районы составили восточную часть БНСР [Алимардонов, с. 11]. В результате размежевания в состав Узбекской республики вошли самые плодородные, густонаселенные, экономически развитые территории Средней Азии: Ферганская, Самаркандская и часть Сыр-Дарьинской областей Туркестанской республики, основная часть Западной Бухары вместе с городом Бухара, юго-восточная часть Хорезма, а также г. Ташкент. К Таджикистану отошли лишь Восточная Бухара и районы Горного Бадахшана вместе с Восточным Памиром. В ходе проведения национально-государственного размежевания происходило много острых принципиальных споров между узбекским, казахским, туркменским и киргизским национальным комитетами из-за отдельных территорий, городов и районов. Фактически самостоятельной таджикской национальной комиссии не существовало. Судьбу будущей «таджик-

ской национальной государственности» в основном решала узбекская комиссия [Масов, Таджики: история с грифом, с. 102–111].

В ходе размежевания не было установлено четких пограничных линий, далеко не все границы были проведены точно в соответствии с национальным составом соответствующих территорий. В результате значительное число лиц той или иной национальности оказалось за пределами своего титульного государства (например, таджики, составлявшие до 90 % населения Бухары и Самарканда, остались в Узбекской ССР), в ряде случаев произошли резкие изменения в традиционной хозяйственной деятельности народа (например, за кочевыми киргизами закреплены территории постоянных кочевий, а места их крупных оседлых поселений перешли к узбекам и таджикам).

Однако, по мнению Т. В. Котюковой, это разделение было необходимо, потому что народы, входившие в состав дореволюционного Туркестана, были очень разными по своей культуре. Это было сочетание оседло-земледельческих народов (таджиков, узбеков) и народов, традиционно ведущих кочевой образ жизни (туркменов, казахов и киргизов). Специфика ведения сельского хозяйства у них была совершенно разной. Поэтому это разделение было оправданным, что стало ясно в 1990-е гг., когда распался Советский Союз и все получили по некоей «национальной квартире». С той поры не вполне безоблачно, но и без особенно жестоких межнациональных конфликтов эти республики существуют в границах, определенных в 20-е гг. [Котюкова].

Таким образом, национально-государственное размежевание, с одной стороны, повысило государственный статус народов Средней Азии, способствовало их экономическому и культурному развитию, а с другой – в ряде случаев заложило основы серьезных конфликтов между ними из-за спорных территорий (особенно со стороны Таджикистана и Узбекистана), обострившихся после распада СССР.

Алексеевков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931.

Алимардонов М. У. История образования Таджикской советской социалистической республики : автореф. дис... канд. ист. наук: Душанбе, 2013.

Горак Славмир. В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66) // ИНТЕЛПРОС–Интеллектуальная Россия: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://http://www.intelros.ru/user/> (дата обращения: 18.08.2018).

История таджикского народа. Новейшая история (1917–1941 гг.) / Акад. наук Респ. Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша / под ред. Р. М. Масова. Душанбе, 2001.

Котоюкова Т. В. «Всем по «национальной квартире»». Как СССР «делил» Среднюю Азию // Русская Евразия: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://rusevr.asia/vsem-po-nacionalnoj-kvartire-kak-sssr-delil-srednyuyu-aziyu/> (дата обращения: 18.08.2018).

Масов Р. М. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2005.

Масов Р. М. Таджики: История национальной трагедии. Душанбе, 2008.

Масов Р. М. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.

Масов Р. М. Таджики: История топорного разделения. Душанбе, 1995.

Назаров С. А. Из истории деятельности Средазбюро ЦК ВКП (б) (1922–1924 гг.). Ташкент, 1965.

РГАСПИ. Ф. 17 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) и ВКП (б) VII–XVIII созывов).

Тальская О. Д. Роль Средазбюро в разработке советской среднеазиатской политики в 1920–1930-х гг. (по материалам РГАСПИ) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 107–112.

Lance Keely. Do Borders Make A Nation? A New Analyses of Identities with A Focus on Central Asia // Regional Studies. Vol. 15.1996. P. 82–90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анфертьев Иван Анатольевич, к. и. н., профессор кафедры истории России новейшего времени ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: ivananf52@gmail.com

Архипова Татьяна Григорьевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: archipova-iai@yandex.ru

Байбатырова Наиля Мунировна, к. филол. н., доцент кафедры теории и истории журналистики ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань. E-mail: aulova83@mail.ru

Баранов Андрей Владимирович, д. и. н., д.полит.н., профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар. E-mail: baranovandrew@mail.ru

Баранова Лидия Яковлевна, к. и. н., доцент кафедры зарубежного регионоведения УрФУ, Екатеринбург. E-mail: balida48@mail.ru

Барышева Елена Владимировна, к. и. н, доцент, зав. кафедрой истории и теории исторической науки ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Белоногов Юрий Геннадьевич, к. полит. н., доцент кафедры государственного управления и истории ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь. E-mail: ugb78@mail.ru

Беспятова Елена Борисовна, к. и. н., доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва. E-mail: elena_besp@list.ru

Бондарь Валерий Александрович, к. и. н., научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: bondarl213@yandex.ru

Бородкин Леонид Иосифович, д. и. н., профессор, зав. кафедрой исторической информатики ФБГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», чл.-корр. РАН, Москва. E-mail: lborodkin@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, д. и. н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Быковская Галина Алексеевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой философии и истории ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий», Воронеж. E-mail: istoria_vrn@mail.ru

Валуев Демьян Валерьевич, к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Екатеринбург. E-mail: valuev.demyan@mail.ru

Воробьев Сергей Викторович, к. и. н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. E-mail: svorob.hist@gmail.com

Гагиева Анна Капитоновна, д. и. н., профессор кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами, ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления», Сыктывкар. E-mail: gngkol2@mail.ru

Горбачев Олег Витальевич, д. и. н., профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: og_06@mail.ru

Долгова Евгения Андреевна, к. и. н., доцент Центра междисциплинарных гуманитарных исследований ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: Dolgova-evg@rambler.ru

Ермишин Олег Тимофеевич, д. филос. н., ведущий научный сотрудник ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», Москва. E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Ильиных Владимир Андреевич, д. и. н., заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск. E-mail: agro_iva@mail.ru

Каиль Максим Владимирович, к. и. н., руководитель научных программ НОЦ «История советской и постсоветской России», доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск. E-mail: mvkail@mail.ru

Капсалькова Карина Рамазановна, к. и. н., ассистент кафедры востоковедения УрФУ, Екатеринбург. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Килин Алексей Павлович, к. и. н., доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Кочкина Анастасия Александровна, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 71, г. Нижний Тагил; магистрант 1 года обучения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (филиал в г. Н. Тагил), Нижний Тагил. E-mail: nastasya.kochkina@mail.ru

Мазур Людмила Николаевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: lmaz@mail.ru

Макарова Надежда Николаевна, к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова», Магнитогорск. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Меерович Марк Григорьевич, д. и. н., доктор архитектуры, чл.-корр. Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования ФГБОУ ВО «Иркутский Национальный исследовательский технический университет», Иркутск. E-mail: memark@inbox.ru

Мельников Никита Николаевич, к. и. н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. E-mail: meln2011kit@gmail.com

Мохов Антон Сергеевич, д. и. н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков УрФУ, Екатеринбург. E-mail: rkb2004@yandex.ru

Мурзин Андрей Эдуардович, к. филос. н., доц. Института образовательных стратегий, Екатеринбург. E-mail: mail@instos.ru

Мурзина Ирина Яковлевна, доктор культурологии, проф., директор Института образовательных стратегий, Екатеринбург. E-mail: mail@instos.ru

Никонова Ольга Юрьевна, д. и. н., доцент, зав. кафедрой отечественной и зарубежной истории ФГАУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск. E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Огоновская Изабелла Станиславовна, к. и. н., советник министра образования Свердловской области, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, доцент СУНЦ УрФУ. E-mail: Izabella-igro@mail.ru

Пантюхина Татьяна Леонидовна, к. и. н., доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», Курган. E-mail: prokopiewa.m@yandex.ru

Перова Марина Андреевна, старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», Курган. E-mail: perova_marina91@mail.ru

Поршнева Ольга Сергеевна, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории и социальных технологий УрФУ, Екатеринбург. E-mail: porshneva@yandex.ru

Пуньо Ламбер Лоран (Laurent Pugno Lambert), аспирант и преподаватель в университете Париж 1 (Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne); инженер-исследователь ЛЭА УрФУ; Париж, Франция. E-mail: laurentpugno@lambert@yahoo.fr

Рыжкова Ольга Васильевна, к. и. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук ФГАУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (филиал в г. Н. Тагил), Нижний Тагил. E-mail: olimp_a49@mail.ru

Рынков Вадим Маркович, к. и. н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск. E-mail: vadvsvet@list.ru

Садовский Якуб (Jakub Sadowski), д. и. н., к.филол.н., адъюнкт-профессор, директор Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета, Краков, Польша. E-mail: jakub.sadowski@uj.edu.pl

Сапон Владимир Петрович, д. и. н., профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)», Нижний Новгород. E-mail: vladimail2008@mail.ru

Семерикова Ольга Михайловна, к. и. н., доцент кафедры истории и социальных технологий УрФУ, Екатеринбург. E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

Сибиряков Игорь Вячеславович, д. и. н., профессор кафедры отечественной и зарубежной истории ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Синельникова Елена Федоровна, к. и. н., ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург. E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Соловьева Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: solovyeva-tv@el.ru

Сысов Александр Иванович, аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск. E-mail: Sysov_1975@mail.ru

Тархова Нонна Сергеевна, д. и. н., независимый исследователь, Москва. E-mail: nstarkhova@mail.ru

Тепляков Дмитрий Александрович, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омск. E-mail: Омск. E-mail: zsokrd@gmail.com

Трофимов Андрей Владимирович, д. и. н., профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург. E-mail: 2519612@rambler.ru

Фельдман Михаил Аркадьевич, д. и. н., профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Фокин Александр Александрович, к. и. н., доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; доцент кафедры русского языка как иностранного ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск. E-mail: aafokin@yandex.ru

Хлевов Александр Алексеевич, д. филос. н., к. и. н., профессор кафедры документоведения и архивоведения, профессор кафедры культурологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь. E-mail: hlevov@mail.ru

Черных Владимир Дмитриевич, к. и. н., доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий», Воронеж. E-mail: vbr2010@bk.ru

Шепелева Валентина Борисовна, д. и. н., профессор кафедры современной отечественной истории и историографии ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омск. E-mail: vshepel@rambler.ru

Шильникова Ирина Вениаминовна, к. и. н., доцент факультета экономических наук ФГАОУ ВО «Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: shilnikova.i@gmail.com

Шушкова Маргарита Евгеньевна, к. и. н., старший преподаватель УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: margyritta@yandex.ru

Яценко Оксана Юрьевна, к. филос. н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Москва. E-mail: yatsenko@yandex.ru

SUMMARY

Part 1

SOVIET PROJECT: APPRAISALS, OPINIONS, ATTITUDES

Dmitry Teplyakov

Omsk State University n.a. F.M.Dostoevsky

Omsk, Russia

E-mail: dmitryteplyakoff@yandex.ru

Alexandr Bogdanov's Idea of Proletarian Culture 5

The paper discusses Alexandr Bogdanov's idea of proletarian culture, in particular the way he saw the problem of cultural continuity. Bogdanov distinguishes between proletarian culture and culture of socialist society. The paper also compares Bogdanov's concept of 'fetishism' and Berdyaev's 'fantasm'. The conclusion is made that in his understanding of proletarian culture, Bogdanov, on the one hand, ignores the existence of ethno-national culture (the national 'cultural code', national mentality), especially in relation to peasant communities, which constitute the 'core of the cultural code', and, on the other hand, seeks to emphasize the universal and supra-class nature of proletarian culture.

Key words: Alexandr Bogdanov; Marxism; proletarian culture; socialism; creation; science; education; intelligentsia; historical memory; intellectual history

Alexandr Fokin

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russia

E-mail: aafokin@yandex.ru

Alternative Soviet Project in 'Notebooks of Verkhneuralsk Political Isolator'¹. 15

At the beginning of 2018, documents dating from 1932 and 1933 were found in Verkhneuralsk prison. These documents came to be referred to as the 'Notebooks of Verkhneuralsk Political Isolator' and, among other things, comprised several notebooks entitled 'The Crisis of the Revolution and the Targets of the Proletariat'. This sub-corpus of the texts is the program of 'Bolshevik-Leninists', which reflects their views on the optimal national and international policy of the Soviet state. Criticizing the Stalinist regime, the authors of these texts proposed their own, alternative model of the Soviet project.

Key words: Bolshevik-Leninists; left opposition; Verkhneuralsk Political Isolator; Soviet project

---

¹ The author is grateful to the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in Chelyabinsk region for granting him access to the documents.

Oleg Ermishin

House of Russia's Emigrant Culture and History n.a. Alexandr Solzhenitsyn
Moscow, Russia

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Nikolay Alexeev's Views on the Soviet Project. 22

The article discusses the views on the Soviet regime expressed by Nikolay Alexeev (1879–1964) in his works ‘On Soviet System and its Political Opportunities’ (1926); ‘On the Ways to Russia of the Future (the Soviet System and its Political Opportunities)’ (1927); ‘Soviet Federalism’ (1927); and others. Alexeev was a lawyer, philosopher and alumnus of the Moscow State University. Since 1920, he lived in emigration, and since 1922, he taught at the Russian Law Department in Prague. While many Russian emigrants were prone to demonizing the Soviet regime, Alexeev tried to analyze the performance of the Soviet state, weighing both its shortcomings and achievements. For example, Alekseev positively assessed the federal state system in his article ‘Soviet Federalism’. At the same time, he expressed a negative attitude towards communist ideology, which, as he believed, impeded successful development of the country. Alekseev has written the book ‘The Ways and the Fate of Marxism. From Marx and Engels to Lenin and Stalin’ (1936) about Soviet ideology. In his article ‘About the Future Political System of Russia’ (1938), he pointed out the importance of the personality and the law in the government of Russia in future.

Key words: Soviet state; law; federalism; Marxism; communism; socialism; ideology; policy; revolution

Mark Meerovich

Irkutsk National Research Technical University

Irkutsk, Russia

E-mail: memark@inbox.ru

USSR as a Mega-Project. 28

The article discusses the conceptual and theoretical foundation of the Soviet policy as well as the stages and mechanisms of its implementation in the sphere of housing, urban planning, industry, migration and so on between 1917 and the 1930s.

The article describes the reasons for the radical change in the country's former ‘spatial framework’ and the methodological basis for establishment of the new administrative and territorial division, which embodied the labor-military mobilization model of HR management. This model was developed and realized as a part of the first five-year plan. The reasons behind the creation of such settlement types as the ‘garden city’ or ‘mono-city’ are discussed.

Key words: accommodation industry; settlement; administrative zoning; ‘Sotsgorod’; ‘garden city’; teleology

Valentina Shepeleva

Omsk State University n.a. F.M.Dostoevsky
 Omsk, Russia
 E-mail: vshepel@rambler.ru

**Soviet Project (Revolution, NEP, Stalinism)
 and the Problems of Modern Historiography..... 40**

The article focuses on the so-called ‘Russian studies’, in particular those dealing with the nature and history of the Soviet project. Modern historiographical interpretations of the Revolution, NEP and Stalinism are discussed in the context of post-non-classical theories.

Key words: ‘Russian studies’; Bolsheviks; Vladimir Lenin; October Revolution; Civil War; NEP; historical philosophy; Marxism

Oxana Yatsenko

State University of Management
 Moscow, Russia
 E-mail: yatsenkoox@mail.ru

**Philosophy Behind the New Social Model: Following
 the Objective Logic of Development or Ideological Expansion? 51**

The article compares the ideological premises of building a global society in comparison with the implementation of the ‘Soviet project’ in the 1920s and 1930s. The comparison thus focuses on the model of ‘consumer society’ and the corresponding ideology of economic community as opposed to the socialist ideals of the Soviet state. The analysis reveals a number of characteristics shared by the current situation and the ‘Soviet project’ period.

Key words: global development; new economic policy; economic methods; ideology; ideal; economics

Nailya Baybatyrova

Astrakhan State University
 Astrakhan, Russia
 E-mail: aulova83@mail.ru

**The Soviet State and the Soviet Person in the Works
 of Exiled Russian Writers of the Third Wave..... 62**

The article analyzes the works of exiled Russian writers of the ‘Third Wave’, in particular those devoted to the topic of the Soviet state and the Soviet person. The author examines the diversity of opinions and evaluations in these works and discusses the contribution of these Russian writers to the development of social and political thought.

Key words: Soviet Union; Soviet person; emigration; Third Wave; Russian writers; journalism.

Part 2

SOVIET PROJECT: AUDIO-VISUAL REPRESENTATIONS

Anastasia Kochkina

Municipal secondary school № 71

Nizhny Tagil, Russia

E-mail: nastasya.kochkina@mail.ru

Representation of the 1917 Revolution in Soviet Historical Films. . . . 68

The article focuses on representations of the 1917 Revolution in Soviet films (from the 1920s to the 1980s). The main emphasis is placed on the ideological content of these films, which were used for spreading state propaganda, particularly the myth of the Revolution. Nowadays, Soviet historical films can prove to be a useful tool that can enable the modern spectator to develop critical thinking and gain a better understanding of Russian and Soviet history.

Key words: cinema; visual source; revolution; text; ideology; historical films; image

Ludmila Mazur

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: lmaz@mail.ru

Early Soviet Cinema as a Medium of Militarization of Mass Consciousness ('War Syndrome')². 73

The article discusses the concept of 'war syndrome' and its characteristics in the context of early Soviet society. Cinema played a significant role in the militarization of mass consciousness, in particular the so-called 'defence films', which accounted for a large part of Soviet cinema in the 1920s and reached the peak of their popularity in the pre-war period. In the diversity of genres and themes characteristic of Soviet war cinema, we can identify the main types of propaganda and describe the techniques of agitation employed to create the images of the propagandist discourse (just war, enemy, ally, soldier, and so on); their evolution; and their transformations in the 1920s and 1930s. In combination with other forms of agitation, these images contributed to the creation of the Soviet war myth.

Key words: war syndrome; war films; Soviet cinema; image of war

---

² This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

Irina Murzina, Andrey Murzin

Institute of Education Strategies
Ekaterinburg, Russia
e-mail: mail@instos.ru

Artistic Representations in the ‘Soviet Ural’ Project 86

The article investigates the influence of the Soviet myth on the formation and transformation of the image of the Urals in mass consciousness. The myth of the Soviet Urals was one of the many regional myths created by the official ideology. This myth was determined by the general trends of regional development in the twentieth century, but also by spiritual culture of Ural people and their sense of regional identity.

Ural art of the 1920s and 1930s abounded with representations of the Soviet myth. The authors analyze artistic representations of the Soviet Urals shown at regional art exhibitions of this period. The conclusion is drawn that the image of the Soviet Urals came to play a major role in the development of painting in the following periods.

Key words: Soviet myth; regional myth; Ural art of the 1920s-1930s; art exhibitions; artistic representation

Olga Ryzhkova

Russian State Professional Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
E-mail: olimp_a49@mail.ru

**Visual Representations of ‘Sovietness’ in ‘Murzilka’
in the 1920s and 1930s. 98**

Magazines for children played an important role in the ‘sovietization’ of school children’s consciousness in the USSR. The article analyzes the structure, content and dynamics of visual representations of ‘Sovietness’ in magazine ‘Murzilka’.

Key words: ‘Murzilka’; magazine for children; visual images; ‘Sovietness’; indoctrination; 1920–1930s.

Igor Sibiryakov

South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
E-mail: sibirjkovig@mail.ru

**Popular Soviet Songs of the 1920s as an Instrument
for Constructing the New Soviet Reality 104**

The article examines various aspects of popular Soviet songs of the 1920s. This historical phenomenon appeared due to a number of complex factors, but

the crucial role in this process was played by the Soviet cultural policy. Popular songs were used as means of legitimation of the new social and political reality. The analysis of the most famous Soviet songs of this period leads the author to the conclusion that the crisis that the Soviet popular song experienced in the late 1920s was inevitable.

Key words: popular songs; musical images; Soviet music; 1920s

Nonna Tarkhova

Independent researcher

Moscow, Russia

E-mail: nstarkhova@mail.ru

Magazine ‘Krasnoarmeets’ in the 1920s:

Visual Representations of the Red Army 113

The article discusses visual representations of the Red Army soldier in covers and illustrations of magazine ‘Krasnoarmeets’ in the 1920s, which leads the author to conclusions about the mutual influence of art and the military sphere in Soviet society.

Key words: historical sources; visual representation; Red Army; magazine ‘Krasnoarmeets’; 1920s

Andrey Trofimov

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia

E-mail: 2519612@rambler.ru

Soviet Mythologemes in Magazine ‘Krokodil’ in the 1920s and 1930s ...123

The article discusses Soviet mythological constructs transmitted by magazine ‘Krokodil’ in the 1920s and 1930s. The author addresses the Soviet mythologemes in this magazine by focusing on the following three dimensions: conceptual, imperative, and personal.

Conceptually, the magazine juxtaposed ‘the domain of light’ and ‘the domain of darkness’: the former was associated with socialism, the Communist Party, the five-year plan, and so on, while the latter was represented by such concepts as ‘capital’, ‘class enemies’, ‘White Guard’, and ‘NEPmen’. The texts of the magazine also conveyed the imperative to ‘destroy the old world’, ‘give up religion’, ‘reject art’, ‘transform the world of the capital’, ‘condemn the enemies of the people’, and ‘stop hooligans’. The magazine also presented a number of mythologized figures such as ‘big people’, ‘strangers’, ‘cultured people’, ‘active people’, and ‘ordinary people’.

Key words: Soviet mythologemes; ‘Krokodil’; 1920s-1930s

Part 3

SOVIET MYTHOLOGY: SOURCES AND TRANSFORMATIONS

Jakub Sadowski

Jagiellonian University

Krakow, Poland

E-mail: jakub.sadowski@uj.edu.pl

Condensation of Political Mythology.**Mythologeme in Totalitarian Texts 132**

The article analyzes the process of transformation of non-totalitarian signs and texts into their totalitarian equivalents, as well as the role of the mythologeme as a concept that condenses mythological content in linguistic and textual units. The article relies on the material provided by the classical texts of the Stalinist era, in particular the so-called 'Stalin's Constitution of 1936', the 'History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course' and Grigory Alexandrov's musical comedy 'Tanya' (or 'The Bright Path'). These texts are compared with those of the pre-totalitarian period, for instance, the Constitution of Soviet Russia of 1918, Mikhail Pokrovsky's historical works, and Alexandrov's 'Jolly Fellows' (or 'Moscow Laughs').

Key words: text; sign; transformation; mythologeme; totalitarian language; totalitarian culture

Tatyana Pantyukhina

Kurgan State University

Kurgan, Russia

E-mail: prokopiewa.m@yandex.ru

Political Mythmaking in the Soviet Union 147

The twentieth century saw the increasing influence of myth on public consciousness and, therefore, the growing interest in myth as a widespread cultural phenomenon and a cognitive mechanism. Ideological myths created images of alternative social reality.

Key words: mythmaking; mythological consciousness; political consciousness; political mythmaking

Oleg Gorbachev

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: og_06@mail.ru

Concept of Soviet Space: from Reality to Myth³ 151

³ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

The article aims at exploring how the representations of the Soviet space were formed in the 1920s and how they were replaced in the 1930s by the Stalinist spatial mythology. The notion of social space helps us to connect spatial representations and social processes that occurred in that period.

It is demonstrated that in the course of the 1920s the spatial representations were successively affected first by the idea of the world revolution and later by national policies and economic zoning projects. It is also shown how industrialization policies engendered administrative utopia of mastering the space. The difference between this administrative utopia and Stalinist spatial mythology is highlighted.

The main features of Soviet spatial mythology in the mid-1930s are described. The symbolic role of maps is emphasized, because maps conveyed not merely visual but verbal information and appealed to temporal rather than spatial imagination.

Key words: social space; territory of the USSR; political development of the USSR in the 1920s-1930s; spatial mythology; boundary; mapping

Tatyana Solovieva

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: solovyeva-tv@e1.ru

The Myth of the GOELRO Plan⁴ 164

The article discusses the most significant cases of misrepresentation of information about the creation and implementation of the GOELRO Plan. The myth of the GOELRO Plan was started in the 1920s and 1930s as an ideological instrument. This myth has been alive ever since. At the core of this myth lies the conviction that the Plan was a successful economic project that relied on the unified effort of the government and the people.

Key words: GOELRO Plan; electrification of Russia; social mythology

Olga Nikonova

South Ural State University

Chelyabinsk, Russia

E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

**A Magic Adventure in Taiga or Gender-Related Characteristics
of the Heroic Myth about the Inter-War USSR 176**

Conceptualization of women's history in the context of early Stalin's society is an essential step towards creating a complex interpretation model of this society. In terms of ideology, Bolshevism as a project of modernity was

⁴ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

aimed at creating a society of ‘new people’, in which everybody would be equal, regardless of gender. The policy of women’s emancipation in the Stalinist regime was accompanied by active mythmaking. Women-centered mythology was intertwined with the patriotic discourse and was secondary in relation to the established socialist realistic canon of the masculine pattern, analyzed by H. Gunter. The images of the heroes personifying the sons of the Great Soviet family were ‘adjusted’ for the female audience through the images of women pilots M. Raskova, P. Osipenko and V. Grizodubova. The article investigates the technology of this ‘adjustment’ and the construction of the ideal types of women within the mythological socialist realistic canon by dwelling on the case of the heroic non-stop flight of the ‘Rodina’ crew in 1938 and the media coverage it received.

Key words: Stalinism; gender history; mythmaking; women pilots; ‘Stalin’s Falcons’

Part 4

INSTITUTIONS, LAW, AND POLITICS:

UTOPIAS OF PEOPLE’S POWER AND REALITY OF STATE-BUILDING

Vadim Rynkov

History Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russia

E-mail: vadsvet@list.ru

Soviet Social Policy in Siberia at the End

of the Civil War (1919-1922)⁵ 185

The article investigates the Soviet social policy implemented in Siberia between 1919 and 1922 and shows that this policy to a great extent was a part of the general national policy, although it did have certain peculiarities. On the one hand, it was necessary to ensure the successful integration of Siberian region into the Soviet space, which required extreme measures, such as labour mobilization and property confiscations, to accelerate the transformations. On the other hand, the government had to be careful and flexible not to lose the social support base. Due to the lack of resources, the government was unable to provide for the whole population and instead chose to focus on specific social groups – workers and families of Red Army soldiers. Thus, social discrimination of the opponents of the Soviet regime, who were not entitled to social benefits, was used to weaken them and thus to reduce their protest potential.

Key words: social policy; Civil War; Sibrevkom; support base; discrimination

---

⁵ This research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-09-00580).

Vladimir Sapon

Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kuzma Minin

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: vladimail2008@mail.ru

**Formation of the Regional Soviet Elite in 1918–1921:
‘New Party Layers’ Against ‘Those Who Stayed Too Long
in the Office’ (the Case of Nizhny Novgorod Province) 193**

The article investigates the complex process of development of the new Soviet elite in Nizhny Novgorod province between 1918 and 1921. The author questions the view that the opposing sides of the elite were the ‘innovators’ (or those appointed by the centre) against the ‘conservatives’ (representatives of the local community) and shows that in reality, both of these groups relied on the support of the same social forces. During the Civil War, the optimal strategy for the Bolsheviks was to concentrate power in the hands of one party rather than follow the democratic traditions, which explains the choices made by the representatives of the Party’s Central Committee in Nizhny Novgorod province.

Key words: Nizhny Novgorod province; 1920s; provincial administration; regional Soviet elite

Sergey Vorobiev

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Ekaterinburg, Russia

E-mail: svorob.hist@gmail.com

**Nikolay Ufimtsev and Ekaterinburg Provincial Committee
of the Bolshevik Party: Conflict with the Center and its Consequences . . . 204**

The paper discusses the conflict in 1922 between the new leadership of Uralburo of the Central Committee of the Bolshevik Party and the Party’s Ekaterinburg Provincial Committee. The author analyzes the causes of the conflict and shows that this confrontation forced the Bolshevik leaders in the centre to intervene in this ‘squabble’, taking the side of Uralburo. Following the arrival of the Party Secretary Vyacheslav Molotov in Ekaterinburg, the conflict was resolved, leading to Ufimtsev’s resignation.

Key words: Ekaterinburg Provincial Committee; Uralburo; Central Committee of the Bolshevik party; Nikolay Ufimtsev, Vyacheslav Molotov

Valery Bondar

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: bondar1213@yandex.ru

Local Bolshevik Party Committees and their Role in the Early Soviet Social Project⁶ 216

At the early stage of the Soviet project, local Bolshevik Party organizations made a compromise between ideological considerations and governmental necessities to a greater extent than the superior governmental agencies. On the one hand, these local bodies sought to consolidate as much power as possible; on the other hand, they hardly had the resources to do so.

After the unsuccessful attempt to put Marxist ideas into practice immediately and directly, Party organizations gradually evolved into a part of the state apparatus. This process ran both on the national and local levels. On the local level, particularly in rural areas, Party committees often tended to focus so much on controlling and supervising the activities of Soviet and economic bodies that these functions of control and supervision sometimes totally replaced the functions the committees had originally been intended to perform.

At the first stage, when the organization of local committees was not considered a priority task by the centre, they could remain both fighting organizations of the pre-October period and copy the structure of superior agencies by using the available human and other resources. At the next stage, the structure of local organizations became simpler and the centre strengthened its control over the local committees.

Key words: Bolshevik Party; early Soviet society; social engineering; Party Committee; state apparatus; control

Alexandr Sysov

South Ural State University

Chelyabinsk, Russia

E-mail: Sysov_1975@mail.ru

Modernization in the South Urals in the 1920s and 1930s: Soviet and Communist Party Bodies. 223

Building the new Soviet society required accelerated modernization in the 1920s and 1930s. The success of Soviet modernization depended on the efficiency of the state apparatus, which underwent significant centralization and unification. Unfortunately, the actual outcomes of the reforms turned out to be radically different from the original plan. Why this happened is the question that this article seeks to address by focusing on the case of South Urals.

Key words: modernization; industrialization; collectivization; totalitarian regime; South Urals; Communist Party and state elite

⁶ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 ‘Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results’).

Yury Belonogov

Perm National Research Polytechnic University

Perm, Russia

E-mail: ugb78@mail.ru

Evolution of the Soviet Labour Law in the Pre-War Period 233

The article discusses the evolution of the Soviet labour law in the industrialization period within the framework of Luckmann and Berger's theory of the social construction of reality. The author shows that the state policy aimed at enhancing work discipline contradicted workers' ideas of labour and just remuneration; analyzes the reasons for the shift towards the criminalization of absenteeism; and identifies the factors that resulted in the institutionalized stricter labour policy. The conclusion is drawn that this policy was the government's reaction to the changing behavior of workers. As a result, the legitimacy of this policy was low in the pre-war period.

Key words: work discipline; staff turnover; criminalization of absenteeism

Tatyana Arkhipova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: archipova-iai@yandex.ru

RSFSR in the Second Half of the 1930s: Institutional Aspect 240

The article examines the place of the state apparatus of the RSFSR within the framework of the union state; the organization and activities of all its constituent bodies in the post-constitutional years; their relationship with the allied bodies on the eve of the Great Patriotic War; reorganization of government bodies; and the development of the administrative and command system.

Key words: Russian Soviet Federative Socialist Republic; USSR Constitution of 1936; RSFSR Constitution of 1937; Supreme Soviet of the RSFSR; Council of People's Commissars of the RSFSR; Soviets; administrative and command control system, persecutions.

Alexandr Khlevov

Crimean Federal University n.a. V.I.Vernadsky

Simferopol, Russia

E-mail: hlevov@mail.ru

The 'Future War' as a Soviet Military Strategy Project of the 1920-30s 249

From the very beginning, Soviet Russia (and later the Soviet Union) faced the need to build its military strategy and tactics in anticipation of the almost inevitable military confrontation with the capitalist world. Due to the fact that the

country had to face World War I on the Eastern Front and the Civil War, it had to develop its own original strategic and tactical solutions within the framework of the Soviet military tradition, which explains the significant differences in the interwar development of the Soviet military thought from its Western counterparts. The ideas of V.K.Triandafillov are particularly interesting in this respect as they were considerably ahead of their time. An important contribution in the sphere of aviation strategy was also made by A. N. Lapchinsky, V. M. Lozovoy-Shevchenko and others. The article demonstrates the advanced character of the Soviet military strategy project in comparison with the achievements of Western strategists. This comparative analysis can lead us to some interesting conclusions, especially if we compare the interwar differences in military thought with the post-war situation on both sides of the 'Iron Curtain'.

Key words: Soviet military strategy; interwar period; World War II; military science; armed forces; tactics

Part 5

SOVIET ECONOMY: RATIONALIZATION OF UTOPIA

Alexey Kilin

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Commodity-Money Relations in Early Soviet Society:

Rejection – Acceptance – Modification⁷ 259

The article discusses the theoretical and practical aspects of the transformation of commodity-money relations in early Soviet society. These relations stemmed from the social division of labour, diverse forms of ownership, and international trade. It was the ratio of planned economy to market economy that determined their development in the Soviet state. During the 'War Communism' period, the Bolshevik leaders rejected the significance of commodity-money relations in Soviet society, but in the NEP years, these relations were declared 'socialist' and were used to stimulate production. Autarky and central planning resulted in commodity-market relations keeping their form but changing their content as they started to play an auxiliary role in the system of accounting and distribution and 'materialized' only in the shadow sector and in foreign economic relations.

Key words: history; economy; socialism; capitalism; market; plan; commodity-money relations; early Soviet society

---

⁷ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

Elena Bespyatova

MIREA – Russian Technological University
 Moscow, Russia
 E-mail: elena_besp@list.ru

Institutionalization of Socio-Economic Relations in the NEP Period . . . 271

The article deals with theoretical and practical issues related to the institutionalization of socio-economic relations during the NEP period. It was found that the emerging institutional system was able to ensure the adjustment of the economic policy within the framework of mixed economy. As a result, a special model of socio-economic and political development was created.

Key words: institutionalization; NEP; mixed economy; socialism

Olga Semerikova

Ural Federal University
 Ekaterinburg, Russia
 E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

**Soviet Agricultural Communes as an Element of Future Society:
 Mechanisms of Creation and Operation⁸ 282**

The article focuses on the Soviet project of creating agricultural communes in rural areas between 1917 and the early 1920s. The introduction of the concept of commune to the life of rural communities allowed the government to significantly increase peasants' involvement into communal practices. In reality, however, this process did not always go according to the theory and the plan, which affected the legislative activities of the state and led to spreading of the mythologized concepts of commune among the population. Such mythologization, in its turn, influenced the creation of new and the operation of old (traditional) mechanisms of internal regulation in rural communities.

Key words: agricultural commune; Communist project; early Soviet period

Vladimir Ilyinykh

History Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Novosibirsk, Russia
 E-mail: agro_iwa@mail.ru

**Agricultural Projects of the 1920s:
 A Viable Alternative or 'Gradovschina'? 295**

The article analyzes the two projects of Siberian agricultural development: The Strategic Plan for Agricultural Development in Siberian Region of 1926

⁸ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

and The General Plan of the National Economic Development of 1930. It is shown that both of these plans contained a number of unrealistic and far-fetched assumptions. The article also describes the archetypes of the Soviet long-term planning practices.

Key words: Soviet project; long-term planning; rural economy; agricultural projects; A.V. Chayanov; A. Platonov

Mikhail Feldman

Ural Institute of Management
Ekaterinburg, Russia
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Between Genplan and the First Five-Year Plan: Promotion of the Soviet Industrial Project in Mythological Space..... 304

The article discusses the evolution of approaches applied by economists and the Soviet government to the country's modernization between 1927 and 1932. The article analyzes materials of the five Gosplan congresses and the three plenums of the Central Committee in 1928; 'The General Plan for the Economic Development of the Urals in the Period Between 1927 and 1941 and Prospects of the First Five-Year Period (Materials for the General Plan of the RSFSR and USSR)'.

The debate at the 1928 plenums can be interpreted as a clash between the two key vectors of Soviet history: the modernization industrial project and the utopian vision of 'socialist building'. The 1928 plenums and Gosplan congresses demonstrated that there was a viable alternative to the 'leftist line'. This alternative relied on applying the NEP principles to industrialize the country and to transform peasant economy and the economy of private business. Despite the internal censorship and patron-client relationships, the participants were able to openly express their views, which showed that some of them were able to change their position regarding socio-economic development and that they considered alternatives that did not require the use of force and coercion by the state.

Drawing from the available statistical data, the author makes a conclusion that if the opportunities for the development of cooperation, the taxation system, internal and external credit, cost-cutting and the improved pricing policy had been used effectively, such scenario would have allowed the country to avoid the Stalinist version of socio-economic development.

The results of the first five-year plan were studied and discussed by members of the academia, Gosplan, government and Party officials. These discussions resulted in the introduction of the 'neo-NEP' elements in 1932, which, to a certain extent, were an attempt to mitigate the downsides of 'socialist building'.

Key words: five-year plan; NEP; socialist economy; Plenum of the Central Committee; Gosplan

Irina Shilnikova

Higher School of Economics

Moscow, Russia

E-mail: shilnikova.i@gmail.com

**‘Give us the Money or We’ll Refuse to Work’:
the Use of Financial Incentives at Soviet Industrial
Enterprises During the First Five Year Plans⁹.....317**

The transition to the policy of forced industrialization in the late 1920s led the Soviet leaders to set the task of maximizing labour efficiency. Wage differentiation, which was the basis of the tariff reform of the early 1930s, was supposed to reduce the staff turnover, attract workers to the priority sectors of economy, increase labour productivity, and reduce the defect rate. However, the success of these measures was impeded by such violations as late payments and frequent payroll deductions, which happened unbeknownst to workers. Moreover, workers complained about being cheated out of their wages. These ‘abnormalities’ during the first five-year plans were quite widespread and were a constant source of dissatisfaction among workers, often resulting in an open conflict.

The author analyzes archival sources to identify the causes and consequences of the above-mentioned violations in the sphere of labor remuneration and to evaluate the efficiency of the government’s attempts to address these problems.

Key words: forced industrialization; five-year plans; labor incentives; wages; trade unions; labor conflicts

Nikita Melnikov

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences

Ekaterinburg, Russia

E-mail: meln2011kit@gmail.com

**Illusory Success of Industrialization: The Key Problems of Creation
and Development of Soviet Tank Production in 1929-1945¹⁰ 325**

In the late 1920s and early 1930s, the Soviet government bought British and American tanks and tank engines to modernize the Red Army with new models of armored vehicles. Soviet factories launched mass production of tanks. The limited industrial and human potential, however, prevented the USSR to successfully implement the program of tank production until the end of World War II. Even though the production rates grew steadily, the quality of tanks and engines left much to be desired. Thus, the success of ‘Stalin’s’ industrialization was illusory.

Key words: economy; war; tank building; mass production; tanks; engines

⁹ This research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project № 17-06-00702 ‘Mechanisms for Settling Labour Disputes in Soviet Industry: from NEP to Industrialization’).

¹⁰ This research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project № 16-01-00308 ‘Mechanisms for Settling Labour Disputes in Soviet Industry: from NEP to Industrialization’).

Part 6

CITY AS AN OBJECT AND SPACE OF SOCIAL ENGINEERING

Elena Barysheva

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Soviet Architectural Projects: Utopia vs. Reality 335

New mechanisms of agitation and propaganda affected the organization of urban space in the Soviet state. In the 1920s – 1930s, the idea of modernizing and reconstructing cities in accordance with the current ideological tasks became very popular. Plans for socialist construction involved developing complex spatial layouts that were supposed to reflect ‘proletarian ideology’ and to be a ‘powerful weapon of class struggle’.

One of the characteristic features of architecture of the 1920s – 1930s was gigantomania, both in terms of buildings and architectural space. The article discusses the projects of monumental propaganda (Tatlin Tower, the Palace of Soviets), which were designed as ideological centers of urban space.

Key words: Soviet architecture; architectural projects; symbolism; ideology; Tatlin Tower; Palace of Soviets; Palace of Labor

Demyan Valuev

Smolensk State University
Smolensk, Russia
E-mail: valuev.demyan@mail.ru

History of the ‘House-Commune’ in Smolensk ¹¹. 343

The idea of collectivization of everyday life was popular among the Soviet elite in the 1920s and 1930s, which led to the creation of such an unusual building as the ‘House-Commune’ in Smolensk. Designed by O.A.Vutke, it was constructed in 1930-1932, thus becoming the first high-rise building in the city. On numerous occasions, the construction process was hindered by the lack of qualified workforce, the shortage of building materials and equipment. Soon after the residents moved in, they started having problems with water supply, canalization, and heating. In the late 1930s, the local authorities and members of the local creative community criticized the house as a manifestation of ‘leftist deviations’ in architecture. After the war, the house underwent renovation and people moved in again. Since the late 1970s, when the house was deemed unfit for

---

¹¹ This research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project № 17-11-67002-OIGH ‘Spiritual Life of Provincial Soviet Citizens: Horizons and Direction’).

human occupancy, this unique monument of Constructivism has been abandoned and its condition has been slowly deteriorating.

Key words: Smolensk; House-Commune; Constructivism; socialization of everyday life; worker housing building cooperative

Konstantin Bugrov

Ural Federal University; Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Ekaterinburg, Russia

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Krasnouralsk: Forgotten ‘Socialist City’ of the First Five Year Plan¹² 353

The paper deals with the history of Krasnouralsk – the city which was founded and built in the first five year plan as the construction site of a powerful copper factory. Despite the fact that ‘socialist city’ Krasnouralsk was built in the fashionable Constructivist style, and despite the fact that the copper factory was considered to be an ‘industrial giant’, the architectural heritage of Krasnouralsk has so far remained largely unstudied by specialists of Soviet avant-garde architecture. This paper is thus aimed at bridging this gap and providing a general description of Krasnouralsk’s urban and architectural heritage. We consider the most important Constructivist buildings that determined the image of Krasnouralsk in the 1930s – residential and communal buildings (the city council, bathhouse, house of engineers, technical school, club) and industrial (factory, mines). We also consider the time of their construction and the strategies of visual representation of Krasnouralsk’s architecture.

Key words: Krasnouralsk; Constructivism; avant-garde; urbanism; city planning, industry

Laurent Pugnot Lambert

CRHS, University Paris 1 Panthéon-Sorbonne

Paris, France

E-mail: laurentpugnotlambert@yahoo.fr

Everyday life in the Sotsgorod of Uralmash: An Attempt to Address the Housing Question during the First Five-Year Plan (1928-1933) 365

The ‘socialist city’ was a type of settlement conceived as a planned town that was supposed to provide communal facilities and services to its inhabitants and to radically transform their way of life. This article discusses the nature and results of this project by focusing on the everyday life of Uralmash *sotsgorod*, built from 1928 to 1933 near Sverdlovsk. The launch of the first five-year plan led to the abandon-

¹² This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 ‘Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results’).

ment of the original city's layout design, which resulted in a chaos: a severe housing crisis broke out and the workers' sheds were overcrowded. The article shows how domestic space became a battleground between the 'old' and 'new' ways of life in the period between 1928 and 1933.

Key words: everyday life; housing; socialist city; Uralmash; first five-year plan.

Part 7

THE 'NEW PERSON' AND 'RELICS OF THE PAST': ASSERTION OF THE SOVIET IDENTITY

Olga Porshneva

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

E-mail: porshneva@yandex.ru

Consciousness and Behaviour of People in Early Soviet Society:

Factors, Stages, and Trends¹³ 372

The article describes the main stages and trends in the transformation of the consciousness and behavior of people in the early Soviet era. The preconditions, factors, and results of this process, which had its own nature and logic, are shown. The achievements and limits of the social engineering project aimed at creating the 'New Man' are described.

Key words: Early Soviet society; social engineering; 'New Man'; consciousness, behaviour

Leonid Borodkin

Moscow State University n.a. M.V.Lomonosov

Moscow, Russia

E-mail: lborodkin@mail.ru

Mechanisms of 'Reforging' and Incentivizing in the Early GULAG 383

The article focuses on '*perekovka*' or 'reforging' of prisoners during the early years of the Soviet penal system, which involved state-organized forced labour of millions of people during the first five-year plans. The author discusses the evolution of the GULAG system and discusses the questions whether this system could have functioned without the introduction of incentives (moral and material) to stimulate prisoners' performance and how effective these incentives were.

Key words: 'reforging'; 'labour education'; forced labour; GULAG; incentives; White Sea-Baltic Canal

¹³ This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 16-18-10106 'Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

Marina Perova

Kurgan State University

Kurgan, Russia

E-mail: perova_marina91@mail.ru

‘A Pioneer is an Example for All Kids’: The Pioneer Organization as a Mechanism for Creating the ‘New Soviet Person’ 392

The article discusses the development of the pioneer organization in the 1920s-1930s and the attitude of pioneers, adults and the Soviet authorities towards it. The author shows that the reality did not always correspond to the ideal, in particular because the government regulations often conflicted with children’s wishes and feelings and children are usually more difficult to control than adults. Nevertheless, the pioneer organization played a significant role in the creation of the ‘New Soviet Person’ and formation of the Soviet system. The text examines the influence of membership in this organization on children’s value systems, the degree of pioneers’ involvement in social and political life and their dependence on pioneer counselors and teachers.

Key words: pioneer; Soviet school; Soviet childhood

Andrey Baranov

Kuban State University

Krasnodar, Russia

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Public Opinion about Socialist Building among the Southern Russian Peasantry in the 1920s. 401

The article shows the correlation of endogenous and exogenous factors in shaping the public opinion about socialist building among the southern Russian peasantry in the 1920s. Such factors include developed agriculture, greater affluence of the population; the ethno-social split between the Cossacks and the ‘*inogorodnie*’ (non-native) peasants; conflicts over land and taxes; and the Civil War. The Cossacks perceived the Soviet regime as hostile and imposed upon them while the ‘*inogorodnie*’, on the contrary, welcomed the Soviet project as a salvation from the dominance of the Cossacks. The ideological campaigns of the 1920s had little influence on the public opinion in the south of Russia and aggravated tension rather than relieved it.

Key words: public opinion; peasantry; building of socialism; southern Russia; 1920s

Nadezhda Makarova

Magnitogorsk State Technical University n.a. G.I.Nosov

Magnitogorsk, Russia

E-mail: makarovanadia@mail.ru

The ‘New Man’ in Magnitogorsk:**Everyday Life and Formation of the Soviet Identity 408**

The article analyzes the concept of the ‘New Man’, widely used in Soviet discourse, and realization of this idea in Magnitogorsk, a ‘new’ Soviet city. The ‘New Man’ in Magnitogorsk, however, was no more than a myth invented by Soviet propaganda. While in theory labour was expected to play the central role in the life of the Soviet ‘New Man’, in reality workplace discipline on Magnitogorsk construction sites was weak and workers often lacked professionalism.

Key words: history; USSR; industrialization; Magnitogorsk, ‘New Man’

Maxim Kail

Smolensk State University

Smolensk, Russia

E-mail: mvkail@mail.ru

Biographies of Orthodox Believers in the Context**of the Soviet Project¹⁴ 419**

The article analyzes biographies of Orthodox believers, more specifically, those of the high-ranking clergy, in the context of Soviet social history and the Soviet social engineering project. The biographical approach to modern history of Orthodoxy in Russia allows us to gain a more in-depth understanding of the Soviet past, in particular the relationship between the state and the Church.

Key words: Orthodoxy; biography; confessional practices; (self)representations; personal history

Galina Bykovskaya, Vladimir Chernykh

Voronezh State University of Engineering Technologies

Voronezh, Russia

E-mail: istoria_vrn@mail.ru

State-Church Relationship in 1917-1937:**Soviet Project or Attempt to Survive? 427**

This article discusses the relationship between the Russian Orthodox Church and the Soviet state in the twentieth century. The anti-religion campaign was seen by the Bolshevik government as a priority and involved property nationalization; persecutions of the Patriarch, hierarchs, and the laity, and an attempt to deliberately

¹⁴ The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-09-00618A).

provoke internal division within the Church by supporting various revisionist groups. Between 1917 and 1937, a new system of relations between the atheist authorities and the Church evolved. In this regard, it is particularly interesting to look at the role that Metropolitan Sergius (Stragorodsky) played in shaping the Church policy in these new social and political conditions.

Key words: state-church relationship; twentieth century; Soviet church policy; Russian Orthodox Church

Part 8
SCIENCE AND EDUCATION:
THE BATTLE FOR THE NEW INTELLIGENTSIA

Lidia Baranova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: balida48@mail.ru

‘We will Build our New World’: Promotion of the Socialist Way of Life among Ural Students in the 1920s 433

The author argues that it was the second programme of the Bolshevik Party that determined the key characteristics of the Soviet identity and its formation. The second programme was adopted in the Civil War period but these ideas were later elaborated by the Party leaders during the NEP period and took their final shape in the 1930s. To implement their plans, the Bolsheviks needed specially trained people, that is, the Soviet intellectuals, which is why in the early 1920s the Party established full control over learning and instruction in Soviet universities.

Key words: socialist building; socialist way of life; communist upbringing; proletarianization; students; atheism; new morality; ideology; Vladimir Lenin; Nadezhda Krupskaya; Anatoly Lunacharsky; Nikolay Bukharin; Joseph Stalin

Evgenia Dolgova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
E-mail: Dolgova-evg@rambler.ru

The Institute of Red Professors (1921–1938) as an Investment Project 442

The article focuses on educational institutions created after the 1917 Revolution to train ‘new’ teaching and research staff in the field of socio-economic studies. The author investigates the history of the Institute of Red Professors, which was one of the state projects in the sphere of science and elite education. The aim of the article is to evaluate the performance of the Institute as a research and education

centre by analyzing the data on the government funds allocated to this organization, state loans, salaries of the academic staff, student scholarships, and so on. Thus, the author draws conclusions about the efficiency of state regulation and state projects in the 1920s and 1930s.

Key words: Institute of Red Professors; state funding; education; research; state regulation.

Elena Sinelnikova

Saint Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
St.Petersburg, Russia
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Constructing Soviet Science: Scientific

Societies in the 1920s..... 454

Scientific societies were crucial for pre-revolutionary Russian science along with the Academy of Sciences, universities, and laboratories. The Bolshevik leaders, who came to power after the Revolution, were adherents of scientism, that is, they believed in the dominant role of science and technology in socialist building. The new Soviet science was supposed to rely on collectivism and Marxist methodology. Research institutes were to become the basic units in the organization of science.

The article focuses on the way scientific societies were treated by the Soviet regime and how these societies interacted with the authorities and other institutions. In the 1920s, the new government set about ‘constructing’ Soviet science: this process involved reorganization of all the elements of pre-revolutionary science, including scientific societies. In general, the Bolsheviks’ attitude to scientific societies in 1917-1932 can be described as contradictory: on the one hand, the authorities sought to retain the academic staff and the country’s scientific potential; on the other, they wanted to establish full control over scientific societies and transform them into mass organizations. As a result, by the late 1920s, scientific societies had all but lost their independence and ceased to play an important role in the academic community.

Key words: scientific societies; science; Soviet regime; public organizations; 1920s, Soviet Russia; social history of Russia

Isabella Ogonovskaya

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: izabella-irro@mail.ru

Russian History in Soviet Schools as an Instrument

for Upbringing of the ‘New Soviet Man’..... 463

The article deals with the problem of school history education in the USSR in the 1920s and 1930s and analyzes the school curricula and text books of that period.

In the 1920s, Russian history in Soviet schools was taught as a part of social studies but since 1934, it became a separate discipline. The conclusion is made that the course of Russian history was seen as an essential element of Soviet education and as an important instrument for conveying Soviet ideals and norms to younger generations.

Key words: Soviet history; Russian history; USSR; history books; school; history education; education

Anton Mokhov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: rkb2004@mail.ru

**Changing Trends in Soviet Historiography of the 1930s,
or the Article that was Never Published 478**

The ideological transformation of the 1930s led to the re-evaluation of the significance of certain events in Russian and world history, in particular the period of Kievan Rus and its Christianization. In the State Archive of Sverdlovsk Region, there is an unpublished manuscript of historian Mikhail Syuzyumov entitled 'The Byzantine State and Byzantine Culture in the Tenth and Eleventh Centuries'. Syuzyumov sent it to *'Istorichesky Zhurnal'* ('Historical Journal') but the journal rejected the paper on the grounds that it exceeded significantly the word limit. Therefore, the author was recommended to prepare another publication entitled 'Byzantium and Kievan Rus Between the Ninth and Eleventh Centuries'. Mikhail Syuzyumov was also advised to emphasize the progressive role of the Christianization of Rus and in his interpretation of this period follow the general approach outlined in the 'Brief History of the USSR' (edited by Andrey Shestakov). The available archival documents do not provide us with the information as to whether Mikhail Syuzyumov agreed with these recommendations or not. His original paper remained unpublished. A small fragment of 'The Byzantine State', dealing with one of the aspects of Russian-Byzantine relations in the ninth and tenth centuries, was published in journal *'Vestnik Drevney Istorii'* ('Journal of Ancient History') in 1940.

Key words: Soviet history; 1930s; historiography; source studies; Mikhail Syuzyumov; history of Byzantium.

Karina Kapsalykova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

**Soviet Guidelines for Cultural Heritage Protection
and Archeological Excavations of the 1920s and 1930s:
New Archeology, Old Rules 487**

In the 1920s and 1930s, Soviet cultural heritage laws changed significantly. The Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's

Commissars of 7 January 1924 delegated the responsibility to ensure the protection of architectural monuments to local executive committees. Following that, guidelines for registering and protecting cultural monuments and programs for collection of archaeological data started to be published all across the country.

This article analyzes the archeological guidelines and programs published in this period in different regions of the USSR. The author believes that the key provisions of these documents were adopted from V.A.Gorogtsov's 'Guidelines for Archeological Excavations' (1914) and the guidelines for archeological exploration written by A.A.Spitsyn (1908). The Soviet documents were intended for the general public: museum workers, teachers, geological field parties, tourists, and hunters. Interestingly enough, these guidelines did not mention the role of local history societies and organizations in collection of archeological data and protection of cultural heritage.

Key words: history of archeology; cultural heritage; historiography; source studies; archeological guidelines

Part 9

'BROTHERHOOD OF NATIONS': NATIONAL ASPECTS OF SOVIET BUILDING

Ivan Anfertiev

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: ivananf52@gmail.com

Integration of Ethnic Territorial Units into the RSFSR and USSR in the 1920s and 1930s 496

In the 1920s and 1930s, national and territorial transformations of the country were among the main concerns of the Soviet government, which was trying to deal with the consequences of the post-revolutionary period, when a number of Russian *guberniyas*, enclaves and borderland areas sought independence. Eventually, Finland, Poland, and three Baltic *guberniyas* declared their sovereignty.

This article discusses the views of the Bolshevik leaders on settling inter-ethnic conflicts and disputes over national boundaries. The author also describes the methods the Bolshevik government used to overcome separatist sentiments in the country and the steps they took to reclaim the territories that had belonged to pre-revolutionary Russia. By analyzing documents of the Party's Central Committee, it was found that the Bolshevik leaders did not have a clear action plan and that the debates about what was to be done continued in the 1920s. Vladimir Lenin and his associates were trying to develop a policy that would, on the one hand, allow them to embrace federalism and anti-colonialism ('nations' right to self-determination'), at least in appearance, and, on the other, to gain and maintain control over non-Russian regions. In settling inter-ethnic conflicts, the Soviet government relied on

military force. In order to weaken the national elites' ambitions for more autonomy, the government applied the principle of social stratification by fostering the divide along the line of class (the poor vs. the rich) within local communities.

Key words: Bolshevik Party; protest movement; Vladimir Lenin; Joseph Stalin; archival documents; Political Bureau; Central Committee

Anna Gagieva

Komi Republican Academy of State Service and Administration

Syktyvkar, Russia

E-mail: gngkol2@mail.ru

Public Organizations in the Komi Republic

in the 1920s and 1930s. 507

The article discusses public organizations (clubs and societies) that started appearing in the Komi Republic (Komi ASSR) in the 1920s and 1930s and analyzes their activities, functions and the reasons for their shutdown.

Key words: local history society; Komi region; Writers' Union of the Komi ASSR, military sport clubs

Margarita Shushkova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: margyritta@yandex.ru

National Delimitation in Central Asia

in the Interpretations of Modern Tajik Historians 515

The article deals with the process of creating Soviet statehood on the territory of Turkestan. The author concludes that the delimitation and demarcation of boundaries between Central Asian states, which took place in 1924 and 1925, has a significant influence on the political map of this region. According to Central Asian historians, the most disadvantaged nation were the Tajiks, whose interests were not represented at the meetings of the Central Asian Bureau that oversaw the issue. The results of this 'Soviet experiment' seriously affected the formation of the post-Soviet space after the collapse of the USSR.

Key words: Turkestan; delimitation; Central Asia; Central Asian Bureau of the Central Committee of the Bolshevik Party; national policy; Turkestan; Tajikistan

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1 СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ

<i>Тепляков Д. А.</i> Идея пролетарской культуры Александра Богданова	5
<i>Фокин А. А.</i> Альтернативный советский проект в документах «Большевиков-Ленинцев»	15
<i>Ермишин О. Т.</i> «Советский проект» в исследованиях и оценках Н. Н. Алексеева	22
<i>Меерович М. Г.</i> СССР как мегапроект.	28
<i>Шепелева В. Б.</i> Советский проект (революция, нэп, сталинизм) и коллизии проблемной историографии	40
<i>Яценко О. Ю.</i> Философия реализации новой социальной модели: следование объективной логике развития, либо идеологическая экспансия?	51
<i>Байбатырова Н. М.</i> Советское государство и советский человек в публицистике авторов «третьей волны» русской эмиграции.	62

Раздел 2 СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

<i>Кочкина А. А.</i> Советский историко-революционный фильм как средство формирования массовых представлений о 1917 году	68
<i>Мазур Л. Н.</i> Раннесоветский кинематограф как инструмент формирования синдрома войны	73
<i>Мурзина И. Я., Мурзин А. Э.</i> Художественные репрезентации проекта «Советский Урал»	86
<i>Рыжкова О. В.</i> Визуальные образы «советскости» в детском журнале «Мурзилка» 1920–1930-х годов	98
<i>Сибиряков И. В.</i> Советские массовые песни 20-х гг. Как инструмент конструирования новой советской реальности	104

<i>Тархова Н. С.</i>	
Красноармеец 1920-х гг. – штрихи к портрету (к вопросу об особенностях изобразительно-графических исторических источников) . . .	113
<i>Трофимов А. В.</i>	
Советские мифологемы на страницах журнала «Крокодил» (1920–1930-е годы)	123

Раздел 3

**СОВЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ИСТОКИ
И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

<i>Садовский Я.</i>	
Конденсация политической мифологии. Мифологема в текстах тоталитарного языка	132
<i>Пантюхина Т. Л.</i>	
Мифотворчество как состояние политического сознания	147
<i>Горбачев О. В.</i>	
Концепция советского пространства: от материальности к мифу	151
<i>Соловьева Т. В.</i>	
План ГОЭЛРО как миф	164
<i>Никонова О. Ю.</i>	
Волшебное приключение в тайге, или гендерные особенности героического мифа о межвоенном СССР	176

Раздел 4

**ИНСТИТУТЫ, ПРАВО, ПОЛИТИКА: УТОПИИ НАРОДОВЛАСТИЯ
И РЕАЛИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

<i>Рышков В. М.</i>	
Советская социальная политика в условиях завершения Гражданской войны: сибревкомовский вариант (конец 1919–1922 гг.) . . .	185
<i>Сапон В. П.</i>	
Формирование региональной советской элиты в 1918–1921 гг.: «новые слои партии» против «засидевшихся, оторвавшихся от масс работников» (по материалам Нижегородской губернии)	193
<i>Воробьев С. В.</i>	
Н. И. Уфимцев и Екатеринбургский губком РКП (б): конфликт с центром и его последствия	204
<i>Бондарь В. А.</i>	
Создание большевистских партийных организаций на местах в контексте раннесоветского социального проекта	216
<i>Сысов А. И.</i>	
Советские и партийные органы в ходе модернизационных процессов на Южном Урале во второй половине 1920-х – середине 1930-х годов . . .	223

<i>Белоногов Ю. Г.</i> Эволюция правового механизма социального конструирования реальности в сфере укрепления трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики довоенных пятилеток.	233
<i>Архипова Т. Г.</i> РСФСР во второй половине 1930-х гг.: институциональный аспект.	240
<i>Хлевов А. А.</i> «Будущая война» как проект советской военной стратегии 1920–1930-х годов.	249

Раздел 5

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ

<i>Килин А. П.</i> Товарно-денежные отношения при социализме: отрицание – признание – модификация	259
<i>Беснятова Е. Б.</i> Институционализация социально-экономических отношений в годы нэпа.	271
<i>Семерикова О. М.</i> Советские сельскохозяйственные трудовые коммуны как элемент общества будущего: механизмы создания и функционирования	282
<i>Ильиных В. А.</i> Аграрные проекты 1920-х гг.: альтернатива или «градовщина»?	295
<i>Фельдман М. А.</i> Между генеральным планом и планом первой пятилетки: продвижение советского индустриального проекта в мифологическом пространстве (1927–1932 гг.)	304
<i>Шильникова И. В.</i> «Давайте денег, а то работать не будем»: к вопросу о стимулирующей роли зарплаты на советских промышленных предприятиях в годы первых пятилеток.	317
<i>Мельников Н. Н.</i> Миф успеха индустриализации: основные проблемы становления и развития советского танкостроения в 1929–1945 годах.	325

Раздел 6

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ И ПРОСТРАНСТВО
СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

<i>Барышева Е. В.</i> Советские архитектурные проекты: утопия и реальность.	335
--	-----

<i>Валуев Д. В.</i>	
«Строители всем на удивление возвели...“Башню коммуны”».	
Дом-коммуна в Смоленске: история строительства и судьба	343
<i>Бугров К. Д.</i>	
Красноуральск – забытый соцгород первой пятилетки	353
<i>Laurent Pugnot Lambert</i>	
Everyday Life in the Sotsgorod of Uralmash: A Soviet Project facing the Housing Question during the First Five-Year Plan (1928–1933)	365

Раздел 7
«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» И «ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО»:
УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>Поршнева О. С.</i>	
Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации	372
<i>Бородкин Л. И.</i>	
Механизмы «перековки»: о мерах стимулирования труда в раннем ГУЛАГе	383
<i>Перова М. А.</i>	
«Всем ребятам пример»: пионерорганизация как механизм создания советского человека.	392
<i>Баранов А. В.</i>	
Общественное мнение южнороссийского крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма: саморазвитие и механизмы конструирования	401
<i>Макарова Н. Н.</i>	
«Новый» человек на Магнитострое: повседневность и формирование советской идентичности	408
<i>Каиль М. В.</i>	
Биография православных в контексте проекта по формированию советского человека/общества	419
<i>Быковская Г. А., Черных В. Д.</i>	
Взаимоотношения православной церкви и советского государства в период 1917–1937 гг.: советский проект или попытка выживания? . . .	427

Раздел 8
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: БОРЬБА ЗА НОВУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

<i>Баранова Л. Я.</i>	
«Мы наш, мы новый мир построим...» (формирование социалистического образа жизни у уральского студенчества в 1920-е гг.).	433

<i>Долгова Е. А.</i> Институт красной профессуры (1921–1938) как инвестиционный проект	442
<i>Синельникова Е. Ф.</i> Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы	454
<i>Огоновская И. С.</i> Школьный курс отечественной истории как инструмент формирования советского человека образца 1930-х годов	463
<i>Мохов А. С.</i> «Такая статья имеет актуальный характер, мы ее поместим в ближайшем номере»: к вопросу о смене тенденций в советской историографии 1930-х годов	478
<i>Капсалькова К. Р.</i> Советские инструкции по охране культурного наследия и проведению раскопок 1920–1930-х гг.: новая археология по старым правилам	487

Раздел 9

«СЕМЬЯ БРАТСКИХ НАРОДОВ»:

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

<i>Анфертьев И. А.</i> Правящая РКП (б) – ВКП (б): интеграция территориальных и национальных государственных образований в состав РСФСР и СССР в 1920–1930-е годы	496
<i>Гагиева А. К.</i> Формирование общественных организаций в Коми АССР (1920–1930-е гг.)	507
<i>Шушкова М. Е.</i> Национально-территориальное размежевание Средней Азии: взгляд историков Таджикистана на проблему	515
Сведения об авторах	522
Summary	527

Научное издание

Советский проект. 1917–1930-е гг.:
этапы и механизмы реализации

Сборник научных трудов

Редактор и корректор *О. В. Горбачев*
Компьютерная верстка *А. Ю. Матвеев*

Подписано в печать 06.12.2018. Формат 60 × 84/16.
Усл. печ. л. 35,67. Тираж 150 экз. Заказ № 343.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru